Чарлз Дарвин

Путешествие на Бигле

ДНЕВНИК ИЗЫСКАНИЙ

ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ГЕОЛОГИИ СТРАН,

ПОСЕЩЕННЫХ ВО ВРЕМЯ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ КОРАБЛЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА «БИГЛЬ»

ПОД КОМАНДОЙ КАПИТАНА КОРОЛЕВСКОГО ФЛОТА ФИЦ-РОЯ

ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА

МАГИСТРА НАУК, ЧЛЕНА КОРОЛЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я уже указывал в предисловии к первому изданию настоящего сочинения и в «Зоологических результатах путешествия на „Бигле"», что в ответ на выраженное капитаном Фиц-Роем пожелание иметь на корабле научного сотрудника, для чего он готов поступиться отчасти своими личными удобствами, я предложил свои услуги, на что было получено — благодаря любезности гидрографа капитана Бофорта — согласие со стороны лордов Адмиралтейства. Так как я чувствую себя всецело обязанным капитану Фиц-Рою за счастливую возможность изучить естественную историю различных стран, которые мы посетили, то, я надеюсь, мне позволено будет выразить здесь лишний раз мою благодарность ему и добавить, что в течение пяти лет, проведенных нами вместе, я встречал с его стороны самую сердечную дружбу и постоянную помощь. У меня навсегда останется чувство глубокой благодарности к капитану Фиц-Рою и ко всем офицерам „Бигля" за то неизменное радушие, с которым они относились ко мне в течение нашего долгого путешествия.

Настоящий том содержит в форме дневника историю нашего путешествия и очерк тех наблюдений по естественной истории и геологии, которые, я полагаю, представят известный интерес для широкого круга читателей. В настоящем издании я значительно сократил и исправил одни разделы, а к другим кое-что добавил, чтобы сделать эту книгу более доступной широкому читателю; но, я надеюсь, натуралисты будут помнить, что за подробностями им надлежит обратиться к более обширным сочинениям, в которых изложены научные результаты экспедиции. В «Зоологических результатах путешествия на „Бигле"» профессор Оуэн описал ископаемых млекопитающих, м-р Уотерхаус — современных млекопитающих, м-р Гульд — птиц, преподобный Л. Дженинс — рыб и м-р Белл — рептилий. Я добавил к описанию каждого вида заметки о его образе жизни и области распространения. Эти сочинения, появлению которых я обязан большому таланту и бескорыстному усердию упомянутых выше выдающихся ученых, не могли бы быть предприняты, если бы не щедрость лордов казначейства, которые, по предложению канцлера казначейства, любезно предоставили тысячу фунтов стерлингов на покрытие части расходов по изданию.

Со своей стороны я опубликовал отдельные тома: «Строение и распределение коралловых рифов», «Вулканические острова, посещенные во время путешествия „Бигля"» и «Геология Южной Америки». Шестой том «Geological Transactions» содержит две мои статьи — об эрратических валунах и о вулканических явлениях в Южной Америке. М-ры Уотерхаус, Уолкер, Ньюмен и Уайт опубликовали несколько превосходных статей о тех насекомых, которые были собраны, и я надеюсь, что за ними последуют многие другие. Растения южных областей Америки описаны д-ром Дж. Гукером в его большом труде о ботанике южного полушария. Флора Галапагосского архипелага составляет предмет особого мемуара, опубликованного им в «Linnean Transactions». Преподобный профессор Генсло опубликовал список растений, собранных мной на островах Килинг, а преподобный Дж.-М. Беркли описал мою коллекцию тайнобрачных растений.

Я буду счастлив в свое время выразить признательность некоторым натуралистам за ту большую помощь, которую они оказали мне в течение моей работы над этим и

другими сочинениями; но здесь я должен позволить себе лишь заявить о моей самой искренней благодарности преподобному профессору Генсло, который главным образом и привил мне — в годы моего студенчества в Кембридже — вкус к естественной истории, который — во время моего отсутствия — взял на себя заботу о коллекциях, посылавшихся мной на родину, и своими письмами руководил моими начинаниями и который — со времени возвращения — неизменно оказывал мне всяческую помощь, какую только может предложить самый добрый Друг.

Даун, Бромли, Кент Июнь,

1845 г.

Глава I САНТЬЯГУ В АРХИПЕЛАГЕ ЗЕЛЕНОГО МЫСА (БАИЯ В БРАЗИЛИИ)

Порто- Прая Рибейра-Гранде

Атмосферная пыль с инфузориями

Повадки морской улитки и спрута

Скалы св. Павла — невулканического происхождения

Своеобразные инкрустации

Насекомые — первые поселенцы на островах

Фернанду-ди-Норонья

Баия

Полированные скалы

Повадки рыбы Diodon

Пелагические Confervae и инфузории

Причины окрашивания моря

Корабль флота ее величества, десятипушечный бриг «Бигль» под командой капитана королевского флота Фиц-Роя отплыл из Девон-порта 27 декабря 1831 г. после того, как сильные юго-западные ветры дважды принуждали его вернуться. Экспедиция имела целью довершить гидрографическую съемку Патагонии и Огненной Земли, начатую экспедицией капитана Кинга в 1826–1830 гг., произвести съемку берегов Чили, Перу и некоторых островов Тихого океана и, наконец, провести ряд хронометрических измерений вокруг земного шара. 6 января мы достигли Тенерифа, но высадиться нам не позволили из опасения, что мы можем завести холеру; на следующее утро мы видели, как солнце, показавшись из-за причудливых очертаний острова Гран-Канария, вдруг озарило Тенерифский пик, между тем как низкие части острова все еще скрывались за кудрявыми облаками, То был первый из тех многих восхитительных дней, которых мне никогда не забыть. **16 января 1832 г.** мы бросили якорь у Порто-Праи на Сантьяго [Сантьягу], главном острове архипелага Зеленого Мыса.

С моря окрестности Порто-Праи выглядят безжизненными. Вулканический огонь прошедших веков и палящий зной тропического солнца сделали почву во многих местах непригодной для растительности. Местность постепенно поднимается плоскими уступами, по которым разбросаны там и сям конические холмы с притупленными вершинами, а на горизонте тянется, неправильная цепь более высоких гор. Картина, открывающаяся взору сквозь туманный воздух этой страны, очень любопытна; впрочем, едва ли человек, только что побывавший в роще из кокосовых пальм, куда попал прямо с моря, и притом впервые в жизни, может судить о чем-либо, — настолько он полон переживаемым счастьем. Остров этот обыкновенно считают весьма неинтересным, но человеку, привыкшему к одним только английским пейзажам, новый для него вид страны совершенно бесплодной кажется исполненным величия, которое было бы нарушено, будь зелени больше. На обширных пространствах лавовых полей едва ли отыщешь хоть один зеленый листок, а между тем там умудряются поддерживать свое существование стада коз и даже несколько коров. Дожди здесь выпадают очень редко, но в году есть один короткий промежуток времени, в течение которого идут сильные ливни, и сразу же после того из каждой трещины пробивается слабая зелень. Она скоро засыхает, и этим-то естественным сеном и питаются животные. На этот раз дождя не было весь год. В эпоху открытия острова в ближайших окрестностях Порто-Праи было много деревьев, но их безрассудное уничтожение сделало эту местность, как и остров св. Елены и некоторые из Канарских островов, почти совершенно бесплодной.

Широкие и плоские долины, многие из которых всего несколько дней в году служат руслом для воды, одеты зарослями безлиственных кустарников. Немногие живые существа обитают в этих долинах. Самая распространенная здесь птица — зимородок (Dacelo lagoensis), который смирно сидит на ветках клещевины и оттуда стремительно набрасывается на кузнечиков и ящериц. Он ярко окрашен, но не так красив, как европейский вид, от которого он значительно отличается также полетом, образом жизни и местообитанием, предпочитая обыкновенно самые сухие долины.

Однажды я поехал с двумя офицерами в Рибейра-Гранде [Ри-бейра-Гранди], селение, лежащее несколькими милями восточнее Порто-Праи. До самой долины св. Мартина местность имела все тот же унылый, мрачный вид; здесь, однако, благодаря маленькому ручейку разросся оазис роскошной растительности. Не прошло и часа, как мы приехали в Рибейра-Гранде, где нас поразил вид развалин большой крепости и собора. Этот городок, пока не была засыпана его гавань, был главным городом острова; теперь вид у него довольно грустный, но все-таки весьма живописный. Заполучив в проводники чернокожего патера, а в переводчики одного испанца, принимавшего участие в Пиренейской войне за независимость, мы посетили группу зданий, среди которых главное место занимала старинная церковь. Здесь покоятся губернаторы и капитан-генералы архипелага. На некоторых из надгробных памятников сохранились даты шестнадцатого столетия. Одни только геральдические украшения и напоминали нам в этом уединенном уголке о Европе. Церковь, или часовня, составляла одну из сторон четырехугольника, посредине которого росла большая группа бананов. На другой стороне находился госпиталь, в котором содержалось человек двенадцать больных, весьма жалких на вид.

Мы вернулись в венду [гостиницу] пообедать. Множество мужчин, женщин и ребятишек, черных как смоль, собрались поглазеть на нас. Спутники наши были веселы на редкость: что бы мы ни сказали, что бы ни сделали, — всё они встречали чистосердечным хохотом. Перед отъездом из города мы посетили собор. Он выглядит не так богато, как маленькая церковь, зато может похвастать небольшим органом, издающим поразительно негармоничные звуки. Мы наградили чернокожего священника несколькими шиллингами, и испанец, похлопав его по голове, с большой искренностью заявил, что, по его мнению, цвет кожи не создает столь уже большого различия между ними. Затем мы, погнав во всю прыть наших пони, направились обратно в Порто-Праю.

В другой раз мы поехали в селение Сан-Доминго, расположенное почти в самом центре острова. На небольшой равнине, по которой мы проезжали, росло несколько чахлых акаций; постоянный пассатный ветер своеобразно пригнул их верхушки — некоторые из них были согнуты даже под прямым углом к стволу. Ветви были направлены в точности на норд-ост-тен-норд и на зюйд-вест-тен-зюйд, так что эти естественные флюгеры указывали, должно быть, господствующее направление пассата. Езда по каменистой почве оставляет так мало следов, что мы сбились с пути и направились в Фуэнтес. Этого мы не заметили, пока не добрались туда, но после были рады ошибке.

Фуэнтес — прелестное селение с небольшой речкой, и все там, казалось, процветало, за исключением, впрочем, того, что должно было бы процветать всего более, — его обитателей. Чернокожие ребятишки, совсем голые и очень жалкие на вид, таскали вязанки дров в половину их собственного роста.

Близ Фуэнтеса мы видели большую стаю цесарок, птиц в пятьдесят — шестьдесят. Они были крайне пугливы, и нам не удалось к ним приблизиться. Убегая от нас, они задирали голову кверху, точно куропатки в дождливый сентябрьский день; если же мы принимались их преследовать, они тут же взлетали.

Пейзаж Сан-Доминго красив, чего совсем не ожидаешь, если судить по преобладающему унылому виду всей остальной части острова. Селение расположено на дне долины, окруженной высокими зубчатыми стенами наслоившейся лавы. Черные скалы являют самый разительный контраст с ярко-

зеленой растительностью, которая окаймляет берега маленькой речки с прозрачной водой. Мы попали сюда в какой-то большой праздник, и селение было полно народу.

Возвращаясь, мы догнали группу молодых чернокожих девушек, числом около двадцати, одетых с замечательным вкусом: их черная кожа и белоснежное белье красиво оттенялись цветными тюрбанами и большими шалями. Как только мы подошли поближе, они вдруг все разом обернулись и, разостлав на дороге шали, с воодушевлением запели какую-то дикую песню, отбивая такт руками по бедрам. Мы бросили им несколько винтемов, что было встречено взрывами хохота, и, когда мы их оставили, песня их зазвучала еще сильнее прежнего.

Одно утро было особенно ясным: далекие горы чрезвычайно резко рисовались на фоне тяжелой гряды темно-синих туч. Судя по виду и зная подобные случаи в Англии, я предположил, что воздух насыщен водяными парами. В действительности, однако, оказалось как раз обратное. Гигрометр показал разницу в 17°,4 между температурой воздуха и точкой росы. Разница была почти вдвое больше той, которую я наблюдал по утрам в предыдущие дни. Эта необыкновенная сухость воздуха сопровождалась беспрерывными вспышками молнии. Не удивительно ли наблюдать столь замечательную прозрачность воздуха при таком состоянии погоды?

Воздух здесь обычно туманный, что вызывается падением тончайшей пыли, которая, как оказалось, немного попортила наши астрономические инструменты. Утром накануне нашего прибытия в Порто-Праю я собрал пакетик этой тонкой буроватой пыли, которая, по-видимому, была принесена ветром и осела на тонкой ткани флюгера, укрепленного на верхушке мачты. Мистер Ляйелль также дал мне четыре пакета с пылью, осевшей на одном судне за несколько сот миль к северу от этих островов. Профессор Эрен-берг полагает, что эта пыль состоит главным образом из инфузорий с кремневыми панцирями и из кремневой растительной ткани. В пяти пакетиках, которые я ему послал, он открыл не менее 67 различных органических форм! Инфузории, за исключением двух морских видов, оказались все обитателями пресных вод. Я нашел не менее 15 различных сообщений о пыли, осевшей на кораблях в Атлантическом океане вдали от берегов. По направлению ветра во время ее падения, а также по тому, что она падает всегда как раз в те месяцы, когда гарматан, как известно, поднимает облака пыли в верхние слои атмосферы, можно с уверенностью сказать, что вся эта пыль приносится из Африки. Очень странно, однако, что, хотя профессору Эренбергу известны многие виды африканских инфузорий, ни одного из них он не находит в пыли, которую я послал ему; с другой стороны, он находит в ней два вида, которые, насколько ему до сих пор было известно, живут исключительно в Южной Америке. Пыль эта падает в таком количестве, что загрязняет все на борту корабля и причиняет вред глазам; бывало даже, что суда садились на мель из-за непроницаемого мрака. Нередко случалось, что пыль садилась на корабли, находившиеся за несколько сот и даже более чем за 1000 миль от африканского побережья, а также в таких местах, широты которых отстоят друг от друга на 1600 миль. В пыли, собранной на одном судне за 300 миль от берега, я с немалым удивлением обнаружил каменные частицы размером более одной тысячной квадратного дюйма, перемешанные с еще более мелким веществом. После этого нечего удивляться тому, что по воздуху распространяются гораздо более легкие и мелкие споры тайнобрачных растений.

Геология этого острова — самый интересный раздел его естественной истории. У входа в гавань в стенке прибрежных обрывов виднеется совершенно горизонтальная белая полоса, протянувшаяся на несколько миль вдоль берега, на высоте около 45 футов над водой. Исследование показывает, что этот белый пласт состоит из известняка, заключающего в себя множество раковин моллюсков, из коих все или почти все и поныне живут на соседнем берегу. Пласт покоится на древних вулканических породах; сверху его покрывает базальт, который излился в море, должно быть, в то время, когда слой белого ракушечника лежал на дне. Интересно проследить те изменения, которые произвела раскаленная лава, покрывшая эту рыхлую массу, кое-где превратившуюся в кристаллический

известняк, а кое-где — в плотную пятнистую породу. Когда известняк был захвачен шлаковыми обломками нижней поверхности лавового потока, он превратился в пучки красивых, лучеобразно расположенных волокон, напоминающих арагонит9. Пласты лавы слегка наклонными площадками поднимаются один за другим к внутренней части острова, откуда первоначально потекли потоки расплавленной каменной массы. В исторические времена на Сантьягу, мне кажется, нигде не замечалось никаких признаков вулканической деятельности. Среди многочисленных красных шлаковых холмов лишь изредка удается обнаружить такие, вершины которых сохранили хотя бы форму кратера; у берега, однако, можно еще различить следы более поздних потоков, образовавших цепи обрывов, не таких высоких, как более древний ряд, но заходящих дальше к морю; таким образом, по высоте обрывов можно приблизительно судить о древности потоков.

Во время нашей стоянки я наблюдал повадки некоторых морских животных. Большая Aplysia попадается здесь очень часто. Это морская улитка имеет около пяти дюймов в длину; окраска ее грязно-желтоватая, с пурпурными прожилками. По краям ее нижней поверхности, или ноги, с обеих сторон имеются две широкие кожные складки, которые по-видимому, играют по временам роль вентилятора, прогоняющего воду через спинные жабры, или легкие. Питается она нежными морскими водорослями, растущими среди камней в мутном мелководье. В желудке ее я нашел несколько мелких камешков, как в мышечном желудке у птиц. Если улитку потревожить, она выделяет очень яркую пурпурно-красную жидкость, которая окрашивает воду на целый фут в окружности. Есть у нее и другой способ защиты: едкие выделения, покрывающие все ее тело, вызывают ощущение острого ожога, подобное тому, какое производит Physalia, или «португальская галера».

Несколько раз я с большим интересом наблюдал повадки осьминога, или спрута. Хотя эти животные часто попадаются в лужах, остающихся после отлива, но завладеть ими вовсе не легко. При помощи своих длинных рук и присосков они могут втягивать свое тело в чрезвычайно узкие щели, а если они уж укрепились там, то приходится приложить большую силу, чтобы вытащить их. В иных случаях они с исключительной быстротой бросались с одной стороны лужи на другую задом вперед, окрашивая в то же мгновение воду темно-коричневыми чернилами. Этих животных бывает трудно обнаружить вследствие еще одной весьма необычайной их способности — изменять свой цвет подобно хамелеону. По-видимому, они изменяют тона в соответствии с характером дна, над которым находятся: в глубокой воде их общий оттенок был коричневато-пурпурный, а на суше или в мелкой воде этот темный оттенок сменялся желтовато-зеленым. При более внимательном рассмотрении цвет этот оказывался почти серым, испещренным множеством ярко-желтых крапинок; серый цвет изменял свою яркость, а крапинки то исчезали, то вновь появлялись. Изменения эти происходили таким образом, будто по телу беспрерывно проходили облака, оттенок которых изменялся от гиацинтового до каштаново-коричневого. Под действием слабого гальванического разряда соответствующий участок тела становился почти совершенно черным; такой же эффект, но только в меньшей степени, вызывало царапанье кожи иголкой. Эти наплывающие облака, похожие, как можно было бы выразиться, на игру красок на лице, происходят, как говорят, от попеременного расширения и сокращения крохотных пузырьков, содержащих различно окрашенные жидкости.

Спрут проявлял свою хамелеоноподобную способность как плавая, так и неподвижно лежа на дне. Меня очень занимали разнообразные уловки, к которым прибегал один спрут, стараясь остаться незамеченным; он, казалось, вполне понимал, что я подстерегаю его. Некоторое время он лежал без движения, потом, крадучись, точно кошка за мышью, продвигался на дюйм или на два; время от времени он изменял свой цвет; действуя таким образом, он добрался до более глубокого места и тут внезапно рванулся вперед, оставляя за собой густую завесу чернил, чтобы скрыть нору, в которую он уполз.

Когда, наблюдая морских животных, мне случалось свесить голову фута на два над скалистым берегом, меня не раз обдавала снизу струя воды, которой сопутствовал слабый скрипучий звук. Сначала я не мог понять, что бы это могло быть, но потом

выяснил, что струю выбрасывал спрут, и, хотя он и скрывался в норке, по этой струе я часто узнавал о его присутствии. Способность его выбрасывать из себя воду не подлежит сомнению, и мне кажется, что он способен довольно верно прицеливаться, направляя соответствующим образом трубку, или сифон, находящийся на нижней стороне его тела. Ползать по суше эти животные могут лишь с трудом, потому что им тяжело нести голову. Я заметил, что одно из них, которое я держал в каюте, слегка фосфоресцировало в темноте.

Скалы св. Павла. — Утром 16 февраля, пересекая Атлантический океан, мы легли в дрейф у острова св. Павла. Это скопление скал лежит под 0°58 северной широты и 29° 15 западной долготы. До берегов Америки от него 540 миль, а до островов Фернандо-Норонья [Фернанду-ди-Норонья] — 350 миль. Самая высокая точка поднимается всего на 50 футов над уровнем моря, вся окружность острова не достигает и трех четвертей мили. Это клочок суши круто поднимается из глубин океана. Минералогическое его строение довольно сложно; в одних местах породы имеет кремнистый характер, в других — полевошпатовый с включениями тонких прожилок змеевика. Замечательно, что все многочисленные мелкие острова, лежащие вдали от материков в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах, за исключением Сейшельских этого маленького скалистого островка, образованы, как я полагаю, либо кораллами, либо изверженными породами. Вулканическая природа этих океанических островов является, очевидно, выражение того же закона и следствием тех же причин, химических или механических, в силу которых подавляющее большинство действующих ныне вулканов либо расположены поблизости от морских берегов, либо представляют собой острова, лежащие в открытом море.

Скалы св. Павла издали кажутся блестяще-белыми. Это обусловлено отчасти пометом огромного множества морских птиц, отчасти же плотно соединенным с поверхностью скал покровом в виде налета блестящего вещества с жемчужным отливом. Если этот налет рассмотреть в лупу, то оказывается, что он состоит из множества тончайших слоев, причем общая толщина его около дюйма, нем содержится много животных веществ, и своим происхождением он, несомненно, обязан действию дождя или водяной пыли на помет. Под небольшими накоплениями гуано на острове Вознесения и на островках Аброльос я нашел какие-то сталактитоподобные ветвящиеся тела, образовавшиеся, по-видимому, таким же, как и тонкий белый покров здешних скал. Эти ветвистые тела до такой степени походят на некоторые Nulliporae (семейство дых известковых морских водорослей), что недавно, бегло просматривая свою коллекцию, я не сразу заметил разницу между ними. Шаровидные оконечности ветвей имеют, как и зубная эмаль, жемчугоподобную структуру, но настолько тверды, что царапают стекло. Замечу, кстати, что на берегу острова Вознесения, в одном месте, накопилось огромное количество ракушечного песка, на омываемых приливом, морская вода отложила инкрустацию, имеющую сходство с некоторыми тайнобрачными растениями (а именно Marchantiae), которые часто встречаются на сырых стенах. Поверхность чешуек отличается очень красивым блеском; те части, которые образовались при полном освещении, черны как смоль, те же, которые находились в тени, под выступами скал, — только серые. Я показывал образцы этой инкрустации некоторым геологам, и все они считают, что она вулканического, или огненного, происхождения! По своей твердости и прозрачности, по гладкости, такой же как у самых красивых экземпляров раковин морских олив, по неприятному запаху и обесцвечиванию под действием паяльной трубки инкрустация эта обнаруживает большое сходство с раковинами современных морских моллюсков. Кроме того, известно, что у моллюсков те части раковины, которые обычно прикрыты и заслонены от света мантией животного, бледнее тех, которые полностью подвержены действию света, — точно так же как и у этой инкрустации. Если мы вспомним, что кальций — как фосфорнокислый, так и углекислый — входит в состав твердых частей — костей и раковин — всех животных, то в физиологическом отношении весьма любопытно обнаружить субстанции, которые, — будучи тверже зубной эмали и имея окрашенную поверхность, столь же гладкую, как поверхность раковины живых моллюсков, — представляют собой мертвое органическое вещество, преобразованное неорганическими силами и к тому же имитирующее по

своей форме некоторые низшие растительные образования.

Мы нашли на острове св. Павла только два вида птиц — глупыша и нодди. Первый из них — вид буревестников, второй — вид крачек. Оба они смирного нрава, бестолковы и до такой степени непривычны к путешественникам, что я мог бы перебить их сколько угодно своим геологическим молотком. Глупыш кладет яйца прямо на обнаженные скалы, крачка же вьет очень простое гнездо из водорослей. Рядом со многими такими гнездами лежала маленькая летучая рыбка, которую, как я предполагаю, приносил самец для своей подруги. Занятно было наблюдать, как быстро крупный и проворный краб (Graspus), обитающий в расщелинах скалы, утаскивал лежащую у гнезда рыбку, как только мы вспугивали взрослых птиц. Сэр В. Симондс, один из немногих людей, побывавших здесь, рассказывал мне, что сам видел, как крабы вытаскивали даже птенцов из гнезд и пожирали их. На этом островке нет ни единого растения, даже лишайника, и все же здесь водятся некоторые насекомые и пауки. Следующий перечень исчерпывает, я думаю, сухопутную фауну: муха (Olfersia), летающая около глупыша, и клещ-паразит, занесенный сюда, вероятно, птицами; маленькая коричневая моль, которая принадлежит к роду, питающемуся перьями; жук (Quedius) и мокрица, обитающие под пометом; наконец, многочисленные пауки, которые, я полагаю, охотятся на этих мелких мусорщиков и спутников морских птиц. Столь часто повторяемое описание того, как коралловыми островками Тихого океана сразу же вслед за их образованием завладевают сначала стройные пальмы и другие благородные тропические растения, затем птицы и, наконец, человек, по всей вероятности не вполне правильно; боюсь, что поэзия этого описания сильно пострадает, если я скажу, что первыми поселенцами на вновь возникшей из океана земле обыкновенно бывают насекомые, питающиеся перьями и нечистотами, паразитические насекомые и пауки.

В тропических морях самая маленькая скала, создавая основу для размножения бесчисленного множества видов водорослей и колониальных животных, поддерживает тем самым и существование огромного количества рыбы. Наши моряки, выезжая в лодках, вели постоянную борьбу с акулами за овладение большей доли добычи, попавшейся на удочки. Я слышал, что одна скала близ Бермудских островов, расположенная далеко в открытом море, и притом на значительной глубине, была открыта впервые благодаря тому обстоятельству, что по соседству с ней заметили много рыбы.

Фернанду-ди-Норонья, 20 февраля. — Сколько я мог заметить в течение немногих часов, проведенных здесь, остров этот имеет вулканическое строение, но возник он, вероятно, не в новейшее время. Самая замечательная его особенность — конический пик около 1000 футов высотой; верхняя часть этого конуса необыкновенно крута и с одной стороны нависает над подножием. Порода представляет собой фонолит и состоит из отдельных неправильных столбов. Вид этих обособленных громад наводит сначала на мысль о том, что они были внезапно выброшены вверх в полужидком состоянии. Однако на острове св. Елены я убедился, что некоторые столбы, приблизительно такой же формы и такого же строения, образовались в результате инъекции расплавленных пород в более мягкие пласты, послужившие, таким образом, формами для этих гигантских обелисков. Весь остров покрыт лесом, но из-за сухого климата растительность выглядит отнюдь не роскошно. На середине склона горы громадные каменные столбы, скрытые под сенью каких-то похожих на лавр деревьев и оживляемые другими деревьями со множеством красивых пунцовых цветов, но без единого листка, сообщали ближайшей окрестности привлекательный вид.

Баия, или Сан-Сальвадор, Бразилия, 29 февраля. — День прошел восхитительно. Но и это слово само по себе слишком слабо, чтобы выразить чувства Натуралиста, впервые бродящего в одиночестве в бразильском лесу. Изящество трав, невиданные паразитные растения, красота цветов, сверкающая зелень листвы, а главное — общая пышность растительности переполняли меня восторгом. Самая парадоксальная смесь звуков и безмолвия наполняет тенистые части леса. Насекомые гудят так громко, что гул этот слышен даже на корабле,

стоящем на якоре за несколько сот ярдов от берега, и все-таки в лесной чаще как будто царствует полная тишина. Любителю естественной истории подобный день приносит такое глубокое наслаждение, какое он едва ли может рассчитывать когда-либо испытать вновь. Побродив несколько часов, я направился обратно к месту высадки, но, прежде чем успел дойти, был застигнут тропической грозой. Я попытался найти убежище под деревом, листва которого была такой густой, что обыкновенный английский дождь ни в коем случае не проник бы сквозь нее; но здесь уже через несколько минут по стволу струился небольшой поток. Этой силе дождя нам и приходится приписывать зелень, покрывающую почву даже в самых густых лесах; если бы здешние ливни были подобны дождям стран с более прохладным климатом, большая часть их успевала бы всосаться в почву или испариться, не достигнув ее. Не стану пока пытаться изобразить красочную картину этого чудесного залива, потому что по пути на родину мы снова заходили в него, и мне еще представится случай описать его.

Вдоль всего бразильского побережья, по крайней мере на протяжении 2000 миль и, конечно, на значительное пространство в глубь страны, всюду, где только встречается коренная порода, она принадлежит к гранитной формации. То обстоятельство, что такая громадная площадь состоит из вещества, которое, как полагает большинство геологов, кристаллизовалось, подвергаясь действию высокой температуры под давлением, наводит на многие любопытные размышления. Произошло ли это в бездонных глубинах океана или пласты гранита были первоначально покрыты другими породами, которые впоследствии были снесены? Можно ли допустить, чтобы какая бы то ни было сила, если только она не действовала бесконечно долго, была в состоянии обнажить гранит на площади во много тысяч квадратных лье?

Неподалеку от города, в том месте, где ручей впадает в море, я наблюдал явление, связанное с предметом, который был подвергнут обсуждению Гумбольдтом. Сиенитовые породы порогов великих рек Ориноко, Нила и Конго покрыты черным веществом и как будто до блеска натерты графитом. Слой этот чрезвычайно тонок и, как показал анализ Берцелиуса, состоит из окислов марганца и железа. На Ориноко это замечается на скалах, омываемых периодически при разливах рек, и только в тех местах, где течение быстрое, или, как говорят индейцы, «скалы черны там, где воды белы». Здесь покров ярко-коричневый, а не черный, и состоит, по-видимому, исключительно из веществ, содержащих железо. Образцы не дают верного представления об этих коричневых полированных камнях, сверкающих на солнце. Они попадаются только в тех местах, до которых доходят воды разлива, а так как этот ручей течет медленно, то полировка должна производиться прибоем, заменяющим здесь действие водопадов на больших реках. Точно так же морской прилив и отлив, вероятно, соответствуют здесь периодическим наводнениям; таким образом, одни и те же результаты получаются в условиях с виду различных, но в действительности сходных между собой. Впрочем, происхождение этих — состоящих из окислов металлов — покровов, которые кажутся как будто сцементированными со скалами, непонятно, и я не вижу, каким образом можно было бы объяснить, почему толщина их остается неизменной.

Однажды я с интересом наблюдал повадки Diodon antennatus, которого поймали, когда он плавал около берега. Эта рыба с дряблой кожей широко известна своей исключительной способностью раздуваться, причем она приобретает почти сферическую форму. Если вынуть ее из воды на короткое время, а потом снова погрузить в воду, то вслед за тем она поглощает большое количество воды и воздуха ртом, а, может быть, также и жаберными отверстиями. Это достигается двумя способами: проглоченный воздух вгоняется в полость тела, откуда он не может выйти вследствие сокращения мышц, заметного снаружи; вода же входит слабой струей через рот, который широко открыт и остается неподвижным; следовательно, этот последний акт основан на всасывании. Кожа на животе гораздо свободнее, чем на спине; поэтому во время надувания нижняя поверхность растягивается гораздо сильнее верхней, вследствие чего рыба плавает спиною вниз.

Кювье сомневается в том, чтобы Diodon мог плавать в таком положении; однако рыба может таким образом не только передвигаться по прямой линии, но и круто поворачивать в любую сторону. Это последнее движение выполняется исключительно при помощи грудных плавников; хвост при этом расслаблен, и рыба им не пользуется. Вследствие того что тело, наполненное большим количеством воздуха, всплывает, жаберные отверстия оказываются над водой, но струя воды, втягиваемая ртом, все время протекает через них.

Пробыв недолго в таком раздутом состоянии, рыба обыкновенно сильным движением выталкивает из себя воздух и воду через жаберные отверстия и рот. Она может по произволу выпускать определенное количество воды, и потому представляется вероятным, что жидкость она набирает, между прочим, и для регулирования своего удельного веса. Этот Diodon защищается несколькими способами. Он может сильно кусаться и способен выбрасывать изо рта на некоторое расстояние струю воды, производя при этом странный звук движением челюстей. С раздуванием тела сосочки, которыми покрыта его кожа, напрягаются и становятся колючими. Но всего любопытнее, что, если взять его руками, из кожи живота выделяется волокнистое вещество прекрасного карминово-красного цвета, которое окрашивает слоновую кость и бумагу так прочно, что окраска сохранилась во всей своей свежести и по сегодняшний день; я не имею ни малейшего представления ни о характере, ни о назначении этого выделения. От доктора Аллена из Форреса я узнал, что он часто находил в желудках акул плававшего там живого раздувшегося Diodon и что ему известно несколько случаев, когда рыба выходила наружу, проедая не только стенки желудка, но и бока чудовища, отчего последнее погибало. Кто мог бы вообразить, что мягкая маленькая рыбка может уничтожить громадную хищную акулу.

18 марта. — Мы отплыли из Баии. Через несколько дней, когда мы находились неподалеку от островков Аброльос, внимание мое было привлечено красновато-бурым оттенком моря. Вся поверхность воды, как показало исследование ее под лупой, была покрыта как бы кусочками мелко искрошенного сена с зазубренными кончиками. То были крохотные цилиндрические Confervae, собранные в пучки или кучки от 20 до 60 штук в каждой. Мистер Беркли сообщает мне, что это тот самый вид (Trichodesmium erythraeum), которым покрыт огромные пространства в Красном море, откуда и произошло название этого моря. Их, должно быть, бесчисленное множество: на корабль проходил через несколько полос этих водорослей, одна из которых занимала в ширину около десяти ярдов, а в длину, судя грязноватому цвету воды, тянулась по крайней мере на две с поло виной мили. Почти в каждом описании морских плаваний собираются некоторые сведения об этих Confervae. По-видимому, особенно часто они встречаются в морях близ Австралии; около мыса Луин нашел вид, родственный этому, но меньших размеров и явно иной. Капитан Кук в описании своего третьего путешествия замечает, моряки дают этому явлению название морских опилок.

Близ атолла Килинг в Индийском океане я наблюдал множество небольших, размером в несколько квадратных дюймов каждое, колоний Confervae, состоящих из длинных цилиндрических нитей настолько тонких, что невооруженным глазом их едва можно бы рассмотреть, и перемешанных с другими несколько более крупными телами, конически заостренными по концам. На рисунке показан две такие фигурки, соединенные вместе. Длина их колеблется от 0,Cj до 0,06 и даже 0,08 дюйма, а поперечник — от 0,006 до 0,008 дюймов. У одного из концов цилиндрической части обычно видна зелен перегородка, состоящая из зернистого вещества и утолщенная посредине. Она, как мне кажется, служит основанием очень нежна бесцветного мешочка из мягкого вещества; мешочек выстилает изнутри наружную оболочку, но не заходит в конические концы. У некоторых экземпляров место этих перегородок занимали маленькие, правильные по форме шарики из буроватого зернистого вещее наблюдал любопытный процесс их образования. Мягкое веще внутренней оболочки внезапно начинает собираться в нити; некоторые из них принимают вид лучей, исходящих из одного оби центра; затем, продолжая неравномерно и быстро сокращаться, і вещество за какую-нибудь секунду собирается в правильный шар который становится на место перегородки у

одного из концов совершенно опустевшей оболочки. Образование зернистого шарика ускорялось всяким случайным повреждением. Могу добавить, что тельца часто соединены попарно, конус к конусу, как то показано рисунке и именно тем концом, где расположена перегородка.

Я приведу здесь еще несколько наблюдений над явлением окрашивания моря организмами. У берегов Чили, в нескольких лье от Консепсьона, «Бигль» однажды прошел через большие пространства мутной воды, в точности такой, какой бывает вода рек в половодье; в другой раз, на один градус к югу от Вальпараисо, на расстоянии 50 миль от берега, то же явление повторилось в еще больших размерах. В стакане эта вода имела бледно-красный оттенок, а под микроскопом видно было, что она кишела множеством мельчайших животных, которые носились взад и вперед, часто лопаясь. Их тело имело овальную форму и посредине было перетянуто кольцом изогнутых мерцательных ресничек. Однако тщательно рассмотреть их было очень трудно, так как почти мгновенно, еще не успев уйти из поля зрения, они переставали двигаться и лопались. Иногда тело их разрывалось сразу с обоих концов, иногда — только с одного, в изобилии выбрасывая буроватое крупнозернистое вещество. За мгновение до того, как происходил разрыв, животное раздувалось в полтора раза против своей нормальной величины, и разрыв обыкновенно наступал секунд через пятнадцать после прекращения быстрых поступательных движений; в некоторых случаях ему предшествовало кратковременное вращательное движение вокруг продольной оси тела. Минуты через две после того как некоторое количество этих животных было изолировано в отдельной капле воды, все они погибли таким вот образам. Животные передвигаются узким концом вперед при помощи своих мерцательных ресничек, обыкновенно резкими толчками. Они очень малы и совершенно невидимы невооруженным глазом, так как каждое занимает площадь, равную всего лишь одной тысячной квадратного дюйма. Число их было бесконечно, потому что я находил их во множестве в самой маленькой капле воды, какую только мог выделить. Как-то раз мы в один день прошли через два таких окрашенных водных пространства, одно из которых простиралось, должно быть, на несколько квадратных миль. Какое бесчисленное множество этих микроскопических животных! Издали вода своим цветом была похожа на реку, протекающую по руслу из красной глины; но в тени, отбрасываемой кораблем, она была темная, как шоколад. Граница между красной и синей водой обозначалась очень резко. В течение нескольких дней перед тем стояла тихая погода, и океан в совершенно необычайной степени изобиловал живыми существами.

В море, омывающем Огненную Землю, я видел неподалеку от берега узкие полосы воды ярко-красного цвета, вызванного множеством ракообразных, которые несколько напоминали по своей форме больших креветок. Охотники на тюленей зовут их «китовой едой». Не знаю, питаются ли ими киты, но для крачек, бакланов и огромных стад больших, неуклюжих тюленей эти плавающие рачки26 в некоторых местах побережья служат главным средством существования. Моряки неизменно приписывают окрашивание воды икре, но я наблюдал это лишь в одном случае. На расстоянии нескольких лье от Галапагосского архипелага наш корабль прошел три узкие полосы темно-желтоватой, как бы грязной, воды; полосы имели несколько миль в длину, но всего несколько ярдов в ширину и отделялись от окружающей воды извилистой, но отчетливой чертой. Окраска вызывалась маленькими студенистыми шариками, около одной пятой дюйма в диаметре, в которых заключались многочисленные крошечные шаровидные яички; они были двух сортов — одни отличались от других красноватым цветом и формой. Я никак не могу представить себе, каким двум родам животных принадлежали эти яйца. Капитан Колнетт отмечает, что явление это довольно обычное около Галапагосских островов и что направление полос показывает направление течений; однако в описанном случае направление полосы было вызвано ветром. Остается отметить еще одно явление — переливающуюся радужными цветами тонкую маслянистую пленку на поверхности воды. Я видел однажды, как море у берегов Бразилии было покрыто такой пленкой на большом пространстве; моряки приписывают ее разложению плавающего где-либо поблизости трупа кита. Я не стану упоминать здесь о часто попадающихся в воде крохотных студенистых

частицах, — тем более, что о них еще будет речь впереди, — количество их не столь велико, чтобы хоть сколько-нибудь повлиять на цвет воды.

В приведенных выше данных, как мне кажется, особого внимания заслуживают два обстоятельства: во-первых, каким способом различные тельца, образующие эти полосы с резко очерченными границами, могут держаться вместе? Упомянутые выше креветкообразные рачки двигались так же стройно, как полк солдат: но ведь не могут же яички или Confervae совершать движения, хоть сколько-нибудь похожие на произвольные; точно так же это невероятно и относительно инфузорий. Во-вторых, чем вызывается длинная и узкая форма полос? Это явление до такой степени походит на то, что мы видим в каждом потоке, где течение растягивает в длинные полосы пену, собирающуюся в водоворотах, что я вынужден приписать происхождение его подобному же действию воздушных или; морских течений.

Исходя из этого предположения, мы должны согласиться с тем, что эти различные организмы развиваются в некоторых благоприятных для этого местах и затем уносятся оттуда ветром либо водой. Сознаюсь, однако, что очень трудно вообразить себе, чтобы эти миллионы миллионов крошечных животных и Confervae могли возникнуть в каком-нибудь одном месте, ибо откуда попадали бы в такие места зародыши? Ведь порождающие их организмы рассеяны ветром и волнами по безграничным просторам океана. Никакой другой гипотезой, однако, я не в состоянии объяснить себе, почему они группируются в полосы. Могу привести еще замечание Скорсби, что в одной части Северного Полярного моря неизменно находят зеленую воду, которая кишит пелагическими животными.

Глава II РИО-де-ЖАНЕЙРО

Рио-де-Жанейро

Поездка к северу от мыса Фрио

Сильное испарение

Рабство

Залив Ботофого

Наземные планарии

Облака на Корковадо

Сильный дождь

Певчие лягушки

Светящиеся насекомые

Щелкун и его прыганье

Синий туман

Шум, производимый бабочкой

Энтомология

Муравьи

Оса, убивающая жука

Паразитический паук

Уловки крестовика

Пауки, живущие обществами

Паук, ткущий несимметричную паутину

С 4 апреля по 5 июля 1832 г. — Через несколько дней после нашего прибытия я познакомился с одним англичанином, который отправлялся в свое поместье, расположенное более чем в 100 милях от столицы, к северу от мыса Фрио. Я охотно принял его любезное приглашение ехать вместе с ним.

8 апреля. — Нас было семь человек. Первый переход оказался очень интересным. День был необыкновенно знойный, и, когда мы проезжали через лес, все вокруг было в полном покое, который нарушали лишь огромные великолепные бабочки, лениво порхавшие вокруг. С холмов за Прая-Гранди открылся прекрасный вид: среди ярких красок преобладал синий оттенок, небо и неподвижные воды залива великолепием своим соперничали друг с другом. Некоторое время дорога шла возделанными полями, после чего мы въехали в лес, грандиозность которого на всем его протяжении совершенно ни с чем не сравнима. К полудню мы прибыли в Итакаю. Эта деревушка лежит на равнине; дом, стоящий посредине селения, окружают хижины негров. Правильная форма и расположение этих хижин напомнили мне изображения готтентотских селений в Южной Африке. Так как луна взошла рано, мы решили отправиться в тот же вечер на ночлег в Лагоа-Марика. В сумерки мы проезжали у подножия одного из тех массивных, обнаженных и крутых, гранитных холмов, которые так часто встречаются в этой стране. Место это известно тем, что в течение долгого времени служило убежищем для беглых рабов, которые кое-как перебивались, обрабатывая клочок земли около вершины горы. В конце концов, их открыли, и сюда был послан отряд солдат,

которые переловили всех, за исключением одной старой женщины; чтобы снова не попасть в рабство, она предпочла броситься с вершины горы и разбилась о камни. Такой поступок римской матроны был бы назван благородной любовью к свободе, а бедную негритянку обвинили в грубом упрямстве. Мы продолжали ехать верхом еще несколько часов. На последних нескольких милях дорога стала довольно трудной: она проходила через болота и лагуны в необитаемой пустынной местности. В тусклом лунном свете пейзаж казался совершенно безжизненным. Изредка мимо пролетал светлячок, да одинокий кулик, взлетая, испускал свой жалобный крик. Далекий и сердитый ропот океана почти не нарушал безмолвия ночи.

9 апреля. — Мы оставили наш убогий ночлег еще до восхода солнца. Дорога шла по узкой песчаной равнине между морем и внутренними солеными лагунами. Лишь многочисленные красивые птицы, питающиеся рыбой, такие, как цапли и журавли, да суккулентные растения самых фантастических форм придавали местности некоторый интерес. Немногочисленные чахлые деревья были покрыты паразитными растениями, и среди них некоторые орхидеи своей красотой и прелестным ароматом вызывали особенное восхищение. С восходом солнца стало страшно жарко, а свет и теплота, отражавшиеся от белого песка, усиливали мучительные ощущения. Обедали мы в Мандетибе при температуре 29° в тени. Чудесный вид отдаленных лесистых холмов, отражавшихся в совершенно неподвижной воде обширной лагуны, придал нам бодрости. Так как здешняя венда была очень хороша и у меня осталось от нее приятное — хотя и редкое по здешним местам — воспоминание отличном обеде, то, в знак благодарности, опишу ее как типичную представительницу здешних гостиниц. Дома эти, часто большие, построены из толстых столбов, поставленных вертикально; столбы переплетают друг с другом ветвями, а затем покрывают штукатуркой. Пол настилается редко, а окна всегда без стекол; зато крыши большей части сделаны довольно хорошо. Передняя часть строения всегда открытая, образует своего рода веранду, где расставлены столы и скамьи. Спальные комнаты проходные, и путешественнику предоставляется спать здесь как ему заблагорассудится на деревянных нарах, покрытых тонкой соломенной рогожкой. Венда стоит посреди двора, где кормятся лошади. Приезжая в гостиницу, обычно сначала расседлывали лошадей и давали им кукурузы, потом, уже, низко поклонившись сеньору, спрашивали его, не будет ли он любезен, дать нам что-нибудь поесть. Обыкновенно он отвечал «Все что угодно, сэр». В первое время я не раз понапрасну благодарил провидение за то, что оно привело нас к такому доброму человеку. Но при дальнейшем разговоре дело неизменно принимало плачевный оборот. «Не будете ли вы любезны подать нам рыбы?» «О, нет, сэр» — «Супу?» — «Нет, сэр» — «Хлеба?» — «О нет, сэр» — «Вяленого мяса?» — «О, нет, сэр» Если нам везло, прождав часа два, мы получали птицу, рис и фаринью. Нередко случалось, что мы бывали принуждены сами убивать камнями домашнюю птицу себе на ужин. Когда, изнывая от усталости голода, мы робко намекали, что были бы счастливы поесть, всегда слышали гордый и самый неутешительный (хотя и справе вый) ответ, что «готово будет, когда поспеет». Если мы осмелились протестовать, то нам предлагалось ехать своей дорогой, ибо слишком дерзки. Хозяева гостиниц страшно нелюбезны, а манеры крайне неприятны; их дома и сами они часто отвратительно гряз нехватка вилок, ножей и ложек — вещь самая обыкновенная. Я уверен, что в Англии не сыскать ни крестьянской избушки, лачуги, до такой степени лишенной всяких удобств. В Кампос-Новос однако, мы поели на славу: к обеду нам дали курицу с рисом, сухари, вине и водку, вечером — кофе, а на завтрак — рыбу и кофе. Все это, вместе с отличным кормом, который получили наши лошади, стоило лишь два с половиной шиллинга с человека. Однако на вопрос, не видал ли он хлыста, потерянного одним из нас, хозяин венды сердито ответил: «Почем я знаю? Что ж вы не глядели за ним? Не иначе как собаки съели».

Оставив Мандетибу, мы продолжали наш путь по извилистой дороге, проходившей по пустоши между озерами; в одних озерах попадались пресноводные моллюски, в других — солоноводные. Из числа первых я нашел один вид Limnea, который в огромных количествах жил в озере, заливающемся морем, как уверяли меня местные жители, раз в году, а то и чаще, и потому вода в нем была совсем соленая.

Я не сомневаюсь, что в этой цепи лагун, протянувшейся вдоль бразильского побережья, можно было бы сделать много интересных наблюдений над морскими и пресноводными животными. Г-н Гэ утверждает, что в окрестностях Рио он нашел моллюсков, принадлежащих к морским родам Solen и Mytilus, а также пресноводных Ampullariae, которые жили в одной и той же солоноватой воде. Я сам часто замечал в лагуне близ Ботанического сада, где вода лишь немного менее соленая, чем в море, один вид Hydrophilus, очень похожий на водяного жука, встречающегося в канавах в Англии; единственный вид моллюсков, живущий в этом озере, принадлежит к роду, который обыкновенно встречается в эстуариях.

Покинув на время берег, мы снова въехали в лес. Деревья были очень высоки, и по сравнению с европейскими замечательны белизной своих стволов. Как отмечено в моей записной книжке, «удивительные и красивые цветы паразитных растений» неизменно поражали меня своей новизной среди этого грандиозного пейзажа. Дальше путь наш пролегал среди пастбищ, сильно изуродованных огромными коническими муравейниками почти в 12 футов вышиной. Они придавали равнине совершенно такой же вид, как грязевые вулканы в Хорульо в изображении Гумбольдта. Уже стемнело, когда мы после десятичасовой верховой езды прибыли в Энженьодо. Всю дорогу я не переставал удивляться выносливости и работоспособности здешних лошадей; кроме того, они оправлялись от всяких повреждений гораздо быстрее нашей английской породы. Летучая мышь — вампир часто причиняет здесь большие неприятности, кусая лошадей в загривок. Вред заключается обыкновенно не столько в потере крови, сколько в воспалении, которое вызывается после укуса давлением седла. Недавно в Англии было высказано сомнение в правильности самого факта, но мне выпала удача самому видеть, как вампир Desmodus d'Orbignyi, Wat. был действительно схвачен на спине одной лошади. Однажды поздно вечером мы заночевали под открытым небом близ Кокимбо в Чили; мой слуга заметил, что одна из лошадей очень забеспокоилась, и пошел посмотреть в чем дело; ему показалось, будто он различает что-то на загривке лошади, он быстро занес руку и поймал вампира. Наутро место укуса можно было без труда распознать по легкой опухоли и выступившей крови. На третий день мы ездили на этой лошади безо всякого вреда для нее.

13 апреля. — После трехдневного путешествия мы приехали в Сосего, поместье сеньора Мануэла Фигиреда, родственника одного из моих попутчиков. Дом был нехитрый и, хотя по форме походил на сарай, вполне соответствовал климату. В гостиной позолоченные стулья и диваны представляли странный контраст с выбеленными стенами, тростниковой крышей и окнами без стекол. Дом вместе с амбарами, конюшнями и мастерскими для чернокожих, которые были обучены различным ремеслам, составлял своего рода неправильный четырехугольник, посредине которого сушилась большая груда кофе. Постройки эти стоят на небольшом холме, который возвышается над возделанными полями, и со всех сторон окружены темно-зеленой стеной пышного леса. Главный продукт этой части страны — кофе. Считают, что каждое дерево приносит ежегодно в среднем по два фунта, но некоторые деревья дают и по 8 фунтов [ок. 4 кг]. Маниок, или кассава, тоже разводится здесь в большом количестве7. Все части этого растения используются: листья и стебли употребляются в корм лошадям, а корни перетирают, и полученная таким образом растертая масса, отжатая досуха и испеченная, дает фаринью — главную пищу в Бразилии. Любопытно, но, впрочем, широко известно, что сок этого в высшей степени питательного растения чрезвычайно ядовит. Несколько лет назад в этой фазенде имении околела корова, выпившая немного этого сока. Сеньор Фигиреда говорил мне, что в прошлом году он посеял один мешок фейжана, т. е. бобов, и три мешка риса; бобов он собрал в 80 раз, а риса в 320 раз больше, чем посеял. На пастбищах пасутся коровы отличной породы, а леса так изобилуют дичью, что на протяжении трех последних дней здесь ежедневно убивали по оленю. Такое изобилие пищи проявилось за обедом: если столы еще кое-как выдерживали тяжесть яств, то гостям приходилось весьма тяжко, так как им полагалось непременно попробовать каждое блюдо. Однажды, когда я, как мне казалось, тщательно рассчитал, что решительно все блюда были мной испробованы, к моему крайнему ужасу, появились еще жареный индюк и поросенок во всей своей вещественной реальности. Во время трапезы один из слуг

только и делал, что изгонял из столовой нескольких старых собак да чернокожих ребятишек, которые при первом же удобном случае то и дело дюжинами забирались обратно в комнату. Пока удавалось гнать от себя мысль о рабстве, этот простой и патриархальный образ жизни производил в высшей степени чарующее впечатление — так все в нем проникнуто полной отчужденностью и независимостью от остального мира. Как только завидят постороннего человека, принимаются звонить в большой колокол и обыкновенно палят из маленьких пушек. Таким образом событие возвещается скалам да лесам, ибо извещать больше некого. Как-то раз утром, за час до рассвета, я пошел погулять, чтобы насладиться торжественной тишиной окружающей природы; но под конец безмолвие было нарушено утренним гимном, который громкими голосами пели чернокожие всей деревни: так они обыкновенно начинают свой трудовой день. Я не сомневаюсь, что на таких фазендах, как здешняя, невольники живут счастливо и в довольстве. По субботам и воскресеньям они работают на себя, а в этом благодатном климате и двух дней работы достаточно, чтобы прокормить работника и его семью в течение целой недели.

14 апреля. — Покинув Сосего, мы отправились в другое поместье, на Рио-Макаэ, которое было последним участком обработанной земли в этом направлении. Поместье имело две с половиной мили в длину, а как далеко оно простиралось в ширину, владелец и сам забыл. Расчищен был только незначительный участок, но почти каждый акр мог бы приносить богатые произведения тропических стран во всем их разнообразии. Если принять во внимание, что Бразилия занимает огромную территорию, то количество возделанной земли покажется ничтожным в сравнении с тем, какое остается в первобытном состоянии. Какое огромное население сможет в будущем прокормить эта земля Весь второй день путешествия дорога была до того заросшей, что одному человеку приходилось идти впереди с тесаком и рубить ползучие растения. Лес изобиловал красивыми формами, среди которых древовидные папоротники, хотя и небольшие по размеру, ярко-зеленым цветом своей листвы и изящным изгибом листовых пластинок заслуживали самого большого восхищения. Вечером шел проливной дождь, и, хотя термометр показывал 18°, я сильно продрог. Как только дождь прекратился, я с интересом наблюдал, какое необыкновенно сильное испарение началось по всему лесу. Холмы на сто футов в вышину были окутаны густым белым туманом, который подобно столбам дыма поднимался из самых заросших мест леса, и особенно из долин. Я наблюдал это явление несколько раз и полагаю, что оно обусловливается громадной поверхностью листвы, нагретой до начала дождя солнечными лучами.

Пока мы жили в этом поместье, я чуть не стал свидетелем одной из тех жестокостей, какие возможны только в рабовладельческой стране. Из-за какой-то ссоры и тяжбы владелец хотел было отобрать всех женщин и детей у своих невольников и продать их поодиночке с публичного торга в Рио. Он не сделал этого лишь из расчета, а не из чувства сострадания. Впрочем, я не думаю, чтобы даже мысль о бесчеловечности разлучения тридцати семейств, живших вместе долгие годы, пришла в голову владельцу. И вместе с тем я поручусь, что человечностью и добротой он был наделен в большей степени, нежели рядовой человек. Должно быть, ослеплению, до которого могут довести человека корыстолюбие и эгоизм, нет границ. Хочется рассказать об одном пустяковом случае, который в то время поразил меня сильнее, чем все рассказы о жестокостях. Я переправлялся через реку с одним негром, на редкость тупоумным. Пытаясь втолковать ему что-то, я громко заговорил и, жестикулируя, взмахнул рукой близко от его лица. По-видимому, он решил, что я разгневан и собираюсь его ударить, потому что он мгновенно вытянул руки по швам, полузакрыв глаза и с испуганным выражением на лице. Никогда не забуду того смешанного чувства удивления, отвращения и стыда, которое я испытал при виде взрослого сильного человека, побоявшегося отвести удар, направленный, как он полагал, ему в лицо. Этого человека низвели уже на такую ступень деградации, которая ниже рабства самого беззащитного животного.

18 апреля. — На обратном пути мы провели два дня в Сосего, и я воспользовался ими для коллекционирования насекомых в лесу. Большая часть деревьев, несмотря

на свою вышину, в окружности имеет не более трех или четырех футов. Конечно, здесь есть деревья и гораздо больших размеров. Сеньор Мануэл строил в это время каноэ в 70 футов длиной из цельного ствола, имевшего на корню в длину 110 футов и очень толстого. Пальмы, контрастирующие с обыкновенными ветвистыми деревьями, среди которых они растут, неизменно придают пейзажу тропический характер. Здесь леса украшала капустная пальма, одна из самых красивых в этом семействе9. Ствол ее так тонок, что его можно охватить ладонями, а ее изящная крона раскачивается на высоте 40–50 футов над землей. Древесные ползучие растения, в свою очередь обвитые другими ползучими растениями, достигали большой толщины: некоторые измеренные мной имели до двух футов в окружности. Многие более старые деревья, с ветвей которых, как связки сена, свешивались лианы, выглядели очень своеобразно. Если я переводил взор с мира листвы, наверху, вниз, к земле, меня привлекали необыкновенным изяществом своих листьев папоротники и мимозы. Местами мимоза покрывала поверхность земли зарослями высотой всего в несколько дюймов. Когда проходишь по этим густым зарослям, позади остается широкий след вследствие изменения оттенка, которое вызывается опусканием чувствительных листочков мимозы. Нетрудно перечислить отдельные объекты этой великолепной панорамы, восхищавшие меня, но нет никакой возможности полностью передать те высокие чувства изумления и благоговения, которые охватывали меня и приводили в восторг.

19 апреля. — Оставив Сосего, мы первые два дня возвращались по старому пути. Это было очень скучно, так как дорога проходила преимущественно по ослепительной и знойной песчаной равнине недалеко от берега. Я заметил, что всякий раз, когда моя лошадь ступала по мелкому кремнистому песку, слышался слабый чирикающий звук. На третий день мы свернули на другую дорогу и проехали через живописную деревушку Мадре-де-Деос. Это одна из главных дорог в Бразилии, но она была в таком плохом состоянии, что ни один колесный экипаж, кроме разве фургона топорной работы, запряженного волами, не мог бы по ней проехать. За всю нашу поездку мы не встретили ни одного каменного моста, а мосты из деревянных брусьев были зачастую в таком неисправном состоянии, что приходилось делать объезды стороной. Точные расстояния здесь совершенно неизвестны. По дороге вместо верстовых столбов часто попадаются кресты, отмечающие места, где была пролита человеческая кровь. Вечером 23-го мы прибыли в Рио, закончив, таким образом, нашу небольшую приятную прогулку.

Все остальное время моего пребывания в Рио я жил в домике у залива Ботофого. Невозможно и пожелать ничего более восхитительного, чем провести так несколько недель в этом великолепном месте. В Англии любитель естественной истории пользуется во время своих прогулок тем большим преимуществом, что непременно встречает что-нибудь привлекающее его внимание; но в этих благодатных краях, где природа кишит жизнью, привлекательного так много, что натуралист почти вовсе не в состоянии гулять.

Немногочисленные наблюдения, которые я сумел сделать, ограничились почти исключительно беспозвоночными животными. Меня очень заинтересовало наличие здесь особой группы рода Planaria, ведущей наземный образ жизни10. Эти животные обладают таким простым строением, что Кювье объединил их с червями, паразитирующими в кишечнике, хотя их никогда не находили в теле других животных. Множество видов планарий живет и в соленой, и в пресной воде, но те, о которых я говорю, встречались в лесу даже в сравнительно сухих местах, под гниющими корягами, которыми, я полагаю, они питаются. По форме они в общем похожи на маленьких слизней, но гораздо уже; некоторые виды красиво разукрашены продольными полосками. Строение их очень несложно; около середины нижней поверхности тела, на которой они ползают, имеются две маленькие поперечные щели; из передней они могут высовывать воронкообразный, в высшей степени чувствительный рот. В течение некоторого времени после того, как животное окончательно погибало под действием соленой воды или по другой причине, рот еще сохранял признаки жизни.

Я нашел не менее двенадцати различных видов наземных планарий в разных

частях южного полушария*. Несколько экземпляров, которые были найдены мной на Вандименовой Земле11, я сохранял у себя живыми почти два месяца, причем кормил их гнилым деревом. Одно из этих животных я разрезал поперек на две почти равные части, и за две недели каждая половина приобрела форму целого животного. Между тем я разрезал тело так, что на одной половинке остались оба нижных отверстия, а на другой, следовательно, ни одного. Через 25 дней после операции более полную половину нельзя было отличить от любого другого целого экземпляра. Размеры второй половины сильно увеличились, и около заднего конца ее в парен-химной ткани12 образовался светлый участок, в котором можно было явственно различить зачаток чашеобразного рта; однако на другой стороне соответствующей щели еще не появилось. Я не сомневаюсь, что если бы жара, повышавшаяся по мере нашего приближения к экватору, не уничтожила все экземпляры, то был бы сделан и этот последний шаг, завершающий строение животного. Хотя этот опыт и широко известен, любопытно было следить за постепенным образованием всех существенных органов из одного только кусочка другого животного. Сохранить мертвых планарий крайне трудно: как только прекращение жизни открывает путь действию всеобщих законов разложения, все тело их становится мягким и жидким с быстротой, равной которой мне не приходилось видеть.

В первый раз я посетил лес, где встречались эти планарии, со старым португальским священником, который взял меня с собой на охоту. Охота состояла в том, чтобы спустить в чащу нескольких собак, а затем, терпеливо ожидая, стрелять в любое животное, какое только появится. Нас сопровождал сын соседнего фермера — отличный образец не тронутого культурой бразильского юноши. Он был одет в изорванную старую рубашку и штаны, ходил с непокрытой головой и носил ружье старинного образца и большой нож. Здесь все имеют обыкновение носить ножи: когда идешь через густой лес, то из-за ползучих растений без него почти не обойтись. Этой же привычке отчасти можно приписать и нередкие здесь случаи убийства. Бразильцы так искусно владеют ножом, что могут очень метко бросать его в цель на известное расстояние, и притом с достаточной силой, чтобы нанести смертельную рану. Я видел группу маленьких мальчиков, которые упражнялись в этом искусстве, занимаясь им как игрой, и ловкость, с которой они попадали в стоячую палку, обещала, что со временем от них можно будет ожидать и дел более серьезных. Накануне мой спутник убил двух больших бородатых обезьян13. У этих животных такой цепкий хвост, что конец его даже после смерти животного может удерживать всю тяжесть тела. Одна из обезьян именно поэтому и осталась на ветке, и пришлось срубить большое дерево, чтобы достать ее. Это быстро было сделано, и дерево вместе с обезьяной со страшным треском рухнуло на землю. Добыча наша за день кроме обезьяны состояла только из разнообразных маленьких зеленых попугаев и нескольких туканов. Впрочем, из знакомства с португальским патером я извлек пользу, потому что в другой раз он подарил мне великолепный экземпляр ягуарунди.

Всякий слыхал о красоте пейзажа около Ботофого. Дом, в котором я жил, стоял у самого подножия известной горы Корковадо. Совершенно справедливо замечание, что крутые конические холмы характерны для той формации, которую Гумбольдт называет гнейсо-гранитом. Ничто так не поражает, как вид этих округленных громад обнаженной породы, поднимающихся среди самой пышной растительности.

Я часто с интересом наблюдал облака, которые шли с моря и выстраивались грядой под самой вершиной Корковадо. Эта гора, когда ее частично скрывали облака, казалась, как и почти все остальные горы, значительно более высокой, хотя действительная ее высота составляет всего 2300 футов. М-р Даниелл сообщает в своих очерках по метеорологии, что иногда облако как будто задерживается на вершине горы, хотя ветер над ней продолжает дуть. То же явление наблюдалось здесь в несколько ином виде. В данном случае было отчетливо видно, как облако обвивалось вокруг вершины и быстро проходило мимо, но при этом не уменьшалось и не увеличивалось в объеме. Солнце садилось, и легкий южный ветерок, ударяясь о южный склон скалы, смешивал свои струи с более холодными верхними слоями воздуха, отчего пары сгущались; но лишь

только легкие гирлянды облаков, перевалив через гребень, попадали в более теплый воздух на отлогом северном склоне, они немедленно рассеивались.

Погода в мае и июне, т. е. в начале зимы, стояла чудесная. Средняя температура, по наблюдениям, производившимся в 9 часов утра и в 9 часов вечера, была всего 22°. Часто шли сильные дожди, но сухие южные ветры вскоре возвращали прогулкам всю их прелесть. Как-то утром за шесть часов выпало 1,6 дюйма дождя. Когда эта гроза проходила над лесами вокруг Корковадо, капли дождя, ударяясь о несметное множество листьев, производили совершенно замечательный шум, который был слышен на расстоянии четверти мили и походил на шум, производимый быстрым падением сплошной массы воды. После жарких дней чудесно было спокойно сидеть в саду и наблюдать, как вечер сменяется ночью. В этих краях природа выбирает себе в певцы исполнителей более скромных, чем в Европе. Маленькие лягушки из рода Hyla15, сидя на зеленом листке, возвышающемся на дюйм над водой, приятно стрекочут; собравшись по нескольку вместе, они поют в лад на разных нотах. Мне стоило немало труда поймать одну такую лягушку. У лягушек рода Hyla на концах пальцев имеются маленькие присоски, и я обнаружил, что это животное может всползать по стеклянной пластинке, поставленной вертикально.

В то же время разнообразные цикады и сверчки беспрерывно издают пронзительные звуки; впрочем, смягченные расстоянием, звуки эти уже не кажутся неприятными. Каждый вечер с наступлением темноты начинался этот грандиозный концерт, и я нередко слушал его до тех пор, пока мое внимание не отвлекало какое-нибудь пролетавшее мимо интересное насекомое.

В это время года повсюду видны светляки, перелетающие с одной зеленой изгороди на другую. В темную ночь испускаемый ими свет можно видеть на расстоянии- почти двухсот шагов. Замечательно, что у всех тех различных видов светляков, светящихся щелкунов и разнообразных морских животных (например, у ракообразных, медуз, нереид, одной корралины из рода Clytia и у Pyrosoma16), которых я наблюдал, испускаемый ими свет был всегда явственно зеленого цвета. Все светляки, которых я поймал здесь, принадлежали к семейству Lampyridae (куда входит и английский светлячок), и большей частью это были экземпляры Lampyris occidentalis. Я обнаружил, что это насекомое дает наиболее яркие вспышки, будучи раздражено; в промежутках между вспышками его брюшные кольца тускнели. Вспышка возникала почти одновременно в двух кольцах, но все же становилась заметной несколько раньше в переднем кольце. Светящееся вещество — жидкое и очень липкое; там, где кожа была расцарапана, маленькие пятнышки продолжали светиться мерцающим светом, между тем как неповрежденные места тускнели. У обезглавленного насекомого кольца продолжали светиться не мигая, но не так ярко, как прежде; местное раздражение иголкой всегда усиливало яркость света. В одном случае кольца сохраняли свою способность светиться в продолжение почти 24 часов после смерти насекомого. На основании этих фактов представляется веро: ятным, что животное способно только на короткие промежутки скрывать или гасить свой свет, а все остальное время свечение происходит непроизвольно, йа грязных и сырых дорожках, посыпанных гравием, я находил личинок этого светляка в большом количестве; по своей форме они в общем походили на самку английского светляка. Эти личинки обладали лишь очень слабой способностью светиться; в отличие от взрослых насекомых они при малейшем прикосновении притворялись мертвыми и вовсе переставали светиться, а раздражение не вызывало у них новой вспышки света. Я сохранял нескольких из них живыми в течение некоторого времени; их хвост представляет собой очень своеобразный орган — он хорошо приспособлен для того, чтобы служить присоском или органом прикрепления, а вместе с тем и своего рода резервуаром для слюны или какой-то иной жидкости в этом роде. Я не раз кормил их сырым мясом и неизменно наблюдал, что конец хвоста то и дело приближался ко рту, причем на мясо, которое в этот момент съедалось, выделялась капелька жидкости. Несмотря на столь многократное упражнение, хвост по-видимому, не умеет находить дорогу ко рту; во всяком случае он всегда сначала прикасался к шее, которая, очевидно, определяла его дальнейшее движение.

Во время нашей стоянки в Баии наиболее обычным среди светящихся насекомых был, по-видимому, один жук-щелкун (Pyrophorus luminosus, Illig.). У него также свет становился более ярким при раздражении. Однажды я с любопытством наблюдал прыжки этого насекомого, характер которого, как мне кажется, еще не был должным образом описан. Положенный на спину щелкун, приготовляясь к прыжку, отводит голову и грудь назад, так что грудной отросток выдвигается наружу и ложится на край своего влагалища. При дальнейшем отгибании головы назад отросток предельным напряжением мышц сгибается подобно пружине; в этот момент насекомое опирается на конец головы и надкрылья. При внезапном ослаблении напряжения голова и грудь вздергиваются кверху, вследствие чего основания надкрыльев ударяются о поверхность, на которую опирается насекомое, с такой силой, что его тело толчком подбрасывается кверху на высоту одного-двух дюймов. Выступы на груди и влагалище отростка служат для придания устойчивости всему телу во время прыжка. В описаниях, которые мне приходилось читать, недостаточно подчеркивается значение упругости отростка: такой резкий прыжок не может быть результатом простого сокращения мышц без помощи какого-нибудь механического приспособления.

Несколько раз я совершал короткие, но чрезвычайно приятные экскурсии по окрестностям. Однажды я посетил ботанический сад, где можно увидеть много растений, хорошо известных по приносимой ими большой пользе. Листья камфорного, перечного, коричного и гвоздичного деревьев распространяли восхитительный аромат; хлебное дерево, или жака, и манговое дерево спорили между собой великолепием листвы. Характер пейзажа в окрестностях Баии определяется главным образом двумя последними деревьями. Не видав их, я не представлял себе, что дерево может отбрасывать на землю такую густую тень. Оба они занимают такое же положение в отношении вечнозеленой растительности этих стран, как лавр и падуб в Англии в отношении деревьев с опадающей листвой. Можно заметить, что дома в тропических странах окружены самыми красивыми растениями, потому что многие из них в то же время полезны для человека. Кто посмеет усомниться, что оба этих качества соединены в банане, в кокосовой пальме, во многих других видах пальм, в апельсинном и хлебном деревьях?

В этот день я был особенно поражен одним замечанием Гумбольдта; он часто упоминает о «легком тумане, который, не меняя прозрачности воздуха, делает оттенки цветов более гармоничными, смягчая их резкость». Этого явления я никогда не наблюдал в умеренном поясе. На небольшом отрезке в полумилю или три четверти мили воздух был совершенно прозрачен, но на большем расстоянии все цвета постепенно переходили в удивительно красивую дымку, светло-серую с голубым оттенком. Состояние атмосферы с утра и приблизительно до полудня, когда эффект был всего заметнее, изменилось мало, за исключением сухости воздуха. За этот промежуток времени разница между точкой росы и температурой выросла с 4 до 9,5°.

В другой раз я встал рано и пошел к Гавии, или Топсельгоре18. Воздух был наполнен чудесной свежестью и ароматом; капли росы еще сверкали на листьях больших лилейных растений, осенявших прозрачные ручейки. Присев на глыбу гранита, я с восторгом следил за разнообразными насекомыми и птицами, пролетавшими мимо. Колибри, по-видимому, особенно любят такие тенистые, уединенные места. Всякий раз, глядя, как эти маленькие создания шумно порхают вокруг цветка, так быстро трепеща крылышками, что их едва видно, я вспоминал наших бражников; их движения и повадки и в самом деле сходны во многих отношениях.

Следуя по тропинке, я вошел в величественный лес, и с высоты 500–600 футов передо мной предстал один из тех великолепных видов, какие так обычны повсюду в окрестностях Рио. На этой высоте пейзаж принимает самые яркие краски, и каждая форма, каждый оттенок так решительно превосходят по своему великолепию все то, что европеец видал когда-либо у себя на родине, что не находишь слов для выражения своих чувств. Общее впечатление часто вызывало в моей памяти самые пышные декорации Лондонской оперы или других театров. Я

никогда не возвращался с этих прогулок с пустыми руками. На этот раз мне попался экземпляр замечательного гриба, называемого Hymenophallus. В Англии всем известен гриб Phallus, распространяющий в воздухе осенью отвратительный запах; впрочем, энтомологи знают, что этот запах весьма привлекателен для некоторых из наших жуков. То же происходило и здесь: пока я нес гриб, держа его в руках, на него сел привлеченный этим запахом Strongylus. Таким образом, в двух далеких друг от друга странах мы видим аналогичное отношение между растениями и насекомыми одних из тех же семейств, хотя и те и другие относятся к различным видам. Когда же посредником при введении в страну нового вида становится человек, это отношение часто нарушается; могу привести хотя бы следующий пример: листья капуст и салатов, дающие в Англии пищу такому множеству слизней и гусениц, остаются нетронутыми в садах близ Рио.

За время нашего пребывания в Бразилии я собрал большую коллекцию насекомых. Несколько общих замечаний об относительном значении разных отрядов могут представить интерес для английских энтомологов. Круйные и ярко окрашенные бабочки (Lepidoptera) характеризуют здесь область своего обитания с гораздо большей отчетливостью, чем какая-либо другая группа животных. Я имею в виду только булавоусых, или дневных, бабочек, потому что разноусые бабочки, или моли, вопреки тому, что можно было бы ожидать при богатстве местной растительности, наблюдаются здесь, безусловно, в гораздо меньшем количестве, чем в наших умеренных странах.

Меня очень удивили привычки Papilio feronia. Эта бабочка встречается здесь довольно часто, причем чаще всего в апельсинных рощах. Хотя она летает высоко, но нередко садится на древесные стволы. В этих случаях ее голова неизменно обращена вниз и крылья распущены в горизонтальной плоскости, а не сложены вертикально, как это обыкновенно бывает. Это единственная бабочка изо всех виденных мной, которая пользуется ногами для бегания. Я не знал об этом обстоятельстве, и всякий раз, когда я осторожно приближался к насекомому со своим пинцетом, оно отбегало в сторону в тот самый миг, когда мой инструмент был уже готов сомкнуться над ним, и благодаря этому спасалось. Несколько раз, когда пара этих бабочек, вероятно самец и самка, быстро меняя направление, гонялись друг за другом и проносились в нескольких ярдах от меня, я ясно слышал какой-то треск вроде производимого зубчатым колесом о пружинную защелку. Треск продолжался с короткими перерывами, и его можно было расслышать ярдов за двадцать. Я уверен, что ошибки в этом наблюдении нет.

Жуки (Coleoptera) в общем разочаровали меня. Крохотные темно-окрашенные жучки здесь чрезвычайно многочисленны. Европейские кабинеты до сих пор еще могут похвастать только более крупными видами тропических стран. Стоит только вообразить, каких: размеров со временем достигнет полный каталог, чтобы привести в волнение душу энтомолога. Хищные жуки, или Caradibae, по-видимому, чрезвычайно малочисленны в тропиках, и это тем более замечательно, что жаркие страны изобилуют хищными четвероногими. Меня поразило это обстоятельство как тогда, когда я попал в Бразилию, так и тогда, когда я вновь увидел множество изящных и проворных форм Harpalidae в умеренном климате равнин Ла-Платы. Не занимают ли место хищных жуков многочисленные пауки и хищные перепончатокрылые (Hymenoptera)? Мертвоеды и Brachelytra, здесь очень редки; наоборот, Rhyncophora и Chirysomelidae, которые все находят себе пищу в растительном мире, встречаются в поразительных количествах.

Я имею здесь в виду не число различных видов, а количество отдельных особей, потому что именно этим определяются наиболее разительные особенности разных стран в энтомологическом отношении. Отряды прямокрылых (Orthoptera) и полужесткокрылых (Hemiptera) особенно многочисленны; то же можно сказать относительно жалящих перепончатокрылых, за исключением разве пчел. Человека, попавшего впервые в тропический лес, поражает работа муравьев: во все стороны расходятся протоптанные ими дорожки, по которым беспрестанно снуют целые армии этих фуражиров: одни уходят, другие возвращаются, нагруженные кусками зеленых листьев которые нередко больше их самих.

Один маленький муравей темного цвета кочует иногда в несметных количествах. Как-то раз в Баии мое внимание привлекла следующая картина: множество пауков, тараканов и других насекомых, а также несколько ящериц в величайшей тревоге спешили куда-то по клочку голой земли. Несколько позади них каждый стебелек, каждый листок казались черными под покрывшими их сплошь маленькими муравьями. Перебравшись через голый клочок земли, рой разделился и спустился по старой стене. Таким образом муравьи оцепили множество насекомых; бедные маленькие создания прилагали поистине поразительные усилия, чтобы спастись от смерти. Подойдя к дороге, муравьи переменили направление и узкими колоннами снова взобрались на стену. Я положил маленький камень, чтобы преградить дорогу одной из колонн; весь корпус бросился на это препятствие, но затем тотчас же отступил. Вскоре в наступление пошла другая армия, и после новой неудачной попытки что-нибудь сделать прежний маршрут был окончательно оставлен. Стоило только колонне взять на дюйм в сторону, и камень был бы обойден, и, конечно, так бы оно и было, если бы камень и прежде лежал там; но, будучи атакованы, эти маленькие воинственные герои отнеслись с презрением к мысли об уступке.

В окрестностях Рио очень многочисленны особразные насекомые, которые строят для своих личинок глиняные гнезда по углам веранд. Эти гнезда они дополна набивают полумертвыми пауками и гусеницами, которых, должно быть, умеют каким-то удивительным образом жалить так, чтобы те оставались парализованными, но живыми до тех пор, пока личинки не вылупятся из яиц; личинки питаются этим ужасным скоплением беспомощных, наполовину убитых жертв — зрелище, которое было описано одним восторженным натуралистом; как любопытное и привлекательное. Я с большим интересом наблюдал однажды смертельный бой между осой Pepsis и большим пауком из рода Lycosa. Оса стремительно накинулась на добычу и улетела; паук был, очевидно, ранен, потому что, пытаясь убежать, покатился вниз по небольшому уклону, но все-таки сохранил еще достаточно сил, чтобы уползти в кустик густой травы. Вскоре оса вернулась и как будто удивилась, не найдя сразу же свою жертву. Тогда она повела правильное выслеживание, точно собака, охотящаяся за лисицей: она стала описывать стремительные короткие полукруги, все время быстро вибрируя крыльями и усиками. Хотя паук хорошо спрятался, он был вскоре обнаружен, и оса, все еще, очевидно, опасаясь челюстей противника, после долгих маневров ужалила его в двух местах с нижней стороны груди. Наконец, тщательно обследовав усиками уже неподвижного паука, она потащила труп. Тут я захватил убийцу вместе с ее добычей.

Пауков по сравнению с другими насекомыми здесь гораздо больше, чем в Англии, причем относительно них это можно сказать, быть может, в большей мере, чем относительно какого-либо другого подразделения членистых членистоногих животных. Разнообразие видов прыгающих пауков чуть ли не бесконечно. Род, или, вернее, семейство, крестовиков (Epeira) представлено здесь многими своеобразными формами; у одних видов колючие жесткие покровы, у других — широкие колючие голени. Все тропинки в лесу перегорожены прочной желтой пряжей паука, принадлежащего к тому же подразделению, что и Epeira davipes Fabricii, который, как рассказывал некогда Слоан, ткет в Вест-Индии такую прочную паутину, что в нее попадаются, птицы. Почти в каждой такой паутине обитают в качестве паразитов маленькие красивые паучки с очень длинными передними ногами, принадлежащие, по-видимому, к не описанному до сих пор роду. Мне кажется, этот паучок слишком незначителен, чтобы привлечь внимание большого крестовика, а потому получает возможность питаться прилипшими к нитям крохотными насекомыми, которые иначе пропадали бы впустую. Если этого паучка пугнуть, он либо прикидывается мертвым, вытянув свои передние ноги, либо же стремглав падает с паутины.

Здесь чрезвычайно распространен, особенно в сухих местах, большой крестовик из того же подразделения, что Epeira tuberculata и conica. Его паутина, которую он раскидывает по большей части между большими листьями обыкновенной агавы, бывает иногда укреплена у центра двумя или даже четырьмя зигзагообразными полосками, соединяющими два соседних луча.

Если в паутину попадается какое-нибудь крупное насекомое, например кузнечик или оса, паук ловким движением начинает очень быстро повертывать его и, выделяя в то же время из своих прядильных желез ленту из нитей, обволакивает вскоре свою добычу чехлом, подобным кокону шелковичного червя. Затем паук осматривает беспомощную жертву и наносит ей смертельный укус в нижнюю часть груди, после чего уходит и терпеливо дожидается, пока яд окажет свое действие. О силе яда можно судить по тому, что, открыв через полминуты кокон, я нашел большую осу уже мертвой.

Этот крестовик сидит всегда у центра своей паутины головой вниз. Будучи потревожен, он поступает различно, в зависимости от обстоятельств: если под ним густая растительность, он стремительно падает вниз; при этом я ясно видел нить, которую выпускало из своих желез животное, пока оно еще сидело неподвижно, готовясь к падению. Если же паук находится над голой землей, он редко бросается вниз, а быстро перебирается через проход в центре паутины с одной ее стороны на другую. Если продолжать его тревожить, то он прибегает к очень любопытному маневру: находясь посредине, он сильно дергает паутину, прикрепленную к гибким ветвям, пока она не придет в столь быстрое колебательное движение, что даже контуры тела паука становятся неясными.

Известно, что в большинстве своем британские пауки в том случае, когда в их паутину попадается крупное насекомое, стараются перервать нити и освободить добычу, чтобы спасти свои тенета от полного разрушения. Однажды, однако, я видел в одной теплице в Шропшире, как в неправильную паутину очень маленького паучка попалась большая оса-самка, и паук, вместо того чтобы надорвать свою паутину, самым упорным образом продолжал опутывать ею тело и особенно крылья своей добычи. Сначала оса не раз безуспешно порывалась уколоть жалом своего маленького противника. Она билась так больше часа, после чего я, сжалившись, убил ее и положил обратно в паутину. Паук вскоре возвратился, а час спустя я с удивлением увидел, что он запустил свои челюсти в то отверстие, через которое живая оса высовывает свое жало, Я два или три раза отгонял паука, но в продолжение последующих суток неизменно находил его сосущим осу все в том же месте. Паук сильно раздулся, насосавшись соков своей добычи, которая была во много раз больше его самого.

Могу здесь, кстати, упомянуть, что неподалеку от Санта-Фе-Бахада я нашел множество больших черных пауков с ярко-красными отметинами на спине, живущих обществами: паутина была расположена вертикально, как то неизменно бывает у рода крестовиков; одна сеть отстояла от другой фута на два, но все они были соединены несколькими общими нитями, очень длинными и тянувшимися ко всем частям общественной паутины. Благодаря такому приспособлению верхушки нескольких больших кустов были со всех сторон окружены этими соединенными тенетами.

Азара описал одного парагвайского, общественного паука, относительно которого Валькенер полагает, что это Theridion, но вероятнее, что это Epeira, и, быть может, даже того же вида, что и мой. Однако я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь мне пришлось видеть центральное гнездо величиной с шапку, куда, по словам Азары, осенью, когда пауки умирают, откладываются яйца.

Поскольку все пауки, которых я видел, были одинаковой величины, вероятно, и возраст их был приблизительно одинаков. Жизнь обществами в роде Eperia, столь типичном среди пауков — насекомых, которые до того кровожадны и живут так уединенно, что даже оба пола нападают друг на друга, — факт совершенно исключительный.

В одной высокой долине Кордильер, недалеко от Мендосы, я нашел другого паука, ткущего весьма своеобразную паутину. Из общего центра, где сидит насекомое, расходились лучами крепкие нити, расположенные в вертикальной плоскости; но только два луча были связаны друг с другом симметричной сеткой, так что паутина имела не круглую форму, как то обыкновенно бывает, а форму клинообразного сегмента. Подобным образом были построены все паутины.

Глава III МАЛЬДОНАДО

Монтевидео

Мальдонадо

Путешествие к Рио-Поланко

Лэссо и боласы

Куропатки

Отсутствие деревьев

Олень

Capybara, или водосвинка

Тукутуку

Molothrus, его кукушечьи нравы

Тиран-мухоловка

Пересмешник

Стервятники

Трубки, образованные молнией

Дом, в который ударила молния

5 июля 1832 г. — Утром мы подняли якорь и вышли из великолепной гавани Рио-де-Жанейро. На пути к Ла-Плате мы не видели ничего интересного, только однажды нам встретилось большое стадо дельфинов, состоявшее из многих сотен голов. Местами они сплошь бороздили море; диковинное это было зрелище: дельфины сотнями, один за другим, выскакивали целиком на поверхность, разрезая воду. Когда корабль шел со скоростью 9 узлов, эти животные совершенно свободно прыгали взад и вперед перед носом корабля и, обогнав нас, стремительно уносились вперед. Как только мы вошли в эстуарий Ла-Платы, наступила очень неустойчивая погода. Однажды темной ночью нас окружили многочисленные тюлени и пингвины; они производили такие странные звуки, что вахтенный офицер рапортовал, будто слышит мычание скота на берегу.

В другую ночь мы оказались свидетелями великолепной картины естественного фейерверка: на верхушке мачты и концах рей сверкали огни св. Эльма, а форма флюгера обозначалась так, словно он был натерт фосфором. Море так сильно светилось, что пингвины, плавая, оставляли за собой огненные следы, а мрак небес на короткие мгновения разрывался яркими вспышками молний.

В устье реки я с интересом наблюдал, как медленно смешивались воды моря и реки. Вода реки, мутная и окрашенная, из-за меньшего удельного веса всплывала поверх соленой воды. Это своеобразно проявлялось в кильватере корабля: видно было, как полоса синей воды смешивалась там в маленьких водоворотах с мутной водой, ее окружающей.

26 июля. — Мы бросили якорь в Монтевидео. В течение двух следующих лет «Бигль» занимался гидрографической съемкой у восточных и самых южных берегов Америки к югу от Ла-Платы. Во избежание излишних повторений я извлеку из моего дневника те разделы, в которых речь идет об одних и тех же районах, не всегда считаясь с тем, в каком порядке мы эти районы посещали.

Мальдонадо расположен на северном берегу Ла-Платы, не очень далеко от входа в

эстуарий. Это на редкость тихий, заброшенный городок; улицы, как и повсюду в городах этих стран, идут под прямым углом друг к другу, оставляя в середине города большую пласу, т. е. площадь, размеры которой только подчеркивают малочисленность населения. Торговля развита очень слабо; вывоз ограничивается небольшим количество кож и живого рогатого скота. Жители — по большей части землевладельцы; имеется здесь и несколько лавочников, и таких неизбежных ремесленников, как кузнецы и плотники, услугами которых пользуется почти все население на пятьдесят миль в окружности. Город отделен от реки полосой песчаных бугров шириной с милю; со всех сторон он окружен открытой, слегка холмистой местностью, поросшей однообразным покровом прекрасной зеленой травы — подножного корма для неисчислимых стад коров, овец и лошадей. Обработанной земли очень мало, даже у самого города. Живые изгороди из кактусов и агав отмечают немногочисленные места, засеянные пшеницей или кукурузой. Характер местности одинаков по всему северному берегу Ла-Платы. Единственное отличие состоит в том, что гранитные холмы здесь несколько более обрывисты. Пейзаж чрезвычайно скучный, и лишь изредка какой-нибудь дом, огороженный участок земли или даже единственное дерево едва оживляют картину. И тем не менее после того, как вы в течение некоторого времени находились в плену на корабле, возможность свободно пройтись по бескрайним равнинам, поросшим травой, полна очарования. Да и помимо того, если ограничить свой взор только небольшим пространством, найдется немало красивых объектов. Некоторые из птичек отличаются великолепным оперением, а ярко-зеленая трава, коротко ощипанная скотом, украшена крохотными цветками, среди которых растение, с виду похожее на маргаритку, я встретил как старого друга. А что сказал бы любитель цветов при виде обширных пространств, до того густо заросших Verbena melindres, что даже издали они кажутся ярко-алыми?

В Мальдонадо я пробыл десять недель и за это время собрал почти полную коллекцию зверей, птиц и пресмыкающихся. Однако, прежде чем сообщить свои наблюдения над ними, я расскажу о небольшой экскурсии к реке Поланко, протекающей миль за семьдесят к северу отсюда. В доказательство того, как дешево всё в этой стране, могу заметить, что я платил только два доллара, или восемь шиллингов, в день двум проводникам с целой дюжиной верховых лошадей. Мои спутники были хорошо вооружены пистолетами и саблями, что мне казалось излишней предосторожностью; но накануне — и это была первая новость, которую мы услышали здесь, — какой-то путник из Монтевидео был найден на дороге мертвым с перерезанным горлом. Это произошло поблизости от креста, поставленного в память о другом некогда совершенном здесь убийстве.

Первую ночь мы провели в уединенном сельском домике, и здесь я обнаружил, что две-три мои вещи, особенно карманный компас, возбуждают безграничное удивление. В каждом доме меня просили показать компас и, пользуясь им и картой, указывать направление к различным местам. То обстоятельство, что я, совершенно чужой в этой стране, могу узнать дорогу (в этой открытой местности направление и дорога означают одно и то же) к местам, где никогда не бывал, вызывало самое оживленное восхищение. В одном доме молодая женщина, которая не могла встать с постели из-за болезни, просила меня зайти к ней и показать компас. Как ни велико было их удивление, но я был удивлен еще больше, обнаружив такое невежество у людей, владеющих тысячами голов скота и обширнейшими эстансиями [имениями. Объяснить это можно разве лишь тем обстоятельством, что эта глухая часть страны редко посещается иностранцами. Меня спрашивали, что движется — земля или солнце, жарче или холоднее к северу, где находится Испания и многое другое в этом роде. У большинства жителей было весьма смутное представление, будто Англия, Лондон и Северная Америка — различные названия одного и того же места; те же, кто был лучше осведомлен, знали, что Лондон и Северная Америка хотя и разные страны, но расположены рядом и что Англия — большой город в Лондоне! У меня были прометеевы спички, которые я зажигал, надкусывая1; то обстоятельство, что человек может добывать огонь при помощи своих зубов, казалось таким чудом, что люди целыми семьями сбегались посмотреть, как это делается; раз мне предлагали целый доллар за одну спичку. Умывая лицо по утрам, я вызвал этим множество

толков в селении Лас-Минас; один именитый купец с пристрастием допрашивал меня по поводу такой странной привычки, а равно и о том, почему, находясь на борту корабля, мы отращиваем бороды, ибо он слышал об этом от моего проводника. Он смотрел на меня с большим подозрением; быть может, он слыхал об омовениях, предписываемых магометанской религией, и, зная, что я еретик, вероятно, пришел к заключению, что все еретики — турки. В этой стране существует повсеместный обычай просить ночлега в первом подходящем для этого доме. Удивление, которое возбуждал мой компас и прочие мои искусные «фокусы», сослужило мне известную пользу, ибо все это, вместе с длиннейшими рассказами моего проводника о том, как я раскалываю камни, отличаю ядовитых змей от безвредных, собираю насекомых и т. д., и было моей платой за гостеприимство. Я пишу обо всем этом так, как будто находился среди обитателей Центральной Африки: Банда-Орьенталь не будет польщена подобным сравнением, но именно таковы были мои впечатления в то время.

На следующий день мы направились в селение Лас-Минас. Местность стала несколько более холмистой, но в остальном оставалась все той же; впрочем, житель пампасов, несомненно, счел бы ее настоящими Альпами. Эта страна так слабо-заселена, что за целый день мы не встретили ни единого человека. Лас-Минас очень мал даже по сравнению с Мальдонадо. Он расположен на небольшой равнине и окружен низкими скалистыми горами. Построен он, как это принято здесь, симметрично и, с выбеленной церковью в центре городка, выглядел весьма привлекательно. Крайние дома одиноко возвышались на равнине; возле них не было ни садов, ни дворов. В тех местах это обычное явление, и потому все дома выглядят как-то неуютно. На ночь мы остановились в пульперии, т. е. в питейном заведении. Вечером сюда пришла толпа гаучосов пить водку и курить сигары. Наружность их весьма замечательна; в большинстве они статны и красивы, но лица у них надменные и разбойничьи. Нередко они отпускают себе усы, а их черные длинные вьющиеся волосы падают на спину. В своей яркой, красочной одежде, со звенящими на каблуках огромными шпорами, с ножами, заткнутыми за пояс наподобие кинжалов (и часто в качестве таковых употребляемыми), они выглядят совсем не так, как можно было бы ожидать, судя по названию «гаучо», т. е. попросту крестьянин. Вежливость их не имеет границ; они никогда не выпьют водки, если вы наперед не попробуете ее; но даже когда они отвешивают свой чрезвычайно изящный поклон, вид их таков, будто они не прочь при первом удобном случае перерезать вам горло.

На третий день мы не раз меняли направление пути, так как я занялся осмотром нескольких пластов мрамора. На красивых, поросших травой равнинах мы видели много страусов (Struthio rhea). Некоторые стаи насчитывали двадцать-тридцать птиц. Когда они стояли на каком-нибудь небольшом возвышении, то выглядели очень величаво на фоне ясного неба. Я никогда не встречал таких доверчивых страусов где-либо в других частях этой страны: к ним можно было легко приблизиться, быстро подъезжая верхом, но тут они, распустив крылья, пускались, как на парусах, прямо по ветру и вскоре оставляли лошадь далеко позади.

Вечером мы подъехали к дому дон Хуана Фуэнтес, богатого землевладельца, с которым, однако, никто из моих спутников не был лично знаком. Приближаясь к дому незнакомого человека здесь принято выполнить несколько мелких требований этикета: медленно подъехав к двери, вы восклицаете в знак привета «Ave Maria», и, пока кто-нибудь не выйдет и не пригласит вас спешиться, не полагается даже слезать с лошади; хозяин по установленной форме отвечает: «Sin pecado concebida», т. е. «зачавшая без греха». Войдя в дом, вы несколько минут поддерживаете какой-нибудь разговор общего характера, прежде чем попросить разрешения провести здесь ночь. Это встречают согласием, как нечто само собой разумеющееся. Затем приезжий ест вместе с семьей, и ему отводят комнату, где он устраивает себе постель из попоны своего рекадо (пампасского седла). Любопытно, что сходные условия вырабатывают и сходные обычаи. На Мысе Доброй Надежды повсюду наблюдается такое же гостеприимство и почти такие же детали этикета. Однако разница между характером испанца и голландца-бура сказывается в том, что первый никогда не задаст гостю вопроса, выходящего за рамки самых строгих

правил вежливости, тогда как голландец допросит его, где он был, куда едет, чем занимается и даже сколько у него братьев, сестер или детей.

Вскоре после нашего приезда к дон Хуану к дому его пригнали одно из больших стад коров, и трех животных отобрали на убой для нужд хозяйства. Эти полудикие животные очень проворны, и, будучи отлично знакомы с роковым лассо, изрядно утомили лошадей, которым пришлось долго гоняться за ними. После того как я своими глазами увидел все это натуральное богатство дон Хуана — огромное количество скота, лошадей и прислуги, мне особенно странным показалось его жалкое жилище. Пол был мазаный, из затвердевшей глины, а в окнах не было стекол; гостиная могла похвастать лишь несколькими стульями и табуретками самой грубой работы да парой столов. Ужин, несмотря на присутствие нескольких гостей, состоял из жареной и вареной говядины, наложенной двумя, огромными грудами, да нескольких тыкв; кроме тыквы никаких других овощей не было; не оказалось даже кусочка хлеба. Для питья всем присутствующим служил один большой глиняный кувшин с водой. А ведь этот человек был владельцем нескольких квадратных миль земли, почти каждый акр которой мог бы приносить хлеб, а при затрате небольшого труда — и все обыкновенные овощи. Весь вечер мы занимались тем, что курили да немного пели, импровизируя под аккомпанемент гитары. Синьориты сидели все кучкой в одном углу комнаты и не ужинали с мужчинами.

Так много книг написано об этих странах, что почти излишне описывать лассо или боласы. Лассо состоит из очень крепкой, но тонкой веревки, плотно сплетенной из сыромятных ремней. Один конец его прикрепляется к широкой подпруге, которая связывает между собой сложные принадлежности рекадо — седла, употребляемого в пампасах; на другом конце имеется маленькое кольцо, железное или медное, при помощи которого образуется петля. Собираясь пустить лассо в ход, гаучо оставляет небольшой сверток веревки в левой руке, а в правой держит скользящую петлю, которую делают очень большой, обычно около 8 футов диаметром. Он быстро раскручивает петлю над головой, ловким движением кисти руки оставляя ее раскрытой, а затем метко бросает, так что она падает на заранее выбранное место. Когда лассо не нужно, оно свертывается небольшим кругом и привязывается к рекадо сзади.

Боласы, или шары, бывают двух родов. Самые простые, применяемые главным образом для ловли страусов, состоят из двух круглых камней, обтянутых кожей и связанных тонким плетеным ремешком около 8 футов длиной. Другой род боласов отличается только тем, что состоит из трех шаров, связанных при помощи ремней в одном общем центре. Гаучо держит меньший из трех шаров в руке, а другие два быстро вертит над головой; потом, прицепляет, бросает их, и они вращаются в воздухе, точно цепное ядро6. Как только шары наткнутся на какой-либо предмет, ремни обвиваются вокруг него, переплетаясь друг с другом, и накрепко его опутывают. Размеры и вес шаров разнятся в зависимости от их назначения; шары из камня, будучи не больше яблока, летят с такой силой, что могут иногда переломить ногу даже лошади. Я видел шары из дерева величиной с репу, предназначенные для того, чтобы ловить лошадей, не причиняя им вреда. Иногда шары делаются чугунные: такие боласы удается забрасывать всего дальше. Главная трудность в пользовании лассо и боласами состоит в искусстве ездить верхом настолько хорошо, чтобы уметь уверенно нацелиться, раскручивая их над головой на всем скаку и при неожиданных поворотах в обратную сторону; стоя же на земле, всякий быстро постигает это искусство. Однажды, когда я развлечения ради скакал верхом и раскручивал шары над головой, вертевшийся шар случайно ударился о куст; таким образом, вращательное движение его было нарушено, он тотчас же упал на землю и словно по волшебству охватил заднюю ногу моей лошади; тогда другой шар вырвало из моих рук, и лошадь оказалась совсем связанной. К счастью, то была старая, бывалая лошадь, которая поняла, в чем дело, иначе она, пожалуй, стала бы брыкаться, пока не свалилась бы. Гаучосы хохотали во все горло; они кричали, что видывали, как ловили всяких зверей, но никогда до сих пор им не случалось видеть, чтобы человек изловил самого себя.

За следующие два дня я добрался до самого крайнего пункта, который хотел осмотреть. Местность была настолько однообразна, что под конец прекрасная зеленая мурава казалась мне еще более утомительной, чем пыльная проезжая дорога. Повсюду нам попадалось множество куропаток (Nothura major). Птицы эти не ходят стаями и не прячутся, как английские куропатки. По-видимому, они весьма доверчивы: человек верхом на лошади, постепенно приближаясь к ним кругами или, вернее, по спирали, может перебить их сколько угодно ударами по голове. Чаще всего их ловят посредством петли, или маленького лассо, сделанного из ствола страусового пера, прикрепленного к концу длинной палки. Мальчику на старой смирной кляче удается наловить таким образом за день штук тридцать-сорок. В арктических областях Северной Америки индейцы ловят зайца7-беляка, сидящего у своей норы, обходя его по спирали; самым лучшим временем для этого считается середина дня, когда солнце стоит высоко и тень охотника не очень длинная.

Обратно в Мальдонадо мы ехали несколько иным путем. Около Пан-де-Асукар, пункта, хорошо знакомого всем, кто плавал до Ла-Плате, я провел целый день в доме одного на редкость гостеприимного старого испанца. Рано утром мы поднялись на Сьерра-де-лас-Анимас. Восходящее солнце придавало картине весьма живописный вид. К западу взору открывалась необъятная плоская равнина вплоть до самой Зеленой горы у Монтевидео, а к востоку — холмистая область Мальдонадо. На вершине горы находилось несколько маленьких кучек камней, которые пролежали здесь, очевидно, много лет. Мой спутник уверял меня, что эти кучи были сложены в старину индейцами. Они походили на те кучи, которые так часто встречаются на горах в Уэльсе, только были гораздо меньше. Желание отметить какое-либо событие памятником, воздвигнутым на самом высоком пункте окружающей местности, — по-видимому, всеобщая страсть рода человеческого. В настоящее время в этой области нет ни одного индейца — ни дикого, ни цивилизованного, и я не знаю, сохранились ли от ее прежних обитателей еще какие-нибудь памятники, кроме этих, незначительных куч камней на вершине Сьерра-де-лас-Анимас.

Замечательно почти полное отсутствие деревьев по всей Банда-Орьенталь. Зарослями частично покрыты некоторые скалистые холмы, да по берегам больших рек, особенно к северу от Лас-Минас, довольно часто встречаются ивы. Мне говорили, что у Арройо-Тапес есть пальмовый лес; одну большую пальму я видел близ Пан-де-Асукар, под 35° широты. Эти деревья да те, которые посажены испанцами, — единственное исключение среди общего безлесья. Из числа разведенных пород следует указать тополь, оливковое, персиковое и другие плодовые деревья; персики так хорошо принялись, что служат главным источником топлива для города Буэнос-Айреса.

Условия таких исключительно плоских равнин, как пампасы, редко благоприятствуют произрастанию деревьев. Возможно, что это объясняется силой ветров или же особенностями высыхания почвы.

Однако природные условия окрестностей Мальдонадо таковы, что ни одна из этих причин здесь не проявляется: скалистые горы защищают от ветра отдельные места с почвами различного состава; по дну почти каждой долины течет ручеек, а глинистый характер почвы способствует, по-видимому, удержанию влаги. Утверждали, и это весьма вероятно, что наличие лесов обыкновенно определяется среднегодовой влажностью; между тем в этой области в течение зимы — выпадают обильные дожди, а лето хотя и сухое, но все же не в чрезмерной степени. Почти всю Австралию, как мы видим, покрывают высокие деревья, между тем климат там гораздо более сухой. Следовательно, для объяснения этого явления нам нужно обратиться к каким-то другим, пока еще не известным причинам.

Если судить по одной только Южной Америке, невольно напрашивается мысль, что деревья могут хорошо произрастать только в очень влажном климате, ибо здесь граница лесной полосы замечательно совпадает с границей области влажных ветров. В южной части материка, где преобладают западные ветры, насыщенные влагой Тихого океана, каждый островок у изрезанного западного берега от 38°

широты и до самой южной точки Огненной Земли густо покрыт непроходимыми лесами. На восток от Кордильер, на той же самой широте, синее небо и сухой климат свидетельствуют о том, что воздух, пройдя через горы, утратил свою влажность, и безводные равнины Патагонии отличаются самой скудной растительностью. В тех частях материка, которые расположены дальше к северу, в области постоянных юго-восточных пассатов, местность к востоку от Кордильер украшают великолепные леса, тогда как западное побережье между 4° и 32° южной широты можно назвать пустыней; на том же западном побережье к северу от 4° южной широты, где пассаты уже не так регулярны и периодически выпадают сильные ливни, берега Тихого океана, абсолютно пустынные в Перу, одеваются около мыса Бланко той пышной растительностью, которой так прославились Гваякиль и Панама. Таким образом, при переходе из южной части материка в северную леса и пустыни меняют свое расположение относительно Кордильер, и это, очевидно, определяется направлением господствующих ветров.

В середине материка лежит широкая промежуточная зона, которая включает в себя среднее Чили и те провинции Ла-Платы, где ветры, приносящие дожди, не встречаются на своем пути с высокими горами и где местность не представляет собой пустыни, но и покрыта лесами. Но если даже, ограничиваясь одной Южной Америкой, принять за правило, что деревья хорошо произрастают там, ветры, приносящие с собой дожди, делают климат влажным, то тогда мы имеем резко выраженное исключение из этого правила виде Фолклендских островов. На этих островах, лежащих на той же широте, что и Огненная Земля, удаленных от нее лишь на расстоянии от 200 до 300 миль, обладающих весьма сходным климатом и почти идентичным геологическим строением, столь же благоприятно расположенными местами и такого же рода торфяными почвами, найдется лишь немного растений, заслуживающих того, чтобы назвать хотя бы кустами; между тем на Огненной Земле невозможно найти ни одного акра земли, не покрытого самым густым лесом. В данном случае направления сильных ветров и морских течений благоприятствуют переносу семян с Огненной Земли, о чем свидетельствуют челноки и стволы деревьев, относимые оттуда и нередко выбрасываемые на берег Западного Фолкленда. Быть может именно поэтому в обеих странах имеется много общих растений; что же касается деревьев Огненной Земли, то попытки развести их Фолклендских островах потерпели неудачу.

За время нашего пребывания в Мальдонадо я собрал несколько млекопитающих, 80 разных птиц и много пресмыкающихся, в числе 9 видов змей. Из крупных туземных млекопитающих тепе распространен только один Cervus campestris. Оленей этих, которые нередко ходят небольшими стадами, чрезвычайно много в области прилегающих к Ла-Плате, и в северной Патагонии. Если медленно подбираться к стаду ползком, припадая к самой земле, то олени из любопытства часто сами подходят к человеку, чтобы рассмотреть его. Таким образом, я, не сходя с места, убил трех животных из одного стада. Несмотря на такую доверчивость и любопытство, они, тем не менее, проявляют исключительную осторожность при приближении человека верхом на лошади. В этой стране никто не ходит пешком, и олень узнает в человеке, врага, лишь когда тот сидит верхом и вооружен боласами. Около Баия-Бланки, недавно основанного поселения в северной Патагонии, я с удивлением увидел, как мало тревожит оленя звук ружейного выстрела: однажды я десять раз стрелял в одно из этих животных с расстояния не более 80 ярдов, и оно гораздо больше пугалось при виде пули, бороздившей землю, чем при звуке выстрела. Истратив весь свой порох, я вынужден был встать (сознаюсь в этом, как это ни стыдно для охотника, который без труда может стрелять птиц на лету) и затем громко звал своих спутников до тех пор, пока олень не убежал.

Самая любопытная черта этого животного — нестерпимо сильный и отвратительный запах, исходящий от самца. Запах этот не поддается никакому описанию: пока я снимал с оленя шкуру, которая теперь выставлена в Зоологическом музее, меня несколько раз тошнило. Я завернул шкуру в шелковый платок и так понес ее домой; после того как платок был тщательно выстиран, я постоянно им пользовался, и его, конечно, не раз стирали; но в течение года и семи месяцев всякий раз, развертывая платок после стирки, я явственно различал

запах. Вот удивительный пример устойчивости вещества, которое, однако, по своей природе должно быть чрезвычайно летучим и нестойким. Часто, проходя на расстоянии полумили от стада с подветренной стороны, я замечал, что весь воздух заражен этими испарениями. По моему мнению, запах самца всего сильнее в то время, когда его рога вполне развились, т. е. освободились от покрывавшей их волосистой кожи. В это время мясо его, конечно, совершенно негодно в пищу; но гаучосы утверждают, что если его на некоторое время зарыть в сырую землю, то зловоние пропадает. Я читал где-то, что жители островов на севере Шотландии поступают таким же образом с вонючим мясом птиц, питающихся рыбой.

Отряд грызунов (Rodentia) здесь очень богат видами: одних мышей я собрал не менее восьми форм. Здесь распространен и самый крупный в мире грызун — Hydrochoerus capybara (водосвинка). Одно из этих животных, которое я застрелил около Монтевидео, весило 98 фунтов [45 кг]; длина его, от конца морды до тупого, словно обрубленного, хвоста, равнялась 3 футам 2 дюймам, а туловище в обхвате имело 3 фута 8 дюймов. Эти большие грызуны иногда посещают острова в устье Ла-Платы, где вода совсем соленая, но гораздо больше их водится по берегам пресных озер и рек. Близ Мальдонадо они обыкновенно живут группами — по три или по четыре животных совместно. Днем они либо лежат среди водяных растений, либо открыто пасутся на поросших травой равнинах **. Издали, по своей походке и цвету они напоминают свиней; но, сидя на задних лапках и внимательно следя одним глазом за каким-нибудь предметом, они становятся вполне похожими на своих сородичей — морских свинок и кроликов. Спереди и сбоку голова их из-за вытянутых далеко назад челюстей выглядит довольно нелепо. В Мальдонадо эти животные были очень доверчивы: подвигаясь осторожно, я подошел на расстояние в три ярда к четырем старым водосвинкам. Эту доверчивость можно, вероятно, объяснить тем, что несколько лет назад ягуары были изгнаны отсюда, а гаучосы считают, что охота за водосвинками не стоит потерянного времени. Пока я подходил к ним все ближе и ближе, они часто издавали особый, свойственный им звук — слабое отрывистое является не столько звуком в обычном понимании, сколько шумом, производимым, вероятно, резким выталкиванием воздуха; единственное, что мне вообще приходилось слышать в этом роде, — это хриплое урчание, которое испускают большие собаки, собираясь лаять. Несколько минут я стоял почти на расстоянии вытянутой руки от четырех водосвинок и смотрел на них (а они на меня), после чего они с величайшей стремительностью ринулись в воду, издавая в то же время свое похрюкиванье. Пробыв немного времени под водой, они снова показались у поверхности, высовывая, однако, одну только верхнюю часть головы. Говорят, что, когда самка плавает с детенышами, они сидят у нее на спине. Можно без труда убить множество этих животных, но шкурки их почти ничего не стоят, а мясо весьма посредственное. Ими необычайно изобилуют острова на Паране, где они служат неизменной добычей ягуаров.

Тукутуко (Ctenomys brasiliensis) — любопытное маленькое животное, которое можно кратко охарактеризовать как грызуна с повадками крота. В некоторых местностях страны их чрезвычайно много, но раздобыть их трудно: мне кажется, они никогда не выходят из-под земли. У входа в свою норку тукутуко, как и крот, насыпает кучки земли, но только меньших размеров. Значительные пространства в стране, сплошь подрыты этими животными, так что лошади, проходя там, проваливаются выше щеток. По-видимому, тукутуко живут в какой-то мере Обществами: человек, который доставал их для меня, поймал сразу шесть экземпляров и говорил, что это обычное явление. По образу жизни это — ночные животные; основная их пища — корни растений, в поисках которых они и прокладывают свои разветвленные, но лежащие под самой поверхностью земли ходы. Это животное всем известно по тому совершению особенному звуку, который оно производит под землей. Человека, который слышит этот звук впервые, он крайне поражает, потому что нелегко понять, откуда он идет, и невозможно догадаться, что за животное производит его. Звук этот состоит из коротких, но не резких носовых хрюканий, однообразно повторяющихся примерно четыре раза в быстрой последовательности; в подражание этому звуку зверька и назвали тукутуко. Там, где этих животных много, издаваемый ими звук можно слышать во все часы дня и иногда как раз у себя под ногами. В комнате тукутуко

передвигаются медленно и неуклюже, вероятно вследствие того, что их задние ноги постоянно выворачиваются наружу; они не в состоянии даже чуть-чуть подпрыгнуть вертикально вверх по той причине, что во впадине бедренной кости у них нет соответствующей связки. Пытаясь убежать, они ведут себя весьма глупо, а будучи рассержены или испуганы, издают свое «тукутуко». Одни из экземпляров, которые я держал у себя живыми, уже в первый же день сделались ручными и не пробовали ни кусаться, ни убегать, другие оказались несколько более дикими.

Человек, который поймал их, уверял, что неизменно находит очень много слепых тукутуко. Действительно, заспиртованный мною экземпляр был слепым; м-р Рид считает, что это следствие воспаления мигательной перепонки глаза. Когда животное это еще было живым, я помещал палец не дальше полудюйма от его головы, и оно ничего не замечало; однако по комнате оно передвигалось ничуть не хуже других. Если учесть, что тукутуко ведут исключительно подземный образ жизни, то слепота, так часто у них встречающаяся, едва ли приносит им серьезный вред; но все же странным кажется наличие у животного органа, столь часто подверженного повреждению. Ламарк был бы восхищен этим фактом, если бы знал его, когда выдвинул свое предположение (вероятно, более близкое к истине, чем это обычно для него) о постепенно приобретаемой слепоте у Aspalax — грызуна, живущего под землей, и у протея — земноводного, живущего в темных пещерах, наполненных водой; у этих животных глаза находятся почти в зачаточном состоянии и покрыты волокнистой перепонкой и кожей. У обыкновенного крота глаза необычайно малы, но вполне развиты, хотя многие анатомы сомневаются, связаны ли они с настоящим зрительным нервом; зрение у него, конечно, развито недостаточно, хотя, вероятно, и оказывается полезным, когда животное покидает свою нору. У тукутуко11, который, как я полагаю, никогда не выходит на поверхность земли, глаза несколько больше, но часто слепнут и становятся бесполезными; впрочем, это, очевидно, не причиняет никакого неудобства животному. Без сомнения, Ламарк сказал бы, что тукутуко в настоящее время переходит в то состояние, в котором находятся Aspalax и протей.

Покрытые травой волнистые равнины вокруг Мальдонадо изобилуют многочисленными видами птиц. Здесь есть несколько видов из семейства, которое по строению и образу жизни сродни нашим скворцам; среди них замечателен своими повадками Molothrus niger.

Часто можно видеть, как эти птицы по нескольку сразу сидят на спине коровы или лошади; усевшись на изгороди и вычищая перья на солнышке, они иногда пробуют петь или, вернее, свистеть; это совершенно своеобразные звуки: похоже на то, будто пузырьки воздуха быстро выходят с пронзительным свистом через маленькое отверстие под водой. По словам Азары, эта птица подобно кукушке кладет свои яйца в гнезда других птиц. Местные жители несколько раз говорили мне, что здесь действительно есть какая-то птица с такими привычками, а мой коллектор, человек очень точный, нашел гнездо местного воробья (Zonotrichia matutina), в котором одно яйцо было крупнее прочих и иного цвета и формы. В Северной Америке живет другой вид Molothrus (M. pecoris) с такими же кукушечьими привычками; во всех отношениях он самым тесным образом сродни лаплатскому виду, даже до такой мелочи, как привычка садиться на спину домашнего скота; он отличается лишь несколько меньшей величиной и несколько иным оттенком перьев и яиц. Такое близкое сходство в строении и повадках у двух видов, замещающих друг друга в противоположных частях громадного материка, кажется всегда поразительным, хотя оно и постоянно встречается.

М-р Суэйнсон справедливо заметил, что, за исключением Molothrus pecoris, к которому следует присоединить еще и M. niger, кукушки — единственные птицы, которых можно назвать настоящими паразитами, т. е. такими, которые «приживаются полностью к другому животному, чье тепло способствует развитию и вылуплению их птенцов, чьим кормом эти птенцы питаются и чья смерть привела бы и к их гибели в период младенчества». Замечательно, что у некоторых — но не у всех — видов кукушек и Molothrus общим является только этот странный паразитический способ размножения, тогда как почти по всем другим своим

повадкам они прямо противоположны друг другу: Molothrus, как и наш скворец, отличается общительностью и живет на открытых местах, бесхитростно и ни от кого не таясь; кукушка же, как всем известно, птица исключительно дикая, держится в самой глухой чаще и питается плодами и гусеницами. По строению своему эти два рода также весьма далеки друг от друга. Чтобы объяснить происхождение этой привычки кукушки класть яйца в гнезда других птиц, было выдвинуто множество теорий, в том числе даже френологических. Мне кажется, однако, что только один Прево своими наблюдениями пролил свет на этот запутанный вопрос: он установил, что самка кукушки, которая, по свидетельству большинства наблюдателей, кладет по крайней мере от четырех до шести яиц, должна спариваться с самцом каждый раз после того, как снесет одно или два яйца. Но если бы кукушка вынуждена была сама высиживать свои яйца, ей пришлось бы либо садиться сразу на все яйца — и таким образом оставлять те, которые были отложены первыми, на столь долгий срок, что они, вероятно, успели бы за это время испортиться, — либо же высиживать каждое яйцо или каждую пару яиц в отдельности по мере их снесения; но поскольку пребывание кукушки в данной стране значительно короче, чем у всех других перелетных птиц, то ей, конечно, не хватало бы времени, чтобы поочередно высиживать яйца. Следовательно, причину того, что кукушка откладывает свои яйца в гнезда других птиц и оставляет их на попечение приемных родителей, можно усмотреть в том обстоятельстве, что кукушка спаривается несколько раз и кладет яйца с перерывами. Я сильно склоняюсь к тому, что эта точка зрения правильна, потому что сам независимо пришел (как мы увидим ниже) к аналогичному заключению относительно южноамериканского страуса — самки этих птиц паразитируют, — если здесь уместно это выражение, — одна за счет другой: каждая откладывает несколько яиц в гнезда нескольких других самок, а весь труд по высиживанию подобно чужим приемным родителям у кукушки принимает на себя страус-самец.

Упомяну еще лишь о двух птицах, которые очень распространены и обращают на себя внимание своими повадками. Saurophagus sulphuratus — типичный представитель большой американской трибы тиранов-мухоловок. По своему строению он очень близок к настоящим сорокопутам, но по образу жизни его можно сравнить со многими птицами. Охотясь в поле, я часто наблюдал, как он подобно хищной птице парит над одной точкой, а затем быстро перелетает на другое место. Когда видишь его неподвижно парящим в воздухе, то даже на близком расстоянии можно легко ошибиться, приняв его за представителя отряда хищников, но по силе и быстроте полета он значительно уступает хищным птицам. По временам Saurophagus посещает местности, лежащие около воды, и там подобно зимородку сидит неподвижно, хватая всякую рыбешку, какая только близко подойдет к берегу.

Этих птиц довольно часто держат в клетках или на птичьих дворах, подрезая им крылья. Они скоро делаются ручными и очень забавны своим хитрым и своеобразным поведением, сходным, судя по тому, что мне рассказывали, с ухватками обыкновенной сороки. Полет у них волнообразный вследствие того, что голова и клюв, по-видимому, слишком велики для их тела. Вечером Saurophagus садится на куст, часто у самой дороги, и беспрерывно повторяет один и тот же резкий, но, пожалуй, приятный крик, в котором есть что-то похожее на членораздельные слова; испанцы говорят, что это что-то вроде слов «Bien te veo» я хорошо тебя вижу), соответственно чему и дали название этой птице.

Один пересмешник (Mimus orpheus), называемый местными жителями каландрией, замечателен тем, что поет много лучше всех прочих здешних птиц; в самом деле, это почти единственная птица Южной Америки, которая, по моим наблюдениям, садится с намерением петь. Пение ее можно сравнить с пением нашей камышевки, но оно гораздо громче, — несколько резких нот, несколько очень высоких, и все это сочетается с приятным щебетанием. Поет она только весной. В остальное время года крик ее резок и далеко не мелодичен. Близ Мальдонадо эти птички были доверчивы и смелы; они постоянно летали во множестве вокруг сельских домов, чтобы поклевать мяса, которое развешивают для просушки на шестах или по стенам; если к пиршеству присоединялась какая-нибудь другая маленькая птичка,

каландрии вскоре отгоняли ее прочь. На обширных необитаемых равнинах Патагонии водится другой близкий вид Orpheus Patagonica d'Orbigny, который часто попадается в долинах, поросших колючим кустарником; эта птица пугливее, и голос ее звучит чуть-чуть иначе. Мне представляется любопытным следующее обстоятельство, свидетельствующее о некотором различии в повадках этих птиц: когда я впервые увидел этот второй вид, то исходя из одного только различия в повадках решил, что это не тот вид, который водится в Мальдонадо. Впоследствии я раздобыл экземпляр из Патагонии и сравнил оба вида, правда довольно поверхностно; они показались мне настолько сходными, что я изменил свое мнение; но в настоящее время м-р Гульд считает, что это, безусловно, различные виды, — вывод, согласующийся с незначительным различием в повадках, о чем Гульд, однако, не был осведомлен.

Человека, привыкшего к виду одних только птиц Северной Европы, южноамериканские стервятники безмерно поражают своей многочисленностью, дерзостью и отвратительными повадками. К числу их относятся четыре вида каракар (Polyborus), гриф-индейка, гальинасо и кондор. Каракар по особенностям их строения относят к орлам; мы сейчас увидим, как мало эти птицы достойны такого почетного места. По своим повадкам они как раз занимают место наших ворон, сорок и воронов — птиц, которые широко распространены по всему остальному земному шару, но совершенно отсутствуют в Южной Америке. Начнем с Polyborus brasiliensis: птица эта часто встречается, и географическая область ее распространения очень обширна; всего многочисленнее она в травянистых саваннах Ла-Платы (где ее называют карранчо); довольно часто она встречается и в бесплодных равнинах Патагонии. В пустыне между реками Негро и Колорадо множество этих птиц постоянно держится вдоль дорог, пожирая трупы истощенных животных, павших от усталости и жажды. Хотя карранча — обычный обитатель этих сухих открытых равнин, а также засушливого побережья Тихого океана, тем не менее ее встречают и во влажных дремучих лесах западной Патагонии и Огненной Земли. Карранчо, так же как и химанго, постоянно летают во множестве около эстансий и боен. Если на равнине падет какое-нибудь животное, то пир начинают гальинасо, а затем уже эти два вида каракар обгладывают кости дочиста. Хотя все эти птицы и кормятся совместно, живут они далеко не дружно. Когда карранчо сидит спокойно на ветке дерева или на земле, химанго часто начинает летать вверх и вниз, описывая полукруги, и старается всякий раз ударить снизу своего более крупного сородича. Карранчо мало обращает на это внимания и только вертит головой. Хотя карранчо часто собираются стаями, живут они не сообща, потому что в пустынных местах они встречаются в одиночку или, чаще, парами.

Говорят, что карранчо очень хитры и воруют множество яиц; вместе с химанго они, если случается, склевывают струпья с болячек на спинах лошадей и мулов. Капитан Хед со свойственной ему живостью и точностью описал эту картину: с одной стороны, несчастное животное с опущенными ушами и выгнутой спиной, а с другой — птица, парящая в воздухе и высматривающая на расстоянии какого-нибудь ярда свое отвратительное лакомство. Эти лжеорлы крайне редко убивают живую птицу или какое-нибудь другое животное; их привычки стервятников, трупоедов станут очевидны всякому, кому случится заснуть в пустынных равнинах Патагонии: проснувшись, он увидит, что на каждом окрестном пригорке сидит одна из этих птиц, терпеливо наблюдая за ним своим зловещим оком. В здешних местах это — одна из характерных черт ландшафта, с чем согласятся все, кто странствовал здесь. Если на охоту выезжает отряд с собаками и лошадьми, то весь день за ним следует несколько этих птиц. После еды их не прикрытый перьями зоб выпирает вперед; в это время, да и вообще, карранчо ленивая, смирная и трусливая птица. Полет у нее медленный и тяжелый, как у английского грача. Она редко высоко летает, но дважды мне приходилось видеть, как она плавно скользила в воздухе на большой высоте. Она бегает (но не скачет), правда не так быстро, как некоторые другие виды того же рода. По временам карранчо криклива, хотя до большей части ведет себя тихо; крик у нее громкий, очень неприятный и совершенно особенный — его можно сравнить с гортанным испанским g, за которым следует сильное двойное г-г; испуская этот крик, она все выше и выше

вскидывает голову, широко разевая клюв, пока, наконец, почти не коснется теменем нижней части спины. В факте этом сомневались, но он полностью соответствует истине: я несколько раз видел их в этом необычном положении с закинутыми назад головами. К своим наблюдениям я могу прибавить еще, опираясь на авторитетное свидетельство Азары, что карранчо питается червями, моллюсками, слизнями, кузнечиками и лягушками, убивает молодых ягнят, разрывая их пуповину, и преследует гальинасо до тех пор, пока эта птица не изрыгнет только что проглоченную падаль. Наконец, Азара утверждает, что карранчо объединяются в группы, по пяти или по шести, для нападения на больших птиц, даже таких, как цапли. Все эти факты свидетельствуют о разносторонности ухваток и значительной сметливости этой птицы.

Polyborus chimango значительно мельче предыдущего вида. Всеядная птица, она ест даже хлеб; меня уверяли, что она причиняет существенный ущерб посевам картофеля на острове Чилоэ, вырывая только что посаженные клубни. Из всех птиц, питающихся падалью, она обычно последней улетает с остова мертвого животного, и часто можно ее увидеть внутри ребер лошади или коровы, где она выглядит точно птица в клетке. Другой вид, Polyborus Novae Lelan-diae, чрезвычайно распространен на Фолклендских островах. Нравы этих птиц во многих отношениях сходны с нравами карранчо. Они питаются мясом павших животных и продуктами моря; на скалистых островках Рамирес море является, должно быть, единственным источником их существования. Они исключительно дерзки и бесстрашны и рыщут вокруг домов в поисках всяких отбросов. После еды их не прикрытый перьями зоб сильно выдается вперед, придавая им отталкивающий вид. Они охотно нападают на раненых птиц: добравшийся до берега раненый баклан был немедленно схвачен несколькими Polyboru-ч Novae Zelandiae, которые добили его клювами. «Бигль» был на Фолклендских островах только летом, но офицеры корабля «Адвенчер», побывавшие здесь зимой, сообщают много поразительных примеров наглости и жадности этих птиц. Так, они набросились на собаку, крепко спавшую подле одного из офицеров; прямо на глазах охотников они пытались схватить раненых гусей; и лишь с большим трудом удалось их отогнать. Говорят, что, собираясь по нескольку вместе (в этом отношении они похожи на карранчей), они сторожат кролика у входа в его нору и все вместе бросаются на кролика, как только тот покажется из норы. Они постоянно прилетали на борт корабля, пока мы стояли в гавани, и нужно было внимательно присматривать, чтобы они не сорвали кожи с оснастки и не унесли мяса или дичи с кормы. Эти птицы очень проказливы и любопытны; они подбирают почти все, что ни лежит на земле; так, они унесли за целую милю большую черную лакированную шляпу, а также пару тяжелых шаров, употребляемых для ловли скота. М-р Асборн во время съемки понес более серьезную потерю — они безвозвратно украли у него маленький катеровский компас в красном сафьяновом футляре. Помимо всего эти птицы драчливы и очень раздражительны; в порывах ярости они вырывают клювами траву из земли. Их нельзя считать настоящими общественными птицами; они не парят, и полет у них тяжелый и неуклюжий; по земле они бегают чрезвычайно быстро, очень напоминая при этом фазанов. Они шумливы и издают несколько резких криков, один из которых похож на крик английского грача; поэтому ловцы тюленей и называют их всегда грачами. Любопытно, что они, когда кричат, закидывают голову вверх и назад точно таким же образом, как и карранчо. Гнезда они вьют на скалистых прибрежных утесах, но только не на двух главных островах, а на соседних мелких островках — странная предосторожность у такой дерзкой и бесстрашной птицы. Охотники за тюленями говорят, что вареное мясо этих птиц совершенно белое и очень вкусное, но нужно быть смелым человеком, чтобы попробовать такое блюдо.

Остается рассказать только о грифе-индейке (Vultur aura) и гальи-насо. Первый встречается повсюду — от мыса Горн до Северной Америки — в районах умеренной влажности. В отличие от Polyboms brasiliensis и P. chimango эта птица проникла и на Фолклендские острова. Грифы-индейки живут в одиночку или в крайнем случае парами. Их можно сразу узнать издалека по чрезвычайно изящному высокому парящему полету. Достоверно известно, что это самая настоящая трупоядная птица. На покрытых густым лесом островках и полуостровках западного побережья

Патагонии она питается исключительно тем, что выбрасывает ей море, да трупами тюленей. Всюду, где бы ни собрались на скалах тюлени, можно увидеть и грифа-индейку. Гальинасо (Cathartes atratus) в своем распространении отличается от предыдущего вида: он совершенно отсутствует южнее 41° широты. По словам Азары, существует предание, будто этих птиц во времена конкисты не было в окрестностях Монтевидео, а они пришли сюда впоследствии вслед за переселенцами с севера. В настоящее время их особенно много в долине Колорадо, в трехстах милях прямо на юг от Монтевидео. Представляется вероятным, что это дальнейшее переселение произошло уже после Азары. Гальинасо обыкновенно предпочитают сырые места или, вернее, места по соседству с пресной водой; поэтому'их чрезвычайно много в Бразилии и в провинциях Ла-Платы, но они никогда не встречаются в пустынных безводных равнинах северной Патагонии, разве только поблизости от какой-нибудь речки. Птицы эти водятся повсюду в пампасах до подножий Кордильер, но мне никогда не приходилось ни видеть их, ни даже слышать о них в Чили; в Перу их оберегают как истребителей падали. Этих стервятников не колеблясь можно назвать общественными: им, по-видимому, доставляет удовольствие собираться в стаи, и притом не только ради общей добычи. В ясный день нередко можно видеть целые стаи на большой высоте; каждая птица чрезвычайно грациозно описывает в воздухе один круг за другим, не взмахивая крыльями. Очевидно, это упражнение доставляет им удовольствие или, может быть, связано с их брачными союзами.

Я перечислил всех трупоядных птиц, за исключением кондора, описание которого будет целесообразнее дать тогда, когда мы вступим в страну, более подходящую для его образа жизни, нежели равнины Ла-Платы.

В широкой полосе песчаных бугров, которые отделяют лагуну Дель-Потреро от берегов Ла-Платы, в нескольких милях от Мальдонадо, я нашел группу тех остеклованных кремнистых трубок, которые образуются ударами молнии в сыпучий песок. Эти трубки до мельчайших деталей сходны с трубками, найденными около Дригга в Камберленде и описанными в «Трудах геологического общества». Песчаные бугры Мальдонадо, не защищенные растительностью, постоянно передвигаются с места на место. По этой причине трубки выступили на поверхность, и лежащие рядом многочисленные их обломки свидетельствовали о том, что когда-то они были погребены на большой глубине. Четыре трубки вошли в песок отвесно; разгребая песок руками, я проследил одну из них до глубины двух футов; вместе с несколькими обломками, несомненно принадлежавшими этой же трубке, в чем я убедился, приложив их к уцелевшей части, длина ее составляла 5 футов 3 дюйма. Диаметр всей трубки был приблизительно одинаков, и, следовательно, остается предположить, что первоначально она доходила до гораздо большей глубины. Все эти размеры, однако, малы по сравнению с размерами трубок из Дригга, одну из которых проследили до глубины не менее 30 футов. — Внутренняя поверхность, блестящая и гладкая, полностью остеклована. Из-за многочисленных мельчайших пузырьков воздуха, а может быть пара, маленький осколок этой трубки под микроскопом имел такой же вид, как кусочек минерала, расплавленный паяльной трубкой. Песок весь или в большей своей части состоит из кремния, но отдельные точки черного цвета и их блестящая поверхность придает песку металлический блеск. Толщина стенки трубки колеблется от 1/30 до 1/12 дюйма, а кое-где достигает даже 1/10. С наружной стороны песчинки округлены и как будто слегка покрыты глазурью; я не мог найти никаких признаков кристаллизации. Эти трубки подобно тем, которые описаны в «Трудах геологического общества», большей частью сжаты и имеют глубокие продольные борозды, что придает им большое сходство со ссохшимся стеблем растения или с корой вяза или пробкового дерева. В окружности они имеют около двух дюймов, а некоторые куски, цилиндрические и без всяких борозд, — более четырех дюймов. Очевидно, эти складки или борозды образовались вследствие давления окружающего рыхлого песка, когда трубки из-за высокой температуры были еще мягки. Судя по несдавленным обломкам, размер, или, если можно так выразиться, калибр, молнии должен был равняться приблизительно 1 1/4 дюйма. В Париже гг. Ашетту и Бёдану удалось изготовить трубки, почти вполне похожие на эти фульгуриты, путем пропускания очень сильных гальванических разрядов через

мелко истолченное стекло; когда к стеклу для повышения его плавкости прибавляли соль, все размеры трубок увеличивались. Опыты с толченым кварцем и полевым шпатом не удались. Одна из трубок, образовавшаяся из толченого стекла, имела почти дюйм в длину, именно 0,982, а внутренний диаметр ее был 0,019 дюйма. Если учесть, что при этих опытах была употреблена самая сильная в Париже гальваническая батарея и что все ее действие на такое легкоплавкое вещество, как стекло, свелось к образованию лишь столь малых по своему размеру трубок, то нельзя не удивляться силе разряда молнии, которая, ударив в песок в нескольких местах, образовала цилиндры в одном случае, по меньшей мере, в 30 футов длиной и с внутренним диаметром, — если он не сжат, — 1 1/2 дюйма, и все это в таком необыкновенно тугоплавком веществе, как кварц!

Трубки, как я уже отмечал, погружены в песок почти в вертикальном направлении. Однако одна, менее правильная, чем остальные, отклонялась от прямой на значительный угол, а именно до 33°. От этой же трубки отходили, почти на целый фут в сторону, две небольшие ветви — одна была направлена вниз, а другая вверх. Это замечательный случай, поскольку электрическая жидкость здесь должна была повернуть назад под острым углом в 26° к своему главному направлению. Кроме четырех вертикальных трубок, которые я проследил под поверхностью земли, я нашел еще несколько групп обломков, которые первоначально залегали, без сомнения, где-нибудь поблизости. Все они лежали на ровной площадке (60 на 20 ярдов) ползучего песка, расположенной между несколькими высокими песчаными буграми и на расстоянии полумили от цепи холмов в 400–500 футов высотой. Мне кажется, что здесь, так же как в Дригге и в Германии — в случае, описанном г. Риббентропом, — самым замечательным является количество трубок, найденных на таком ограниченном пространстве. В Дригге на пространстве протяженностью в 15 ярдов их найдено три, и то же число их нашли в Германии. В описанном мной случае на площадке размером 60 на 20 ярдов их было, безусловно, больше четырех. Поскольку не представляется вероятным, чтобы трубки образовались в результате отдельных последовательных ударов, то нужно думать, что молния за мгновение перед тем, как входить в землю, делилась на несколько ветвей.

Окрестности Ла-Платы, по-видимому, особенно подвержены электрическим явлениям. В 1793 г. в Буэнос-Айресе разыгралась, быть может, одна из самых разрушительных гроз, какие только помнят люди: в самом городе молния ударила в 37 точек и убила 19 человек. На основании фактов, сообщаемых в различных описаниях путешествий, я склонен заподозрить, что грозы очень часты около устьев больших рек. Нельзя ли допустить, что смешение больших масс пресной и соленой воды нарушает электрическое равновесие? Даже во время наших довольно редких посещений этой части Южной Америки мы слышали, что молния ударила в корабль, в две церкви и в дом. Этот дом и одну из церквей я видел вскоре после того; дом принадлежал м-ру Худу, нашему генеральному консулу в Монтевидео. Некоторые последствия были весьма любопытны: обои по обе стороны от того места, где проходила проволока колокольчика, почернели примерно на фут. Металл расплавился, и, хотя комната была около 15 футов в вышину, капли, упавшие на мебель, пробуравили в ней ряд маленьких дырочек. Часть стены была разрушена как будто в результате порохового взрыва, и обломки были отброшены с такой силой, что образовали углубления на противоположной стене комнаты. Рама зеркала почернела, и позолота, должно быть, улетучилась, потому что флакон с нюхательной солью, стоявший на камине, покрылся блестящими металлическими частичками, которые пристали к нему так плотно, словно бы он был эмалирован.

Глава IV Рио-Негро

Нападения индейцев на эстансии Соляные озера

Фламинго

От Рио-Негро к Рио-Колорадо

Священное дерево

Патагонский заяц

Индейские семьи

Генерал Росас

Переход в Баия-Бланку

Песчаные дюны

Негр-лейтенант

Баия Бланка

Выделение соли

Пунта-Альта

Сорилъо

24 июля 1833 г. — «Билль» отплыл из Мальдонадо и 3 августа стая на рейде против устья Рио-Негро. Это самая крупная река на всем протяжении от Ла-Платы до Магелланова пролива. Она впадает море миль за триста к югу от эстуария Ла-Платы. Около пятидесяти лет назад, еще при испанском управлении, здесь была основана небольшая колония; на восточном побережье Америки это еще поныне самое южное место (41° широты), где обитают цивилизованные люди.

Местность вокруг устья реки выглядит крайне уныло; к югу от устья начинается длинная цепь отвесных обрывов, раскрывающих разрезе геологическое строение страны. Пласты состоят из песчаника; один из них был особенно примечателен: он был образовав плотно спаянным конгломератом из голышей пемзы, которые должны были проделать сюда с Андов путь свыше 400 миль. Поверхность повсюду прикрыта толстым слоем гравия, далеко про стирающимся во все стороны по открытой равнине. Воды здесь крайне мало, а там, где она имеется, она, как правило, солоноватая. Растительность скудная, и, хотя кустарники весьма разнообразны, все они вооружены грозными шипами, которые словно предостерегают чужестранца от посещения этих негостеприимных мест.

Поселение расположено в 18 милях вверх по реке. Дорога туда идет вдоль подошвы отлогого обрыва, образующего северную границу большой долины, по которой течет Рио-Негро. По пути мы проехали мимо развалин нескольких великолепных эстансии, разрушенных в недавние годы индейцами. Им пришлось выдержать несколько нападений. Свидетель одного из таких нападений очень живо описал мне, как было дело. Жители были вовремя предупреждены и успели загнать весь скот и лошадей в корраль, устроенный вокруг дома, а также установить несколько маленьких пушек. Индейцев было несколько сот; то были арауканцы из южной части Чили, очень дисциплинированные воины. Сначала они появились двумя отрядами на соседнем холме; затем, спешившись и сбросив с себя меховые плащи, они нагими пошли в атаку. Единственное оружие индейца — чусо, очень длинная бамбуковая палка с острым наконечником, украшенная страусовыми перьями. Рассказчик с ужасом вспоминал, как размахивали этими чусо приближавшиеся индейцы. Когда они подступили вплотную, их касик (вождь) Пинчейра закричал осажденным, чтобы те сдали оружие, или же он всем перережет глотки. Поскольку

индейцы, вторгшись, так или иначе привели бы свою угрозу в исполнение, ответом был ружейный залп. Тем не менее, индейцы, исполненные решимости, подступили к самой ограде корраля; но, к своему удивлению, они обнаружили, что бревна скреплены железными гвоздями, а не кожаными ремнями, и, разумеется, тщетно пытались разрезать их ножами. Это спасло христианам жизнь; многих раненых индейцев уже унесли с поля битвы товарищи; наконец, когда был ранен один из младших касиков, рог затрубил отступление. Они вернулись к своим лошадям и, по-видимому, держали военный совет. То была страшная минута для испанцев, ибо все их боевые припасы, за исключением немногих патронов, были истрачены. Вдруг индейцы вскочили на коней и скрылись из виду. Другое нападение было отбито еще быстрее. Пушкой орудовал хладнокровный француз; он подождал, пока индейцы подошли вплотную, и тогда размел их строй картечью, уложив 39 человек; разумеется, такой удар немедленно обратил в бегство весь отряд.

Город называется Эль-Кармен, или Патагонес. Он выстроен на обращенном к реке склоне обрыва, и многие дома даже выдолблены в самом песчанике. Река здесь имеет в ширину 200 или 300 ярдов, глубока и быстра. Многочисленные острова с растущими на них ивами и плоские мысы, виднеющиеся один за другим по всей северной окраине широкой зеленой долины, являют при свете яркого солнца довольно живописную картину. Обитателей здесь не более нескольких сот. В этих испанских колониях в отличие от наших британских нет никаких основ для роста. Здесь живет много чистокровных индейцев; на окраинах города постоянно стоят тольдо племени касика Лукани. Местные власти частично подкармливают индейцев, отдавая им всех старых, негодных лошадей; кроме того, индейцы сами кое-что зарабатывают, выделывая попоны и другие принадлежности конской сбруи. Эти индейцы считаются цивилизованными; но, вероятно, достигнутые ими некоторое смягчение их жестоких нравов почти уравновешивается их полной аморальностью. Однако некоторые из молодых людей исправляются — они обнаруживают наклонность к труду, и несколько времени назад целая группа их, отправившись на тюлений промысел, проявила себя очень хорошо. Теперь они вкушали плоды своих трудов — носили яркие опрятные одежды и бездельничали. Их одежды обнаруживали наличие у них прекрасного вкуса; если бы одного из этих молодых индейцев можно было превратить в бронзовую статую, то драпировка оказалась бы безупречно изящной.

Однажды я поехал верхом к большому соляному озеру, или салине, за 15 миль от города. Зимой это мелкое озеро с соленой водой, летом же оно высыхает, превращаясь в белоснежное соляное поле. У берега слой соли имеет от 4 до 5 дюймов в толщину, но к середине толщина его возрастает. Длина озера 2,5 мили, ширина — одна миля. По соседству имеются озера во много раз большие, у которых соляное дно достигает 2 или 3 футов в толщину даже зимой, когда оно покрыто водой. Такое сверкающее белизной ровное пространство, лежащее среди бурой унылой равнины, представляет необычайное зрелище. Из салин ежегодно добывают большое количество соли, и огромные груды ее, в несколько сот тонн весом, лежат готовые к отправке. Сезон разработки салин в Патагонесе то же, что жатва, ибо от этого зависит благосостояние поселка. Почти все селение перебирается на берег реки и занимается перевозкой запряженных волами фургонах. Соль здесь кристаллизуется большими кубами и замечательно чиста; м-р Тренхем Рикс ли сделал для меня ее анализ и нашел в ней только 0,26 % гипса и 0,22 % земляных веществ. Любопытно, что эта соль не так хороша для заготовки впрок мяса, как морская соль с островов Зеленого Мыса; один купец в Буэнос-Айресе говорил мне, что он считает ее на пятьдесят процентов менее ценной. Поэтому сюда неизменно возят соль островов Зеленого Мыса и смешивают ее с солью из салин. Низкое качество патагонской соли можно объяснить только ее чистотой, иными словами, отсутствием в ней соляных веществ, имеющихся во всякой морской воде, — заключение, как я полагаю, совершенно неожиданное, но подкрепляемое недавно установленным факте, что для предохранения сыра от порчи лучше всего подходят содержащие как можно больше растворимых хлоридов.

Озеро окаймляет полоса ила, в котором во множестве заключены крупные

кристаллы гипса, некоторые в 3 дюйма длиной; на поверхности же разбросаны кристаллы сернокислого натрия. Первый гаучосы называют «padre del sal» (отцом соли), второй — «madre» (матерью); они утверждают, что эти соли-«родители» всегда встречаются по краям салин, когда вода начинает испаряться. Ил черного цвета и имеет зловонный запах. Сначала я не мог представить себе, в чем причина этого, но впоследствии заметил, что пена, при ветром к берегу, окрашена в зеленый цвет, быть может, из-за вод рослей (Confervae); я намеревался захватить домой немного зеленого вещества, но случайно мне не удалось этого сделать. С большого расстояния озеро в некоторых местах кажется красным, возможно из-за присутствия каких-нибудь наливочных малькулей. Ил во многих местах был разрыт множеством каких-то червей или кольчатых животных. Как удивительно, что существу создания, способные жить в соляном растворе и ползать кристаллов сернокислого натрия и кальция! А что происходит этими червями за долгое лето, когда поверхность озера отвердевает, превращаясь в сплошной слой соли? На этом озере живут в большом количестве фламинго, которые здесь же выводят птенцов; в Патагонии, в северном Чили и на Галапагосских островах я встречал птиц повсюду, где только имелись соляные озера. Я видел, как они бродили здесь в поисках пищи, — вероятно, червей, роющихся в иле, черви же, вероятно, питаются инфузориями или Confervae. Та образом, мы находим здесь замкнутый в себе маленький мир жн существ, приспособленных к условиям этих внутренних солян озер. Говорят**, что в соляных бассейнах близ Лимиигтона живет в несметном количестве крошечное ракообразное (Cancer salinus), но только там, где соленость воды достигает вследствие испарения: значительной степени, а именно около четверти фунта соли на [0,57 литра воды. Итак, мы можем утверждать, что наш мир сплошь обитаем! Будь то соляные озера, подземные озера, скрытые под вулканическими горами, горячие минеральные источники, широкие просторы и глубины океана, верхние области атмосферы даже или поверхность вечных снегов, — повсюду живут органические существа.

К северу от Рио-Негро, между этой рекой и обитаемой местностью около Буэнос-Айреса, у испанцев есть только одно маленькое поселение, недавно основанное близ Баия-Бланки. До Буэнос-Айреса отсюда по прямой почти 500 британских миль. Так как кочующие племена конных индейцев, всегда занимавшие большую часть страны, в последнее время стали сильно тревожить отдаленные эстансии, буэнос-айресское правительство некоторое время назад снарядило армию под командованием генерала Росаса для их истребления. Теперь войска стояли лагерем на берегах Колорадо, реки, протекающей милях в восьмидесяти к северу от Рио-Негро. Выйдя из Буэнос-Айреса, генерал Росас направился напрямик через неизведанные равнины; полностью очищая таким образом страну от индейцев, он оставлял позади — через довольно большие промежутки — небольшие отряды солдат с лошадьми — посты, чтобы можно было поддерживать коммуникации со столицей. Так как «Бигль» собирался зайти в Баия-Бланку, я решил проехать туда сушей; под конец же я расширил свой план, решившись проделать весь путь по этим постам до Буэнос-Айреса.

11 августа. — Моими спутниками в поездке были м-р Харрис, англичанин, живший в Патагонессе, проводник и пятеро гаучосов, направлявшихся в армию по делам. До Колорадо, как я уже сказал, было миль восемьдесят, а так как мы двигались медленно, то пробыли в пути два с половиной дня. На всем протяжении страна едва ли заслуживает лучшего названия, нежели пустыня. Воду можно найти лишь в двух маленьких источниках, и хоть ее и называют пресной, но даже в это дождливое время года она была заметно солоноватой. Летом то был бы мучительный переход, ибо и теперь он был достаточно тягостен. Вся долина Рио-Негро, как она ни широка, попросту вымыта рекой в равнине, сложенной песчаником, так как сразу же над берегом реки, на котором стоит город, начинается ровная местность, где изредка встречаются незначительные долинки да впадинки. Повсюду страна выглядит одинаково бесплодной; на сухой хрящеватой почве растет пучками бурая засохшая трава да разбросаны низкие кустики, вооруженные шипами.

Миновав первый родник, мы вскоре увидели знаменитое дерево, которое индейцы

чтут, как алтарь Уалличу. Оно стоит на возвышении среди равнины и служит ориентиром, видимым издалека. Завидев его, индейцы любого племени выражают свое благоговение громкими возгласами. Дерево невысокое, очень ветвистое и колючее; у самого корня оно имеет около 3 футов в поперечнике. Стоит оно совершенно одиноко, и это было действительно первое дерево, которое мы увидели; впоследствии нам повстречалось еще несколько деревьев того же рода, но вообще они были очень редки. Была зима, и дерево стояло без листьев, но зато взамен их были подвешены на нитях бесчисленные приношения различного рода — сигары, хлеб, мясо, куски тканей и др. Бедные индейцы, за неимением лучшего, просто выдергивают нитку из своих пончо и привязывают ее к дереву. Более богатые имеют обыкновение вливать водку и мате в определенное дупло, а также курить, направляя дым кверху, так как считают, что это доставляет Уалличу величайшее удовольствие. Для полноты картины замечу, что вокруг дерева лежали побелевшие кости лошадей, принесенных в жертву. Эти жертвы приносят все индейцы, без различия пола и возраста; они полагают, что благодаря этому лошади их будут неутомимы, а сами они будут иметь успех во всех делах. Гаучо, который рассказал мне обо всем этом, говорил, что в мирное время бывал свидетелем таких сцен и вместе с другими обыкновенно выжидал, пока индейцы уйдут, чтобы украсть у Уалличу приношения.

Гаучосы полагают, что божеством считается самое дерево; но мне представляется гораздо более вероятным, что его рассматривают лишь как алтарь. Единственную причину такого выбора я усматриваю в том, что дерево служит ориентиром в опасном пути. На огромном расстоянии видна Сьерра-де-ла-Вентана; один гаучо рассказывал мне, что, когда он однажды проезжал с индейцем нескольких милях к северу от Рио-Колорадо, индеец принялся испускать те самые громкие крики, какие обычно они издают, завидев вдали дерево; при этом он приложил руку к голове, а затем указал в направлении Сьерры, На вопрос о причине индеец ответил ломаном испанском языке: «Увидел Сьерру». Приблизительно в двух лье от этого любопытного дерева мы сделали ночной при гаучосы своими рысьими глазами высмотрели какую-то злополучную корову, пустились за ней во весь опор, и через несколько минут приволокли ее на своих лассо и зарезали. Итак, у нас оказалось налицо четыре предмета первой необходимости для жизни «en el campo» [в поле] пастбище для лошадей, вода (правда, из грязной лужи), мясо и топливо. Гаучосы были в приподнятом настроении от того, что мы нашли всю эту роскошь, и вскоре мы принялись за бедную корову. То была первая ночь, которую я провел под открытым небом, причем постелью мне служило рекадо. В независимой жизни гаучосов есть возвышенная прелесть;- в любое мгновение можешь осадить коня и сказать: «Здесь мы проведем ночь». Мертвая тишина равнины, сторожевые собаки, группа похожих на цыган гаучосов, расположивших свои постели вокруг костра, — все это прочно запечатлелось в моей памяти, и я никогда не забуду картины этой первой ночи.

На следующий день местность оставалась все такой же. Птиц и зверей здесь мало. Изредка увидишь оленя или гуанако (дикую ламу); из четвероногих чаще всего встречается агути (Cay patagonica). Это животное играет здесь роль наших зайцев. Однако во многих существенных отношениях оно отлично от указанного рода: например, на задних ногах у него только по три пальца. Кроме того, оно примерно вдвое крупнее и весит от 20 до 25 фу (от 9 до 11 кг). Агути — подлинный обитатель пустыни; два или три агути, быстро скачущих один за другим напрямик через пустынные равнины, — обычная здесь картина. К северу они встречаются самой Сьерра-Тапальгуэн (37° 30 широты), где равнина сразу зеленеет и становится более влажной; южная граница их распространения лежит между бухтой Желания и бухтой Сан-Хулиан, где характер страны остается неизменным. Любопытно, что, хотя так далеко на юге, как в районе бухты Сан-Хулиан, агути в настоящее время не встречаются, капитан Вуд в своем рассказе о путешествии 1670 г. говорит, что их там было множество. Какая причина могла изменить пределы распространения такого рода животного в обширной, необитаемой и редко посещаемой стране? Далее, из того сколько настрелял их за один день капитан Вуд в бухте Желания явствует, что их там должно было водиться гораздо больше, чем в настоящее время. В местах, где живет вискаша, агути пользуется ее норами; но там, где, как в

Баия-Бланке, вискаши нет, агути роют себе норы. То же самое происходит и с маленькой пампасской совой (Athene cunicularia), которую так часто описывают стоящей подобно стражу у входа в нору: в Банда-Орьенталь, где вискаши нет, она вынуждена сама выкапывать себе жилище.

На следующее утро, по мере приближения к Рио-Колорадо, вид местности начал изменяться; вскоре мы вышли на покрытую травой равнину, которая своими цветами, высоким клевером и маленькими совами походила на пампасы. Далее мы миновали обширное грязное болото, которое летом пересыхает, покрываясь коркой из различных солей; поэтому его называют салитраль. Оно было покрыто низкорослыми суккулентными растениями, такими же, какие растут на побережье. Колорадо в том месте, где мы переправлялись через нее, имела лишь около 60 ярдов в ширину, вообще же она, должно быть, почти вдвое шире. Река очень извилистая и окаймлена ивами и тростниковыми зарослями; говорят, что расстояние до устья реки по прямой 9 лье, тогда как по течению — 25.

Переправляясь в челноке, мы были задержаны несколькими огромными табунами кобыл, плывшими по реке в глубь страны, вслед за отрядом войска. Никогда не видал я зрелища более комичного, чем эти сотни и сотни голов, вытянувшихся в одном направлении, с навостренными ушами и раздутыми храпящими ноздрями; выступавшие над водой головы казались огромной стаей каких-то земноводных животных. Конина — единственная пища солдат в походе. Это создает большие удобства в смысле передвижения, ибо расстояние, на которое можно перегонять лошадей по этим равнинам, совершенно поразительно: меня уверяли, что ненавьюченная лошадь может проходить сотню миль за день в течение многих дней подряд.

Лагерь генерала Росаса был разбит у реки. Он представлял собой прямоугольник, образованный фургонами, артиллерией, соломенными шалашами и пр. Солдаты были почти все конные, и мне кажется, что никогда еще до сих пор не существовало армии столь мерзкой и разбойничьей. Большая часть солдат была какой-то смешанной породы — смесь негритянской, индейской и испанской крови. Я зашел к секретарю предъявить свой паспорт. Он принялся допрашивать меня самым важным и таинственным образом. К счастью, у меня было рекомендательное письмо от буэнос-айресского правительства к коменданту Патагонеса.

Это письмо отнесли генералу Росасу, который прислал мне очень любезный ответ, и секретарь вернулся, расплываясь в улыбке и рассыпаясь в любезностях. Мы расположились в ранчо, т. е. хижине, занятного старика испанца, участвовавшего в походе Наполеона против России.

На Колорадо мы пробыли два дня; делать мне было почти нечего, потому что местность вокруг представляла собой болото, которое летом (в декабре), когда на Кордильерах тают снега, заливается рекой. Главным моим развлечением было наблюдать за индейскими семьями, приходившими, чтобы купить всякую мелочь в том ранчо, где мы остановились. Говорили, что у генерала Росаса около шестисот индейцев-союзников. То были стройные, красивые люди; но впоследствии мне пришлось увидеть, как у дикарей Огненной Земли холод, недостаток пищи и меньшая цивилизованность преобразили эти черты, сделав их отвратительными. Некоторые авторы, определяя основные человеческие расы, разделили этих индейцев на две группы, но это, безусловно, неправильно. Среди молодых женщин, или, как их называют, чина, некоторые даже заслуживают того, чтобы их назвать красавицами. У них жесткие, но черные и блестящие волосы, которые они заплетают двумя косами, спадающими до пояса. На лице у них играет румянец, а глаза сверкают; ноги и руки малы и изящны; на лодыжках, а иногда и вокруг талии красуются широкие повязки из голубых бус. Нет ничего интереснее некоторых индейских семейных групп. К нашему ранчо часто подъезжала мать с одной или двумя дочерьми верхом на одной лошади.

Верхом они ездят как мужчины, только колени подбирают гораздо выше. Эта манера, быть может, происходит от того, что во время путешествий они привыкли

ездить на навьюченных лошадях. Обязанность женщин — нагружать и разгружать лошадей, устраивать шатры на ночь, короче говоря, быть, как жены у всех дикарей, полезными рабами. Мужчины сражаются, охотятся, ухаживают лошадьми и изготовляют сбрую. Одно из главных занятий дома — обколачивать друг о друга два камня, пока те не станут круглым для изготовления из них боласов. Этим важным оружием индейцы ловит дичь, а также свою лошадь, бродящую на свободе по равнине, В сражении он прежде всего старается свалить наземь лошадь противника боласами и, когда тот сам запутается при падении, убить его своим чусо. Если шары обовьются лишь вокруг шеи или животного, оно увлекает их за собой, и шары безвозвратно потеряны. Так как для того, чтобы округлить камни, необходимо трудиться два дня, то производством шаров здесь занимаются очень часто. У некоторых мужчин и женщин лица выкрашены в красный цвет, но мне ни разу не пришлось видеть горизонтальных полос, столь часто встречающихся у огнеземельцев. Предмет их особенной гордости составляют всякие серебряные вещи; я видел касика, у которого шпоры, стремена, рукоятка ножа и уздечка были из серебра, а оголовье уздечки и поводья — из проволоки не толще бечевки, езда на горячем скакуне, послушном столь легкой узде, удивительно изящна.

Генерал Росас выразил желание встретиться со мной, и этому обстоятельству я был очень рад впоследствии. Это человек необыкновенно сильного характера, пользующийся в стране огромным влиянием, которое он, вероятно, употребит к ее процветанию и успехам. Говорят, ему принадлежит 74 квадратных лье земли и 300 тысяч голов скота. Его имения прекрасно управляются и приносят гораздо больше хлеба, чем у других. Впервые он прославился законами, которые завел в своих эстансиях, и дисциплиной, которую установил среди нескольких сот своих людей, так что те успешно отражали нападения индейцев. Ходит множество рассказов о том, как круто проводил он в жизнь свои законы. Один из законов гласил, что никто, под страхом заключения в колодки, не должен носить с собой ножа по воскресеньям, потому что в этот-то день и идут главным образом игра и пьянство, приводящие к ссорам, которые из-за распространенной здесь привычки драться на ножах часто имеют роковой исход. Как-то в воскресенье в эстансию приехал с визитом губернатор в парадной форме, и генерал Росас поспешилл ему навстречу, как обычно, с ножом за поясом. Управляющий тронул его за руку и напомнил о законе; тогда, обратившись к губернатору, он сказал, что очень сожалеет, но вынужден пойти в колодки, и до тех пор пока его не выпустят, он не хозяин даже в собственном доме. Спустя некоторое время управляющего уговорили отомкнуть колодки и освободить генерала, но, как только это было исполнено, тот обратился к управляющему со словами: «Теперь ты преступил законы, поэтому должен занять мое место в колодках». Подобные поступки приводили в восторг гаучосов, у которых сильно чувство собственного достоинства и своего равенства с людьми других классов.

Генерал Росас, кроме того, превосходный наездник — немаловажное качество в стране, где сборное войско выбирало себе генерала следующим образом: загнав в корраль табун необъезжен лошадей, их выпускали через ворота, над которыми лежала перекладина; по условию генералом становится тот, кому удавалось спрыгнуть с перекладины на одно из этих диких животных в тот момент, когда оно стремительно выбегало через ворота, и, без седла и уздечки, не только проскакать на нем, но и привести его обратно к воротам корраля. Избранный подобным способом генерал был, безусловно, подходящим военачальником для такой армии. В испытании доказал свою необычайную ловкость и Росас.

При помощи такого рода средств и подражая в своей одежде и поведении гаучосам, он приобрел в стране безграничную популярность, а вместе с тем и деспотическую власть. Один английский купец уверял меня, что некий человек, совершивший убийство, когда его арестовали, на вопрос о причине преступления ответил: «Он непочтительно отозвался о генерале Росасе, и я убил его». К концу недели убийца был на свободе. Без сомнения, это было сделано приверженцами генерала, а не им самим.

В разговоре это полный энтузиазма, рассудительный и очень серьезный человек.

Серьезность его доходит до крайности. Я слышал как один из его шутов (подобно старинным баронам генерал держит двух шутов) передавал следующий эпизод: «Мне очень хотелось послушать одну музыкальную пьесу, и я раза два или три приходил к генералу просить его об этом; в первый раз он сказал мне: «Убирайся, я занят»; я пришел во второй раз, он сказал: «Если ты придешь еще раз, я накажу тебя»; я попросил в третий раз, и он рассмеялся. Я бросился вон из палатки, но было слишком поздно; он приказал двум солдатам схватить меня и привязать к столбам. Я молил его всеми святыми отпустить меня, но все было напрасно: раз генерал засмеялся, то уж не пощадит ни безумного, ни разумного». Легкомысленный бедняга приходил в уныние при одном воспоминании о столбах. Это очень жестокое наказание: в землю врыты четыре столба, и человека, растянув между ними за руки и за ноги в горизонтальном положении, оставляют висеть так несколько часов. На мысль о таком наказании навел, очевидно, распространенный здесь способ сушки кож. Встреча наша прошла без единой улыбки, я получил паспорт и ордер, дававший мне право пользоваться лошадьми правительственной почты; все это генерал дал мне с величайшей любезностью и готовностью.

Утром мы отправились в Баия-Бланку, куда добрались за два дня. Выехав из военного лагеря, мы миновали тольдо индейцев. Эти хижины круглы и похожи на печи для плавки стекла, они покрыты шкурами; у входа в каждую было воткнуто в землю острое чусо. Тольдо распределялись отдельными группами, принадлежащими племенам с различными касиками во главе, а эти группы в свою очередь делились на меньшие, в соответствии с родственными взаимоотношениями их хозяев. Несколько миль мы ехали вдоль по долине Колорадо. Заливные террасы здесь, по-видимому, плодородны; полагают, что на них должны хорошо расти хлеба. Повернув от реки к северу, мы вскоре вступили в местность, отличную от равнин, расположенных южнее реки. Она по-прежнему была суха и бесплодна, но здесь уже было много различных растений, и трава, правда бурая и высохшая, была более обильна, а колючих кустарников становилось все меньше. Вскоре они и вовсе исчезли, так что ни один кустик больше не прикрывал наготы равнин. Этой сменой растительности отмечается начало громадного известково-глинистого отложения, образующего обширные пампасы и покрывающего гранитные породы Банда-Орьенталь. От Магелланова пролива-до Колорадо, на расстоянии около 800 миль, вся страна покрыта слоем галечника; голыши по преимуществу из порфира и произошли, должно быть, из обломков кордильерских пород. К северу от Колорадо этот слой становится все тоньше, сами голыши — чрезвычайно мелкими, и тут кончается характерная для Патагонии растительность.

Проехав миль двадцать пять, мы достигли широкого пояса песчаных дюн, тянувшихся на восток и на запад насколько хватал глаз. Песчаные бугры, покоясь на глине, способствуют скоплению небольших количеств воды и служат поэтому неоценимым источником пресной воды в этой сухой стране. Далеко не всегда мы отдаем должное той великой пользе, какую приносят нам понижения и повышения почвы. Те два жалких родника, которые мы встретили за длинный переход от Рио-Негро к Колорадо, возникли благодаря наличию незначительных неровностей на равнине: не будь их, здесь нельзя было бы найти ни капли воды. Пояс песчаных дюн около 8 миль в ширину; в прежние времена это был, вероятно, берег громадного эстуария, на месте которого теперь течет Колорадо. Даже знакомясь с одной лишь физической географией страны трудно воздержаться от подобных предположений здесь, в области, где встречаются несомненные доказательства недавнего поднятия суши. Перебравшись через песчаную полосу, мы к вечеру приехали на одну из пост и, так как лошади паслись далеко, мы решили здесь переночевать.

Дом стоял у подножия кряжа высотой от 100 до 200 футов, являющегося наиболее замечательной особенностью этой местостности. Постой командовал лейтенант-негр, уроженец Африки; к чести его следует отметить, что по пути от Колорадо до Буэнос-Айреса я не видал ни одного ранчо, которое могло бы сравниться по чистоте и порядку с этой постой. У лейтенанта было небольшое помещение для приезжих и маленький корраль для лошадей — все это из прутьев и тростника;

кроме того, вокруг дома был вырыт ров для защиты от возможного нападения. Впрочем, все это мало помогло бы, если бы индейцы и в самом деле пришли; но, по-видимому, главным утешением лейтенанту служила мысль о том, что он дорого продаст свою жизнь. Незадолго до того здесь ночью проехал мимо отряд индейцев; если бы они знали о существовании посты, то наш черный друг и его четыре солдата наверняка были бы убиты. Нигде не встречал я человека более вежливого и услужливого, чем этот негр; прискорбнее было для меня, что он ни за что не хотел садиться при нас и есть с нами.

Наутро мы очень рано послали за лошадьми и. дальше пустились уже веселым галопом. Мы миновали Кабеса-дель-Буэй, как называли в старину начало большого болота, которое тянется от Бланки. Здесь мы поменяли лошадей и проехали несколько лье по болотам и солончакам.

В последний раз переменив лошадей, мы вновь стали пробираться по грязи. Моя лошадь упала, и я окунулся в черную грязь — проишествие чрезвычайно неприятное, если не имеешь перемены платья. За несколько миль от форта мы повстречали человека, который сказал нам, что палили из большой пушки — сигнал о том, что близко индейцы. Мы немедленно свернули с дороги и поехали краем болота — отсюда в случае преследования легче всего можно было бы спастись бегством. Мы были очень рады, очутившись за стенами форта, но тут узнали, что вся тревога была поднята попусту, ибо индейцы оказались дружественными, желавшими присоединится к генералу Росасу.

Баия-Бланка вряд ли заслуживает даже названия деревни. Несколько домов да казармы для войск окружены глубоким укрепленной стеной. Поселение это основано совсем недавно — в 1828 г., и его развитие было сопряжено с неприятностями. Буэнос-айресское правительство незаконно захватило его силой, вместо того чтобы последовать мудрому примеру испанских вице-королей, покупавших у индейцев землю около прежнего поселения на Рио-Негро. Потому-то и оказалось необходимым возведение укреплений, потому-то и домов мало, и мало возделанной земли вне стен, даже скот за пределами равнины, на которой стоит крепость, не обеспечен от нападения индейцев.

До той части гавани, где «Бигль» должен был бросить якорь, было 25 миль, и я взял у коменданта проводника и лошадей, чтобы поехать взглянуть, не прибыл ли корабль. Покинув покрытую зеленой травой равнину, тянувшуюся по течению ручейка, мы вскоре оказались в обширной плоской и пустынной местности, где пески, солончаки и просто грязь чередовались друг с другом. Одни места были покрыты низкими зарослями кустарника, другие — теми суккулентными растениями, которые разрастаются лишь там, где в изобилии имеется соль. Как ни бедна была местность, здесь во множестве водились страусы, олени, агути и броненосцы. Мой проводник рассказал мне, что месяца два назад он был на волосок от смерти: вместе с двумя товарищами он уже закончил охоту неподалеку от этих мест, как вдруг они повстречались с отрядом индейцев; индейцы погнались за ними, вскоре догнали и убили обоих его товарищей. Уже ноги его собственной лошади были опутаны боласами, но он соскочил и ножом перерезал ремни; при этом ему приходилось прятаться за лошадью, и, пока он бегал вокруг нее, индейцы нанесли ему две тяжелые раны своими чусо. Вскочив в седло, он помчался вперед, почти сверхъестественным усилием ухитряясь оставаться лишь чуть-чуть впереди длинных копий преследователей, которые гнались за ним до тех пор, пока не завидели крепости. С тех пор было запрещено уходить далеко от поселения. Я не знал об этом при отъезде и был поражен тем, с каким напряженным вниманием следил мой проводник за оленем, которого, видимо, спугнули где-то вдалеке.

Обнаружив, что «Бигль» еще не пришел, мы направились обратно, но вскоре лошади устали, и нам пришлось заночевать на равнине под открытым небом. Утром мы поймали броненосца; хотя броненосец, зажаренный в собственном панцире, — блюдо самое изысканное, но это недостаточно основательный завтрак и обед для двух голодных мужчин. Земля в том месте, где мы остановились на ночлег, была покрыта коркой сернокислого натрия и потому, понятно, была лишена воды. Но даже и здесь ухитрялись существовать во множестве мелкие грызуны, и всю

первую половину ночи тукутуко издавал прямо под моей головой свое странное короткое хрюканье. Лошади у нас были очень плохие, а так как они ничего не пили, то утром скоро выбились из сил, и нам пришлось продолжать путь пешком. Около полудня наши собаки поймали козленка, и мы его изжарили. Я съел немного, но мясо это вызвало у меня нестерпимую жажду, которая оказалась тем более мучительной, что дорога после недавнего дождя вся была покрыта маленькими лужицами прозрачной, но совершенно непригодной для питья воды. Я не провел без воды и двадцати часов, причем лишь часть этого времени — под жарким солнцем, но жажда вконец изнурила меня. Не могу себе представить, как люди выдерживают в подобных условиях два или три дня; в то же время, должен сознаться, проводник мой ничуть не страдал и поражался, что один день лишений оказался для меня таким тяжелым.

Я уже несколько раз упоминал о том, что поверхность земли была покрыта солью. Это явление не того рода, что в салинах, а гораздо более замечательное. Эти инкрустации встречаются во многих местах в Южной Америке — повсюду, где климат умеренно сух, но нигде не видал я их в таком количестве, как близ Баия-Бланки. Соль здесь, как и в других местах в Патагонии, состоит в основном из сернокислого натрия с небольшой примесью поваренной соли. Пока на этих салитралях (как их неправильно называют испанцы, ошибочно принимая это вещество за селитру) земля остается влажной, видишь только обширную равнину с черной илистой почвой, по которой разбросаны кучками суккулентные растения. Но если снова проехать теми же местами спустя неделю, в течение которой стояла жаркая погода, то кажется поразительным вид равнины, которая на протяжении многих квадратных миль побелела так, словно выпало немного снега и ветер там и сям смел его в небольшие сугробы. Это последнее явление возникает главным образом потому, что при медленном испарении влаги соли выделяются на листьях увядшей травы, на пнях и на комьях вспаханной земли, но не кристаллизуются на дне лужиц с водой. Салитрали встречаются либо на плоских пространствах, возвышающихся лишь на несколько футов над уровнем моря, либо на намывной почве по рекам. Г-н Паршапп* нашел, что соляная инкрустация на одной равнине, лежащей в нескольких милях от моря, состояла в основном из сернокислого натрия с примесью только 7 % поваренной соли, а при приближении морскому берегу количество поваренной соли возрастало до 37 %. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что сернокислый натрий образуется в почве из хлористого натрия, который остался на поверхности при недавнем медленном поднятии суши. Все явление в целом вполне заслуживает внимания естествоиспытателей. Не обладают ли солелюбивые суккулентные растения, в которых, как известно, содержится много натрия, способного разлагать хлористый натрий? Не дает ли черный вонючий ил, изобилующий органическими веществами, серу, а в конце концов и серную кислоту?

Два дня спустя я снова поехал к гавани; неподалеку от того места, куда мы направлялись, мой спутник, тот же, что и накануне, заметал трех человек, охотящихся верхом. Он немедленно спешился и, внимательно присмотревшись к ним, сказал: «Они сидят верхом не так, как христиане, да и никто ведь не имеет права выезжать из форта». Трое охотников съехались вместе и тоже сошли с лошадей. Затем один из них снова сел на лошадь и скрылся за холмом. Спутник мой сказал; «Теперь и нам надо сесть на лошадей; зарядите ваш пистолет», — и взглянул на свою собственную саблю. Я спросил: «Это индейцы?» — «Quien sabe? (Кто знает?) Если их не больше трех, то это неважно». Тут мне пришло в голову, что тот человек поехал за холм, чтобы привести остальных своих соплеменников. Я высказал это предположение, но все, чего мог добиться в ответ, было: «Quien sabe?» Мой спутник ни на минуту не переставал пристально вглядываться в далекий горизонт. Его необыкновенное хладнокровие показалось мне скверной шуткой, и я спросил его, почему мы не повернем домой. Ответ его меня изумил: «Мы возвращаемся, только едем близко к болоту; мы загоним туда лошадей как можно дальше, а тогда доверимся собственным ногам, так что опасности никакой». Я был далеко не так уверен в этом и выразил желание прибавить шагу. Но он сказал: «Нет, нельзя, пока они не спешат». Когда малейшая складка местности скрывала нас, мы мчались галопом, но, оказавшись на виду, опять ехали шагом.

Наконец, мы достигли долины и, свернув налево, галопом понеслись к подножию холма: проводник дал мне подержать свою лошадь, заставил собак лечь на землю, а сам пополз на четвереньках на разведку. Некоторое время он, не приподнимаясь, вглядывался в даль, как вдруг, разразившись смехом, воскликнул: «Mugeres!» (Женщины). Он узнал жену и свояченицу майорова сына, которые искали страусовые яйца. Я описал поведение, этого человека, так как он действовал в полном убеждении, что то были индейцы. Но как только нелепая ошибка была обнаружена, он привел мне сотню мотивов, почему это не могли быть индейцы, — а, между тем в свое время ни одно из этих соображений не приходило ему в голову. После того мы тихо и мирно доехали до низменного мыса, называемого Пунта-Альта, откуда могли обозреть почти всю обширную гавань Баия-Бланки.

Широкий водный простор во многих местах запружен большими илистыми отмелями, которые здешние жители называют кангрехалес, т. е крабьими садками, из-за множества мелких крабов, живущих там. Ил так мягок, что пройти по отмелям невозможно даже на самое короткое расстояние. Поверхность многих из них покрыта тростником, и во время прилива видны только верхушки растений. Как-то раз на лодке мы так запутались среди этих отмелей, что едва нашли дорогу. Не видно было ничего, кроме плоских гряд ила; день был не совсем ясный, лучи сильно преломлялись или, как об этом говорят моряки, «все казалось выше». Все, что ни открывалось нашему взору, было горизонтально, кроме самого горизонта; тростник казался кустами, повиснувшими в воздухе, вода казалась илистыми отмелями, а илистые отмели водой.

На Пунта-Альте мы провели ночь, и я занялся поисками ископаемых костей, ибо этот мыс — настоящий склеп вымерших чудовищ. Вечер был совершенно тихий и ясный; крайнее однообразие пейзажа сообщало ему какую-то привлекательность даже посреди этих илистых отмелей с чайками да песчаных бугров с одинокими грифами. На обратном пути, утром, мы напали на совсем свежий след пумы, но нам не удалось разыскать ее. Кроме того, мы видели пару сорильо, или скунсов, — эти отвратительные животные встречаются здесь довольно часто12. С виду сорильо похож на хорька, только немного крупнее и гораздо толще в сравнении с остальными размерами. Сознавая свою силу, он бродит днем в открытом поле и не боится ни собак, ни людей. Если натравить на него собаку, он мгновенно охлаждает ее пыл несколькими каплями вонючей маслянистой жидкости, которая бьет в нос и вызывает сильную тошноту. На что бы ни попала жидкость, вещь раз и навсегда испорчена. Азара говорит, что запах этот можно услышать на расстоянии лье; не раз, входя в гавань Монтевидео, мы чувствовали этот запах на борту «Бигля», когда ветер дул с берега. Достоверно известно, что все животные с величайшей готовностью уступают место сорильо.

Глава V. Баия- Бланка

Геология

Многочисленные вымершие гигантские четвероногие

Недавнее вымирание

Долговечность видов

Крупным животным не нужна пышная растительность

Южная Африка

Сибирские ископаемые

Два вида страуса

Повадки печника

Броненосцы

Ядовитая змея, жаба, ящерица

Зимняя спячка животных

Повадки морского пера

Индейские войны и резня

Наконечник стрелы — археологическая находка

«Бигль» пришел сюда **24 августа** и через неделю отплыл к Ла-Плате. С согласия капитана Фиц-Роя я остался, с тем, чтобы проехать в Буэнос-Айрес сушей. Приведу здесь некоторые наблюдения, сделанные как во время этого посещения, так и прежде, когда «Бигль» занимался тут съемкой гавани.

Равнина на расстоянии нескольких миль от морского берега относится к громадной формации пампасов, состоящей частью из красной глины, частью из богатой известью мергельной породы. Ближе к берегу есть равнины, образованные остатками верхней равнины и илом, гравием и песком, выброшенными морем, пока происходило медленное поднятие суши; об этом поднятии свидетельствуют, лежащие на некотором возвышении слои раковин ныне живущих моллюсков и окатанные голыши пемзы, разбросанные повсюду. На Пунта-Альте перед нами открывается разрез одной из этих площадок недавней формации, чрезвычайно интересной теми многочисленными и совершенно своеобразными остатками гигантских наземных животных, которые погребены в ней. Они весьма полно описаны профессором Оуэном в «Зоологических результатах путешествия на "Бигле"» и хранятся в Хирургическом училище. Здесь я лишь вкратце опишу их.

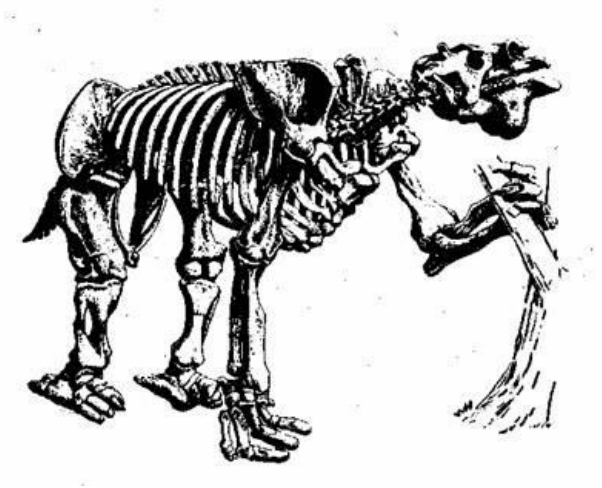
Сюда относятся, во-первых, части трех черепов и. другие кости мегатерия (Megatherium), самое название которого говорит о его колоссальных размерах. Во-вторых, мегалоникс (Megalonyx) — огромное животное, родственное первому. В-третьих, сцелидотерий (Scelidotherium) — также близкое к ним животное; мне удалось найти почти полный скелет его. Величиной он был, должно быть, с носорога; по строению черепа он, оказывается, по мнению м-ра Оуэна, ближе всего к капскому муравьеду, но в некоторых других отношениях приближается к броненосцам. В-четвертых, Mylodon darwinii, принадлежащий к роду очень близкому, но немного меньших размеров. В-пятых, еще одно гигантское четвероногое из неполнозубых. В-шестых, крупное животное с покровом из костяных пластинок, очень похожим на панцирь броненосца. В-седьмых, лошадь вымершей породы, к которой я еще вернусь. В-восьмых, зуб какого-то толстокожего, вероятно макраухении (Macrauchenia), громадного животного с

длинной, как у верблюда, шеей; к нему я тоже вернусь в дальнейшем. Наконец, токсодон (Toxodon), быть может одно из самых диковинных из когда-либо открытых животных: величиной он равняется слону или мегатерию, но строение его зубов, как установил м-р Оуэн, неоспоримо доказывает, что это близкий родственник грызунов — отряда, к которому в настоящее время относятся по большей части самые маленькие четвероногие; многие черты приближают его к Pachydermata; судя по расположению глаз, ушей и ноздрей, это было, вероятно, водяное животное вроде дюгоня или ламантина, к которым он также близок2. Как удивительно признаки всех этих различных отрядов, в настоящее время так резко разграниченных, сочетались друг с другом в различных особенностях строения токсодона!

Остатки этих девяти крупных четвероногих и множество разрозненных костей были погребены у самого берега на площади не более 200 квадратных ярдов. Замечательно то обстоятельство, что столько различных видов было найдено вместе; это свидетельствует о том, как многообразны, должны были быть древние обитатели этой страны. На расстоянии около 30 миль от Пунта-Альты, в обрыве краснозема, я нашел несколько обломков костей, из коих некоторые были довольно крупные. Среди них были зубы грызуна, очень похожие на зубы водосвинки, повадки которой были описаны выше, и такие же по размеру, а потому они принадлежали, должно быть, водному животному. Тут же была часть черепа Ctenomys, вида в общем очень сходного с тукутуко. В похожем на почву пампасов красноземе, где были погребены все эти остатки, профессор Эренберг нашел 8 видов пресноводных наливочных анималькулей и один вид солоноводных; таким образом, эта почва представляет собой, вероятно, отложение эстуария. На Пунта-Альте остатки лежали в слоях гравия и красноватого ила в точности такого же, какой в наши дни море намывает на неглубокие мели. Там же было найдено 23 вида раковин, из коих 13 принадлежат ныне живущим видам и 4-формам, очень близким к современным. Судя по сохранившимся в правильном взаимном расположении костям сцелидотерия, среди которых была даже коленная чашечка, и по костному панцирю большого животного, похожего на броненосца, так хорошо сохранившемуся вместе с костями одной из его ног, можно не сомневаться, что эти остатки были еще свежи и соединены связками, когда вместе с раковинами отложились в гравии. Таким образом, у нас есть веское доказательство того, что перечисленные выше гигантские четвероногие, сильнее отличающиеся от четвероногих наших дней, чем от самых древних из третичных четвероногих Европы, жили в то время, когда море уже было населено большей частью его нынешних обитателей, а этим подтверждается тот замечательный закон, на котором так упорно настаивает м-р Ляйелль, — что «долговечность видов у млекопитающих в общем ниже, чем у Testacea».

Огромные размеры костей мегатероидов, к которым относятся мегатерий, мегалоникс, сцелидотерий и милодон, поистине удивительны. Образ жизни этих животных оставался полной загадкой для натуралистов до тех пор, пока недавно профессор Оуэн не разрешил замечательно остроумно эту проблему. Простое устройство зубов у мегатероидов показывает, что они поддерживали свое существование растительной пищей, питаясь, вероятно, листьями и молодыми ветками деревьев; их тяжеловесные формы и большие и сильные загнутые когти так мало приспособлены для передвижения, что, по мнению многих выдающихся натуралистов, эти животные подобно ленивцам, с которыми они близко родственны, должны были питаться листьями, карабкаясь по ветвям спиной вниз. Смело, чтобы не сказать нелепо, представление, будто даже в допотопные времена могли существовать деревья с ветвями достаточно крепкими для того, чтобы выдерживать животных величиной со слона. Профессор Оуэн высказывает гораздо более вероятную мысль о том, что они не карабкались на деревья, а притягивали ветви к себе, обрывали молодые побеги и поедали листья. С этой точки зрения понятно, что колоссальная задняя часть их тела такой ширины и тяжести, что ее едва ли можно представить себе, не видав костей, была им не обузой, а приносила очевидную пользу, и, таким образом, представление об их неуклюжести отпадает. Твердо опираясь на землю большим хвостом и исполинскими ступнями, будто треножником, они могли свободно пускать в ход всю силу своих невероятных

мощных передних лап и огромных когтей. Крепко же должно было сидеть в земле дерево, чтобы устоять против такой силы! Помимо того у милодона был длинный растягивающийся язык, как у жирафы, которая благодаря такой изумительной предусмотрительности природы может при помощи длинной шеи доставать свою лиственную пищу. Кстати замечу, что, согласно Брюсу, когда абиссинский слон не может достать веток хоботом, он глубоко бороздит бивнями ствол дерева по всем направлениям, пока не ослабит его настолько, чтобы повалить.

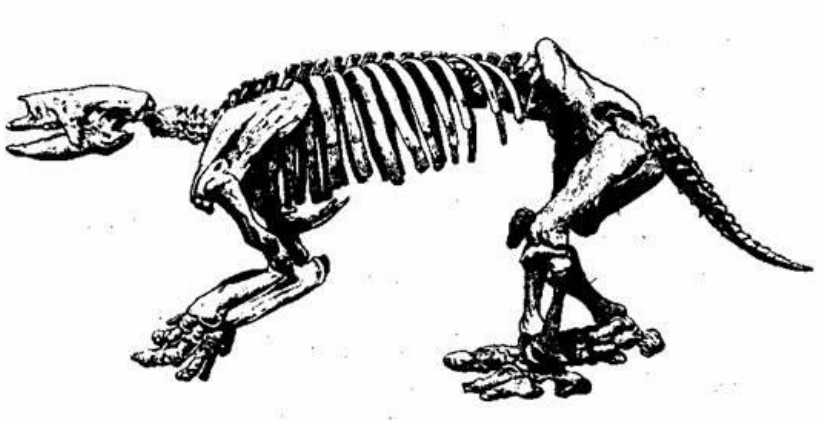


Скелет мегатерия (Megatherium americanum, Cuvier et Blumenbach)

Слои, в которых находились вышеупомянутые ископаемые остатки, лежат не выше 15–20 футов над уровнем океана при приливе; отсюда следует, что с того времени, когда по окрестным равнинам бродили эти огромные четвероногие, здесь произошло лишь небольшое поднятие суши (если только не было еще промежуточного периода опускания, на что у нас нет никаких указаний) и что общий характер местности в то время был, должно быть, почти совсем таким же, как и теперь. Естественно задать себе вопрос, какова была растительность в тот период и так ли жалка и бесплодна, как теперь, была тогда страна. Так как среди погребенных вместе с четвероногими моллюсков столь многие принадлежат к видам, живущим в настоящее время в заливе, я сначала был склонен думать, что тогдашняя растительность походила, вероятно, на нынешнюю; но такое заключение было бы ошибочным, потому что некоторые из этих же моллюсков живут и на роскошном бразильском берегу; да и вообще по характеру обитателей моря никак нельзя судить об обитателях суши. И все-таки я не думаю, чтобы простой факт существования большого числа гигантских четвероногих на равнинах в окрестностях Баия-Бланки безусловно свидетельствовал о том, что здесь когда-то была пышная растительность; я не сомневаюсь в том, что и в бесплодной местности, лежащей несколько южнее, у Рио-Негро, где лишь, изредка попадаются колючие деревья нашли бы себе средства к существованию многочисленные и крупные четвероногие.

Общее мнение таково, что крупным животным требуется пышная растительность, и эта мысль переходит от одного автора к другому; но я решительно утверждаю, что она совершенно неверна, а ведь именно она лишила силы аргументацию геологов во многих очень важных вопросах древнейшей истории земли. Это предвзятое мнение произошло, вероятно, вследствие того, что все привыкли сочетать воедино стада слонов, великолепные леса и непроходимые джунгли в Индии и на островах Индонезии. Однако, обратившись к любому описанию путешествия по южным областям Африки, почти на каждой странице мы найдем

упоминания то о пустынном характере страны, то о многочисленных крупных животных, ее населяющих. То же явствует из множества гравюр, изображающих различные местности внутренней Африки. Когда «Бигль» стоял в Кейптауне, я совершил экскурсию внутрь страны, продолжавшуюся несколько дней, и этой поездки мне было больше чем достаточно, чтобы полностью уяснить себе то, о чем я читал.



Скелет милодона (Mylodon robustus, Owen)

Д-р Эндрью Смит, который недавно во главе отряда смельчаков успешно перешел тропик Козерога, сообщает мне, что если рассматривать Южную Африку в целом, то это страна, несомненно, бесплодная. На южном и юго-восточном побережьях есть кое-где прекрасные леса, но, за этим исключением, путешественник целые дни может ехать открытыми равнинами, покрытыми жалкой и скудной растительностью. Трудно дать точное представление о сравнительном плодородии разных стран, но можно с уверенностью сказать, что общее количество растительности в Великобритании в любое время в году* превосходит, наверное, раз в десять количество растительности на той же площади во внутренних областях Африки. Тот факт, что запряженные волами фургоны могут разъезжать по всем направлениям, за исключением морского побережья, лишь случайно задерживаясь не больше получаса, чтобы вырубить кусты, даст, быть может, более ясное представление о скудости растительности. Если же мы посмотрим, какие животные населяют эти пустынные равнины, то найдем, что число их необычайно велико, а размеры отдельных животных огромны. Нам придется указать слона, три, а быть может, по данным д-ра Смита, и еще два вида носорога, бегемота, жирафу, кафрского буйвола, величиной не уступающего нашему взрослому быку, и оленебыка, который лишь немного меньше, двух зебр и квaггу, двух гну и несколько антилоп, которые даже крупнее гну. Можно было бы предположить, что, хотя видов и много, количество особей каждого из видов невелико. Благодаря любезности д-ра Смита я имею возможность показать, что дело обстоит совсем не так. Он сообщает мне, что в продолжение одного дня пути в запряженных волами фургонах, не уклоняясь далеко в ту или иную сторону, он видел под 24° широты от 100 до 150 носорогов трех видов; в тот же день он видел несколько стад жираф, насчитывавших в общей сложности около ста голов; правда, он не встретил ни одного слона, но и они водятся в этом районе. На расстоянии немногим больше часа пути от места ночлега его отряд в одном месте убил восемь бегемотов и куда больше их видел. В той же реке были еще и крокодилы. Конечно, скопление в одном месте такого множества крупных животных — случай из ряда вон выходящий, но ясно свидетельствующий, что их там должно быть очень много. По описанию д-ра Смита, местность, которой они проходили в тот день, была «покрыта реденькой травой да изредка кустарником фута в четыре вышиной, и еще реже встречались древесные мимозы». Фургоны беспрепятственно проезжали почти по прямой линии.

Помимо этих крупных животных всякий мало-мальски знакомый с естественной историей Капской колонии знает о стадах антилоп, которые можно сравнить по многочисленности только со стаями перелетных птиц. В самом деле, количество львов, пантер и гиен, а также множество хищных птиц ясно говорит об обилии этих менее крупных четвероногих: как-то вечером люди д-ра Смита насчитали семь львов, одновременно бродивших вокруг лагеря. Как говорил мне этот видный натуралист, ежедневные кровопролития в Южной Африке должны быть поистине ужасающи! Признаюсь, что ив самом деле поразительно, каким образом может найти себе пропитание такое количество животных в стране, производящей так мало пищи. Более крупные четвероногие, без сомнения, бродят по пустынным просторам в поисках пищи, которая и состоит главным образом из кустарника и молодых деревьев, содержащих, вероятно, в малом объеме много питательных веществ. Д-р Смит сообщает мне также, что развитие растений там идет очень быстро: не успеют животные поесть и части растительности, как на месте съеденной уже вырастает свежая. Несомненно, однако, что наши представления о количестве пищи, которое необходимо крупным четвероногим, сильно преувеличены; напомним, что в верблюде, животном отнюдь не малых размеров, всегда видели символ пустыни.

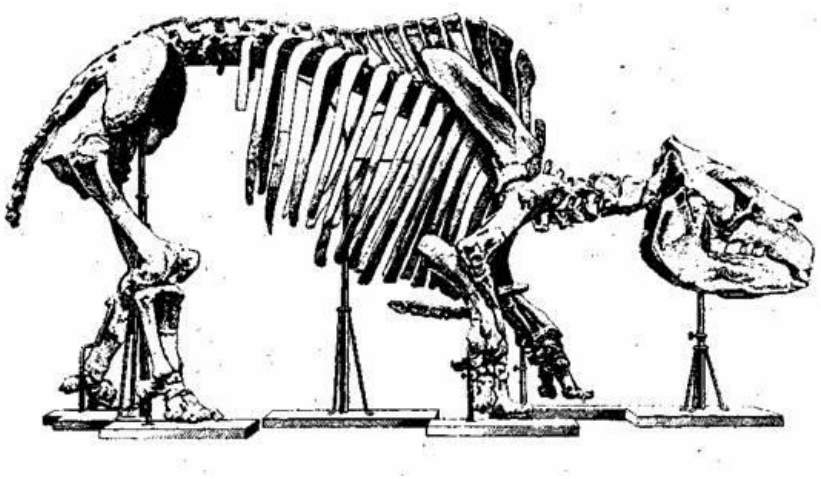
Представление, будто там, где водятся крупные четвероногие, обязательно должна быть пышная растительность, еще более интересно потому, что и обратное соотношение далеко от истины. М-р Бёрчелл говорил мне, что при первом знакомстве с Бразилией ничего не поразило его так сильно, как великолепие южноамериканской растительности, представляющей такой контраст с южноафриканской, и при этом — отсутствие каких бы то ни было крупных четвероногих. В своих «Путешествиях» он высказывает мысль, что было бы чрезвычайно любопытно сравнить относительный вес (если бы имелось достаточно для того данных) равного числа крупнейших травоядных четвероногих в обеих странах. Если мы возьмем, с одной стороны, слона, бегемота, жирафу, кафрского буйвола, оленебыка, три, а может быть и пять видов носорога, а с другой стороны (для Америки), двух тапиров, гуанако, трех оленей, вигонь, пекари, водосвинку (после чего нам, чтобы сравнять счет, осталось бы взять одну из обезьян) и затем поставим обе группы рядом, то трудно представить себе большее несоответствие размеров. Вышеприведенные факты заставляют нас прийти к выводу вопреки вероятности прежних высказываний, что в отношении млекопитающих не существует никакой тесной связи между размерами видов и количеством растительности в стране, где они обитают.

Что касается количества крупных четвероногих, то на земном шаре положительно не существует такого места, которое выдержало бы сравнение с Южной Африкой. После приведенных выше различных данных крайне пустынный характер этой области не оставляет никакого сомнения. В европейской области мы должны вернуться к третичным эпохам для того, чтобы найти в отношении млекопитающих положение вещей, сходное с тем, какое существует в наши дни на Мысе Доброй Надежды. Но и те третичные эпохи, в которых мы склонны предполагать изумительное изобилие громадных животных, — ибо в некоторых местах мы находим остатки, накоплявшиеся на протяжении ряда веков, — едва ли могут похвастать более крупными четвероногими, чем в настоящее время Южная Африка. Строя те или иные предположения о состоянии растительности в те отдаленные эпохи, мы обязаны по крайней мере настолько считаться с ныне существующими аналогичными условиями, чтобы не настаивать на безусловной необходимости пышной растительности, имея перед глазами пример Мыса Доброй Надежды, где положение вещей совершенно иное.

Нам известно, что крайние области Северной Америки на расстоянии многих градусов за границей той зоны, где земля на глубине нескольких футов пребывает в состоянии вечной мерзлоты, покрыты лесами с крупными, высокими деревьями. Точно так же в Сибири леса из березы, пихты, осины и лиственницы растут под такой широтой (64°), где средняя температура воздуха падает ниже точки замерзания и где земля промерзла до такой степени, что прекрасно сохраняет трупы попавших туда животных. Если исходить из одного только количества

растительности, то ввиду всех этих фактов нам придется согласиться, что огромные четвероногие более поздних эпох третичного периода могли жить в большей части северной Европы и Азии в тех самых местах, где находят в наши дни их остатки. Я не говорю здесь о том, какая растительность была необходима для их существования; ибо поскольку мы имеет доказательства происшедших физических перемен и поскольку эти животные вымерли, то можно предположить, что и растительные виды точно так же изменились.

Позволю себе добавить, что все эти замечания имеют непосредственное отношение к сибирским животным, сохранившимся во льду. Твердое убеждение в необходимости для поддержания жизни таких крупных животных пышной тропической растительности при невозможности примирить это предположение с фактом близости вечной мерзлоты было одной из главнейших причин появления нескольких теорий о внезапных и резких изменениях климата и; сокрушительных катастрофах — теорий, придуманных для того, чтобы объяснить найденные остатки. Я далек от предположения, что климат не менялся с того самого времени, когда жили животные, которые ныне погребены во льдах. Здесь я хочу лишь показать, что если исходить из одного только количества пищи, то окажется, что древние носороги могли бы бродить по степям средней Сибири (ее северные области, вероятно, находились под водой) даже в их нынешних условиях, так же как ныне живущие носороги и слоны по Карру в Южной Африке.

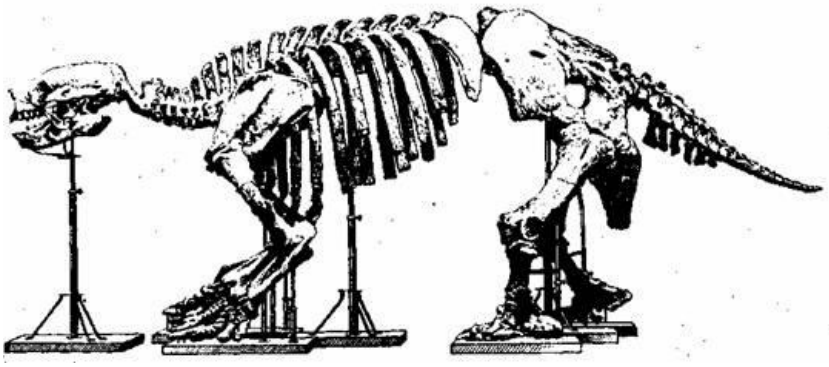


Скелет токсодона (Toxodon platensis, Owen или Toxodon darwinii, Burmeister)

Теперь я расскажу о нравах некоторых наиболее интересных птиц, встречающихся на безлюдных равнинах северной Патагонии, и, прежде всего самой большой из них — южноамериканского страуса. В общих чертах образ жизни страуса всем известен. Они едят растительную пищу — коренья, траву; но в Баия-Бланке я не раз видел, как три-четыре страуса спускались во время отлива к обширным илистым отмелям, в то время высыхавшим, для того, чтобы, как говорят гаучосы, поесть рыбешки. Хотя страус по нраву своему птица пугливая, осторожная и любящая уединение и хотя он быстро бегает, индейцы и гаучосы, вооруженные боласами, ловят его без особого труда. Если несколько всадников обступает его полукругом, он теряется и не знает, куда бежать. Большой частью страусы предпочитают бежать против ветра, но, трогаясь с места, распускают крылья- и пускаются, точно корабль, «на всех парусах». Раз в ясный жаркий день я видел, как несколько страусов зашло в заросли высокого тростника и село там, притаившись; они сидели так, пока я не подошел совсем близко. Не всем известно, что страусы охотно идут в воду. М-р Кинг сообщает мне, что в заливе Сан-Блас и в бухте Вальдес в Патагонии он видел, как эти птицы несколько раз переплывали с

одного острова на другой. Они бросались в воду как в том случае, когда их загоняли к берегу, так и сами по себе, когда их никто не пугал; в воде они покрывали расстояние около 200 ярдов. При плавании их тело очень мало высовывается из воды, а шею они вытягивают несколько вперед: в общем продвигаются они медленно. Дважды видел я, как несколько страусов переплывали реку Санта-Крусв том месте, где ширина ее около 400 ярдов, а течение быстрое. Капитан Стёрт*, плывя вниз по реке Мёррембиджи в Австралии, видел там двух плававших эму.

Местные жители даже издали легко отличают самца страуса от самки. Самец крупнее и темнее цветом, и голова у него больше. Страус, и я думаю, что именно самец, издает своеобразный низкий свистящий звук; когда я впервые услышал его, стоя среди песчаных бугров, то подумал, что это кричит какой-то дикий зверь. Потому что нельзя было понять, с какого направления и расстояния доносится этот звук. Во время нашего пребывания в Баия-Бланке в сентябре и октябре в окрестностях повсюду находили огромные количества страусовых яиц. Они бывают разбросаны поодиночке и в этом случае никогда не высиживаются (испанцы их называют уачо); или же они собраны кучкой в неглубокой впадинке, которая служит гнездом. Из тех четырех гнезд, которые я видел, в трех было по 22 яйца, а в четвертом 27. За день охоты верхом я нашел 64 яйца; из них 44 лежали в двух гнездах, а остальные 20 были разбросаны по равнине уачо. Гаучосы единодушно утверждают, и нет причины в том сомневаться, что самец один высиживает яйца и затем некоторое время водит молодых. Самец лежит в гнезде, тесно прижавшись к земле, и раз я сам чуть не наехал на одного. Уверяют, что в такие периоды они бывают свирепы и даже опасны; известны случаи, когда они нападают на человека, сидящего верхом на лошади, стараясь ударить его ногой и прыгнуть на него. Человек, рассказывавший об этом, показал мне старика, которого, как он сам видел, поверг в ужас гнавшийся за ним страус. В книге Бёрчелла о путешествиях по Южной Африке я обратил внимание на следующее замечание: «Когда у убитого самца страуса перья оказались грязными, готтентоты сказали, что это была птица, высиживавшая яйца». Мне известно, что самец эму в зоологических садах берет гнездо на свое попечение; следовательно, эта особенность является общей для всего семейства. |



Скелет сцелидотерия (Scelidotherium Jeptocephalum,)

Гаучосы единодушно утверждают, что в одно гнездо кладут яйца нескольких самок. Меня решительно заверяли, что видели, как в середине дня четыре или пять самок подходили одна за другой к одному и тому же гнезду. Могу добавить еще, что и в Африке полагают, будто в одно гнездо кладут яйца две или больше самок. Хотя такая привычка на первый взгляд кажется очень странной, я думаю, что можно просто объяснить ее причину. Число яиц в гнезде 1 колеблется от 20 до 40 и даже до 50, а согласно Азара, иногда до 70–80. Исходя из того, что количество яиц, находимых в одном районе, так необычайно велико по сравнению с числом взрослых птиц, а также судя по состоянию яичника у самок, вероятнее всего

предположить, что самка за сезон может откладывать большое количество яиц, но для этого требуется очень длительное время. Азара) отмечает, что одна прирученная самка снесла 17 яиц с промежутками в три дня между отдельными кладками. Если бы самке пришлось самой высиживать яйца, то, прежде чем было бы снесено последнее, первое, наверно, успело бы уже испортиться; но если бы каждая самка откладывала несколько яиц через последовательные промежутки времени в разные гнезда и несколько самок, как то и показала действительность, объединялись бы, то в одном гнезде собирались бы яйца примерно одинакового возраста. Если число яиц в одном из таких гнезд в среднем, как я полагаю, не больше числа яиц, откладываемых одной самкой за сезон, тогда гнезд должно быть столько же, сколько и самок, и каждому самцу достается равная доля труда по высиживанию, как раз в тот период, когда самки, вероятно, высиживать не могут, так как продолжают нестись. Я упоминал выше о большом количестве уачо — брошенных яиц; так, за день охоты я нашел таких 20 штук. Кажется странным, что так много яиц пропадает впустую. Не происходит ли это из-за трудности соединения вместе нескольких самок и подыскания самца, готового принять на себя обязанность высиживания? Очевидно, что для начала должно существовать в какой-то степени объединение хотя бы между двумя самками, иначе яйца останутся разбросанными по просторам равнин на расстояниях слишком больших для того, чтобы самец имел возможность собрать их в одно гнездо; некоторые авторы полагают, что вразброс яйца кладутся для того, чтобы ими питались молодые птицы. Но едва ли так обстоит дело в Америке, потому что уачо часто находят испорченными и протухшими, но почти всегда целыми.

За время моего пребывания на Рио-Негро в северной Патагонии я неоднократно слышал от гаучосов рассказы об очень редкой птице, которую они называли авеструс петисе. По их описаниям, она меньше обыкновенного страуса (которые водится там в изобилии), но с, виду очень похожа на него. Они говорят, что эта птица темного цвета, в крапинку, и ноги у нее короче и покрыты перьями ниже, чем у обыкновенного страуса. Ловить ее боласами легче, чем другие виды. Те немногие местные жители, которые видели обеих птиц, утверждают, что они могли бы отличить издали одну от другой. Яйца этого меньшего вида попадались, кажется, чаще, чем сами птицы; те, кто их видел, с удивлением отмечали, что они лишь чуть-чуть меньше яиц обыкновенного американского страуса, но несколько иной формы и бледно-голубого оттенка. Вид этот крайне редко встречается на равнинах по берегам Рио-Негро; но одним-полутора градусами южнее их уже довольно много. В бухте Желания в Патагонии (48 ° широты) м-р Мартене застрелил страуса; я взглянул на него и, самым непостижимым образом позабыв в тот момент все, что знал о метисе, решил, что это просто молодая птица обычного вида. Мы изжарили и съели ее, прежде чем я опомнился. К счастью, голова, шея, ноги, крылья, много крупных перьев и значительная часть кожи уцелели, и из этих остатков я почти полностью восстановил экземпляр, выставленный ныне в музее Зоологического общества. Описывая этот новый вид, м-р Гульд оказал мне честь, назвав его моим именем.

В Магеллановом проливе мы встретили среди патагонских индейцев одного полуиндейца, который жил несколько лет со здешним племенем, но родился в северных областях. Я спросил его, слыхал ли он когда-нибудь об авеструс петисе. Тот отвечал: «Да ведь здесь, на юге, других и не бывает». Он сообщил мне, что число яиц в гнезде петисе значительно меньше, чем у другого вида, а именно в среднем не больше пятнадцати, но утверждал, что их кладет не одна самка. На реке Сайта-Крус мы видели несколько этих птиц. Они чрезвычайно осторожны; мне кажется, они видят приближающегося человека на таком большом расстоянии, с которого тот сам еще не может их разглядеть. Поднимаясь вверх по реке, мы видели мало этих птиц, зато когда быстро и без шума стали спускаться вниз по течению, то наблюдали их в большом количестве парами и по четыре — по пять. Мы обратили внимание, что эта птица, трогаясь с места полным ходом, не распускала крыльев подобно северному виду. В заключение замечу, что Struthio rhea обитает в провинциях Ла-Платы до местности несколько южнее Рио-Негро — до 41° широты, Struthio dar-winii живет в южной Патагонии, а часть страны по Рио-Негро остается нейтральной территорией. Г-н. А. д'Орбиньи, находясь на Рио-

Негро, прилагал все усилия к тому, чтобы раздобыть эту птицу, но это ему не удалось. Добрицгоффер уже давно знал о существовании двух видов страусов; он говорит: «Надо вам сказать еще, что они в разных местах страны различаются ростом и повадками; ибо те, что водятся на равнинах Буэнос-Айреса и Тукумана, больше, и перья у них черные, белые и серые; те же, что близ Магелланова пролива, меньше и красивее, — их белые перья черны на концах, а черные перья подобным же образом оканчиваются белым».

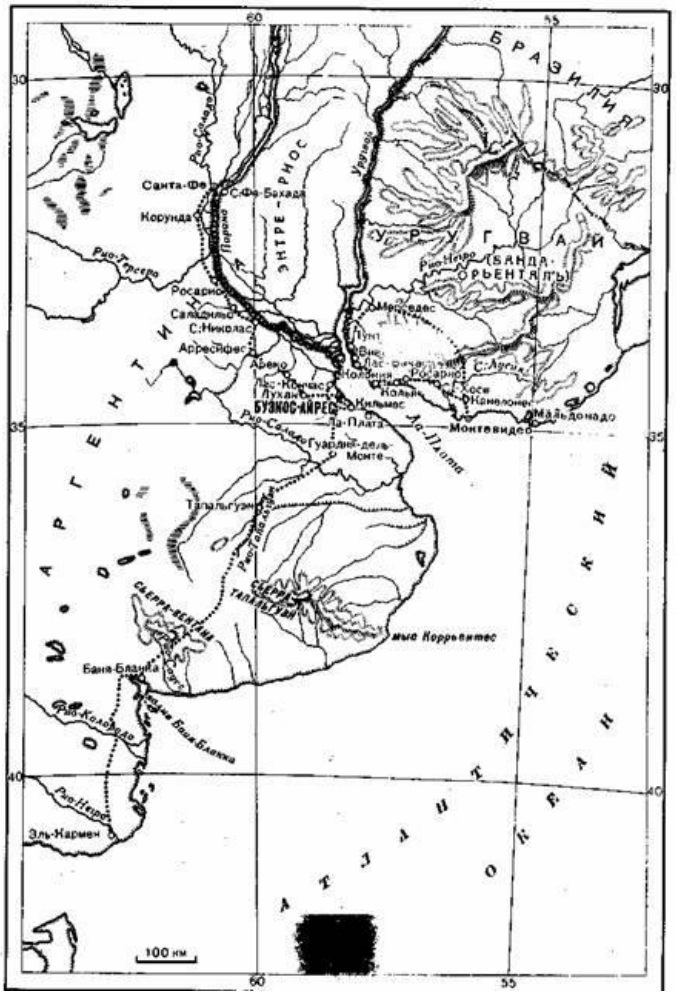
Южноамериканский страус Дарвина (Rhea, или Strut-Mo danvinii, Gould)

Здесь часто встречается очень своеобразная птичка Tinochorus rumicivorus; в ее привычках и общем облике почти поровну сочетаются черты таких не похожих друг на друга птиц, как перепел и бекас5. Tinochorus встречается, на юге Южной Америки повсюду, где есть бесплодные равнины или открытые сухие пастбища. Они часто попадаются парами или небольшими стайками в самых диких местах, где вряд ли может обитать какое-нибудь другое живое существо. Если к ним приблизиться, они низко приседают, и тогда их очень трудно разглядеть на окружающем фоне. Отыскивая пищу, они передвигаются довольно медленно, широко расставляя лапки. Они роются в придорожной пыли и в песке и имеют свои излюбленные места, где их можно заставать много дней подряд; как и куропатки, взлетают они стаями. Все эти черты, а также мускулистый зоб, приспособленный к растительной пище, изогнутый клюв и мясистые ноздри, короткие лапки и форма пятки близко роднят Tinochorus с перепелами. Но как только птица взлетает, весь ее облик меняется: длинные, остроконечные крылья, так не похожие на крылья отряда куриных, неправильный полет и жалобный крик, испускаемый при взлете, — все это напоминает бекаса. Охотники «Бигля» прозвали ее короткоклювым бекасом. И в самом деле, скелет ее свидетельствует о том, что она сродни этому роду, вернее, семейству голенастых птиц. Tinochorus — близкий родственник некоторых других южноамериканских птиц. Два вида рода Attagis почти во всех своих привычках повторяют белую куропатку; один из этих видов живет на Огненной Земле, выше границ лесной полосы, другой-в Кордильерах среднего Чили, под самой линией вечных снегов. Птица из другого очень близкого

рода, Chionis alba, обитает в антарктических областях; она питается водорослями и моллюсками на скалах, обнажающихся при отливе. Хотя у этой птицы и нет перепонок на лапах, в силу какой-то непонятной своей привычки она часто встречается далеко в море. Это маленькое семейство птиц — одно из тех, которые доставляют в данный момент натуралисту-систематику затруднения своими разнообразными отношениями к другим семействам, но в конце концов смогут оказать помощь в открытии того великого плана, общего векам нынешним и минувшим, по которому были сотворены живые существа.

К роду Furnarius относится несколько видов; все они — небольшие птицы, которые держатся на земле и обитают в открытой сухой местности. По строению их нельзя сравнить ни с одной из европейских форм. Орнитологи большей частью относят их к лазящим, хотя по всем своим особенностям они прямо противоположны этому семейству7. Лучше других известен обыкновенный лаплатский печник, вид, называемый испанцами касара, т. е. домостроитель. Гнездо, от которого он получил свое название, печник располагает в самых открытых местах, например на верхушке столба, на голом камне или на кактусе. Оно построено из грязи и кусочков соломы, и стенки его толсты и прочны; формой своей оно точь-в-точь напоминает печь для плавки стекла или приплюснутый улей. Большое отверстие сверху имеет вид арки, а внутри гнезда прямо против входа имеется перегородка, которая доходит почти до крыши, образуя как бы коридор или переднюю настоящего гнезда.

Другой, более мелкий вид рода Furnarius (F. cunicularius) похож на печника общим красноватым оттенком оперения, особым повторяющимся пронзительным Криком и странной манерой бегать подпрыгивая. Из-за сходства с печником испанцы зовут его касарита (маленький домостроитель), хотя манера строить гнездо у него совсем иная. Касарита строит гнездо на дне узкой цилиндрической норы, которая, говорят, тянется горизонтально под землей почти на 6 футов. Некоторые местные жители рассказывали мне, что еще мальчишками они пробовали вырыть гнездо, но им никогда не удавалось добраться даже до конца хода. Птица эта выбирает место для гнезда в твердом песчаном фунте невысокого откоса у дороги или у ручья. Здесь (в Баия-Бланке) дома обносят стенами, которые лепят из глины, затем затвердевающей, и я заметил, что стена, окружавшая двор, где я жил, во многих местах была пробуравлена насквозь круглыми дырами. На вопрос о том, в чем тут дело, хозяин стал горько жаловаться на маленькую касариту, и впоследствии мне довелось увидеть нескольких птичек за этим делом. Весьма забавно обнаружить, как не способны, должно быть, эти птицы усвоить малейшее понятие о толщине; хотя они все время перелетали через низкую стену, но продолжали впустую пробуравливать ее, принимая за отличный откос для своих гнезд. Я не сомневаюсь, что эти птицы всякий раз, встречая дневной свет с той стороны стены, вновь и вновь бывали немало изумлены этим непостижимым явлением.



Аргентина и Уругвай. По данным карт, составленных офицерами «Бигля».

Точками нанесен маршрут сухопутных экскурсии Дарвина

Я уже упомянул почти обо всех млекопитающих, какие водятся в этой местности. Из броненосцев встречаются три вида, а именно Dasypus minutus, или nuru, D: villosus, или пелудо, и, наконец, апар. Первый вид распространен на десять градусов дальше к югу, чем все другие; четвертый вид, мулита, не заходит на юг др Баия-Бланки. Повадки у всех четырех видов примерно одинаковы; правда, пелудо — ночное животное, между тем как остальные бродят по открытым равнинам днем, питаясь жуками, личинками, корнями и даже маленькими змеями. Апар, обычно называемый матако, замечателен тем, что у него только три подвижных пояса, остальная же часть его мозаичного покрова почти не сгибается. Он обладает способностью свертываться в правильный шар, как одна из английских мокриц. В таком состоянии ему не страшны нападения собак, потому что собака, не имея возможности схватить целиком его зубами, старается укусить зверька сбоку, и шар ускользает прочь. Гладкий и твердый покров матако дает ему еще лучшую защиту, чем острые иглы ежу. Пичи предпочитает очень сухой грунт, и излюбленным местом его являются песчаные дюны на побережье, где в течение многих месяцев он может обходиться без воды; он часто старается стать незаметным, плотно прижимаясь к земле. Разъезжая верхом в окрестностях Баия-Бланки, за день мы обычно встречали нескольких пичи. Чтобы поймать одного из них, нужно было, как только его заметишь, чуть не кувырком соскакивать с лошади: животное так быстро зарывалось в мягкий грунт, что не успеешь оказаться на земле, а уже и

задней половины его почти что не видно. Убивать таких милых зверьков просто жалко, потому что, как говорил один гаучо, оттачивая нож о спину пичи: «Son tan mansos» (они такие безобидные).

Здесь водится много разных пресмыкающихся; укус одной змеи (Trigonocephalus или Cophias), судя по величине ядоносного канала в ее зубах, должен быть смертельным. Кювье в противоположность некоторым другим натуралистам считает этих животных подродом гремучих змей, промежуточным между ними и гадюками. Подтверждением этого мнения может послужить мое наблюдение, которое кажется мне весьма любопытным и поучительным, ибо показывает, как любой признак, иногда даже в известной степени независимый от строения в целом, обнаруживает наклонность к медленному и постепенному изменению. Конец хвоста у этой змеи слегка утолщен, и, когда она ползает, последний дюйм хвоста все время дрожит и, ударяясь о сухую траву и хворост, производит треск, который отчетливо слышен на расстоянии 6 футов. Всякий раз, когда змея была раздражена или испугана, хвост ее дрожал, и притом чрезвычайно быстро. Тенденция к этому привычному движению ясно обнаруживалась до тех пор, пока тело не утрачивало вовсе свою раздражимость. Таким образом, у этого Trigonocephalus — в некоторых отношениях — строение гадюки, а повадки гремучей змеи; впрочем, шум производится более простым приспособлением. Физиономия у этой змеи отвратительная и свирепая; зрачки представляют собой вертикальную щель в крапчатой радужной оболочке цвета меди; челюсти широки в основании, а нос выдается вперед треугольником. Мне, кажется, никогда не доводилось видеть ничего более гадкого, исключая разве некоторых вампиров. Я полагаю, что это отталкивающее впечатление происходит от того, что взаимное расположение лицевых частей змеи находится в каком-то соответствии с чертами человеческого лица, и это дает нам как бы мерку для оценки безобразия.

Из бесхвостых гадов я нашел только маленькую жабу (Phryniscus nigricans) совершенно своеобразной окраски. Чтобы получить правильное представление о ее внешнем виде, вообразим себе, что сначала ее окунули в самые черные чернила, а затем, когда она высохла, пустили ползать по доске, только что выкрашенной самой яркой красной киноварью, так что окрасились ее лапки снизу и отдельные места брюшка. Если бы вид этот еще не имел названия, его следовало бы назвать Diabolicus, ибо такой жабе было бы под стать искушать Еву. В отличие от прочих жаб, у которых нравы ночных животных и которые живут в сырых и темных укромных местах, она ползает средь бела дня, в жару, по сухим песчаным буграм и безводным равнинам, где не найти и капли воды. Для получения необходимой влаги ей, несомненно, приходится пользоваться росой, которую она, вероятно, усваивает через кожу, так как известно, что у этих гадов сильно развита способность к такому поглощению. В Мальдонадо я нашел такую жабу в месте почти столь же сухом, как в Баия-Бланке, и, предполагая доставить ей большое удовольствие, отнес в лужу с водой; но это маленькое животное не только не умело плавать, но, я думаю, без моей помощи тотчас же утонуло бы.

Здесь было много разных ящериц, но лишь одна (Proctotretus multirnaculatus) замечательна своим образом жизни. Она живет на голом песке поблизости от морского берега, и вследствие ее пестрой расцветки — коричневатые чешуйки испещрены белыми, желтовато-красными и грязно-голубоватыми крапинками — ее едва отличишь от окружающего фона. Если ее спугнуть, она пытается остаться незамеченной, прикинувшись мертвой: вытягивает лапки, сжимает туловище и закрывает глаза; если и дальше тревожить ее, она очень быстро зарывается в сыпучий песок. Сплюснутое туловище и короткие ноги не позволяют этой ящерице быстро бегать.

Приведу здесь еще несколько замечаний о зимней спячке животных в этой части Южной Америки. Когда мы впервые попали в Баия-Бланку **7 сентября 1832 г.,** то нам казалось, что эту песчаную и сухую страну природа не одарила ни единым живым существом. Но, порывшись в земле, мы нашли несколько насекомых, больших пауков и ящериц в полуоцепенелом состоянии. 15 сентября начали понемногу появляться животные, а 18-го (за три дня до равноденствия) уже все

возвещало о наступлении весны. Равнины украсились цветами кислицы, дикого гороха, энотеры и герани, а птицы начали откладывать яйца. Многочисленные Lamellicornia и Heteromera — последние замечательны глубокой скульптурой на теле — медленно заползали повсюду, и во все стороны засновали ящерицы, неизменные обитатели песчаной почвы. В течение первых 11 дней, пока природа еще была погружена в спячку, средняя температура, согласно наблюдениям, производившимся каждые два часа на борту «Бигля», была 11°, а в полдень термометр редко поднимался выше 13°. Следующие 11 дней, когда все так ожило, средняя температура была 15°, а в полдень — между 16 и 21°. Итак, здесь повышения средней температуры на 4°, правда вместе с тем и большего повышения самой высокой температуры, было достаточно, чтобы пробудить жизненную деятельность. В Монтевидео, откуда мы только что прибыли, за 23 дня, между 26 июля и 19 августа, средняя из 276 наблюдений температура была 14°,9; средняя температура в самый теплый день была 19°,7, а в самый холодный — 8°. Самая низкая точка, до которой падал термометр, была 5°,3, а в полдень он иногда поднимался до 21°. Но и при такой высокой температуре все жуки, несколько родов пауков, слизни и наземные моллюски, жабы и ящерицы — все лежали в оцепенении под камнями. Между тем мы видели, что в Баия-Бланке, на 4 ° южнее, где климат, следовательно, лишь чуть холоднее, той же средней температуры, даже при меньшей самой высокой температуре, было достаточно, чтобы пробудить от спячки все отряды живых существ. Это показывает, как тесно причины, заставляющие животных пробуждаться от зимней спячки, связаны с климатом свойственным данной местности, а не с абсолютной температурой. Хорошо известно, что в тропиках зимняя, или, вернее, летняя спячка животных определяется не температурой, а засушливыми периодами. Близ Рио-де-Жанейро меня сначала удивило, что уже через несколько дней после того, как некоторые маленькие углубления наполнились водой, в них поселились во множестве взрослые моллюски и жуки, которые, должно быть, пребывали в спячке. Гумбольдт передает один странный случай о том, как над тем местом, где, зарывшись в затвердевший после того ил, лежал молодой крокодил, соорудили хижину. Он добавляет: «Индейцы часто находят громадных удавов, которых они называют ужи — водяными змеями, — в таком же летаргическом состоянии. Вновь оживить их можно путем раздражения или смачивания водой».

Упомяну еще только об одном животном, а именно об одном зоофите (думают, что это Virgularia patagonica — род морского пера)9. Внутри тонкого и прямого мясистого ствола, со всех сторон которого чередующимися рядами сидят полипы, проходит упругая каменистая ось, длина которой колеблется от 8 дюймов до 2 футов. С одного конца ствол усечен, а на другом конце имеется мясистый червеобразный отросток. Можно разглядеть, как каменистая ось, сообщающая прочность стволу, входит у этого конца в мешок, наполненный зернистым веществом. При отливе видны сотни этих зоофитов, точно солома на жнивье, торчащие усеченным концом вверх, выступая на несколько дюймов над поверхностью илистого песка. Если к ним прикоснуться или толкнуть их, они сразу же с силой втягиваются в песок, почти или даже вовсе исчезая в нем. При этом чрезвычайно упругая ось, должно быть, сгибается у нижнего конца, где она и до того слегка искривлена, и, я полагаю, что только благодаря этой упругости зоофит в состоянии снова подниматься из ила. Каждый полип, хотя и тесно соединен со своими собратьями, имеет отдельный рот, тело и щупальца. Таких полипов на крупном экземпляре должно быть много тысяч, и тем не менее мы видим, что все они участвуют в одном общем движении; кроме того, у них есть одна центральная ось, связанная с какой-то скрытой системой циркуляции, а яйца образуются в органе, не связанном с отдельными особями*. Но тут уже, может быть, уместно задать вопрос: что же такое особь? Всегда любопытно бывает раскрыть, на чем основаны диковинные рассказы старинных путешественников; я не сомневаюсь, что поведение этой Virgularia разъясняет одну из таких басен. Капитан Ланкастер, повествуя о своем путешествии 1601 г., говорит, что на морских песках у острова Сомбреро в Ост-Индии он «нашел небольшую ветку, растущую наподобие молодого деревца; при попытке сорвать ее она уходит вниз и совсем скрывается, если только не держать ее очень крепко. Сорвав ее, видишь, что корнем ей служит большой червяк, и по мере того как дерево прибавляет росту, червяк убавляет; и как только

червяк весь превратится в дерево, он пускает корень в землю и уже так становится большим. Это превращение — одно из самых диковинных чудес, какие я только видел за все мои странствования; ибо если сорвать дерево молодым, оборвать листья и содрать кору, оно, высыхая, превращается в твердый камень, очень похожий на белый коралл; таким образом, этот червяк в превращениях дважды различно меняет свою природу. Мы нарвали их много и привезли домой».

Пока я находился в Баия-Бланке в ожидании «Бигля», местечко все время пребывало в состоянии возбуждения вследствие слухов о сражениях и победах в войне между войсками Росаса и дикими индейцами. Однажды прошел слух, что небольшой отряд, составлявший одну из пост по линии к Буэнос-Айресу, был весь перебит. На следующий день с Колорадо прибыли триста человек под командой коменданта Миранды. Многие из этих людей были индейцы (mansos, т. е. мирные) из племени касика Бернансио. Они провели здесь ночь, и невозможно было вообразить ничего более дикого и первобытного, чем вид их лагеря. Одни напились до бесчувствия; другие глотали струящуюся кровь скота, зарезанного на ужин, а потом, пресытившись этим пойлом, извергали его обратно, выпачканные грязью и запекшейся кровью:

Утром они отправились к месту гибели посты, получив приказание идти по растра, т. е. по следу, даже если он заведет их в Чили. Впоследствии мы узнали, что дикие индейцы ускользнули в необъятные пампасы, и след их почему-то был потерян. Один взгляд, брошенный на растре, рассказывает этим людям целую историю. Допустим, они рассматривают следы тысячи лошадей: они тотчас же догадываются о числе всадников, посмотрев, сколько лошадей прошло галопом; по глубине остальных отпечатков узнают, были ли там навьюченные лошади; по неправильному шагу — насколько они устали; по тому, как готовилась пища, — спешили ли преследуемые; по общему виду следов — как давно здесь проезжали. Растре десятидневной или двухнедельной давности они считают достаточно свежим, чтобы его можно было проследить. Мы узнали также, что Миранда от западного конца Сьерра-Вентана направился прямо к острову Чолечель, лежащему на 70 миль вверх по Рио-Негро. Это был переход от 200 до 300 миль по совершенно незнакомой местности. Какое другое войско на земле передвигается столь независимо? Солнце им служит проводником, конина — пищей, чепрак — постелью, и лишь было бы немного воды, эти люди проберутся хоть на край света.

Несколько дней спустя я видел, как другой отряд этих разбойничьих солдат выходил в экспедицию против индейского племени с Малых Салин, преданного взятым в плен касиком. Испанец, отдававший распоряжения этой экспедиции, был очень умный человек. Он рассказал мне о последнем деле, в котором принимал участие. Взятые в плен индейцы сообщили сведения о племени, жившем к северу от Колорадо. Туда послали двести солдат; индейцев обнаружили прежде всего по облаку пыли, поднятому их лошадьми: они как раз куда-то переезжали. Местность, гористая и дикая, лежала, должно быть, в глубине страны, потому что были видны Кордильеры. Индейцев — мужчин, женщин и детей — было около 110 человек, и почти все они были захвачены или убиты, потому что солдаты рубят всех без разбора. Теперь на индейцев нагнали такого страха, что они уже не оказывают дружного сопротивления, а каждый спасается сам, не заботясь ни о жене, ни о детях; но, если их догнать, они, как дикие звери, дерутся до последней крайности против врага любой численности. Один умирающий индеец ухватился зубами за палец противника и дал выдавить себе глаз, но пальца не выпустил. Другой, раненный, прикинулся мертвым, держа наготове нож, чтобы нанести еще один смертельный удар. Этот же испанец говорил мне, что, когда он гнался за одним индейцем, тот взмолился о пощаде в то самое мгновение, когда исподтишка отвязывал с пояса боласы, намереваясь раскрутить их над головой и поразить своего преследователя. «Но я уложил его саблей наземь, затем соскочил с лошади и перерезал ножом глотку». Мрачная картина; но куда более ужасен следующий несомненный факт: всех женщин на вид старше двадцати лет испанцы хладнокровно уничтожают! На мое восклицание, что это крайне бесчеловечно, он ответил: «Но что ж делать? Ведь они так плодятся!»

Здесь все твердо убеждены, что это самая справедливая война, потому что она ведется против варваров. Кто в наше время поверит, что такие зверства могут совершаться в цивилизованной христианской стране? Детей индейцев щадят, чтобы продать или отдать в услужение, вернее, в рабство, потому что они остаются там до тех пор, пока хозяин сумеет держать их в убеждении, что они рабы; но, мне кажется, им едва ли приходится жаловаться на дурное обращение.

С поля битвы бежали четыре человека. За ними погнались, одного убили, а остальных троих захватили живыми. Они оказались гонцами, или посланцами, большого числа индейцев, объединившихся ради совместной защиты близ Кордильер. Племя, к которому они были посланы, собиралось держать большой совет: уже приготовлена была конина для пира и готовились пляски; наутро послы должны были вернуться к Кордильерам. Это были замечательно красивые, благородные на вид люди, ростом выше 6 футов; ни одному из них не было еще и тридцати лет. Конечно, эти три уцелевших индейца владели очень ценными сведениями, и, чтобы их выпытать, пленников выстроили в ряд. Первые два на все вопросы отвечали: «No se» (Не знаю), — и один за другим были расстреляны. Третий тоже сказал: «No se», — и добавил: «Стреляйте, я мужчина и сумею умереть!» Они не произнесли ни одного звука, который мог бы повредить общему делу их родины! Поведение же упоминавшегося выше касика было совсем иным: он спас свою жизнь, выдав намеченный план военных действий и место в Андах, где собрались индейцы. Предполагалось, что там уже собралось 600–700 индейцев и что летом их число удвоится. Должны были быть высланы послы к индейцам с Малых Салин, близ Баия-Бланки, о которых я уже говорил, что и их выдал тот же касик. Таким образом, индейцы поддерживают сношения на пространстве от Кордильер до берегов Атлантического океана.

План генерала Росаса состоял в том, чтобы уничтожить всех отставших индейцев и, загнав остальных в одно место, напасть на всех сразу летом при содействии чилийцев. Эту операцию следовало повторять три года подряд. Я полагаю, что для главной атаки лето выбирают потому, что на равнинах тогда нет воды и индейцы могут двигаться лишь в определенных направлениях. Уход индейцев к югу от Рио-Негро, где в неизведанных просторах они оказались бы в безопасности, был невозможен из-за договора с теуэльчами, согласно которому Росас платил им определенную сумму за каждого индейца, убитого к югу от реки, но если бы они нарушили это условие, то сами должны были быть истреблены испанцами. Война велась главным образом против индейцев, собравшихся у Кордильер, потому что многие из племен, живших на восток от гор, воевали на стороне Росаса. Однако генерал, считая подобно лорду Честерфилду11, что друзья в будущем могут оказаться врагами, всегда ставит их в первые ряды, так что число их, вероятно, все время будет убывать. Уже покинув Южную Америку, мы узнали, что эта истребительная война потерпела полную неудачу1.

Среди девушек, взятых в плен в той же экспедиции, оказались две прелестные испанки, которых в детстве увезли индейцы и которые теперь разговаривали лишь по-индийски. По их рассказам, они пришли из Сальты, куда по прямой линии около тысячи миль. Это дает прекрасное представление о той необъятной территории, по которой кочуют индейцы; но я думаю, что, как ни велики эти пространства, во второй половие столетия к северу от Рио-Негро уже не останется ни одного дикого индейца. Войны слишком кровопролитны, чтобы длиться долго; христиане убивают всех индейцев, а индейцы — всех христиан. Грустно следить за тем, как индейцы уступают место испанским захватчикам. Ширдель говорит, что в 1535 г., когда был основан Буэнос-Айрес, тут были селения, насчитывавшие по две и три тысячи жителей. Даже во времена Фолкнера (1750 г.) индейцы совершали набеги на Лухан, Ареко и Арресифе, теперь же их отогнали за Саладо. Уже не только истреблены целые племена, но и уцелевшие индейцы стали опускаться на низшие ступени варварства: они уже не живут теперь большими селениями, занимаясь наряду с охотой и рыболовством, а кочуют по открытым равнинам, не зная ни дома, ни постоянного занятия.

Я узнал кое-что и о сражении, происшедшем у Чолечеля несколькими неделями

раньше, чем описанное выше. Это очень важный пункт: здесь переправа для лошадей, и потому тут некоторое время была штаб-квартира одной из дивизий. Когда войска пришли туда в первый раз, они встретили там индейское племя и убили человек двадцать или тридцать. Касик спасся бегством, прибегнув к способу, всех поразившему. Индейские вожди всегда имеют наготове одну или две заранее отобранные лошади, которых держат на крайний случай. На одну из таких лошадей и вскочил касик, захватив с собой маленького сына. То была старая белая лошадь, без седла и уздечки. Чтобы укрыться от выстрелов, индеец держался на коне тем особым способом, каким пользуется в таких случаях этот народ, а именно охватив рукой шею лошади и положив одну ногу ей на спину. Он повиснул таким образом с одной стороны лошади, и видно было, как он трепал лошадь по голове и что-то говорил ей. Преследователи прилагали все усилия, чтобы догнать его, комендант трижды менял под собой лошадь, но все было напрасно. Старый индеец-отец и его сын бежали и остались на свободе. Какую прекрасную картину можно представить себе: обнаженная, точно бронзовая, фигура старика с мальчиком, скачущего, как Мазепа, на белом коне и оставляющего далеко позади толпу преследователей!

Однажды я увидел солдата, высекавшего огонь куском кремня, в котором я сразу же признал обломок наконечника стрелы. Он сказал мне, что нашел его около острова Чолечель, где их находят довольно часто. Наконечник был от 2 до 3 дюймов длиной и, следовательно, вдвое больше тех, какие ныне в употреблении на Огненной Земле: он был сделан из непрозрачного, кремового цвета кремня; острие и зубцы были умышленно обломаны. Достоверно известно, что в наши дни никто из пампасских индейцев не употребляет лука и стрел. Я думаю, здесь нужно сделать оговорку относительно маленького племени в Банда-Орьенталь, но оно отделено значительным расстоянием от пампасских индейцев и тесно примыкает к лесным и пешим племенам. Таким образом, оказывается, что эти наконечники стрел — индейские археологические памятники, относящиеся ко времени до великой перемены в быте индейцев, последовавшей за ввозом лошади в Южную Америку.

Глава VI. ОТ БАИЯ-БЛАНКИ ДО БУЭНОС-АЙРЕСА

Отъезд в Буэнос-Айрес

Рио-Саусе

Сьерра-Вентана

Третья поста

Перегон лошадей

Боласы

Куропатки и лисицы

Особенности местности

Длинноногая ржанка

Теру-теро

Гроза с градом

Естественные ограды в Сьерра-Тапальгуэн

Мясо пумы

Мясная пища

Гуардия-дель-Монте

Влияние скота на растительность

Кардон

Буэнос-Айрес

Корраль для убоя скота

8 сентября. — Я нанял одного гаучо сопровождать меня в поездке в Буэнос-Айрес; дело это было довольно трудное, потому что одного боялся отпустить отец, а другого, который, казалось, был готов идти, мне описали как такого труса, что я сам не решился взять его: мне говорили, что, даже завидев издали страуса, он принимает его за индейца и с быстротой ветра пускается наутек.

До Буэнос-Айреса отсюда около 400 миль, и почти весь путь проходит по необитаемой местности. Мы выехали рано утром; поднявшись на несколько сот футов над поросшей зеленой травой котловиной, в которой расположена Баия-Бланка, мы вышли на обширную пустынную равнину. Она образована рыхлой глинисто-известковой породой, на которой вследствие сухого климата растут только отдельные пучки засохшей травы, и ни один куст, ни одно дерево не нарушает унылого однообразия. Погода была ясная, но в воздухе стояла туманная дымка; я думал, что это предвещает бурю, но гаучо сказал, что туман вызван пожаром на равнине, где-то далеко в глубине страны. После долгой скачки, дважды переменив лошадей, мы добрались до Рио-Саусе; это глубокая и быстрая речка, не шире 25 футов. На ее берегах стоит вторая поста по дороге в Буэнос-Айрес; немного выше есть брод для лошадей, где вода не доходит лошади и до брюха; но начиная с этого места и до самого моря нигде нет никакой возможности перейти ее, и потому это самый действенный барьер против индейцев.

Как ни незначительна сама по себе эта речка, иезуит Фолкнер, чьи сведения обычно столь точны, характеризует ее, как порядочную реку, начинающуюся у подножия Кордильер. Что касается ее истока, то я не сомневаюсь, что именно так

и обстоит дело, ибо гаучосы уверяли меня, что в середине сухого лета эта речка, в то же время что и Колорадо, периодически разливается, чему причиной может быть только таяние снегов на Андах. Крайне маловероятно, чтобы такая маленькая речка, как Саусе, совершала свой путь через весь материк; между тем, если бы это был остаток большой реки, вода в ней, как то бывает в других подобных случаях, была бы соленой. Зимой нам следует искать истока этого чистого прозрачного потока среди ключей, бьющих вокруг Сьерра-Вентаны. Я подозреваю, что через равнины Патагонии, как и через австралийские, проходит много русел, которые выполняют свое настоящее назначение лишь в известные периоды. Вероятно, так обстоит дело и с тем потоком, который впадает в бухту Желания в глубине ее, а также с Рио-Чупат, на берегах которой офицеры, производившие съемку, нашли массивы очень ячеистой лавы.

Мы приехали вскоре после полудня, взяли свежих лошадей и солдата в проводники и направились к Сьерра-де-ла-Вентане. Эта гора видна с якорной стоянки у Баия-Бланки, и капитан Фиц-Рой вычислил ее высоту, которая оказалась 3340 футов, что весьма значительно для этой восточной стороны материка. Мне неизвестно, чтобы какой-нибудь чужестранец, до того как я побывал здесь, восходил на эту гору; действительно, очень немногие из солдат в Баия-Бланке знали о ней хоть что-нибудь. Позже мы слышали и о залежах угля, золота и серебра, и о пещерах, и о лесах; все это разожгло мое любопытство, но, увы, я оказался разочарован. От посты до горы было около 6 лье по плоской равнине того же характера, что и раньше. Впрочем, поездка становилась интересной, по мере того как гора начинала показывать свои действительные очертания. Добравшись до подножия главного кряжа, мы натолкнулись на большие трудности, пытаясь разыскать воду, и думали уже, что нам придется провести ночь без воды. Наконец мы набрели на нее, но только тогда, когда стали искать у самой горы, потому что уже в нескольких стах ярдах ручейки уходили в землю и совсем терялись в хрупком известняке и рыхлом детрите. Мне кажется, никогда еще природа не создавала более одинокой и заброшенной каменной громады; она вполне заслуживает своего названия Уртадо, т. е. уединенной. Гора крутая, вся изрезана и в трещинах; отсутствие деревьев и даже кустов настолько полное, что нам буквально не из чего было сделать вертел, чтобы подержать мясо над костром из стеблей чертополоха. Странный вид горы находится в резком контрасте с гладкой, как море, равниной, которая не только упирается в ее крутые склоны, но и разделяет параллельные гребни. Однообразие колорита придает картине характер особенного спокойствия: беловато-серый кварцит да светло-бурая засохшая трава равнины — и никаких других, более ярких красок. По привычке ожидаешь по соседству с высокой и крутой горой увидеть неровную местность, усеянную громадными обломками. Здесь природа как будто показывает, что на последнем этапе превращения ложа моря в сушу это превращение может происходить иногда совсем спокойно. При таких обстоятельствах мне любопытно было проследить, как далеко от материнской породы можно найти какие-нибудь голыши. На берегах Баия-Бланки и поблизости от поселения я находил кварцевые голыши, которые попали туда скорее всего из этого источника, пройдя расстояние в 45 миль.

Роса, увлажнившая в первые часы ночи чепраки, под которыми мы спали, утром замерзла. Хотя равнина и казалась горизонтальной, на самом деле она совершенно незаметно отлого поднималась до высоты от 800 до 900 футов над уровнем моря. Утром (9 сентября) проводник предложил мне подняться на ближайший гребень, откуда, он полагал, можно добраться до четырех пиков, венчающих вершину. Карабкаться по таким изрезанным скалам было чрезвычайно утомительно; склоны были очень зазубрены, и то, что мы одолевали за первые пять минут, часто теряли за следующие пять. Когда мы наконец взобрались на гребень, меня постигло горькое разочарование: я увидел ущелье и в нем долину, столь глубокую, что она лежала на уровне равнины; ущелье разрезало хребет поперек на две отдельные цепи и отделяло меня от четырех вершин. Долина — очень узкая, но плоская и представляет собой удобный проход для конных индейцев, связывающий равнины, лежащие по северную и южную сторону хребта. Я спустился в долину и, переходя через нее, увидел двух пасущихся лошадей, я тотчас же спрятался в высокой траве и начал осматриваться; но, не заметив никаких признаков индейцев, с

осторожностью приступил ко второму восхождению. Было уже поздно, а эта часть горы, как и предыдущая, была крута и изрезана. К двум часам я уже был на самой верхушке второго пика, но это стоило мне очень большого труда: каждые двадцать ярдов обе мои ноги в верхней части бедра сводила судорога, и я боялся, что не в силах буду спуститься обратно. Кроме того, возвращаться необходимо было другой дорогой, так как не могло быть и речи о том, чтобы идти через седловину. Поэтому мне пришлось отказаться от восхождения на два более высоких пика. Они были лишь немного выше, а все геологические вопросы уже были разрешены; следовательно, не стоило тратить усилий на попытку дальнейшего восхождения. Я предполагаю, что причина судорог заключалась в резком изменении рода мышечной работы — от напряженной верховой езды к еще более напряженному карабканью по скалам. Этот урок стоит запомнить, потому что иногда подобные случаи могут причинить большие неприятности.

Я уже отметил, что гора сложена белым кварцитом, которому сопутствовал глянцевитый метаморфический глинистый сланец. На высоте нескольких сот футов над равниной к коренной породе кое-где плотно прилегают включения конгломерата. По твердости и по характеру скрепляющего вещества они походят на те, что ежедневно образуются на наших глазах на некоторых морских побережьях. Я не сомневаюсь, что и эти голыши образовали конгломерат подобным же образом в тот период, когда на дне окружающего моря отлагалась обширная известковая формация. Надо полагать, что в шероховатых и волнистых очертаниях цельного кварца до сих пор видно былое воздействие волн открытого океана.

В общем это восхождение меня разочаровало. Даже вид сверху и тот был неинтересен: равнина гладкая, как море, только без его изумительных красок и четких очертаний. Тем не менее картина отличалась новизной, и небольшая опасность, точно соль мясу, придавала ей известный вкус. Что опасность была очень невелика, было совершенно ясно, потому что два моих спутника развели большой костер, чего здесь никогда не сделают, подозревая близость индейцев. Я добрался до места нашего лагеря к заходу солнца, выпил большое количество мате, выкурил несколько папирос и тотчас постелил себе постель на ночь. Ветер был очень сильный и холодный, но никогда не спал я лучше, чем в этот раз.

10 сентября. — Подгоняемые попутным свежим ветром, мы добрались к середине дня до посты на Саусе. По пути мы видели очень много оленей, а около горы — одного гуанако. Равнину под Сьеррой пересекает несколько любопытных глубоких лощин, одна из которых имела около 20 футов в ширину и не менее 30 в глубину; нам пришлось поэтому сделать порядочный крюк, прежде чем удалось найти место, удобное для перехода. На посте мы заночевали; беседа, по обыкновению, шла об индейцах. В прежнее время Сьерра-Вентану часто посещали индейцы, и года три-четыре назад здесь происходило множество стычек. Мой проводник присутствовал при одной из них, в которой было убито много индейцев; женщины их бежали на верхушку гребня и самым отчаянным образом дрались большими камнями; многие из них таким образом спасли свою жизнь.

11 сентября. — Поехали к третьей посте в сопровождении лейтенанта, который ею командовал. Считается, что расстояние до нее 15 лье, но это не более как догадка, преувеличивающая, как обычно, расстояние. Дорога была неинтересной: она шла сухой, покрытой травой равниной; слева от нас, на большем или меньшем расстоянии, были расположены низкие холмы, продолжение тех, что мы пересекли у самой посты. Не доезжая посты, мы повстречали большое стадо коров и лошадей под охраной пятнадцати солдат; впрочем, несмотря на эту охрану, много скота, как нам сказали, растеряли по пути. Перегонять животных по равнинам очень трудно, потому что если ночью подойдет пума или даже лисица, то лошади так или иначе разбегутся во все стороны; к тем же последствиям приводит и гроза. Незадолго до того один офицер вышел из Буэнос-Айреса с 500 лошадьми, когда же он прибыл в армию, у него осталось не более 20.

Вскоре мы по облаку пыли поняли, что в нашу сторону скачет отряд всадников; еще издали мои спутники узнали в них индейцев по длинным волосам,

развевающимся за спиной. Индейцы по большей части повязывают вокруг головы ленту, но никогда не покрывают голову, и черные волосы, рассыпающиеся по их смуглым лицам, придают им вид и вовсе дикий. Оказалось, что это отряд индейцев из дружественного племени касика Бернансио, направляющийся к салине за солью. Индейцы едят много соли, дети их сосут ее как сахар. В этом отношении они совсем не похожи на испанских гаучосов, которые, ведя тот же образ жизни, почти вовсе не потребляют соли; согласно Мунго Парку те народы, которые питаются преимущественно растительными продуктами, испытывают непреодолимое влечение к соли. Индейцы добродушно кивнули нам, когда промчались во весь опор мимо — с табуном лошадей, которых гнали с собой, впереди и с толпой тощих собак позади.

12 и 13 сентября. — На этой посте я пробыл два дня в ожидании отряда солдат, который, как любезно послал сообщить мне генерал Росас, должен был в скором времени проехать в Буэнос-Айрес; он советовал мне воспользоваться этим отрядом как охраной. Утром мы поскакали к соседним холмам, чтобы осмотреть местность и познакомиться с ее геологией. После обеда солдаты разделились на две партии, чтобы померяться сноровкой в обращении с боласами. В землю, на расстоянии 35 ярдов одна от другой, воткнули две пики; попасть в них и обвить шарами удавалось только один раз из четырех или пяти. Шары можно бросить ярдов на 50–60, но не очень метко. Это не относится, впрочем, к человеку, скачущему верхом на лошади, ибо если к силе руки прибавляется скорость лошади, то, говорят, раскрутив, их можно бросить удачно на расстояние 80 ярдов. В доказательство того, с какой силой ударяют боласы, могу рассказать, что на Фолклендских островах, где испанцы убили некоторых из своих собственных соотечественников и всех англичан, молодой испанец из дружественной нам партии пустился бежать, и тут крупный, высокий мужчина, по имени Лусьяно, помчался за ним во весь опор, крича, чтобы тот остановился и что ему нужно только переговорить с беглецом. Испанец уже чуть было не сел в лодку, но тут Лусьяно бросил в него шары и так сильно ударил ими молодого человека по ногам, что тот упал на землю и пролежал некоторое время без чувств. Поговорив с молодым человеком, Лусьяно отпустил его. Испанец рассказывал нам, что на ногах у него, там, где обвился ремень, остались большие рубцы, как будто его отстегали хлыстом. В середине дня приехали два человека, которые привезли пакет со следующей посты для передачи генералу; таким образом, кроме этих двух наше общество в тот вечер состояло из моего проводника и меня самого, лейтенанта и четырех его солдат. Эти солдаты привлекли мое внимание: один был красивый молодой негр, другой — полуиндеец-полунегр; два остальных не поддаются никакому описанию: то были старый чилийский горняк, цвета красного дерева, и еще один — что-то вроде мулата. Ночью, когда они сидели вокруг костра и играли в карты, я отошел в сторону, чтобы полюбоваться сценой в духе Сальватора Розы. Они сидели под невысокой скалой, так что я мог посмотреть на них сверху вниз; вокруг них лежали собаки, валялось оружие и остатки оленя и страусов; их длинные пики были воткнуты в мягкую землю. Дальше, на темном фоне, виднелись их привязанные лошади, которыми тут же можно было воспользоваться в случае неожиданной опасности. Если тишину пустынной равнины нарушал лай какой-нибудь собаки, один из солдат, отойдя от костра, нагибал голову к самой земле и в таком положении медленно обводил глазами весь горизонт. Если даже беспокойный терутеро испускал свой пронзительный крик, в беседе наступала пауза, и все головы на мгновение немного наклонялись.

Какой жалкой кажется нам жизнь, которую ведут эти люди! Они находились не более чем в 10 лье от посты на Саусе и в 20 лье от другой посты, после того как индейцы уничтожили промежуточную посту. Предполагали, что индейцы произвели свое нападение среди ночи, так как на следующий день, очень рано утром, они подходили уже k этой посте, но, к счастью, их приближение заметили. Все они, однако, успели спастись бегством, угнав еще табун лошадей: бежали они кто куда, и каждый увел с собой столько лошадей, со сколькими был в состоянии управиться.

Сложенный из стеблей чертополоха небольшой шалаш, в котором они спали, не

защищал ни от ветра, ни от дождя; и в самом деле, в случае дождя крыша разве что собирала дождевые капли в еще более крупные. Им нечего было есть, кроме того, что они могли поймать, т. е, страусов, оленей, броненосцев и т. д., а топливом им служили одни лишь сухие стебли небольшого растения, несколько похожего на алоэ. Единственной роскошью, которую могли себе доставить эти люди, были самодельные папиросы и мате. Мне не раз приходило в голову, что стервятники, постоянные спутники человека на этих мрачных равнинах, сидя на соседних камнях, как будто говорили самим своим терпеливым ожиданием: «Ах! когда придут индейцы, то-то будет у нас пир».

Утром все мы отправились на охоту, и, хотя успехи наши были невелики, охотились мы с увлечением. Выехав, отряд вскоре разделился, договорившись в определенное время дня (эти люди проявляли большое искусство в определении времени без часов) съехаться всем с различных сторон на ровном клочке земли и согнать туда дичь. Я уже выезжал однажды на охоту в Баия-Бланке, но там люди просто скакали полукругом, на расстоянии четверти мили друг от друга. Красивый страус-самец, которого спугнули передние всадники, пытался бежать в сторону. Гаучосы очертя голову преследовали его, самым удивительным образом выворачивая как угодно своих лошадей, и каждый раскручивал шары над головой. Наконец передний гаучо метнул их, и они полетели, кружась в воздухе; страус вмиг опрокинулся и покатился по земле, причем ноги его оказались накрепко опутанными ремнем.

На равнинах во множестве водятся три вида куропаток, две из которых величиной с самку фазана. Их уничтожают хорошенькие лисички, которые здесь также исключительно многочисленны; ежедневно мы видели их никак не меньше 40–50. Большей частью они не отходили от своих нор, но собакам удалось убить одну из них. Вернувшись на посту, мы нашли там двоих из отряда, которые вернулись с самостоятельной охоты. Они убили пуму и нашли страусовое гнездо с 27 яйцами. Каждое яйцо по весу равнялось 11 куриным; таким образом, одно это гнездо дало нам столько же пищи, сколько дали бы 297 куриных яиц.

14 сентября. — Так как солдаты с соседней посты собирались возвратиться обратно, а вместе с ними нас было бы пять человек, все вооруженные, я решил не ждать обещанного отряда. Мой хозяин, лейтенант, очень настаивал на том, чтобы я задержался. Так как он был очень любезен — не только снабдил меня едой, но и одолжил мне своих собственных лошадей, мне хотелось как-нибудь отблагодарить его. Я спросил своего проводника, могу ли я это сделать, но тот сказал, что никак нельзя и что единственным ответом мне, вероятно, будет: «В стране у нас есть мясо и для собак, а потому мы не жалеем его для христианина». Не следует думать, что в такой армии чин лейтенанта вообще не позволяет принимать плату; это было только далеко идущее гостеприимство, которое, как то должен признать каждый путешественник, распространено в этих провинциях почти повсеместно. Проскакав несколько миль галопом, мы добрались до низменной болотистой местности, которая тянется почти на 80 миль к северу, до самой Сьерра-Тапальгуэн. Одни места представляли собой великолепные влажные равнины, покрытые травой, в других почва была черная, мягкая и торфянистая. Кроме того, здесь было много больших, но мелких озер и обширные заросли тростника. В общем местность была похожа на лучшие места Кембридж-ширских болот. Вечером мы не без труда отыскали среди топи сухое место для ночлега.

15 сентября. — Наутро мы встали очень рано и вскоре проехали посту, где индейцы убили пятерых солдат. На теле офицера было 18 ран, нанесенных чусо. К середине дня, после напряженной скачки, мы добрались до пятой посты и из-за некоторых затруднений в получении лошадей остались там ночевать. Так как этот пункт был самым открытым на всей линии, здесь находился 21 солдат; на закате они вернулись с охоты с семью оленями, тремя страусами и множеством броненосцев и куропаток. Здесь имеют обыкновение, проезжая по равнине, поджигать ее; поэтому ночью горизонт был озарен с нескольких сторон ярким заревом пожаров. Делается это отчасти для того, чтобы причинить хлопоты бродящим индейцам, но главным образом для улучшения пастбища. По-видимому, на покрытых травой равнинах, где нет крупных жвачных четвероногих, есть

необходимость уничтожать огнем избыток растительности, чтобы на следующий год выросли полезные травы.

Ранчо в этом месте не могло похвастать даже крышей: то была просто круглая загородка из стеблей чертополоха для защиты от ветра. Оно стояло у самого озера, большого, но мелкого, изобиловавшего пернатой дичью, среди которой обращал на себя внимание черношейный лебедь.

Ржанка, которая выглядит так, точно стоит на ходулях (Himantopus nigricollis), встречается здесь обычно большими стаями. Ее напрасно обвиняют в том, что она не изящна: когда она шагает по мелкой воде — это ее излюбленное местопребывание, — походку ее никак нельзя назвать неуклюжей. Птицы эти в стае испускают крик, удивительно похожий на лай своры маленьких собак в пылу погони; просыпаясь среди ночи, я не раз приходил в недоумение от этого доносившегося издали крика. Теру-теро (Vaneilus cay anus) — другая птица, часто нарушающая ночную тишину. Своим видом и нравами она во многих отношениях походит на наших чибисов; крылья ее, однако, снабжены острыми шпорами вроде тех, что имеются на ногах у обыкновенного — петуха. Теру-теро, как и наш чибис, получил название по звуку своего голоса. Всякого, кто проезжает по покрытым травой равнинам, постоянно преследуют эти птицы, по-видимому питающие ненависть к роду человеческому и, по моему убеждению, сами заслуживающие ненависти за их неумолкающие, однообразные и режущие слух крики. Охотнику они досаждают всего более, извещая всех птиц и зверей о его приближении; путнику же они, быть может, как говорит Молина, приносят пользу, предупреждая его о полуночных разбойниках. В период высиживания они подобно нашим чибисам стараются, притворившись ранеными, отвести собак и других врагов от своих гнезд. Яйца этой птицы считаются большим лакомством.

16 сентября. — Направляемся к седьмой пбсте у подножия Сьерра-Тапальгуэн. Местность была совершенно ровная, покрытая грубой травой, почва-мягкий торфяник. Хижина здесь оказалась замечательно чистенькая, столб посредине и стропила были сделаны примерно из дюжины сухих стеблей чертополоха, связанных сыромятным ремнем; на этих стойках, напоминавших ионические колонны, покоились крыша и стены из тростника. Здесь нам рассказали один факт, которому я не поверил бы, если бы не имел отчасти очевидного его доказательства, а именно, что в предыдущую ночь шел град величиной с маленькие яблоки и чрезвычайно сильный: он бил с такой силой, что была убита большая часть диких животных. Один из солдат уже нашел 13 мертвых оленей (Cervus campestris), и я видел их только что снятые шкуры; другая группа принесла за несколько минут до моего приезда еще семь. А мне хорошо известно, что один человек, без собак, вряд ли мог бы убить семь оленей за целую неделю. Эти — люди говорили, что видели около пятнадцати мертвых страусов (часть одного из них мы съели за обедом), а также нескольких страусов, у которых был, по-видимому, выбит один глаз. Было убито множество мелких птиц-уток, ястребов, куропаток. Я видел одну такую куропатку с черным пятном на спине как будто от удара булыжником. Ограда из стеблей чертополоха вокруг хижины была почти разрушена, а сам рассказчик, когда высунул голову, чтобы посмотреть, в чем дело, был сильно ранен и теперь носил повязку. Говорили, что гроза разразилась на сравнительно небольшом пространстве; в прошлую ночь мы с места нашего ночлега ясно видели густую тучу и зарницы в том направлении. Кажется невероятным, чтобы подобным образом могли быть убиты такие крепкие животные, как олени; но я на основании приведенных данных считаю, что весь рассказ ничуть не преувеличен. Вместе с тем я рад, что его правдоподобие подтверждается иезуитом Добрицгоффером, который, говоря о местности, лежащей много севернее, рассказывает, что там падал град огромной величины и перебил очень много быков и коров; поэтому индейцы называют это место Лалеграикавалька, что означает «маленькие белые предметы». Д-р Малколмсон также сообщает мне, что в 1831 г. в Индии он был свидетелем грозы с градом, который побил много крупных птиц и нанес много вреда крупному рогатому скоту. Эти градины были плоские, одна из них имела 10 дюймов в окружности, а другая весила 2 унции [ок. 60 г.]. Они взрывали посыпанную гравием дорожку, точно мушкетные пули, и проходили сквозь оконное

стекло, пробивая в нем круглые отверстия, но не разбивая его.

Покончив с обедом из мяса убитых градом животных, мы пересекли Сьерра-Тапальгуэн, цепь невысоких холмов в несколько сот футов высотой, начинающуюся у мыса Коррьентес. Горная порода в этом месте представляет собой чистый кварц; дальше к востоку, как я слышал, она гранитная. Холмы отличаются замечательной формой: они представляют собой небольшие ровные участки плоскогорья, окруженные низкими отвесными утесами подобно останцам осадочного отложения. Холм, на который я забрался, был очень мал, не более каких-нибудь двухсот ярдов в диаметре; правда, я видел другие, которые были побольше. Один из них, известный под названием Корраль, имеет, как говорят, 2 или 3 мили в диаметре и окружен стеной отвесных утесов вышиной от 30 до 40 футов, и только в одном месте в стене имеется вход. Фолкнер* сообщает любопытный факт о том, что индейцы загоняли внутрь стены табуны диких лошадей, а затем держали их там, охраняя вход. Я никогда не слыхал о другом таком случае, — чтобы в кварцевой формации существовали плоскогорья, в которых, кроме того, как и в том холме, что я осмотрел, не было бы ни кливажа, ни слоистости. Мне говорили, что Корраль сложен белой породой, из которой можно высекать огонь.

До посты на Рио-Тапальгуэн мы добрались только когда уже стемнело. За ужином меня вдруг поразила ужасом мысль, — на которую навел меня разговор присутствующих, — о том, что я ем одно из излюбленных в этой стране блюд, а именно недоразвитого теленка, вынутого из чрева матери задолго до срока рождения. Но оказалось, то была пума; мясо у нее очень белое и вкусом удивительно похоже на телятину. В свое время смеялись над д-ром Шо, который утверждал, что «мясо льва высоко ценится, причем по цвету, вкусу и запаху имеет немало сходства с телятиной». С пумой дело, безусловно, обстоит точно так же. Гаучосы расходятся во мнении относительно того, вкусен ли ягуар, но все в один голос заявляют, что эта кошка, т. е. пума, превосходна на вкус.

17 сентября. — К девятой посте мы ехали по течению Рио-Тапальгуэн, по очень плодородной местности. Самый Тапальгуэн, т. е. город Тапальгуэн, если только можно так его назвать, представляет собой совершенно плоскую равнину, сплошь, насколько хватало глаз, усеянную хижинами индейцев (тольдо), имеющими форму печи для плавки стекла. Здесь жили семьи дружественных индейцев, воевавших на стороне Росаса. Мы встречали и обгоняли много молодых индианок, сидевших по две, по три на одной лошади; они, как и многие юноши, были поразительно статны, а их красивые красноватые лица дышали здоровьем. Кроме тольдо, здесь было еще три ранчо: в одном жил комендант, а в других — испанцы, содержавшие маленькие лавки.

Мы смогли купить бисквитов. Уже несколько дней я не пробовал ничего, кроме мяса; не то чтобы мне вообще не нравился этот новый режим, но я чувствовал, что могу хорошо переносить его только при усиленном моционе. Я слышал, что в Англии больные, которые хотели ограничить себя исключительно животной пищей, едва в состоянии были вытерпеть это даже ради спасения своей жизни. Между тем гаучосы в пампасах целыми месяцами не берут в рот ничего, кроме говядины. Я заметил, однако, что они едят по сравнению с прочим очень много жира, животная природа которого выражена слабее, и особенно не любят сухого мяса, например мяса агути. Д-р Ричардсон** также отмечает, «что, когда человек долгое время ест одну только постную животную пищу, влечение к жиру становится столь неутолимым, что он может поглощать огромное количество чистого жира и даже масла, не чувствуя тошноты»; по-моему, это — любопытный физиологический факт. Быть может, именно благодаря своему мясному режиму гаучосы, так же как и плотоядные животные, могут долго обходиться без еды. Мне говорили, что у Тандиля войска добровольно преследовали отряд индейцев три дня, ничего не евши и не пивши.

В лавках мы видели много изделий, сотканных индианками, таких, как попоны, пояса, подвязки. Узоры были очень приятные и яркой расцветки; искусство изготовления подвязок стоит так высоко, что один английский купец в Буэнос-Айресе упорно принимал их за английские изделия, пока не обнаружил, что

кисточки привязаны надрезанными сухожилиями.

18 сентября. — В этот день мы очень долго ехали. У двенадцатой посты, расположенной в семи лье к югу от Рио-Саладо, мы проехали первую эстансию со скотом и белыми женщинами. После этого нам пришлось ехать много миль по местности, затопленной водой, которая доходила нашим лошадям выше колен. Скрестив стремена и по-арабски подобрав ноги, мы ухитрились остаться более или менее сухими. Уже почти стемнело, когда мы приехали к Саладо; река была глубокой и около 40 ярдов шириной; летом, однако, русло ее почти совсем пересыхает, а остающаяся в небольшом количестве вода почти такая же соленая, как в море. Мы ночевали на одной из крупных эстансий генерала Росаса. Она была укреплена и так обширна, что, приехав уже в темноте, я решил, что это город и крепость. Утром мы увидели громадные стада крупного рогатого скота; генерал имел здесь 74 квадратных лье земли. Прежде в этом поместье работало около трехсот человек, и эти люди отбивали все нападения индейцев.

19 сентября. — Проехали Гуардия-дель-Монте. Это хорошенький разбросанный городок с множеством садов, полных персиковых и айвовых деревьев. Равнина здесь имеет тот же вид, что и вокруг Буэнос-Айреса: низкая и ярко-зеленая трава, участки, заросшие клевером и чертополохом, норы вискаши. Меня очень поразило, как резко изменился вид местности, когда мы перебрались через Саладо. Грубые травы сменились прекрасным зеленым ковром. Сначала я приписал это какому-то изменению в характере почвы, но жители уверяли меня, что и здесь, и в Банда-Орьенталь, где существует такая же большая разница между местностью вокруг Монтевидео и редко населенными саваннами9 провинции Колония, все это объясняется пасущимся и унаваживающим землю скотом. В точности то же самое наблюдается в прериях Северной Америки, где грубая трава высотой от 5 до 6 футов, если пустить на нее пастись скот, превращается в обычное пастбище. Я недостаточно силен в ботанике, чтобы решить, является ли такая перемена следствием введения новых видов, измененного роста тех же видов или же нарушения их численного соотношения. Азара также с удивлением наблюдал эту перемену; его точно так же приводило в недоумение немедленное появление по обочинам каждой тропинки, ведущей ко вновь выстроенному жилищу, растений, не встречающихся в окрестностях. В другом месте он говорит: «Эти лошади (дикие) обыкновенно предпочитают оставлять свои экскременты на дорогах или по обочинам, и на этих местах видишь всегда целые кучи навоза». Не объясняет ли это отчасти, в чем дело? Ведь тут возникают узкие полосы хорошо унавоженной земли, которые служат связующими каналами между обширными участками.

Мы обнаружили, что близ Гуардии проходит южная граница двух европейских растений, которые теперь чрезвычайно распространились здесь. Укроп в громадном изобилии покрывает откосы канав в окрестностях Буэнос-Айреса, Монтевидео и других городов. Зато кард он (Cynara cardunculus) * * * распространен куда шире8. В этих широтах он встречается по обе стороны Кордильер, от моря и до моря. Я видел его в глухих местах в Чили, Энтре-Риос и Банда-Орьенталь. В одной только последней стране многие и многие квадратные мили (вероятно, несколько сот) покрыты массивом из этих колючих растений и непроходимы ни для человека, ни для зверя.

Глава VII ОТ БУЭНОС-АЙРЕСА ДО САНТА-ФЕ

Поездка в Санта-Фе

Заросли чертополоха

Нравы вискаши

Маленькая сова

Соленые ручьи

Плоские равнины

Мастодонт

Санта-Фе

Перемена ландшафта

Геология

Зуб вымершей лошади

Связь между ископаемыми и современными четвероногими Северной и Южной Америки

Последствия великой засухи

Парана

Повадки ягуара

Ножеклюв

Зимородок, попугай и ножехвост

Революция

Буэнос-Айрес

Состояние управления

27 сентября. — Вечером я выехал в Санта-Фе, который расположен на берегу Параны, на расстоянии около 300 английских миль от Буэнос-Айреса. Дороги в окрестностях Буэнос-Айреса после дождей были в очень плохом состоянии. Я не мог себе представить, чтобы здесь мог пробраться запряженный волами фургон; и в самом деле, фургоны двигались со скоростью не больше мили в час, а впереди шел человек, высматривавший, где бы лучше проехать. Волы были совершенно измучены; было бы большой ошибкой предполагать, что с улучшением дорог и ускорением передвижения соответственно возрастают и страдания животных. Мы обогнали обоз из фургонов и стадо скота, державшие путь в Мендосу. Расстояние туда составляет около 580 географических миль, а путешествие совершается обыкновенно за 50 дней. Фургоны очень длинные, узкие и крыты тростником; у них только два колеса, диаметр которых в иных случаях доходит до 10 футов. Каждый из фургонов тащат шесть волов, которых подгоняют остроконечной палкой длиной не менее 20 футов, подвешенной под крышей; для коренных волов употребляют палку покороче, а промежуточную пару подгоняют острым выступом, отходящим под прямым углом от середины длинной палки. Весь инструмент в целом выглядит точно какое-то военное орудие.

28 сентября. — Мы проехали городок Лухан, где через реку переброшен деревянный мост — самое необыкновенное в этой стране проявление прогресса. Потом мы миновали Ареко. Равнины казались плоскими, но в действительности

дело обстояло иначе, ибо в некоторых местах горизонт отступал очень далеко. Эстансии отстоят далеко друг от друга, потому что здесь мало хороших пастбищ: местность покрывают заросли горького клевера или огромного чертополоха. Последний хорошо известный по живому описанию сэра Ф. Хеда, вырос в эту пору года лишь на две трети; в одних местах он доходил лошади до спины, в других же еще не взошел, и земля 6ыла голая и пыльная, как на большой дороге. Поросль сверкала яркой зеленью и представляла в миниатюре прекрасное подобие разбросанного островками леса. Когда чертополох полностью вырастает, громадные заросли его непроходимы; в них вьются только редкие тропки, запутанные, как в лабиринте. Они знакомы лишь разбойникам, которые живут там в это время года и по ночам выходят грабить и резать безнаказанно. Когда я спросил в одном доме, много ли теперь разбойников, мне ответили: «Чертополох еще вырос», — ответ, смысл которого был не сразу понятен. В прогулке по этим зарослям мало интересного, так как там водится немного зверей и птиц; исключение представляет лишь вискаша и ее друг — маленькая сова.

Всем известно, что вискаша составляет характерную особенность фауны пампасов. К югу она встречается до Рио-Негро под 41° широты, но не дальше. Она не может, подобно агути, жить пустынных, покрытых гравием равнинах Патагонии, но предпочитает глинистую или песчаную почву, производящую более обильную и притом иную, растительность. Близ Мендосы, у подножия Кордильер, она встречается в близком соседстве с родственным альпийским видом. В ее географическом распределении любопытно то обстоятельство, что, к счастью для жителей Банды Орьенталь, она никогда не встречается к востоку от реки Уругвай, а ведь в этой провинции есть равнины, которые, казалось бы, удивительно подходят для ее образа жизни. Уругвай составил непреодолимое препятствие на пути ее переселения, несмотря на то, что более широкую преграду — Парану — вискаша перебралась теперь распространена в Энтре-Риос, провинции, лежащей между этими двумя большими реками. Близ Буэнос-Айреса вискаши чрезвычайно много. Излюбленным ее местопребыванием служат, видимому, те части равнины, которые в течение полугода зарастают гигантским чертополохом, вытесняющим тут все другие растения. Гаучосы заявляют, что эти животные питаются кореньями, и представляется вероятным, если учесть большую силу их резцов и характер мест, где они водятся. По вечерам вискаши во множестве выходят из нор и тихо сидят на задних лапках у входа. В эти миниуты они совсем доверчивы, и, если проехать мимо верхом, они только степенно разглядывают всадника. Ходят они очень неуклюже, а когда бегут, спасаясь от опасности, то своими торчащими хвоста короткими ногами очень напоминают больших крыс. Мясо их, его изжарить, очень белое и вкусное, но в пищу употребляется редко. У вискаши есть одна очень странная привычка, а именно тащить любой твердый предмет ко входу в свою нору: множество костей скота, камни, стебли чертополоха, твердые комья земли, сухой навоз ит.п. громоздятся вокруг каждой группы нор неправильной кучей, которая зачастую так велика, что могла бы наполнить целую тачку. Мне передавали заслуживающий доверия рассказ о том, как один человек, ехавший темной ночью верхом, обронил часы, а утром вернулся и, осматривая каждую нору вискаши вдоль дороги, вскоре как и ожидал, отыскал их. Эта привычка вискаши подхватывать все что бы ни лежало на земле где-нибудь поблизости от ее жилища, доставляет ей, должно быть, немало хлопот. Я не могу даже самого маловероятного предположения, чтобы объяснить, для чего она это делает; это не может иметь своей целью защиту, потому что весь хлам кладется главным образом над входом в нору, уходящую в землю под очень маленьким уклоном. Несомненно, тут должна быть какая-то реальная причина, но местные жители ничего о ней не знают. Я знаю только один аналогичный факт: это привычка той необыкновенной австралийской птицы, Calodem maculata, которая устраивает из веток изящный сводчатый коридор, где занимается игрой, и собирает около этого места раковины наземных и морских моллюсков, кости и птичьи перья, в особенности ярко окрашенные. М-р Гульд, описавший эти факты, сообщает мне, что туземцы, потеряв какой-нибудь твердый предмет, осматривают эти беседки, и ему известно, что таким образом была разыскана курительная трубка.

Маленькая сова (Athene cunicularia), о которой я уже не раз упоминал, на равнинах

вокруг Буэнос-Айреса живет исключительно в норах вискаши, но в Банда-Орьенталь сама устраивает себе жилище. В ясные дни и в особенности по вечерам со всех сторон видны эти птицы, сидящие в одиночку, а нередко и парами на бугорке у своих нор. Если их потревожить, они уходят в нору или же, испустив резкий пронзительный крик и описав какую-то особенную волнообразную линию, отлетают на короткое расстояние, а затем, обернувшись, пристально смотрят на своего преследователя. Иногда по вечерам слышен крик этой совы. Я нашел в желудке вскрытых мной двух сов остатки мыши, а однажды видел, как сова убила маленькую змею и унесла ее с собой. Говорят, что змеи — их обычная дневная добыча. Чтобы показать, как разнообразна пища сов, могу здесь заметить, что у одного вида, убитого среди островков архипелага Чонос, желудок был наполнен довольно крупными крабами. В Индии живет род сов-рыболовов, которые точно так же ловят крабов.

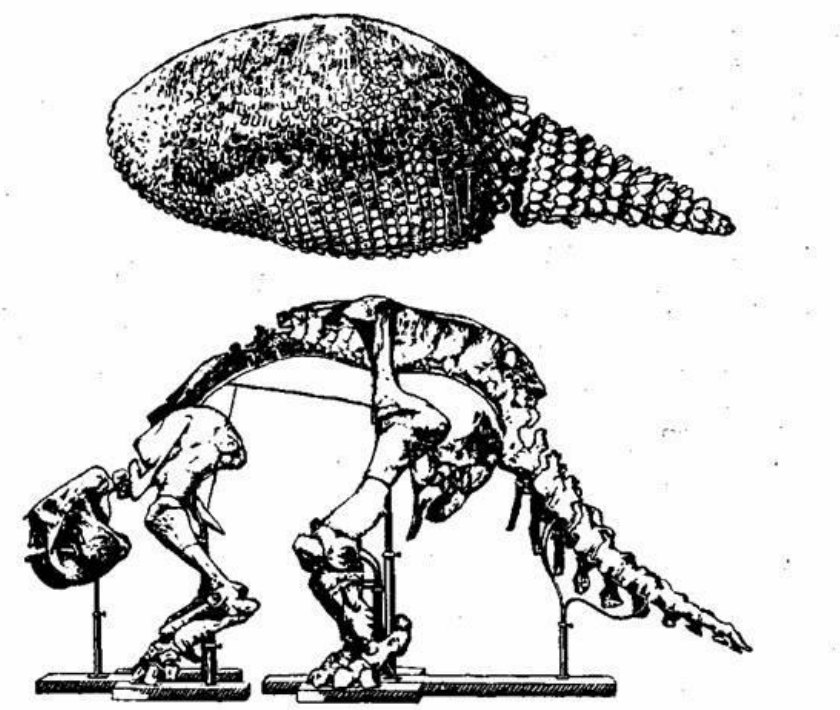
Вечером мы переправились через Рио-Арресифе на нехитром пароме, сооруженном из связанных между собой бочек, и заночевали на почтовой станции на другом берегу. В этот день я заплатил прогонные за 31 лье, и, хотя солнце сильно пекло, устал я совсем мало. Когда капитан Хед говорит о езде верхом по 50 лье за день, я не могу себе представить, чтобы это расстояние равнялось 150 английским милям. Во всяком случае, эти 31 лье составляли всего лишь 76 миль по прямой линии да разве еще 4 мили на излучины дороги, что в открытой местности, по-моему, надбавка достаточная.

29 и 30 сентября. — Мы продолжали ехать по равнинам все того же характера. В Сан-Николасе я впервые увидел знаменитую реку Парану. У подошвы кручи, на которой расположен городок, стояло на якоре несколько больших судов. Не доезжая Росарио, мы пересекли Саладильо, речку с прекрасной чистой водой, но все-таки слишком соленой, чтобы ее можно было пить. Росарио — большой город, выстроенный на мертвой равнине, которая спускается к Паране обрывом высотой около 60 футов. Река здесь очень широка, на ней много островов, низких и лесистых, как и противоположный берег. Она была бы похожа на большое озеро, если бы не вытянутой формы островки, которые одни только позволяли понять, что вода течет. Всего живописнее обрывы над рекой: одни совершенно отвесны и красного цвета, другие как бы расколоты на огромные глыбы, покрытые кактусами и мимозами. Но подлинное величие такой громадной реки, как эта, ощущается только при мысли о том, какое важное представляет она собой средство сообщения и торговли между различными народами, какое расстояние она проходит и с какой громадной территории собирает всю ту массу пресной воды, которая течет тут у ваших ног.

На много лье к северу и к югу от Сан-Николаса и Росарио местность по-настоящему ровная. Вряд ли можно считать преувеличением хоть что-либо из рассказов путешественников о том, как удивительно она плоска. И все-таки мне так и не удалось найти такого места, откуда, медленно поворачиваясь вокруг, я не видел бы в одном каком-нибудь направлении предметы на большем расстоянии, чем в других, а это ясно свидетельствует о том, что равнина не совершенно плоская. В море если глаз наблюдателя находится на высоте 6 футов над поверхностью воды, то горизонт отстоит от него на 2 % мили. Точно так же и на равнине: чем местность более плоская, тем дальше раздвигается горизонт в своих тесных границах; это обстоятельство, по моему мнению, полностью разрушает впечатление того величия, которым, как многие представляют себе, якобы обладает бескрайняя гладкая равнина.

1 октября. — Мы выехали с луной и приехали к Рио-Терсеро к восходу солнца. Эту реку называют также Саладильо, и она заслуживает этого названия, потому что вода в ней солоноватая. Я пробыл здесь большую часть дня, занимаясь поисками ископаемых костей. Помимо целиком сохранившегося зуба токсодона и множества разрозненных костей я нашел, один возле другого, два громадных скелета, рельефно выступавших из отвесного обрыва над Параной. Впрочем, они совершенно истлели, и я смог извлечь только небольшие обломки одного из огромных коренных зубов; но и это уже было достаточным указанием на

принадлежность остатков мастодонту, вероятно того же вида, что и тот, который населял, должно быть, в прошлом в таких громадных количествах Кордильеры Верхнего Перу. Люди, перевозившие меня в челноке, говорили, что давно знакомы с этими скелетами и не раз недоумевали, как они туда попали; чувствуя необходимость в какой-нибудь теории, они пришли к выводу, что мастодон подобно вискаше рыл норы в земле! Вечером мы сделали еще переход и пересекли Монхе, другую солоноватую речку, несущую в своей воде осадок, вымытый из почвы пампасов.



Скелет и панцирь гигантского ископаемого броненосца (Glyptodon clavipes)

2 октября. — Мы проехали через Корунду, которая роскошью садов показалась мне одним из самых прелестных селений, какие я только видел. От этого пункта до Санта-Фе дорога весьма небезопасна. Дальше на север местность, лежащая к западу от Параны, становится необитаемой; поэтому индейцы иногда спускаются до этих мест и подстерегают путников. Разбойникам благоприятствует и характер местности, так как вместо поросшей травой равнины местность здесь хотя открытая, но лесистая, покрытая низкорослыми колючими мимозами. Мы миновали несколько домов, разграбленных и с тех пор заброшенных; увидели мы также и нечто такое, на что мои проводники смотрели с величайшим удовольствием: то был висевший на ветке дерева скелет индейца, обтянутый высохшей кожей.

Утром мы приехали в Санта-Фе. Я с удивлением заметил, какую сильную перемену в климате вызывает разница в широте всего на 3° между этим городом и Буэнос-Айресом. Эта перемена сказывалась и в одежде и оттенках кожи людей, и в увеличившихся размерах деревьев омбу, и во множестве новых кактусов и других растений, и особенно в птицах. В какие-нибудь полчаса я заметил полдюжины птиц, каких никогда не видал в Буэнос-Айресе. Если учесть, что между этими двумя городами нет никакой естественной границы и характер местности почти такой же, то разница, надо сказать, оказалась гораздо больше, чем я мог бы ожидать.

3 и 4 октября. — Эти два дня я вынужден был провести в постели из-за головной боли. Добродушная старуха, ухаживавшая за мной, хотела, чтобы я испробовал множество странных лечебных средств. Обыкновенно здесь прижимают к обоим вискам по листу апельсинного дерева или по куску черного пластыря; еще более употребительный способ — расщепить боб на две половинки, смочить их и приложить по одной к каждому виску, куда они легко приклеиваются. Снимать бобы или пластырь не полагается вовсе, нужно дать им самим отпасть, и иногда, если человека с такими наклейками на голове спросить, в чем дело, он ответит: «У меня третьего дня болела голова». Многие средства, употребляемые туземным населением, странны до нелепости, и о них даже говорить противно. Одно из самых омерзительных состоит в том, чтобы убить двух щенков, вскрыть их и привязать с обеих сторон к переломанной ноге или руке. Здесь большой спрос на маленьких безволосых собачек: их кладут спать у ног больных.

Санта-Фе — тихий городок, в котором поддерживаются чистота и порядок. Губернатор Лопес во время революции был простым солдатом, но теперь уже 17 лет находился у власти. Такая незыблемость его пребывания у власти объясняется его деспотическим нравом, ибо деспотизм, по-видимому, до сих пор больше подходит для этих стран, чем республиканское правление. Любимое занятие губернатора — охота за индейцами, недавно он убил их 48 человек, а детей продал по цене три-четыре фунта стерлингов за каждого.

5 октября. — Мы переправились через Парану в Санта-Фе-Баха-ду, город на противоположном берегу. Переправа заняла несколько часов, так как река здесь представляет собой лабиринт мелких рукавов, разделяемых низкими лесистыми островами. У меня было рекомендательное письмо к одному старому каталонскому испанцу, который принял меня с величайшим радушием. Бахада — столица провинции Энтре-Риос. В 1825 г. в городе было 6 тысяч жителей, а во всей провинции — 30 тысяч; но как ни мало здесь жителей, никакая другая провинция не страдает больше, чем эта, от кровопролитных и отчаянных переворотов. Здесь хвастают представительным строем, министрами, постоянной армией и губернаторами, и потому не удивительно, что происходит столько переворотов. Когда-нибудь эта область будет одной из богатейших провинций Ла-Платы. Почва здесь разнообразна и плодородна, а реки Парана и Уругвай, сообщая области почти островной характер, обеспечивают ее великолепными путями сообщения.

Я задержался здесь на пять дней, занимаясь изучением очень инте-реснощ геологического строения окрестной местности. В самом низу прибрежных обрывов видны слои, в которых находят зубы акул и морские раковины вымерших видов; выше эти слои переходят в отвердевший мергель, который в свою очередь переходит в глинистый краснозем пампасов с его известковыми конкрециями и костями наземных четвероногих. Этот вертикальный разрез ясно говорит нам, что здесь был когда-то обширный залив чистой соленой воды, постепенно все более уменьшавшийся и в конце концов превратившийся в ложе илистого эстуария, куда река заносила плывшие по ней трупы. На косе Пунта-Горда (в Банда-Орьенталь) я обнаружил замещение нанесенного эстуарием отложения пампасов известняком, содержащим некоторые из тех же вымерших моллюсков; это указывает или на происшедшее здесь когда-то изменение в течении вод, или же, что более вероятно, на колебания уровня дна в древнем эстуарии. До последнего времени моими доводами в пользу того, что формацию пампасов следует считать отложением эстуария, были общий вид ее, расположение у устья огромной современной реки Ла-Платы и нахождение в ней такого большого количества костей наземных четвероногих; но теперь профессор Эренберг, любезно исследовавший для меня образец краснозема, взятый из нижних слоев отложения, возле скелетов мастодонтов, находит в ней много инфузорий, частью солоноводных, частью пресноводных форм, причем последних больше, чем первых, а потому, как он замечает, вода должна была быть солоноватой. Г-н А. д'Орбиньи нашел на берегах Параны, на высоте 100 футов, громадные пласты раковин моллюсков из эстуария, живущих в настоящее время миль на сто ниже, поближе к морю; такие же раковины я нашел на меньшей высоте на берегах Уругвая; все это указывает на то, что непосредственно перед тем, как пампасы, медленно поднявшись, стали сушей,

вода над ними была солоноватой. Ниже Буэнос-Айреса есть приподнятые пласты морских раковин ныне существующих видов, и это также служит доказательством того, что поднятие пластов произошло в позднейший период.

В отложении пампасов в Бахаде я нашел костный панцирь какого-то исполинского животного вроде броненосца; внутренность панциря, очищенная от земли, была похожа на большой котел; я нашел еще зубы токсодона и мастодонта и один зуб лошади все в том же разрушенном и истлевшем состоянии. Этот последний зуб чрезвычайно заинтересовал меня, и я постарался с величайшей тщательностью удостовериться, что он попал сюда одновременно с прочими остатками; я тогда еще не знал, что среди ископаемых из Баия-Бланки находился зуб лошади, скрытый в материнской породе; не было тогда достоверно известно и то, что остатки вымершей лошади часто встречаются в Северной Америке. Недавно м-р Ляйелль прислал из Соединенных Штатов зуб лошади, и любопытно, что профессору Оуэну ни у одного вида, ни ископаемого, ни современного, не удавалось найти характерного для этого зуба легкого искривления, пока ему не пришло в голову сравнить его с тем экземпляром, который я нашел здесь; эту американскую лошадь он назвал Equus curvidens. Несомненно, в истории млекопитающих представляется удивительным тот факт, что в Южной Америке туземную лошадь, жившую там и исчезнувшую, спустя века суждено было сменить несметным стадам, происшедшим от нескольких лошадей, завезенных испанскими колонистами!

Существование в Южной Америке ископаемой лошади, мастодонта, полорогого жвачного животного, обнаруженного гг. Лундом и Клаузеном в бразильских пещерах, и, быть может, слона — факты в высшей степени интересные с точки зрения географического распределения животных. Если мы разделим современную Америку не по Панамскому перешейку, а по линии, проходящей в южной части Мексики по 20-й параллели, где обширное плоскогорье служит препятствием миграции видов, воздействуя на климат и образуя широкую преграду, перерезаемую кое-где долинами и спускающуюся вниз у изрезанного побережья, то получим две зоологические провинции — Северную и Южную Америку, представляющие резкий контраст между собой. Только каких-нибудь несколько видов перебралось через этот барьер, и можно считать, что они пришли с юга, например пума, опоссум, кинкажу и пекари. Для Южной Америки характерны многие ей одной свойственные грызуны, семейство обезьян, лама, пекари, тапир, опоссумы и особенно несколько родов отряда неполнозубых (Edentata), куда входят ленивцы, муравьеды и броненосцы. С другой стороны, для Северной Америки характерны (оставляя в стороне немногие кочующие виды) многочисленные ей одной свойственные грызуны и четыре рода полорогих животных (бык, овца, козел и антилопа), тогда как в Южной Америке из этого последнего большого подразделения не известно ни одного вида. В прошлом — правда уже в тот период, когда появилась большая часть ныне живущих моллюсков — в Северной Америке золились помимо полорогих животных слон, мастодонт, лошадь и три рода Edentata, а именно мегатерий, мегалоникс и милодон. Примерно в то же время (как о том свидетельствуют раковины в Баия-Бланке) в Южной Америке жили, как мы только что видели, мастодонт, лошадь, полорогое жвачное и те же самые три рода (наряду с еще несколькими) Edentata. Отсюда ясно видно, что уже в недавний геологический период общими для Северной и Южной Америки были эти несколько родов, и провинции эти тогда стояли гораздо ближе друг к другу по характеру своих наземных обитателей, чем в наше время. Чем больше я размышляю об этом обстоятельстве, тем более интересным оно мне кажется; я не знаю ни одного другого примера, когда мы могли бы почти точно отметить время и способ распадения одной громадной области на две четко очерченные зоологические провинции. Геолог, вполне осознавший те громадные колебания уровня земной коры, которые произошли в недавние периоды, не задумался бы предположить, что причина нынешнего зоологического разделения Северной и Южной Америки кроется в недавнем поднятии Мексиканского плоскогорья или, что более вероятно, в недавнем опускании суши в Вест-Индском архипелаге. Южноамериканский характер вестиндских млекопитающих указывает, по-видимому, на то, что архипелаг этот был некогда соединен с южным материком,

а впоследствии оказался областью опускания.

Когда в Америке, особенно в Северной Америке, водились слоны, мастодонты, лошадь и полорогие жвачные, она была гораздо ближе в зоологическом отношении к умеренным областям Европы и Азии, чем теперь. Поскольку остатки представителей этих родов находят по обе стороны Берингова пролива и на равнинах Сибири, то в северо-западной окраине Северной Америки нам приходится видеть бывшее связующее звено между Старым и так называемым Новым Светом. А поскольку так много видов, как существующих, так и вымерших, тех же родов живет и жило прежде и в Старом Свете, то всего вероятнее, что североамериканские слоны, мастодонты, лошадь и полорогие жвачные переселились из Сибири в Северную Америку по опустившейся впоследствии суше около Берингова пролива, а отсюда — по опустившейся впоследствии суше Вест-Индии — в Южную Америку, где с течением времени смешались с формами, характерными для этого южного материка, и вымерли.

Во время путешествия по стране мне приходилось слышать несколько живых описаний последствий недавней великой засухи; рассказ о ней может пролить некоторый свет на вопрос, почему иногда находят погребенными вместе огромные количества самых разнообразных животных. Период с 1827 по 1832 г. называют gran seco — великой засухой. За это время выпало так мало осадков, что вся растительность, даже чертополох, пропала, ручьи пересохли, и вся страна приобрела вид пыльной большой дороги. Особенно сильна была засуха в северной части провинции Буэнос-Айрес и южной части Санта-Фе. Огромное количество птиц, диких зверей, рогатого скота и лошадей погибло от недостатка пищи и воды. Один человек рассказывал мне, что во двор его повадился ходить олень*** — к колодцу, который он вынужден был вырыть, чтобы обеспечить свою семью водой, — а куропатки едва в силах были улетать от преследования. По самой низкой оценке, потери крупного рогатого скота в одной только провинции Буэнос-Айрес составили один миллион голов. У одного скотовладельца в Сан-Педро накануне засухи было 20 тысяч голов крупного рогатого скота, а к концу ее не осталось ничего. Сан-Педро лежит посреди прекраснейшей местности, которая даже теперь опять изобилует животными; но под конец великой засухи для пропитания жителей на судах привозили живой скот. Животные разбегались с эстансий и, уходя далеко на юг, скоплялись и смешивались в таких количествах, что из Буэнос-Айреса направили правительственную комиссию для разрешения споров между владельцами. Сэр Вудбайн Париш сообщил мне о другом, более любопытном источнике споров: земля так долго была сухой и поднялись такие количества пыли, что межи в этой открытой местности стерлись, и люди не могли разобраться в границах своих поместий.

Один очевидец передавал мне, что скот тысячными стадами бросался в Парану, но, истощенный от голода, был не в силах выкарабкаться на илистые берега и тонул. Рукав реки, протекающий у Сан-Педро, был до того переполнен гниющими трупами, что, как говорил мне капитан одного судна, по реке нельзя было плыть из-за вони. Без сомнения, в реке погибли таким образом сотни тысяч животных; их разложившиеся трупы видели плывущими вниз по течению, и многие, по всей вероятности, погрузились на дно эстуария Ла-Платы. Все небольшие реки стали чрезвычайно солеными, и это вызвало смерть больших количеств животных в определенных местах, ибо животное, напившись такой воды, погибает. Азара описывает подобный случай: дикие лошади неистово устремились в болота, и тех, что примчались первыми, опрокидывали и давили следующие. Он добавляет, что не раз видел трупы погибших таким образом диких лошадей, и их бывало больше тысячи. Я заметил, что дно мелких речушек в пампасах бывало выстлано брекчией из костей6, но это скорее результат постепенного отложения, чем какой-нибудь единовременной гибели животных. За засухой 1827–1832 гг. последовал период обильных дождей, которые привели к большим наводнениям. Поэтому почти не приходится сомневаться в том, что тысячи скелетов были погребены под наносами на следующий же год. Что подумал бы геолог, увидев столь громадные собрания костей всевозможных животных всех возрастов, погребенные под толстым слоем земли? Не объяснил бы ли он это явление скорее потопом, разразившимся над

земной поверхностью, вместо того чтобы приписать его обычному ходу событий?

12 октября. — Я предполагал продолжить свою поездку и дальше, но, будучи не совсем здоров, был принужден возвратиться на баландре — одномачтовом судне грузоподъемностью около 100 тонн, направлявшемся в Буэнос-Айрес. Из-за плохой погоды мы рано утром закрепились у ветви дерева на одном из островов. На Паране множество островов, которые постоянно то исчезают, то появляются вновь. На памяти капитана исчезло несколько больших островов, тогда как другие успели образоваться вновь и покрыться растительностью. Они состояли из илистого песка, без единого, пусть даже самого маленького, голыша и возвышались в то время фута на четыре над уровнем реки; но во время сезонных разливов они оказываются под водой. Все они одного характера: многочисленные ивы и кое-какие другие деревья связаны воедино самыми разнообразными ползучими растениями, образуя густые джунгли. Эти заросли дают приют-водосвинкам и ягуарам. Страх перед этим последним зверем испортил мне все то удовольствие, какое я мог бы получить, пробираясь через эти леса. В тот вечер я не прошел и ста ярдов, как, наткнувшись на несомненные признаки недавнего пребывания здесь этого южноамериканского тигра, был вынужден повернуть обратно. На каждом острове были его следы, и как в прошлой моей поездке темой разговоров был «e rastro de los Indios» [след индейцев], так в этой — «el rastro del tigre» [след тигра].

По-видимому, лесистые берега больших рек — излюбленное местопребывание ягуаров; но к югу от Ла-Платы, я слышал, они водятся в тростниках по берегам озер; впрочем, так или иначе им, очевидно, нужна вода. Обыкновенно добычей им служит водосвинка, и потому здесь говорят, что там, где водосвинок много, ягуар не очень опасен. Фолкнер утверждает, что близ южных берегов устья Ла-Платы много ягуаров и питаются они главным образом рыбой; то же самое не раз слыхал здесь и я. На Паране они погубили много дровосеков и даже забирались ночью на суда. Один человек, который и теперь живет в Бахаде, был схвачен ягуаром, когда вышел на палубу в темноте, но спасся, поплатившись тем, что одна рука осталась у него искалеченной.

Эти животные всегда опаснее, когда разлив гонит их с островов. Мне говорили, что несколько лет назад один большой ягуар забрел в церковь в Санта-Фе; двое священников, вошедших один за другим, были растерзаны, а третий, который пришел посмотреть, в чем дело, едва спасся. Зверя убили выстрелом с угла здания, над которым не было крыши. Кроме того, ягуары в это время производят большие опустошения среди рогатого скота и лошадей. Говорят, они убивают свою жертву, переламывая ей шею. Если их отогнать от трупа, то они редко возвращаются к нему. Гаучосы говорят, что, когда ягуар бродит по ночам, ему сильно досаждают лисицы, следующие за ним с лаем. Здесь мы наблюдаем странное совпадение с тем широко подтверждаемым фактом, что ост-индского тигра точно так же назойливо сопровождают шакалы. Ягуар — животное беспокойное; он подолгу ревет по ночам, особенно перед плохой погодой.

Однажды во время охоты на берегах Уругвая мне показали деревья, к которым постоянно возвращаются эти животные, как говорят, для того, чтобы поточить свои когти. Я видел три таких хорошо известных дерева; спереди кора была гладко вытерта, как будто грудью животных, а по бокам были глубокие царапины, вернее, канавки, идущие наискосок, длиной около ярда. Царапины были различной давности. Чтобы определить, есть ли поблизости ягуар, обыкновенно осматривают эти деревья. Я полагаю, что эта привычка ягуара в точности такая же, как и та, которую можно ежедневно наблюдать у обыкновенной кошки, когда, вытянув лапы и выпустив когти, она скребется о ножку стула; я слыхал также о молодых фруктовых деревьях в одном саду в Англии, сильно поврежденных кошками именно таким образом. Какая-то привычка в этом роде должна быть также и у пумы, потому что в Патагонии я часто видел на твердой голой почве такие глубокие борозды, что никакое другое животное не могло бы их сделать. Сущность этой привычки состоит, по-моему, в том, чтобы обрывать расщепившиеся кончики на когтях, а не заострять их, как думают гаучосы. Убивают ягуара без особых трудностей: его травят собаками и загоняют на дерево, откуда снимают выстрелом

из ружья.

Из-за плохой погоды мы задержались на нашей стоянке два дня. Единственным нашим развлечением было ловить рыбу на обед; тут было несколько разных рыб, и все вполне съедобные. Рыба, называемая армадо (Siluras), замечательна резким скрипучим звуком, который она производит, когда попадается на крючок удочки, и который явственно слышен, когда рыба находится под водой. Эта же рыба обладает способностью цепко захватывать предметы, например лопасть весла или лесу, крепкими иглами грудного и спинного плавников. Вечером погода была совсем тропическая, и термометр стоял на 26°. Вокруг летало множество светляков, а москиты очень надоедали. Я выставил руку на пять минут, и вскоре она почернела от москитов; мне кажется, их было не меньше пятидесяти, и все они жадно сосали мою кровь.

5 октября. — Мы двинулись дальше и проплыли Пунта-Горда, где имеется поселение мирных индейцев из провинции Мисьонес. Мы быстро шли вниз по течению, но перед закатом солнца, из нелепого страха перед плохой погодой, остановились в узком рукаве реки. Я сел в лодку и прошел на веслах немного вверх по рукаву. Он был очень узок, извилист и глубок; стена из переплетенных ползучими растениями деревьев высотой 30–40 футов по обеим сторонам придавала протоку особенно мрачный вид. Здесь я видел совершенно необыкновенную птицу, называемую ножеклювом (Rhynchops nigra). У нее короткие перепончатопалые ноги и чрезвычайно вытянутые и заостренные крылья, а величиной она почти с крачку. Клюв сплюснут сбоку, т. е. в плоскости, перпендикулярной той, в ке орой он сплюснут у колпицы или утки. Он такой же плоский и упругий, как нож для бумаги из слоновой кости, а нижняя челюсть в отличие от всех других птиц на 1a/2 дюйма длиннее верхней. Поблизости от Мальдонадо есть озеро, из которого ушла почти вся вода, и потому оно кишело мелкой рыбешкой; я видел там несколько этих птиц, которые быстро летали, по большей части маленькими стаями, взад и вперед у самой поверхности воды. Клюв они держали широко раскрытым, а нижняя челюсть была наполовину погружена в воду. Скользя таким образом по поверхности, они на лету бороздили воду; вода была совсем спокойная, каждая птица оставляла узенькую борозду на зеркальной глади, и вся стая являла самое занимательное зрелище. На лету они часто с необычайной быстротой повертываются кругом и, ловко орудуя своей выступающей нижней челюстью, подхватывают мелкую рыбку, удерживая ее затем более короткой верхней половиной своего похожего на ножницы клюва. Я не раз видел это, пока они, как ласточки, летали взад и вперед совсем близко от меня. Иногда, оставив поверхность воды, они летали беспорядочно, неправильно и быстро, испуская при этом громкие резкие крики. Совершенно очевидно, какую пользу приносят им длинные маховые перья на крыльях во время ловли рыбы, помогая им оставаться сухими. Когда они так летают, то своими очертаниями напоминают принятую многими художниками схему в изображении морских птиц. Хвост у них играет важную роль, направляя, как руль, их неправильный полет.

Эти птицы распространены далеко в глубь страны по течению Параны; говорят, что они остаются здесь круглый год и выводят птенцов в болотах. Днем они держатся стаями на поросших травой равнинах, на некотором расстоянии от воды. Когда мы стояли, как я уже говорил, на якоре в одном из глубоких протоков между островами на Паране и вечер уже подходил к концу, неожиданно появился ножеклюв. Вода была совершенно спокойна, и со дна поднималось много мелкой рыбы. Птица долго скользила по поверхности, стремительно и беспорядочно летая вверх и вниз по узкому протоку, который теперь наступающая ночь и тени нависших над ним деревьев покрывали мраком. В Монтевидео я наблюдал, как несколько больших стай этих птиц целый день оставались на илистых отмелях в глубине гавани, точно так же как на поросших травой равнинах у Параны, а каждый вечер улетали в море. Все эти факты заставляют меня заподозрить, что Rhynchops ловит рыбу обычно по ночам, когда многие низшие животные поднимаются на поверхность в наибольшем количестве. Г-н Лессон утверждает, что видел, как эти птицы открывали раковины мактр, зарывшихся в песок отмелей на побережье Чили, но весьма маловероятно, чтобы при их слабых клювах с такой

сильно выдающейся нижней челюстью, при их коротких ногах и длинных крыльях подобная привычка могла быть широко распространена среди этих птиц.

За наше плавание вниз по Паране я видел еще только трех других птиц, чьи особенности достойны упоминания. Одна из них, — маленький зимородок (Ceryle aniencana;, у которого хвост длиннее, чем у европейского вида, и потому он сидит не так прямо и неподвижно. Кроме того, летает он не прямо и быстро, как стрела, а вяло и по волнистой линии, как мягкоклювые птицы. Он испускает низкий звук, похожий на то, как будто друг о друга ударяются два камешка. Маленький зеленый попугай (Conurus murinus) с серой грудкой всякому другому месту для устройства гнезда предпочитает, по-видимому, высокие деревья на островах. Гнезда расположены так тесно одно к другому, что как будто составляют одну сплошную массу прутьев. Эти попугаи живут всегда стаями и производят большие опустошения на хлебных полях. Мне говорили, что близ Колонии за один год убили 2500 этих птиц. Птица, имеющая вилообразный хвост с двумя длинными перьями на конце (Tyrannus savana) и называемая испанцами ножехвостом, очень распространена около Буэнос-Айреса; обыкновенно она сидит на ветке дерева омбу, подле дома, и оттуда предпринимает короткие полеты в погоне за насекомыми, возвращаясь всегда на прежнее место. В воздухе эта птица по манере летать и по общему виду обнаруживает какое-то карикатурное сходство с обыкновенной ласточкой. Она обладает способностью делать очень резкие повороты в воздухе и при этом раскрывает и закрывает свой хвост то в горизонтальном (боковом) направлении, то в вертикальном, точь-в-точь как ножницы.

16 октября. — Несколькими лье ниже Росарио западный берег Параны окаймлен отвесными обрывами, которые вытянулись длинной линией, оканчивающейся ниже Сан-Николаса; поэтому берег этот больше похож на взморье, чем на берег пресноводной реки. Общему виду Параны сильно вредит то обстоятельство, что из-за мягкой структуры берегов вода в ней очень мутна. Уругвай, протекающий среди гранита, много прозрачнее, а там, где обе реки сливаются, — в начале Ла-Платы — их воды на большом расстоянии можно различить по их черному и красному цвету. Вечером подул не совсем благоприятный ветер, и мы, по обыкновению, тотчас же остановились, а на следующий день, когда поднялся довольно свежий попутный ветер, капитан настолько разленился, что и думать не хотел о продолжении пути. В Бахаде мне характеризовали его как «hombre muy aflicto» — человека, который всегда остается жалким неудачником; и в самом деле, все задержки он переносил с удивительным смирением. То был старый испанец, который провел много лет в этой стране. Он заявлял о своем большом расположении к англичанам, но упрямо твердил, что битва при Трафальгаре была выиграна только потому, что все испанские капитаны были подкуплены и что единственный истинно доблестный поступок во всем сражении совершил испанский адмирал. Высказывание это поразило меня как нечто весьма характерное: этот человек предпочел бы допустить, что его соотечественники отъявленные предатели, нежели усомниться в их искусстве или храбрости.

18 и 19 октября. — Мы продолжали медленно плыть вниз по замечательной реке; течение помогало нам совсем мало. За все наше плавание вниз по реке мы встретили очень мало судов. Здесь, как видно, добровольно отвергают один из лучших даров природы, великолепное средство сообщения — реку, по которой корабли могут ходить из области умеренного климата, так же удивительно обильной одними продуктами, как и лишенной других, в другую область, с тропическим климатом и почвой, равной которой по плодородию, по словам лучшего знатока г-на Бонплана, нет, быть может, нигде на земле. Насколько иначе выглядела бы эта река, если бы счастливая звезда привела на Ла-Плату первыми английских колонистов! Какие прекрасные города стояли бы теперь на ее берегах! Пока жив Франсиа, диктатор Парагвая, эти две страны останутся столь же обособленными, как если бы они находились на противоположных концах земного шара. А когда этот старый кровожадный тиран отправится держать ответ за свои тяжкие грехи, Парагвай будут раздирать революции, в такой же мере неистовые, как противоестественна тишина в стране теперь.

20 октября. — Мы прибыли к устью Параны, и так как мне не терпелось попасть в Буэнос-Айрес, я высадился на берег в Лас-Кончас, чтобы поехать в столицу верхом. Высадившись, я, к своему величайшему удивлению, обнаружил, что оказался до некоторой степени пленником. Тут разразилась бурная революция, и на все порты было наложено эмбарго. Вернуться на судно я не мог, а о том, чтобы ехать в столицу сушей, не могло быть и речи. После длинного разговора с комендантом я получил разрешение явиться на следующий день к генералу Ролору, командовавшему дивизией мятежников по эту сторону столицы. Наутро я поехал в лагерь. Генерал, офицеры и все солдаты казались, да, я думаю, и на самом деле были, большими негодяями. Генерал вечером накануне своего выхода из города сам пошел к губернатору и положа руку на сердце торжественно заверил его честным словом, что, как бы то ни было, он останется верен до конца. Генерал сказал мне, что столица в состоянии строгой блокады и все, что он может сделать, это дать мне пропуск к главнокомандующему мятежников в Кильмесе. Нам пришлось поэтому сделать большой крюк вокруг столицы; лошадей мы достали с большими трудностями. В лагере меня приняли весьма вежливо, но сказали, что разрешить мне въезд в город совершенно невозможно. Меня это очень встревожило; мне казалось, что «Бигль» должен был уйти из Ла-Платы раньше, чем то произошло на самом деле. Но стоило мне упомянуть, как любезно обошелся со мной генерал Росас на Колорадо, и никакое волшебство не могло бы придать делу иной оборот быстрее, чем эта фраза. Мне тотчас же сказали, что хотя не могут дать мне пропуска, но если я согласен расстаться с проводником и лошадьми, то часовые меня пропустят. Я с большой радостью согласился, и со мной послали офицера дать распоряжение, чтобы меня не задержали на мосту. Дорога на расстоянии целого лье была совершенно пуста. Я встретил отряд солдат, удовольствовавшихся тем, что важно посмотрели мой старый паспорт, и наконец я, к своему немалому удовольствию, очутился в городе.

Эта революция едва ли произошла вследствие какого-либо серьезного недовольства; но в государстве, где в течение девяти месяцев (с февраля по октябрь 1820 г.) пятнадцать раз происходила смена власти, — тогда как каждый губернатор, согласно конституции, избирался на три года, — нет никакого смысла искать повод. На этот раз группа людей, которые, будучи приверженцами Росаса, не терпели губернатора Балькарсе, — семьдесят человек — оставили столицу, и — с именем Росаса на устах — вся страна взялась за оружие. Город подвергли блокаде, не пропуская туда ни съестных припасов, ни рогатого скота, ни лошадей; помимо того происходили только мелкие стычки, и за день бывало убито лишь по нескольку человек. Осаждающая сторона отлично знала, что, задержав подвоз мяса, она наверняка одержит победу. Генерал Росас не мог быть осведомлен о мятеже, но был, по-видимому, полностью согласен с планами своей партии. Год назад его избрали губернатором, но он отказался принять этот пост, пока сала [палата] не предоставит ему чрезвычайных полномочий. В этом ему отказали, и с тех пор его партия показывает, что никакой другой губернатор не сможет удержаться на этом месте. Военные действия с обеих сторон явно затягивались, пока не удалось получить сообщения от Росаса. Известие пришло через несколько дней после того, как я покинул Буэнос-Айрес; из него явствовало, что генерал не одобряет нарушения порядка, но полагает, что справедливость на стороне осаждающих. Едва узнав об этом, губернатор, министры и часть войска — до нескольких сот человек — бежали из столицы. Мятежники вошли в город, выбрали нового губернатора, и 5500 человек получили награду за свои заслуги.

Все эти события показывают, что в конце концов Росас станет диктатором: титула короля в этой стране, как и в других республиках, особенно не любят. Уже покинув Южную Америку, мы узнали, что Росаса избрали с полномочиями и на срок, совершенно несовместимый с конституционными основами республики.

Глава VIII БАНДА-ОРЬЕНТАЛЬ И ПАТАГОНИЯ

Поездка в Колония-дель-Сакрамьенто

Цена эстансии

Как подсчитывают скот

Особая порода быков

Продырявленные голыши

Пастушьи собаки

Выездка лошадей, гаучосы как наездники

Нравы жителей

Ла-Плата

Рои бабочек

Пауки-воздухоплаватели

Свечение моря

Бухта Желания

Гуанако

Бухта Сан-Хулиан

Геология Патагонии

Исполинское ископаемое животное

Постоянство типов организации

Изменения в фауне Америки

Причины вымирания

Будучи задержан недели на две в столице, я был рад вырваться из нее на борту почтового судна, которое шло в Монтевидео. Жизнь в городе, находящемся в состоянии блокады, никогда не бывает приятной; ко всему этому еще добавлялись постоянные страхи перед разбойниками в самом городе. Часовые были худшими из них, ибо благодаря своей должности и имея оружие в руках они грабили с таким сознанием своей силы, что были совершенно неподражаемы.

Переезд наш был очень долгим и скучным. На карте Ла-Плата имеет вид величественного эстуария, но в действительности дело обстоит далеко не так. В широких просторах мутной воды нет ничего ни величественного, ни красивого. Только раз в течение дня едва удалось разглядеть с палубы оба берега, и тот и другой крайне низменные. По прибытии в Монтевидео я узнал, что «Бигль» не уйдет в плавание еще некоторое время, и стал готовиться к непродолжительной поездке по этой части Банда-Орьенталь. Все, что я говорил об окрестностях Мальдонадо, справедливо и относительно Монтевидео, только местность здесь, за единственным исключением Зеленой горы, высотой в 450 футов, от которой город и получил свое название, гораздо более плоская. Очень немного участков на этой холмистой, покрытой травой равнине огорожено; только возле города попадаются ограды в виде земляных валов, покрытых агавами, кактусами и укропом.

14 ноября. — Мы выехали из Монтевидео во второй половине дня. У меня было намерение проехать в город Колония-дель-Сакрамьенто, расположенный на

северном берегу Ла-Платы напротив Буэнос-Айреса, откуда последовать вверх по Уругваю до селения Мерседес на Рио-Негро (одной из многочисленных южноамериканских рек с таким названием), а затем уже вернуться прямо в Монтевидео. Мы переночевали в доме моего проводника в Канелонесе. Утром мы рано поднялись в надежде, что сумеем проехать побольше; но наши старания были напрасны, потому что разлились все реки. Мы переправились на лодках через речки Канелонес, Сайта-Лусия и Сан-Хосе, на что потратили довольно много времени. В прошлую поездку я переезжал через Сайта-Лусию возле устья и с удивлением наблюдал, как легко преодолели наши лошади всю ширину реки, не менее чем 600 ярдов, хотя они и не привыкли плавать. Когда я упомянул об этом случае в Монтевидео, мне рассказали, как в Ла-Плате потерпело крушение одно судно, на котором находилось несколько акробатов со своими лошадьми, и одна лошадь проплыла 7 миль до берега. В этот день я с любопытством наблюдал, с какой ловкостью гаучо заставлял норовистую лошадь плыть по реке. Он сбросил с себя одежду и, вскочив ей на спину, въехал в воду так глубоко, что лошадь уже не могла больше идти; тогда, соскользнув по крупу, он схватил ее за хвост, и каждый раз, когда лошадь поворачивала обратно, человек пугал ее, плеская ей в морду водой и заставляя таким образом двигаться дальше. Как только лошадь коснулась — дна на другом берегу, гаучо подтянулся на руках и прочно уселся верхом, овладев уздой прежде, чем лошадь вышла на берег. Голый человек на неоседланной лошади — чудесное зрелище; я не имел никакого представления о том, как хорошо подходят друг к другу эти два животных. Хвост лошади оказывается очень полезным придатком: я переправлялся через реку в лодке, в которой было четыре человека, и ее тащила лошадь таким же образом, как и того гаучо. Если человеку верхом на лошади нужно перебраться через широкую реку, то лучший способ уцепиться одной рукой за переднюю луку или за гриву, а другой рукой загребать воду.

Мы ночевали и провели весь следующий день на почтовой станции Куфре. Вечером приехал почтальон. Он опоздал на день из-за разлива Рио-Росарио. Большой беды, однако, здесь не было: несмотря на то, что он проезжал через несколько главных городов Банда-Орьенталь, весь багаж его состоял из двух писем! Вид, раскрывавшийся перед домом, был очень привлекателен — холмистая зеленая поверхность, далекие отблески Ла-Платы. Я замечаю, что смотрю на эту провинцию совсем не такими глазами, какими смотрел во время моего первого посещения. Припоминаю, что тогда я считал ее необыкновенно плоской; но теперь, после скачки по пампасам, мне приходится только удивляться, что могло побудить меня назвать ее плоской. Местность представляет собой ряд неровностей, которые сами по себе совсем невелики, но по сравнению с равнинами Санта-Фе — настоящие горы. Благодаря этим неровностям здесь текут в изобилии маленькие ручейки, а трава — зеленая и роскошная.

17 ноября. — Мы переправились через Росарио, глубокую и быструю реку, и, миновав селение Колья, к полудню приехали в Колонйя-дель-Сакрамьенто. Мы проделали путь в 20 лье по местности, покрытой чудесной травой, но бедной скотом и населением. Мне предложили переночевать в Колонии, а на другой день поехать вместе с одним господином в его эстансию, где были какие-то скалы из известняка. Город построен на каменистом мысу, примерно так же как Монтевидео. Он сильно укреплен, но укрепления и сам город изрядно пострадали в Бразильскую войну. Город очень старинный: неправильные улицы и окружающие его рощи старых апельсинных и персиковых деревьев придают ему какую-то привлекательность. Любопытны развалины церкви: она служила пороховым складом, и в нее ударила молния в одну из бесчисленных лаплатских гроз. Две трети здания было снесено до самого основания, а оставшиеся руины служат своеобразным памятником соединенным силам молнии и пороха. Вечером я гулял у полуразрушенных стен города. Здесь был главный театр военных действий в Бразильскую войну — войну самую тягостную для этой страны не столько по непосредственным ее результатам, сколько потому, что она породила тьму генералов и других офицерских чинов. В Соединенных провинциях Ла-Платы насчитывается (правда, не состоит на жалованье) больше генералов, чем в Соединенном Королевстве Великобритании. Эти господа полюбили властвовать и

не прочь немножко пострелять. Потому-то здесь всегда много таких людей, которые ждут случая вызвать беспорядки и свергнуть правительство, до сих пор никогда еще не имевшее прочной основы. Впрочем я заметил и здесь, и в других местах всеобщий интерес к выборам президента, и это мне кажется добрым признаком, говорящим в пользу будущего расцвета этой маленькой страны. Население не требует большого образования от своих представителей; я слышал, как несколько человек спорили о достоинствах депутатов от Колонии, и при этом было сказано, что «хотя они и не деловые люди, но все могут подписать свое имя»; это, по мнению спорящих, должно было удовлетворить всякого разумного человека.

18 ноября. — Я поехал с моим хозяином в его эстансию у Арройо-де-Сан-Хуан. Вечером мы объехали имение кругом; в нем было 2,5 квадратных лье, и оно лежало в так называемом ринконе: одна сторона выходила к Ла-Плате, а две другие были защищены недоступными для переправы ручьями. Здесь была превосходная гавань для маленьких судов и изобилие мелкого леса, ценившегося как топливо, которым снабжался Буэнос-Айрес. Я заинтересовался ценой такой крупной эстансии. Тут было 3 000 голов крупного рогатого скота (а прокормиться вполне могло бы втрое или вчетверо больше), 800 кобылиц, в том числе 150 объезженных, и 600 овец. Тут было сколько угодно воды и известняка, грубой постройки дом, превосходные коррали и персиковый сад. За все это хозяину предлагали 2 000 фунтов стерлингов и он просил надбавить всего только 500 фунтов, но продал бы, вероятно, и дешевле. Главные хлопоты по эстансии состоят в том, чтобы два раза в неделю сгонять скот в одно место — приручать и подсчитывать. Это, конечно, затруднительно, когда в одном месте собрано 10–15 тысяч голов скота. С делом справляются, пользуясь тем, что скот все время распределяется небольшими стадами по 40-100 голов. Каждое стадо отличают по нескольким особым образом клейменым животным и определяют число голов в нем; таким образом, стоит только потеряться одному животному из десятка тысяч, как будет замечено его отсутствие в одной тропилье. В бурную ночь скот весь перемешивается, но на следующее утро он снова распределяется на тропильи, как накануне; это значит, что каждое животное узнает своих собратьев среди десятка тысяч остальных.

Два раза я встречал в этой провинции быков очень интересной породы, называемой ньята. Судя по наружности, они занимают такое же положение относительно остального скота, как бульдог или мопс занимают относительно прочих собак. Лоб у них очень низкий и широкий, конец носа вздернут кверху, а нижняя губа сильно оттянута назад; нижняя челюсть выдается за верхнюю и вместе с тем загибается вверх, а потому зубы всегда открыты. Ноздри сидят высоко и очень широко открыты, глаза навыкате. На ходу они низко держат голову, сидящую на короткой шее; их задние ноги длиннее передних в большей мере, чем у обыкновенного скота. Эти открытые зубы, укороченная голова и открытые кверху ноздри придавали им самое нелепое, самоуверенное и невероятно надменное выражение.

Уже после возвращения в Англию я благодаря любезности моего друга капитана королевского флота Саливена получил череп, который хранится теперь в Хирургическом училище. Дон Ф. Мунис из Лухана любезно собрал для меня все, какие только мог, сведения относительно этой породы. Из его данных вытекает, что лет 80–90 назад эти животные были редки и в Буэнос-Айресе их держали как диковинку. Всеобщее мнение таково, что порода эта возникла у индейцев к югу от Ла-Платы, где ее считают самой обыкновенной. Даже и по сей день те из этих животных, которых выводят в провинциях, лежащих у Ла-Платы, проявляют свое полудикое происхождение: они легче приходят в ярость, чем обыкновенный скот, а корова легче бросает своего первого теленка, если к ней слишком часто ходят или беспокоят ее. Замечательно, что почти таким же аномальным строением, как у породы ньята, отличается, как сообщил мне д-р Фолконер, крупное вымершее жвачное в Индии, сиватерий. Порода очень постоянна: бык и корова ньята неизменно производят телят ньята. Бык ньята с обыкновенной коровой или обыкновенный бык, скрещенный с коровой ньята, производят потомство с промежуточными признаками, но все-таки признаки ньяты сильно выражены; по

мнению сеньора Муниса, — в противоположность утвердившемуся среди животноводов представлению об аналогичных случаях — существуют самые очевидные доказательства того, что корова ньята, скрещенная с обыкновенным быком, передает свои особенности сильнее, чем бык ньята, скрещенный с обыкновенной породой. Когда трава на пастбище достаточно высока, ньята щиплет ее, как и обыкновенный скот, языком и нёбом; но во время больших засух, когда гибнет столько животных, порода ньята оказывается в очень невыгодных условиях и могла бы погибнуть, если бы за ней не ухаживали; дело в том, что обыкновенный рогатый скот, как и лошади, может с грехом пополам прокормиться, обрывая губами листья с молодых веток деревьев и с тростника, а ньята этого делать не может, так как губы у нее не сходятся, и потому она, оказывается, гибнет раньше обыкновенного скота. Этот факт поражает меня как наглядный пример того, как мало способны мы судить по явлениям обыденной жизни о том, какими обстоятельствами, встречающимися только на протяжении долгих промежутков времени, может обусловливаться малочисленность или исчезновение вида.

19 ноября. — Проехав долину Лас-Вакас, мы переночевали в доме одного североамериканца, который занимался обжигом извести на Арройо-де-лас-Виворас. Утром мы поехали на длинную косу на берегах реки, называемую Пунта-Горда. По дороге мы старались разыскать ягуара. Мы видели множество свежих следов и ходили к деревьям, где, говорят, ягуары точат когти, но спугнуть зверя нам не удалось. Отсюда предстали нашему взору великолепные воды Уругвая. Благодаря прозрачности и быстроте течения эта река по своему виду намного превосходит свою соседку Парану. На противоположном берегу несколько рукавов из этой последней реки впадают в Уругвай, и при свете солнца можно было совершенно ясно увидеть воду двух цветов.

Вечером мы отправились в путь в сторону Мерседеса на Рио-Негро. С наступлением ночи мы подъехали к какой-то эстансии и попросили разрешения переночевать. Это было очень большое имение, в 10 квадратных миль, а владелец ее был одним из крупнейших земельных собственников в стране. Имением управлял его племянник; там был еще один армейский капитан, бежавший на днях из Буэнос-Айреса. Если учесть общественное положение моих собеседников, то нужно признать, что разговор был весьма забавный. Они, по обыкновению, выражали безграничное удивление по поводу того, что земля круглая, и едва могли поверить, что если бы сделать достаточно глубокую дыру, то она вышла бы с другой стороны земли. Они слыхали, однако, о стране, где шесть месяцев светло, а шесть темно и где жители очень высокие и худые! Их интересовали цены и качество лошадей и рогатого скота в Англии. Узнав, что мы не ловим нашу скотину лассо, они воскликнули: «Ах, так вы пользуетесь одними только боласами!» Представление об огороженных полях было для них и вовсе ново. Под конец капитан сказал, что хочет мне задать один вопрос и будет очень обязан, если я скажу ему всю правду. Я затрепетал при мысли о том, что этот вопрос может оказаться чересчур ученым, но услыхал: «Не правда ли, дамы в Буэнос-Айресе — самые красивые в мире?» Я ответил как настоящий ренегат: «Они так прелестны!» Он присовокупил: «У меня есть еще один вопрос. Носят ли дамы где-нибудь еще в мире такие большие гребни?» Я торжественно заверил его, что не носят. Они пришли в полный восторг. Капитан воскликнул: «Слышите, человек, который видел полмира, говорит, что это так; мы всегда так думали, но теперь знаем наверное». Мое замечательно верное суждение о гребнях и красоте обеспечило мне самый радушный прием; капитан заставил меня лечь в свою кровать, а сам устроился спать на рекадо. 21 ноября. — Выехали с рассветом и медленно ехали весь день. Геологическое строение этой части провинции отлично от остальной страны и очень сходно со строением пампасов. Поэтому здесь были громаднейшие заросли чертополоха, а также кардона; впрочем, всю местность можно было бы назвать одной сплошной зарослью этих растений. Оба этих вида растут отдельно, каждое растение совместно со своими сородичами. Кардон доходит лошади до спины, но пампасский чертополох часто бывает выше макушки всадника. О том, чтобы отъехать с дороги хоть на ярд, не может быть и речи; да и сама дорога частично, а кое-где и полностью, зарастает. Пастбищ здесь, конечно, нет совсем; если корова или лошадь зайдет в заросли, то на некоторое время совершенно пропадает.

Поэтому перегонять скот в это время года очень рискованно: когда измученным животным попадается на пути чертополох, они бросаются туда, и больше их уже не увидишь. В этом районе очень мало эстансий, да и те немногие располагаются по соседству с сырыми долинами, где, к счастью, не может расти ни одно из этих всеподавляющих растений. Так как ночь наступила прежде, чем мы добрались до цели нашего путешествия, мы заночевали в жалкой маленькой лачуге, где жили крайне бедные люди. Чрезвычайная, хоть несколько церемонная учтивость хозяина и хозяйки, если принять в соображение уровень их жизни, была просто восхитительна.

22 ноября. — Приехали в эстансию на Беркело, принадлежащую одному очень гостеприимному англичанину, к которому у меня было рекомендательное письмо от моего друга м-ра Ламба. Я пробыл здесь три дня. Один раз утром я поехал с моим хозяином к Сьерра-дель-Педро-Флако, миль за двадцать вверх по Рио-Негро. Почти вся местность была покрыта хорошей, правда грубой, травой, доходившей лошади до брюха; и тем не менее и здесь на пространстве многих квадратных лье вовсе не было скота. Будь населения больше, провинция Банда-Орьенталь могла бы прокормить поразительные количества животных; в настоящее время годовой экспорт кож из Монтевидео составляет три тысячи штук, а значительное количество их потребляется на месте или пропадает впустую. Один эстансьеро [помещик] говорил мне, что ему часто приходилось посылать большие партии скота на дальнее расстояние, на фабрику для засола, и что уставшую скотину нередко приходилось убивать на дороге и обдирать; но ему никак не удавалось убедить гаучосов есть ее, и каждый вечер они резали на ужин новое животное! Вид на Рио-Негро с Сьерры был живописнее всего, что я видел в этой провинции. Широкая, глубокая и быстрая река вилась у подножия обрывистого каменистого утеса; за ее изгибами следовал пояс леса, а горизонт вдали окаймляла зыбь поросшей низкой травой равнины.

В этих местах я несколько раз слышал о Сьерра-де-лас-Куэнтас, холме, расположенном за много миль к северу. Это название означает «холм бус». Меня уверяли, что там находят громадные количества круглых камешков различных цветов с цилиндрическим отверстием в каждом. Прежде индейцы обыкновенно собирали их, чтобы делать ожерелья и браслеты — пристрастие, кстати сказать, общее как всем диким народам, так и самым культурным. Я не знал, как нужно понимать эти рассказы, но, когда я упомянул о них в разговоре с д-ром Эндрью Смитом на мысе Доброй Надежды, он рассказал мне, что, как он вспоминает, на юго-восточном побережье Африки, милях в ста к востоку от реки Сент-Джонс, ему попадались на взморье среди гравия кварцевые кристаллы, у которых острые края были притуплены трением. Каждый кристалл имел около 5 линий [0,5 дюйма] в диаметре и от 1 до 1,5 дюймов в длину. Во многих из них был маленький канал, проходивший насквозь, правильной цилиндрической формы и таких размеров, что через него легко можно было продеть толстую нитку или тонкую струну. Они были красные или бледно-матовые. Туземцам кристаллы такой формы были знакомы. Я отметил все эти обстоятельства потому, что, хотя в настоящее время не известно ни одного случая кристаллизации в такой форме, сказанное может побудить будущего путешественника исследовать природу этих камешков.

Во время моего пребывания в этой эстансий меня занимали местные пастушьи собаки и рассказы о них. Повстречать во время поездки верхом большую отару овец под охраной одной или двух собак, на расстоянии нескольких миль от жилья и человека, — обычное дело. Меня часто удивляло, как могла установиться такая тесная дружба. Метод воспитания состоит в том, что щенков, пока они еще очень малы, отнимают от матери и приучают к будущим товарищам.

Щенку три-четыре раза в день дают сосать овцу, а также устраивают ему в овчарне гнездышко из шерсти; ему совсем не дают общаться ни с другими собаками, ни с хозяйскими детьми. Кроме того, щенка обыкновенно кастрируют, так что, когда он вырастает, в нем едва ли вообще останутся какие-либо чувства к своим сородичам. В результате такого воспитания у собаки нет желания покинуть отару, и, как другая собака будет защищать своего хозяина, так эта будет защищать овец. Когда

приближаешься к отаре, забавно видеть, как собака тотчас же с лаем выскакивает вперед, а овцы все бегут за ней, не отставая, обступив ее, будто старого вожака-барана. Этих собак также легко выучить приводить отару домой вечером в определенный час. Больше всего хлопот доставляет желание щенят поиграть с овцами: забавляясь таким образом, они иногда самым немилосердным образом гоняют своих бедных подданных.

Пастушьи собаки каждый день приходят к дому за мясом и, как только получат кусок, скрываются, как будто им стыдно за себя. В этих случаях домашние собаки сущие деспоты, и даже самая маленькая из них кинется на пришельца и погонится за ним. Но в ту минуту, как овчарка добежит до отары, она поворачивается и начинает лаять, и тут все домашние собаки пускаются со всех ног наутек. Точно так же целая стая голодных диких собак едва ли отважится когда-нибудь (а кое-кто говорил мне, что этого и вовсе не бывает) напасть на отару, которую охраняет пусть даже один из этих верных пастырей. Все это кажется мне любопытным примером податливости склонностей у собаки; и все-таки, дикая ли это собака или же прирученная, она питает чувство уважения или страха ко всем животным, подчиняющимся своим стадным инстинктам. Ибо объяснить, почему одна только собака со своей отарой прогоняет диких собак, можно только тем, что последние как-то смутно чувствуют, будто в таком сообществе собака приобретает такую же силу, как объединяясь со своими сородичами. Ф. Кювье замечает, что все легко приручаемые животные смотрят на человека как на члена их собственного общества и тем самым следуют своему инстинкту стадности. В описанном случае пастушья собака смотрит на овец как на своих собратьев, и это придает ей уверенности, а дикие собаки, хотя и знают, что каждая отдельная овца не только не собака, но и вкусная еда, все-таки до некоторой степени соглашаются с такой точкой зрения при виде отары с пастушьей собакой во главе.

Как-то вечером пришел домидор (объездчик) объезжать молодых лошадей. Опишу его первоначальные действия, потому что, мне кажется, они не отмечались еще другими путешественниками. Табун диких молодых лошадей загоняют в корраль — обширную бревенчатую ограду — и закрывают ворота. Предположим теперь, что человек один, без посторонней помощи, должен поймать лошадь, не знавшую до сих пор ни узды, ни седла, и взобраться на неё. Я думаю, никто, кроме гаучо, ни за что не сумел бы проделать такой штуки. Гаучо выбирает какого-нибудь уже подросшего жеребца и, пока тот мечется по цирку, бросает лассо так, чтобы захватить обе передние ноги животного. Мгновенно лошадь тяжело опрокидывается, и, пока она бьется на земле, гаучо, не ослабляя лассо, обводит его вокруг одной из задних ног, под самой щеткой, притягивает эту ногу к двум передним и затягивает лассо, связывая таким образом все три ноги. Затем он садится на шею лошади и прилаживает к нижней челюсти крепкую узду без удил, для чего пропускает узкий ремешок через кольца на конце поводьев и окручивает его несколько раз вокруг нижней челюсти и языка. Далее обе передние ноги стягиваются вплотную крепким кожаным ремешком, завязанным скользящим узлом. Лассо, связывавшее три ноги, снимается, и лошадь с трудом встает. Теперь гаучо, крепко держа узду, укрепленную на нижней челюсти, выводит лошадь из корраля. Если при этом присутствует еще один человек (в противном случае хлопот гораздо больше), он держит животное за голову, пока первый надевает попону и седло и затягивает подпругу. Во время этой операции лошадь от страха и удивления, что ее стягивают поперек тела, то и дело бросается на землю и не хочет подниматься, пока ее не побьют. Когда бедное животное наконец оседлано, оно еле дышит от страха и все в мыле и поту. Теперь человек, прежде чем сесть верхом, сильно нажимает на стремя, чтобы лошадь не потеряла равновесия, а в тот самый момент, когда забросит ногу на спину животного, дергает скользящий узел, стягивающий передние ноги, и лошадь освобождается. Некоторые домидоры дергают узел, пока животное еще лежит на земле, и, стоя над седлом, дают лошади подняться под собой на ноги. Вне себя от страха лошадь делает несколько бешеных прыжков, а затем пускается во весь опор; вконец измучив ее, человек терпеливо приводит лошадь обратно в корраль, где бедное животное, разгоряченное и едва живое, отпускают на волю. Больше всего хлопот с теми животными, которые не желают скакать, а упрямо бросаются на землю. Все это дело невероятно трудное,

но в два-три приема лошадь бывает укрощена. Однако еще несколько недель на ней нельзя ездить с железными удилами и жесткими кольцами, потому что она должна научиться узнавать волю седока по движению повода, а до того и самая сильная узда ничему не поможет.

Животных в этих странах так много, что человечное обращение с ними не связано тесно с собственной выгодой, а потому, боюсь, с таким обращением здесь едва ли знакомы. Однажды, когда я ехал по пампасам с одним очень почтенным эстансьеро, моя лошадь, утомившись, отстала. Этот человек все время кричал, чтобы я пришпорил ее. Когда же я возразил, что жалко лошадь, ибо она совсем измучена, он воскликнул: «Ну и что же — пустяки — шпорьте ее — это моя лошадь». Мне нелегко было втолковать ему, что я не желаю пользоваться шпорами ради самой лошади, а не в его интересах. Он воскликнул в величайшем изумлении: «Ah, Don Carlos, que cosa!» [«Ах, дон Карлос, что за пустяки!»]. Было совершенно очевидно, что подобная мысль никогда прежде не приходила ему в голову.

Всем известно, что гаучосы — прекрасные наездники. Они не могут себе представить, как это можно свалиться с лошади, что бы она ни вытворяла. По их понятиям, хороший наездник тот, кто может справиться с неукрощенным жеребцом, кто соскакивает на ноги, когда лошадь под ним падает, и способен совершать другие подвиги в этом роде. Я слышал, как один человек бился об заклад, что двадцать раз повалит свою лошадь на землю и девятнадцать раз из них не упадет сам. Я вспоминаю, как один гаучо на моих глазах ездил на очень упрямом коне; конь три раза подряд поднимался на дыбы так высоко, что со страшной силой опрокидывался навзничь. Человек, с необыкновенным хладнокровием определяя подходящий момент, соскальзывал с лошади как раз во-время — ни секундой раньше, ни секундой позже; но как только лошадь вставала, человек снова вскакивал ей на спину и, наконец, пустил ее вскачь. Кажется, что гаучосы никогда не напрягают своих мышц. Однажды я наблюдал хорошего наездника, с которым мы вместе скакали галопом, и думал про себя: «Если только лошадь прыгнет сейчас в сторону, он наверняка упадет — так беспечен он в седле». В тот же миг под самым носом у лошади вскочил со своего гнезда самец-страус; молодая лошадь, как олень, прыгнула в сторону; что же касается человека, то он, можно сказать, только разделил и испуг, и прыжок своей лошади.

В Чили и Перу приучению лошади к узде уделяют большее внимание, чем в провинциях Ла-Платы, и это обусловлено, очевидно, более сложным рельефом местности. В Чили лошадь не считается окончательно объезженной, пока ее нельзя остановить на всем скаку в любом месте, например на плаще, брошенном на землю, или под самой стеной, так что вздыбленное животное задевает стену копытами. Я видел горячего коня, которого всадник, управляя только указательным и большим пальцем, заставил проскакать во весь опор через двор, а затем пустил его описывать очень быстрые круги вокруг столба веранды, так хорошо сохраняя расстояние, что всаднику все время удавалось касаться столба вытянутой рукой. Затем он исполнил полувольт в воздухе и, точно так же вытянув другую руку, стал с поразительной скоростью вертеться в обратном направлении.

Такая лошадь действительно хорошо выезжена, и, хотя на первый взгляд все это может показаться бесполезным, тем не менее дело обстоит далеко не так. Подобная выездка есть не что иное, как доведение до совершенства тех качеств, какие бывают необходимы каждый день. Пойманный на лассо вол иногда начинает быстро кружиться, и, если лошадь недостаточно хорошо выезжена, сильно натянутое лассо пугает ее, и она не вертится вслед за волом подобно оси колеса. От таких случаев уже погибло много людей: дело в том, что если лассо захлестнется вокруг тела всадника, то сила, с которой тянут животные с противоположных концов ремня, мгновенно перережет человека чуть ли не пополам. На тех же принципах устраиваются скачки: расстояние составляет всего лишь 200–300 ярдов, зато от лошадей требуется стремительность. Скаковых лошадей приучают не только стоять, касаясь копытами черты, но и ставить все четыре ноги вместе, чтобы с первым же скачком полностью вводилась в действие сила задних ног.

В Чили мне передавали рассказ, который, мне кажется, соответствует истине и наглядно показывает пользу хорошо выезженного коня. Один почтенный человек ехал однажды верхом, повстречал двух всадников и в лошади одного из них признал ту, которую у него недавно украли. Он потребовал свою лошадь, но те в ответ вытащили сабли и погнались за ним. Хозяин краденой лошади на своем добром и быстром коне держался лишь немного впереди преследователей; проезжая мимо густого куста, он обогнул его кругом и резко затормозил коня до полной остановки. Преследователям пришлось пронестись мимо. Тогда он тотчас же ринулся вслед за ними, одному вонзил нож в спину, другого ранил, отнял у умирающего разбойника лошадь и поехал домой. Для таких наездннческих трюков необходимы две вещи: очень сильные удила — вроде тех, что у мамелюков, — с силой которых лошадь хорошо знакома, несмотря на редкое их употребление, и большие тупые шпоры, которыми можно пользоваться либо только прикасаясь ими, а то и причиняя острую боль. Я полагаю, что с английскими шпорами, которые колют кожу при самом легком прикосновении, выездить лошадь по южноамериканскому способу было бы невозможно.

В одной эстансии около Лас-Вакаса каждую неделю режут большое число кобыл, чтобы снять с них кожи, хотя цена каждой кожи только 5 бумажных долларов, или около полукроны. На первый взгляд кажется странным, чтобы стоило убивать кобыл ради такого пустяка; но в этой стране считается смешным объезжать кобылу или ездить на ней, а потому они нужны только на развод. Сколько я видел, кобылы используются здесь единственно для вытаптывания пшеничных зерен из колосьев; для этого их гоняют по круглому загону, в котором разбросаны пшеничные снопы. Человек, который резал здесь кобыл, был знаменит тем, что ловко владел лассо. Он бился об заклад, что, стоя на расстоянии 12 ярдов от входа в корраль, без промаха поймает за ноги любое животное, какое только пробежит мимо него. Был тут еще другой человек, утверждавший, что войдет в корраль, поймает кобылу, свяжет ей передние ноги, выведет ее, повалит наземь, убьет и растянет кожу на кольях для сушки (последняя работа весьма утомительна), — и все это проделает с 22 животными за день, или же за тот же срок убьет и обдерет 50 кобыл. Это был бы колоссальный труд, потому что неплохой работой считается ободрать и растянуть для сушки 15–16 шкур за день.

26 ноября. — Я начал свое возвращение напрямик в Монтевидео. Услыхав о каких-то костях гигантских животных на соседней ферме у Сарандиса, маленькой речки, впадающей в Рио-Негро, я поехал туда в сопровождении хозяина, у которого я жил, и купил за 18 пенсов череп токсодона. Череп был найден в целости, но мальчишки выбили из него несколько зубов камнями, а потом стали бросать ими в череп, как в цель. По самой счастливой случайности я нашел на берегу Рио-Терсеро, на расстоянии около 180 миль от этого места, целый зуб, который в точности подошел к одной из лунок в челюсти этого черепа. Я нашел остатки этого необычайного животного еще в двух местах, так что оно, должно быть, часто встречалось здесь в прошлом. Я нашел также несколько больших кусков панциря гигантского животного, сходного с броненосцем, и часть огромного черепа милодона. Кости этого черепа до того свежи, что, согласно анализу м-ра Т. Рикса, содержат 7 % животных веществ, а на спиртовке горят маленьким пламенем. Количество остатков в отложении грандиозного эстуария, образующем пампасы и покрывающем гранитные породы в Банда-Орьенталь, должно быть необычайно велико. Мне кажется, что, в каком бы направлении ни провести через пампасы прямую линию, она прошла бы через какой-нибудь скелет или кости. Помимо тех, что я нашел во время моих коротких экскурсий, я слышал еще о многих других, и происхождение таких названий, как «звериная река» и «холм гиганта», совершенно очевидно. Иной раз я слыхал о чудесном свойстве некоторых рек превращать маленькие кости в большие или о том, что, как утверждал кое-кто, кости сами растут. Насколько я знаю, — ни одно из этих животных не погибло, как полагали прежде, в болотах или в илистых руслах рек настоящего времени; их кости только вымыты реками, пересекающими ныне подводные отложения, в которых кости были погребены. Мы можем сделать заключение, что вся территория пампасов — одна обширная могила этих вымерших гигантских четвероногих.

К середине дня **28-го [ноября]** мы прибыли в Монтевидео, потратив на дорогу два с половиной дня. Всю дорогу местность была чрезвычайно однообразна, только некоторые места были несколько более каменисты и холмисты, чем близ Ла-Платы. Неподалеку от Монтевидео мы проехали через селение Лас-Пьетрас, получившее название от нескольких громадных округленных глыб сиенита. Оно имело довольно привлекательный вид. В этой стране всякую группу домов, окруженных несколькими смоковницами и возвышающихся на 100 футов над общим уровнем, уже следует признать живописной.

На протяжении последних шести месяцев я имел возможность подметить кое-какие черты характера обитателей этих провинций. Гаучо-сы, или сельские жители, стоят намного выше тех, кто живет в городах. Гаучо неизменно в высшей степени любезен, вежлив и гостеприимен; мне ни разу не пришлось встретить среди них грубости или негостеприимства. Он скромен как в отношении самого себя, так и в отношении своей страны, но в то же время это живой и бойкий малый. С другой стороны, здесь случается много грабежей и льется много крови; главная причина последнего заключается в обыкновении постоянно носить с собой нож. Прискорбно слышать, сколько погибает жизней из-за пустячных ссор. В драке каждый из противников старается попасть другому в лицо и поранить ему нос или глаза, о чем нередко свидетельствуют глубокие, ужасные на вид шрамы. Разбои — естественное следствие повсеместных азартных игр, пьянства и непомерной лени. В Мерседесе я спросил двух человек, почему они не работают. Один серьезно ответил, что дни слишком длинны, а другой — что он слишком беден. Громадное количество лошадей и изобилие пищи губят всякую промышленность. Кроме того, существует столько праздников; и опять-таки не будет успеха ни в каком деле, если не начать его, пока луна на прибыли; так что уже по этим только двум причинам пропадает полмесяца.

Полиция и правосудие совершенно бездействуют. Если убийство совершит человек бедный и его схватят, то посадят в тюрьму, а может быть, и расстреляют; но если этот человек богат и имеет друзей, он может быть уверен, что никаких слишком тяжелых последствий для него не будет. Любопытно, что самые почтенные жители неизменно помогают убийце бежать; по-видимому, они полагают, что человек, убивая, грешит против правительства, а не против народа. У путника нет иной защиты, кроме огнестрельного оружия, и только обычай постоянно носить его с собой и препятствует более частым грабежам.

У высших и более образованных классов, живущих в городах, наблюдаются, хотя, быть может, и в меньшей степени, те же хорошие стороны, что и у гаучосов, но они, боюсь, отмечены многими пороками, от которых гаучо свободен. Чувственность, насмешка над всякой религией и открытая продажность — явления здесь далеко не редкие. Почти каждого чиновника можно подкупить. Начальник почтовой конторы продавал фальшивые почтовые марки. Губернатор и первый министр открыто общими силами грабят провинцию. Как только в дело оказывается замешанным золото, никто уж и не ждет правосудия. Я знал англичанина, который пошел к верховному судье (он говорил мне, что, не зная еще, как в таких случаях действуют, дрожал, входя в комнату) и сказал: «Сэр, я пришел предложить вам 200 (бумажных) долларов (около 5 фунтов стерлингов), если вы в такой-то срок арестуете человека, который надул меня. Я знаю, это противоречит закону, но мой адвокат (такой-то) рекомендовал мне так поступить». Верховный судья благосклонно улыбнулся, поблагодарил его, и еще не наступила ночь, а тот человек уже был в тюрьме. При такой полной беспринципности у многих руководителей страны и при огромном количестве плохо оплачиваемых беспокойных чиновников народ все-таки надеется, что демократическая форма правления будет иметь успех!

При первом знакомстве со здешним обществом поражают две-три особенности действительно замечательные: вежливость и достоинство обращения, господствующие во всех слоях населения, удивительный вкус в одеждах у женщин и равенство всех слоев общества. На Рио-Колорадо с генералом Росасом обыкновенно обедали несколько человек, содержащих мелкие лавчонки. В Баия-

Бланке сын майора зарабатывал себе на жизнь изготовлением папирос и хотел сопровождать меня в качестве проводника или слуги в Буэнос-Айрес, но отец боялся отпустить его одного. Многие офицеры в армии не умеют ни читать, ни писать, но все встречаются в обществе как равные. В Энтре-Риос сала состояла только из шести депутатов. Один из них держал простую лавчонку, и это занятие, очевидно, его не унижало. Всего этого и следовало ожидать в новой стране; тем не менее отсутствие дворянства кажется англичанину несколько странным.

Когда говоришь об этих странах, всегда нужно помнить о том, каким образом были они порождены своей чудовищной родительницей — Испанией. В общем, быть может, они скорее достойны похвалы за то, что было сделано, чем упрека в том, что, быть может, упущено. Но нельзя сомневаться в том, что крайний либерализм в этих странах приведет в конце концов к хорошим результатам. Широчайшая терпимость к чужим религиям, забота о средствах воспитания, свобода печати, льготы для всех иностранцев, и, в особенности, как я считаю своим долгом отметить, для каждого заявляющего малейшую претензию на ученость, — все это будет с благодарностью вспоминать всякий побывавший в испанской части Южной Америки.

6 декабря. — «Бигль» отплыл из Ла-Платы, чтобы никогда более не возвращаться в ее мутные воды. Наш путь лежал к бухте Желания на берегу Патагонии. Прежде чем перейти к дальнейшему, я изложу здесь те немногочисленные наблюдения, которые я сделал в море.

Когда корабль находился в море в нескольких милях от входа в Ла-Плату, а затем против берегов северной Патагонии, нас несколько раз окружали насекомые. Как-то вечером, когда мы были милях в десяти от залива Сан-Блас, воздух, насколько хватало глаз, заполнило огромное множество бабочек, летавших роями или стаями. Даже через подзорную трубу нельзя было найти места, где бы не было видно бабочек. Матросы кричали, что «идет снег из бабочек», и явление это именно так и выглядело. Тут было несколько видов, но в основном бабочки принадлежали к форме очень сходной с английской Colias edusa, но не тождественной с ней. Дневных бабочек сопровождали разноусые бабочки и перепончатокрылые; на палубу сел красивый жук (Calosoma). Известны и другие случаи, когда этого жука видели далеко в море, и это тем более замечательно, что очень многие Carabidae летают редко или вовсе не летают. День был ясный и тихий, таким же точно был и день накануне; легкий ветерок то и дело менял направление. Следовательно, нельзя предположить, что насекомых занесло ветром с берега, а, наоборот, приходится заключить, что они прилетели сами. Громадные рои Colias на первый взгляд наводили как будто на мысль о перелетах, какие совершает, например, другая бабочка, Vanessa cardui; но присутствие других насекомых указывает на то, что это случай иного порядка, и даже затрудняет его понимание. Перед заходом солнца поднялся северный ветер, от которого, должно быть, погибли десятки тысяч бабочек и других насекомых.

В другой раз, в 17 милях от мыса Корриентес, я опустил за борт сетку для ловли пелагических животных. Вытащив ее, я с удивлением обнаружил там порядочное количество жуков, и, хотя дело было в открытом море, соленая вода, по-видимому, не причиняла им большого вреда. Некоторые экземпляры я утерял, но те, что сохранил, принадлежали к родам Colymbetes, Hydroporus, Hydrobius (два вида), Notaphus, Cynucus, Adimonia и Scarabaeus. Сначала я подумал, что этих насекомых принесло ветром с берега; но, когда я рассудил, что из 8 видов 4 относятся к водным и еще 2 также могут быть отчасти к ним отнесены по своим нравам, мне показалось более вероятным, что их отнесла в море маленькая речка, вытекающая из озера близ мыса Корриентес. Но как бы там ни было, а найти живых насекомых плавающими в открытом океане в 17 милях от ближайшей земли все-таки любопытно. Имеется несколько сообщений о насекомых, занесенных ветром с патагонского берега. Их наблюдал капитан Кук и много позднее капитан Кинг на корабле «Адвенчер». Причина явления заключается, по всей вероятности, в отсутствии деревьев и холмов, которые могли бы прикрыть от ветра, так что ветер очень легко заносит летающее насекомое в открытое море. Самый интересный из

известных мне примеров нахождения насекомых вдали от земли — случай с большим кузнечиком (Acrydium), который залетел на борт, когда с подветренной стороны у «Бигля» были острова Зеленого Мыса, а ближайшая земля, мыс Бланке на берегу Африки, лежала не в том направлении, откуда дует пассат, и до нее было 370 миль.

Когда «Бигль» находился в устье Ла-Платы, снасти несколько раз покрывались пряжей паука, ткущего летучую паутину. Однажды **(1 ноября 1832 г.)** я внимательнее занялся этим явлением. Погода была ясная, и утром в воздухе носились клочья паутины, будто в осенний день в Англии. Корабль находился в 60 милях от берега, откуда дул постоянный, хотя и легкий, бриз. На клочьях висело огромное множество маленьких паучков темно-красного цвета, длиной около 0,1 дюйма. Их было на корабле, должно быть, несколько тысяч. Едва лишь соприкоснувшись со снастью, маленький паучок всегда оказывался на одной нити, а не на хлопьевидной массе, которая состояла, по-видимому, просто из перепутанных отдельных нитей. Паучки были все одного вида, но обоих полов; были тут и молодые пауки, отличавшиеся меньшими размерами и более темным цветом. Я не стану приводить здесь описание этого паука, но отмечу только, что, по-моему, он не входит ни в один из родов, установленных Латрейлем. Как только маленькие воздухоплаватели попадали на корабль, они развили кипучую деятельность: то бегали взад и вперед, то бросались вниз и вновь подымались по нити, то занимались устройством маленькой и очень неправильной сети в углах между канатами. Они могли свободно бегать по поверхности воды. Будучи потревожен, паучок поднимал вверх передние ноги, всем своим видом выражая внимание. Только что появившись, они, казалось, томились жаждой и выдвинутыми челюстями жадно пили капли воды; то же самое заметил и Штрак; не следствие ли это того обстоятельства, что маленькие насекомые прошли через сухой и разреженный воздух? Запасы пряжи у них были, кажется, неистощимы. Наблюдая нескольких паучков, каждый из которых висел на отдельной нити, я несколько раз замечал, что легчайшее дуновение ветерка уносит их из виду в горизонтальном направлении. В другой раз **(25-го)** я при сходных обстоятельствах еще раз наблюдал тот же вид маленьких паучков: будучи положены на какое-нибудь возвы-шеньице или взобравшись туда, они приподымали брюшко, выпускали нить, а затем уносились в горизонтальном направлении, но с какой-то совершенно непостижимой быстротой. Мне казалось, будто я различаю, как паучок, прежде чем начать описанные выше подготовительные действия, связывает свои ноги тончайшими нитями, но я не уверен в точности этого наблюдения.

Как-то раз в Санта-Фе мне представилась более удобная возможность наблюдать некоторые аналогичные факты. Паук, длиной около 0,3 дюйма и с виду в общем похожий на Citigrada, — следовательно, совершенно отличный от пауков, прядущих летучую паутину, — сидя на верхушке столба, выбросил из своих прядильных желез четыре или пять нитей. Эти нити, блестевшие на солнце, можно было сравнить с расходящимися лучами света; но они были не прямые, а колебались, точно шелковинки на ветру. Они имели больше ярда в длину и расходились из отверстий в восходящем направлении. Затем паук внезапно оторвался от столба и быстро скрылся из виду. День был жаркий и, казалось, совершенно тихий; однако в жару воздух никогда не может быть настолько спокойным, чтобы не привести в движение такой чувствительный флюгер, как паутину. Если в теплый день смотреть на тень, отбрасываемую каким-нибудь предметом на берег, или же через гладкую равнину на какой-нибудь далекий ориентир, то почти всегда можно заметить, как вверх поднимается поток нагретого воздуха; было замечено также, что эти направленные вверх потоки можно обнаружить по подъему мыльных пузырей, которые в помещении не поднимаются. После этого, я думаю, нетрудно понять, почему поднимаются тонкие нити, выбрасываемые из прядильных желез паука, а затем и сам паук; расхождение же нитей пытался объяснить, кажется, м-р Мер-рей их одинаковым электрическим состоянием. То обстоятельство, что пауков одного и того же вида, но разного пола и возраста несколько раз находили в огромных количествах на расстоянии многих лье от берега прикрепленными к своим нитям, заставляет предполагать, что путешествия по воздуху — характерная

особенность этой группы, так же как ныряние составляет особенность водяных пауков (Argyroneta). Следовательно, можно отвергнуть предположение Латрейля о том, что летучая паутина производится без различия молодью нескольких родов пауков. Впрочем, как мы видели, молодь и других пауков обладает способностью совершать воздушные путешествия.

Во время наших переходов к югу от Ла-Платы я часто привязывал за кормой сетку, сделанную из материи для флагов, и таким образом поймал множество любопытных животных. Среди них было много необыкновенных и еще не описанных родов ракообразных. Один из них, примыкающий в некоторых отношениях к Notopoda (крабы, у которых задние ноги находятся почти на самой спине и служат для прикрепления к камням снизу), весьма замечателен строением задней пары ног. Предпоследний членик их заканчивается не простым коготком, а тремя щетинистыми придатками различной длины, причем самый длинный равен по длине всей ноги. Эти их конечности очень тонки и снабжены чрезвычайно мелкими зубчиками, обращенными назад; загнутые концы зубчиков сплюснуты, и на них помещаются пять совсем крохотных чашечек, действующих, кажется, таким же образом, как присоски на руках спрута. Поскольку животное обитает в открытом море и, вероятно, нуждается в месте для отдыха, мне кажется, что это красивое и совершенно аномальное строение служит для прикрепления к плавающим морским животным.

На глубоких местах, далеко от берега, живых существ крайне мало: к югу от 35° широты мне ни разу не удавалось выловить ничего, кроме нескольких Вегоё12 да некоторых видов крохотных низших ракообразных. На местах более мелких, в нескольких милях от берега, в большом количестве попадается очень много форм ракообразных, а также некоторых других животных, но только по ночам. Между 56 и 57° широты, к югу от мыса Горн, я несколько раз закидывал сетку за корму, но в ней ни разу не оказывалось ничего, кроме небольшого количества двух совсем крохотных видов низших раков (Entomostraca). Между тем в этой части океана чрезвычайно многочисленны киты и тюлени, буревестники и альбатросы. Мне всегда казалось загадкой, чем может питаться альбатрос, живущий вдали от берегов; я предполагаю, что подобно кондору он в состоянии долго обходиться без пищи и что одного доброго пиршества на гниющем трупе какого-нибудь кита хватает ему на долгий срок. Средняя и тропическая части Атлантического океана кишат Pteropoda, Crustacea и Radiata, пожирающими их летучими рыбами и пожирающими уже этих последних бонитами и альбикорами; я предполагаю, что многочисленные низшие пелагические животные питаются инфузориями, которыми, как-то теперь известно из исследований Эренберга, изобилует открытый океан; но чем же поддерживают свое существование в этой прозрачной синей воде сами инфузории?

Как-то в очень темную ночь, когда мы проплывали несколько южнее Ла-Платы, море представляло удивительное и прекраснейшее зрелище. Дул свежий ветер, и вся поверхность моря, которая днем была сплошь покрыта пеной, светилась теперь слабым светом. Корабль гнал перед собой две волны точно из жидкого фосфора, а в кильватере тянулся молочный след. Насколько хватало глаз, светился гребень каждой волны, а небосклон у горизонта, отражая сверкание этих синеватых огней, был не так темен, как небо над головой.

По мере того как мы уходили дальше на юг, море фосфоресцировало все реже, а у мыса Горн, сколько я помню, был только один случай свечения, да и оно было далеко не яркое. Это обстоятельство, вероятно, тесно связано с бедностью этой части океана органическими существами. После обстоятельной работы Эренберга о свечении моря мне почти излишне делать со своей стороны какие-нибудь замечания по этому вопросу. Могу, однако, добавить, что те изорванные и неправильные частицы студенистого вещества, которые описаны Эренбергом, являются, по-видимому, общей причиной этого явления как в южном, так и в северном полушарии. Частицы были такие крохотные, что легко проходили сквозь тонкую газовую сетку; впрочем, многие были отчетливо видны невооруженным глазом. Вода, налитая в стакан, при встряхивании искрилась, но небольшое

количество ее в часовом стеклышке почти не светилось. Эренберг утверждает, что все эти частицы в известной степени сохраняют раздражимость. Мои наблюдения, из коих некоторые я производил сразу же после того, как набирал воду, дали иной результат. Могу отметить также, что как-то ночью я, воспользовавшись сеткой, дал ей особенно хорошо просохнуть, но, когда 12 часов спустя я хотел воспользоваться ею снова, оказалось, что вся поверхность ее искрилась так ярко, как будто сетка была только что вынута из воды. Не представляется вероятным, чтобы частицы в этом случае могли так долго оставаться живыми. Как-то раз, когда я сохранял медузу из рода Dianaea до тех пор, пока она не умерла, вода, в которую я поместил ее, стала светиться. Когда в волнах вспыхивают яркие зеленые искры, то они вызываются, я думаю, крошечными ракообразными. Но не может быть сомнения в том, что и очень многие другие пелагические животные фосфоресцируют, пока они живы.

В двух случаях я наблюдал, как море светилось на значительной глубине под поверхностью. Поблизости от устья Ла-Платы немигающим, но слабым светом сияло несколько круглых и овальных пятен диаметром от 2 до 4 ярдов; в то же время вода вокруг нас давала только немногочисленные искры. Явление это походило на отражение луны или какого-нибудь светящегося тела, так как края пятен колебались при волнении поверхности воды. Корабль, сидевший в воде на 13 футов, прошел над пятнами, не потревоживши их. Значит, мы должны допустить, что какие-то животные скопились на глубине большей, чем осадка корабля.

Близ Фернанду-ди-Нороньи море светилось вспышками. Явление было очень сходно с тем, чего можно было бы ожидать, если бы большая рыба быстро двигалась сквозь светящуюся жидкость. Этой причине моряки и приписывали явление; но я в то время питал некоторые сомнения в связи с частотой повторения и быстротой вспышек. Я уже отмечал, что это явление встречается в теплых странах гораздо чаще, чем в холодных; иногда мне кажется, что всего более благоприятствует его возникновению возмущенное электрическое состояние атмосферы. Впрочем, я считаю несомненным, что море светится лучше всего после нескольких дней особенно тихой погоды, когда оно кишит различными животными. Исходя из того, что воду, наполненную студенистыми частицами, нельзя назвать чистой, а явление свечения во всех обычных случаях вызывается возмущением жидкости в соприкосновении с воздухом, я склонен рассматривать фосфоресценцию как результат разложения органических частиц — процесса (так и хочется назвать его своего рода дыханием), очищающего океан.

23 декабря. — Мы прибыли в бухту Желания, расположенную под 47° широты на побережье Патагонии. Узкий залив, неправильно меняясь по ширине, врезается в сушу миль на двадцать. Зайдя в залив на несколько миль, «Бигль» бросил якорь перед развалинами старого испанского поселения.

В тот же вечер я высадился на берег. Первая высадка в незнакомой стране всегда очень интересна, особенно если, как в данном случае, на всем окружающем лежит свой особый, резко выраженный отпечаток. На высоте от 200 до 300 футов над порфировыми массивами простирается широкая равнина, поистине типичная для Патагонии. Поверхность совершенно гладкая и покрыта хорошо окатанной галькой вперемежку с какой-то беловатой землей. Там и сям разбросаны пучки грубой бурой травы, а еще реже попадаются низкорослые колючие кусты.

Погода здесь стоит сухая, приятная, ясное синее небо редко омрачается. Стоя посреди одной из этих пустынных равнин и глядя в глубь страны, видишь обыкновенно уступ другой равнины, несколько более возвышенной, но такой же плоской и пустынной, а во всех остальных направлениях горизонт виден смутно из-за колеблющихся потоков воздуха, поднимающихся, по-видимому, с нагретой поверхности земли.

В такой стране судьба испанского поселения была быстро решена: сухой климат в течение большей части года и повторявшиеся от времени до времени враждебные нападения кочевых индейцев принудили поселенцев бросить недостроенными свои жилища. Но уже в том стиле, в каком были начаты постройки, видна сильная и

щедрая рука Испании старых времен. Все попытки колонизации этой части Америки к югу от 41° приводили к плачевным результатам. Бухта Голода — уже одно это название выражает долгие и тяжкие страдания нескольких сот несчастных людей, из которых выжил только один, чтобы рассказать о бедствиях остальных. В заливе св. Иосифа на берегу Патагонии было основано маленькое поселение, но однажды в воскресенье на него напали индейцы и перебили всех жителей, за исключением двух мужчин, которые пробыли потом много лет в плену. На Рио-Негро я беседовал с одним из них, теперь уже глубоким стариком.

Фауна Патагонии так же ограниченна, как и ее флора. На засушливых равнинах увидишь лишь несколько черных жуков (Heteromera), медленно ползающих туда и сюда, да изредка прошмыгнет ящерица. Из птиц здесь есть три грифа, а в долинах — несколько вьюрков, птиц насекомоядных. И бисы (Theristicus melanops, вид, который, говорят, встречается в Центральной Африке) нередко попадаются в самых пустынных местах; в их желудках я находил кузнечиков, цикад, маленьких ящериц и даже скорпионов. В одно время года эти птицы ходят стаями, в другое время — парами; крик у них очень громкий и своеобразный, вроде ржания гуанако.

Типичное четвероногое патагонских равнин — гуанако, или дикая лама; он играет в Южной Америке роль верблюда Востока. В диком состоянии гуанако — изящное животное с длинной стройной шеей и тонкими ногами. Он широко распространен во всем умеренном поясе материка и заходит на юг до островов у мыса Горн. Живет он по большей части небольшими стадами, от полудюжины до тридцати животных в каждом; но на берегах Санта-Крус мы видели стадо, в котором было, должно быть, не меньше пяти сотен голов.

Обыкновенно они дики и крайне осторожны. М-р Стоке рассказывал мне, что однажды увидел в подзорную трубу стадо этих животных, которые, очевидно, испугались и убегали со всех ног, хотя расстояние до них было так велико, что невооруженным глазом он не мог их разглядеть. Охотник часто узнает об их присутствии, заслышав издалека своеобразное пронзительное ржание — сигнал тревоги у гуанако. Пристально вглядевшись, он, вероятно, увидит стадо, выстроившееся в ряд на склоне какого-нибудь отдаленного холма. Если подойти поближе, они издают еще несколько взвизгиваний и пускаются как будто не спеша, но на самом деле довольно быстрым галопом по узкой проторенной тропе к соседнему холму. Но если случайно встретить одно только животное или нескольких вместе, то они обыкновенно стоят неподвижно и пристально смотрят на охотника, затем отойдут на несколько ярдов, оборачиваются и снова смотрят. Чем вызывается такое различие в их поведении? Не принимают ли они ошибочно человека издали за своего главного врага — пуму? Или же любопытство в них побеждает страх? Что они любопытны, в этом нет сомнений, потому что, если лечь на землю и выделывать необыкновенные телодвижения, например вскидывать ноги вверх, они всегда потихоньку подходят, чтобы рассмотреть человека. Эту проделку не раз успешно повторяли наши охотники, причем им удавалось, кроме того, произвести несколько выстрелов, которые животные принимали, очевидно, за часть представления. В горах Огненной Земли я не раз видел, как гуанако при моем приближении не только ржал и визжал, но и поднимался на задние ноги и прыгал во все стороны самым забавным манером, очевидно не считаясь с опасностью. Животные эти очень легко приручаются; в северной Патагонии я видел возле одного дома несколько прирученных гуанако, которым была предоставлена полная свобода. В прирученном состоянии они очень смелы и часто бросаются на человека, ударяя его сзади коленками. Уверяют, будто они делают это из ревности к своим самкам. Вместе с тем дикие гуанако не имеют никакого понятия о защите: даже одна только собака может удерживать одного из этих крупных животных до прихода охотника. Многими своими повадками они походят на овец в отаре. Так, если они видят, что к ним с нескольких сторон приближаются всадники, они сразу теряются и не знают, куда бежать. Это обстоятельство особенно благоприятствует охоте по индейскому способу, ибо таким образом животных сгоняют к некоторому центральному пункту и тут окружают.

Гуанако охотно идут в воду; в бухте Вальдес я несколько раз видел, как они

переплывали с острова на остров. Байрон говорит, что он во время своего путешествия видел, как они пили соленую воду. Некоторые из наших офицеров точно так же видели стадо, пившее, по-видимому, соленую влагу из салины близ мыса Бланке. Я полагаю, что в некоторых частях страны им попросту больше нечего пить, кроме соленой воды. Среди дня они часто катаются в пыли в неглубоких выемках.

Самцы дерутся между собой; однажды двое из них, проходя мимо меня совсем близко, визжали и старались укусить друг друга; у некоторых из убитых самцов шкуры были глубоко изборождены. Иногда стада гуанако отправляются, по-видимому, в разведку; в Баия-Блан-ке, где в полосе на 30 миль от берега эти животные попадаются крайне редко, я однажды видел следы трех или четырех десятков гуанако, прошедших прямо к илистому солоноводному заливу. Должно быть, они поняли, что приблизились к морю, потому что с правильностью кавалерийского отряда развернулись и ушли обратно по такой же прямой линии, по какой пришли.

У гуанако есть одна странная привычка, совершенно для меня непонятная: они многие дни подряд откладывают спои экскременты в одну и ту же определенную кучу. Я видал одну из таких куч, которая имела 8 футов в диаметре и содержала большое количество помета. Согласно А. д'Орбиньи, это — привычка, общая всем видам данного рода; она очень выгодна перуанским индейцам, которые таким образом избавляются от труда по собиранию этого помета, служащего им топливом.

У гуанако есть, по-видимому, излюбленные места, куда они отправляются умирать. На берегах Санта-Крус в некоторых определенных местах, по большей части поросших кустарником и, как правило, расположенных поблизости от реки, земля сплошь бела от костей. В одном таком месте я насчитал от десяти до двадцати черепов. Особенно внимательно я осмотрел кости: они выглядели совсем не так, как те разбросанные кости, что я видел прежде, — обглоданные или в обломках, как будто их стащили в одно место хищные звери. В большинстве случаев животные перед смертью должны были пробираться сюда под кустами или между ними. М-р Байно сообщает мне, что в одно из своих прежних путешествий он видел то же самое на берегах Рио-Гальегос. Мне совершенно непонятна причина этого явления, но могу заметить, что на Санта-Крус раненые гуанако неизменно уходили к реке. На Сантьягу, одном из островов Зеленого Мыса, я, помнится, видел в лощине уединенный уголок, покрытый козьими костями; мы тогда воскликнули, что это, должно быть, кладбище всех коз острова. Я упоминаю эти незначительные обстоятельства потому, что в некоторых случаях они могли бы объяснить факт нахождения множества неповрежденных костей в пещере или под аллювиальными накоплениями, а также почему одних животных находят в осадочных породах чаще, чем других.

Однажды для съемки верхней части гавани был послан ялик, под командой м-ра Чафферса, с трехдневным запасом провизии. Утром мы разыскивали несколько отмеченных на старинной испанской карте мест, где можно набирать пресную воду. Мы нашли узкий залив, в глубине которого струился ручеек (первый найденный нами) с солоноватой водой. Здесь отлив вынудил нас подождать несколько часов, и в это время я прошел несколько миль в глубь страны. Равнина, как обычно, была сложена гравием вперемежку с землей, похожей по виду на мел, но совершенно иной природы. Вследствие мягкости этих пород она была изрыта множеством узких оврагов. Деревьев не было вовсе, и, за исключением гуанако, стоявшего на вершине холма бдительным стражем своего стада, не видно было ни одного зверя, ни одной птицы. Все вокруг было тихо и пустынно. И все-таки, окидывая взором этот пейзаж без единой веселой краски на переднем плане, живо ощущаешь какое-то смутное, но вместе с тем сильное чувство наслаждения. Невольно задаешь себе вопрос: сколько веков простояла так эта равнина и сколько еще суждено ей так оставаться?

Ответа нет — все в вечности застыло;Пустыня, твой таинственный глаголВнушает страшное сомненье.

Вечером мы проплыли несколько миль в глубь залива и там разбили палатки на ночь. В середине следующего дня ялик сел на мель, и из-за мелководья дальше пройти нельзя было. Так как вода оказалась отчасти пресной, то м-р Чафферс сел в маленькую шлюпку и прошел еще две-три мили, где и шлюпка села на мель, но уже в пресноводной реке. Вода была мутная, и, хотя речка имела самые ничтожные размеры, трудно было бы приписать ее происхождение чему-нибудь другому, кроме таяния снегов на Кордильерах. В том месте, где мы расположились на ночь, нас окружали крутые обрывы и отвесные порфировые столбы. Мне кажется, никогда не видал я места, которое казалось бы более далеким от всего остального мира, чем эта скалистая расщелина среди пустынной равнины.

На другой день после нашего возвращения к якорной стоянке я с группой офицеров отправился на раскопки старинной индейской могилы, обнаруженной мной на вершине соседнего холма. Два громадных камня, каждый из которых весил по меньшей мере тонны две, лежали перед уступом скалы высотой около 6 футов. На дне могилы, на твердом камне, лежал слой земли глубиной около фута, принесенной сюда, должно быть, снизу, с равнины. Земля эта была вымощена плоскими камнями, поверх которых были нагромождены кучей еще камни, так что ими был заполнен промежуток между уступом и двумя глыбами. Чтобы завершить могилу, индейцы ухитрились отделить от уступа огромный кусок камня и бросить его на кучу, так что он оперся на две глыбы. Мы подрыли могилу с обеих I сторон, но не нашли ни каких-нибудь старинных предметов, ни даже костей. Последние, должно быть, давным-давно истлели (и в этом случае могилу пришлось бы признать очень древней), так как в другом месте я нашел несколько меньших куч, а под ними очень немногочисленные мелкие обломки костей, которые все еще можно было признать останками человека. Фолкнер утверждает, что индейцы хоронят покойника там, где он умер, но впоследствии его кости заботливо извлекают из могилы и переносят, как бы велико ни было расстояние, чтобы сложить их у берега моря. Мне кажется, что этот обычай можно объяснить, если вспомнить, что до введения лошади эти индейцы должны были вести примерно такую же жизнь, как в настоящее время огнеземельцы, и потому обыкновенно жили поблизости от моря. Общий предрассудок, побуждающий всякого желать быть похороненным рядом с предками, заставляет, возможно, и нынешних кочевых индейцев переносить наименее тленные части своих покойников на древнее кладбище на берегу моря.

9 января 1834 г. — Перед наступлением темноты «Бигль» бросил якорь в прекрасной и просторной гавани бухты Сан-Хулиан, расположенной в 110 милях к югу от бухты Желания. Мы пробыли здесь восемь дней. Местность тут почти такая же, как в бухте Желания, но, наверное, еще более бесплодная. Однажды мы целой группой вместе с капитаном Фиц-Роем совершили длительную прогулку вокруг верхнего конца гавани. В течение одиннадцати часов мы не брали в рот воды, и кое-кто из нас совсем измучился. С вершины холма (заслуженно называемого с тех пор холмом Жажды) мы высмотрели красивое озеро, и двое из нас пошли к нему, чтобы затем условленными сигналами дать знать, пресная ли в нем вода. Каково же было наше разочарование, когда озеро оказалось белоснежным полем соли, кристаллизовавшейся большими кубами! Нашу сильную жажду мы приписали сухости воздуха; но, какова бы ни была ее причина, мы были чрезвычайно обрадованы, когда поздно вечером вернулись к шлюпкам. Несмотря на то что за все время нашего пребывания здесь мы нигде не могли найти ни капли пресной воды, тем не менее она, должно быть, была здесь потому, что я совершенно случайно нашел на поверхности соленой воды, недалеко от верхнего конца залива, не совсем еще мертвого Colymbetes, который жил, вероятно, в каком-нибудь прудке невдалеке. Три других вида насекомых (Cicindela, вероятно hybrida, Cymiridis и Harpalus, живущие все в илистых впадинах, иногда заливаемых морем) и еще одно, найденное мертвым на равнине, исчерпывают перечень жуков. Крупная муха (Tabanus) была чрезвычайно многочисленна и изводила нас болезненными укусами. Обыкновенный слепень, который так досаждает на тенистых проселках в Англии, принадлежит к тому же роду. Здесь перед нами та же загадка, которая так часто возникает относительно москитов: кровью каких животных питаются обыкновенно эти насекомые? Гуанако тут почти единственное теплокровное

четвероногое, и численность их ничтожна по сравнению с тьмой этих мух.

Геология Патагонии представляет большой интерес. В отличие от Европы, где третичные формации накоплялись, по-видимому, в заливах, здесь на сотни миль вдоль побережья тянется огромное отложение, заключающее в себе множество третичных раковин, всех, по-видимому, вымерших форм. Чаще всего попадается раковина массивной гигантской устрицы, имеющая иногда целый фут в поперечнике. Эти пласты покрыты другими из какого-то особенного мягкого белого камня, содержащего много гипса и похожего на мел, но имеющего в действительности пемзовую природу. Он особенно замечателен тем, что по меньшей мере на одну десятую часть по объему состоит из инфузорий; профессор Эренберг уже обнаружил в нем 30 океанических форм.

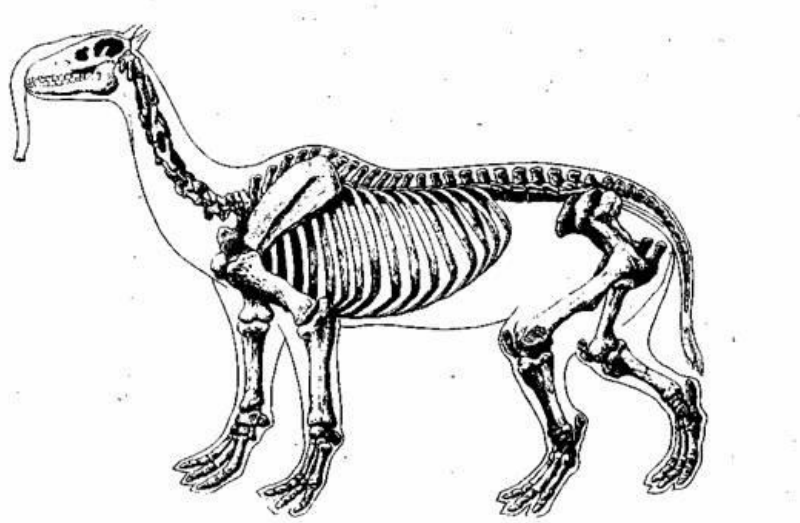
Этот пемзовый пласт тянется вдоль берега на 500 миль, а возможно и значительно дальше. Возле бухты Сан-Хулиан толщина его свыше 800 футов! Эти белые толщи повсюду прикрыты слоем гравия, образующим, вероятно, одно из величайших в мире скоплений галечника: оно начинается поблизости от Рио-Колорадо и простирается, несомненно, на 600–700 морских миль к югу; у Санта-Крус (река, протекающая немного южнее бухты Сан-Хулиан) оно доходит до подножия Кордильер; на полпути вверх по реке толщина его больше 200 футов; вероятно, оно повсюду простирается до этой великой горной цепи, откуда и произошли все эти хорошо окатанные порфировые голыши; можно считать, что ширина ее в среднем составляет 200 миль, а средняя толщина — приблизительно 50 футов. Если все это огромное скопление голышей, даже не включая ила, непременно образующегося при их трении, нагромоздить одной насыпью, громадная же получилась бы горная цепь! Если учесть, что весь этот галечник, неисчислимый, как песок в пустыне, произошел в результате постепенного падения масс горной породы на берегах древних морей и рек, что эти обломки разбились на более мелкие куски и что с тех пор каждый из них медленно перекатывался, округлялся и уносился далеко от гор, — поражаешься при мысли о бесконечно долгом и неумолимом течении времени. А ведь вся эта галька была перенесена и, вероятно, окатана уже после отложения белых слоев и значительно позже образования подстилающих слоев с третичными раковинами.

Все на этом южном материке совершается в грандиозных масштабах: вся суша от Ла-Платы до Огненной Земли, на протяжении 1 200 миль, поднялась (в Патагонии до высоты от 300 до 400 футов) в тот период, когда уже существовали современные морские моллюски. Старые выветрелые раковины, которые остались на поверхности поднявшейся равнины, еще сохраняют частично свою окраску. Процесс поднятия прерывался по меньшей мере восемью продолжительными периодами покоя, в течение которых море снова глубоко врезалось в- сушу, образуя на последовательных уровнях длинные ряды обрывов или уступов, отделяющих друг от друга равнины, поднимающиеся подобно ступеням одна над другой.

Процесс поднятия и обратное наступление моря в периоды покоя происходили равномерно на больших протяжениях береговой линии: я с удивлением обнаружил, что в разных местах, очень далеких друг от друга, ступени равнин лежат почти на одинаковой высоте. Самая низкая равнина лежит на высоте 90 футов, а самая высокая, на которую я поднимался у берега, — на высоте 950 футов, но от нее сохранились только остатки в виде плоских, прикрытых гравием возвышений.

Верхняя равнина на Санта-Крус постепенно поднимается до высоты 3 000 футов у подножия Кордильер. Я уже говорил, что в период современных моллюсков Патагония поднялась на 300–400 футов; могу добавить, что в тот период, когда ледники переносили валуны по верхней равнине у Санта-Крус, произошло поднятие по крайней мере на 1 500 футов. Но Патагония подверглась не только перемещению кверху; согласно профессору Э. Форбсу, вымершие третичные моллюски, раковины которых найдены в бухте Сан-Хулиан и на Санта-Крус, не могли жить на глубине, превышающей 40-250 футов; но теперь они покрыты слоями морских отложений толщиной от 800 до 1 000 футов, — значит, чтобы смогли накопиться вышележащие слои, морское дно, на котором- некогда жили эти моллюски, должно было опуститься на несколько сот футов^ Какую историю геологических изменений раскрывает перед нами столь простой по своему строению берег Патагонии!

В бухте Сан-Хулиан в красном иле, прикрывающем гравий на равнине, лежащей на уровне 90 футов, я нашел половину скелета Macrauchenia patagonica, замечательного четвероногого, которое целиком было бы величиной с верблюда. Оно относится к тому же подразделению Pachydermata, что и носорог, тапир и палеотерий, но по строению костей длинной шеи обнаруживает несомненное родство с верблюдом или скорее с гуанако или ламой. Судя по раковинам современных морских моллюсков, найденным на двух верхних ступенчатых равнинах, сформировавшихся и поднявшихся до того, как отложился ил, в котором была погребена макраухения, ясно, что это любопытное четвероногое жило много времени спустя после того, как море заселили современные моллюски. Сначала меня поражало, как могло существовать так недавно крупное четвероногое под 49° 15 широты на этих жалких галечных равнинах с их чахлой растительностью; но родство макраухении с гуанако, нынешним обитателем самых бесплодных мест, отчасти разъясняет этот трудный вопрос.



Скелет макраухении (Macrauchenia patagonica) и контуры ее тела

Родство, пусть отдаленное, между макраухенией и гуанако, между токсодоном и водосвинкой, более близкое родство между многими вымершими Edentata и современными ленивцами, муравьедами и броненосцами, ныне столь характерными для южноамериканской фауны, и, наконец, еще более близкое родство между ископаемыми и современными видами Ctenomys и Hydrochoerus — факты чрезвычайно интересные. Это родство изумительно выявляется — столь же изумительно, сколь между ископаемыми и вымершими сумчатыми животными Австралии — большой коллекцией, недавно привезенной в Европу из бразильских пещер г-ми Лундом и Клаузеном. В этой коллекции имеются вымершие виды всех

32 родов (кроме четырех) наземных четвероногих, живущих ныне в провинциях, где расположены эти пещеры; вымершие виды гораздо многочисленнее современных: среди них имеются ископаемые муравьеды, броненосцы, тапиры, пекари, гуанако, опоссумы и многочисленные южноамериканские грызуны и обезьяны, а также другие животные. Я не сомневаюсь, что это изумительное родство между вымершим и современным миром на одном и том же материке прольет со временем больше света на вопрос о появлении и исчезновении живых существ на нашей земле, нежели факты какого бы то ни было иного порядка.

Нельзя без глубочайшего изумления размышлять о тех переменах, которые постигли Американский континент. В прежние времена он, должно быть, изобиловал громадными чудовищами; в наши дни мы находим здесь просто пигмеев по сравнению с предшествовавшими близкими им расами. Если бы Бюффону были известны гигантский ленивец, громадные животные, похожие на броненосцев, и погибшие толстокожие, он мог бы сказать, что в Америке творческая сила утратила свою мощь, и это звучало бы правдоподобнее, чем его утверждение, что она никогда не отличалась большим могуществом. Большинство этих вымерших четвероногих, если не все, жили в поздний период, в одно время с большей частью современных морских моллюсков. С тех пор как они жили, не могло произойти очень большой перемены в облике страны. Что же в таком случае повело к исчезновению стольких видов и целых родов? С первого раза трудно устоять против мысли о какой-то гигантской катастрофе; но для того, чтобы таким образом были уничтожены как крупные, так и мелкие животные в южной Патагонии, в Бразилии, на Перуанских Кордильерах, в Северной Америке вплоть до Берингова пролива, нам пришлось бы допустить потрясение всего земного шара. Кроме того, изучение геологии Ла-Платы и Патагонии ведет к мысли, что весь ландшафт, со всеми его особенностями, есть результат медленных и постепенных изменений. Из характера окаме-нелостей Европы, Азии, Австралии, Северной и Южной Америки следует, что условия, благоприятствующие существованию более крупных четвероногих, еще недавно были распространены по всему свету, но что это были за условия, никто пока и не догадывается. Едва ли дело здесь в перемене температуры, которая уничтожила бы приблизительно в одно и то же время обитателей тропических, умеренных и полярных широт в обоих полушариях. О Северной Америке нам положительно известно благодаря исследованиям м-ра Ляйелля, что крупные четвероногие жили там после того периода, когда валуны были занесены в широты, куда ледники ныне никогда не заходят; убедительные, хотя и косвенные доводы позволяют нам питать уверенность, что и в южном полушарии макраухе-ниях жила много времени спустя после того периода, когда валуны переносились ледниками. Не человек ли, после первого своего вторжения в Южную Америку, уничтожил неповоротливого мегатерия и других Edentata, как предполагали некоторые? Но что касается гибели по крайней мере маленького тукутуко в Баия-Бланке, а также многих ископаемых мышей и других мелких четвероногих в Бразилии, то здесь мы должны искать иную причину. Никому и в голову не придет, чтобы засуха, даже гораздо более жестокая, чем те, что причиняют такой ущерб провинциям Ла-Платы, могла повести к уничтожению всех поголовно особей каждого вида от южной Патагонии до Берингова пролива. А что сказать об исчезновении лошади? Неужели не хватило корма на тех равнинах, которые впоследствии наводнили тысячи и сотни тысяч потомков ввезенной испанцами породы? Неужели ввезенные впоследствии виды отняли пищу у великих предшествовавших рас? Можно ли поверить, чтобы водосвинка отбила пищу у токсодона, гуанако — у макраухении, современные мелкие Edentata — у своих многочисленных гигантских прототипов? Ни одно событие не поражает так в долгой истории мира, как повсеместное и не раз повторявшееся полное исчезновение его обитателей.

Тем не менее, если рассматривать вопрос с другой точки зрения, он покажется не таким запутанным. Мы не всегда помним о том, как поверхностны наши знания об условиях существования каждого отдельного вида животных; мы забываем также о существовании постоянно действующих препятствий, не допускающих слишком быстрого размножения любого организма, остающегося в естественном состоянии. Запас пищи в среднем остается постоянным, тогда как тенденция к размножению

растет у каждого животного в геометрической прогрессии, и неожиданные последствия этого нигде не проявлялись столь поразительным образом, как в Америке, где в течение нескольких последних столетий европейские животные бродили в одичалом состоянии. Каждое животное в естественном состоянии регулярно размножается: но для какого-нибудь давно установившегося вида всякий значительный прирост в численности явно невозможен и потому должен встречать какие-то препятствия. Мы. однако, редко можем с уверенностью сказать в отношении какого-либо данного вида, в какой период его жизни, в какое время года и только ли через продолжительные промежутки времени перестает действовать это препятствие и какова именно природа этого препятствия. Потому-то, вероятно, нас так мало удивляет то обстоятельство, что один из двух видов, очень сходных между собой по своему образу жизни, в одном и том же районе встречается редко, а другой — в изобилии; или что один водится в изобилии в одном районе, а другой, занимающий то же место в экономии природы, водится в изобилии в соседнем районе, по своим условиям очень мало отличающемся от первого. Если спросить, почему это так, то сразу же получишь ответ, что это определяется каким-нибудь слабым различием в климате, пище или численности врагов; но как редко можем мы (если, впрочем, хоть когда-нибудь можем) точно указать причину препятствия и тот способ, которым оно действует! Таким образом, нам приходится сделать вывод, что изобилие или малочисленность данного вида определяются какими-то обычно совершенно неуловимыми для нас причинами.

В тех случаях, когда мы можем проследить истребление какого-нибудь вида человеком, полностью или же в пределах одного района, мы замечаем, что этот вид встречается все реже и реже и, наконец, исчезает; но было бы трудно указать, в чем, собственно, заключается различие между истреблением вида человеком и гибелью его вследствие увеличения численности естественных врагов. Очевидность того, что редкость вида предшествует его полному вымиранию, всего поразительнее обнаруживается в последовательных третичных напластованиях, как это было отмечено рядом тонких наблюдателей; часто оказывается, что раковины того или иного моллюска в очень большом количестве попадаются в каком-нибудь третичном пласте, а теперь этот моллюск встречается крайне редко и даже долго считался вымершим. Итак, если вид, как то представляется вероятным, сначала становится все малочислен нее и только затем окончательно вымирает; если слишком быстрое размножение всякого вида, даже в самых благоприятных условиях, всегда встречает препятствие, существование которого нам приходится допустить, хотя трудно сказать, как и когда оно действует, если мы без малейшего удивления, не будучи, однако, в состоянии точно указать причину, смотрим на то, что один вид встречается в изобилии, а другой, близко родственный ему вид редко встречается в той же области, — почему же мы испытываем чувство столь большого изумления, наблюдая, что вид редеет и тем самым подвигается на одну ступень k вымиранию? Процесс, постоянно идущий повсюду вокруг нас и все-таки едва заметный, безусловно, мог бы зайти и несколько дальше, не привлекая нашего внимания. Кто бы, например, сильно удивился, узнав, что мегалоникс в прошлом встречался редко по сравнению с мегатерием или что какая-нибудь из ископаемых обезьян была малочисленна но сравнению с какой-нибудь из ныне живущих обезьян? А ведь эта сравнительная редкость служит самым очевидным свидетельством менее благоприятных условий существования. Допускать, что виды обыкновенно становятся редкими, прежде чем окончательно вымирают, не удивляться тому, что один вид встречается редко по сравнению с другим, и все же привлекать для объяснения этого какой-то необычайный фактор и приходить в изумление, когда вид прекращает свое существование, — по-моему, все равно что допускать, что болезнь человека предшествует его смерти, нисколько не удивляться самой болезни, но после смерти больного изумляться и предполагать, что он умер насильственной смертью.

Глава IX. САНТА-КРУС В ПАТАГОНИИ И ФОЛКЛЕНДСКИЕ ОСТРОВА

Санта-Крус

Экспедиция вверх по реке

Индейцы

Огромные потоки базальтовой лавы

Обломки, которые не могла перенести река

Образование долины Кондор, его образ жизни

Кордильеры

Крупные эрратические валуны

Предметы, оставленные индейцами

Возвращение на корабль

Фолклендские острова

Дикие лошади, коровы, кролики

Волкообразная лисица

Костер из костей

Способ охоты на диких коров

Геология Каменные потоки

Картины геологических потрясений

Пингвин

Гуси

Яйца дориды

Колониальные животные

13 апреля 1834 г. — «Бигль» бросил якорь в устье Санта-Крус. Эта река протекает миль на шестьдесят южнее бухты Сан-Хулиан. В свое последнее путешествие капитан Стокс поднялся по ней на 30 миль, но затем из-за недостатка провизии вынужден был вернуться. За исключением того, что было им открыто, едва ли хоть что-нибудь еще было известно об этой большой реке.

Капитан Фиц-Рой решил пройти теперь по ее течению настолько далеко, насколько позволит время. 18-го вышли три вельбота с трехнедельным запасом провизии; в состав экспедиции входило 25 человек — этого числа было бы достаточно, чтобы противостоять большому отряду индейцев.

При сильном приливе и ясной погоде мы прошли порядочный. путь, вскоре добрались до пресной воды, а к ночи оказались уже за пределами области прилива.

Река здесь уже приняла те размеры и вид, которые почти не изменялись до самого конца нашего пути. В ширину она была большей частью от 300 до 400 ярдов и имела около 17 футов глубины посредине. Самую замечательную особенность реки составляет, должно быть, ее быстрое течение, имеющее на всем протяжении скорость от 4 до 6 узлов. Вода чистого голубого цвета, но с легким молочным оттенком и не так прозрачна, как ожидаешь, на первый взгляд. Река течет по

руслу из галечника, такого же, каким сложены берег и окружающие равнины. Она вьется е долине, которая тянется по прямой линии на запад. Ширина долины колеблется от 5 до 10 миль; ее ограничивают ступенчатые террасы, громоздящиеся по большей части одна над другой до высоты 500 футов, замечательно соответствуя друг другу по обеим сторонам реки.

19 апреля. — Против такого сильного течения, разумеется, совершенно невозможно было идти на веслах или под парусами; поэтому все три шлюпки связали друг с другом — нос с кормой, на каждой оставили по два матроса, а все остальные сошли на берег тянуть бечеву. Так как распорядок, установленный капитаном Фиц-Роем, много облегчал нашу работу, в которой все принимали участие, то я опишу здесь, как все было организовано. Все без исключения участники экспедиции были разделены на две смены, и каждая тянула бечеву по очереди, по полтора часа. Офицеры каждой шлюпки жили вместе со своим экипажем — ели одну и ту же пищу, спали в той же палатке, — так что каждый бот был совершенно независим от других. После захода солнца первое же ровное место, где росли какие-нибудь кусты, выбиралось для ночлега. Каждый из команды по очереди становился коком. Как только шлюпку притягивали к берегу, кок разводил огонь, два других матроса разбивали палатку, старшина выдавал вещи из шлюпки, а остальные сносили их в палатки и собирали хворост. При таком порядке за полчаса все бывало готово для ночлега. На вахте всегда стояли два матроса и офицер, обязанностью которых было присматривать за шлюпками, поддерживать огонь и охранять лагерь от нападения индейцев. Все мы дежурили по часу каждую ночь.

В этот день мы протянули шлюпки лишь на небольшое расстояние, так как на пути было много островков, покрытых колючим кустарником, а протоки между ними были мелкие.

20 апреля. — Мы миновали острова, и работа закипела по-настоящему. За день мы обыкновенно продвигались, хоть это и было достаточно тяжело, в среднем только на 10 миль по прямой, но в общем миль на пятнадцать — двадцать. Вверх от того места, где мы провели последнюю ночь, страна становится настоящей terra incognita [неведомой землей], ибо отсюда и повернул назад капитан Стокс.

Мы видели вдали густой дым и нашли скелет лошади, из чего заключили, что где-то поблизости находятся индейцы. На следующее утро (21-го) мы заметили на земле следы большого числа лошадей и знаки, оставленные волочившимися по земле концами чусо — длинных копий. Наше общее мнение было таково, что индейцы высматривали нас ночью. Немного спустя мы подошли к одному месту, где, судя по не оставлявшим сомнений свежим следам взрослых людей, детей и лошадей, группа переправилась через реку.

22 апреля. — Местность оставалась по-прежнему крайне неинтересной. Полное однообразие природы на протяжении всей Патагонии — одна из самых поразительных ее особенностей. На гладких равнинах сухого галечника попадаются все те же чахлые и низкорослые растения, в долинах растут те же вооруженные шипами кустарники. Повсюду мы видим одних и тех же птиц и насекомых. Даже самые берега реки и прозрачных ручейков, в нее впадающих, не оживляются более яркой зеленью. Проклятие бесплодия тяготеет над страной, и на водах, текущих по руслу из гальки, лежит то же проклятие. Поэтому и число водяных птиц здесь крайне незначительно: в водах этой бесплодной реки нет ничего, что могло бы поддерживать жизнь.

Но как ни бедна Патагония в некоторых отношениях, она может похвастать ббльшим количеством мелких грызунов, чем, вероятно, какая бы то ни было другая страна в мире. Характерным внешним признаком нескольких видов мышей являются большие тонкие уши и очень нежная шерстка. Этими зверьками кишат заросли в долинах, где им приходится целыми месяцами оставаться без единой капли воды, если не считать росы. Все они, видимо, каннибалы, потому что не успевала еще попасть в мой капкан мышь, как ее уже пожирали другие. Маленькая изящная лисичка, также встречающаяся здесь в изобилии, питается, вероятно,

здесь одними только этими зверьками. Гуанако тут тоже на своем месте; часто попадались стада в пятьдесят — сто голов, и, как я уже говорил, мы видели как-то одно, в котором должно было быть по крайней мере пятьсот голов. Пума, сопровождаемая кондором и другими стервятниками, следует за этими животными и нападает на них. Следы пумы видны были почти повсюду на берегах реки, а останки нескольких гуанако со свернутыми шеями и перебитыми костями свидетельствовали о том, как они погибли.

24 апреля. — Как мореплаватели былых времен, приближаясь к незнакомой земле, мы осматривались и следили за малейшим признаком какой-нибудь перемены. Плывущий по течению древесный ствол или валун первичной породы мы приветствовали так же радостно, как если бы увидели лес на склонах Кордильер. Впрочем, тот признак, что вершина тяжелой гряды облаков почти все время оставалась в одном положении, был самым многообещающим и оказался, в конце концов, правдивым. Сначала мы принимали облака за сами горы, а не за клубы испарений, сгустившихся над их ледяными вершинами.

26 апреля. — В этот день мы натолкнулись на резкую перемену в геологическом строении равнин. С самого начала экспедиции я внимательно осматривал гальку в реке и в последние два дня заметил в ней присутствие немногочисленных мелких голышей очень ячеистого базальта. Постепенно численность и размеры их увеличивались, но ни один не достигал еще величины человеческой головы. В это утро, однако, голыши той же породы, только более плотной, вдруг стали попадаться в изобилии, и не прошло и получаса, как мы увидели на расстоянии 5 или 6 миль острый угол огромной базальтовой платформы. Подойдя к ее основанию, мы увидали, что река тут прорывается между обвалившимися глыбами. На протяжении следующих 28 миль течение реки было загромождено такими базальтовыми глыбами. Выше этого рубежа столь же многочисленны были громадные обломки первичных пород, отколовшиеся от окружающей валунной формации. Ни один из обломков сколько-нибудь значительных размеров не был унесен течением больше чем на 3–4 мили вниз по реке от своей материнской породы; если принять в соображение исключительную скорость огромных водяных масс в Сайта-Крус, по которой нигде не встречается тихих излучин, то оказывается, что эта река — самый разительный пример того, как мало способны реки переносить обломки даже средних размеров.

Базальт есть не что иное, как лава, излившаяся в море под водой, но извержения при этом происходили, должно быть, в грандиозных масштабах. В том месте, где мы впервые встретились с этой формацией, она имела 120 футов в толщину; вверх по течению реки поверхность незаметно поднималась и массив становился все толще, так что в 40 милях от начала он достигал толщины 320 футов. Как велика может быть толщина его у самых Кордильер, мне совершенно неизвестно, но платформа достигает там высоты около 3 000 футов над уровнем моря; следовательно, мы должны рассматривать эту великую горную цепь как источник данной формации: такого источника вполне заслуживают потоки, разлившиеся по слегка наклонному морскому дну на расстояние целых 100 миль. С первого же взгляда на базальтовые утесы по разным сторонам долины было ясно, что пласты представляли когда-то одно целое. Какая же сила снесла на всем протяжении страны сплошной массив очень твердой породы, средняя толщина которого была почти 300 футов, а ширина колебалась почти от 2 до 4 миль? Хотя река так мало способна переносить даже незначительные обломки, но в течение веков, путем постепенной эрозии, она может привести к последствиям, о которых трудно судить в целом. В данном случае, однако, независимо от маловажности подобного фактора можно привести основательные доводы в пользу того взгляда, что в прошлом эту долину занимал морской рукав.

В настоящем сочинении нет нужды распространяться о доводах, ведущих к такому заключению; оно следует из формы и природы ступенчатых террас по обеим сторонам долины, из того, каким образом дно долины поблизости от Андов, расширяясь, переходит в большую, напоминающую эстуарий равнину с песчаными буграми на ней, и из факта нахождения в русле реки немногочисленных раковин

морских моллюсков. Будь у меня больше места, я мог бы показать, что Южную Америку некогда прорезал здесь пролив, соединявший Атлантический и Тихий океаны подобно Магелланову. Но все-таки как же был снесен сплошной массив базальта? В прежнее время геологи для объяснения пустили бы в ход сокрушительное действие какой-нибудь катастрофы; но в данном случае подобное предположение совершенно недопустимо, ибо те самые ступенчатые равнины, на поверхности которых лежат раковины современных морских моллюсков и которые вытянулись по линии патагонского побережья, простираются и по обеим сторонам долины Санта-Крус. Немыслимо, чтобы действие какого бы то ни было наводнения могло придать местности ее настоящий вид как в долине, так и по открытому берегу; сама долина была выдолблена при образовании этих ступенчатых равнин, или террас.

Хотя нам известно, что в узкой части Магелланова пролива приливная волна движется со скоростью 8 узлов, но, нужно сознаться, голова идет кругом, когда подумаешь, сколько лет, столетие за столетием, должны были прилив и отлив, без помощи сильного прибоя, разрушать такую необъятную поверхность и толщу сплошной базальтовой лавы.

Тем не менее надо полагать, что напластования, подмытые водами этого древнего пролива, разбились на громадные обломки, которые, будучи разбросаны на взморье, превратились сначала в меньшие куски, затем в гальку и, наконец, в тончайший ил, занесенный отливами далеко в восточный и западный океаны.

С переменой геологического строения равнин изменился и характер ландшафта. Когда я бродил по узким и каменистым теснинам, мне иногда казалось, будто я вновь нахожусь в бесплодных долинах острова Сантьяго. Среди базальтовых утесов я отыскал некоторые не виданные еще мной растения, в иных же распознал пришельцев с Огненной Земли. Эти ноздреватые утесы служат резервуарами для скудной дождевой воды, и потому на линии, где сходятся изверженные и осадочные породы, бьют маленькие ключи (редчайшее в Патагонии явление); их можно распознать издалека по пятнам зеленой травы вокруг.

27 апреля. — Русло реки несколько сузилось, отчего течение стало быстрее. Скорость его была 6 узлов. По этой причине, а также из-за множества больших угловатых обломков тянуть боты стало опасно и тяжело.

В этот день я застрелил кондора. В нем было от конца одного крыла до конца другого 8,5 футов, а от клюва до хвоста 4 фута. Птица эта, как известно, имеет широкое географическое распространение: она встречается на западном побережье Южной Америки от Магелланова пролива, вдоль Кордильер, до 8° к северу от экватора. Крутой обрыв близ устья Рио-Негро отмечает ее северную границу на патагонском побережье; она прошла сюда около 400 миль от громадной средней линии своего распространения в Андах. Дальше к югу, среди круч в глубине бухты Желания, кондор тоже встречается нередко, но лишь немногие одиночки время от времени залетают на морской берег.

Эти птицы часто посещают цепь утесов близ устья Санта-Крус; милях в восьми вверх по реке, где долина ограничена базальтовыми кручами, кондор появляется снова. Из всех этих фактов явствует, что кондоры нуждаются в отвесных утесах. В Чили они большую часть года проводят в низменности близ берегов Тихого океана, а на ночь усаживаются по нескольку на одном дереве; но ранним летом они удаляются в самые неприступные места внутренних Кордильер, чтобы там в покое высиживать птенцов.

Что касается их размножения, то в Чили крестьяне говорили мне, что кондор не устраивает никакого гнезда, а в ноябре и декабре откладывает два больших белых яйца на голом выступе скалы. Говорят, что молодые кондоры в течение целого года не умеют летать, а когда научатся, то еще долго продолжают на ночь садиться вместе с родителями, а днем — охотиться вместе с ними. Старые птицы обыкновенно живут парами; но в глубине материка, среди базальтовых утесов на берегах Санта-Крус, я разыскал место, где они, по-видимому, собираются обычно

целыми десятками. Подойдя неожиданно к краю стремнины, мы увидали грандиозное зрелище: от двадцати до тридцати этих больших птиц тяжело поднялись с места своего отдыха и, описывая величавые круги, улетели вдаль. Судя по количеству помета на скалах, они, должно быть, уже давно посещали этот утес для отдыха и высиживания птенцов. Наевшись досыта падали на равнинах внизу, они удаляются на свои излюбленные уступы переваривать пищу. На основании этих фактов кондора, как и гальинасо, нужно считать до известной степени стадной птицей. В этой части страны они питаются только трупами гуанако, умерших естественной смертью или, как это чаще всего происходит, убитых пумой. Судя по тому, что я видел в Патагонии, я полагаю, что у них нет обыкновения совершать ежедневные вылеты на сколько-нибудь далекое расстояние от места их постоянного ночлега.

Кондоров часто можно видеть на большой высоте, где они парят над каким-нибудь определенным местом, описывая самые изящные круги. В некоторых случаях, я уверен, они делают это лишь ради собственного удовольствия, но иногда, как скажет вам чилийский крестьянин, они высматривают умирающее животное или пуму, пожирающую добычу. Если кондоры скользят вниз, а потом вдруг все вместе поднимаются, то чилиец уже знает, что пума, стерегущая труп, выскочила, чтобы прогнать разбойников. Не ограничиваясь падалью, кондоры часто нападают на молодых коз и ягнят, и пастушьи собаки приучены выбегать и, глядя вверх, яростно лаять, когда кондоры пролетают мимо. Чилийцы уничтожают и ловят их во множестве.

Они применяют два способа: один состоит в том, что кладут труп на ровном месте, огороженном забором из кольев с единственным входом, и, когда кондор насытится, подскакивают верхом ко входу и запирают его: если этой птице не хватает места для разбега, она не может сообщить своему телу достаточного момента, чтобы подняться с земли. Второй способ заключается в том, что замечают деревья, на которые птицы садятся, часто по пять, по шесть сразу, а потом ночью влезают на дерево и ловят птиц силком. Кондоры спят так крепко (чему я сам был свидетелем), что это дело нетрудное. В Вальпараисо при мне продавали живого кондора за полшиллинга, но обычная цена его 8-10 шиллингов. Я видел, как принесли одного кондора, связанного веревкой и сильно пораненного; но в то самое мгновение, как разрезали веревку, стягивавшую его клюв, он, несмотря на толпу вокруг, стал с жадностью терзать кусок падали.

Здесь же, в одном саду, содержали от двадцати до тридцати живых кондоров. Их кормили только раз в неделю, но они выглядели вполне здоровыми. Чилийские крестьяне утверждают, что кондор может прожить, не евши, от пяти до шести недель и при этом сохраняет всю свою силу; не могу ручаться за правдивость этого утверждения, но такой жестокий эксперимент был, по всей вероятности осуществлен.

Хорошо известно, что, лишь только в окрестностях бывает убито какое-нибудь животное, кондоры, как и другие грифы, тотчас же узнают непостижимым путем об этом и слетаются на. труп. Не следует упускать из виду, что в большинстве случаев эти птицы успевают разыскать свою добычу и дочиста обглодать скелет, прежде чем мясо хоть немного испортится. Припомнив опыты г-на Одюбона относительно слабости обоняния у трупоядных птиц, я попробовал проделать в вышеупомянутом саду следующий опыт: кондоры были привязаны каждый своей веревкой и рассажены в длинный ряд под стеной; прогуливаясь взад и вперед перед птицами, я держал в руке завернутый в белую бумагу кусок мяса на расстоянии около трех ярдов от них, но птицы не обращали на это никакого внимания. Тогда я бросил сверток на землю на расстоянии не более ярда от одного старого самца; один миг он внимательно смотрел на сверток, но потом больше не обращал внимания. Я стал подталкивать сверток палкой все ближе и ближе, пока он не коснулся, наконец, клюва птицы; бумага мгновенно была яростно разодрана, и в тот же миг все птицы в длинном ряду стали биться и хлопать крыльями. Ввести в заблуждение собаку при подобных обстоятельствах было бы невоз-можно.

Свидетельства в пользу и против наличия острого чутья у грифов странным

образом уравновешиваются одни другими. Профессор Оуэн показал, что обонятельные нервы у грифа-индейки (Cathartes aura) хорошо развиты; в тот же вечер, когда доклад м-ра Оуэна был прочитан в Зоологическом обществе, один из присутствовавших заметил, что он однажды наблюдал в Вест-Индии, как стервятники собирались напротив дома в то время, когда находившийся там труп, который не успели похоронить, начинал издавать запах, а об этом птицы едва ли могли узнать при помощи зрения. С другой стороны, помимо опытов Одюбона и моего собственного м-р Бакмен поставил много разнообразных опытов, показывающих, что ни гриф-индейка (тот вид, который анатомировал профессор Оуэн), ни гальинасо не отыскивают себе пищи при помощи обоняния. Он покрыл несколько кусков зловонной падали тонким брезентом, а сверху набросал куски мяса; эти последние были съедены грифами, но вслед за тем птицы успокоились, так и не обнаружив вонючей падали, хотя клюв их находился всего в 0,5 дюйма от нее. После того брезент немного надрезали, и птицы в тот же миг обнаружили падаль; когда же брезент заменили новым и вновь разложили на нем куски мяса, грифы опять сожрали их, не обнаружив прикрытой падали, по которой ходили. Эти факты, кроме м-ра Бакмена, засвидетельствовали своими подписями еще шестеро джентльменов.

Часто, ложась отдыхать среди открытых равнин и глядя вверх, я видел грифов, носящихся в воздухе на большой высоте. Не думаю, чтобы на ровной местности пешеход или всадник обыкновенно осматривали сколько-нибудь внимательно ту часть небосклона, которая лежит выше чем на 15° над горизонтом. Если это так, то тогда гриф, прежде чем попасть в поле нашего зрения, летит на высоте от трех до четырех тысяч футов, его расстояние по прямой линии от глаза наблюдателя должно быть несколько более двух британских миль. Мудрено ли тогда, что он остается незамеченным? Не может ли дело обстоять так, что, когда охотник убивает зверя в уединенной долине, за ним все время следят сверху острые глаза птицы? А та особая манера, с которой гриф снижается, не дает ли знать всем трупоядным птицам в окрестности, что для них готова добыча?

Когда кондоры непрерывно кружатся стаей над каким-нибудь местом, полет их очень красив. Я не припомню, чтобы хоть одна из этих птиц когда-нибудь хлопала крыльями, за исключением момента взлета. Близ Лимы я, не сводя глаз, около получаса наблюдал за несколькими кондорами: они описывали большие кривые линии, носились кругами, спускались и поднимались, ни разу не взмахнув крыльями. Когда они скользили низко над моей головой, я внимательно следил наискосок за очертаниями каждого из больших маховых перьев обоих крыльев; при малейшем колебательном движении эти отдельные перья казались бы слившимися воедино, но они были отчетливо видны на фоне синего неба. Голова и шея двигались часто и как будто с усилием, распростертые крылья служили, по-видимому, точкой опоры для движений шеи, туловища и хвоста. Перед снижением птица на миг складывала крылья, а когда вновь распускала их, уже с иным наклоном, то момент, приобретенный при быстром снижении, как видно, уносил птицу вверх равномерным и неуклонным движением бумажного змея. В том случае, когда птица парит, движение ее должно быть настолько быстрым, чтобы воздействие наклонной поверхности ее тела на воздух могло уравновесить ее тяжесть. Сила, необходимая для поддержания момента в теле, движущемся в горизонтальной плоскости в воздухе (где трение так мало), не может быть велика, а кроме этой силы ничего больше и не требуется. Надо полагать, что движения шеи и туловища кондора для этого достаточно. Но как бы там ни было, когда такая большая птица часами без всякого видимого усилия кружится и скользит над горами и реками, то зрелище это поистине изумительно и прекрасно.

29 апреля. — С небольшого возвышения мы радостно приветствовали белые вершины Кордильер, проглядывавшие иногда сквозь темный облачный покров. В течение нескольких последующих дней мы продолжали продвигаться вперед медленно, так как течение реки было очень извилисто и загромождено громадными обломками различных древних сланцевых пород и гранита. Равнина, примыкающая к долине, здесь возвышалась почти на 1 100 футов над рекой и сильно изменилась по своему характеру. Хорошо окатанные порфировые голыши

лежали вперемежку с многочисленными огромными угловатыми обломками базальта и первичных пород. Один из тех эрратических валунов, которые я заметил, лежал в 67 милях от ближайшей горы; другой, измеренный мной, был площадью в 5 квадратных ярдов и выступал на 5 футов из гравия. Края его были так угловаты, а размеры до того велики, что сначала я принял его за камень in situ [в коренном залегании] и вытащил компас, чтобы определить направление его кливажа. Равнина здесь была не совсем такая гладкая, как ближе к берегу, но все еще не было заметно никаких следов какого-либо значительного переворота. При таких обстоятельствах я считаю совершенно невозможным объяснить перенос этих гигантских каменных громад за столько миль от места их первоначального залегания какой-нибудь иной теорией, кроме теории плавучих айсбергов.

За последние два дня нам попадались следы лошадей, а также несколько мелких вещей, принадлежавших индейцам, например куски плаща и пучок страусовых перьев, но все это, по-видимому, давно лежало на земле. Между тем местом, где индейцы так недавно переправились через реку, и этой местностью — правда, между этими местами много миль — страна кажется совсем необитаемой. Сперва, ввиду обилия гуанако, меня это удивило; но дело объясняется каменистым характером равнин, не позволяющим сколько-нибудь долго гнаться по ним за дичью на неподкованной лошади. И все-таки в двух- местах этой глубоко внутренней области я нашел небольшие кучи камней, и мне кажется, что они не могли образоваться случайно. Они были сложены на возвышенных местах гребня самого высокого лавового утеса и походили на те, что мы видели близ бухты Желания, только были меньше по размеру.

4 мая. — Капитан Фиц-Рой решил не вести шлюпки дальше вверх по реке, которая стала очень извилистой и быстрой; кроме того, весь вид местности не внушал желания идти дальше. Повсюду мы видели те же предметы, тот же унылый ландшафт. Мы находились теперь в 140 милях от Атлантического океана и примерно в 60 от ближайшего залива Тихого океана. Долина в этой верхней своей части расширялась в обширную котловину, ограниченную с севера и с юга базальтовыми платформами, а впереди виднелась длинная цепь одетых снегом Кордильер. Однако мы смотрели на эти величественные горы с сожалением, потому что нам приходилось ограничиться лишь догадками об их природе и естественных произведениях, вместо того чтобы, как мы надеялись, стоять на их вершинах. Не говоря уже о бесполезной потере времени, которой стоила бы нам попытка подняться хоть немного выше по реке, мы уже несколько дней получали половинный хлебный паек. Хотя и этого было бы достаточно нетребовательному человеку, но после тяжелого дневного перехода такой еды маловато; неотягченный желудок и легкое пищеварение — вещи, о которых хорошо рассуждать, но которые очень неприятны на деле.

5 мая. — Перед восходом мы пустились в обратный путь. Мы неслись вниз по течению с большой скоростью, делая узлов десять. За этот один день мы прошли то, что стоило нам при подъеме пяти с половиной дней тяжелого труда. 8-го числа, после 21-дневного путешествия, мы добрались до «Бигля». Все, кроме меня, имели основание быть недовольными; но мне экспедиция принесла знакомство с интереснейшим разрезом великой третичной формации Патагонии.

1 марта 1833 г. и во второй раз **16 марта 1834 г**. «Бигль» становился на якорь в заливе Баркли, у острова Восточный Фолкленд. Архипелаг расположен почти на той же широте, что и вход в Магелланов пролив; он занимает площадь 120 на 60 географических миль — немногим больше половины Ирландии. После того как за обладание этими жалкими островами спорили между собою Франция, Испания и Англия, они остались необитаемыми. Буэнос-айресское правительство продало их затем одному частному лицу, но пользовалось ими так же, как до того старая Испания — для поселения преступников. Англия заявила о своих правах на острова и захватила их. Англичанин, оставленный охранять флаг, был убит. Затем туда послали британского офицера без всякой вооруженной поддержки, и когда мы прибыли, то нашли его во главе населения, большую половину которого составляли беглые мятежники и убийцы.

Сцена достойна разыгравшихся на ней событий. Волнистая поверхность унылого и жалкого вида повсюду покрыта торфяником и грубой травой однообразного бурого цвета. Там и сям острая вершина или гребень серого кварцита пробивается через гладкий торфяник. Всем известен климат этих мест: его можно сравнить с тем, который господствует на высоте от одной до двух тысяч футов в горах северного Уэльса; впрочем, на этих островах меньше солнечного света и морозов, но больше ветров и дождей.

16 марта 1834 г. — Опишу теперь небольшую поездку, совершенную мной вокруг одной части этого острова; Я отправился утром с шестью лошадьми и двумя гаучосами; последние прекрасно подходили для нашего предприятия: то были люди, привыкшие обходиться своими собственными средствами. Погода стояла холодная, с сильными бурями и градом. Мы, однако, продвигались вперед довольно благополучно, но если отбросить геологию, то не могло быть ничего скучнее нашей поездки в этот день. Волнистая местность представляет собой все время один и тот же однообразный торфяник, поверхность покрыта редкой высохшей бурой травой да кое-где очень мелкими кустиками; растения поднимаются из упругой торфяной почвы. В долинах там и сям виднелось порой небольшое стадо диких гусей, а земля повсюду была так мягка, что в ней могли находить себе корм бекасы. Кроме этих двух других птиц было немного. Здесь тянется одна главная цепь холмов высотой почти в 2 000 футов, сложенная кварцитом; ее изрезанные обнаженные гребни несколько затруднили нам переход. По южному склону мы сошли в местность, замечательно подходящую для существования диких коров, но не встретили их в большом количестве, ибо в последнее время их тут сильно тревожили.

Вечером мы повстречались с небольшим стадом. Один из моих спутников, по имени Сант-Яго, вскоре выбрал жирную корову; он бросил в нее боласы, попал ей в ноги, но опутать их ему не удалось. Тогда, бросив свою шляпу, чтобы отметить то место, где остались шары, он на всем скаку развернул лассо, после отчаянной погони снова настиг корову и поймал ее, накинув лассо на рога. Другой гаучо ушел вперед с запасными лошадьми, так что Сант-Яго не без труда убил разъяренное животное. Он старался вытащить корову на ровное место, используя для этого каждый случай, когда она бросалась на него; когда же корова не хотела двинуться с места, моя лошадь, приученная к этому, сильно толкала ее с разбегу грудью. Но и на ровном месте убить животное, обезумевшее от ужаса, — дело нелегкое для одного человека. Оно было бы еще труднее, если бы предоставленная самой себе лошадь, без всадника, не приучалась вскоре для собственной безопасности держать лассо натянутым; поэтому, если корова или бык двинутся вперед, также быстро продвигается вперед и лошадь; в противном случае она стоит неподвижно, наклоняясь в сторону. Но наша лошадь была молодая и не стояла неподвижно, а поддавалась корове, когда та билась. Я с восхищением следил, с какой ловкостью Сант-Яго изворачивался позади коровы, пока не ухитрился, наконец, нанести ей роковой удар, задевши главное сухожилие задней ноги; после этого он без особых трудностей вонзил нож в верхушку спинного мозга, и корова повалилась, точно пораженная молнией. Он срезал несколько кусков мяса вместе со шкурой, но без единой кости — столько, сколько нам было нужно, — а затем мы поехали к месту нашего ночлега, где поужинали «carne con cuero», т. е. мясом, изжаренным вместе со шкурой. Оно настолько же превосходит обыкновенную говядину, насколько оленина лучше баранины. Большой круглый кусок из спины изжаривают на горячей золе вниз шкурой, которой придают форму блюда, так что не пропадает ни капли сока. Если бы какой-нибудь почтенный ольдермен ужинал с нами в тот вечер, то «carne con cuero», без сомнения, стало бы вскоре знаменитым в Лондоне.

Ночью шел дождь, и на следующий день **(17-го)** дул сильный ветер, с большим количеством града и снега. Мы ехали поперек острова к перешейку, соединяющему Ринкон-дель-Торо (большой полуостров у юго-западной оконечности) с остальным островом. Вследствие того, что здесь в большом количестве убивают коров, остается непропорционально много быков. Они бродят в одиночку или по два, по три вместе и чрезвычайно дики. Я никогда до сих пор не видал таких великолепных животных; по размерам огромной головы и шеи их можно сравнить с греческими мраморными изваяниями. Капитан Саливен

сообщает мне, что шкура быка средних размеров весит 47 фунтов, а между тем в Монтевидео шкуру такого веса, к тому же не так хорошо просушенную, считают очень тяжелой. Молодые быки обыкновенно отбегают на небольшое расстояние, но старые не трогаются ни на шаг, разве что бросятся на лошадь со всадником; из-за этого гибнет много лошадей. Один старый бык перешел через болотистый ручей и занял позицию напротив нас на другом берегу; мы напрасно старались прогнать его и. потерпев неудачу, вынуждены были сделать большой крюк. В отместку гаучосы решили оскопить его и сделать впредь безвредным. Чрезвычайно интересно было смотреть, как искусство восторжествовало над силой. Одно лассо было закинуто быку на рога, когда тот бросился на лошадь, а другое — на задние ноги: в один миг чудовище беспомощно растянулось на земле. Когда лассо туго затянуто вокруг рогов свирепого животного, то на первый взгляд кажется не таким-то легким делом снять его, не убив быка, и, я знаю, так бы и пришлось поступить гаучо, если бы он был один. Но с помощью второго человека, захватывающего своим лассо задние ноги животного, быка быстро укрощают: пока его задние ноги держат оттянутыми, он совершенно беспомощен, и первый гаучо может руками снять лассо с рогов и потом спокойно сесть на лошадь; в тот момент, когда второй гаучо, чуть-чуть отступив назад, ослабит натяжение лассо, последнее соскальзывает с ног бьющегося животного, которое, освободившись, встает, отряхивается и тщетно бросается на своего противника.

За всю нашу поездку мы видели только один табун диких лошадей. Эти животные, так же как и коровы, были ввезены французами в 1764 г., и с тех пор и те и другие сильно размножились. Любопытно, что лошади никогда не оставляют восточного конца острова, хотя тут нет никакой естественной границы, которая помешала бы им перекочевать, и хотя эта часть острова ничем не заманчивее всех остальных. Гаучосы, которых я расспрашивал, подтвердили этот факт, но не в состоянии были объяснить его ничем, кроме сильной привязанности лошадей к той местности, к которой они привыкли. Принимая во внимание, что остров заселен животными еще не полностью и что хищных зверей здесь нет, я особенно заинтересовался вопросом о том, чем было задержано их первоначально быстрое размножение. На ограниченном острове какое-нибудь препятствие рано или поздно, но неизбежно должно было возникнуть; однако почему размножение лошадей приостановилось раньше, чем размножение коров? Капитан Саливен приложил много усилий, чтобы помочь мне в исследовании этого вопроса. Служившие здесь гаучосы приписывают это обстоятельство главным образом тому, что жеребцы постоянно переходят с места на место и заставляют кобыл им сопутствовать независимо от того, могут ли следовать за ними молодые жеребята. Один гаучо рассказывал капитану Саливену, что он целый час наблюдал, как жеребец жестоко лягал и кусал кобылу, пока не принудил бросить жеребенка на произвол судьбы. Капитан Саливен может подкрепить этот любопытный рассказ пока только тем, что сам несколько раз находил мертвых молодых жеребят, но ни разу не находил мертвого теленка. Кроме того, трупы взрослых лошадей встречаются чаще трупов коров, — как будто лошади более подвержены болезням и несчастным случаям. Вследствие мягкости почвы копыта их часто растут неправильно, становясь длинными, а это вызывает хромоту. Преобладающие масти лошадей — чалая и серо-стальная. Все родившиеся здесь лошади, как прирученные, так и дикие, ростом весьма невелики, хотя состояние их в общем хорошее; они настолько утратили свою силу, что не годятся для того, чтобы с их помощью ловить на лассо диких коров и быков, и потому приходится нести большие расходы на ввоз свежих лошадей с Ла-Платы. Вероятно, когда-нибудь в будущем в южном полушарии возникнет своя порода фолклендских пони, как в северном есть теперь шотландская порода.

Коровы не только не выродились подобно лошадям, но, как было отмечено выше, стали, кажется, еще более крупными; кроме того, они гораздо многочисленнее лошадей. Капитан Саливен сообщает мне, что они разнятся между собой общей формой тела и очертанием рогов гораздо меньше, чем английский скот. Местами же они чрезвычайно разнообразны, и замечательно то обстоятельство, что в различных частях одного этого маленького острова преобладают различные масти. Вокруг горы Асборн, на высоте от 1 000 до 1 500 футов над уровнем моря; в некоторых стадах почти половина животных мышиного или свинцового цвета —

масть, редко встречающаяся в других частях острова. У бухты Приятной преобладает темно-коричневая масть, тогда как к югу от залива Шуазёля (который почти делит остров на две части) чаще всего встречаются белые животные с черной головой и ногами; черный и пестрый скот можно встретить в любой части острова. Капитан Саливен замечает, что разница в преобладающих окрасках до того очевидна, что, когда смотришь на стада близ бухты Приятной, издали они кажутся черными пятнами, тогда как южнее залива Шуазёля они выглядят точно белые пятна на склонах холмов. Капитан Саливен полагает, что стада не смешиваются между собой, и странно, что скот мышиной масти, хотя и живет на высоких местах, телится на месяц раньше, чем животные иных мастей в низменных частях острова. Как любопытно то обстоятельство, что этот домашний в прошлом скот распался на три масти, из которых одна, по всей вероятности, в конце концов возобладает над прочими, если стада будут оставлены в покое в течение нескольких ближайших столетий.

Другим животным, ввезенным сюда и очень хорошо преуспевшим, является кролик; он водится в обилии в значительной части острова. Но, как и лошади, кролики не вышли за известные границы: они не только не перебрались через центральную цепь холмов, но даже не дошли бы до ее подошвы, если бы, как рассказывали мне гаучосы, их не занесли туда маленькими партиями. Я никогда бы не предположил, что эти животные, родом из Северной Африки, могут существовать в таком сыром климате, как здесь, где солнечных дней так мало, что даже пшеница вызревает только изредка. Утверждают, что в Швеции, где климат, по общему мнению, более благоприятен, кролик не может жить вне помещений. Кроме того, немногочисленным первым парам пришлось выстоять против существовавших здесь до них врагов — лисицы и некоторых крупных хищных птиц. Французские натуралисты рассматривают черную разновидность как отдельный вид, называя его Lepus magellanicus* Они полагали, что Магеллан, рассказывая о встреченном-в Магеллановом проливе животном, которое он называл conejos, имел в виду этот самый вид; однако он подразумевал маленькую морскую свинку, которую и поныне так называют испанцы. Гаучосы смеялись над тем, будто черная порода отличается от серой, и говорили, что во всяком случае она нигде не распространилась дальше, чем серая порода, что эти породы никогда не находили врозь и что, наконец, они охотно спариваются между собой и производят пестрое потомство. В моем распоряжении есть теперь экземпляр пестрого кролика, и пятна у него на голове располагаются иначе, чем согласно французскому описанию вида. Это обстоятельство показывает, как осторожны должны быть натуралисты, устанавливая новые виды; ибо даже Кювье, взглянув на череп одного из этих кроликов решил, что это, должно быть, особый вид!

Фолклендская волкообразная лисица (Canis antarcticus, Shaw)

Единственное местное четвероногое на острове — крупная волкообразная лисица (Canis antarcticus), общая Восточному и Западному Фолкленду. Я не сомневаюсь, что это особенный вид, свойственный только данному архипелагу, потому что многие охотники на тюленей, гаучосы и индейцы, посещавшие эти острова, — все настаивают на том, что подобное животное не встречается нигде больше в Южной Америке. Молина на основании сходства повадок полагал, что это животное — то же самое, что его Culpeu; но я видел оба вида и считаю, что они совершенно различны. Эти волки хорошо известны из рассказа Байрона о том, как они смелы и любопытны и как матросы, сочтя их из-за этого свирепыми, бросились от них в воду. И поныне повадки их остаются такими же. Так, например, видели, как они вошли в палатку и вытащили мясо из-под головы спящего матроса. Гаучосы часто убивают их по вечерам, одной рукой протягивая им кусок мяса, а в другой держа наготове нож. Я не знаю другого примера, чтобы в какой-нибудь части света, вдали от материка, нашелся такой маленький клочок изрезанной морем земли, на котором водилось бы столь крупное аборигенное четвероногое, ему одному свойственное. Численность лисиц быстро падает; они уже изгнаны с той половины острова, которая лежит к востоку от перешейка между заливом Сан-Сальвадор и заливом Бар-кли. Не пройдет и нескольких лет после того, как эти острова будут сплошь заселены, а лисица эта, по всей вероятности, станет в один ряд с дронтом, как животное, исчезнувшее с лица земли.

Ночь **(17-го)** мы провели на перешейке в глубине залива Шуазёля, отделяющего юго-западный полуостров. Долина была отлично укрыта от холодного ветра, но тут было очень мало хворосту для костра. Гаучосы, однако, вскоре отыскали нечто такое, из чего, к моему изумлению, получился костер столь же жаркий, как из углей: то был скелет недавно убитого бычка, с которого мясо склевали стервятники. Гаучосы рассказали мне, что зимой они зачастую убивают животное, снимают ножом мясо с костей, а потом на этих же костях поджаривают мясо себе на ужин.

18 марта. — Почти весь день шел дождь. Ночью мы сумели, однако, завернувшись в чепраки, не промокнуть и не прозябнуть; но земля в том месте, где мы ночевали, была во всех отношениях почти настоящим болотом, и мы не могли отыскать сухого местечка, чтобы присесть после целого дня езды. Я уже отмечал в другой главе то странное обстоятельство, что на этих островах совершенно нет деревьев, тогда как Огненная Земля сплошь покрыта лесом. Самые большие кусты на острове (относящиеся к семейству сложноцветных) высотой едва с наш дрок2. Лучшее топливо дает зеленый кустик размером почти с обыкновенный вереск; он обладает полезным свойством гореть даже в свежем состоянии. С крайним изумлением я смотрел, как гаучосы, — несмотря на то, что лил дождь и все вокруг было пропитано влагой, — имея в своем распоряжении только трутницу и тряпку, сразу же развели огонь. Они отыскали под пучками травы и кустами несколько сухих веточек и расщепили их на волокна, а потом, обложив их более толстыми ветками наподобие птичьего гнезда, положили туда тлеющую тряпку и накрыли ее. Затем гнездо поставили против ветра, оно стало постепенно дымиться все сильнее и, наконец, запылало. Я не думаю, чтобы с такими сырыми материалами можно было успешно применить какой-нибудь другой способ.

19 марта. — Так как я в течение некоторого времени не ездил верхом, у меня теперь каждое утро ныло все тело. Я был удивлен, услышав от гаучосов, с детства чуть не живущих на лошади, что и они страдают при подобных обстоятельствах. Сант-Яго рассказал мне, что, проболев три месяца, он отправился охотиться на диких коров, и после этого у него два дня так ныли бедра, что ему пришлось лечь в постель. Это свидетельствует о том, что гаучосам в действительности приходится при верховой езде делать значительные мышечные усилия, хотя и кажется, будто это не так. Охота на диких коров в столь трудной для езды местности, как здесь, должна быть из-за болотистой почвы делом очень тяжелым. Гаучосы говорят, что они часто проезжают во весь опор по такой почве, по которой медленнее проехать уже нельзя было бы, подобно тому как катаются на коньках по тонкому льду. Во

время охоты партия старается подойти к стаду как можно ближе, оставшись незамеченной. У каждого охотника с собой четыре-пять пар шаров. Он бросает боласы одни за другими, стараясь запутать как можно больше животных, которых затем так и оставляют на несколько дней, пока они не измучатся от голода и попыток освободиться. После этого их освобождают и пригоняют к большому стаду прирученных животных, которых специально для этого сюда приводят. Слишком напуганный всем, что произошло, дикий скот боится отстать от стада, и его без труда пригоняют, если только у него хватает сил, к поселению.

Погода по-прежнему стояла до того плохая, что мы решили приложить все усилия, чтобы попасть на корабль до наступления ночи. От обильных дождей поверхность страны представляла собой сплошное болото. Лошадь моя падала, мне кажется, по крайней мере, раз двенадцать, а иногда все шесть лошадей одновременно барахтались в грязи. Берега всех ручьев сложены мягким торфом, и лошадям очень трудно перескакивать через ручьи не проваливаясь. В довершение всех наших злоключений нам пришлось переправляться через узкий морской залив в верхней его части, где вода доходила нашим лошадям до спины; о нас разбивались мелкие волны, поднятые сильным ветром, так что мы промокли и озябли. Даже закаленные гаучосы открыто выражали свою радость, когда добрались до поселения после нашей небольшой экскурсии.

Геологическое строение этих островов почти во всех отношениях очень просто. Низменная часть островов состоит из метаморфического глинистого сланца и песчаника, в которых содержатся ископаемые очень близкие к тем, какие находят в силурийских формациях Европы, но не тождественные с ними; возвышенности сложены белым зернистым кварцитом. Слои последнего часто изогнуты дугой совершенно симметрично, отчего некоторые массивы имеют чрезвычайно своеобразный вид. Пернети посвятил несколько страниц описанию холма Развалин, следующие друг за другом слои которого он справедливо сравнивает с рядами в амфитеатре. Кварцит был, должно быть, совсем вязким, когда подвергся таким замечательным изгибам, и при этом не раскололся на куски. Поскольку кварцит незаметно переходит в песчаник, весьма вероятно, что он и произошел из песчаника, который подвергся такому сильному нагреву, что стал вязким, а при остывании кристаллизовался. Пока кварцит был мягок, его, должно быть, и вытолкнуло вверх, сквозь вышележащие слои.

Во многих частях острова дно долин своеобразно покрыто мириадами отдельных крупных угловатых обломков кварцита, образующих «каменные потоки». О них с удивлением упоминают все путешественники, начиная с Пернети. Камни не обточены водою — углы их лишь немного притуплены; размер их колеблется от 1–2 футов, в поперечнике до 10 футов, но они бывают и более чем в двадцать раз крупнее. Они не набросаны неправильными кучами, но распределены ровными слоями или громадными потоками. Определить их толщину невозможно, но слышно, как на глубине многих футов под поверхностью между камнями струится вода меленьких ручейков. Действительная глубина слоя, вероятно, велика, потому что иначе расщелины между нижними обломками давно уже должны были заполниться песком. Ширина этих пластов из камней колеблется от нескольких сот футов до мили; но торфяная почва с каждым днем все больше наступает на их границы и даже образует островки повсюду, где только несколько обломков случайно окажутся лежащими вплотную друг к другу.

В одной долине к югу от залива Баркли, которую кто-то из нас называл «большой долиной обломков», нам пришлось перебираться через непрерывную гряду камней шириной в полмили, прыгая с одного острого камня на другой. Обломки были так велики, что, застигнутый ливнем, я без труда нашел приют под одним из них.

Самая замечательная особенность этих «каменных потоков» — их малый наклон. На склонах холмов, я видел, они спускались под углом 10° к горизонту, но в некоторых плоских широкодонных долинах их наклон так мал, что его едва можно заметить. На столь неровной поверхности не было никакой возможности измерить угол наклона, но, чтобы дать общее представление, могу заметить, что наклон этот не замедлил бы скорости английской почтовой кареты. В некоторых местах

сплошной поток этих обломков не только тянулся вдоль всей долины, но даже доходил до самого гребня холма. На этих гребнях громадные глыбы, размерами больше маленького дома, казалось, были задержаны в своем безудержном продвижении; там же изогнутые аркой пласты громоздились один над другим, точно развалины огромного древнего собора. Когда пытаешься описать эти следы бурной деятельности, так и хочется переходить от одного сравнения к другому. Мы можем себе представить, что потоки добела раскаленной лавы текли со многих гор в низменную часть страны, а когда застыли, какая-то страшная конвульсия расколола их на мириады кусков. Выражение «каменные потоки», сразу же приходящее на ум каждому, передает ту же мысль. На месте картина еще более поражает своим контрастом с округленными очертаниями невысоких соседних холмов.

Меня заинтересовал один большой изогнутый обломок, который я нашел на самой высокой вершине одного хребта (около 700 футов над уровнем моря): он лежал выпуклой стороной вниз — «на спине». Не следует ли предположить, что он был подброшен довольно высоко в воздух и перевернулся? Или же — и это более вероятно, — что некогда тут была расположена часть того же хребта, поднимавшаяся выше того места, где ныне лежит этот памятник мощной конвульсии природы? Поскольку в долинах обломки не округлены, а расщелины между ними не заполнены песком, это означает, что период потрясений наступил после того, как суша поднялась над морскими водами. В поперечном разрезе дно этих долин почти ровное или же лишь совсем немного приподнимается по направлению к краям. Поэтому кажется, что обломки продвигались в верховья долины; но вероятнее, что в действительности они были сброшены вниз с ближайших склонов, а потом уже колебательное движение колоссальной силы выровняло обломки в один сплошной слой. Если во время землетрясения, разрушившего в 1835 г. Консепсьон в Чили, казалось удивительным, что небольшие тела подбрасывало вверх на несколько дюймов от земли, то что нужно сказать о движении, заставившем продвигаться глыбы во много тонн весом, как песчинки на колеблющемся столе, и лечь ровным слоем? В Кордильерах я видел очевидные следы того, что громадные горы были разбиты на куски, будто тонкая корка, причем пласты были поставлены вертикально, на ребро; но никогда ни одна картина не говорила мне с такой силой, как эти «каменные потоки», о потрясении, подобного которому мы напрасно будем искать в летописях истории; впрочем, в один прекрасный день прогресс науки позволит, вероятно, дать простое объяснение этому явлению, подобно тому как ныне разъяснен так долго остававшийся непонятным процесс переноса эрратических валунов, разбросанных по равнинам Европы5.

О фауне этих островов я могу сказать немного. Я уже описал каракару, или Polyborus. Здесь встречаются еще некоторые другие дневные хищные птицы, совы и несколько мелких наземных птиц. Водоплавающая птица здесь особенно многочисленна, и в прошлом, судя по отчетам старинных мореплавателей, ее было во много раз больше. Однажды я наблюдал, как корморан играл пойманной рыбой. Восемь раз подряд птица выпускала свою добычу, затем ныряла за ней и, несмотря на большую глубину, каждый раз выносила ее на поверхность. В зоологических садах я видел, как выдра точно так же играла с рыбой — почти как кошка с мышью; я не знаю другого примера, когда бы госпожа Природа проявляла такую упрямую жестокость. В другой день, расположившись между пингвином (Aptenodytes demersa) и водой, я получил большое удовольствие, наблюдая за его повадками. То была отважная птица: пока она не добралась до воды, она вела со мной правильное сражение и заставляла отступать. Ничем, кроме сильных ударов, нельзя было ее остановить, она прочно удерживала каждую завоеванную пядь, прямо и решительно стоя вплотную передо мной. Воюя со мной таким образом, она все время престранно вертела головой из стороны в сторону, как будто была способна отчетливо видеть только передней и нижней частью глаз. Эту птицу обыкновенно называют пингвином-ослом за ее привычку, стоя на берегу, запрокидывать голову назад и за производимый ею громкий странный крик, очень похожий на рев осла; но, когда птица в море и ничто ее не тревожит, она издает очень низкий и торжественный звук, который часто слышен по ночам. Ныряя, она

пользуется своими крыльями как плавниками, на суше же — как передними ногами. Пингвин, пробирающийся, можно сказать, на четырех ногах сквозь тассок или по поросшему травой откосу, двигается до того быстро, что его легко можно принять за четвероногое. Ловя рыбу в море, он поднимается на поверхность, чтобы вдохнуть свежий воздух, таким резким прыжком и опять погружается в воду так мгновенно, что, бьюсь об заклад, не всякий с первого взгляда решит, что это не рыба, которая, резвясь, выскакивает из воды.

На Фолклендских островах водятся два вида гусей. Нагорный вид (Anas magellanica) встречается парами и небольшими стаями по всему [Восточному] острову. Эти птицы не совершают перелетов, а гнездятся на отдаленных мелких островках. Вероятно, они улетают, опасаясь лисиц; по той же, должно быть, причине эти птицы, очень доверчивые днем, пугливы и дики в вечерние сумерки. Питаются они исключительно растительной пищей.

Скалистый гусь, называемый так потому, что живет исключительно на взморье (Anas antarctica), встречается не только здесь, но и на западном берегу Америки, — залетая на север до Чили. В глубоких и уединенных каналах Огненной Земли белоснежный гусак, неизменно сопровождаемый более темной подругой и стоящий рядом с ней на какой-нибудь скалистой отдаленной вершине, — характерная особенность ландшафта.

На этих островах в изобилии водится крупная большеголовая утка, или гусь (Anas brachyptera), которая весит иногда до 22 фунтов [10 кг]. В прежние дни этих птиц за их необыкновенную привычку хлопать по воде и брызгаться называли скаковой лошадью; теперь же им дали более подходящее название «пароходов». Крылья у них слишком малы и слабы для полета, но с их помощью, частью плавая, частью хлопая ими по поверхности воды, птицы движутся очень быстро. Эта манера чем-то похожа на движения нашей обыкновенной домашней утки, когда ее преследует собака; но я почти уверен, что «пароход» действует своими крыльями попеременно, а не обоими сразу, как прочие птицы. Эти неуклюжие большеголовые утки производят такой шум и плеск, что создается очень странное впечатление.

Итак, мы находим в Южной Америке трех птиц, употребляющих свои крылья не для полета, а для других целей: пингвин пользуется ими как плавниками, «пароход» — как веслами и страус — как парусами; кроме того, у новозеландского бескрыла (Apterix), как и у его гигантского прототипа — вымершего динорниса, вместо крыльев имеются только их рудименты. «Пароход» способен нырять только на очень небольшую глубину. Питается он одними моллюсками с бурых водорослей и с камней, омываемых приливом; поэтому его клюв и голова, приспособленные для разламывания раковин, необыкновенно тяжелы и крепки; череп до того крепок, что мне едва удалось раздробить его своим геологическим молотком; все наши охотники вскоре обнаружили, как живучи эти птицы. Когда по вечерам, собравшись стаей, они чистят свои перья, то производят шум, представляющий собой точно такую же странную смесь звуков, какую издают лягушки-быки в тропиках.

На Огненной Земле и на Фолклендских островах я производил много наблюдений над низшими морскими животными, но они представляют преимущественно частный интерес. Отмечу только те факты, которые касаются некоторых зоофитов более высокого по своей организации подразделения этого класса. Некоторые роды (Fiustra, Eschara, Cellaria, Crisia и другие) сходны в том отношении, что к их ячейкам прикреплены своеобразные подвижные органы (такие же, как у Fiustra ovicularia, встречающейся в европейских морях). Этот орган в большинстве случаев очень похож на голову грифа, только нижняя челюсть может раскрываться гораздо шире, чем у настоящего птичьего клюва. Сама голова обладает значительной способностью двигаться на короткой шее. У одного зоофита голова была неподвижна, но могла двигаться нижняя челюсть; у другого голову заменял треугольный колпачок с отлично подогнанной опускающейся крышечкой, которая соответствовала, очевидно, нижней челюсти. У большей части видов каждая ячейка была снабжена одной головой, но у некоторых их было по две на каждую

ячейку.

Молодые ячейки на концах ветвей этих кораллин содержат совсем еще незрелых полипов, однако прикрепленные к ним грифьи головки хоть и малы, но вполне развиты. Когда я иголкой извлекал полипа из какой-нибудь ячейки, эти органы, казалось, ничуть не страдали. Когда я отрезал от ячейки одну из грифьих головок, нижняя челюсть сохраняла сбою способность открываться и закрываться. Наиболее своеобразная черта в их строении состояла, пожалуй, в том, что когда на какой-нибудь ветви имелось больше двух рядов ячеек, то хотя средние ячейки и были снабжены придатками, но размеры придатков были вчетверо меньше, чем у краевых головок. Характер их движения был различен у разных видов; впрочем, у одних я не замечал ни малейшего движения, тогда как другие, обыкновенно широко раскрыв нижнюю челюсть, колебались взад и вперед, причем каждое колебание продолжалось около пяти секунд; были и такие, которые двигались быстро и порывисто. Будучи тронут иголкой, клюв обыкновенно захватывал ее кончик так крепко, что можно было трясти всю ветвь.

Эти придатки не имеют никакого отношения к образованию яиц или почек, поскольку сами они образуются раньше, чем в ячейках на концах растущих ветвей появляются молодые полипы; так как они движутся независимо от полипов и, по-видимому, никак с ними не связаны, а также имеют различные размеры во внешних и во внутренних рядах ячеек, я почти не сомневаюсь, что в своих функциях они связаны скорее с роговой осью ветвей, чем с полипами ячеек. Мясистый придаток на нижнем конце морского пера (описанного в главе о Баия-Бланке) также представляет собой часть всего зоофита в целом, точно так же как корни дерева составляют часть всего дерева, а не отдельного листа или цветочных почек.

У другой изящной маленькой кораллины (Crisia?) каждая ячейка была снабжена щетинкой с длинными зубчиками, обладавшей способностью быстро двигаться. Обыкновенно каждая из этих щетинок, так же как и каждая грифья головка, двигалась совершенно независимо от прочих, но иногда они двигались одновременно — то все по обеим сторонам, то только на одной стороне; иногда же они двигались в правильной последовательности одна за другой. Все эти движения ясно показывают, что, хотя зоофит и состоит из тысяч отдельных полипов, передача воли в нем так же совершенна, как у любого единичного животного. Впрочем, так же обстоит дело и с морскими перьями на берегу в Баия-Бланке, которые при прикосновении втягивались в песок.

Укажу еще один пример единообразного действия, правда, совершенно иного характера, у зоофита, весьма близкого к Clytia, а следовательно, очень просто организованного. Я держал в миске с соленой водой большой пучок этих зоофитов, и всякий раз, когда я тер в темноте какую-нибудь часть ветви, все животное начинало сильно фосфоресцировать зеленым светом; кажется, никогда не видал я ничего красивее в этом роде. Но замечательно было то обстоятельство, что вспышки света всегда передвигались вверх по ветвям, от их основания к концам.

Мне всегда было очень интересно заниматься исследованием этих колониальных животных. Что может быть замечательнее организма, имеющего вид растения, но производящего яйцо, которое может плавать, выбирать удобное место для прикрепления и давать затем от себя ветви, каждая из которых усеяна бесчисленными отдельными животными часто весьма сложной организации? Более того, ветви, как мы только что видели, иногда обладают органами, способными двигаться и в то же время независимыми от полипов. Каким ни удивительным всегда будет нам казаться это объединение отдельных особей на общей опоре, но то же самое являет нам каждое дерево, ибо почки следует рассматривать как отдельные растения. Однако полипа, снабженного ртом, кишечником и другими органами, естественно рассматривать как отдельную особь, тогда как индивидуальность листовой почки не так легко постижима; поэтому объединение отдельных особей в одно общее тело поражает нас сильнее у кораллины, чем у дерева.

Сущность колониального животного, в котором отдельные особи в некоторых отношениях не вполне самостоятельны, легче понять, вспомнив об образовании двух различных существ из одного, когда его разрезаешь пополам ножом или же когда сама природа разрешает задачу такого деления пополам. Мы можем рассматривать полипы у зоофита или почки на дереве как такие случаи, когда деление особи не доведено до конца. Совершенно безусловно для дерева, а судя по аналогии и для кораллин, что отдельные особи, развившиеся из почек, по-видимому, теснее связаны между собой, чем яйца или семена со своими родителями. Ныне, кажется, уже твердо установлено, что растениям, развившимся из почек, свойственна обычная продолжительность жизни; кроме того, всякому известно, какие своеобразные и многочисленные особенности безусловно передаются почками, отводками и черенками — особенности, которые при размножении семенами либо никогда не обнаруживаются, либо лишь в редких случаях.

Глава X. ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Огненная Земля, первое прибытие

Бухта Доброго Успеха

Огнеземельцы на корабле

Встреча с дикарями

Лесной пейзаж

Мыс Горн

Бухта Вигвамов

Жалкое положение дикарей

Голод

Людоеды

Матереубийство

Религиозные чувства

Сильный шторм

Канал Бигля

Пролив Понсонби

Сооружение вигвамов и поселение огнеземельцев

Раздвоение канала Бигля

Ледники

Возвращение на корабль

Вторичное посещение населения

Равенство между туземцами

17 декабря 1832 г. — Покончив с Патагонией и Фолклендскими островами, я опишу теперь наше первое прибытие на Огненную Землю. Вскоре после полудня мы обогнули мыс Сан-Диего и вышли в знаменитый пролив Ле-Мер. Мы держались близко к берегу Огненной Земли, но среди облаков виднелись очертания суровой, негостеприимной Земли Статен. Во второй половине дня мы бросили якорь в бухте Доброго Успеха. При входе в бухту нас приветствовали туземцы — таким способом,

какой подобал жителям этой дикой страны. Группа огнеземельцев, отчасти скрытая дремучим лесом, сидела на утесе, нависшем над морем, и, когда мы проплывали мимо, они вскочили и, размахивая своими рваными плащами, принялись испускать громкие, зычные крики. Дикари последовали за кораблем, и перед самым наступлением темноты мы увидели их костер и вновь услышали дикие крики. Бухта представляет собой живописное водное пространство, наполовину окруженное низкими, округленными горами из метаморфического глинистого сланца, покрытыми до самой воды густым, мрачным лесом. Одного взгляда на этот ландшафт было достаточно, чтобы я понял, как сильно отличается он от всего, что я когда-либо видел. Ночью дул свежий ветер и с гор на нас неслись сильные шквалы. Нам пришлось бы плохо в это время в открытом море, и мы, как и другие мореплаватели, имели все основания назвать наше убежище бухтой Доброго Успеха.

Утром капитан направил отряд с целью завязать сношения с огнеземельцами. Когда мы подъехали на расстояние человеческого голоса, один из четырех туземцев вышел навстречу нам и стал отчаянно кричать, желая указать нам, где высадиться. Когда мы вышли на берег, дикари, казалось, несколько встревожились, но продолжали разговаривать и чрезвычайно быстро жестикулировать. То было, безусловно, самое странное и любопытное зрелище, какое я когда-либо видел; я не представлял себе, как велика разница между дикарем и цивилизованным человеком — она больше, чем между диким и домашним животным, поскольку у человека больше способности к усовершенствованию. Переговоры вел главным образом старик, по-видимому, глава семейства; трое остальных были сильные молодые люди, ростом около 6 футов. Женщины и дети были отосланы прочь. Эти огнеземельцы совершенно не похожи на тщедушную и жалкую расу людей, живущих дальше на запад; они ближе к знаменитым патагонцам Магелланова пролива. Единственную их одежду составляет плащ, сделанный из шкуры гуанако, шерстью наружу; этот плащ они набрасывают на плечи, так что тело их столь же часто бывает обнажено, как и прикрыто. Кожа у них медно-красного цвета.

У старика вокруг головы была повязка из белых перьев, сдерживавшая отчасти его черные грубые и спутанные волосы. Лицо его пересекали две широкие поперечные полосы: первая, нанесенная яркой красной краской, шла от одного уха к другому и захватывала верхнюю губу, вторая, белая как мел, тянулась выше первой и параллельно ей, так что даже веки были выкрашены. Двое других мужчин были разукрашены полосками черной пудры, приготовленной из древесного угля. Вся группа в целом была очень похожа на чертей, появляющихся на сцене театра в представлениях вроде «Волшебного стрелка».

Самая поза их была какая-то униженная, а выражение лиц недоверчивое, изумленное и испуганное. После того как мы подарили им ярко-красной материи, они тотчас же повязали ее вокруг шеи и стали нашими приятелями. Это выразилось в том, что старик стал похлопывать нас по груди и производить какие-то кудахчущие звуки, вроде тех, что издают люди при кормлении цыплят. Я прогулялся со стариком, и он повторил это доказательство своей дружбы несколько раз, а в заключение отпустил мне три сильных шлепка — по груди и по спине одновременно. Затем он обнажил свою грудь, чтобы и я ответил ему такой же любезностью: я исполнил это, и он был, казалось, чрезвычайно доволен. Если исходить из наших понятий, язык этих людей едва ли заслуживает названия членораздельного1. Капитан Кук сравнивает его со звуками, которые издает человек, прочищая горло, но, конечно, ни один европеец, даже прочищая горло, никогда не издавал такого количества хриплых, гортанных и щелкающих звуков.

Они прекрасно умеют подражать: стоило кому-нибудь из нас кашлянуть, зевнуть или сделать какое-нибудь необычное движение, как они немедленно все это повторяли. Кое-кто из нас начал было косить глазами; но одному из молодых огнеземельцев (у которого, все лицо, кроме белой полосы поперек глаз, было выкрашено в черный цвет) удалось состроить еще более отвратительные гримасы. Они могли совершенно правильно повторять каждое слово в любой фразе, с которой мы к ним обращались, и некоторое время помнили эти слова. А ведь мы,

европейцы, все знаем, как трудно различать. отдельные звуки в речи на чужом языке. Кто из нас, например, уследит за фразой, произносимой американским индейцем и состоящей более чем из трех слов? У всех дикарей, по-видимому, необыкновенно развита эта способность подражания.

Огненная Земля. По данным карт, составленных офицерами «Бигля»

Мне рассказывали, пойти в тех же словах, о такой же забавной манере у кафров; австралийцы также давно прославились своей способностью так подражать человеку и изображать его походку, что того можно узнать. Чем объяснить этот дар? Не следствие ли это более частого упражнения восприятий и более обостренных ощущений у всех людей, пребывающих в диком состоянии, по сравнению с людьми давно цивилизованными?

Когда мы затянули песню, я думал, огнеземельцы повалятся наземь от изумления. С не меньшим удивлением глядели они на наши танцы; но один из молодых людей, когда его попросили, оказался не прочь повальсировать. Казалось, они мало привыкли к европейцам, но были знакомы с нашим огнестрельным оружием и боялись его; ничем нельзя было соблазнить их взять в руки ружье. Они просили дать им ножи, называя их испанским словом кучилья, и поясняли, чего хотят, показывая, будто держат во рту кусок ворвани и желают не рвать его, а резать.

До сих пор я еще ни разу не говорил об огнеземельцах, которые находились на борту «Бигля». В предыдущее плавание кораблей «Адвенчер» и «Бигль» с 1826 по 1830 г. капитан Фиц-Рой взял группу туземцев в качестве заложников за пропавшую шлюпку, из-за кражи которой партия, занимавшаяся съемкой, оказалась в большой опасности; некоторых из этих туземцев, а также одного ребенка, купленного за перламутровую пуговицу, он взял с собой в Англию и решил воспитать их и наставить в вере за свой собственный счет. Желание вернуть этих туземцев на родину было одним из главных мотивов, побудивших капитана Фиц-Роя предпринять настоящее плавание, и, прежде чем Адмиралтейство решило послать экспедицию, он великодушно нанял судно, чтобы самому отвезти их обратно. Туземцев сопровождал миссионер Маттьюс; о нем и о туземцах капитан Фиц-Рой опубликовал полный и превосходный отчет. Первоначально отсюда было

взято двое мужчин, один из которых умер в Англии от оспы, мальчик и маленькая девочка, и вот теперь у нас на борту находились Йорк Минстер, Джемми Баттон (его второе имя [пуговица] выражает собой ту «монету», за которую он был приобретен) и Фуэгия Баскет. Йорк Минстер был зрелый мужчина, низенький, толстый и сильный; нрава он был замкнутого, молчаливого и угрюмого, но, если его раздражали, он бурно вспыхивал; к немногим своим друзьям на корабле он привязывался очень сильно; способности у него были хорошие. Джемми Баттон был всеобщим любимцем, но был так же вспыльчив; выражение его лица сразу же говорило о приветливом нраве. Он был весел, часто смеялся и удивительно сочувствовал чужому страданию; когда в море бывало бурно, я часто немного страдал морской болезнью, и он обыкновенно подходил ко мне и говорил жалобным голосом: «Бедный, бедный малый!» Но сам факт, что человек может страдать морской болезнью, ему, привыкшему к жизни на воде, казался слишком смешным, и он обыкновенно бывал принужден отвернуться в сторону, чтобы скрыть улыбку или смех, а затем уже повторял свое «Бедный, бедный малый!» Он был патриот и любил превозносить свое племя и свою страну, в которой, по его буквальному выражению, была «масса деревьев», а все остальные племена бранил; он упорно твердил, что в его стране нет дьявола. Джемми был низкого роста, толст и жирен, но гордился своей наружностью; он обычно носил перчатки, аккуратно подстригал волосы и бывал в отчаянии, если его начищенные до блеска башмаки пачкались. Ему нравилось любоваться на себя в зеркало, и один веселый маленький индейский мальчик с Рио-Негро, находившийся несколько месяцев на нашем корабле, вскоре подметил это и обыкновенно передразнивал его; Джемми, всегда немного ревновавшему к мальчугану за то внимание, которое тому уделяли, это отнюдь не нравилось, и он говаривал, чуть презрительно повернув голову: «Очень много жаворонок!» Когда я думал обо всех его многочисленных достоинствах, мне казалось особенно удивительным, что он принадлежит к одной и той же расе с теми жалкими, низко развитыми дикарями, которых мы впервые здесь встретили, и, без сомнения, отличается теми же особенностями, что и они. Наконец, Фуэгия Баскет была милая, скромная, сдержанная молодая девушка с довольно приятным, хотя иногда угрюмым, выражением лица; она очень скоро выучилась всему, особенно языкам. Эта способность проявилась у нее в том, как быстро она выучилась немного говорить по-португальски и по-испански, пока ее оставляли на короткое время на берегу в Рио-де-Жанейро и Монтевидео, а также в знании ею английского языка. Йорк Минстер очень ревниво относился ко всякому вниманию, которое ей уделялось: было ясно, что он решил на ней жениться, как только они поселятся на берегу.

Несмотря на то, что все трое неплохо говорили и понимали по-английски, исключительно трудно было получить у них подробные сведения об обычаях их земляков; частично это объясняется тем, что их явно затруднял выбор между двумя даже самыми простыми альтернативными понятиями. Каждый, кто имел дело с очень маленькими детьми, знает, как редко можно получить от них ответ даже на простой вопрос, черна или бела какая-нибудь вещь: понятия о черном и белом, по-видимому, попеременно заполняют их сознание. Так обстояло дело и с этими огнеземельцами, и оттого вообще невозможно было выяснить путем перекрестных вопросов, правильно ли мы поняли то, что они сказали. Зрение у них было удивительно острое; хорошо известно, что моряки в результате долгого упражнения в состоянии различать далекие предметы гораздо лучше сухопутных жителей, но Йорк и Джемми в этом отношении оставляли далеко позади всех моряков на борту; несколько раз они объявляли, что за предмет виднеется вдали, и, несмотря на общее сомнение, правота их подтверждалась, когда прибегали к помощи подзорной трубы. Они были вполне осведомлены об этой своей способности, и Джемми, бывало, когда был не в ладу с вахтенным офицером, говорил: «Мой видит корабль, мой не говорит».

Любопытно было наблюдать, когда мы высадились, поведение дикарей в отношении Джемми Баттона; они сразу же заметили разницу между ними и нами и много толковали друг с другом по этому поводу. Старик обратился к Джемми с длинной речью, в которой, по-видимому, приглашал его остаться с ним. Но Джемми очень плохо понимал их язык, и, кроме того, он совершенно устыдился

своих соотечественников. Когда затем на берег вышел Йорк Мин-стер, они приняли его таким же образом и сказали, что ему следует побриться, хотя на лице у него не было и двух десятков волосков, в то время как у нас у всех бороды не были даже подстрижены. Они рассматривали цвет его кожи и сравнивали с нашими. Когда один из нас обнажил руку, они выразили живейшее удивление и восхищение ее белизной, точь-в-точь как орангутанги, которых я наблюдал в зоологических садах. Нам казалось, что двух-трех офицеров, которые были ниже ростом и светлее, они приняли, несмотря на бороды, их украшавшие, за женщин нашего отряда. Самый высокий из огнеземельцев был явно очень обрадован, когда мы обратили внимание на его рост. Когда его поставили спина к спине с самым высоким из экипажа нашей шлюпки, он всячески старался забраться на более высокое место и привстать на цыпочки. Он раскрывал рот, чтобы показать свои зубы, поворачивал голову, чтобы показать себя в профиль, и все это проделывал с такой готовностью, что, я уверен, он считал себя первым красавцем на Огненной Земле. После того как у нас прошло первое чувство сильнейшего изумления, странная смесь удивления и подражания, которую обнаруживали эти дикари каждую минуту, казалась лишь чрезвычайно смешной.

На следующий день я попытался как-нибудь проникнуть в глубь страны. Огненную Землю можно представить себе как гористую страну, которая частично погрузилась в море, отчего глубокие заливы и бухты занимают те места, где должны были находиться долины. Склоны гор, за исключением открытого западного берега, от самой воды сплошь покрыты лесом. Деревья доходят до высоты от 1 000 до 1 500 футов, где сменяются полосой торфяника с очень мелкими альпийскими растениями; последняя в свою очередь сменяется поясом вечных снегов, который, согласно капитану Кингу, опускается в Магеллановом проливе до высоты от 3 000 до 4 000 футов. В любой части страны даже акр ровной земли — большая редкость. Я помню только один плоский клочок земли, близ бухты Голода, да еще один, несколько больший, близ рейда Гуре. И в том и в другом месте, как, впрочем, везде, поверхность покрыта толстым слоем топкого торфа. Даже в лесу не видно почвы под массой медленно гниющих растительных веществ, пропитанных водой и потому проваливающихся под ногой.

Убедившись в том, что мои попытки проложить себе дорогу через леса почти безнадежны, я пошел по течению одного горного потока. Сначала я едва мог пробираться вперед из-за водопадов и множества поваленных деревьев; но вскоре русло потока стало несколько более открытым, так как разливы размыли его берега. В течение часа я продолжал медленно продвигаться вперед вдоль неровных каменистых берегов и был щедро вознагражден величием открывшейся мне картины. Мрачная глубина ущелья вполне гармонировала с заметными повсюду следами потрясений. Везде лежали неправильной формы каменные громады и опрокинутые деревья; другие деревья хотя еще и держались прямо, но уже сгнили до самой сердцевины и готовы были упасть. Эта перепутанная масса полных жизни и погибших растений напомнила мне тропические леса; но тут было и различие: в этих тихих дебрях господствует, видимо, дух Смерти, а не Жизни. Я шел по течению, пока не достиг одного места, где большой оползень расчистил путь прямо по склону горы. По этой дороге я поднялся на значительную высоту, откуда открылась обширная панорама окружающих лесов. Все деревья принадлежат к одному виду бука — Fagus betuloides; число других видов бука, а также Drimys wintcri совсем незначительно2. Этот бук (Fagus betuloides) сохраняет свою листву круглый год, но она какого-то особенного буровато-зеленого цвета с желтым оттенком. Весь ландшафт, окрашенный в этот цвет, имеет мрачный, унылый вид, тем более что его не часто оживляют лучи солнца.

20 декабря. — Одну сторону бухты образует гора высотой около 1 500 футов, которую капитан Фиц-Рой назвал по имени сэра Дж. Банкса, в память о его злополучной экскурсии, стоившей жизни двоим его спутникам и едва не погубившей д-ра Соландера. Снежная метель — причина несчастья — произошла в середине января, соответствующего нашему июлю, и на широте Дарема! Мне очень хотелось взобраться на вершину этой горы, чтобы пособирать альпийские растения, потому что ниже очень мало каких бы то ни было цветов. Мы пошли по

течению того же ручья, вдоль которого я шел накануне, пока он не иссяк, после чего были вынуждены пробираться вслепую между деревьями. Деревья из-за резких ветров были низкорослые, толстые и сгорбленные. Наконец мы достигли места, которое издали казалось ковром прекрасной зеленой травы, но, к нашей досаде, оказалось сплошной массой небольших буков, высотой от четырех до пяти футов. Они стояли тесно друг к другу, как бук к живой изгороди сада, и нам пришлось пробираться по этой ровной, но обманчивой с виду поверхности. Потрудившись еще немного, мы добрались до торфяника, а затем до обнаженной сланцевой породы.

Этот холм соединялся гребнем с другим, отстоявшим на несколько миль и более высоким, — так что на нем даже виднелись снеговые пятна. Так как было еще не поздно, я решил пройтись туда и по дороге пособирать растения. Это было бы очень трудно, если бы здесь не было прямой тропинки, протоптанной гуанако: животные эти, как овцы, всегда идут по одному и тому же пути. Добравшись до холма, мы обнаружили, что он самый высокий в ближайшей окрестности и воды с него текли к морю в противоположных направлениях. Перед нами широко открылась окрестная местность: к северу простиралось топкое болото, зато к югу открывался дикий, величественный пейзаж, подобающий Огненной Земле. В нем было какое-то таинственное величие: гора возвышалась за горой, их прорезали глубокие долины, и все покрывал густой, темный лесной массив. Даже воздух в этом климате, где один шторм с дождем, градом и мокрым снегом сменяет другой, кажется темнее, чем повсюду в других местах. Когда в Магеллановом проливе смотришь из бухты Голода прямо на юг, отдаленные каналы между горами кажутся такими мрачными, будто ведут за пределы этого мира.

21 декабря. — «Бигль» снялся с якоря; на следующий день, воспользовавшись необычным здесь легким восточным бризом, мы подошли к островам Барневельт и, пройдя мимо мыса Обмана с его каменистыми пиками, около 3 часов дня обогнули бурный мыс Горн. Вечер был тихий и светлый, и мы наслаждались прекрасным видом окрестных островов. Мыс Горн, однако, требовал своей дани и перед наступлением ночи стал посылать порывы ветра прямо нам навстречу. Мы повернули в открытое море, а на другой день снова подошли к берегу и впереди, с наветренной стороны, увидели этот знаменитый мыс в его настоящем виде: он был окутан дымкой, а вокруг его смутных очертаний бушевали ветер и вода. Большие черные тучи, клубясь, носились по небу, а шквалы дождя с градом налетали на нас так неистово, что капитан решил укрыться в бухте Вигвамов. Эта уютная бухточка расположена неподалеку от мыса Горн; здесь, в спокойной воде, мы бросили якорь в сочельник. О буре, бушевавшей вокруг бухты, напоминали нам только налетавшие время от времени с гор порывы ветра, от которых корабль качало на якорях.

Фуэгия Баскет

Йорк Минстер

Джемми Баттон

25 декабря. — У самой бухты возвышается на 1 700 футов остроконечный холм, называемый пиком Катера. Окрестные острова все состоят из конических массивов заленокаменной породы, иногда в сопровождении менее правильной формы холмов обожженного и видоизмененного глинистого сланца. Эту часть Огненной Земли можно рассматривать как последний отрог той опустившейся горной цепи, о которой я уже упоминал. Бухта получила свое название бухты Вигвамов от стоявших здесь нескольких жилищ огнеземельцев; впрочем, с равным основанием так можно было бы назвать любую бухту по соседству. Здешние жители, питающиеся главным образом моллюсками, вынуждены постоянно менять свое местопребывание; но через некоторые промежутки времени они возвращаются на прежние места, о чем свидетельствуют кучи старых раковин, часто достигающие, должно быть, многих тонн весом. Эти кучи можно разглядеть издалека по ярко-зеленому цвету некоторых растений, неизменно на них растущих. Среди последних можно указать дикий сельдерей и цинготную траву, два очень полезных растения, с употреблением которых туземцы незнакомы.

Вигвам огнеземельцев по своим размерам и форме похож на копну сена. Он состоит всего-навсего из нескольких сучьев, воткнутых в землю и очень плохо прикрытых с одной стороны несколькими пучками травы и тростника. Сооружение такого вигвама не может занять и часу, да и пользуются им всего несколько дней. На рейде Гуре я видел, как один из этих нагих людей спал в убежище, которое укрывало его ничуть не лучше, чем заячья нора. Человек этот, очевидно, жил одиноко, и Йорк Минстер говорил, что он «очень плохой человек» и, наверно, что-нибудь украл. На западном берегу, впрочем, вигвамы несколько лучше, так как покрыты тюленьими шкурами. Мы были задержаны здесь на несколько дней плохой погодой. Климат тут безусловно очень плохой: летнее солнцестояние уже прошло, и все-таки на холмах ежедневно падал снег, а в долинах шел дождь со снегом. Термометр большей частью показывал около 7°, но по ночам температура падала до 3°,5–4°,5. Вследствие' постоянной сырости воздуха и непогоды, без единого веселого проблеска солнца, климат этот мог бы показаться даже хуже, чем он есть на самом деле.

Направляясь однажды в шлюпке к берегу близ острова Уолластона, мы повстречались с челноком, в котором находилось шестеро огнеземельцев. Это были самые жалкие и убогие создания, каких я когда-либо видел. На восточном берегу у туземцев, как мы видели, есть плащи из шкур гуанако, на западном они имеют тюленьи шкуры. Здесь же у племен, живущих посредине, мужчины носят обыкновенно выдровую шкуру или какой-нибудь маленький лоскуток, примерно с носовой платок, едва достаточный, чтобы прикрыть спину до поясницы. Эта накидка стягивается на груди тесемками и, смотря по тому, откуда дует ветер, передвигается из стороны в сторону. Но те огнеземельцы, которых мы встретили в челноке, были совсем нагие, и даже одна взрослая женщина была совершенно в таком же виде. Шел сильный дождь, и по телу ее струилась дождевая вода вместе с морскими брызгами. В другой бухте, неподалеку отсюда, женщина, кормившая грудью новорожденного ребенка, подошла однажды к кораблю и оставалась на месте просто из любопытства, в то время как мокрый снег падал и таял на ее обнаженной груди и на теле ее голого младенца! Эти жалкие бедняги были какими-то недоростками, их безобразные лица были вымазаны белой краской, кожа была грязная и засаленная, волосы спутаны, голоса неблагозвучны, а жесты порывисты. Глядя на таких людей, едва можно поверить, что это наши ближние, живущие в одном мире с нами. Весьма часто строят предположения по поводу того, какую радость может доставлять жизнь некоторым низшим животным; но куда уместнее было бы поставить тот же вопрос относительно этих дикарей! Ночью эти люди, голые и едва защищенные от ветра и дождя здешнего бурного климата, спят по пяти, по шести часов на сырой земле, свернувшись подобно животным. Как только наступит отлив, зимой ли, летом, ночью или днем, они должны подниматься, чтобы набрать моллюсков на камнях; женщины же либо ныряют за морскими ежами, либо терпеливо сидят в своих челноках и волосяными удочками с приманкой, но без всякого крючка, время от времени резким движением вытаскивают мелкую рыбку. Если убьют тюленя или найдут в море гниющий труп кита, то это уже праздник; к такой жалкой пище присоединяются еще немногочисленные безвкусные ягоды и грибы.

Они часто страдают от голода; я слышал любопытный рассказ м-ра Лоу, капитана тюленепромышленного судна, который был близко знаком с туземцами этой страны, о положении живших на западном берегу ста пятидесяти туземцев, очень истощенных и сильно бедствовавших. Непрерывные штормы не позволяли женщинам собирать моллюсков на камнях, а выйти на своих челноках в море за тюленями они тоже не могли. Однажды утром небольшая группа этих людей ушла, и остальные индейцы объяснили Лоу, что те отправились в четырехдневное путешествие в поисках пищи; по их возвращении Лоу вышел к ним навстречу: они выглядели чрезвычайно усталыми; каждый нес большой прямоугольный кусок вонючей китовой ворвани, просунув голову через дыру в середине куска, подобно тому, как гаучосы надевают свои пончо (плащи). Как только ворвань внесли в вигвам, один старик разрезал ее на тонкие ломтики и, бормоча над ними, поджаривал их с минуту, а затем роздал голодному племени, которое все это время хранило глубокое молчание. М-р Лоу полагает, что, когда кита выбросит на берег, туземцы зарывают большие куски его в песок про запас на голодное время; один туземный мальчик, находившийся у него на борту, однажды нашел зарытый таким образом запас. Различные племена, воюя между собой, становятся людоедами. На основании совпадающих, но совершенно независимых показаний мальчика, нанятого м-ром Лоу, и Джемми Баттона можно считать совершенно несомненным, что зимой, побуждаемые голодом, огнеземельцы убивают и поедают своих старых женщин раньше, чем собак; когда м-р Лоу спросил мальчика, почему они так поступают, тот отвечал: «Собачки ловят выдр, а старухи нет». Мальчик описывал, как умерщвляют старух, держа их над дымом до тех пор, пока они не задохнутся; он в шутку передразнивал их вопли и показывал, какие части их тела считаются особенно вкусными. Как ни ужасна должна быть подобная смерть от рук своих друзей и родственников, еще ужаснее подумать о том страхе, который должны испытывать старухи, когда начинает подступать голод; нам рассказывали, что они тогда часто убегают в горы, но мужчины гонятся за ними и приводят обратно на бойню у их собственных очагов!

Капитану Фиц-Рою так и не удалось убедиться в том, что у огнеземельцев есть сколько-нибудь ясная вера в загробную жизнь. Иногда они хоронят своих покойников в пещерах, иногда в горных лесах, и мы не знаем, какие обряды они при этом совершают. Джемми Баттон не ел наземных птиц, потому что они «едят мертвых людей»; огнеземельцы даже вспоминают неохотно о своих умерших друзьях. У нас нет никаких оснований предполагать, что у них имеются какие-нибудь религиозные обряды, хотя бормотание старика перед раздачей вонючей ворвани голодным туземцам могло бы, пожалуй, быть чем-нибудь в этом роде. В каждом семействе или племени есть свой колдун, или знахарь, функции которого мы так и не смогли ясно определить. Джемми верил в сны, хотя, как я уже сказал, не верил в дьявола; я не думаю, чтобы наши огнеземельцы были намного суевернее некоторых матросов: один старый рулевой твердо верил в то, что непрерывные сильные штормы, которые встретили нас у мыса Горн, были вызваны присутствием у нас на борту огнеземельцев. Изо всего того, что я слышал от этих людей, ближе всего к религиозному чувству стоял взгляд Йорка Минстера, который, когда м-р Байно застрелил нескольких молодых утят в качестве образчиков для нашей коллекции, самым торжественным образом заявил: «О, м-р Байно, много дождя, снега, ветра много», — что, очевидно, означало возмездие за напрасную порчу человеческой пищи. Он взволнованно рассказывал также, что его брат, возвращаясь однажды, чтобы подобрать убитых птиц, оставленных им на берегу, заметил носимые ветром перья. Брат сказал (Йорк подражает его манере): «Что такое?» — прополз вперед и, посмотрев с обрыва, увидал «дикого человека», ощипывающего его птиц; он подполз поближе, швырнул вниз большой камень и убил человека. Йорк объявил, что долгое время после того бушевали бури и шло много дождя и снегу. Сколько мы могли понять, он смотрел на самые стихии как на силы отмщения; это, между прочим, показывает, как естественно то обстоятельство, что у народа, ушедшего несколько дальше в культурном отношении, стихии уже персонифицируются. Что собой представляют «плохие дикие люди», всегда оставалось для меня весьма загадочным; из того, что сказал Йорк, когда мы наткнулись на похожее на заячью нору убежище, где накануне спал одинокий человек, я подумал было, что это воры, изгнанные своими племенами, но другие неясные высказывания заставили меня усомниться в этом; иногда я склонялся к мысли, что, вероятнее всего, то были душевнобольные.

Различные племена не имеют ни общего правительства, ни вождя; наоборот, каждое окружено другими, враждебными племенами; племена говорят на разных наречиях и отделены друг от друга только необитаемой пограничной полосой — нейтральной территорией; причиной их войн являются, по-видимому, средства существования. Страна представляет собой хаотическое нагромождение диких скал, высоких гор и бесполезных лесов, и все это видно лишь сквозь туманы да бесконечные бури. Обитаемы только прибрежные скалы; в поисках пищи огнеземельцы вынуждены беспрестанно кочевать с места на место, а берег до того крут, что передвигаться они могут только на своих убогих челноках. Им неведома привязанность к дому и еще менее того — привязанность к семье, ибо муж относится к жене как жестокий хозяин к трудолюбивому рабу. Совершалось ли когда бы то ни было деяние более ужасное, чем то, чему был свидетелем на западном берегу Байрон? Он видел несчастную мать, поднимавшую окровавленного умирающего маленького сына, которого муж ее безжалостно швырнул на камни за то, что тот уронил корзину с морскими ежами! Как мало в этой стране возможностей для упражнения высших духовных способностей: что здесь рисовать воображению, что сравнивать и решать рассудку? Чтобы сорвать блюдечко с камня, не требуется даже хитрости, этой низшей умственной способности. Ловкость дикарей в некоторых делах можно сравнить с инстинктом животных, потому что она не совершенствуется опытом: челнок — самое замысловатое их создание, — как он ни убог, оставался в продолжение последних 250 лет таким же, каким мы знаем его по описанию Дрейка.

Глядя на этих дикарей, невольно задаешь себе вопрос: откуда они пришли? Что могло их привлечь? Или какая перемена заставила целое племя людей покинуть прекрасные северные области, спуститься вниз по Кордильерам, этому позвоночному столбу Америки, изобрести и построить челноки, не употребляемые

племенами, населяющими Чили, Перу и Бразилию, и, наконец, вступить в одну из самых негостеприимных стран на всем земном шаре? Хотя сначала подобные мысли и приходят неизбежно на ум, но можно с уверенностью сказать, что они отчасти ошибочны. Нет никаких оснований полагать, что численность огнеземельцев падает; следовательно, мы должны допустить, что на их долю достается достаточно счастья, какого бы рода оно ни было, чтобы жизнь имела цену в их глазах. Природа, сделав привычку всемогущей, а результаты ее действия наследственными, приспособила огнеземельца к климату и естественным произведениям его скудной родины.

Задержавшись из-за очень плохой погоды на шесть дней в бухте Вигвамов, мы вышли в море **30 декабря.** Капитан Фиц-Рой имел намерение пройти к западу, чтобы высадить Йорка и Фуэгию в их родном краю. В море нас преследовали непрерывные штормы, да и течение было противным, так что нас отнесло на юг до широты 58°23. **11 января 1833 г**., подняв все паруса, мы уже оказались было в нескольких милях от большой суровой горы Йорк-Минстер (которую назвал так капитан Кук и по имени которой был назван старший огнеземелец), когда жестокий шквал заставил нас убрать часть парусов и повернуть в море. Прибои со страшной силой разбивался о берег, и брызги взлетали над утесом, достигавшим, пожалуй, 200 футов в высоту. 12-го шторм был очень силен, а мы не знали своего точного местонахождения; чрезвычайно неприятно было слышать беспрестанно повторяемые слова: «Смотри хорошенько в подветренную сторону!» 13-го буря бушевала со всей яростью; видимость была ограничена сплошной завесой брызг, поднимаемых ветром. Море имело зловещий вид — точно мрачная волнующаяся равнина с пятнами наметенного снега; но в то время как корабль выбивался из сил, альбатрос, распустив крылья, скользил прямо против ветра. В полдень на нас обрушилась огромная волна и залила один из вельботов, который пришлось тотчас отрезать. Бедный «Бигль» задрожал от удара и несколько минут не слушался руля, но вскоре, как и подобает такому хорошему кораблю, выпрямился и снова стал против ветра. Если бы за первой волной последовала вторая, наша участь была бы решена скоро и навсегда. Уже 24 дня мы тщетно старались продвинуться к западу; люди измучились от усталости, в течение многих суток у них не было ни одной сухой вещи, которую можно было бы надеть.

Капитан Фиц-Рой отказался от попыток пройти на запад со стороны открытого берега. Вечером мы обогнули мыс Ложный Горн и бросили якорь на глубину 47 фатомов, причем цепь, стремительно сматываясь с брашпиля, высекала из него искры. Как восхитительна была та тихая ночь после столь долгого пребывания среди грохота враждующих стихий!

15 января 1833 г. — «Бигль» бросил якорь на рейде Гуре. Так как капитан Фиц-Рой решил высадить огнеземельцев, в соответствии с их желанием, в проливе Понсонби, были снаряжены четыре шлюпки, чтобы провезти их туда по каналу Бигля. Этот канал, открытый капитаном Фиц-Роем в предыдущее его плавание, — наиболее достопримечательная особенность географии этой, а, пожалуй, и всякой другой страны; его можно сравнить с долиной Лох-Несс в Шотландии, с ее цепью озер и морских рукавов. Он тянется миль на сто двадцать при очень мало изменяющейся средней ширине около 2 миль; на большей части своего протяжения он до того прям, что где-то на большом расстоянии, ограниченный с обеих сторон цепями гор, постепенно становится неразличимым. Он пересекает южную часть Огненной Земли с запада на восток, а посредине к нему примыкает с юга под прямым углом извилистый канал, называемый проливом Понсонби. Здесь живут племя и семья Джемми Баттона.

19 января. — ри вельбота и ялик с группой в 28 человек пустились в путь под командой капитана Фиц-Роя. После полудня мы вошли в канал с востока и вскоре нашли уютную бухточку, скрытую окружающими островками. Здесь мы разбили наши палатки и развели костры. Ничего отраднее этого зрелища нельзя было себе представить. Зеркальная вода нашей бухточки с нависшими над скалистым берегом ветвями деревьев, шлюпки на якорях, палатки, поддерживаемые скрещенными веслами, дымок, взвивающийся над лесистой долиной, — все это

составляло картину тихого уединения. На следующий день (20-го) наш маленький флот спокойно продвигался дальше, и мы вступили в более населенную область. Вряд ли кто-нибудь из здешних туземцев видел когда-либо белого человека, и едва ли что-нибудь могло сравниться с их изумлением при появлении четырех шлюпок. На каждом возвышении вспыхнули огни (отсюда и название Огненной Земли) — как для привлечения нашего внимания, так и для распространения повсюду новости о нашем появлении. Некоторые туземцы бежали вдоль берега целые мили. Я никогда не забуду, как странно и дико выглядела одна группа: четыре или пять человек внезапно появились на краю нависшего утеса; они были совершенно голые, длинные волосы падали на их лица; в руках они держали грубые палки и, подпрыгивая, размахивали ими над головой, испуская самые отвратительные вопли.

В обеденное время мы высадились среди группы огнеземельцев. Вначале они не склонны были отнестись к нам дружелюбно: пока капитан не задержал остальные шлюпки, они не выпускали из рук свои пращи. Впрочем, мы скоро привели их в восторг пустячными подарками вроде красных лент, которые повязали им вокруг голов. Им понравились наши сухари; но один из дикарей притронулся пальцем к консервированному мясу из жестянки, которое я ел, и, так как оно показалось ему на ощупь мягким и холодным, проявил к нему столько же отвращения, сколько обнаружил бы я к вонючей ворвани. Джемми стало очень стыдно за своих соотечественников, и он заявил, что его племя совсем не таково; но, к несчастью, он ошибался. Этих дикарей было столь же легко обрадовать, сколь трудно удовлетворить. Стар и млад, мужчины и дети не переставали повторять слово «яммершунер», что означает «дай мне». Указав почти на все вещи, одну за другой, даже на пуговицы на нашем платье, и повторив свое любимое слово со всевозможными интонациями, они употребляли его уже без определенного смысла и продолжали твердить свое «яммершунер». Рьяно прояммершунерничав понапрасну о какой-нибудь вещи, они обыкновенно показывали с наивной хитростью на своих молодых женщин или маленьких детей, как будто говоря: «Если вы не хотите дать этого мне, то таким вот наверняка дадите».

Ночью мы тщетно пытались найти необитаемую бухту и, наконец, вынуждены были расположиться на ночлег невдалеке от группы туземцев. Они были совершенно безобидны, пока их было мало, но утром (21-го), когда к ним присоединилась еще группа, стали проявлять признаки враждебности, и мы решили, что они затеют стычку. Европеец попадает в очень невыгодное положение, сталкиваясь с дикарями вроде этих, не имеющими никакого понятия о силе огнестрельного оружия. Уже по одному только виду прицеливающегося из ружья человека дикарь заключает, что этот человек стоит гораздо ниже того, кто вооружен луком и стрелами, копьем или даже пращой. Нелегко показать им наше превосходство, иначе как произведя смертельный выстрел. Подобно диким зверям они не обращают внимания на численное соотношение: каждый в отдельности, будучи атакован, не побежит, а постарается размозжить вам голову камнем, и это так же несомненно, как то, что тигр при подобных же обстоятельствах попытается растерзать вас. Капитану Фиц-Рою как-то раз по серьезным соображениям очень хотелось отпугнуть небольшую группу дикарей; сначала он замахнулся на них абордажной саблей, но те только посмеялись; тогда он дважды выстрелил из своего пистолета мимо одного туземца. Каждый раз дикарь выказывал изумление и осторожно, правда быстро, потирал голову; затем, вытаращив на некоторое время глаза, он что-то пролопотал своим товарищам, но, казалось, и не помышлял о бегстве. Мы едва ли можем поставить себя в положение этих дикарей и понять их действия. Так, например, этому огнеземельцу никогда и в голову не приходила мысль о возможности такого звука, как гром ружейного выстрела у самого его уха. В первое мгновение он, должно быть, и в самом деле не знал, был ли то звук или удар, а потому, вполне естественно, потер голову. Точно так же, когда дикарь видит след, оставленный пулей, он вообще не скоро будет в состоянии понять, откуда этот след взялся: быть может, то обстоятельство, что самого тела не видно вследствие быстроты движения, кажется ему вообще немыслимым. Кроме того, огромная сила пули, проникающей в твердое вещество, не разрывая его, может навести дикаря на мысль о том, что пуля вовсе не обладает никакой силой. Я не

сомневаюсь, что многие дикари, стоящие на самой низкой ступени развития, в том числе и эти огнеземельцы, глядя на пробитые пулей предметы и даже убитых из ружья мелких животных, ничуть не подозревают о смертоносной силе этого оружия.

22 января. — Без помех проведя ночь, по-видимому, на нейтральной территории между племенем Джемми Баттона и тем, которое видели вчера, мы с удовольствием поплыли дальше. Я не знаю ничего такого, что свидетельствовало бы о состоянии вражды между разными племенами более убедительно, чем эти широкие границы, или нейтральные полосы. Хотя Джемми Баттон хорошо знал силу нашего отряда, он неохотно согласился высадиться среди враждебного племени, ближайшего к его собственному. Он часто рассказывал нам, как дикие люди она, «когда лист красен», переваливают через горы с восточного берега Огненной Земли и совершают набеги на жителей этой части страны. Чрезвычайно любопытно было наблюдать за ним во время таких рассказов, когда глаза его блестели, а все лицо принимало какое-то новое, дикое выражение. По мере того как мы продвигались по каналу Бигля, пейзаж принимал какой-то особый, величавый характер; впрочем, впечатление много ослаблялось из-за того, что наблюдать приходилось снизу, со шлюпок, и вдобавок вдоль долины, лишаясь, таким образом, возможности видеть всю красоту непрерывной последовательности горных хребтов. Горы имели здесь около 3 000 футов высоты и заканчивались острыми зубчатыми вершинами. Они поднимались непрерывно от самой воды и были покрыты до высоты 1 400-1 500 футов темным лесом. Необыкновенно любопытно было наблюдать, насколько хватало глаз, как ровно и совершенно горизонтально проходила по склонам гор черта, на которой прекращалась древесная растительность; она была точь-в-точь похожа на верхнюю границу тины, наносимой приливом на взморье.

Ночь мы провели невдалеке от места соединения пролива Понсонби с каналом Бигля. Небольшое семейство огнеземельцев, жившее в бухте, было тихим и безобидным и скоро присоединилось к нам, расположившись вокруг пылающего костра. Мы были плотно одеты, и, хотя сидели близко к огню, все-таки нам было далеко не тепло; а между тем эти голые дикари, сидевшие поодаль, к нашему изумлению, видимо, обливались потом от жары. Впрочем, они были, казалось, вполне довольны и дружно примкнули к хоровому пению матросов, только чрезвычайно забавным образом все время немного запаздывали.

За ночь новость распространилась, и рано утром **(23-го)** прибыла новая группа туземцев, принадлежавшая к племени текеника, из которого происходил Джемми. Некоторые из них бежали с такой скоростью, что у них пошла носом кровь, а рты покрылись пеной — до того быстро они говорили; их голые тела, вымазанные черной, белой и красной краской, придавали им сходство с передравшимися бесноватыми. Затем мы направились (в сопровождении двенадцати челноков, по четыре-пять человек в каждом) вниз по проливу Понсонби к тому месту, где бедный Джемми рассчитывал найти свою мать и родню. Он уже знал, что отец его умер; но так как уже раньше у него был «сон в голове» по этому поводу, он, видимо, не очень огорчился и все время утешал себя весьма естественным соображением: «Мой это не помогает». Ему не удалось узнать каких-либо подробностей о смерти отца, потому что родственники избегали говорить об этом.

Теперь Джемми находился в местности, хорошо ему знакомой, и привел шлюпки к тихой привлекательной бухточке под названием Вулья, окруженной островками, каждый из которых, как, впрочем, и все здешние места, имел соответствующее туземное название. Мы нашли здесь семейство из племени Джемми, но его родственников тут не было; мы подружились с ними, и вечером они послали челнок уведомить мать и братьев Джемми. Вокруг бухты было несколько акров хорошей покатой земли, не покрытой (как в других местах) ни торфом, ни лесными деревьями. Капитан Фиц-Рой как уже было сказано, первоначально имел намерение доставить Йорка Минстера и Фуэгию к их племени на западном берегу, но, поскольку они выразили желание остаться здесь, а место было исключительно благоприятным, капитан Фиц-Рой решил поселить тут всех троих вместе с

миссионером Маттьюсом. Мы потратили пять дней на постройку для них трех больших вигвамов, на выгрузку их пожиток, на распашку земли под два огорода и на посев семян.

На следующее утро после нашего прибытия **(24-го)** начали стекаться огнеземельцы, прибыли также мать и братья Джемми. Джемми с поразительного расстояния узнал громовой голос одного из своих братьев. Встреча была менее интересна, чем между лошадью и ее старым товарищем по конюшне, которого она повстречала на лугу. Ни в чем не проявилась их взаимная привязанность: они просто удивленно смотрели друг на друга в течение короткого времени, и мать сразу же и пошла позаботиться о своем челноке. Между тем мы слышали от Йорка, что мать, потеряв Джемми, была безутешна и искала его повсюду, полагая, что его могли где-нибудь оставить, после того как забрали в шлюпку. Женщины уделяли много внимания Фуэгии, относясь к ней очень благожелательно. Мы уже заметили, что Джемми почти позабыл свой родной язык. Я думаю, вряд ли нашелся хотя бы еще один человек с таким маленьким запасом слов, ибо английский язык он знал очень плохо. Смешно и вместе с тем грустно было слышать, как он обращался к своему дикому брату по-английски, а затем спрашивал по-испански, понял ли тот («No sabe?»).

Все шло мирно в течение следующих трех дней, пока мы вскапывали огороды и сооружали вигвамы. Туземцев, по нашим подсчетам, было около 120 человек. Женщины тяжело работали, в то время как мужчины целый день шатались, без дела, наблюдая за нами. Они выпрашивали все, что только видели, и крали, что только могли. Их приводили в изумление наши танцы и пение, особенно же заинтересовались они, увидев, как мы умывались в соседнем ручье: они ничему не уделяли столько внимания, даже нашим шлюпкам. Изо всего, что видел Йорк за время своего пребывания в чужих краях, ничто так не поразило его, как страус близ Мальдонадо; задыхаясь от изумления, он подбежал к м-ру Байно, с которым вышел прогуляться: «О мистер Байно, о, птица совсем как лошадь!» Как ни изумляла дикарей наша белая кожа, но, по рассказу м-ра Лоу, негр — кок с тюленепромышленного судна — поверг их в еще большее изумление: при появлении этого бедного малого собралась такая толпа и поднялся такой крик, что он так и не выходил больше на берег. Все шло так мирно, что некоторые офицеры, и я с ними, предпринимали долгие прогулки по окрестным холмам и лесам. Но 27-го вдруг исчезли все женщины и дети. Мы были очень обеспокоены, поскольку ни Йорк, ни Джемми не могли понять причины этого. Некоторые предположили, будто дикари испугались того, что мы чистили ружья и стреляли накануне вечером; другие считали, что это было результатом обиды, нанесенной одному старому дикарю, который, когда ему велели держаться подальше, хладнокровно плюнул в лицо часовому, а потом при помощи жестов над спящим огнеземельцем недвусмысленно показал, как говорили, что ему хотелось бы зарезать и съесть одного из наших. Капитан Фиц-Рой, желая избежать возможного столкновения; которое оказалось бы роковым для столь многих огнеземельцев, счел целесообразным переночевать в бухте за несколько миль отсюда. Маттьюс с обычным для него спокойствием и присутствием духа (замечательными в человеке, явно не обладавшем сильным характером) решил остаться с нашими тремя огнеземельцами, не выказывавшими за самих себя никаких опасений, и вот мы предоставили им провести одним первую страшную ночь.

Возвратясь наутро **(28-го),** мы с радостью увидели, что все тихо и мужчины в своих челноках бьют рыбу острогой. Капитан Фиц-Рой решил отправить ялик и один вельбот обратно к кораблю, а на двух других шлюпках — одной под его собственной командой (в которой он очень любезно разрешил мне сопровождать его), а другой под командой м-ра Хаммонда — провести съемку западных частей канала Бигля, а потом вернуться еще раз к поселению. День, к нашему удивлению, был нестерпимо жаркий, так что мы обожгли кожу на солнце; при такой прекрасной погоде вид с середины канала Бигля был особенно чудесным. Куда ни глянь — вперед ли, назад ли, — ничего не заслоняло от нас двух точек на горизонте, где этот длинный, проходящий между гор канал терялся из виду. То, что канал представляет собой морской рукав, подтверждала встреча с несколькими громадными китами,

выбрасывавшими свои фонтаны с разных сторон. Однажды я видел, как два таких чудовища, вероятно самец и самка, медленно плыли друг за другом на расстоянии полета брошенного рукой камня от берега, над которым распростерли свои ветви буки.

Мы плыли, пока не стемнело, и тогда разбили наши палатки на берегу маленького тихого залива. Здесь мы нашли галечный пляж, на котором устроили себе постели, показавшиеся нам величайшей роскошью, потому что галька была сухая и поддавалась тяжести тела. Торфяная почва влажна, камень неровен и тверд, песок попадает в мясо, когда последнее приходится варить и есть в условиях шлюпочного привала; но всего удобнее мы проводили ночи, лежа в наших спальных мешках на отличной постели из гладкой гальки.

Мне пришлось нести вахту до часу ночи. Есть что-то удивительно торжественное в таких пейзажах. Никогда сознание того, в каком отдаленном уголке мира вы находитесь в это время, не ощущается с такой ясностью. Все способствует этому: безмолвие ночи нарушается лишь тяжелым дыханием моряков в палатках да иногда криком ночной птицы. Лишь изредка лай собаки где-то вдалеке напоминает, что это — страна дикарей.

29 января. — Рано утром мы подошли к месту, где канал Бигля разветвляется на два рукава, и вошли в северный. Пейзаж здесь становится еще грандиознее. Высокие горы на северном берегу образуют гранитный стержень, или позвоночный столб, страны и круто вздымаются до высоты от 3000 до 5000 футов, а один пик поднимается выше 5000 футов. Они одеты обширным покровом вечных снегов, а многочисленные небольшие водопады изливают свои воды через леса вниз, в узкий канал. Во многих местах со склона горы и до самой воды простираются великолепные ледники. Вряд ли можно вообразить себе что-либо более прекрасное, чем берилловая голубизна этих ледников, в особенности по контрасту с мертвой белизной снеговых просторов наверху. Обломки, упавшие с ледников в воду, уплывали дальше, и канал со своими айсбергами представлял на пространстве какой-нибудь мили некое миниатюрное подобие Ледовитого океана. Подтянув на время обеда наши боты к берегу, мы залюбовались с расстояния в полмили отвесным ледяным обрывом, и нам захотелось, чтобы с него упало еще несколько обломков. Наконец, вниз с шумом и грохотом полетела глыба, и мы тотчас же увидели плавные очертания бегущей в нашу сторону волны. Матросы со всех ног побежали к шлюпкам, так как последним явно грозила опасность быть разбитыми в щепки. Один из матросов уже ухватился было за нос шлюпок, но их настиг и захлестнул бурун; матроса сбило с ног и понесло, но не ушибло, а шлюпки, хотя они трижды высоко поднялись и вновь опустились, также не получили никаких повреждений. Это было большим счастьем для нас, потому что мы находились за 100 миль от корабля и остались бы без провизии и огнестрельного оружия. Я еще раньше заметил, что некоторые крупные обломки камня на пляже были недавно сдвинуты с места, но, пока не увидал этой волны, не понимал причины этого явления. Одна сторона залива была образована отрогом, состоящим из слюдистого сланца, верхняя часть его — ледяной кручей вышиной около 40 футов, а другая сторона — мысом, возвышающимся на 50 футов и сложенным громадными округленными обломками гранита и слюдистого сланца, на которых росли старые деревья. Мыс этот, несомненно, представлял собой морену, нагроможденную в тот период, когда ледник был больше.

Достигнув западного выхода этой северной ветви канала Бигля, мы поплыли среди множества неизвестных пустынных островов; погода стояла прескверная. Туземцев мы не встречали. Берег почти повсюду был до того крутой, что не раз нам приходилось грести много миль, прежде чем удавалось отыскать достаточно места, чтобы разбить наши палатки; одну ночь мы провели на больших круглых валунах, между которыми гнили водоросли, а когда начался прилив, нам пришлось встать и передвинуть наши спальные мешки. Самой отдаленной западной точкой, до которой мы добрались, был остров Стюарта, так что мы отошли на расстояние около 150 миль от нашего корабля. В канал Бигля мы вернулись по южному рукаву и без приключений добрались обратно до пролива Понсонби.

6 февраля. — Мы прибыли в Вулью. Маттьюс так дурно отзывался о поведении огнеземельцев, что капитан Фиц-Рой решил забрать его обратно на «Бигль»; в конце концов его оставили на Новой Зеландии, где жил его брат — миссионер. С момента нашего отъезда начался систематический грабеж; продолжали прибывать новые партии туземцев; Йорк и Джемми лишились многих вещей, а Маттьюс — почти всего, что не успел зарыть в землю. Всякий предмет, по-видимому, туземцы раздирали на части и делили между собой. Маттьюс рассказал нам, как вынужден был все время держаться настороже, в самом тревожном состоянии; днем и ночью его окружали туземцы, которые старались извести его, не прекращая шуметь над самой его головой. Однажды старик, которому Маттьюс предложил выйти из вигвама, немедленно вернулся с большим камнем в руке; в другой раз пришел целый отряд, вооруженный камнями и кольями, и некоторые из молодых людей, в том числе брат Джемми, принялись кричать; Маттьюс встретил их подарками. Другая группа показывала ему знаками, что его хотят раздеть догола и выдернуть все волосы на лице и теле. Я думаю, что мы прибыли как раз вовремя, чтобы спасти ему жизнь. Родственники Джемми были так тщеславны и глупы, что показывали чужим свою краденую добычу и рассказывали, каким образом приобрели ее. Тяжело было оставлять троих огнеземельцев среди их диких соотечественников; но хорошо было и то, что за себя лично они не опасались. Йорк, сильный, решительный мужчина, был твердо уверен, что хорошо заживет со своей женой Фуэгией. Бедный Джемми выглядел более расстроенным и в то время, не сомневаюсь, был бы рад вернуться к нам. Его родной брат украл у него много вещей. «Как это назвать?» — восклицал он и бранил своих земляков: «Все плохие люди, ничего no sabe (не знают)», — и хотя никогда прежде я не слыхал, чтобы он чертыхался, добавлял: «Проклятые дураки!» Наши трое огнеземельцев провели только три года с цивилизованными людьми, но я уверен, были бы рады сохранить свои новые привычки; впрочем, это, очевидно, было невозможно. Боюсь, более чем сомнительно, чтобы путешествие принесло им хоть какую-нибудь пользу.

Вечером, с Маттьюсом на борту, мы направились обратно к кораблю, но не по каналу Бигля, а вдоль южного берега. Боты были тяжело нагружены, а море бурно, так что переход наш был весьма опасен. К вечеру **7-го** числа мы были уже на борту «Бигля», пробыв в отсутствии двадцать дней, за которые прошли 300 миль в открытых шлюпках. **11-го** капитан Фиц-Рой лично навестил наших огнеземельцев: они поживали хорошо и лишились еще только очень немногих вещей.

В последний день февраля следующего года (1834) «Бигль» бросил якорь в прекрасной бухточке у восточного входа в канал Бигля. Капитан Фиц-Рой решился на смелую и, как оказалось, успешную попытку пройти, лавируя против западных ветров, по тому же маршруту, по которому мы шли на шлюпках, к поселению в Вулье. Мы не встречали туземцев в большом количестве, пока не оказались близ пролива Понсонби, где за нами увязалось десять или двенадцать челноков. Туземцы совершенно не понимали, зачем мы то и дело поворачиваем, и, вместо того чтобы идти нам наперерез во время каждого галса, безуспешно старались поспевать за нами, следуя тем же зигзагообразным курсом. Я с удовольствием отметил, насколько возрос мой интерес к этим дикарям, после того как соотношение сил резко изменилось в нашу пользу. Во время путешествия на шлюпках я возненавидел самый звук их голосов, — так они нам досаждали. Первое и последнее слово было «яммершунер». Когда, войдя в какую-либо тихую бухточку и осмотревшись, мы уже думали, что спокойно проведем ночь, из какого-нибудь темного уголка пронзительно раздавалось ненавистное слово «яммершунер», а затем взвивался сигнальный дымок, повсюду разнося весть о нашем прибытии. Покидая какое-нибудь место, мы говорили друг другу: «Слава богу, мы, наконец, избавились от этих несчастных!» — как вдруг наших ушей еще раз достигал слабый отголосок зычного крика, слышного на огромном расстоянии, и мы явственно различали «яммершунер». Теперь, однако, чем огнеземельцев было больше, тем было нам веселее, да и в самом деле было очень весело. Обе стороны смеялись, удивлялись, глазели друг на друга; мы жалели их, глядя, как они отдают нашим хорошую рыбу и крабов за тряпки и тому подобное, они же не хотели упускать случая, найдя дураков, которые меняют такие великолепные украшения на какой-то ужин. Всего забавнее было видеть непритворную улыбку удовлетворенности, с

которой одна молодая женщина, с лицом, вымазанным черной краской, повязывала вокруг головы несколько лоскутков ярко-красной ткани вместе с тростником. Ее муж, пользовавшийся весьма широко распространенной в этой стране привилегией иметь двух жен, возревновал свою молодую жену за все оказанное ей внимание, переговорил со своими нагими красавицами и вместе с ними отплыл прочь от нас.

Некоторые огнеземельцы ясно показали, что имеют неплохое понятие о меновой торговле. Я дал одному из них большой гвоздь (ценнейший подарок), не требуя ничего взамен; но он немедленно выбрал двух рыб и протянул мне наверх на конце своего копья. Если подарок предназначался для одного челнока, а падал около другого, его неизменно отдавали законному владельцу. Мальчик-огнеземелец, находившийся на борту судна м-ра Лоу, придя в сильнейшее раздражение, показал, что ему и в самом деле было стыдно, когда его назвали лжецом — упрек, вполне им заслуженный. И в этот раз мы, как всегда прежде, изумлялись, как мало туземцы обращают внимания или, вернее, не обращают вовсе никакого внимания на многие вещи, польза которых должна быть им очевидна. Несложные и незначительные обстоятельства, например красота ярко-красной ткани или синих бус, отсутствие у нас женщин, наша привычка умываться, — возбуждали в них изумление гораздо большее, нежели какой-нибудь крупный или сложный предмет, например наш корабль. Бугенвиль удачно заметил относительно этих людей, что они относятся к «величайшим произведениям человеческого искусства как к законам природы и ее явлениям».

5 марта мы бросили якорь в бухте Вулья, но не увидели там ни души. Это нас встревожило, так как туземцы в проливе Понсонби показывали нам жестами, что там произошло сражение; впоследствии мы узнали, что с гор спустились страшные люди она. Вскоре мы увидели приближающийся челнок с развевающимся маленьким флагом; один из мужчин в нем смывал краску, с лица. То был бедный Джемми, ныне худой, осунувшийся дикарь, с длинными всклокоченными волосами и голый, с одним лишь куском одеяла вокруг пояса. Мы узнали его только тогда, когда он был уже близко от нас: ему было стыдно за себя, и он повернулся спиной к кораблю. Мы оставили его толстым, жирным, чистым и хорошо одетым, и никогда не видал я такой резкой и прискорбной перемены. Впрочем, как только его одели и первое его смятение прошло, дело приняло лучший оборот. Он обедал с капитаном Фиц-Роем и ел так же опрятно, как и прежде. Он рассказал нам, что у него «слишком много» (что означало «достаточно») еды, что ему не холодно, что его родичи — люди очень хорошие и что он не желает возвратиться в Англию; причину столь большой перемены в чувствах Джемми мы открыли вечером, с прибытием его молодой и миловидной жены. Со своей обычной доброжелательностью он привез две прекрасные шкурки выдры двум своим лучшим друзьям и несколько наконечников для копий и стрел, изготовленных собственными руками для капитана. Он сказал, что построил для себя челнок, и хвастал тем, что может немного разговаривать на своем родном языке! Но всего замечательнее тот факт, что он обучил все свое племя кое-каким английским словам; один старик по собственной инициативе сообщил нам о прибытии «Jemmy Button's wife» (жены Джемми Баттона). Джемми лишился всего своего имущества. Он рассказал нам, что Йорк Минстер построил большой челнок и отправился со своей женой Фуэгией несколько месяцев назад в родные места, совершив на прощанье величайшую подлость: он убедил Джемми и его мать поехать с ним, а затем по дороге бросил их ночью, украв все до единой их вещи.

Джемми уехал ночевать на берег, а утром вернулся и оставался на борту корабля до тех пор, пока не был поднят якорь, что перепугало его жену, которая продолжала отчаянно кричать, пока Джемми не сел в челнок. Он возвращался, наделенный ценным имуществом. Каждый человек на борту был искренно огорчен, пожимая ему руку в последний раз. Я теперь уже не сомневаюсь, что он будет счастлив так же, а может быть и еще счастливее, чем если бы он никогда не покидал своей родины. Всякий должен искренно надеяться, что, может быть, исполнится благородная надежда капитайа Фиц-Роя — быть вознагражденным за те многочисленные великодушные жертвы, которые он принес ради этих огнеземельцев, — если когда-нибудь потерпевший кораблекрушение моряк найдет

приют у потомков Джемми Баттона и его племени! Добравшись до берега, Джемми зажег сигнальный огонь, и взвился дымок, как бы посылая нам последнее и долгое «прости», пока корабль ложился на свой курс в открытое море.

Полное равенство среди огнеземельцев одного и того же племени должно надолго задержать их культурное развитие. Как те животные, которых инстинкт заставляет жить обществами и слушаться вожака, наиболее способны к усовершенствованию, так и человеческие племена. Будем ли мы рассматривать это как причину или как следствие, но более цивилизованные народы имеют наиболее развитые формы управления.

Так, например, жители Отаити, которые во времена открытия этого острова управлялись наследственными королями, достигли гораздо более высокой ступени развития, нежели другая ветвь того же народа, новозеландцы, которые, — хотя и многое приобрели вследствие того, что им пришлось заняться земледелием, — были республиканцами, в полном смысле этого слова.

Пока на Огненной Земле не выдвинется какой-нибудь вождь, достаточно сильный, чтобы закрепить за собой то или иное приобретенное преимущество, например домашних животных, до тех пор, по-видимому, едва ли можно ожидать улучшений в политическом состоянии страны. В настоящее время даже кусок ткани, полученный кем-нибудь, разрывается на части и делится так, что ни один человек не становится богаче другого. С другой стороны, трудно понять, каким образом может появиться вождь, пока не существует собственности какого-либо рода, посредством которой он мог бы проявить свое превосходство и усилить свою власть.

Я убежден, что здесь, на краю Южной Америки, человек стоит на более низкой ступени развития, нежели в каком-нибудь другом месте на земле. Островитяне двух рас, населяющих южную часть Тихого океана, сравнительно цивилизованы. Эскимос в своей подземной хижине пользуется некоторыми удобствами жизни, а в своем челноке, когда он полностью снаряжен, проявляет много ловкости. Некоторые племена Южной Америки, бродящие в поисках кореньев и живущие уединенно в диких и безводных равнинах, достаточно жалки.

Австралиец по простоте своих способов существования всего ближе к огнеземельцу; однако, он может похвастать своим бумерангом, копьем и дротиком, своим способом лазить на деревья, выслеживать животных и охотиться. Несмотря на то, что австралиец, быть может, стоит выше по приобретенным навыкам, это никоим образом не означает, что он точно так же выше и по умственным способностям; в самом деле, судя по моим наблюдениям за огнеземельцами на борту корабля и по тому, что я читал об австралийцах, я склонен думать, что дело обстоит как раз наоборот.

ГлаваXI МАГЕЛЛАНОВ ПРОЛИВ. КЛИМАТ ЮЖНЫХ БЕРЕГОВ

Магелланов пролив

Бухта Голода

Восхождение на гору Тарн

Леса

Съедобный гриб

Фауна

Громадная морская водоросль

Прощание с Огненной Землей

Климат

Плодовые деревья и естественные произведения южных берегов

Высота снеговой линии на Кордильерах Спуск ледников к морю Образование айсбергов

Перенос валунов

Климат и естественные произведения

антарктических островов

Сохранность замерзших трупов

Краткое резюме

В конце мая 1834 г. мы вторично вошли с востока в Магелланов пролив. Местность по обеим сторонам этой части пролива представляла собой почти гладкие равнины, похожие на патагонские. Мыс Негро, расположенный почти сразу же после начала второго сужения пролива, можно считать пунктом, начиная с которого страна приобретает черты, характерные для Огненной Земли. На восточном побережье к югу от пролива пересеченная, носящая характер парка местность объединяет подобным же образом эти две страны, почти во всех отношениях противоположные одна другой. Такая перемена ландшафта на расстоянии каких-нибудь двадцати миль и в самом деле удивительна. Если же взять расстояние несколько большее, например, между бухтой Голода и заливом Грегори, т. е. около 60 миль, то отличие будет еще разительнее. В бухте Голода мы видим округленные горы, скрытые непроходимыми лесами, которые напоены влагой дождей, приносимых никогда не прекращающимися штормовыми ветрами, тогда как в районе мыса Грегори мы находим безоблачное синее небо над сухими и

бесплодными равнинами. Хотя воздушные течения здесь стремительны, бурны, и не стеснены какими-либо видимыми границами, тем не менее, они подобно реке в ее русле следуют по вполне определенному маршруту.

Во время нашего предыдущего посещения (в январе) мы встретились на мысе Грегори со знаменитыми, так называемыми исполинскими патагонцами, которые оказали нам радушный прием. Они кажутся выше, чем то есть на самом деле, благодаря своим большим плащам из шкур гуанако, длинным, развевающимся по ветру волосам, а впрочем и всему облику в целом; средний их рост около 6 футов, причем некоторые мужчины бывают гораздо выше, но лишь немногие ниже; женщины также высоки ростом; вообще это, безусловно, самая рослая раса, какую мы где-либо видели. Чертами лица они удивительно похожи на индейцев, живущих севернее — тех, что я видел у Росаса, — только у этих вид более дикий и грозный; лица их были густо вымазаны красной и черной краской, а один был разукрашен полосами и крапинками наподобие огнеземельца. Капитан Фиц-Рой предложил взять троих патагонцев на борт корабля, и все они обнаружили стремление попасть в число этих троих. Нам не скоро удалось вырваться от них на шлюпке; наконец мы попали на корабль вместе с нашими тремя великанами, и, когда капитан усадил их с собой обедать, они вели себя совсем по-джентльменски, пользуясь ножами, вилками и ложками; больше всего им пришелся по вкусу сахар. Это племя так много общается с охотниками на тюленей и китов, что большинство говорит немного по-английски; они уже наполовину цивилизованы и соразмерно с этим испорчены.

На следующее утро большая партия наших съехала на берег выменивать шкуры и страусовые перья; так как в огнестрельном оружии туземцам было отказано, то самым большим спросом у них пользовался табак — гораздо большим, чем топоры и прочий инструмент. Обитатели всех тольдо, мужчины, женщины и дети, выстроились на берегу. Это была любопытная картина, и невозможно было не полюбить этих великанов — до того они были добродушны и доверчивы; они просили нас приехать опять. Кажется, им хотелось, чтобы у них жили европейцы; старая Мария, влиятельная в их племени женщина, просила однажды м-ра Лоу оставить у них какого-нибудь матроса. Здесь они проводят большую часть года, но летом охотятся у подножий Кордильер; иногда они заходят даже до Рио-Негро, за 750 миль на север. Лошадей у них много: каждый мужчина, по словам м-ра Лоу, имеет их шесть-семь, и все женщины и даже дети имеют по собственной лошади. Во времена Сармьенто (1580 г.) у этих индейцев были лук и стрелы, недавно уже вышедшие из употребления; кроме того, уже и тогда у них были лошади. Это очень любопытное обстоятельство, показывающее, как необыкновенно быстро размножились лошади в Южной Америке. Лошадь впервые была высажена в Буэнос-Айресе в 1537 г., а затем колония была на время брошена, и лошадь одичала; и вот в 1580 г., только 43 года спустя, их находят уже у Магелланова пролива! М-р Лоу сообщает мне, что пешие индейцы соседнего племени в настоящее время превращаются в конных: племя, живущее у залива Грегори, отдает им своих плохих лошадей, а зимой они отряжают нескольких самых ловких мужчин на ловлю диких лошадей.

/ июня. — Мы бросили якорь в красивой бухте Голода. Было начало зимы, и картина представлялась самая безотрадная; темные леса с белыми пятнами снега лишь смутно виднелись сквозь изморось и туман. К счастью, однако, на нашу долю выпало и два ясных дня. В один из них нам открылось величественное зрелище отдаленной горы Сармьенто, имеющей 6 800 футов в высоту. Меня часто удивляло в пейзажах Огненной Земли то обстоятельство, что горы, в действительности высокие, с виду были невысоки. Я подозреваю, что это вызывается причиной, которая не сразу придет в голову, а именно тем, что вся гора от вершины и до самой воды обыкновенно бывает полностью на виду. Помнится, я видел одну гору сначала из канала Бигля, откуда вся она видна была полностью, от вершины и до подошвы, а потом из пролиза Понсонби, где она виднелась из-за нескольких хребтов, проходивших один за другим, и в этом последнем случае любопытно было наблюдать, как — по мере того как каждый новый хребет позволял по-новому судить о расстоянии — гора поднималась все выше и выше.

Не доходя бухты Голода, мы увидели двух человек, бежавших вдоль берега и окликавших нас. За ними послали шлюпку. Оказалось, что это два матроса, бежавшие с тюленепромышленного судна и приставшие к патагонцам. Индейцы приняли их со своим обычным бескорыстным гостеприимством. Матросы случайно отстали от индейцев и теперь направлялись к бухте Голода в надежде застать какое-нибудь судно. Осмелюсь утверждать, что то были беспутные бродяги, но на вид самые жалкие из когда-либо мной виденных.

Несколько дней они питались моллюсками и ягодами, а их изодранное платье подгорело, оттого что они спали слишком близко к костру. День и ночь без всякого приюта, они страдали от проносившихся недавно беспрерывных штормовых ветров с дождем, крупой и снегом и все-таки были совершенно здоровы.

Во время нашей стоянки в бухте Голода огнеземельцы дважды появлялись и досаждали нам. Так как здесь на берегу у нас было много инструментов, платья и людей, мы сочли необходимым отпугнуть их. В первый раз были даны выстрелы из нескольких пушек, пока туземцы были еще далеко. Чрезвычайно смешно было наблюдать в подзорную трубу, как индейцы каждый раз, когда ядро ударяло по воде, хватали камни и, как бы отважно принимая вызовов, кидали их в направлении корабля, хотя до него было мили полторы! Затем выслали шлюпку с приказанием дать мимо них несколько ружейных выстрелов. Огнеземельцы попрятались за деревьями и в ответ на каждый залп из ружей стреляли из своих луков; стрелы однако, все падали, не достигая шлюпки, и офицер, пока огнеземельцы целились в него, смеялся. Огнеземельцев это привело в бешенство, и они в бессильной ярости потрясали своими плащами. Наконец, увидев, что пули ударяют в деревья и пробивают их, они убежали, оставив нас в покое. В предыдущее плавание здешние огнеземельцы были очень назойливы, и, чтобы отпугнуть их, мы пустили ночью ракету над их вигвамами; это подействовало, и один офицер говорил мне, что поднявшиеся было крики и лай собак показались еще более смешными после того, как минуту или две спустя, как бы по контрасту, воцарилась глубокая тишина. На следующее утро в окрестности не осталось ни одного огнеземельца.

Когда «Бигль» стоял здесь в феврале месяце, я встал однажды в четыре часа утра, чтобы подняться на гору Тарн, вершина которой достигает 2 600 футов и является самой высокой точкой в ближайшей окрестности. Мы подошли на шлюпке к подошве горы (но, к сожалению, не к самому удобному месту) и начали восхождение. Лес начинается с той линии, до которой доходит прилив, и после первых двух часов я отказался от всякой надежды добраться до вершины. Лес был до того густой, что необходимо было постоянно справляться с компасом, потому что, несмотря на гористую местность, не было видно ни одного ориентира. Глубокие лощины являли унылую и безжизненную картину, превосходящую всякое описание; вокруг дул сильный ветер, здесь же ни малейшее дуновение ветерка не шевелило листьев даже на самых высоких деревьях. Всюду было до того мрачно, холодно и сыро, что здесь не могли бы расти даже грибы, мхи или папоротники. По долинам едва возможно было пробраться, насколько были они забаррикадированы большими гниющими стволами, валявшимися здесь повсюду. Проходя по этим естественным мостам, мы часто застревали, проваливались по колено в труху; иной раз, пробуя опереться о крепкое на вид дерево, мы с изумлением обнаруживали, что это масса прогнившего вещества, готового развалиться при малейшем прикосновении.

Наконец, мы очутились среди каких-то низкорослых деревьев и очень скоро достигли обнаженного гребня, который привел нас к вершине. Отсюда открылся характерный для Огненной Земли вид: неправильные цепи холмов, испещренных пятнами снега, глубокие желтовато-зеленые долины и морские рукава, изрезывающие страну в разных направлениях. Сильный ветер был пронизывающе холоден, а воздух туманен, и мы недолго оставались на вершине горы. Спуск наш был не так труден, как подъем, ибо тяжесть тела ускоряла движение, а скользя и падая, мы тем самым уже продвигались в нужном направлении.

Я уже упоминал о мрачном и угрюмом характере вечнозеленых лесов, в которых

растут только два или три вида деревьев. Над лесами начинаются многочисленные карликовые альпийские растения, которые все растут на сплошной массе торфяника и сами способствуют ее образованию; эти растения весьма примечательны своим близким родством с видами, растущими на горах Европы, хотя виды эти и разделяют тысячи миль. Центральная часть Огненной Земли, сложенная метаморфическим глинистым сланцем, всего, более благоприятна для роста деревьев; по внешнему, океанскому побережью почва более бедная, гранитная, местность открыта резким ветрам, и потому деревья не достигают больших размеров. Близ бухты Голода я видел деревья самые крупные по сравнению со всеми другими местами; один измеренный мной экземпляр Drimys winteri имел 4 фута 6 дюймов в окружности, а некоторые буки достигали 13 футов. Капитан Кинг упоминает, между прочим, о буке, имевшем 7 футов в поперечнике на высоте 17 футов от корней.

Тут есть одно растение, заслуживающее внимания ввиду его важности как предмета питания огнеземельцев. Это шаровидный ярко-желтый гриб, в несметных количествах растущий на буковых деревьях. В начале своего развития он упругий, набухший и имеет гладкую поверхность, но, созревая, съеживается, становится плотнее, и вся поверхность его покрывается глубокими ямочками или ячейками. Этот гриб принадлежит к новому любопытному роду; второй вид этого рода я нашел на другом виде бука в Чили, а доктор Гукер сообщает мне, что совсем недавно открыт третий вид на третьем виде бука на Вандименовой Земле. Как странна эта связь между паразитными грибами и деревьями, на которых они растут, в отдаленных друг от друга местах земли! На Огненной Земле этот гриб, когда он плотен и спел, в больших количествах собирают женщины и дети; едят его сырым. Гриб слизистый и сладковатый на вкус, со слабым запахом, напоминающим запах наших съедобных грибов. Если не считать немногих ягод, главным образом с карликового земляничного дерева, туземцы не едят никакой растительной пищи, кроме этого гриба. На Новой Зеландии до введения картофеля в большом количестве потребляли корни папоротника: но вастоящее время Огненная Земля, я думаю, единственная страна в мире, где тайнобрачное растение служит основным предметом питания.

Фауна Огненной Земли, как и можно было ожидать исходя из характера ее климата и растительности, очень бедна. Из млекопитающих помимо китов и тюленей здесь имеются одна летучая мышь, один вид мышеобразных грызунов (Reithrodon chinchilloid.es), две настоящие мыши, Ctenomys, родственный тукутуко или тождественный с ним, две лисицы (Canis magellanicus u C. azarae), морская выдра, гуанако и олень. Большинство этих животных водится только в более сухих восточных областях страны, а олень никогда не встречается южнее Магелланова пролива.

Когда видишь общее соответствие в расположении мягкого песчаника, ила и гальки в береговых обрывах по разным сторонам пролива и на некоторых островах в самом проливе, то сильно склоняешься к мысли, что некогда вся эта земля представляла единое целое, и потому сюда могли перебраться такие нежные и беззащитные животные, как тукутуко и Reithrodon. Но соответствие между береговыми обрывами еще далеко не доказывает того, что они были как-нибудь соединены, потому что такие обрывы образуются обычно путем рассечения наклонных осадочных слоев, которые до поднятия суши накоплялись подле существовавших в те времена берегов. Замечательно, однако, следующее совпадение: из двух больших островов, отделяемых от остальной части Огненной Земли каналом Бигля, на одном береговые обрывы сложены веществом, которое можно считать слоистым аллювием, и разрез их сходен с разрезом обрывов на противолежащем берегу канала, тогда как другой остров окаймлен одними только древними кристалическими породами; на первом острове, по названию Наварино, водятся и лисицы, и гуанако; но на втором, Осте, несмотря на то что он во всех отношениях сходен с предыдущим и отделен от него каналом шириной несколько больше полумили, ни одно из этих животных — говорю это со слов Джемми Баттона — не встречается.

В мрачных лесах водится немного птиц: изредка слышен жалобный крик тирана-мухоловки с белым хохолком (Myiobius albicepj), прячущегося около вершины самых высоких деревьев; еще реже раздается громкий странный крик черного дятла с красивым алым хохолком на голове. Маленький, скромно окрашенный крапивник, (Scytalopus magellanicus) прыгает, крадучись, среди беспорядочной груды свалившихся и гниющих стволов. Но всего чаще из птиц здесь встречается пищуха (Oxyurus tupinieri). Ее можно встретить повсюду в буковых лесах — и высоко в горах, и внизу, в самых мрачных, сырых и непроходимых лощинах. Несомненно, эта птичка кажется многочисленнее, чем то есть на самом деле, из-за ее привычки, как видно из любопытства, следовать за всяким, кто заходит в эти безмолвные леса; беспрестанно издавая резкое чириканье, она порхает с дерева на дерево в нескольких футах от незваного гостя. Она отнюдь не ищет самых укромных местечек, как настоящая пищуха (Certhia familiaris), не взбегает подобно ей по стволам деревьев, но, точно наша теньковка, усердно прыгает вокруг, в поисках насекомых обследуя каждую веточку. На более открытых местах встречаются три или четыре вида вьюрков, дрозд, скворец, (или icterus), два вида Opetiorhynchus и несколько дневных хищников и сов.

Отсутствие каких бы то ни было представителей целого класса гадов — замечательная особенность фауны как этой страны, так и Фолклендских островов. Я основываю это утверждение не только на собственных наблюдениях: то же самое я слышал от испанцев — жителей Фолклендских островов, а относительно Огненной Земли — от Джемми Баттона. На берегах Санта-Крус, под 50° южной широты, я видел лягушку, и весьма возможно, что этих животных, равно как и ящериц, можно найти и еще южнее, до самого Магелланова пролива, пока местность сохраняет свойственный Патагонии характер; но на сырой и холодной Огненной Земле ни одно из этих животных уже не встречается.

Что климат тут окажется неподходящим для некоторых отрядов, например ящериц, можно было предвидеть заранее; но относительно лягушек это было не столь очевидно.

Жуки встречаются в очень небольшом числе; я долго не мог поверить, чтобы страна, столь же обширная, как Шотландия, покрытая растительностью и представляющая такое разнообразие местообитаний, могла быть столь бедна насекомыми. Те немногие жуки, которых я нашел, относились к альпийским видам (Harpalidae и Heteromidae), живущим под камнями. Травоядные Chrysomelidae, столь характерные для тропиков, здесь почти полностью отсутствуют; мух, бабочек и пчел я видел очень мало, а сверчков и других прямокрылых совсем не встречал. В лужах я находил лишь немногих водяных жуков, но ни одного пресноводного моллюска; правда, Succinea на первый взгляд кажется исключением, но здесь ее нужно считать наземным моллюском, так как она живет в сырой траве, далеко от воды. Наземных моллюсков можно было раздобыть только в тех же альпийских районах, где и жуков. Я уже отмечал резкое различие как климата, так и общего вида Огненной Земли и Патагонии, и прекрасным тому примером может служить состав насекомых, свойственных обеим странам. Мне кажется, у них нет ни одного общего вида насекомых, а общий характер насекомых, конечно, совершенно различен.

Если мы обратимся от суши к морю, то найдем, что последнее так же изобилует живыми существами, как первая ими бедна. Во всех частях мира каменистый и частично защищенный берег в некотором данном пространстве дает приют, вероятно, большему числу особей животных, чем какое-нибудь другое местообитание. Одно морское растение, ввиду его важности, заслуживает особого рассмотрения. Это бурая водоросль Macrocystis pyrifera. Растение это можно найти на любом камне, начиная от нижнего уровня воды при отливе и до большой глубины как на внешнем, океанском, побережье, так и в каналах. Во время плавания кораблей «Адвенчер» и «Бигль» не было открыто, кажется, ни одной скалы близ поверхности, над которой не всплывала бы эта водоросль. Услуга, оказываемая ею таким образом судам, плавающим в этих бурных краях, очевидна — она, несомненно, не раз спасала их от крушения. Всего более меня поражает,

что эта водоросль растет и достигает огромных размеров среди сильных бурунов западного океана, которым не может долго противостоять никакая скала, как бы крепка она ни была. Стебель у нее круглый и слизистый, редко достигающий дюйма в диаметре. Несколько таких стеблей вместе настолько крепки, что выдерживают тяжесть отдельных крупных камней, прикрепляясь к которым они растут во внутренних каналах, — а между тем некоторые из камней были так тяжелы, что, подтащив камень к поверхности, один человек едва мог поднять его в шлюпку. Капитан Кук в описании своего второго путешествия говорит, что на острове Кергелен это растение поднимается с глубины более 24 фатомов; «поскольку же оно растет не вертикально вверх, а образует с поверхностью дна очень острый угол и, кроме того, значительная часть его еще раскидывается на многие фатомы по поверхности моря, то я с полным основанием скажу, что некоторые из них вырастают длиной до 60 фатомов и более». Я не думаю, чтобы стебель какого-нибудь другого растения достигал такой громадной длины, как 360 футов, о которых говорит капитан Кук. Более того, капитан Фиц-Рой нашел экземпляр этой водоросли, поднимавшийся с глубины более 45 фатомов. Заросли этой водоросли, даже когда ширина их невелика, образуют превосходные естественные плавучие волнорезы. Чрезвычайно любопытно наблюдать в какой-нибудь открытой гавани, как, проходя из открытого моря через эти беспорядочно раскинувшиеся стебли, волны очень быстро уменьшаются в вышину и переходят в гладкую поверхность.

Число живых существ всех отрядов, существование которых непосредственно зависит от этой бурой водоросли, поразительно. Можно было бы написать большой том об обитателях даже одной заросли такой водоросли. Почти все листья, за исключением тех, что плавают на поверхности, до того густо покрыты кораллинами, что снаружи совершенно белы. Мы находим здесь необыкновенно изящные постройки, из которых одни населены простыми полипами вроде гидры, а другие — более высокоорганизованными формами и пре-; красными колониальными асцидиями. К листьям прикрепляются; также различные блюдцевидные моллюски, Trochus, голые моллюски; и некоторые двустворчатые. Бесчисленные ракообразные сидят на всех частях растения. Если встряхнуть корни, из них посыплется целая куча мелкой рыбешки, моллюски, каракатица, всякого рода раки, морские ежи, морская звезда, прекрасные голотурии, планарии и ползающие нереиды огромного множества форм. Как бы часто ни обращался я вновь к ветви этой водоросли, я всякий раз неизменно открывал все новых животных любопытного строения. На Чилоэ, где эта водоросль растет не очень хорошо, многочисленные моллюски, кораллины и ракообразные отсутствуют, зато все еще остаются немногие Flustraceae и некоторые колониальные асцидии; впрочем, последние относятся уже не к тем видам, какие встречаются на Огненной Земле.

Итак, мы видим, что географическое распространение этой бурой водоросли шире, чем животных, пользующихся ею как жилищем. Эти огромные подводные леса южного полушария я могу сравнить только с наземными лесами тропических областей. И все-таки если бы в какой-нибудь стране уничтожить лес, то не думаю, чтобы при этом погибло хотя бы приблизительно такое количество видов животных, как с уничтожением этой водоросли. Среди листьев этого растения живут рыбы многих видов, которые нигде в другом месте не найдут себе ни пищи, ни убежища; с их уничтожением погибнут также многие корморан и другие питающиеся рыбой птицы, выдры, тюлени и дельфины; наконец, дикари-огнеземельцы, жалкие господа этой жалкой страны, среди которых с новой силой вспыхнут каннибальские пиршества, уменьшатся в числе и, быть может, вовсе исчезнут с лица земли.

8 июня. — Рано утром мы снялись с якоря и покинули бухту Голода. Капитан Фиц-Рой решил выйти из Магелланова пролива по недавно открытому каналу Магдалины. Путь наш лежал прямо на юг, вниз по тому мрачному проходу, о котором я упоминал выше, говоря, будто он ведет в другой, худший мир. Ветер был попутный, но стояла густая дымка, так что мы пропустили много интересных видов. Темные разорванные тучи быстро неслись через горы, окутывая их с

вершины и почти до основания. То, что мелькало в просветах этой сумрачной массы, было в высшей степени интересно: зубчатые вершины, снежные конусы, голубые ледники, резкие очертания, рисовавшиеся на бледном небе, — все это виднелось на разных расстояниях и на разной высоте. Среди такого пейзажа мы бросили якорь у мыса Поворота, близ горы Сармьенто, которая была тогда скрыта облаками. В самом низу высоких и почти отвесных берегов нашей бухточки стоял один заброшенный вигвам, и только он и напомнил нам, что и в эти безотрадные края изредка забирается человек. Но трудно вообразить себе такую картину, на фоне которой он выглядел бы более униженным и бессильным. Неодушевленные детища природы — камень, лед, снег, ветер и вода, — воюя друг с другом, но, объединяясь против человека, царствуют здесь безраздельно.

9 июня. — Утром мы с радостью увидели, что пелена тумана постепенно поднимается все выше над Сармьенто, открывая ее нашему взору. Эта гора, одна из самых высоких на Огненной Земле, достигает 6 800 футов. Подножие, примерно на одну восьмую общей высоты горы, одето сумрачными лесами, над которыми до самой вершины простираются снега. Эти громадные массы никогда не тающего снега, которым суждено лежать, кажется, до тех пор, пока будет стоять мир, представляют великолепное и даже величественное зрелище. Очертания горы были удивительно ясны и резки. Вследствие обилия света, отражаемого белой и блестящей поверхностью, ни на одной из частей горы не лежит тень, и различить можно только те линии, по которым гора граничит с небесами, отчего вся громада ее выступает необыкновенно рельефно. Несколько ледников, извиваясь, спускаются с верхнего пояса снегов вниз, к морю; их можно было бы уподобить большим замерзшим Ниагарам, и, быть может, эти водопады голубого льда ничуть не менее прекрасны, чем каскады падающей воды. К ночи мы достигли западной части канала, но вода была так глубока, что мы не нашли, где бросить якорь. Из-за этого мы вынуждены были идти в кромешной тьме вдоль берега по этому узкому морскому рукаву в продолжение четырнадцатичасовой ночи.

10 июня. — Утром мы поспешили выйти в Тихий океан. Западное побережье почти повсюду покрыто низкими, округленными, совершенно голыми холмами из гранита и зеленокаменных пород. Одну часть этого берега сэр Дж. Нарборо назвал Южным Запустением, потому что «эта земля выглядит так безотрадно и пустынно», и был совершенно прав. Со стороны моря около главных островов разбросаны бесчисленные камни, на которых не прекращает бушевать мертвая зыбь открытого океана. Мы прошли между Восточной и Западной Фуриями; несколько дальше к северу бурунов так много, что море в этом месте носит название Млечного пути. Довольно одного взгляда на такой берег, чтобы сухопутному жителю целую неделю снились кораблекрушения, опасности и смерть; и с этим впечатлением мы навсегда распростились с Огненной Землей.

Нижеследующие замечания о климате южных областей материка в связи с его естественными произведениями, о снеговой линии, о необыкновенно низком опускании ледников и о зоне вечной мерзлоты на антарктических островах всякий, кто не интересуется этими любопытными вопросами, может опустить вовсе, или же ему следует только прочесть заключительное резюме. Впрочем, я приведу здесь выдержки, будучи вынужден за подробностями отослать к тринадцатой главе первого издания этого сочинения и приложению к нему.

О климате и естественных произведениях Огненной Земли и юго-западного побережья. В центральной части Огненной Земли зимой значительно холоднее, чем в Дублине» а летом даже не менее чем на 5°. По данным фон Буха, средняя температура июля (не самого жаркого месяца в году) в Сальтенфиорде в Норвегии достигает 14°,4, а ведь это место на 13° ближе к полюсу, чем бухта Голода! Каким суровым ни кажется нам климат Огненной Земли, но на ней пышно растут вечнозеленые деревья. Под 55° ю. ш. можно видеть колибри, сосущих цветки, и попугаев, клюющих семена Drimys winteri. Я уже отмечал, в какой степени изобилует здесь море живыми существами; кроме того, моллюски (такие, как Patella, Fissurella, хитоны и морские уточки), согласно м-ру Дж.-Б. Соуэрби, здесь намного крупнее и быстрее растут, чем аналогичные виды в северном полушарии.

Крупная Voluta в изобилии встречается в южной части Огненной Земли и на Фолклендских островах. В Баия-Бланке, под 39° ю. ш., самыми распространенными моллюсками являются три вида Oliva (один из них крупный), один или два Voluta и один Terebra. Эти моллюски принадлежат к самым характерным тропическим формам. Сомнительно, чтобы хоть какой-нибудь мелкий вид Oliva существовал на южных берегах Европы, а из остальных двух родов там и вовсе нет ни одного вида. Если бы геолог нашел под 39° широты на берегу Португалии слой, содержащий во множестве раковины, принадлежащие трем видам Oliva, а также родам Voluta и Terebra, он, вероятно, заявил бы, что в период их существования климат должен был быть тропическим; но, судя по Южной Америке, мы видим, что такое заключение может быть и ошибочным.

Ровный, сырой и ветреный климат Огненной Земли лишь с небольшим повышением температуры распространяется на многие градусы вдоль западного побережья материка. На протяжении 600 миль к северу от мыса Горн леса имеют совершенно одинаковый вид. Как доказательство того, насколько ровен климат даже на 300–400 миль дальше к северу, могу отметить, что на Чилоэ (широта которого соответствует широте северных областей Испании) персик редко приносит плоды, тогда как земляника и яблоки родятся превосходно. Даже сжатый ячмень и пшеницу часто

О высоте снеговой линии и об опускании ледников в Южной Америке. — Так как высота границы вечных снегов, надо полагать, определяется скорее максимальной летней температурой, нежели среднегодовой температурой, то нечего удивляться понижению этой границы у Магелланова пролива, где лето такое холодное, до высоты всего лишь 3 500-4 000 футов над уровнем моря; в Норвегии, однако, нужно пройти до 67–70° с. ш., т. е. приблизительно на 14° ближе к полюсу, чтобы найти вечные снега на таком низком уровне. Разница в высоте снеговой линии на Кордильерах напротив Чилоэ (с самыми высокими вершинами лишь от 5 600 до 7 500 футов) и в среднем Чили (расстояние всего 9° по широте), — а именно около 9 000 футов, — поистине изумительна. Страна к югу от Чилоэ и на север почти до Консепсьона (37° широты) покрыта сплошным густым лесом, насквозь пропитанным влагой. Небо облачно, и мы видели, как плохо поспевают здесь плоды Южной Европы. С другой стороны, в среднем Чили, немного севернее Консепсьона, небо обыкновенно ясно, дождя нет в течение семи месяцев в году, и южноевропейские фрукты замечательно вызревают; здесь разводили даже сахарный тростник. Не подлежит никакому сомнению, что черта вечных снегов претерпевает упомянутый выше замечательный изгиб, поднимаясь на 9 000 футов (такого резкого изгиба не найти в других частях света) неподалеку от широты Консепсьона, где леса исчезают с поверхности страны; в Южной Америке деревья означают дождливый климат, а дожди — облачное небо и холодное лето.

Спуск ледников к морю, как мне кажется, зависит главным образом (при условии, конечно, достаточного накопления снега в верхней области) от низкого положения границы вечных снегов на крутых горах близ морского берега. Поскольку на Огненной Земле снеговая линия очень низка, то, конечно, можно было предвидеть, что многие ледники будут доходить до моря. Тем не менее, я был изумлен, увидев впервые на широте нашего Камберленда горный кряж высотой от 3 000 до 4 000 футов, в котором каждую долину заполняли потоки льда, спускающиеся к берегу моря. Почти каждый морской рукав, проникающий до внутренней, более высокой цепи, не только на Огненной Земле, но и на 650 миль к северу по побережью, заканчивается «громадными и изумительными ледниками», как характеризовал их один из офицеров, производивших съемку. С ледяных круч часто срываются огромные глыбы льда, и тогда по уединенным каналам разносится грохот, подобный бортовому залпу военного корабля. Такое падение, как уже отмечалось в предыдущей главе, рождает огромные волны, разбивающиеся о соседние берега. Известно, что часто вследствие землетрясений с обрывов на морском берегу срываются земляные глыбы; какое же ужасное действие должен оказать сильный толчок (а они здесь случаются) на такое тело, как ледник, уже находящийся в движении и изборожденный трещинами! Я легко могу поверить, что при этом в самом глубоком канале резко поднимается вода, которая затем, возвращаясь на

прежнее место, будет с сокрушительной силой кружить громадные каменные глыбы, точно соломинки. В проливе Эйри, на широте Парижа, есть огромные ледники, в то время как самая высокая гора по соседству поднимается всего на 6 200 футов. В этом проливе видели одновременно около пятидесяти айсбергов, плывших в открытый океан, и полная высота одного из них была по крайней мере 168 футов. Некоторые айсберги несли на себе весьма значительных размеров глыбы гранита и других пород, отличных от метаморфического глинистого сланца окружающих гор. Наиболее удаленный от полюса ледник, съемка которого была произведена во время плавания кораблей «Адвенчер» и «Бигль», расположен под 46°50 широты в заливе Пенас. В длину он тянется на 15 миль, в одном месте имеет 7 миль в ширину и спускается к самому берегу моря. Но даже несколькими милями севернее, в заливе Лагуна-де-Сан-Рафаэль, испанские миссионеры встречали «много айсбергов, из которых одни были велики, другие малы, а третьи средних размеров», и это в узком морском рукаве 22 числа месяца, соответствующего нашему июню, и на широте, соответствующей широте Женевского озера!

В Европе наиболее южный ледник, спускающийся к самому морю, обнаружен, согласно фон Буху, на побережье Норвегии под 67° широты. А ведь это более чем на 20° широты, или 1 230 миль, ближе к полюсу, чем Лагуна-де-Сан-Рафаэль. Нахождение ледников в этом месте и в заливе Пенас тем более поразительно, что они спускаются к морю всего лишь в 11/2 широты, или 450 милях, от гавани, где самыми распространенными моллюсками являются виды Oliva, Voluta и Terebra; всего лишь в 9° от мест, где растут пальмы; в 4° от области, где ягуар и пума рыщут по равнинам; менее чем в 2° от деревянистых злаков; наконец (если посмотреть в том же полушарии на запад), менее чем в 2° от паразитных орхидей и всего в одном градусе от древовидных папоротников!

Все эти факты представляют большой геологический интерес в связи с вопросом о климате северного полушария в тот период, когда происходил перенос валунов. Я не стану здесь подробно задерживаться на том, как просто теория переноса каменных обломков айсбергами объясняет происхождение и местонахождение гигантских валунов в восточной части Огненной Земли, на высокогорных равнинах у Санта-Крус и на острове Чилоэ. На Огненной Земле большая часть валунов лежит по линиям бывших морских каналов, превратившихся ныне, с поднятием суши, в сухие долины. Они связаны с мощной неслоистой формацией ила и песка, содержащей округленные и угловатые обломки всех размеров; формация эта образовалась в результате многократного вспахивания морского дна айсбергами, выбрасываемыми морем на берег, и отложения всего того, что они приносили с собой. Немногие из геологов сомневаются в настоящее время в том, что те эрратические валуны, которые лежат около высоких гор, были передвинуты самими ледниками, а те, что лежат далеко от гор и погребены в подводных отложениях, были перенесены туда либо на айсбергах, либо береговым льдом, в который они вмерзли. Связь между переносом валунов и присутствием льда в том или ином виде разительно обнаруживается их географическим распределением на земной поверхности. В Южной Америке их не находят дальше чем на расстоянии 48° по широте от южного полюса; в Северной Америке граница переноса валунов доходит, кажется, до 53° от северного полюса, но в Европе они отошли не дальше чем на 40° от полюса. С другой стороны, в тропическом поясе Америки, Азии и Африки они никогда не попадались; их нет также ни на Мысе Доброй Надежды, ни в Австралии.

О климате и естественных произведениях антарктических островов. — Если учесть обилие растительности на Огненной Земле и на морском побережье к северу от нее, то состояние островов к югу и к юго-востоку от Америки поистине поразительно. Земля Сандвича, лежащая на той же широте, что и северная часть Шотландии, была, по словам Кука, в самый теплый месяц в году «покрыта слоем вечного снега толщиной во много фатомов», вряд ли здесь есть хоть какая-нибудь растительность. Георгия, остров длиной в 96 миль и шириной в 10 миль, на широте Йоркшира, «в самый разгар лета почти сплошь покрыт мерзлым снегом». Он только и может похвастать что мхом, какими-то пучками травы да диким бедренцом; тут есть только одна птица (Anthus correndera), между тем в Исландии,

расположенной на 10° ближе к полюсу, водится, по данным Макензи, 15 наземных птиц. На Южно-Шетландских островах, лежащих на одной широте с южной половиной Норвегии, растут лишь некоторые лишайники, мох да немного травы; лейтенант Кендалл рассказывает, что бухта, в которой стоял на якоре его корабль, начала замерзать в день, соответствующий нашему 8 сентября. Почва тут состоит из перемежающихся пластов льда и вулканического пепла и на небольшой глубине под поверхностью, должно быть, постоянно остается замерзшей, потому что лейтенант Кендалл нашел в ней давно похороненное тело какого-то иностранного моряка, у которого полностью сохранились все мягкие части тела и черты лица. Замечательно, что на двух больших материках северного полушария (но не на расчлененной суше Европы между ними) пояс вечно-мерзлой подпочвы лежит в низких широтах, а именно в Северной Америке, под 56°, на глубине 3 футов, а в Сибири, под 62°, на глубине от 12 до 15 футов, и это происходит в результате положения вещей, прямо противоположного тому, которое имеет место в южном полушарии. На северных материках излучение с обширной поверхности суши при ясном небе делает зиму чрезвычайно холодной, и ее не смягчают даже теплые морские течения; наоборот, короткое лето отличается высокой температурой. В Южном океане зима не столь холодна, зато и лето гораздо менее теплое, потому что облачное небо редко позволяет солнцу согревать океан, сам по себе плохо поглощающий тепло; из-за всего этого среднегодовая температура, определяющая пояс вечномерзлой подпочвы, низка. Очевидно, что обильная растительность, которая требует не столько тепла, сколько защиты от холода, гораздо ближе подходит к поясу вечной мерзлоты в ровном климате южного полушария, нежели в континентальном климате северных материков.

Факт полной сохранности тела моряка в мерзлой почве Южно-Шетландских островов (62–63° ю. ш.) на широте более низкой, чем та, на которой Паллас нашел в Сибири замерзшего носорога (64° с. ш.), представляет большой интерес. Несмотря на ошибочность, как я пытался доказать в одной из предыдущих глав, предположения, будто крупным четвероногим для поддержания их существования требуется пышная растительность, открытие мерзлой подпочвы на Южно-Шетландских островах, в 360 милях от одетых лесом островов около мыса Горн, где, поскольку дело касается массы растительности, могло бы прокормиться какое угодно количество крупных четвероногих, — факт все-таки важный. Полная сохранность трупов сибирских слонов и носорогов, безусловно, один из самых поразительных фактов в геологии; но независимо от мнимой трудности, возникающей в связи с тем, что эти животные должны были якобы добывать себе пищу в соседних странах, весь вопрос в целом не кажется мне таким сложным, как то обыкновенно представляют. Равнины Сибири подобно пампасам образовались, по-видимому, на дне моря, куда реки заносили тела многих животных; от большинства из них уцелели только скелеты, но от некоторых полностью сохранились трупы. В настоящее время известно, что в мелких морях на северном побережье Америки промерзает самое дно, оттаивая весной позже поверхности земли; более того, на большей глубине, где морское дно не замерзает, ил на глубине нескольких футов под верхним слоем может даже летом сохранять температуру ниже нуля, как то происходит на суше с почвой на глубине нескольких футов. На еще больших глубинах температура ила и воды, вероятно, недостаточно низка, чтобы сохранять мягкие ткани тела от разложения, и потому от трупов, которые занесло дальше мелких мест около арктического побережья, должны были остаться одни только скелеты; действительно, в крайних северных областях Сибири кости встречаются в несметном количестве, так что, говорят, из них чуть ли не образуются целые островки, которые, кстати, лежат не менее чем на 10° севернее того места, где Паллас нашел замерзшего носорога. С другой стороны, труп, принесенный течением в мелководную часть Северного Полярного моря, может сохраняться неопределенно долгий срок, если вскоре после того его занесет слоем ила, достаточно толстым, чтобы воспрепятствовать проникновению тепла летней воды; когда же морское дно поднимется и превратится в сушу, покров должен быть достаточно толст, чтобы воспрепятствовать теплу летнего воздуха и солнца прогреть и попортить труп.

Краткое резюме. — Перечислю вкратце основные факты относительно климата,

действия льда и органических произведений южного полушария, перенося в воображении места действия в Европу, с которой мы знакомы гораздо лучше. Итак, около Лиссабона самые распространенные там морские моллюски, а именно три вида Oliva, один Voluta и один Terebra, носят тропический характер. Южные провинции Франции сплошь покрыты великолепными лесами, в которых деревья переплетены с деревянистыми злаками и опутаны паразитными растениями. Пума и ягуар рыщут на Пиренеях. На широте Монблана, но на острове, столь же удаленном к западу, как центральная часть Северной Америки, среди густых лесов буйно растут древовидные папоротники и паразитные орхидеи. Даже так далеко на севере, как в средней Дании, можно увидеть колибри, порхающих над нежными цветками, и попугаев, отыскивающих себе пищу среди вечнозеленых лесов; там же в море живет одна Voluta, а также все быстрорастущие моллюски крупных размеров. И, тем не менее, на некоторых островах, всего в 360 милях к северу от нашего мыса Горн в Дании, сохраняется в вечной мерзлоте труп, похороненный в земле (или занесенный в мелкое море и покрывшийся илом). Если какой-нибудь отважный мореплаватель попытается проникнуть севернее этих островов, его встретят тысячи опасностей среди гигантских айсбергов, и на некоторых из них он увидит огромные глыбы камня, унесенные далеко от их первоначального местонахождения. Другой большой остров на широте южной Шотландии, но вдвое дальше на запад «почти сплошь покрыт вечным снегом», а в глубине каждой его бухты с ледяных круч за год срываются громадные количества льда; этот остров может похвастать лишь мхом, травой да бедренцом, а единственным сухопутным его обитателем является щеврица. От нашего нового мыса Горн в Дании протянулась прямо на юг горная цепь высотой едва в половину Альп, и на западной ее стороне каждый глубокий и узкий морской залив, или фиорд, заканчивается «громадными и изумительными ледниками». По этим уединенным каналам часто разносится грохот Падающего льда, и каждый раз при этом огромные волны устремляются вдоль их берегов; многочисленные айсберги, некоторые вышиной с собор и несущие на себе иногда «весьма значительные каменные глыбы», застревают на окрестных островках; время от времени жестокие землетрясения сбрасывают громадные ледяные глыбы в воду. Наконец, какие-нибудь миссионеры, пытаясь пробраться по длинному морскому рукаву, видят вокруг невысокие горы, низвергающие многочисленные и грандиозные ледяные потоки к самому морю, а дальнейшему их продвижению на лодках препятствуют бесчисленные плавучие айсберги, большие и малые; и это происходит 22 июня там, где ныне раскинулось Женевское озеро!

Глава XII СРЕДНЕЕ ЧИЛИ

Вальпараисо

Экскурсия к подножию Анд

Строение местности

Восхождение на Колокольную гору Кильоты

Раздробленные глыбы зеленокаменной породы

Громадные долины

Рудники

Положение горняков

Сант-Яго

Каукнесские горячие воды

Золотые прииски

Мельницы, для руды

Продырявленные камни

Повадки пумы

Тюрко и тапаколо

Колибри

23 июля. — Поздней ночью «Бигль» бросил якорь в заливе Вальпараисо — главном морском порте Чили. С наступлением утра все показалось нам восхитительным. После Огненной Земли климат Вальпараисо был просто чудесен: воздух такой сухой, небо ясное и синее, солнце сияет так ярко, что кажется, будто жизнь так и брызжет отовсюду. С якорной стоянки открывается прелестный вид. Город выстроен у самого подножия цепи довольно крутых холмов вышиной около 1 600 футов. Из-за такого расположения он состоит из одной длинной, широко раскинувшейся улицы, идущей параллельно берегу, и каждый раз, когда по дороге встречается овраг, дома громоздятся по обоим его склонам. Округленные холмы, лишь частично покрытые очень скудной растительностью, изрыты бесчисленными лощинками, в которых обнажается необыкновенно яркого красного цвета почва. Все это, а также низенькие выбеленные дома с черепичными крышами вызвали в моей памяти Сайта-Крус на Тенерифе.

В северо-восточном направлении кое-где отчетливо виднеются Анды; но с

окрестных холмов эти горы кажутся гораздо более величественными: оттуда лучше ощущается то огромное расстояние, на котором они находятся. Особенно великолепен вулкан Аконкагуа. Эта неправильная коническая громада поднимается выше Чимборасо; согласно измерениям, выполненным офицерами на «Бигле», высота ее не меньше 23 000 футов. Впрочем, рассматриваемые отсюда, Кордильеры большей частью своей красоты обязаны особенностям здешнего воздуха. Когда солнце опускалось в Тихий океан, чудесно было наблюдать, как четко рисовались их суровые очертания и как разнообразны и нежны при этом были их оттенки.

Я имел счастье встретить своего старого школьного товарища и друга м-ра Ричарда Корфилда, который жил здесь, и благодаря его гостеприимству и доброте я прожил в прекрасных условиях все то время, пока «Бигль» оставался в Чили. Непосредственные окрестности Вальпараисо не очень занимательны для натуралиста. В продолжение долгого лета ветер дует все время с юга и проносится мимо берега, так что дождей нет вовсе; зато за три зимних месяца дождей выпадает достаточно много. Растительность поэтому очень скудна: деревьев нет нигде, за исключением нескольких глубоких долин, и лишь немного травы да низких кустарников разбросано по наименее крутым местам на холмах. Если вспомнить о том, что в 350 милях к югу вся эта сторона Анд покрыта сплошным непроходимым лесом, то контраст покажется весьма замечательным. Я предпринял несколько далеких прогулок, во время которых собирал естественно-исторические объекты. Прогулки в этих местах приятны. Здесь растет много прекрасных цветов, и, как почти повсюду, где климат сух, каждое растение имеет сильный и своеобразный запах, так что даже платье, когда пробираешься сквозь заросли, начинает пахнуть. Я никак не мог привыкнуть к тому, что каждый день погода была такая же ясная, как и накануне. Какую перемену производит климат в расположении духа! Как противоположны чувства, возбуждаемые, с одной стороны, видом черных гор, наполовину окутанных тучами, а с другой — хребта, виднеющегося сквозь легкую голубую дымку ясного дня! Первый вид некоторое время может казаться величественным, но во втором — само веселье и счастье жизни.

14 августа. — Я совершил экскурсию верхом с целью произвести геологическое исследование подножий Анд, которые одни только в это время года не занесены зимним снегом. В первый день мы ехали к северу, вдоль берега моря. Уже стемнело, когда мы добрались до гасьенды [усадьбы] Кинтеро — поместья, принадлежавшего прежде лорду Кокрену. Я заехал сюда, чтобы взглянуть на обширные пласты раковин, лежащие на высоте нескольких ярдов над уровнем моря; их обжигают для получения извести. Доказательства поднятия всего этого побережья неоспоримы: старые раковины во множестве попадаются на высоте нескольких сот футов, а некоторые я находил и на уровне 1 300 футов. Раковины эти либо рассыпаны по поверхности, либо залегают в красновато-черном растительном слое почвы. Я был очень удивлен, увидев под микроскопом, что этот растительный слой не что иное, как морской ил, изобилующий крошечными частицами органических тел.

15 августа. — Мы возвращались по направлению к долине Кильота. Местность была необыкновенно приятная, точь-в-точь такая, какую поэты назвали бы пасторальной: открытые зеленые лужайки, между которыми лежали маленькие долинки с ручейками, да домики, быть может и в самом деле пастушьи, разбросанные по склонам холмов. Нам пришлось перейти через кряж Чиликаукен. У подножия его много красивых вечнозеленых деревьев, но пышно растут они только в лощинах, где течет вода. Кто видел лишь окрестности Вальпараисо, никогда и представить не мог бы себе, что в Чили есть такие живописные места. Как только мы добрались до гребня Сьерры, долина Кильота оказалась прямо под ногами у нас. Вид представлял собой замечательный образец роскоши, созданной человеческими руками. Долина очень широкая и совсем плоская, так что ее повсюду легко орошать. Небольшие прямоугольные сады изобилуют апельсинными и оливковыми деревьями, а также различными видами овощей. Со всех сторон возвышаются громадные обнаженные горы, и благодаря такому контрасту эта как

бы лоскутная долина кажется еще приятнее. Тот, кто дал название «Вальпараисо» — «райская долина», имел, должно быть, в виду Кильоту. Мы спустились к гасьенде де-Сан-Исидро, расположенной у самой подошвы Колокольной горы.

Чили, как то видно по картам, представляет собой узкую полосу земли между Кордильерами и Тихим океаном; эту полосу перерезает еще несколько горных цепей, которые проходят здесь параллельно главному хребту. Между внешними цепями и главным хребтом Кордильер далеко на юг тянется ряд плоских котловин, обыкновенно сообщающихся между собой узкими проходами; в этих-то котловинах и расположены главные города — Сан-Фелипе, Сантьяго, Сан-Фернандо. Котловины, или равнины, вместе с поперечными плоскими долинами (вроде долины Кильота), соединяющими первые с побережьем, без сомнения, представляют собой дно древних узких заливов и глубоких бухт, таких, какие в настоящее время пересекают во всех направлениях Огненную Землю и западное побережье. Конфигурацией суши и воды Чили некогда походило, должно быть, на Огненную Землю. Это сходство оказывалось иногда совершенно разительным: когда слой густого тумана окутывал, точно мантия, все низкие участки местности, клубящийся в лощинах белый пар прекрасно изображал маленькие бухты и заливы; там и сям выглядывал одинокий пригорок, показывая, что некогда он представлял собой островок. Контраст между этими плоскими долинами и котловинами, с одной стороны, и причудливой формы горами — с другой, придавал пейзажу новый для меня и очень интересный характер.

Благодаря естественному наклону этих равнин к морю они очень легко орошаются и потому исключительно плодородны. Не будь орошения, земля вряд ли производила бы хоть что-нибудь, ибо небо на протяжении всего лета безоблачно. Горы и холмы покрыты отдельными кустиками и низкими деревцами, в остальном же растительность очень скудна. Каждому, кто владеет землей в долине, принадлежит еще и определенный участок земли в горах, где многочисленные стада коров умудряются отыскивать себе достаточно подножного корма. Раз в год устраивается большое родео, когда весь скот сгоняют вниз, подсчитывают, клеймят и отделяют некоторое количество для откорма на орошаемых полях. Здесь большие площади засевают пшеницей, много разводят и маиса; впрочем, основной предмет питания простых рабочих — одна разновидность бобов. Фруктовые сады в необыкновенном изобилии приносят персики, инжир и виноград. При всех этих богатствах жители страны должны были бы жить гораздо лучше, чем живут они на самом деле.

16 августа. — Управитель гасьенды был так добр, что дал мне проводника и свежих лошадей, и утром мы выступили, чтобы совершить восхождение на Кампану, или Колокольную гору, высотой 6 400 футов. Тропинки были очень скверные, но геология местности и пейзажи щедро вознаграждали за труды. К вечеру мы достигли ключа под названием Агуа-дель-Гуанако, расположенного на большой высоте. Название это, должно быть, старинное, потому что прошло уж очень много лет с тех пор, как гуанако пил тут воду. Во время восхождения я заметил, что на северном склоне не росло ничего, кроме кустарников, тогда как на южном вырос бамбук около 15 футов высотой. Кое-где были и пальмы, и я с изумлением заметил одну из них на высоте не менее 4 500 футов. Пальмы эти по сравнению с другими видами семейства — деревья безобразные. Ствол их очень велик и какой-то странной формы: посредине он толще, чем у основания и у верхушки. Они чрезвычайно многочисленны в некоторых частях Чили и ценятся, так как из их сока приготовляют что-то вроде патоки. В одном поместье около Петорки их попытались сосчитать, но, насчитав несколько сот тысяч, бросили счет. Каждый год ранней весной, в августе, очень много деревьев вырубают и, когда ствол уже лежит на земле, срезают лиственную крону. Тогда из верхнего конца сразу же начинает течь сок и течет непрерывно в продолжение нескольких месяцев; необходимо, однако, каждое утро на этом верхнем конце делать тонкий срез, чтобы обнажить свежую поверхность. Хорошее дерево дает 90 галлонов [400 литров], и все это количество должно заключаться в сосудах сухого на вид ствола. Говорят, что сок течет гораздо быстрее в те дни, когда солнце жарко печет; говорят еще, что, когда валишь дерево, нужно обратить внимание на то, чтобы оно

упало вверх по склону холма, ибо если оно упадет вниз по склону, сок не потечет, хотя можно было бы решить, что в этом случае сила тяжести, вместо того чтобы препятствовать, будет помогать течению сока. Сок сгущается кипячением, и тогда его называют патокой, которую он сильно напоминает вкусом.

Мы расседлали лошадей около ключа и приготовились к ночлегу. Вечер был ясный, и воздух был так прозрачен, что мачты судов, стоявших на якоре в бухте Вальпараисо, отчетливо рисовались в виде маленьких черных черточек, несмотря на то, что расстояние было не менее 26 географических миль. Корабль, огибавший мыс под парусами, казался ярким белым пятнышком. Ансон, повествуя о своем путешествии, выражает сильное удивление по поводу Того расстояния, с которого его суда были замечены на берегу; но он не учел ни высоты местности, ни замечательной прозрачности воздуха.

Закат солнца был чудесный: в долинах уже было темно, тогда как снежные пики Анд еще сохраняли рубиново-красный оттенок. Когда стемнело, мы развели костер под сенью маленькой бамбуковой беседки, изжарили чарки (полоски сушеной говядины), выпили мате и чувствовали себя превосходно. Есть какая-то невыразимая прелесть в такой жизни на открытом воздухе. Вечер был безветренный, тихий; только изредка слышался пронзительный крик горной вискаши да слабый возглас козодоя. Кроме них немного еще птиц и насекомых водится в этих безводных, выжженных солнцем горах.

17 августа. — Утром мы вскарабкались на несглаженный массив зеленокаменной породы, венчавший вершину горы. Эта порода, как то часто бывает, сильно растрескалась и была раздроблена на громадные угловатые глыбы. Я заметил, между прочим, одно любопытное обстоятельство, а именно, что многие поверхности были самой разнообразной свежести: одни выглядели так, как будто образовались лишь вчера, тогда как другие были покрыты лишайниками, которые либо только что начали расти, либо росли уже давно. Все это, как я был вполне убежден, было вызвано частыми землетрясениями, и потому мне хотелось поменьше задерживаться под каждым из таких отделившихся от породы нагромождений камней. Так как подобного рода факты могут легко ввести в заблуждение, то я сомневался в правильности своего заключения, пока не поднялся на гору Веллингтон на Вандименовой Земле, где землетрясений не бывает; здесь я увидел, что вершина этой горы сложена таким же образом и так же растрескалась, но казалось, будто каменные глыбы были приведены в их настоящее положение тысячи лет назад.

Мы провели весь день на вершине, и я получил такое наслаждение, как никогда. Чили, ограниченное Андами и Тихим океаном, было видно, как на карте. Удовольствие, которое доставлял пейзаж, уже сам по себе прекрасный, еще более усиливалось теми мыслями, которые будил один только вид хребта Кампана с меньшими хребтами, ему параллельными, и широкой долиной Кильота, пересекавшей их под прямым углом. Кто может остаться невозмутимым при мысли о той силе, которая подняла эти горы, а тем более при мысли о тех бесчисленных веках, которые понадобились, чтобы пробить, сдвинуть и выровнять всю их громаду? Здесь уместно вспомнить необъятные слои галечника и осадочные слои Патагонии, которые, будучи нагромождены на Кордильеры, увеличили бы их высоту на многие тысячи футов. В Патагонии я поражался, как может какая-нибудь горная цепь отделить от себя такие огромные массы, не исчезнув с лица земли. Но теперь уже больше не к чему удивляться и сомневаться в том, может ли всемогущее время истереть горы, даже такие гигантские, как Кордильеры, в гравий и ил.

Вид Анд был не такой, как я ожидал. Нижняя граница снега была, конечно, горизонтальна, и гладкие вершины хребта, казалось, шли совершенно параллельно ей. Только через длинные промежутки группа остроконечных вершин или одинокий конус показывали, что здесь был или же и теперь существует вулкан. Поэтому хребет походил на огромную сплошную стену, там и сям увенчанную башнями и служащую стране надежной оградой.

Поиски золота привели к тому, что гора почти повсюду пробуравлена, — вследствие повального увлечения рудоискательством в Чили вряд ли осталось хоть одно необследованное место. Вечер я провел, как и накануне, беседуя у костра со своими двумя спутниками. Чилийские гуасо соответствуют пампасским гаучосам, но это уже совсем не те люди. Из этих двух стран Чили — более цивилизованная, и потому здешние жители утратили многие из своих индивидуальных черт. Общественные различия здесь проявляются гораздо сильнее: гуасо никак не может считать, что каждый человек ему ровня, и я был поражен, увидев, что мои спутники неохотно едят со мной. Это чувство неравенства — необходимое следствие существования аристократии богатства. Говорят, что несколько крупнейших землевладельцев получают от 5 до 10 тысяч фунтов стерлингов в год — имущественное неравенство, какое, мне кажется, не встречается ни в одной скотоводческой стране к востоку от Анд. Путешественник не встречает здесь того безграничного гостеприимства, которое отвергает всякую плату, но вместе с тем предлагается с таким доброжелательством, что его принимаешь со спокойной совестью. В Чили вас почти в каждый дом пустят переночевать, но наутро ожидают получить какую-нибудь безделицу; даже богатый человек возьмет два или три шиллинга. Гаучо, хоть он и способен перерезать человеку горло, — джентльмен; гуасо в некоторых отношениях лучше, но в то же время это простой и грубый малый. Эти два человека, хоть они и занимаются в общем одним и тем же, различны по своим привычкам и наряду, и особенности каждого из них характерны для всей его страны. Гаучо как будто составляет часть своей лошади и презирает всякую работу, которую не приходится исполнять верхом, гуасо же может работать наемным рабочим на полях. Первый ест одну только животную пищу, второй — почти одну растительную. Здесь мы не увидим белых сапог, широких штанов и ярко-красных чилипа — живописного костюма пампасов. Здесь обыкновенные брюки засовываются за черные и зеленые шерстяные штиблеты. Пончо, впрочем, носят и тут, и там. Главную гордость гуасо составляют его нелепо большие шпоры. Я измерил одну, и оказалось, что колесико имеет 6 дюймов в диаметре, а на самом колесике свыше 30 шипиков. Стремена — таких же масштабов; каждое вырезано из прямоугольного куска дерева, выдолбленного, но все-таки весом в 4 фунта [ок. 1,5 кг]. Гуасо, быть может, лучше владеет лассо, чем гаучо, но в силу характера его страны он незнаком с употреблением боласов.

18 августа. — Мы спустились с горы и миновали несколько красивых мест с ручейками и прекрасными деревьями. Переночевав в той же гасьенде, что и раньше, в продолжение следующих двух дней мы ехали вверх по долине и проехали через Кильоту, которая больше похожа на ряд древесных питомников, нежели на город. Фруктовые сады были прекрасны — одна сплошная масса цветов персика. В одном или двух местах я видел также финиковую пальму; это удивительно величавое дерево, и, мне кажется, группа этих деревьев у себя на родине, в азиатской или африканской пустыне, должна быть совершенно великолепна. Мы проехали также Сан-Фелипе, хорошенький разбросанный городок вроде Кильоты. Долина в этом месте расширяется в одну из тех больших бухт или равнин, доходящих до подножия Кордильер, о которых я говорил, что они составляют такую любопытную деталь чилийского ландшафта. Вечером мы добрались до рудников Хахуэль, расположенных в ущелье, по склону главного хребта. Я пробыл здесь пять дней. Мой хозяин, управляющий рудника, был неглупый, но весьма невежественный корнуэлльский горняк. Он женился на испанке и не думал возвращаться на родину; но его восхищение рудниками Корнуэлла было по-прежнему беспредельно. Среди многих других вопросов он задал мне следующий: «Ну, вот, Георг Рекс умер, много ли еще осталось в живых из семейства Рексов?» Этот Rex, несомненно, приходится сродни великому писателю Finis, сочинившему все книги!

Рудники здесь медные, и руду всю отправляют морем в Суонси, где ее плавят. Поэтому рудники тут имеют необыкновенно спокойный вид по сравнению с английскими: ни дым, ни печи, ни громадные паровые машины не нарушают одиночества окрестных гор.

Чилийское правительство, или, вернее, старый испанский закон, всячески

поощряет разведку рудных залежей. Нашедший руду может разрабатывать ее в любом месте, уплатив только 5 шиллингов; но, даже прежде чем заплатить, он может производить пробную разработку — даже в чужом саду — в продолжение двадцати дней.

Известно, что чилийский способ добычи руды — самый дешевый. Мой хозяин говорил, что два главных усовершенствования, введенные иностранцами, состоят в следующем: во-первых, в восстановлении — путем предварительного обжига — медных колчеданов, являющихся, кстати, обыкновенной рудой в Корнуэлле, так что английские горняки, приезжая сюда, поражались, что их выбрасывают как бесполезные; во-вторых, в измельчении и промывке шлаков из старых печей, благодаря чему извлекается большое количество частиц металла. Я действительно видел мулов, перевозивших к берегу моря груз таких шлаков для отправки в Англию. Первое, однако, гораздо любопытнее. Чилийские горняки были до того убеждены, что в медных колчеданах не содержится ни одной частицы меди, что смеялись над невежеством англичан; те смеялись в свою очередь и за несколько долларов скупали самые богатые жилы. Чрезвычайно странно, что в стране, где добычей руд широко занимаются уже много лет, так и не был открыт такой простой способ удаления серы перед плавкой, как слабый обжиг руды. Известные усовершенствования были введены в простейших машинах, но даже и по сей день на некоторых рудниках воду выносят из шахты в кожаных мешках.

Труд рабочих очень тяжел. Им дают мало времени на еду, и летом и зимой они начинают работу с рассветом и кончают с темнотой. Им платят фунт стерлингов в месяц и кормят: на завтрак дают шестнадцать фиг и два маленьких хлебца, на обед — вареные бобы, на ужин — толченые и жареные пшеничные зерна. Им едва ли случается поесть мяса, ибо на 12 фунтов стерлингов в год им приходится одеваться и содержать семью. Горняки, работающие в самом руднике, получают 25 шиллингов в месяц, и им дают немного чарки. Но эти люди возвращаются из своих мрачных помещений домой только раз в две-три недели.

Во время моего пребывания здесь я получил много удовольствия, карабкаясь по этим громадным горам. Геология их, как и можно было ожидать, оказалась очень интересной. Растрескавшиеся, обожженные горные породы, прорезанные бесчисленными зеленокаменными дайками, свидетельствовали о бурном прошлом этих мест. Пейзаж был почти такой же, как близ Колокольной горы Кильоты, — сухие, обнаженные горы, на которых лишь кое-где росли отдельные кустики со скудной листвой. Кактусы, или, вернее, опунции, здесь весьма многочисленны3. Я измерил один из них, шаровидной формы: вместе с колючками он имел 6 футов 4 дюйма в окружности. Высота обыкновенного цилиндрического ветвистого вида — от 12 до 15 футов, а ветви имеют в обхвате (вместе с колючками) от 3 до 4 футов.

Сильный снегопад в горах в течение последних двух дней не позволил мне совершить кое-какие интересные экскурсии. Я попробовал пробраться к одному озеру, которое жители по каким-то непонятным соображениям считают морским рукавом. Во время одной сильной засухи предложили попробовать прорыть канал от него для снабжения окрестностей водой, но патеры, посовещавшись, объявили, что это слишком опасно, ибо если, как полагают, озеро соединено с Тихим океаном, то может затопить все Чили. Мы поднялись на большую высоту, но завязли в снежных сугробах и не только не сумели добраться до чудесного озера, но и с трудом вернулись. Я думал, что мы потеряем своих лошадей, потому что никак нельзя было угадать глубину сугробов, и животные, когда их вели, могли передвигаться только прыжками. Темное небо показывало, что собирается новая метель, и потому мы немало обрадовались, оказавшись внизу. К тому времени, когда мы добрались до подножия, началась вьюга, и счастье для нас, что это не произошло тремя часами раньше.

26 августа. — Мы покинули Хахуэль и снова пересекли котловину Сан-Фелипе. День был настоящий чилийский, ослепительно яркий, и воздух был совершенно прозрачен. Толстый и равномерный покров вновь выпавшего снега сообщал вулкану Аконкагуа и главной цепи великолепный вид. Теперь мы были на пути в Сантьяго, столицу Чили. Мы перевалили через Серро-дель-Тальгуэн и

переночевали в маленьком ранчо. Хозяин, толкуя о положении Чили по сравнению с другими странами, был очень скромен: «Кто видит обоими глазами, кто одним, но Чили не видит, я думаю, ни одним».

27 августа. — Перебравшись через множество низких холмов, мы спустились в маленькую закрытую долину Гитрон. В котловинах, расположенных подобно этой на высоте от одной до двух тысяч футов над уровнем моря, растут во множестве два вида акации, оба низкорослые и сильно отличающиеся друг от друга. Эти деревья никогда не встречаются поблизости от моря и составляют еще одну характерную особенность пейзажа котловин. Мы перебрались через низкий кряж, отделяющий Гитрон от большой равнины, на которой стоит Сантьяго. Отсюда открывался поразительный вид: совершенно гладкая поверхность, местами покрытая зарослями акации, и город вдали, расположенный горизонтально у самого подножия Анд, снежные пики которых сверкали в вечернем солнце. Уже с первого взгляда на эту картину совершенно очевидно, что равнина некогда представляла собой внутреннее море. Выехав на ровную дорогу, мы сразу же пустили лошадей галопом и добрались до города засветло.

В Сантьяго я пробыл неделю и прекрасно провел время. По утрам я ездил по разным местам на равнине, а вечером обедал с несколькими английскими купцами, чье гостеприимство в этом городе хорошо известно. Мне неизменно доставляло удовольствие подниматься на небольшой каменистый холм (Санта-Лусия), возвышающийся посредине города. Открывающийся с него вид совершенно изумителен и, как я уже говорил, очень своеобразен. Мне рассказывали, что такой же точно характер имеют города обширного Мексиканского плоскогорья. О самом городе не могу сказать ничего особенного: он не так красив и не так велик, как Буэнос-Айрес, но построен по тому же образцу. Я приехал сюда объездом с севера, а потому решил вернуться в Вальпараисо, свернув на юг от прямой дороги, т. е. несколько более длинным путем.

5 сентября. — В середине дня мы подъехали к одному из висячих мостов из сыромятной кожи, переброшенных через Майпу, большую бурливую реку в нескольких лье к югу от Сантьяго. Эти мосты — прескверная штука. Настил, следующий изгибу висячих канатов, сооружен из связок прутьев, лежащих вплотную одна к другой. В нем было много дыр, и весь мост довольно страшно качался даже под тяжестью человека, ведущего за собой лошадь. Вечером мы добрались до уютной фермы, где было несколько очень хорошеньких сеньорит. Они пришли в ужас, когда я зашел в одну из их церквей — просто из любопытства. Они спросили меня: «Почему вы не перейдете в христианство — ведь наша вера истинная?» Я уверяя их, что я тоже своего рода христианин, но они и слышать этого не хотели, ссылаясь на мои собственные слова: «Разве ваши патеры, даже ваши епископы не женаты?» Представление о женатом епископе казалось им особенно абсурдным, и они не знали, потешаться ли над подобной чудовищностью или ужасаться ей.

6 сентября. — Мы поехали прямо на юг и ночевали в Ранкагуа. Дорога шла гладкий, но узкой равниной, ограниченной с одной стороны высокими холмами, а с другой — Кордильерами. На следующий день мы поднялись по долине Рио-Качапуаль, в которой расположены горячие Каукенесские воды, издавна прославленные своими целебными свойствами. Висячие мосты в менее посещаемых местах обыкновенно снимаются на зимнее время, когда реки мелководны. Так обстояло дело и в этой долине, и потому нам пришлось переправляться через поток верхом. Это довольно неприятно, так как бурлящая вода, хоть она и неглубока, течет по своему руслу из больших окатанных камней до того быстро, что кружится голова, и трудно даже понять, движется ли лошадь вперед или стоит на месте. Летом, когда тают снега, переправиться через потоки нет никакой возможности: их сила и ярость тогда особенно велики, и это ясно видно по тем следам, которые они оставляют. Мы приехали к водам вечером и пробыли там пять дней, причем последние два дня нас задержал сильный дождь. Постройки представляют собой прямоугольник из жалких лачуг, в каждой из которых имеется по одному столу да скамье. Они расположены в узкой и глубокой

долине, совсем близко от главного хребта Кордильер. Это — мирное, уединенное местечко, в котором много дикой красоты.

Минеральные источники Каукенеса пробиваются по линии смещения, пересекающей массив слоистой породы, которая в целом носит на себе следы действия высокой температуры. Через те же отверстия вместе с водой постоянно выделяется значительное количество газа. Хотя источники отстоят всего на несколько ярдов один от другого, температура их совершенно различна, что обусловлено, по-видимому, неодинаковым количеством примешивающейся холодной воды, ибо те, температура которых ниже всего, почти не имеют минерального вкуса. После большого землетрясения 1822 г. источники иссякли, и вода не возвращалась почти целый год. На них сильно отразилось также землетрясение 1835 г.: температура их внезапно понизилась с 48 до 33 °. Представляется вероятным, что на минеральных водах, поднимающихся из недр земли, подземные возмущения всегда сказываются сильнее, чем на тех, что лежат ближе к поверхности. Человек, которому был поручен надзор за водами, уверял меня, что летом вода теплее и течет обильнее, чем зимой. Первое обстоятельство я мог предвидеть: оно объясняется меньшей примесью холодной воды в сухое время года; второе же утверждение кажется очень странным и противоречивым. Сезонную прибыль воды летом, когда дождей совсем нет, можно отнести, я полагаю, лишь за счет таяния снегов; но горы, покрытые снегом в этом время года, находятся в трех-четырех лье от источников. У меня нет оснований сомневаться в точности сведений, сообщенных мне смотрителем, который, прожив в этом месте несколько лет, должен был быть хорошо знаком с этим обстоятельством, — безусловно очень любопытно, если только оно верно; но тогда мы должны предположить, что снеговая вода, пройдя сквозь губчатые пласты к областям 'высокой температуры, вновь выбрасывается на поверхность по линии смещенных и инъицированных пород в Каукенесе; правильная же повторяемость явления указывает, по-видимому, на то, что в этом районе нагретые породы лежат не очень глубоко.

Однажды я поехал вверх по долине к самому крайнему населенному пункту. Немного повыше Качапуаль разделяется на два глубоких громадных ущелья, проникающих непосредственно в главный хребет. Я вскарабкался на остроконечную гору, вероятно выше 6 000 футов. Здесь, как, впрочем, и повсюду, открывались интереснейшие картины. По одному из этих самых ущелий пробрался в Чили и опустошил окрестности Пинчейра, тот самый человек, чье нападение на эстансию на Рио-Негро я описал выше. Этот перебежчик полуиспанского происхождения собрал большой отряд индейцев и обосновался в пампасах, на одной речке, которую высылавшиеся не раз против него войска так и не сумели найти. С этого места он обыкновенно и совершал вылазки и, переходя Кордильеры по неизведанным до него проходам, разорял фермы и угонял скот к своему тайному сборному пункту. Пинчейра был превосходным наездником, и такими же наездниками он заставил сделаться всех, кто его окружал, потому что неизменно убивал каждого, кто не поспевал следовать за ним. Против этого-то человека и других кочевых индейских племен вел войну на истребление Росас.

13 сентября. — Мы покинули Каукенесскиё воды и, вернувшись на большую дорогу, ночевали на Рио-Кларо. Отсюда мы поехали к городу Сан-Фернандо. Последняя закрытая котловина на пути к городу, расширившись, перешла в обширную равнину, простиравшуюся так далеко к югу, что далекие снежные вершины Анд виднелись как будто над морским горизонтом. Сан-Фернандо лежит в 40 лье от Сантьяго; это была крайняя южная точка моего маршрута, ибо мы повернули здесь под прямым углом, прямо к морю. Ночевали мы на золотых приисках Якиль, разрабатываемых м-ром Никсоном, американцем, которому я очень обязан за любезность, проявленную ко мне за четыре дня моего пребывания в его доме. На следующее утро мы поехали на прииски, расположенные на расстоянии нескольких лье, близ вершины высокого холма. По дороге мы мельком видели озеро Тагуатагуа, знаменитое своими плавучими островами, которые описаны г-ном Гэ. Они состоят из переплетенных между собой стеблей различных мертвых растений, на поверхности которых пускают корни другие, живые

растения. Они обыкновенно круглой формы, толщиной от 4 до 6 футов, причем большая часть погружена в воду. Когда дует ветер, они движутся от одного конца озера к другому, часто перевозя в качестве пассажиров коров и лошадей.

Когда мы приехали на прииски, меня поразила бледность многих рабочих, и я осведомился у м-ра Никсона об их положении. Рудник имеет 450 футов в глубину, и каждый рабочий выносит наверх около 200 фунтов [90 кг] породы за один раз. С такой ношей им приходится взбираться по ступенькам, которые вырублены в два ряда на древесных стволах, расположенных зигзагообразно вверх по шахте. Даже безбородые юноши восемнадцати и двадцати лет, со слабо развитой мускулатурой (они ходят почти голые, в одних штанах), поднимаются с этой тяжелой ношей почти с такой же глубины. Сильный мужчина, непривычный к подобной работе, обливается потом, поднимаясь по этой лестнице, от одной только тяжести собственного тела. При такой тяжелой работе они питаются одними вареными бобами да хлебом. Они предпочли бы обходиться одним хлебом, но их хозяева, считая, что рабочие на одном хлебе не смогут вынести такой тяжелой работы, обращаются с ними как с лошадьми, и заставляют есть бобы. Заработок здесь больше, чем на рудниках в Хахуэле, — он составляет от 24 до 28 шиллингов в месяц. Прииск рабочие оставляют только раз в три недели и проводят с семьей два дня. Одно из правил на этом прииске, очень строгое, замечательно отвечает интересам хозяина. Единственный способ украсть золото- это спрятать кусок руды и вынести его, когда представится случай. Но если только управляющий найдет спрятанный кусок, его полная стоимость удерживается из заработка всех рабочих, которым приходится таким образом, если только они не в сговоре, следить друг за другом.

Когда руда доставлена на мельницу, ее перетирают в тончайший порошок; процесс промывки удаляет все более легкие частицы, а амальгамирование окончательно извлекает золотую пыль. По описаниям промывка кажется очень простым процессом; любопытно, однако, видеть, как струя воды подбирается по отношению к удельному весу золота настолько точно, что легко отделяет измельченную в порошок пустую породу от металла. Шлам5, приходящий с мельниц, собирается в ямы, где отстаивается, и время от времени его извлекают оттуда и сбрасывают в одну общую кучу. Тут начинаются разнообразные химические процессы, на поверхность выступают всякого рода соли, и вся масса отвердевает. Ее оставляют так на год, на два, а затем вновь промывают, извлекая золото; этот процесс можно повторять до шести и даже семи раз, но с каждым разом золота становится все меньше и меньше, а промежутки между промывками (необходимые, как говорят местные жители, для образования металла) — все длиннее. Не приходится сомневаться, что упомянутый химический процесс каждый раз освобождает новое количество золота из какого-то соединения. Если бы был открыт способ получать тот же результат до первого измельчения, то это, несомненно, во, много раз повысило бы ценность золотых руд. Любопытно видеть, как мельчайшие частички золота, рассеянные вокруг и не вымываемые водой, в конце концов накопляются в некотором количестве. Недавно несколько горняков, не имея работы, получили разрешение сгрести землю вокруг дома и мельницы; собранную землю они промыли и добыли таким путем золота на 30 долларов. Точно то же самое происходит и в природе. Горы понижаются и стираются с лица земли, а с ними и содержащиеся в них металлические жилы. Самая твердая порода истирается в мельчайшую пыль, обыкновенные металлы окисляются, и все вместе уносится прочь; но золото, платина и некоторые другие металлы почти не поддаются разрушению и вследствие своей тяжести падают вниз, отставая от остальных пород. Когда целые горы пройдут через такую мельницу и будут промыты рукой природы, осадок становится рудоносным, и человек находит для себя выгодным довершить эту работу отделения металла.

Как ни плохи, кажется, условия жизни горняков, последние охотно с ними мирятся, ибо положение сельскохозяйственных рабочих много хуже. Заработок их меньше, и питаются они почти исключительно бобами. Такая бедность вызывается главным образом системой обработки земли, напоминающей феодальную: землевладелец дает работнику маленький клочок земли под застройку и

обработку, и за это работник (или же тот, кто может его заменить) должен работать на хозяина в течение всей своей жизни, изо дня в день, безо всякого вознаграждения. Пока у работника не вырастет сын, который мог бы своим трудом отрабатывать ренту, до тех пор некому заботиться о его собственном клочке земли, разве что ему самому в какие-нибудь оказавшиеся случайно свободными дни. Оттого-то крайняя бедность — столь обычное явление среди трудящихся классов в этой стране.

Тут по соседству есть старинные индейские развалины, и мне показали один из продырявленных камней, о которых Молина говорит, что во многих местах их находят в большом числе. Они круглой, уплощенной формы, от 5 до 6 дюймов в диаметре, с отверстием в самой середине. Обыкновенно полагают, что их надевали на конец дубинок, хотя форма их, кажется, вообще не приспособлена для этой цели. Бёрчелл утверждает, что некоторые племена в Южной Африке выкапывают коренья с помощью палки с одного конца заостренной, а сила и тяжесть этой палки увеличиваются при помощи круглого камня с отверстием, в которое наглухо забивают другой конец. Весьма вероятно, что индейцы Чили некогда употребляли такое же грубое земледельческое орудие.

Однажды к нам зашел один немец, коллекционер предметов по естественной истории, по фамилии Реноус, а вслед за ним старый испанский адвокат. Переданный мне разговор между ними очень позабавил меня. Реноус говорил по-испански так хорошо, что старый адвокат принял его за чилийца. Намекая на меня, Реноус спросил его, что он думает об английском короле, посылающем в их страну человека, чтобы собирать ящериц и жуков и откалывать камни. Старый джентльмен некоторое время серьезно поразмыслил и затем сказал: «Это не к добру, — hay un gato encerrado aqui (тут что-то кроется). Нет таких богачей, чтобы посылать людей собирать подобную дрянь. Мне это не нравится; если бы один из нас поехал делать такие вещи в Англии, неужто английский король не выслал бы его тотчас вон из своей страны?» А ведь этот старый адвокат уже по самой своей профессии принадлежит к наиболее образованным и интеллигентным людям! Сам Реноус года два или три назад оставил в одном доме в Сан-Фернандо гусениц, поручив прислуге кормить их, чтобы они могли превратиться в бабочек. Это разнеслось по городу, и, в конце концов, патеры и губернатор, посовещавшись, решили, что тут, должно быть, какая-нибудь ересь. В результате по возвращении Реноус был арестован.

19 сентября. — Мы покинули Якиль и поехали плоской долиной, сформированной так же, как и долина Кильота; здесь протекает Рио-Тиндеридика. Уже здесь, на расстоянии нескольких миль к югу от Сантьяго, климат гораздо более влажный, и потому много прекрасных пастбищ без искусственного орошения.

(20-го). — Мы ехали по этой долине, пока она не расширилась в обширную равнину, простирающуюся от моря до гор к западу от Ранкагуа. Вскоре деревья и даже кустарники исчезли вовсе; жителям здесь приходится с топливом почти так же плохо, как в пампасах. Я никогда не слыхал об этих равнинах и потому был очень удивлен, встретившись с такой местностью в Чили. Равнины эти принадлежат ко многим различным ступеням поднятия суши; их перерезают широкие, плоские долины; оба эти обстоятельства, как и в Патагонии, демонстрируют воздействие моря на медленно поднимающуюся сушу. В крутых обрывах, окаймляющих эти долины, есть большие пещеры, образованные, без сомнения, волнами моря; одна из них,

Из птиц наибольшее внимание обращают на себя два вида из рода Pteroptochos (P. megapodius и P. albicollis, Kittlitz). Первая, называемая чилийцами «эль турко», величиной с дрозда-рябинника, которому она даже несколько сродни, но ноги у нее гораздо длиннее, хвост короче, а клюв сильнее; цвета она красновато-коричневого. Турко здесь весьма распространен. Он живет на земле, прячась среди зарослей, разбросанных по сухим и бесплодным холмам. Время от времени можно видеть, как он, подняв хвост, с необыкновенным проворством перебегает на своих ход. улеобразных ногах от одного куста к другому. В самом деле, немного нужно воображения, чтобы поверить, что эта птица стыдится себя самой и сознает, как

необыкновенно смешна ее внешность. С первого взгляда так и хочется воскликнуть: «Отвратительно набитое чучело сбежало из какого-нибудь музея и снова ожило!» Ее и взлететь не заставишь без величайших хлопот; она даже не бегает, а только прыгает. Разнообразные громкие крики, которые она испускает, спрятавшись в кустах, так же странны, как и ее вид. Говорят, что она строит свое гнездо в глубокой норе под землей. Я вскрыл несколько экземпляров; в мышечном желудке их, очень мускулистом, находились жуки, растительные волокна и окатанные камешки. По этому признаку, а также по длинным ногам, скребущим лапам, перепонке у ноздрей, коротким и изогнутым крыльям птица эта, по-видимому, до некоторой степени связывает дроздов с отрядом куриных.

Второй вид (P. albicollis) в общем близок к первому. Называют его тапаколо, т. е. «прикрой зад», и эта бесстыдная птичка вполне заслуживает такого названия, потому что держит свой хвост не только что прямо, а даже наклонив его в сторону головы. Она очень часто встречается, особенно на земле под изгородями и в кустах, разбросанных по обнаженным холмам, где едва ли могла бы жить какая-нибудь другая птица. В общем, по манере есть, быстро выскакивать из зарослей и снова там укрываться, по стремлению прятаться, неохоте взлетать и устройству гнезда она имеет большое сходство с тюрко, но вид ее не так смешон. Тапаколо очень хитер: если его испугать, он замирает на земле под кустом, а немного погодя очень ловко старается переползти на противоположную сторону куста. Это также деятельная птица, беспрестанно производящая шум; крики ее разнообразны и необычайно странны: одни похожи на воркование голубей, другие — на звук, производимый кипящей водой, а многие и вовсе не найдешь, с чем сравнить. Сельские жители говорят, что она меняет свой крик пять раз в году, — полагаю, в связи с какими-нибудь сезонными изменениями.

Здесь водятся два вида колибри: Trochilus forficatus встречается на протяжении 2 500 миль по западному побережью, от знойной и сухой области Лимы до лесов Огненной Земли, где его можно видеть летающим даже в метели. На лесистом острове Чилоэ, где климат чрезвычайно влажный, эта птичка, скачущая из стороны в сторону сре: ди мокрой листвы, должно быть, многочисленнее всех других видов. Я вскрывал желудки нескольких экземпляров, застреленных в разных частях материка, и во всех остатки насекомых были столь же многочисленны, как в желудке пищухи. Когда летом этот вид мигрирует на юг, его замещает здесь другой, прилетающий с севера. Этот другой вид (Trochilus gygas) — очень крупная птица по сравнению с хрупкими представителями семейства, к которому она относится; во время полета она имеет весьма своеобразный вид. Как и другие виды этого рода, она переносится с места на место с быстротой, которую можно сравнить лишь со скоростью полета Syrphus среди мух и бражника (Sphinx) среди ночных бабочек; но, кружась над цветком, она взмахивает крыльями очень медленным и сильным движением, ничуть не похожим на вибрирующее движение, свойственное большей части видов, производящих жужжание. Я никогда не видал какой-либо другой птицы, у которой сила ее крыльев казалась бы, как и у бабочек, столь большой соразмерно с весом ее тела. Кружась над цветком, она все время то распускает, то складывает свой хвост, точно веер, а тело держит почти в вертикальном положении.

Это действие придает, по-видимому, птице устойчивость и поддерживает ее в промежутках между медленными движениями ее крыльев. Несмотря на то что в поисках пищи она порхает с цветка на цветок, желудок ее обычно полон остатков насекомых, которые, как я подозреваю, составляют предмет ее поисков в гораздо большей степени, нежели мед. Крик птиц этого вида, как и почти всех других колибри, чрезвычайно пронзителен.

Глава XIII. ЧИЛОЭ И ОСТРОВА ЧОНОС

Чилоэ

Общий обзор

Поездка на шлюпках

Туземные индейцы

Кастро

Доверчивая лисица

Восхождение на Сан-Педро

Архипелаг Чонос

Полуостров Трес-Монтес

Гранитный кряж

Моряки, потерпевшие крушение

ГаваньЛоу

Дикий картофель

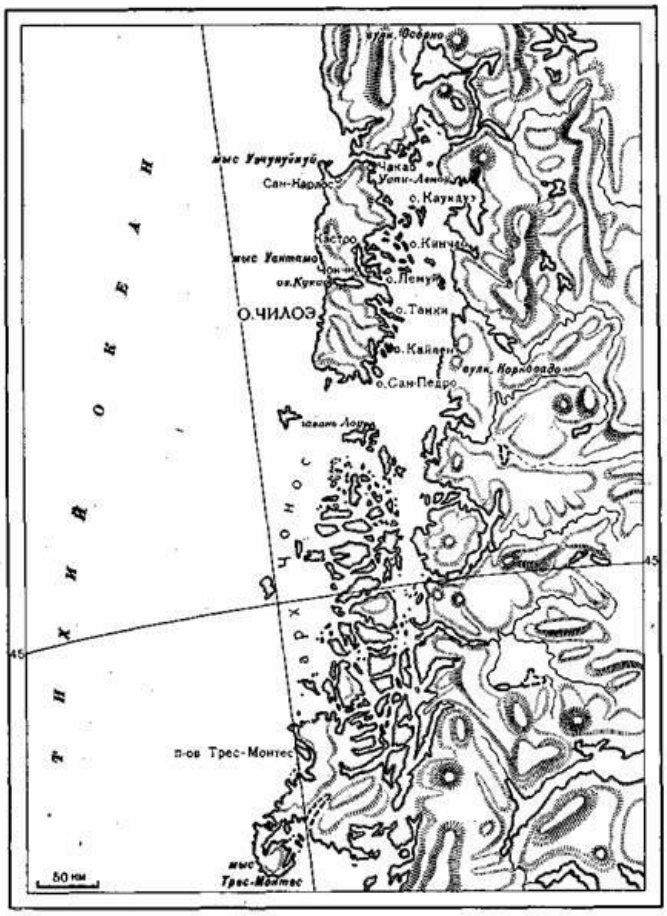
Торфяная формация

Myopotamus, выдра и мыши

Чеукау и лающая птица Opetiorhynchus

Своеобразный характер птиц

Буревестники



Чилоэ и острова Чонос.

По картам, составленным офицерами «Бигля»

10 ноября — «Бигль» отплыл из Вальпараисо на юг для съемки южной части Чили, острова Чилоэ и изрезанных берегов так называемого архипелага Чонос до полуострова Трес-Монтес на юге. 21-го мы бросили якорь в бухте Сан-Карлоса, главного города Чилоэ.

Остров имеет около 90 миль в длину, а в ширину — несколько менее 30. Местность холмистая, но не гористая, сплошь покрыта лесом, за исключением нескольких зеленых клочков, расчищенных вокруг крытых тростником хижин. Издали вид острова несколько напоминает Огненную Землю; но, когда подходишь поближе, видишь, что леса здесь несравненно красивее. Место мрачных буков южных берегов тут занимают разнообразные вечнозеленые деревья и растения тропического характера. Зимой климат отвратителен, а летом лишь немногим лучше. Мне кажется, в умеренном поясе найдется немного мест, где выпадает столько дождей. Ветры здесь очень сильны, а небо почти всегда в облаках; ясная погода в продолжение недели — случай необыкновенный. Отсюда трудно даже мельком увидеть Кордильеры; за все наше первое посещение только один раз перед нами в полной отчетливости выступили очертания вулкана Осорно да и то перед восходом солнца; любопытно было следить, как, по мере того как солнце поднималось, контуры горы постепенно исчезали на ярком восточном небосклоне.

В жилах туземцев, судя по цвету их кожи и низкому росту, течет, по-видимому, три четверти индейской крови. Это скромные, тихие, трудолюбивые люди. Хотя на плодородной почве, образовавшейся в результате разложения вулканических

пород, обильно произрастает растительность, но климат не благоприятствует вызреванию тех произведений, которые нуждаются в большом количестве солнечного света. Для крупных четвероногих здесь очень мало подножного корма, и потому главными предметами питания тут служат свиньи, картофель и рыба. Все жители носят одежды из прочной шерстяной ткани, которую каждая семья сама изготовляет для себя и красит индиго в темно-синий цвет. Ремесла здесь, однако, стоят на самом примитивном уровне, о чем свидетельствуют диковинные приемы вспашки, способ прядения, перемола хлеба и конструкция лодок. Леса до того непроходимы, что земля не обрабатывается нигде, кроме побережья и окрестных островков. Даже там, где есть тропинки, по ним вряд ли можно пробраться из-за того, что почва всегда мягкая и топкая. Жители подобно огнеземельцам передвигаются главным образом по самому берегу или на лодках. Несмотря на обилие пищи, народ здесь очень беден: в наемном труде никто не нуждается, а потому низшие классы не могут наскрести денег даже на то, чтобы купить хоть самую малость сверх необходимого. Ощущается также сильный недостаток в денежных знаках. Я видел, как один человек принес на спине мешок угля, чтобы получить за него какую-то безделицу, а другой притащил доску, чтобы обменять на бутылку вина. Поэтому каждый ремесленник должен быть в то же время и купцом, перепродавая товары, полученные в обмен за'изготовленные им предметы.

24 ноября. — Ялик и вельбот под командой м-ра (ныне капитана) Саливена были направлены для съемки восточного, т. е. внутреннего, берега Чилоэ с предписанием встретить «Бигль» у южной оконечности острова; корабль должен был пройти туда вдоль внешнего берега, и, таким образом, была бы произведена съемка берегов всего острова. Я присоединился к этой экспедиции, но, вместо того чтобы с первого же дня ехать на шлюпках, нанял лошадей до Чакао, расположенного на северной оконечности острова. Дорога шла вдоль берега, время от времени пересекая мысы, покрытые прекрасными лесами. Эти тенистые тропы совершенно необходимо от начала до конца выстилать брусьями, которым придают прямоугольную форму и кладут один подле другого. Вследствие того, что солнечные лучи никогда не проникают сквозь вечнозеленую листву, почва до того сыра и мягка, что если не прибегнуть к этому способу, то ни человек, ни лошадь не проберутся по тропе. Я приехал в селение Чакао вскоре вслед за тем, как команда наших шлюпок разбила там палатку на ночь.

Вокруг селения расчищено большое пространство земли, а в лесу было много тихих и живописнейших уголков. Чакао прежде был главным портом острова, но, после того как из-за опасных течений и камней в проливе погибло много судов, испанское правительство сожгло церковь и, таким образом, по своему произволу вынудило большинство жителей переселиться в Сан-Карлос.

Вскоре после того, как мы разбили свои палатки, явился познакомиться с нами босоногий сын губернатора. Увидев, что на мачте ялика поднят английский флаг, он с полнейшим безразличием осведомился, всегда ли он будет развеваться над Чакао. В нескольких местах жители были сильно удивлены появлением английских военных шлюпок и прониклись надеждой- и верой, что это авангард испанского флота, идущего вновь отобрать остров у патриотического правительства Чили. Впрочем, все представители властей были извещены о том, что ожидается наше посещение, и были чрезвычайно вежливы. Когда мы сидели за ужином, губернатор нанес нам визит. Он был когда-то подполковником испанской службы, но теперь был крайне беден. Он дал нам двух овец и получил взамен два бумажных носовых платка, несколько медных безделушек и немного табаку.

25 ноября. — Проливной дождь; мы, однако, ухитрились пройти вдоль берега до Уапи-Леноу. Вся эта восточная сторона Чилоэ имеет один и тот же вид: пересеченная долинами равнина разбита на мелкие острова, и все это сплошь покрыто непроходимым темно-зеленым лесом. На опушках вокруг хижин с высокими крышами попадаются кое-где расчищенные участки.

26 ноября. — День занялся на диво ясный. Вулкан Осорно выбрасывал клубы дыма. Эта прекрасная гора, имеющая форму правильного конуса и вся белая от покрывающего ее снега, высится перед Кордильерами. Другой крупный вулкан, с

седловидной вершиной, также выпускал из своего огромного кратера струйки пара. Позже мы увидели высокий пик Корковадо, вполне заслуживающий своего прозвища «el famoso Corcovado» («славный Горбун»). Таким образом, из одной точки мы видели три больших действующих вулкана, каждый из которых имеет около 7 000 футов в высоту. Вдобавок далеко на юге виднелись еще высокие конусы, покрытые снегом, и, хотя не было известно, действуют ли они, по происхождению своему они были, должно быть, вулканическими. В этих местах цепь Анд далеко не так высока, как в Чили, и не образует, по-видимому, такого непроницаемого барьера между двумя областями земного шара. Несмотря на то, что эта великая цепь проходит прямо с севера на юг, вследствие обмана зрения она кажется более или менее искривленной; дело в том, что линии, проведенные от каждой из вершин к глазу наблюдателя, необходимо сходятся подобно радиусам полукруга, а так как невозможно было (вследствие прозрачности воздуха и отсутствия каких бы то ни было промежуточных объектов) судить о том, на каком расстоянии находятся самые далекие пики, то казалось, что цепь стояла как бы развернутым полукругом.

Выйдя в полдень на берег, мы встретили семью чисто индейского происхождения. Отец был удивительно похож на Йорка Минстера, а некоторых мальчиков по красновато-коричневому цвету их кожи можно было принять за пампасских индейцев. Все, что я видел, убеждает меня в близком родстве различных американских племен, несмотря на то, что они говорят на разных языках. Эти индейцы едва могли изъясняться по-испански и разговаривали друг с другом на своем собственном языке. Приятно видеть, что коренное население достигло той же ступени цивилизации, — как она ни низка, — что и их белые завоеватели. Дальше на юг мы видели много чистокровных индейцев; на некоторых островах все жители сохранили свои индейские прозвища. По переписи 1832 г., на Чилоэ и административно ему подчиненных островках жило 42 тысячи человек; большая часть их, по-видимому, смешанной крови. 11 тысяч сохраняют свои индейские прозвища, но вероятно, что далеко не все из них чистокровные индейцы. Они ведут такую же жизнь, как и другие бедные жители, и все они христиане; правда, говорят, будто они еще сохраняют свои суеверные обряды, сами же утверждают, что общаются в некоторых пещерах с дьяволом. В прежние времена всякого уличенного в этом преступлении отправляли на суд инквизиции в Лиму. Многие жители, не включенные в состав 11 тысяч носящих индейские прозвища, ничем не отличаются по своей наружности от индейцев. Гомес, губернатор Лемуя, ведет свой род от испанских дворян как с отцовской, так и с материнской стороны, но вследствие постоянных смешанных браков его предков с туземцами сам он настоящий индеец. С другой стороны, губернатор Кинчао очень гордится чистотой своей испанской крови.

Вечером мы добрались до прелестной бухточки к северу от острова Каукауэ. Жители здесь жаловались на недостаток земли. Причиной этому отчасти их собственное нежелание вырубать леса, отчасти же — правительственные ограничения, требующие, чтобы перед покупкой самого маленького клочка земли уплачивалось землемеру по два шиллинга с каждой куадры (150 квадратных ярдов) сверх той цены, какую он назначит за землю. После оценки землемера земля должна трижды поступить на аукцион, и если никто не предложит больше, то покупатель может приобрести ее по назначенной цене. Все эти поборы должны быть серьезной помехой расчистке земли в стране, где население чрезвычайно бедно. Почти во всех странах леса уничтожаются без особого труда с помощью огня, но на Чилоэ из-за сырого климата и характера деревьев их приходится сначала вырубать. Это — серьезное препятствие на пути Чилоэ к процветанию. Во времена испанцев индейцы не могли владеть землей, и семейство, после того как оно расчистило участок земли, могли прогнать, а землю конфисковало правительство. Чилийские власти совершают теперь акт справедливости и вознаграждают бедных индейцев, наделяя каждого — в соответствии с его положением — определенным участком земли. Цена нерасчищенной земли очень низка. Правительство отдало в уплату долга м-ру Дугласу (нынешнему землемеру, который сообщил мне эти сведения) 8 квадратных миль леса близ Сан-Карлоса, и он продал их за 350 долларов, или около 700 фунтов стерлингов.

Следующие два дня было ясно, и ночью мы добрались до острова Кинчао. Этот район — самая обработанная часть архипелага, ибо здесь почти полностью расчищена широкая полоса прибрежной земли на главном острове, а также на многих мелких островах по соседству. Некоторые фермы выглядят весьма благоустроенными. Я полюбопытствовал узнать, как богаты могут быть здесь люди, но, как оказалось со слов м-ра Дугласа, нельзя считать, чтобы кто-нибудь из них имел регулярный доход. Какой-нибудь очень богатый земледелец, возможно, сумеет скопить за свою долгую трудовую жизнь капитал в 1000 фунтов стерлингов, да и то все спрячет в тайник, потому что почти в каждой семье существует обычай зарывать в землю кувшин или сундук с деньгами.

30 ноября. — Рано утром в воскресенье мы достигли Кастро, в древности — главного города Чилоэ, ныне же — самого заброшенного и унылого места. Еще можно было проследить обычную прямоугольную планировку испанских городов, но улицы и пласа были покрыты прекрасной зеленой травой, которую пощипывали овцы. Церковь, стоящая посредине, целиком сколочена из досок и имеет весьма живописный и старинный вид. О бедности этого городка можно судить по тому факту, что, хотя в нем несколько сот обитателей, один из наших не смог нигде купить ни фунта сахару, ни обыкновенного ножа. Ни у кого нет часов, и одному старику, умеющему якобы правильно определять время, поручено наугад звонить в церковный колокол. Приход наших шлюпок был редкостным событием для этого тихого, уединенного уголка мира; почти все жители пришли к берегу поглядеть, как мы разбиваем палатки. Они были очень вежливы и предлагали нам свое гостеприимство, а один человек даже прислал нам в подарок бочонок сидра. Во. второй половине дня мы засвидетельствовали свое почтение губернатору — тихому старичку, по своему облику и образу жизни вряд ли стоявшему выше английского крестьянина. Ночью пошел сильный дождь, но и он не рассеял плотного кольца зрителей вокруг наших палаток. Неподалеку от нас расположилось индейское семейство, приехавшее в челноке с Кайлена. Им негде было укрыться во время дождя. Наутро я осведомился у молодого индейца, насквозь промокшего, как он провел ночь. Он оказался вполне довольным и ответил: «Muy bien, senor» [«Очень хорошо, сеньор»].

1 декабря. — Мы направились к острову Лемуй. Мне очень хотелось обследовать одну угольную залежь, о которой мне рассказывали; уголь оказался малоценным лигнитом2, залегающим в песчанике (вероятно, древней третичной эпохи), из которого сложены эти острова. Когда мы добрались до Лемуя, то с большим трудом отыскали место, где можно было разбить палатки, потому что стоял прилив и местность была. покрыгга лесом до самой воды. Вскоре нас окружила большая группа местных жителей, почти чистокровных индейцев. Они были очень удивлены нашим приездом и говорили друг другу: «Так вот почему мы видели — на днях столько попугаев; чеукау (любопытная красногрудая птичка, живущая в густом лесу и издающая очень своеобразные звуки) не зря кричал: "Берегись!". Вскоре они загорелись желанием меняться. Деньги они почти ни во что не ставили, зато с совершенной необыкновенной жадностью добивались табаку. За табаком следовало индиго, потом стручковый перец, старое платье и порох. Последний предмет им требовался для совершенно невинной цели: в каждом приходе имеется общественный мушкет, и порох нужен был для того, чтобы производить шум в дни святых и в праздники.

Население питается здесь преимущественно моллюсками и картофелем. Кроме того, в известные периоды в году они при помощи «корралей» — подводных изгородей — ловят много рыбы, остающейся на илистых отмелях после отлива. Кое-кто владеет домашней птицей, овцами, козами, свиньями, лошадьми и коровами — порядок перечисления этих животных отвечает их относительной многочисленности. Мне никогда не случалось видеть более любезных и скромных манер, чем у этих людей. Обыкновенно они, прежде всего, заявляют, что они бедные уроженцы этого места, а не испанцы, и страшно нуждаются в табаке и прочих предметах удовольствия. На Кайлене, самом южном из этих островов, матросы купили за сверток табаку ценой в полтора пенни, двух кур, у одной из которых, как отметили индейцы, была кожа между пальцами, и эта курица в самом

деле оказалась отличной уткой; за несколько бумажных носовых платков ценой в 3 шиллинга были получены три овцы и большая связка луку. Ялик в этом месте стоял на якоре несколько вдали от берега, и мы опасались, как бы его не разграбили ночью. В связи с этим наш проводник, м-р Дуглас, заявил тамошнему полицейскому, что у нас все время будут стоять часовые с заряженными ружьями, а так как мы не понимаем по-испански, то, увидев кого-нибудь в темноте, наверняка застрелим. Полицейский с совершенной покорностью признал полную правильность такого порядка и обещал нам, что никто не посмеет выйти из своего дома всю эту ночь.

В течение следующих четырех дней мы продолжали плыть на юг. Общий характер местности оставался прежним, но население здесь стало гораздо более редким. На большом острове Танки вряд ли было хоть одно расчищенное место; деревья со всех сторон простирали свои ветви над самым берегом. Однажды я заметил на береговых кручах из песчаника очень красивые растения по названию панке (Gunnera scabra), чем-то похожие на ревень, увеличенный до гигантских размеров. Туземцы едят их кисловатые стебли, а кореньями дубят кожу и производят из них черную краску. Листья панке почти круглые, с глубокими зубцами по краям. Я измерил один из них, и оказалось, что он имеет около 8 футов в диаметре, а следовательно, не менее 24 футов в окружности! Стебель в высоту несколько больше ярда, и на каждом растении распускается четыре-пять тонких громадных листьев, вместе производящих великолепное впечатление.

6 декабря- Мы достигли Кайлена, прозванного «el fin del cristiandad» [«конец христианского мира»]. Утром мы задержались на несколько минут около одного домика на северном конце Лайлека; эта убогая лачуга была крайней точкой христианской Южной Америки. Широта места была 43° 10, на два градуса южнее Рио-Негро на Атлантическом берегу. Эти «последние» христиане были очень бедны и, используя свое тяжелое положение, выпрашивали табак. В доказательство бедности этих индейцев могу сослаться на тот факт, что незадолго до этого мы повстречали человека, который шел пешком три с половиной дня и столько же должен был пройти обратно ради того только, чтобы получить причитавшийся ему долг за топорик и небольшое количество рыбы. Как трудно, должно быть, здесь купить малейшую вещицу, если человек затрачивает столько труда лишь на то, чтобы вернуть такой маленький долг!

Вечером мы достигли острова Сан-Педро, где нашли стоявдшй на якоре «Бигль». Пока мы огибали мыс, двое офицеров щЛсади-лись, чтобы промерить углы теодолитом. На камнях сидела лисица (Canis fulvipes), встречающаяся, как говорят, только на этом острове, да и то очень редко и представляющая собой новый вид. Она была настолько поглощена наблюдением за работой офицеров, что мне удалось, тихо подойдя сзади, стукнуть ее по голове геологическим молотком. Эта лисица, более любознательная и ученая, но менее благоразумная, чем большинство ее сородичей, выставлена теперь в музее Зоологического общества.

В этой бухте мы пробыли три дня, в один из которых капитан Фиц-Рой с несколькими спутниками предпринял попытку восхождения на вершину Сан-Педро. Леса здесь имели несколько иной вид, чем в северной части острова. Порода представляла собой по-прежнему слюдистый сланец, но берег не был отлог, а круто уходил прямо под воду. Поэтому общий вид тут больше напоминал Огненную Землю, чем Чилоэ. Мы напрасно старались добраться до вершины; лес был до того непроходим, что тот, кто не видел его, не сможет представить себе этого хаотического нагромождения умирающих и мертвых древесных стволов. Я уверен, что не раз наши ноги по десять минут, а то и больше не касались земли, часто находясь в 10–15 футах над ее поверхностью, так что наши моряки в шутку выкрикивали глубину по лоту. В других местах мы ползли один за другим на четвереньках под сгнившими стволами. В нижней части горы величавые деревья Drimys winteri, какой-то лавр вроде Sassafras с душистыми листьями и другие деревья, названия которых я не знаю, переплетались в одно целое стелющимся бамбуком или тростником. Мы походили тут больше на рыб, бьющихся в сети, чем на млекопитающих. Выше большие деревья сменились кустарником, среди

которого там и сям высились красный кедр или сосна алерсё. Я с удовольствием встретил на высоте немногим меньше 1 000 футов нашего старого знакомого — южный бук. Впрочем, здесь это невзрачные чахлые деревца, и мне кажется, что где-то недалеко отсюда проходит северная граница их распространения. В конце концов, мы, отчаявшись, отказались от нашей попытки.

10 декабря. — Ялик и вельбот с м-ром Саливеном ушли на съемку, я же остался на борту «Бигля», который на следующий день направился от Сан-Педро на юг. **13-го** мы вошли в пролив в южной части Гуаятекаса, или архипелага Чонос, и счастье, что нам это удалось, потому что на следующий день разразился яростный шторм, достойный Огненной Земли. Белые массы облаков громоздились на темно-синем небе, и по ним быстро проносились черные косматые тучи. Протянувшиеся одна за другой цепи гор казались мутными тенями, и заходящее солнце бросало на леса желтые отблески, очень похожие на те, какие дает пламя винного спирта. Вода казалась белой от водяной пыли, ветер затихал и снова ревел в снастях; то была зловещая, но грандиозная картина. На несколько минут вспыхнула яркая радуга, и тут любопытно было наблюдать влияние на нее водяной пыли; проносясь над поверхностью воды, она превращала обычный полукруг радуги в круг: полоса радужных цветов, продолжаясь от обоих оснований обычной дуги, пересекала залив и подходила к самому борту корабля, образуя неправильное, но зато почти замкнутое кольцо. Мы пробыли здесь три дня. Погода была по-прежнему скверная, но это не имело большого значения, ибо все эти острова все равно совершенно непроходимы. Берега до того изрезаны, что если хочешь пробраться по ним, то приходится непрерывно карабкаться вверх и вниз по острым скалам из слюдистого сланца; что же касается леса, то наши лица, руки, ноги — все носило следы того, как зло обошелся он с нами за одну только попытку проникнуть в его запретные тайники.

18 декабря. — Мы повернули в море. 20-го мы распростились с югом и при попутном ветре повернули корабль на север. От мыса Трес-Монтес мы бодро поплыли вдоль высокого, бурного берега, замечательного крутыми очертаниями холмов и густым лесом, покрывающим даже чуть ли не отвесные склоны. На следующий день мы открыли бухту, которая" на этом опасном берегу может сослужить большую пользу судну, терпящему бедствие. Ее можно без труда отыскать по холму высотой в 1 600 футов, еще более близкому к правильному конусу, чем знаменитая Сахарная голова в Рио-де-Жанейро. На следующий день после того, как мы бросили якорь, мне удалось взобраться на вершину этого холма. То было нелегкое предприятие, ибо склоны были до того крутые, что в некоторых местах приходилось пользоваться деревьями как лестницей. Тут было также несколько обширных зарослей кустов фуксии с ее прекрасными свешивающимися цветами, но сквозь эти кусты очень трудно было пробираться. В этих диких странах подъем на вершину какой-нибудь горы доставляет большое удовольствие. Как ни часто, быть может, бывает обманута смутная надежда увидать с горы что-нибудь необыкновенное, а все-таки она непременно возвращается ко мне при каждой новой попытке восхождения. Всякому, должно быть, знакомо то чувство торжества и гордости, которое вызывает в нас грандиозное зрелище, открывающееся с высоты. В этих редко посещаемых странах ко всему этому подмешивается еще некоторая доля тщеславия при мысли о том, что вы, может быть, первый человек, ступивший когда-либо на эту вершину и любующийся этим видом.

Вам всегда очень хочется установить, бывала ли до сих пор хоть одна живая душа в этом глухом месте. Вы подбираете кусок дерева с торчащим в нем гвоздем и изучаете его так, как будто он покрыт иероглифами. Охваченный этим чувством, я был сильно заинтересован, найдя на диком берегу, под выступом скалы, постель, устроенную из травы. Рядом с ней виднелись следы костра и топора, которым пользовался человек. Костер, постель, их расположение — все это обнаруживало искусную руку индейца; но вряд ли то был индеец, ибо индейская раса вымерла в этих краях: католики стремились превратить индейцев в христиан и рабов одновременно. Уже тогда у меня появилось предчувствие, что одинокий человек, устроивший себе постель в этом диком месте, был, должно быть, какой-то несчастный потерпевший крушение моряк, который пытался пробраться вдоль

берега к северу и провел здесь печальную ночь.

28 декабря. — Погода по-прежнему стояла очень плохая, но мы смогли все-таки, наконец, приступить к съемке. Время тянулось очень медленно, как то всегда нам казалось, когда беспрерывные штормы задерживали нас день ото дня. Вечером мы открыли еще одну гавань, где и бросили якорь. Тотчас вслед за тем мы увидели человека, размахивавшего рубашкой, и послали шлюпку, которая вернулась с двумя моряками. Шесть человек бежали с американского китобойного судна и добрались до берега несколько южнее этого места; их шлюпку вскоре разбило в щепы прибоем. Вот уже пятнадцать месяцев они бродили взад и вперед по берегу, не зная ни куда идти, ни где они находятся. Какое необыкновенное счастье, что мы обнаружили эту гавань! Если бы не эта случайность, они могли бы так блуждать, пока не состарились и не погибли бы, наконец, на этом диком берегу. Им пришлось очень много страдать, а один разбился насмерть, свалившись с утеса. Иногда они вынуждены были расходиться на поиски пищи, и этим объяснялась одинокая постель. Принимая во внимание все, что было ими пережито, они, по-моему, очень хорошо рассчитывали время, потому что ошиблись всего на четыре дня.

30 декабря, — Мы бросили якорь в уютной бухточке у подошвы высоких холмов, поблизости от северной оконечности полуострова Трес-Монтес. На следующее утро, после завтрака, группа наших поднялась на одну из этих гор, которая имела 2 400 футов в высоту. Картина открылась замечательная. Главная часть хребта состояла из величественных и обрывистых сплошных гранитных массивов, которые, казалось, появились вместе с началом мира. Гранит был покрыт слюдистым сланцем, от которого по прошествии веков остались странные выступы в форме пальцев. Эти две формации, отличаясь по своим очертаниям, сходны в том, что обе почти лишены растительности. Такое бесплодие показалось нам странным, потому что мы уже привыкли почти повсюду видеть сплошной темно-зеленый лес. Я с большим удовольствием познакомился со строением этих гор. Своеобразные высокие хребты производят впечатление величавой твердыни одинаково, впрочем, бесполезной как для человека, так и для всех прочих животных. Гранит — классический объект для геолога: благодаря его широкому распространению, красивой и плотной структуре с ним познакомились во времена гораздо более древние, чем с большинством других горных пород. Происхождение гранита вызвало споров едва ли не больше, чем происхождение всякой другой формации. Он является обыкновенно первичной породой, и, каким бы путем он ни образовался, мы знаем, что это самый глубокий пласт земной коры, до которого проник человек. Предел человеческого познания в любом предмете представляет большой интерес, который, быть может, тем более велик; что тут мы уже близко подходим к области воображения.

1 января 1835 г. — Новый год возвестил о своем приходе так, как и подобало ему в этих краях. Он не обманывал несбыточными надеждами: наступающий год был отмечен сильным северо-западным штормом с беспрерывным дождем. Слава богу, нам не суждено встретить здесь его конец; мы надеемся быть в то время в Тихом океане, где небо как небо — голубое, а не нечто скрывающееся за облаками над нашей головой.

Следующие четыре дня преобладали северо-западные ветры, и нам удалось лишь пересечь большой залив и бросить якорь в другой безопасной гавани. Я сопровождал капитана в поездке на шлюпке внутрь глубокого узкого залива. По пути мы видели поразительное количество тюленей: они во множестве лежали на каждом плоском камне, а кое-где и на низком берегу. Они были, по-видимому, добродушного нрава и, крепко заснув, лежали кучами, точно свиньи; но даже свиньи устыдились бы покрывающей их грязи и исходившей от них вони. За каждым стадом терпеливо следили зловещие глаза грифа-индейки. Эта отвратительная птица с ее ярко-красной лысой головой, приспособленной для возни в гнили, очень распространена на западном побережье, и то, что она постоянно сопровождает тюленей, показывает, какой пищи она ожидает. Вода (вероятно, только на поверхности) оказалась почти пресной благодаря многочисленным потокам, небольшими водопадами низвергавшимися с крутых

гранитных гор в море. Пресная вода привлекает рыбу, а за ней следуют многие крачки, чайки и два вида корморанов. Мы видели также пару прекрасных черношейных лебедей и нескольких маленьких морских выдр, мех которых так высоко ценится. На обратном пути мы опять позабавились, наблюдая, с какой стремительностью кинулись в воду все тюлени, старые и молодые, когда наша шлюпка проходила мимо. Они не оставались подолгу под водой, а снова выскакивали и следовали за нами, вытянув шеи, с выражением изумления и любопытства.

7 января. — Поднимаясь вдоль берега, мы бросили якорь у северной оконечности архипелага Чонос, в гавани Лоу, где пробыли неделю. Острова здесь, как и на Чилоэ, были сложены слоистыми и рыхлыми прибрежными отложениям, а потому тут была прекрасная, пышная растительность. Леса спускались к самому берегу, точь-в-точь, как вечнозеленые кустарники над посыпанной гравием аллеей. С нашей якорной стоянки мы — любовались великолепным видом четырех крупных снежных конусов Кордильер, в том числе и «славным Горбуном» (Корковадо); сам хребет на этой широте до того невысок, что лишь в немногих местах он виден за вершинами соседних островков. Мы нашли здесь пятерых рыболовов с Кайлена, этого «конца христианского мира», бесстрашно переплывших в своем утлом челноке открытое море, отделяющее Чонос от Чилоэ. Эти острова, по всей вероятности, в скором времени будут заселены, как и те, что лежат у берегов Чилоэ.

Дикий картофель растет на этих островах в изобилии на песчаной, ракушечной почве близ морского берега. Самое высокое из этих растений имело 4 фута в вышину. Клубни были большей частью мелки, хотя я нашел один овальной формы, в два дюйма диаметром; они во всех отношениях походили на английский картофель и даже имели тот же запах, но при варке сильно сморщивались и становились водянистыми и безвкусными, совершенно лишенными горького привкуса. Картофель этот, несомненно, местного происхождения; по словам м-ра Лоу, он встречается до 50 ° широты, и дикие индейцы в этих местах называют его акина; на Чилоэ же индейцы называют его иначе. Профессор Генсло, рассмотревший привезенные мной в Англию высушенные образцы, утверждает, что это то же растение, которое описано м-ром Сабином из Вальпараисо, но оно составляет лишь разновидность, которую некоторые ботаники считали самостоятельным видом. Замечательно, что одно и то же растение встречается и в бесплодных горах среднего Чили, где на протяжении более чем шести месяцев не падает ни капли дождя, и в сырых лесах этих южных островов.

В центре архипелага Чонос (45° широты) лес носит такой же характер, как и вдоль всего западного побережья на 600 миль к югу до мыса Горн. Здесь не встречается тех деревянистых злаков, какие мы видели на Чилоэ; зато буковые деревья Огненной Земли достигают крупных размеров и составляют значительную часть лесов, хотя и не занимают такого исключительного положения, как в более южных областях. Тайнобрачным растениям здешний климат подходит всего более. У Магелланова пролива, как я уже отмечал, по-видимому, слишком холодно и сыро, чтобы они могли достигать своего полного развития; но в лесах этих островов число видов и громадное изобилие мхов, лишайников и мелких папоротников совершенно необыкновенное. На Огненной Земле деревья растут только по склонам холмов — всякое ровное место неизменно покрывает толстый слой торфа, а на Чилоэ на плоских местах растут пышнейшие леса. Здесь же, в архипелаге Чонос, характер климата ближе к Огненной Земле, чем к северному Чилоэ, ибо каждый клочок ровной земли покрыт двумя видами растений (Astelia pumila и Donatia magellanica), которые, совместно перегнивая, образуют толстый слой упругого торфа.

На Огненной Земле торф выше лесной полосы образуется главным образом за счет первого из этих составляющих обширные сообщества растений. Вокруг главного корня этого растения постоянно нарастают свежие листья; нижние скоро загнивают, и если проследить корень в глубь торфа, то можно видеть, что листья, оставаясь на своих местах, проходят через все стадии разложения, пока все не

смешивается, наконец, в одну беспорядочную массу. В образовании торфа на помощь Astelia приходят лишь немногие другие растения: разбросанный там и сям маленький стелющийся Myrtus (M. nummularia) с деревянистым стеблем вроде нашей клюквы и со сладкими ягодами; один Empetrum (E. rubrum), похожий на наш вереск; ситник (Juncus grandiflorus) — вот чуть ли не все, что растет еще на топкой поверхности.

Хотя в общем эти растения очень похожи на английские виды тех же родов, но они не тождественны с последними. В более ровных местах страны на торфяной поверхности разбросаны лужицы воды, стоящие на различных уровнях и производящие такое впечатление, будто они устроены искусственно. Подпочвенные ручейки довершают разложение растительных веществ и скрепляют всю массу их в одно целое.

Климат южной части Америки, по-видимому, особенно благоприятствует образованию торфа. На Фолклендских островах почти всякое растение, даже грубая трава, покрывающая всю поверхность страны, превращается в это вещество; вряд ли найдется место, где возникает препятствие росту торфяного слоя; в некоторых местах пласт достигает толщины 12 футов, а нижняя часть его, засыхая, до того твердеет, что с трудом горит. Хотя все растения способствуют образованию торфа, но в большинстве случаев главную роль при этом выполняет Astelia. Весьма замечательно одно обстоятельство, столь отличное от того, что мы наблюдаем в Европе; я нигде не видел в Южной Америке, чтобы мох при своем разложении давал бы хоть сколько-нибудь торфа. Что касается северной границы, до которой климатические условия допускают то своеобразное медленное разложение, какое необходимо для образования торфа, то я полагаю, что на Чилоэ (41–42° широты), несмотря на обилие топкой почвы, настоящего торфа нет; но на островах Чонос, тремя градусами южнее, мы видели его в изобилии. Один испанец, побывавший в Ирландии, но постоянно живущий на атлантическом побережье у Ла-Платы (35" широты), говорил мне, что он не раз искал там торф, но так и не сумел ничего найти. Он показывал мне самое близкое к торфу вещество, какое только мог отыскать, — черную торфянистую почву, до того проросшую насквозь корнями, что горела она очень медленно и сгорала далеко не полностью.

Фауна этих разбросанных островков архипелага Чонос, как и можно было предвидеть, очень бедна. Из четвероногих здесь часто встречаются два водных животных. Myopotamus coypus (похожий на бобра, только с круглым хвостом) хорошо известен своим прекрасным мехом, который служит предметом торговли по всему бассейну Ла-Платы.

Здесь, впрочем, он водится исключительно в соленой воде — особенность, которая, как уже отмечалось, иногда наблюдается и у крупного грызуна Capybara. В больших количествах встречается здесь маленькая морская выдра; это животное питается не одной только рыбой, но подобно тюленям вылавливает большое количество мелких красных крабов, плавающих стаями около поверхности воды. М-р Байно видел на Огненной Земле, как одна выдра ела каракатицу; другая была убита в гавани Лоу в тот момент, когда она тащила к своей норе крупного моллюска Voluta. В одном месте я поймал в капкан странную маленькую мышь (Mus brachiotis); по-видимому, она распространена на нескольких из этих островков, но туземцы с Чилоэ, которых мы встретили в гавани Лоу, говорили, что на некоторых островах она вовсе не встречается. Какая цепь случайностей или какие изменения уровня понадобились, чтобы эти маленькие животные распространились по разбросанным островкам архипелага!

Повсюду на Чилоэ и Чоносе встречаются две очень странные птицы, родственные тюрко и тапакало среднего Чили и замещающие их здесь. Одну жители называют чеукау (Pteroptochos rubecula); она водится в самых мрачных и глухих местах сырых лесов. Иногда, если даже ее крик раздается над самым ухом, чеукау не удается увидеть, как бы внимательно вы ее ни искали; но иной раз, если стоять без движения, красногрудая птичка сама доверчиво подойдет к вам на расстояние нескольких футов. Тогда вы увидите, как она деловито прыгает по беспорядочным грудам гниющих тростников и веток, задрав вверх хвостик. Чеукау внушает

суеверный страх туземцам Чилоэ своими странными и разнообразными криками. У нее есть три совершенно различных крика: один называют чидуко и считают добрым предзнаменованием; другой, уитреу, крайне неблагоприятен; третий я позабыл. Слова эти являются подражанием ее крикам, которыми туземцы в некоторых вопросах слепо руководствуются. Что ни говори, а жители Чилоэ избрали себе в пророки пресмешное созданьице. Родственный чеукау вид, правда несколько более крупный (Pteroptochos tarnii), туземцы называют гид-гид, а англичане — лающей птицей. Последнее название очень удачно, потому что, бьюсь об заклад, никто, услышав ее в первый раз, не будет уверен, что то не собачонка, тявкающая где-то в лесу. Точно так же, как то происходит с чеукау, вы можете иногда услышать ее лай совсем близко, но напрасно будете стараться выследить ее, и еще меньше надежды увидеть ее, спугнув ударами по кустам; но все-таки иной раз и гид-гид бесстрашно подходит к человеку. Способом питания и нравом эта птичка очень похожа на чеукау.

По берегам часто встречается темно окрашенная птичка-Opetiorhynchm patagonicus. Она замечательна своим тихим нравом и подобно куличку-песочнику живет только у самого моря. Помимо перечисленных на этих клочках суши обитает совсем мало других птиц. В моих черновых заметках описаны странные звуки, которые, хотя и часто слышны в этих мрачных лесах, все же почти не нарушают общего безмолвия. Тявканье гид-гида и внезапное «фью-фью» чеукау раздаются то вдалеке, то совсем над ухом; к их крику иногда присоединяется маленький черный крапивник Огненной Земли; пищуха (Oxyurus) следует за непрошеным гостем с пронзительным криком и щебетом; время от времени видишь колибри, стремительно носящегося из стороны в сторону и подобно насекомому пронзительно стрекочущего; наконец, с верхушки какого-нибудь высокого дерева доносится неясная, но жалобная песня тиранамухо-ловки (Myiobius) с белым хохолком. Ввиду подавляющего преобладания в большей части стран некоторых обыкновенных родов птиц, например вьюрков, поначалу испытываешь удивление, встречая в какой-нибудь местности в качестве самых распространенных там птиц такие своеобразные формы, какие я только что описал. В среднем Чили встречаются, хотя крайне редко, две из них, а именно Oxyurus и Scytalop.us. Когда встречаешь, как в данном случае, животных, играющих как будто такую незначительную роль в великом плане природы, невольно изумляешься, зачем они были созданы. Но тут всегда следует помнить, что, может быть, в какой-нибудь другой стране они играют существенную роль в природе или играли ее когда-нибудь в прошлом. Если бы вся Америка к югу от 37° ю.ш. погрузилась в воды океана, то эти две птицы могли бы еще долго существовать по-прежнему в среднем Чили, но едва ли число их возросло бы. Это было бы примером того, что неизбежно должно было произойти с очень многими животными.

В этих южных морях водится несколько видов буревестников; самый крупный из них, Procellaria gigantea, или нелли (кебрантау-эсос, или костолом, испанцев), часто встречается как во внутренних каналах, так и в открытом море. По своим повадкам и манере лет'ать он очень сходен с альбатросом; так же как и за альбатросом, можно часами следить за ним и все-таки не видеть, чем он питается. Впрочем, костолом- птица хищная; в бухте Сан-Антонио кое-кто из наших офицеров видел, как он охотился за нырком, который пытался спастись, ныряя и улетая, но все время падал под ударами и в конце концов был убит ударом в голову. В бухте Сан-Хулиан мы видели, как эти крупные буревестники убивали и пожирали молодых чаек. Другой вид (Puffiiius cinereus), общий Европе, мысу Горн и побережью Перу, гораздо мельче, чем Procellaria gigantea, но такого же грязно-черного цвета. Он обыкновенно встречается огромными стаями во внутренних проливах; мне кажется, я ни разу не видел, чтобы вместе собиралось такое множество птиц одного вида, как то было однажды к востоку от острова Чилоэ. Сотни тысяч их летели неправильной полосой в продолжение нескольких часов в одном направлении. Когда часть стаи опустилась на воду, поверхность моря почернела, и раздался шум, подобный отдаленному человеческому говору.

Есть еще несколько видов буревестников, но я отмечу из них только один, Pelecanoides berardi, который может служить примером тех из ряда вон выходящих

случаев, когда птица, явно принадлежащая к строго определенному семейству, в то же время по своим нравам и строению оказывается родственной другому, совершенно отличному семейству. Эта птица никогда не покидает спокойных внутренних проливов. Нсли ее потревожить, она нырнет, проплывет под водой некоторое расстояние, а затем одним движением выходит. на поверхность и взлетает на воздух. Быстро взмахивая своими короткими крыльями, она пролетает некоторое расстояние по прямой линии, затем падает, как убитая, и снова уходит под воду. Форма ее клюва и ноздрей, длинные лапы и даже расцветка оперения свидетельствуют о том, что эта птица — буревестник; с другой стороны, короткие крылья, и в связи с этим слабый полет, форма туловища и очертания хвоста, отсутствие заднего пальца на ногах, привычка нырять и выбор местообитания заставляют, пожалуй, поставить вопрос о том, не родственна ли она в такой же мере чистикам. Издали ее, не колеблясь, примешь за чистика, наблюдая, как она летает, или ныряет, или спокойно плавает по уединенным каналам Огненной Земли.

Глава XIV ЧИЛОЭ И КОНСЕПСЬОН. СИЛЬНОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Сан-Карлос, Чилоэ

Извержение Осорпо одновременное с извержением Аконкагуа и Косегуины

Поездка в Кукао

Непроходимые леса

Вальдивия

Индейцы

Землетрясение

Консепсьон

Сильное землетрясение

Трещины в горных породах

Вид разрушенных городов

Почерневшее и бурлящее море

Направление колебаний

Перекос камней в зданиях

Огромная волна

Устойчивое поднятие суши

Область, охваченная вулканическими явлениями

Связь между подъемлющей и эруптивной силами

Причина землетрясений

Медленное поднятие горных цепей

Среднее и северное Чили.

По данным карт, составленных офицерами «Бигля».

15 января мы вышли из гавани Лоу и через три дня бросили якорь вторично в бухте Сан-Карлос на Чилоэ. Ночью **19-го** числа мы видели вулкан Осорно в действии. В полночь вахтенный заметил нечто вроде большой звезды, которая постепенно увеличивалась в размерах часов до трех и тогда явила собой великолепное зрелище. Через подзорную трубу мы видели, как какие-то темные тела непрерывно взлетали кверху одно за другим и падали вниз среди огромного ярко-красного зарева. Свет его был настолько силен, что оставлял длинное и яркое отражение в воде. Большие массы расплавленного вещества, по-видимому, очень часто извергаются кратерами в этой части Кордильер. Меня уверяли, что во время извержения Корковадо выбрасывает вверх огромные массы, и видно, как они взрываются в воздухе, принимая разнообразные фантастические формы, например деревьев; размеры их, должно быть, колоссальны, ибо их можно разглядеть с возвышенности за Сан-Карлосом, отстоящей не меньше чем за 93 мили от Корковадо. Утром вулкан затих.

Я с удивлением узнал потом, что в ту же ночь действовал и Аконкагуа в Чили, на 480 миль севернее, и был изумлен еще больше, узнавши, что большое извержение Косегуины (2700 миль севернее Аконкагуа), сопровождавшееся землетрясением, которое ощущалось за 1000 миль, также произошло не позже чем часов через шесть после первых двух. Это совпадение тем более замечательно, что Косегуина дремала в продолжение 26 лет, а Аконкагуа вообще крайне редко проявляет какую-нибудь деятельность. Трудно даже приблизительно представить себе, было ли это совпадение случайным или указывало на наличие какой-то подземной связи. Если бы в одну и ту же ночь вдруг началось извержение Геклы в Исландии, Везувия и Этны (расположенных ближе друг к другу по сравнению с соответствующими вулканами в Южной Америке), то это совпадение сочли бы замечательным; но описываемый мной случай куда более замечателен, потому что все три вулканических жерла принадлежат одной и той же великой горной цепи, а необъятные равнины вдоль восточного побережья и поднятые пласты современных раковин, протянувшиеся более чем на 2000 миль по западному побережью, свидетельствуют, как равномерно и согласованно действовали тут подъемлющие

силы.

Поскольку капитану Фиц-Рою было очень желательно произвести пеленгование кое-где по внешнему берегу Чилоэ, было решено, что м-р Кинг и я проедем в Кастро, а оттуда по острову к капелле Кукао, расположенной на западном берегу. Наняв лошадей и проводника, мц выехали утром 22-го числа. Немного погодя к нам присоединились женщина и два мальчика, направлявшиеся в ту же сторону. Все на этой дороге дружески-фамильярно относятся друг к другу, и здесь можно пользоваться столь редким в Южной Америке преимуществом — путешествовать без огнестрельного оружия. Вначале местность представляла собой ряд холмов и долин, но поближе к Кастро стала очень ровной. Любопытна сама дорога: она во всю свою длину, за исключением очень немногих мест, состоит из больших деревянных брусьев, которые либо бывают широки и тогда уложены вдоль, либо узки и расположены поперек. Летом дорога не слишком скверная, но зимой, когда дерево становится скользким от дождей, ездить по ней чрезвычайно трудно. В это время года почва по обеим сторонам дороги превращается в трясину, а часто совсем заливается водой; поэтому продольные брусья приходится прикреплять к земле наклонными кольями, вколачиваемыми с обеих сторон. Эти колья грозят опасностью всадникам, потому что вероятность попасть на один из них при падении с лошади довольно велика. Замечательно, однако, какими ловкими стали лошади Чилоэ под действием привычки. Перебираясь через такие места, где брусья разошлись, они перескакивают с одного бруса на другой с проворством и уверенностью чуть ли не собаки. С обеих сторон дорога окаймлена высокими лесными деревьями, густо обросшими у оснований тростником. Когда случайно удается увидеть эту аллею достаточно далеко вперед, она поражает однообразием: белая полоса брусьев, суживаясь вдали, теряется в мрачном лесу или оканчивается зигзагом, поднимающимся на какой-нибудь крутой холм.

Несмотря на то что от Сан-Карлоса до Кастро всего 12 лье по прямой, устройство этой дороги потребовало, должно быть, громадного труда. Мне говорили, что в прежние времена несколько человек поплатились жизнью за попытки пробраться через этот лес. Первый, кому это удалось, был индеец, который прорубил себе путь через тростники за восемь дней и добрался до Сан-Карлоса; испанские власти наградили его за это землей. Летом по лесам бродит много индейцев (правда, главным образом в возвышенных местах, где лес не настолько густ) в поисках полудиких коров, питающихся листьями тростника и некоторых деревьев. Из этих-то охотников один случайно обнаружил несколько лет назад английское судно, потерпевшее крушение на внешнем берегу. Экипажу его уже грозил голод; без помощи этого человека англичане едва ли сами выбрались бы из почти непроходимых лесов, и действительно один моряк умер в пути от изнурения. В этих своих путешествиях индейцы находят дорогу по солнцу, так что в случае длительной облачности они не могут ориентироваться в пути.

День был чудесный, и множество деревьев в полном цвету наполняли воздух благоуханием; но и это не могло развеять того впечатления мрачной сырости, которое производил лес. Более того, многочисленные мертвые стволы, стоящие точно скелеты, не могут не придавать этим первобытным лесам какой-то торжественности, несвойственной лесам в странах давно цивилизованных. Вскоре после захода солнца мы расположились на ночлег. Наша спутница, довольно миловидная, принадлежала к одному из самых уважаемых семейств в Кастро; однако она ездила верхом по-мужски, и на ногах у нее не было ни башмаков, ни чулок. Меня удивляло полное отсутствие гордости как в ней, так и в ее брате. Они везли с собой еду, но при каждой нашей с м-ром Кингом трапезе сидели, наблюдая, как мы едим, пока, наконец, мы не почувствовали себя настолько неловко, что стали кормить всю компанию. Ночь была безоблачная, и, лежа в постелях, мы наслаждались (а это действительно большое наслаждение) зрелищем бесчисленных звезд, освещавших лесной мрак.

23 января. — Утром мы поднялись рано и к двум часам дня приехали в Кастро, прелестный тихий городок. Старый губернатор умер после нашего последнего посещения, и его должность отправлял один чилиец. У нас было рекомендательное

письмо, к дон Педро, который оказался человеком чрезвычайно гостеприимным, любезным и более бескорыстным, чем то обыкновенно бывает в этой части континента. На следующий день дон Педро достал нам свежих лошадей и вызвался сопровождать нас. Мы направились к югу, держась большей частью берега, и проехали через несколько деревушек, в каждой из которых была своя большая деревянная капелла, похожая на амбар. В Вилипильи дон Педро попросил коменданта дать нам проводника до Кукао. Старый джентльмен вызвался ехать сам; но долгое время его никак нельзя было убедить, что два англичанина действительно желают ехать в такое захолустье, как Кукао. Таким образом, нас сопровождали два первых аристократа этой страны, что было ясно видно уже из того, как относились к ним все более бедные индейцы. Из Чончи мы направились напрямик через остров по перепутанным, извилистым тропинкам, проходя то великолепными лесами, то прелестными расчищенными участками, на которых зрел богатый урожай хлеба и картофеля. Эта волнистая лесная местность, отчасти возделанная, напоминала мне глухие районы Англии, что придавало ей особую прелесть в моих глазах. В Ви-линко, расположенном на берегах озера Кукао, было уже мало расчищенных полей, а жители все были, по-видимому, индейцы. Это озеро, протянувшееся с запада на восток, имеет в длину 12 миль. В силу местных условий морской бриз дует весьма регулярно весь день, а ночью наступает затишье; это дало повод к странным преувеличениям: в том виде, как это явление описали нам в Сан-Карлосе, оно и в самом деле казалось настоящим чудом.

Дорога в Кукао была до того плохая, что мы решили воспользоваться перьягуа. Комендант самым властным тоном приказал шестерым индейцам перевезти нас, не удостоив даже сказать им, получат ли они за это плату. Перьягуа — странная, топорной работы лодка, но экипаж ее был еще более странным; сомневаюсь, чтобы в одной лодке собиралось когда-либо шестеро более безобразных, малорослых людей. Гребли они, впрочем, очень хорошо и бодро. Задающий гребец бормотал по-индейски и издавал странные крики, очень напоминавшие свинопаса, погоняющего свиней. Мы пустились в путь при легком встречном бризе, но все же добрались до капеллы Кукао еще довольно рано. П. о обеим сторонам озера без перерыва тянулся сплошной лес. В ту же перьягуа, в которой ехали мы, погрузили корову. На первый взгляд кажется трудным уместить такое крупное животное в маленькой лодке, но индейцы мигом управились с этим делом. Они поставили корову вдоль лодки, накренили лодку к животному, затем подсунули ему два весла под брюхо, оперев их концы о борт, и при помощи этих рычагов ловко опрокинули бедное животное вверх ногами на дно лодки, после чего привязали веревками. В Кукао мы нашли необитаемую лачугу (местопребывание патера, когда он посещает эту капеллу), где, разведя огонь, сварили себе ужин и отлично устроились на ночь.

Район Кукао — единственное обитаемое место на всем западном берегу Чилоэ. В нем живет около тридцати — сорока индейских семейств, разбросанных на протяжении 4–5 миль вдоль берега. Они совершенно оторваны от остальной части Чилоэ и едва ли имеют возможность хоть что-нибудь продавать, разве что иногда небольшой излишек масла, которое получают из тюленьей ворвани. Они носят весьма приличную одежду собственного производства, и у них вдоволь, еды. Однако они, по-видимому, не удовлетворены своей жизнью, хотя вид у них до такой степени покорный, что больно смотреть. И то и другое объясняется, как я полагаю, главным образом той грубостью и властностью, с какой обращается с ними начальство. Наши спутники, такие вежливые в отношении к нам, относились к бедным индейцам так, как будто то были рабы, а не свободные люди. Они требовали у них съестных припасов и пользовались их лошадьми, не снисходя даже до того, чтобы сказать, сколько заплатят хозяевам и заплатят ли вообще. Утром, оставшись наедине с этими бедняками, мы вскоре снискали их расположение, давши им сигар и мате. Большой кусок сахару был. поделен между всеми присутствовавшими, с величайшим интересом отведавшими новинку. Все свои жалобы индейцы заканчивали словами: «И все потому, что мы бедные индейцы и ничего не знаем; но все было иначе, когда у нас был король».

На следующий день после завтрака мы поехали за несколько миль к северу, на мыс Пунта-Уантамо. Дорога шла по широкому пляжу, о который даже после стольких

ясных дней разбивался огромный прибой. Меня уверяли, что после сильного шторма рев его по ночам слышен даже в Кастро, на расстоянии не менее 21 морской мили по холмистой и лесистой местности. Мы не без труда добрались до мыса, из-за того, что тропы были крайне неудобны для ходьбы: повсюду в тени почва быстро превращается в настоящую трясину. Сам мыс представляет собой крутой каменистый холм. Он зарос растением, близким, как я полагаю, к Bromelia и называемым местными жителями чепонес. Пробираясь через эти заросли, мы очень сильно исцарапали себе руки. Меня позабавила предосторожность, принятая нашим проводником-индейцем: он подвернул штаны, полагая, что они нежнее его собственной жесткой кожи. Это растение приносит плод, формой похожий на артишок и наполненный множеством семенных коробочек; в последних заключается приятная на вкус сладкая мякоть, которая здесь высоко ценится. В гавани Лоу я видел, как жители приготовляли из этого плода чини — напиток вроде сидра; таким образом, совершенно справедливо, как замечает Гумбольдт, что почти повсюду человек находит способ приготовления какого-нибудь напитка из продуктов растительного царства. Впрочем, дикари Огненной Земли и, мне кажется, Австралии не дошли до этого искусства.

Берег к северу от Пунта-Уантамо чрезвычайно изрезан и разбит; перед ним множество бурунов, на которых вечно ревело море. М-ру Кингу и мне очень хотелось вернуться, если бы то оказалось возможным, пешком вдоль этого берега; но даже индейцы заявили, что это совершенно невыполнимо. Нам говорили, что люди пробирались напрямик через лес из Кукао в Сан-Карлос, но берегом еще никто не проходил. В такие экспедиции индейцы берут с собой только жареные хлебные зерна и едят их понемногу дважды в день.

26 января. — Вернувшись к перьягуа, мы переправились обратно через озеро и снова сели на лошадей. Все население Чилоэ, пользуясь этой неделей необычной здесь ясной погоды, расчищало землю, выжигая леса. Со всех сторон кверху взвивались клубы дыма. Несмотря на усердие, с которым жители поджигали повсюду лес, я не видел, чтобы им хоть раз удалось устроить большой пожар. Мы пообедали с нашим другом комендантом и приехали в Кастро, — когда уже стемнело. На следующее утро мы выехали очень рано. Через некоторое время со склона крутого холма перед нами развернулся обширный вид — редкое явление на этой дороге — на огромный лес. Вдали, над деревьями, гордо высился Корковадо и к северу от него еще один большой вулкан с плоской вершиной; почти никаких других покрытых снегом вершин этой длинной горной цепи видно не было. Я надеюсь, что долго еще не забуду этого прощального вида на великолепные Кордильеры, возвышающиеся напротив Чилоэ. Ночь мы провели на воздухе, под безоблачным небом, и на следующее утро достигли Сан-Карлоса. Мы прибыли как раз вовремя, потому что еще перед вечером начался проливной дождь.

4 февраля. — Отплыли с Чилоэ. В продолжение последней недели я совершил несколько коротких экскурсий. Целью одной из них был осмотр большого пласта раковин современных моллюсков, поднятого на 350 футов над уровнем моря; прямо из раковин здесь выросли большие лесные деревья. В другой раз я поехал на мыс Пунта-Уэчукукуй. Со мной был проводник, даже слишком хорошо знакомый с местностью: он просто засыпал меня бесконечными индейскими названиями малейшего мыска, ручейка, заливчика. Точно так же как и на Огненной Земле, индейский язык здесь, по-видимому, особенно хорошо приспособлен для наименования самых незначительных подробностей местности. Я думаю, каждый из нас был рад распрощаться с Чилоэ; но если бы мы могли позабыть унылый и непрекращающийся зимний дождь, Чилоэ можно было бы назвать очаровательным островом. Кроме того, есть что-то особенно привлекательное в простоте и скромной вежливости его, бедных жителей.

Мы направились к северу вдоль берега, но вследствие туманной погоды попали в Вальдивию только ночью 8-го числа. На следующее утро мы на шлюпке отправились в город, расположенный милях в десяти от моря. Мы плыли по течению реки, минуя немногочисленные лачуги и клочки земли, расчищенные среди сплошного леса; иногда встречался челнок с индейской семьей. Город

расположен на низких берегах реки; он до такой степени прячется в лесу из яблонь, что улицы представляют собой не что иное, как аллеи во фруктовом саду. Я никогда не видал страны, в которой яблони разрастались бы так пышно, как в этих влажных районах Южной Америки; по обочинам дорог я встречал много молодых деревьев, выросших, очевидно, самосевом. На Чилоэ жители владеют изумительно быстрым способом разводить фруктовые сады. Почти на каждой ветке, в нижней ее части, имеются маленькие конические коричневые сморщенные выступы; они всегда готовы превратиться в корни, и это можно иногда увидеть — в том случае, когда на дерево случайно попадет немного грязи. Ранней весной выбирают ветвь толщиной с бедренную кость человека и срезают ее непосредственно под группой этих выступов; с нее срезают все мелкие веточки и затем сажают на глубину двух футов в землю. На следующее лето обрубок уже выпускает длинные побеги, а иногда даже приносит плоды; мне показывали одно такое дерево, которое принесло 23 яблока, правда, это считается очень редким случаем. На третий год обрубок превращается (как я сам видел) в ветвистое дерево, обремененное плодами. Один старик неподалеку от Вальдивии, иллюстрируя свой девиз «Necesidad es la madre del invencion» [«нужда — мать изобретения»] рассказал, нам о некоторых полезных вещах, которые он получает из своих яблок. Приготовив сидр и вино, он из выжимок добывает душистую белую водку; посредством другого процесса он получает сладкую патоку, или, как он называет ее, мед. Его дети и свиньи в это время года, кажется, только и едят что яблоки в саду.

11 февраля. — Я отправился с проводником в короткую поездку, во время которой, однако, мне удалось повидать лишь очень немногое из того, что относилось к геологии страны и ее обитателям. Около Вальдивии мало расчищенной земли; переправившись через реку в нескольких милях от города, мы вступили в лес и, прежде чем добрались до места ночлега, встретили всего лишь одну убогую лачугу. Небольшое различие по широте — в 150 миль — придает лесу иной по сравнению с Чилоэ характер. Это связано с несколько иным соотношением пород деревьев. Вечнозеленые деревья, кажется, уже не столь многочисленны, и потому лес принимает 'более яркий оттенок. Как и на Чилоэ, стволы внизу густо обросли тростником; здесь есть еще другой вид тростника (похожий на бразильский бамбук и достигающий около 20 футов вышины), который растет тесными группами и очень красиво окаймляет берега некоторых речек. Из этого самого растения и делают индейцы свои чусо — длинные заостренные копья. Жилище, в котором мы остановились на ночлег, было до того грязно, что я предпочел спать на воздухе; в этих поездках первая ночь обыкновенно очень неприятна, так как нет еще привычки к щекотанию и укусам блох. Наутро, я уверен, на моих ногах не было ни одного местечка размером хотя бы с шиллинг, на котором не нашлось бы маленьких красных пятен — следов блошиных укусов.

12 февраля. — Мы продолжали свой путь через нерасчищенный лес, лишь изредка встречая индейца верхом или группу красивых мулов, везущих из южных равнин доски алерсе и зерно. После полудня одна из лошадей упала от усталости; мы находились тогда на склоне холма, с которого открывался чудесный вид на льяносы. После того как нас теснили со всех сторон и укрывали сверху лесные дебри, вид этих открытых равнин подействовал освежающе. Однообразие леса вскоре становится очень утомительным. Это западное побережье заставляет меня с удовольствием вспоминать привольные безграничные равнины Патагонии; но, словно из духа противоречия, я не могу позабыть, как великолепно безмолвие этих лесов. Льяносы — самые плодородные и густонаселенные районы страны, потому что их огромным преимуществом является почти полное отсутствие деревьев. Выезжая из леса, мы пересекли несколько плоских лужаек, окруженных одинокими деревьями, как в английском парке; часто я с удивлением замечал, что в покрытых лесом холмистых местностях совершенно ровные места лишены деревьев. 'Так как моя лошадь устала, я решил остановиться в миссии Кудико, к монаху которой у меня было рекомендательное письмо. Кудико — район, занимающий промежуточное положение между лесом и льяносами. Тут много сельских домов с засеянными хлебом и картофелем клочками земли вокруг них, почти все они принадлежат индейцам. Племена, подчиненные властям Вальдивии, — «reducidos y cris-tianos» [обращенные в христианство]. Дальше к

северу, около Арауко и Империяля, индейцы еще совсем дикие и не обращены, но все они постоянно общаются с испанцами. Патер говорил нам, что индейцы-христиане не очень любят ходить к обедне, но в остальном проявляют уважение к религии. Труднее всего заставить их соблюдать обряд бракосочетания. Дикие индейцы берут столько жен, сколько могут содержать, а касик иногда даже больше десяти; войдя к нему в дом, можно узнать об их количестве по числу отдельных очагов. Каждая жена живет с касиком по очереди одну неделю, но все они ткут для него пончо и выполняют другую домашнюю работу. Быть женой касика считается честью, которой добиваются индейские женщины.

Мужчины всех этих племен носят грубые шерстяные пончо; те, что живут к югу от Вальдивии, носят короткие штаны, те же, что к северу, — юбочку вроде чилипы гаучосов. У всех у них длинные волосы повязаны ярко-красной лентой, но голова ничем не покрыта. Эти индейцы — люди рослые, крупные; у них выдающиеся скулы, и всем своим обликом они походят на ту великую американскую семью народов, к которой принадлежат; но лица их, как мне казалось, немного отличались от всех тех, какие мне приходилось до сих пор видеть у других племен. Выражение лица у них обычно серьезное, даже строгое и изобличает сильную волю; его можно счесть либо за честное прямодушие, либо за яростную решимость. Длинные черные волосы, серьезные и резкие черты лица и темный цвет кожи напомнили мне старинные портреты Иакова II. Дорогой мы не встретили и признака той приниженной вежливости, какая повсеместна на Чилоэ. Некоторые наскоро бросали свое «мари-мари» (доброго утра), но большинство, казалось, не склонно было хоть как-нибудь приветствовать нас. Эта независимость в обращении является, вероятно, следствием тех продолжительных войн, которые они вели с испанцами, и неоднократных побед, которые они одни изо всех племен Америки при этом одерживали.

Я очень приятно провел вечер, беседуя с патером. Он был чрезвычайно любезен и гостеприимен; приехав сюда из Сантьяго, он сумел окружить себя здесь кое-каким комфортом. Получив некоторое образование, он горько жаловался на полное отсутствие общества. Какой пустой, в самом деле, должна была быть жизнь этого человека, не имевшего ни особенного религиозного рвения, ни дела, ни занятия! На следующий день, на обратном пути, мы встретили семерых индейцев очень дикого вида, среди которых были касики, только что получившие от чилийского правительства свое ежегодное небольшое жалованье за долго хранимую верность. Эти красивые люди ехали друг за другом с самыми угрюмыми лицами. Старый касик, возглавлявший группу, был, кажется, пьян сильнее остальных, потому что вид у него был в одно и то же время важный и очень раздраженный. Незадолго до того к нам присоединились два индейца, ехавшие из одной отдаленной миссии в Вальдивию по поводу какой-то тяжбы. Один из них был добродушный старик, но своим морщинистым безбородым лицом он был похож с виду скорее на старуху, чем на мужчину. Я часто угощал обоих сигарами, и хотя они все время охотно и даже, пожалуй, с удовольствием принимали их, но не удостаивали поблагодарить меня. На Чилоэ индеец снял бы шляпу и произнес: «dios le page!» [«Да воздаст вам бог!»]- Поездка была очень утомительна как из-за плохих дорог, так и из-за многочисленных валявшихся на пути больших деревьев; приходилось либо перепрыгивать через них, либо объезжать их, делая при этом каждый раз большой крюк. Ночевали мы на дороге и на следующее утро уже были в Вальдивии, откуда я отправился на корабль.

Через несколько дней я с группой офицеров пересек залив и высадился около форта, называемого Ньебла. Сооружения были совершенно разрушены, и лафеты полностью сгнили. М-р Уикем заметил командовавшему фортом офицеру, что от одного выстрела лафеты все разлетятся в куски. Бедняга, стараясь поддержать престиж своей крепости, серьезно возразил: «Нет, — я убежден, сэр, что они выдержат и два!» Испанцы предполагали, должно быть, сделать этот пункт неприступным. Теперь посредине двора расположена целая гора цемента, способная поспорить твердостью с камнем, на котором она лежит. Цемент привезли из Чили, и он стоил 7000 долларов. Вспыхнувшая революция помешала его использовать, и теперь он остается здесь памятником павшего величия

Испании?

Я хотел пройти к одному дому, расположенному мили за полторы, но мой проводник заявил, что пробраться напрямик через лес совершенно невозможно. Он предложил, впрочем, повести меня кратчайшим путем по затерянным коровьим тропинкам, и все-таки дорога отняла у нас не менее трех часов! Человек этот занимается охотой за бродячими коровами; но как ни хорошо должны быть знакомы ему эти леса, а недавно и он заблудился и два дня ничего не ел. Эти факты дают ясное понятие о трудности освоения лесов в здешних краях. Я часто задавал себе вопрос: как долго сохраняется хоть какой-нибудь след от упавшего дерева? Проводник показал мне одно дерево, срубленное беглыми роялистами 14 лет назад; исходя из этого, я полагаю, что ствол в 1Уг фута диаметром за 30 лет обратился бы в груду трухи.

20 февраля. — Этот день будет отмечен в летописях Вальдивии как день самого сильного землетрясения, какое только приходилось пережить местным старожилам. Я случайно находился около берега и, лежа в лесу, отдыхал. Землетрясение произошло внезапно и длилось две минуты, но время это казалось гораздо более долгим. Колебание почвы было весьма ощутительным. Мне и моему спутнику казалось, что колебания шли прямо с востока, тогда как другие считали, что они приходили с юго-запада; это показывает как трудно иногда бывает почувствовать направление вибраций. Устоять прямо на ногах было нетрудно, но движение почвы вызвало у меня чуть ли не головокружение; это было несколько похоже на покачивание судна при легкой боковой зыби или скорее на то, что ощущает человек, скользя по тонкому льду, который прогибается под тяжестью его тела.

Сильное землетрясение сразу разрушает наиболее привычные наши ассоциации; земля — самый символ незыблемости — движется у нас под ногами подобно тонкой корке на жидкости, и этот миг порождает в нашем сознании какое-то необычное ощущение неуверенности, которого не могли бы вызвать целые часы размышлений. В лесу, где ветерок шевелил деревья, я ощущал только дрожание почвы, но не видел никаких иных проявлений землетрясения. Капитан Фиц-Рой и некоторые офицеры находились во время толчка в городе, и там картина была куда поразительнее: хотя дома, будучи выстроены из дерева, не падали, но они страшно тряслись и доски одновременно скрипели и трещали. Люди в величайшем смятении ринулись на улицу. Эти-то сопровождающие обстоятельства и порождают тот ужас перед землетрясениями, который испытывает всякий, кому пришлось видеть и испытать их последствия. В лесу это было чрезвычайно интересное, но отнюдь не внушающее страха явление. Весьма любопытно проявилось действие землетрясения в море. Самый сильный толчок произошел во время отлива; одна старуха, которая была в то время у моря, рассказывала мне, что вода очень быстро, но небольшими волнами прилила до своей верхней черты при приливе, а затем так же быстро отхлынула до нормального уровня; это было ясно видно и по границе мокрого песка. Такого же рода быстрый, но спокойный прилив произошел несколько лет назад на Чилоэ во время легкого землетрясения и вызвал там понапрасну большое смятение. В продолжение вечера было еще много более слабых толчков, вызвавших в гавани необыкновенно хаотические течения, а также несколько весьма сильных толчков.

4 марта. — Мы вошли в гавань Консепсьона. Пока корабль продвигался против ветра к якорной стоянке, я высадился на острове Кирикина. Управитель имения поспешно выехал ко мне навстречу, чтобы сообщить ужасные новости о большом землетрясении 20-го числа: ни в Консепсьоне, ни в Талькауано (порту) не осталось ни одного дома; разрушено семьдесят деревень; огромная волна почти начисто смыла развалины Талькауано. Многочисленные доказательства этого последнего я вскоре увидел своими глазами: весь берег был усеян бревнами и мебелью, как будто здесь потерпели крушение тысячи кораблей. Кроме множества стульев, столов, книжных шкафов и т. п. тут было несколько крыш, которые сорвало с маленьких домиков и перенесло сюда почти в целости. Торговые склады Талькауано были разбиты, и на берегу валялись большие мешки с хлопком,

травами и другими ценными товарами. Прогуливаясь по острову, я заметил, что множество обломков камней, которые, судя по облепившим их морским организмам, еще недавно лежали, должно быть, глубоко под водой, теперь были далеко выброшены на берег; один из них был шести футов в длину, трех в ширину и двух в толщину.

На самом острове столь же ясно заметны были следы сокрушительной силы землетрясения, как на взморье — следы последовавшей за ним огромной волны. Почва во многих местах дала трещины в направлении с севера на юг, может быть вследствие оседания крутых параллельных берегов этого узкого острова. Некоторые трещины около береговых обрывов были шириной в целый ярд. С обрывов уже упали на берег громадные глыбы, и жители полагали, что с началом дождей произойдут гораздо большие оползни. Действие вибрации на твердый первичный сланец, образующий основу острова, было еще любопытнее: поверхностные слои некоторых узких гребней были до того разбиты, что, казалось, будто их взрывали порохом. Это действие, проявившееся в свежих изломах и смещении почвы, ограничилось, должно быть, поверхностным слоем, ибо в противном случае во всем Чили не осталось бы ни одного сплошного массива горной породы; впрочем, этого и следовало ожидать, так как известно, что на поверхности колеблющегося тела колебания сказываются иначе, чем на его центральной части. Этой же причиной, быть может, объясняется и тот факт, что в глубоких рудниках землетрясения отнюдь не производят таких ужасных разрушений, как можно было бы ожидать. Я убежден, что это землетрясение сильнее способствовало уменьшению размеров острова Кирикина, чем постоянное разрушающее действие моря и непогоды в течение целого столетия.

На следующий день я высадился в Талькауано, а затем поехал в Консепсьон. Оба города представляли самое ужасное, но вместе с тем и самое интересное зрелище, какое я когда-либо видел. На человека, знакомого с этими городами и прежде, оно, возможно, произвело бы еще более сильное впечатление, ибо развалины лежали такой беспорядочной грудой и все это так мало походило на обитаемое место, что почти невозможно было представить себе прежнее состояние этих городов. Землетрясение началось в половине двенадцатого утра. Если бы это случилось среди ночи, то непременно погибла бы большая часть жителей (которых в этой провинции много тысяч), а не всего лишь около ста человек; жителей только и спасло неизменное обыкновение выбегать из дому при первом же вздрагивании земли. В Консепсьоне каждый дом, каждый ряд домов остались на месте, образовав кучу или ряд развалин; но в Талькауано, смытом огромной волной, мало что можно было различить, кроме сплошной груды кирпичей, черепицы и бревен, и лишь кое-где виднелась уцелевшая часть стены. Поэтому Консепсьон, хотя и не их, потому что вокруг шныряли воры, которые при малейшем содрогании земли одной рукой били себя в грудь с криком: «Misericordia!» [«Милосердия!»], — а другой тянули, что могли из развалин. Соломенные кровли падали в огонь, — и повсюду вспыхивали пожары. Сотни людей оказались разоренными, и у немногих было чем прожить день.

Одних только землетрясений достаточно, чтобы разорить любую процветающую страну. Если бы ныне бездействующие подземные силы развили под Англией такую же деятельность, какую они, без всякого сомнения, развивали в прежние геологические эпохи, как резко изменилось бы все положение страны! Что стало бы с высокими домами, густонаселенными городами, громадными фабриками, прекрасными общественными и частными зданиями? И как ужасна была бы массовая гибель людей, если бы новый период возмущений начался с какого-нибудь сильного подземного толчка глубокой ночью! Англия сразу же обанкротилась бы; все документы, записи, счета в этот момент погибли бы. Правительство не смогло бы ни собирать налоги, ни поддерживать свою власть, между тем преступная рука насилия и грабежа получила бы полную свободу действия. Во всех больших городах вспыхнул бы голод, ведя за собой мор и смерть.

Вскоре после толчка милях в трех-четырех показалась огромная волна; в середине бухты она имела гладкие очертания, но на берегу срывала дома и деревья,

устремляясь вперед с сокрушительной силой. В глубине бухты она разбилась на ряд страшных белых бурунов, взлетавших на 23 фута выше высоты обычных приливов. Они надвигались с неимоверной силой: одна пушка в форте, весившая вместе с лафетом около четырех тонн, была перенесена на 15 футов. Какая-то шхуна очутилась посреди развалин, в 200 ярдах от берега. За этой первой волной последовали две другие, которые, отступая, унесли с собой множество плавающих обломков. В одном месте бухты был выброшен далеко на берег и унесен в море корабль, затем снова выброшен и снова унесен. В другом месте закрутило два судна, стоявших на якоре друг подле друга, так что их якорные цепи трижды обвились одна вокруг другой; в течение нескольких минут они находились на обнажившемся дне, хотя бросили якорь на глубине 36 футов. Огромная волна надвигалась, должно быть, медленно, потому что жители Талькауано успели убежать на холмы, расположенные за городом, а несколько моряков направились на лодке в скрытое море, надеясь, что в безопасности пройдут над волной, если только достигнут ее прежде, чем она разобьется, — и надежды их действительно оправдались. Одна старуха с мальчиком лет четырех или пяти тоже бросилась в лодку, но грести было некому, и лодка, налетев на какой-то якорь, разбилась пополам; старуха утонула, а ребенка, уцепившегося за обломок лодки, подобрали несколько часов спустя. Среди развалин домов еще стояли лужи соленой воды, и дети, устроив себе лодки из старых столов и стульев, казались столь же счастливыми, сколь несчастны были их родители. Любопытно, однако, что и те были гораздо деятельнее и бодрее, чем можно было ожидать. Кто-то очень справедливо заметил по этому поводу, что при таком всеобщем разорении никто не чувствует себя более обиженным, чем другие, и не может подозревать своих друзей в безучастии — этом самом мучительном последствии разорения. М-р Раус вместе с большой группой людей, которых он взял под свое покровительство в течение первой недели, жил в саду под яблонями. Сначала они веселились, как на пикнике; но вскоре сильный дождь доставил им много неудобств, так как укрыться было совершенно негде.

В превосходном отчете капитана Фиц-Роя об этом землетрясении говорится, что в бухте видели два взрыва: один был похож на столб дыма, а другой — на фонтан, пущенный огромным китом. Вся вода как бы кипела; она «почернела и издавала пренеприятнейший сернистый запах». Последние обстоятельства наблюдались также в бухте Вальпараисо во время землетрясения 1822 г.; я полагаю, что они объясняются взбалтыванием на дне моря ила, содержащего распадающиеся органические вещества. Когда наш корабль в ясную погоду волочил в бухте Кальяо по дну якорную цепь, я заметил, что путь ее обозначался рядом пузырьков. Простой народ в городе Талькауано считал, что землетрясение было вызвано какими-то индейскими старухами, которые два года назад, будучи чем-то обижены, заткнули якобы жерло вулкана Антуко. Это вздорное поверье любопытно в том отношении, что показывает, как народ по опыту выучился усматривать связь между задержкой деятельности вулканов и сотрясением почвы. Им пришлось пустить в ход колдовство в том звене, где для них терялась связь между причиной и следствием, — чтобы объяснить, почему закрылось жерло вулкана. В настоящем случае поверье тем более любопытно, что, по данным капитана Фиц-Роя, есть основания полагать, что землетрясение нисколько не коснулось Антуко.

Город Консепсьон был построен на обычный испанский манер; все улицы шли под прямым углом друг к другу: одни пролегали в направлении зюйд-вест-тен-вест, другие — в направлении норд-ост-тен-норд. В первом направлении стены устояли, без сомнения, лучше, чем в последнем; груды кирпича лежали большей частью по направлению к северо-востоку. Оба этих обстоятельства полностью согласуются с общим впечатлением, будто колебания шли с юго-запада, откуда слышался также подземный гул: ясно, что вероятность падения стен, расположенных в направлении с юго-запада на северо-восток и, следовательно, обращенных своими концами к точке, откуда распространялись колебания, должна была быть гораздо меньшей, нежели тех стен, которые, будучи расположены в направлении с северо-запада на юго-восток, должны были быть в одно мгновение выведены по всей своей длине из вертикального положения, ибо колебания, шедшие с юго-запада, должны были, проходя под фундаментами зданий, иметь вид волн, вытянувшихся с северо-

запада на юго-восток. Это можно наглядно пояснить, если поставить книги на ковер ребром и затем по способу, предлагаемому Митчеллом, производить колебания, имитирующие землетрясение: окажется, что книги будут падать раньше или позже в зависимости от того, насколько их направление совпадает с направлением волн. Трещины в почве большей частью, хотя и не все одинаково, шли в направлении с юго-востока на северо-запад и, следовательно, соответствовали линиям колебания, или главной флексуры. Приняв в соображение все эти обстоятельства, столь ясно показывающие, что главный фокус землетрясения лежал в юго-западном направлении, мы с особым интересом отнесемся к тому факту, что остров Санта-Мария, расположенный именно в этом направлении, во время общего поднятия суши поднялся почти в три раза выше всех остальных мест побережья.

Отличным примером различного сопротивления, которое оказывали стены в зависимости от их направления, мог служить собор. Сторона его, обращенная на северо-восток, представляла собой груду развалин, посредине которой, точно из воды, торчали дверные коробки и множество деревянных балок. Отдельные угловатые обломки кирпичной кладки достигали больших размеров; они откатились на некоторое расстояние по ровной пласе, точно осколки горных пород у подножия какой-нибудь высокой горы. Боковые стены (направленные с юго-запада на северо-восток) хотя и сильно растрескались, но устояли; зато огромные контрфорсы (стоявшие под прямым углом к ним, а следовательно, параллельно упавшим стенам) во многих случаях были как будто начисто срезаны и обрушились на землю. Некоторые прямоугольные украшения у карнизов тех же стен были сдвинуты землетрясением наискось. Аналогичное явление наблюдалось после землетрясения в Вальпараисо, Калабрии и других местах, в том числе и на некоторых древнегреческих храмах. Этот перекос на первый взгляд как будто указывает на то, что под каждой точкой земной поверхности почва подвергалась вихревому движению, что, однако, в высшей степени невероятно. Не вызывается ли это тем, что каждый камень стремится найти для себя некоторое известное положение по отношению к линиям вибрации подобно булавкам на встряхиваемом листе бумаги? Вообще говоря, сводчатые двери и окна устояли гораздо лучше всех других частей зданий. Тем не менее, один несчастный парализованный старик, имевший обыкновение во время малейших толчков подползать к такой двери, был на этот раз раздавлен насмерть.

Я не стану и пытаться дать сколько-нибудь подробное описание того, как выглядел Консепсьон, ибо считаю совершенно невозможным передать всю совокупность испытанных мной ощущений. Некоторые офицеры побывали в городе раньше меня, но никакие их рассказы не могли дать точного представления обо всей картине разрушения. Горько и обидно видеть, что плоды деятельности человека, стоившие ему столько времени и труда, в одну минуту были обращены в прах; но сострадание к жителям почти мгновенно отступало перед изумлением при виде картины, которая возникла за какое-нибудь мгновение, тогда как мы привыкли связывать подобные разрушения с действием ряда веков. По моему мнению, с самого отъезда из Англии мы вряд ли видели другое до такой степени интересное зрелище.

Говорят, что почти при каждом значительном землетрясении воды окрестных морей приходят в сильное волнение. Возмущение бывает обыкновенно, как и в случае землетрясения в Консепсьоне, двух родов: во-первых, в момент толчка вода спокойным движением приливает на взморье, а затем так же тихо отступает, во-вторых, через некоторое время море всей массой отходит от берегов, а потом возвращается волнами сокрушительной силы. Первое движение есть, по-видимому, прямое следствие землетрясения, по-разному воздействующего на жидкую и твердую среды, отчего отношение между их уровнями несколько нарушается; но второе явление гораздо значительнее. Установлено, что во время большей части землетрясений, особенно на западном побережье Америки, первым движением массы воды является отступление. Некоторые авторы пытались объяснить это при помощи предположения, что вода сохраняет свой уровень, в то время как суша колеблется вертикально вверх; но скорее всего воды, лежащие у берега, даже если этот берег довольно крут, разделили бы движение морского дна; кроме того, как

настаивает м-р Ляйелль, подобные движения моря происходят у островов, отстоящих далеко от главной линии землетрясения, как то было на острове Хуан-Фернандес во время настоящего землетрясения и на Мадейре во время знаменитой лиссабонской катастрофы.

Я подозреваю (хотя вопрос этот все-таки очень неясен), что волна, чем бы она ни была вызвана, прежде всего оттягивает воду от берега, наступая на который она разбивается; я наблюдал, что именно так происходит с маленькими волнами, вызываемыми движением лопастей пароходных колес. Замечательно, что, в то время как Талькауано и Кальяо (близ Лимы), оба расположенные в глубине обширных мелких бухт, при каждом большом землетрясении страдали от огромных волн, Вальпараисо, стоящий почти на краю очень глубоких вод, ни разу не был залит волной, хотя так часто испытывал очень сильные толчки. Из того, что огромная волна следует не сразу же за землетрясением, а спустя некоторое время, иногда даже через полчаса, а также из того, что на удаленных островах явление протекает так же, как и на берегах поблизости от фокуса землетрясения, вытекает, что волна поднимается сперва в открытом море; далее, поскольку явление это наблюдается всегда, то оно должно вызываться одной и той же причиной; я подозреваю, что место, где зарождается большая волна, следует искать на той черте, где наименее возмущенные воды глубокого океана встречаются с водой, лежащей ближе к берегу и разделяющей движение суши; в этом случае оказывается также, что волна бывает крупнее или мельче в зависимости от пространства мелкой воды, приведенной в движение вместе с дном, на котором она покоится.

Самым замечательным последствием этого землетрясения было устойчивое поднятие суши; но, вероятно, гораздо правильнее было бы рассматривать его как причину. Не подлежит сомнению, что суша вокруг бухты Консепсьона поднялась на два-три фута; достойно замечания, однако, что волна уничтожила следы прежней границы приливов на отлогих песчаных берегах, и потому мне не удалось найти ни одного доказательства этого факта, за исключением единодушного свидетельства жителей, что одна небольшая каменистая мель, в настоящее время открытая, прежде была покрыта водой. Остров Санта-Мария (милях в тридцати отсюда) поднялся еще выше: капитан Фиц-Рой нашел там в одном месте целые залежи разлагающихся двустворчатых моллюсков, еще прикрепленных к скалам, на высоте 10 футов над верхней чертой прилива; между тем прежде жители во время отлива ныряли за этими моллюсками. Поднятие этой области особенно интересно потому, что тут уже раньше разыгралось несколько других сильных землетрясений, а также потому, что на поверхности земли здесь разбросано огромное множество морских раковин вплоть до высоты по крайней мере 600, но, я думаю, даже 1 000 футов. В Вальпараисо, как я уже отмечал, такие же раковины находят на высоте 1 300 футов, и вряд ли можно сомневаться, что это значительное поднятие произошло в результате последовательных небольших поднятий, подобных тому, какое сопровождало (или вызвало) землетрясение в этом году, а также неощутимо медленного поднятия, какое, безусловно, все время происходит в некоторых местах на этом побережье.

Остров Хуан-Фернандес, лежащий в 360 милях к северо-западу, во время сильного толчка **20-го** числа подвергся такому жестокому сотрясению, что деревья сталкивались одно с другим, а у самого берега, под водой, разверзся вулкан; факты эти замечательны тем, что землетрясение 1751 г. на этом острове также проявилось сильнее, чем в других местах на таком же расстоянии от Консепсьона, а это указывает, как видно, на какую-то подземную связь между этими двумя точками. Чилоэ, лежащий в 340 милях на юг от Консепсьона, подвергся, по-видимому, сотрясению более сильному, чем расположенный между ними район Вальдивии, где вулкан Вильярика остался совершенно спокоен, тогда как в Кордильерах против Чилоэ два вулкана в одно и то же время разразились бурным извержением. Извержение двух этих вулканов, так же как и некоторых их соседей, длилось долгое время, а десять месяцев спустя они опять подверглись воздействию еще одного землетрясения в Консепсьоне. Люди, рубившие лес около подножия одного из этих вулканов, не почувствовали **20-го** числа толчка, от которого

дрожали все окрестные места; здесь извержение смягчило землетрясение и заняло его место, что произошло бы, согласно поверью простого народа, и в Консепсьоне, если бы волшебная сила не закупорила вулкан Антуко. Два года девять месяцев спустя в Вальдивии и на Чилоэ снова произошло землетрясение, еще более сильное, чем **20 февраля**, после чего один остров архипелага Чонос устойчиво поднялся более чем на 8 футов.

Мы получим лучшее представление о масштабах всех этих явлений, предположив (как мы это сделали в одиннадцатой главе относительно ледников), что они происходили на соответствующих расстояниях в Европе; тогда вся суша от Северного моря до Средиземного испытала бы сильное землетрясение, и в то же мгновение большое пространство на восточном побережье Англии вместе с некоторыми удаленными островами подверглось бы устойчивому поднятию; на побережье Голландии начала бы действовать целая цепь вулканов и произошло бы извержение на дне моря близ северной оконечности Ирландии; наконец, древние кратеры Оверни, Канталя и Мон-д'Ора выбросили бы в небеса по столбу темного дыма и долго продолжали бы свою бурную деятельность. Через два года и девять месяцев Франция от центральных своих областей до Ла-Манша снова была бы опустошена землетрясением, после которого устойчиво поднялся бы один остров в Средиземном море.

Пространство, из-под которого **20-го** числа извергались вулканические вещества, измеряется 720 милями в одном направлении и 400 милями в другом, проходящем под прямым углом к первому; это, по всей вероятности, означает, что подземное озеро лавы здесь раскинулось на площади приблизительно вдвое большей, чем Черное море. Судя по проявившейся во всей этой цепи явлений тесной и сложной связи между подъемлющей и эруптивной силами, мы можем уверенно заключить, что те силы, которые медленно или небольшими скачками подъемлют материки, и те, которые заставляют вслед за тем вулканические вещества изливаться из открытых кратеров, — тождественны. Исходя из многих соображений, я считаю, что частые землетрясения на этом побережье вызываются разрывом земных пластов, представляющим необходимое следствие того напряжения, которое испытывает суша при поднятии, и инъекцией в образовавшиеся промежутки расплавленных пород. Эти разрыв и инъекция, если они повторяются достаточно часто (а мы знаем, что землетрясения неоднократно постигают одни и те же области и протекают там одинаковым образом), образуют цепи холмов; именно этот процесс и произошел, по-видимому, с вытянутым островом св. Марии, который поднялся втрое выше соседней местности.

Я считаю, что твердый стержень горы по способу своего образования отличается от вулканического холма только тем, что в первом случае расплавленная порода неоднократно изливается вовнутрь, а не извергается неоднократно наружу, как во втором случае. Кроме того, я полагаю, что строение таких больших горных цепей, как например, Кордильеры, где пласты, прикрывающие инъицированный стержень плутонических пород, были сброшены на ребро вдоль нескольких параллельных и соседних между собой линий поднятия, — такое строение можно объяснить только тем, что породы, составляющие стержень, инъицировались не один раз, а через промежутки, достаточно длительные, верхние слои, своего рода клинья, успели остыть и затвердеть; ибо если бы пласты были выброшены в свое нынешнее круто наклоненное, вертикальное и даже перевернутое положение в один прием, то самые недра земли хлынули бы наружу, и вместо существующих ныне обрывистых горных стержней из пород, затвердевавших под огромным давлением, поток лавы излился бы в бесчисленных местах на каждой линии поднятия*.

Глава XV ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КОРДИЛЬЕРЫ

Вальпараисо

Перевал Портильо

Сообразительность мулов

Горные потоки

Как была открыта руда

Доказательства постепенного поднятия Кордильер

Влияние снега на горные породы

Геологическое строение двух главных хребтов, различие их происхождения и поднятия

Значительное опускание

Красный снег

Ветры

Снежные столбы

Сухой и прозрачный воздух

Электричестве

Пампасы

Фауна восточных склонов Ано

Саранча

Огромные клопы

Мендоси

Перевал Успальята

Окременелые деревья,

погребенные в их естественном положении

Мост Инков

Преувеличенная трудность горных проходов

Кумбре

Касучи

Вальпараисо

7 марта 1835 г. — Мы простояли в Консепсьоне три дня и отплыли в Вальпараисо. Ветер был северный, и мы добрались до выхода из гавани Консепсьона только перед наступлением сумерек. Так как мы находились очень близко к земле и опускался густой туман, то мы бросили якорь. Вскоре у самого нашего борта вдруг появилось американское китобойное судно: мы услыхали голос янки, заклинавшего матросов помолчать, пока он прислушивается к бурунам. Капитан Фиц-Рой крикнул ему громко и отчетливо, чтобы он бросил якорь там, где находится. Бедняга решил, должно быть, что это голос с берега: на судне его тотчас же

поднялся страшный галдеж, все закричали: «Отдавай якорь! трави канат! убирай паруса!» Ничего более смешного я никогда не слыхал. Если бы весь экипаж судна состоял из одних капитанов, без единого матроса, то и тогда не могло бы возникнуть большего гама, чем тот, в какой сливались эти беспорядочно выкрикиваемые команды. Потом мы узнали, что помощник капитана заикался, и, как я полагаю, весь экипаж помогал ему отдавать команду.

11-го числа мы бросили якорь в Вальпараисо, а через два дня я отправился в путь, чтобы перейти через Кордильеры. Я поехал в Сантьяго, где м-р Колдклью самым любезным образом всячески помог мне сделать все те небольшие приготовления, которые оказались необходимыми.

В этой части Чили есть два перевала через Анды на пути в Мендосу: один из них, которым пользуются всего чаще, а именно перевал Аконкагуа, или Успальята, расположен несколько севернее, другой же, называемый Портильо, лежит южнее и ближе, но более высок и опасен.

18 марта. — Мы пустились в путь к перевалу Портильо. Выехав из Сантьяго, мы пересекли обширную выжженную равнину, на которой стоит город, и после полудня добрались до Майпу, одной из главных рек Чили. Долина в том месте, где она вдается в первую цепь Кордильер, с обеих сторон ограничена высокими обнаженными горами и хотя не широка, но очень плодородна. Многочисленные сельские дома были окружены виноградниками и фруктовыми садами из яблонь, гладких и обыкновенных персиков, ветви которых ломились под тяжестью прекрасных зрелых плодов. Вечером мы проехали таможню, где был осмотрен наш багаж. Кордильеры защищают границу Чили лучше, чем воды моря. К центральным хребтам ведет очень мало долин, а в других местах горы совершенно непроходимы для вьючного скота. Таможенные чиновники были очень вежливы, что объяснялось, быть может, отчасти паспортом, выданным мне президентом республики; но я должен высказать свое восхищение благовоспитанностью, присущей почти каждому чилийцу. В этом отношении резко обозначался контраст между соответствующими классами в Чили и в большинстве других стран. Могу привести случай, много позабавивший меня в то время: близ Мендосы мы встретили маленькую и очень жирную негритянку, ехавшую по-мужски на муле; у нее был такой огромный зоб, что нельзя было не задержать на ней хоть на миг удивленного взгляда; но два моих спутника почти тотчас же, как бы извиняясь, приветствовали ее на обычный в этой стране манер, сняв свои шляпы. Где в Европе кто-либо из низших ли, из высших ли классов проявил бы столько сочувствия и вежливости к убогому, жалкому существу отверженной расы?

Ночь мы провели в одном крестьянском доме. Наш способ путешествовать был восхитительно независим. В обитаемых местах мы покупали немного дров, снимали пастбище для наших животных и располагали свой лагерь в уголке того же пастбища. Мы везли с собой железный котелок, варили и поедали свой ужин под безоблачным небом и не знали никаких забот. Моими спутниками были Марьяно Гонсалес, который уже раньше сопровождал меня по Чили, и один арръеро [погонщик] с десятью своими мулами и мадриной. Мадрина (т. е. матка) — чрезвычайно важная особа; это старая, верная кобыла с колокольчиком на шее, и, куда бы она ни шла, мулы, точно послушные дети, следуют за ней. Привязанность этих животных к своим мадринам избавляет от многих хлопот. Если на одно поле пускают пастись несколько больших табунов, наутро погонщикам нужно лишь немного развести мадрин и зазвонить в их колокольчики, и пусть животных будет две или три сотни, каждый мул тотчас же узнает колокольчик своей мадрины и побежит к ней. Потерять старого мула почти невозможно, потому что, если даже задержать его на несколько часов силой, он все равно выследит при помощи обоняния, как собака, своих товарищей или, вернее, мадри-ну, так как она, по словам погонщиков, — главный предмет его привязанности. Впрочем, это чувство не индивидуального свойства: по-моему, я не ошибусь, утверждая, что любое животное с колокольчиком могло бы служить мадриной. В караване каждое животное по ровной дороге несет поклажу весом 416 фунтов [190 кг], в гористой же местности на 100 фунтов [45 кг] меньше; у этих животных такие слабые, тонкие

конечности, с несоразмерно малой мышечной массой, и, несмотря на это, они выдерживают столь громадную ношу! Мул всегда казался мне необычайно удивительным животным. То обстоятельство, что гибрид умом, памятью, упрямством, общественными наклонностями, способностью к длительным мускульным усилиям и продолжительностью жизни превосходит каждого из своих родителей, указывает, по-видимому, на то, что искусство здесь возобладало над природой. Из десяти наших животных шесть были предназначены для верховой езды, а четыре для переноса поклажи, причем они чередовались. У нас было много еды на случай если нас занесет снегом, потому что время года было несколько позднее для перехода через Портильо.

19 марта. — За этот день мы доехали до последнего и потому наиболее высоко расположенного дома в долине. Население сильно поредело, но повсюду, где землю можно было орошать, она была очень плодородна. Все главные долины Кордильер характеризуются тем, что они с обеих сторон окаймлены террасой, которая образована пластом грубо наслоившихся гальки и песка; пласт этот по большей части достигает значительной толщины. Эти террасы некогда простирались и поперек долин и были соединены между собой, а в северном Чили в тех долинах, где нет рек, таким же ровным слоем заполнено дно долин. По этим террасам обыкновенно и проложены дороги, так как поверхность у них ровная и они очень отлого подымаются вверх по долинам; по этой же причине их легко возделывать, применяя искусственное орошение. Их можно проследить до высоты от 7 000 до 9000 футов, где они теряются в беспорядочных грудах обломков. У своего нижнего конца, или устья, долины незаметно сливаются с теми закрытыми равнинами (также сложенными галькой) у подножий главного хребта Кордильер, которые уже были описаны мной в одной из предыдущих глав как характерная особенность чилийского ландшафта и которые, несомненно, отлагались в те времена, когда море врезалось в Чили так же, как теперь врезается в более южные берега. Ни одно явление в геологии Южной Америки не интересовало меня больше, чем эти террасы из грубо наслоившейся гальки. По своей структуре они точь-в-точь похожи на те отложения, какие оставляли в любой долине потоки, встречая на своем пути какое-нибудь препятствие, например впадая в озеро или морской рукав; но теперь потоки уже не отлагают осадков, а неуклонно разрушают и коренную породу, и эти аллювиальные отложения по всей длине каждой главной и каждой боковой долины. Здесь невозможно изложить все мотивы, но я убежден, что галечные террасы аккумулировались за время постепенного поднятия Кордильер, когда потоки отлагали свой детрит на последовательных уровнях, на низких берегах в верхнем конце длинных и узких морских рукавов сначала вверху долин, а затем, по мере того как суша медленно поднималась, все ниже и ниже. Если все это так и было, в чем я, впрочем, и не сомневаюсь, то великая расчлененная цепь Кордильер не была внезапно выброшена вверх, — взгляд, который до последнего времени был всеобщим, да и теперь еще распространен среди геологов, — а медленно поднималась всем своим массивом так же постепенно, как происходило и продолжает происходить в современный период поднятие берегов Атлантического и Тихого океанов. С этой точки зрения множество обстоятельств в строении Кордильер получает простое объяснение.

Реки, протекающие по этим долинам, следует скорее назвать горными потоками. Они текут под сильным уклоном и очень мутны. Рев Майпу, когда она проносится по огромным окатанным обломкам, не уступает грохоту моря. Среди шума стремительных вод даже издали вполне отчетливо слышался грохот ударяющихся друг о друга камней. Этот стук день и ночь слышен на всем протяжении потока. Красноречиво звучал этот язык для геолога: тысячи и тысячи камней, которые, ударяясь друг о друга, производили один глухой однообразный шум, увлекались все в одном направлении. Это напоминало течение времени, в котором уходящая минута исчезает безвозвратно.

То же самое было и с этими камнями: океан для них — вечность, и каждая нота их дикой мелодии возвещала, что они еще на один шаг приблизились к своей участи.

Всякий результат, к которому приводит причина, повторяющаяся так часто, что

самый множитель представляется нам столь же неопределенным, как дикарю число волос на его голове, наш ум в состоянии постигнуть только как результат некоторого медленного процесса. Каждый раз, когда мне случалось видеть слои ила, песка и гальки, достигающие многих тысяч футов в толщину, мне хотелось воскликнуть, что такие факторы, как нынешние реки и нынешние берега, никак не могли перемолоть и образовать подобные массивы. Но с другой стороны, вслушиваясь в грохот этих потоков и припоминая, что целые породы животных исчезли с лица земли и что в продолжение всего этого времени эти камни день и ночь продвигались все вперед и вперед по своему шумному пути, я думал про себя: могли ли какие угодно горы, какой угодно материк противостоять такому постепенному разрушению?

В этой части долины горы с обеих сторон достигали от 3000 до 6000–8000 футов высоты; у них были округленные очертания и крутые обнаженные склоны. Общая окраска горной породы темно-пурпуровая, и слоистость ее выражена очень отчетливо. Если картина эта и не была красива, то во всяком случае была удивительна и грандиозна. В продолжение дня мы встретили несколько стад коров, которых пастухи сгоняли с верхних долин Кордильер. Этот признак приближения зимы заставил нас ускорить шаг в большей степени, чем то было удобно для геологических исследований. Дом, где мы ночевали, был расположен у подножия горы, на вершине которой находились рудники Сан-Педро-де-Ноласко. Сэр Ф. Хед удивляется, каким образом были открыты рудные месторождения в таком необынном месте, как открытая вершина горы Сан-Педро-де-Нола-ско. Во-первых, металлические жилы в этой стране вообще тверже, чем окружающие слои, а потому с постепенным выветриванием холмов они начинают выступать над поверхностью земли. Во-вторых, почти каждый рабочий, особенно в северных областях Чили, кое-что знает о том, как выглядят руды. В больших горнорудных районах Кокимбо и Копьяпо дров очень мало, и люди ищут их на каждом холме, в каждой долине, и таким-то образом были открыты почти все богатейшие рудные месторождения. Чанунсильо, из которого за какие- нибудь несколько лет добыто серебра на много сот тысяч фунтов стерлингов, был открыт человеком, который бросил камень в своего навьюченного осла; заметив, что камень очень тяжел, он подобрал его и обнаружил, что в нем много чистого серебра; неподалеку нашлась жила, выходившая наружу, точно металлический клин. Горняки часто бродят по воскресеньям в горах, захватив с собой лом. В этой южной части Чили открытия делаются обыкновенно людьми, загоняющими скот в Кордильеры и заходящими во всякую расщелину, где только есть хоть немного подножного корма.

20 марта. — По мере того как мы поднимались вверх по долине, растительность становилась крайне скудной, если не считать немногих прелестных альпийских цветов, а четвероногих, птиц или насекомых мы вовсе не видели. Высокие горы, вершины которых обозначались несколькими пятнами снега, стояли отдельно друг от друга; долины были заполнены мощным пластом слоистого аллювия. В ландшафте Анд меня поразили всего более по контрасту с другими знакомыми мне горными цепями следующие особенности: плоские террасы, расширяющиеся иногда в узкие равнины по обеим сторонам долин; яркие краски, преимущественно красная и пурпуровая, совершенно обнажённых, обрывистых порфировых холмов; огромные, нигде не прерывающиеся, похожие на стены дайки; явственно раздельные слои, которые там, где они почти вертикальны, образуют живописные и дикие центральные пики, но там, где уклон у них меньше, образуют громадные массивные горы по окраинам главного хребта; наконец, гладкие конические кучи красивого, ярко окрашенного детрита, подымающиеся, под большим углом от основания гор, иногда до высоты более 2000 футов.

Я часто замечал как на Огненной Земле, так и в Андах, что там, где порода в течение большей части года покрыта снегом, она весьма своеобразно разбита на мелкие угловатые обломки. Скорсби наблюдал то же самое на Шпицбергене. Обстоятельство это представляется мне малопонятным, потому что та часть горы, которая защищена снежным покровом, должна подвергаться неоднократным сильным изменениям температуры — в меньшей степени, чем все остальные части. Иногда мне казалось, что, быть может, земля и каменные обломки удаляются с

поверхности породы не столько медленно просачивающейся снеговой водой, сколько дождем, а потому впечатление, будто под снегом разрушение коренной породы происходит быстрее, обманчиво. Но в чем бы ни была причина, а количество обвалившегося камня на Кордильерах очень велико. Случается, что весной крупные массы этого детрита скатываются с гор и покрывают снежные сугробы в долинах, образуя таким образом естественные льдохранилища. Мы проезжали по одному из них, расположенному много ниже черты вечных снегов.

Поздно вечером мы достигли странной чашеобразной равнины, называемой Вальедель-Есо. Она была покрыта кое-где сухой травой, и мы полюбовались видом стада среди окружающих каменистых пустынь. Долина получила свое название «Есо» [гипсовая] от громадного слоя, я полагаю по крайней мере в 2000 футов толщиной, белого и местами совершенно чистого гипса. Мы ночевали с партией рабочих, занимавшихся погрузкой на мулов этого вещества, применяемого при изготовлении вина. Выехали мы рано утром **(21-го)** и продолжали следовать по течению реки, которая сильно уменьшилась, пока не достигли подножия хребта, служившего разделом между водами, текущими в Тихий и Атлантический океаны. Дорога, которая до сих пор была хороша и неуклонно, но очень медленно шла в гору, теперь превратилась в крутую зигзагообразную тропу, взбирающуюся на великий горный хребет, разделяющий республики Чили и Мендоса.

Я дам здесь очень краткий очерк геологии нескольких параллельных цепей, образующих Кордильеры. Из этих цепей две значительно выше остальных, а именно со стороны Чили — хребет Пеукенес, который в том месте, где через него проходит дорога, поднимается на 13 210 футов над уровнем моря, и хребет Портильо со стороны Мендосы, высотой 14 305 футов. Нижние слои хребта Пеукенес и некоторых крупных цепей к западу от него представляют собой громадные ма§сивы во много тысяч футов толщиной из порфиров, вытекших в виде подводных лав; массивы перемежаются с угловатыми и округленными обломками тех же пород, выброшенными из подводных кратеров. Эти перемежающиеся массивы в средней части гор покрыты толстым слоем красного песчаника, конгломерата и известкового глинистого сланца, связанным с мощными слоями гипса и переходящими в них. В этих верхних слоях попадается довольно много раковин, принадлежащих к тому периоду, который соответствует приблизительно нижней меловой формации в Европе. То обстоятельство, что раковины моллюсков, некогда ползавших по дну морскому, теперь находятся на высоте почти 14 000 футов над уровнем моря, не ново, но от того не менее удивительно. Нижние слои в этом великом нагромождений пластов дислоцировались, подверглись действию высокой температуры, кристаллизовались и почти слились между собой под действием горных масс из особого рода белой натриево-гранитной породы.

Другая главная цепь — Портильо — совершенно иной формации; она состоит главным образом из грандиозных обнаженных пиков красного калиевого гранита, которые на западных склонах почти до самого низа покрыты песчаником, превратившимся в прошлом под действием высокой температуры в кварцит. На этом кварците покоятся слои конгломерата толщиной в несколько тысяч футов, которые были приподняты красным гранитом и опускаются теперь под углом 45° к цепи Пеукенес. Я с удивлением обнаружил, что этот конгломерат состоит частью из голышей, происшедших из пород хребта Пеукенес с их ископаемыми раковинами, частью же из красного калиевого гранита вроде гранита Портильо. Таким образом, мы должны заключить, что оба хребта, как Пеукенес, так и Портильо, были отчасти приподняты и подвергались выветриванию во время образования этого конгломерата; но поскольку слои конгломерата выброшены красным гранитом Портильо (вместе оскаленным им подстилающим песчаником) под углом 45°, мо. не сомневаться, что инъекция и поднятие отчасти уже образовавшейся цепи Портильо происходили главным образом после накопления конгломерата и через долгое время после поднятия хребта Пеукенес. Таким образом, Портильо, самый высокий хребет в этой части Кордильер, не так стар, как менее высокий хребет Пеукенес. Наклонный поток лавы у восточных подножий Портильо мог бы служить свидетельством в пользу того, что своей огромной высотой хребет этот отчасти обязан процессам поднятия, происходившим в еще

более поздний период. Что же касается его первоначального происхождения, то красный гранит, по-видимому, излился на уже до того существовавший древний хребет белого гранита и слюдистого сланца. Можно сделать вывод, что в большей части Кордильер, а может быть и повсюду в этих горах, каждый хребет образовался в результате повторных процессов поднятия и инъекции и что некоторые параллельные хребты имеют различный возраст. Только таким образом мы и получим, вообще говоря, достаточно большой период времени, позволяющий объяснить поистине поразительные размеры денудации этих великих — хотя и молодых по сравнению с большинством других хребтов — гор.

Наконец, раковины в более старом хребте-Пеукенес — доказывают, как уже отмечалось выше, что он был поднят на 14 000 футов со времени вторичного периода, который в Европе мы привыкли считать далеко не древним; но так как эти моллюски жили в море на умеренной глубине, то можно показать, что область, занимаемая ныне Кордильерами, должна была опуститься на несколько тысяч футов — в северном Чили до 6000 футов, — чтобы на том слое, где жили эти моллюски, могло собраться такое количество подводных наслоений. Доказать это можно точно таким же образом, как выше было показано, что в период гораздо более поздний, чем тот, когда в Патагонии жили третичные моллюски, там должно было произойти опускание на несколько сот футов, а вслед за тем поднятие. Геолог ежедневно убеждается в том, что ничто, даже самый ветер, не представляет такого непостоянства, как уровень коры нашей земли.

Сделаю только одно еще замечание геологического характера: несмотря на то что цепь Портильо выше, чем Пеукенес, воды, собирающиеся в промежуточных долинах, прорываются через нее. Точно такое же обстоятельство в еще более грандиозных масштабах отмечается в отношении восточного, самого высокого хребта Боливийских Кордильер, через который также текут реки; аналогичные факты наблюдаются и в других частях света. Все это можно понять, допустив последующее постепенное поднятие хребта Портильо: сначала появилась цепь островков, и по мере их поднятия приливы все время прорывали между ними более глубокие и широкие каналы. В наши дни даже в самых глухих узких проливах по берегам Огненной Земли течения в поперечных протоках, связывающих между собой продольные каналы, очень сильны, так что в одном поперечном канале даже завертело волчком маленькое судно под парусами.

Около полудня мы начали трудный подъем на хребет Пеукенес, и тут нам в первый раз стало несколько трудно дышать. Мулы останавливались через каждые пятьдесят ярдов, но, отдохнув несколько секунд, бедные послушные животные сами снова трогались в путь. Короткое дыхание вследствие разреженности воздуха чилийцы называют пуна, а 6 причине его имеют самые нелепые представления. Одни говорят: «Здесь во всех водах пуна»; другие говорят: «Где снег, там и пуна», — что, впрочем, несомненно, верно. Единственное ощущение, которое я испытал, состояло в том, что мне немного сжимало голову и грудь, как то чувствуешь, выходя из теплой комнаты и пускаясь быстрым бегом в морозную погоду. Но даже и тут в известной мере действовало воображение, ибо, найдя на самом высоком гребне ископаемые раковины, я от восторга совершенно позабыл о пуне. Конечно, напряжение при ходьбе было очень велико, а дыхание становилось глубже и тяжелее. Мне говорили, что в Потоси (около 13 000 футов над уровнем моря) приезжие за целый год не могут окончательно привыкнуть к тамошнему воздуху. Жители все рекомендовали употреблять против пуны лук; поскольку это растение иногда дают в Европе против грудных болезней, возможно, что и здесь оно в самом деле помогает; что до меня, то я не знаю ничего лучше ископаемых раковин!

Пройдя вверх около половины пути, мы повстречали большой отряд с семьюдесятью навьюченными мулами. Любопытно было слышать дикие крики погонщиков и наблюдать длинную вереницу спускающихся вниз животных, которые казались совсем маленькими, потому что их не с чем было сравнить, кроме обнаженных гор. С приближением к вершине ветер, как обычно, стал порывистым и страшно холодным. По обе стороны гребня нам пришлось

пробираться по широким полосам вечных снегов, которые вскоре должны были покрыться свежим слоем. Когда мы достигли вершины гребня и оглянулись, перед нами открылась великолепная картина. Ослепительно прозрачный воздух, ярко-синее небо, глубокие долины, причудливые, изломанные формы, груды обломков, нагромоздившиеся за многие века, ярко окрашенные горные породы, представляющие контраст со спокойным цветом снежных гор, — все это вместе составляло картину, не поддающуюся воображению. Ни растение, ни птица, если не считать нескольких кондоров, кружившихся над более высокими пиками, не отвлекали моего внимания от неодушевленных громад. Я был рад своему одиночеству; это было похоже на ощущение, какое испытываешь, наблюдая грозу или слушая хор из «Мессии» в сопровождении большого оркестра.

На нескольких покрытых снегом участках я нашел Protococcus niv-alis — красный снег, так хорошо известный по описаниям аркти ческих мореплавателей. Я обратил на него внимание, глядя на оставляемые мулами следы бледно-красного цвета, как будто копыта их были слегка окровавлены. Сначала я подумал было, что причиной тому пыль, приносимая с окрестных гор из красного порфира, так как вследствие увеличения, производимого кристаллами снега, группы этих микроскопических растений казались довольно крупными частицами. Снег окрашивался только там, где очень быстро таял или был случайно помят. Слегка потертая им бумага приобретала розоватый оттенок с легкой примесью кирпично-красного. Впоследствии я немножко поскоблил эту бумагу и увидел, что налет состоит из групп маленьких шариков в бесцветных оболочках, каждый в 0,001 дюйма в диаметре.

Ветер на гребне хребта Пеукенес, как только что было замечено, обычно порывистый и очень холодный; говорят, что он постоянно [дует с запада, т. е. со стороны Тихого океана. Так как наблюдения производились преимущественно летом, то надо полагать, что ветер этот есть не что иное, как верхнее обратное течение. В такое же верхнее обратное течение попадает и не столь высокий Тенерифский пик, лежащий под 28° широты. На первый взгляд кажется несколько удивительным, что пассат, дующий вдоль северных областей Чили и берегов Перу, так сильно отклоняется прямо на север; но, учитывая, что Кордильеры, протянувшиеся с севера на юг, точно огромная стена, преграждают путь нижнему воздушному течению во всей его толще, мы без труда увидим, что пассат, следуя вдоль горной цепи к экваториальным областям, должен отклоняться к северу и таким образом теряет часть того движения на восток, которое он получил бы в противном случае вследствие вращения земли. Говорят, что в Мендосе, у восточных подножий Анд, бывают долгие затишья и часто собираются грозовые тучи, которые, однако, никогда не разражаются грозами: можно представить себе, что ветер, приходя с востока, задерживается горной цепью, стихает и теряет правильный характер своего движения.

Перевалив через Пеукенес, мы спустились в горную страну, лежащую между двумя главными хребтами, и тут расположились на ючлег. Мы находились теперь в республике Мендоса. Высота местности была, вероятно, не ниже 11 000 футов, и потому растительность была крайне бедна. Топливом нам служил корень какого-то мелкого кустарника, но костер из него получился жалкий, а ветер между тем был пронизывающе холоден. Я так устал за день, что как можно скорее устроил себе постель и улегся спать. Около полуночи я заметил, что небо вдруг затянуло тучами; я разбудил аррьеро. чтобы узнать, не грозит ли нам непогода, но он отвечал, что если нет грома и молнии, то сильной метели опасаться нечего. Застигнутому непогодой между этими двумя хребтами угрожает серьезная опасность, ибо спастись тогда в укрытие уже очень трудно. Убежище можно найти только в одной пещере, в которой был на некоторое время задержан сильным снегопадом м-р Колдклью, переходивший горы в тот же день и в тот же месяц в году, что и я. На этом перевале не выстроены такие касучи (убежища), как на перевале Успальята, а потому осенью мало кто заходит на Портильо. Могу здесь заметить, что между главными хребтами Кордильер никогда не идет дождь: летом небо безоблачно, а зимой бывают только снежные метели.

В том месте, где мы ночевали, вода, как и следовало ожидать, вследствие пониженного атмосферного давления кипела при температуре более низкой, чем в местах, лежащих не так высоко, — явление, обратное тому, какое происходит в папиновом котле5. По этой причине картофель, находившийся несколько часов в кипящей воде, остался почти таким же твердым. Котелок простоял на огне всю ночь, на следующее утро снова кипел, и все-таки картофель не сварился. Я узнал об этом, подслушав разговор двух моих спутников; они рассудили просто — что «проклятый котелок (а он был новый) не желает варить картофель».

22 марта. — Позавтракав без картофеля, мы поехали по лежащей между хребтами местности к подножию хребта Портильо. В середине лета сюда сгоняют пастись скот, но теперь он уже весь был уведен; даже большая часть гуанако бежала отсюда, хорошо зная, что если их застигнет здесь метель", то они окажутся в ловушке. Перед нами открылся прекрасный вид на горный массив, называемый Тупунгато, весь одетый нетронутым снежным покровом, посредине которого виднелось голубое пятно, без сомнения, ледник — явление, редкое в этих горах. Начался трудный и долгий подъем, почти такой же, как на Пеукенес. Справа и слева поднимались крутые конические холмы из красного гранита; в долинах было несколько широких полей вечного снега. Эти мерзлые массивы в процессе таяния в некоторых местах превратились в столбы, или колонны, которые там, где они были высоки и стояли близко друг к другу, затрудняли передвижение навьюченных мулов. Одна из этих ледяных колонн служила как бы пьедесталом для замерзшей лошади; задние ноги ее были вскинуты прямо вверх. Животное, должно быть, упало головой вниз в яму, когда все кругом было занесено снегом, а впоследствии снег вокруг него растаял.

Когда мы были уже близки к гребню перевала Портильо, нас окутало опускавшееся облако мельчайших ледяных иголочек. Это было крайне неприятно, так как видимость была очень плохой в течение всего дня. Перевал получил свое название Портильо [«узкий проход»] от узкой расселины, или ворот, на самом высоком гребне, через который проходит дорога. В ясную погоду отсюда видны необъятные равнины, простирающиеся до самого Атлантического океана. Мы спустились до верхней границы растительности и нашли удобный ночлег под защитой больших каменных обломков. Тут мы встретили нескольких путников, которые стали с беспокойством расспрашивать нас о состоянии пути. Вскоре после того как стемнело, облака вдруг ушли, и все изменилось как по волшебству. Громадные горы, освещенные полной луной, казалось, нависли над нами со всех сторон, как будто мы находились на дне глубокого ущелья; однажды утром, в очень ранний час, я был свидетелем точно такого же поразительного явления. Как только облака рассеялись, стало очень морозно; но ветра не было, и спали мы вполне хорошо.

Замечательно, как усилилась на этой высоте яркость луны и звезд вследствие полной прозрачности воздуха. Путешественники, заметившие, как трудно судить о высоте и расстоянии среди высоких гор, приписывают это обычно отсутствию объектов для сравнения. Мне кажется, что это обусловлено в равной мере и прозрачностью воздуха, стирающей различие между предметами, находящимися на разном расстоянии, а отчасти также и новизной того непривычного чувства необыкновенной усталости, которое возникает при небольшом напряжении сил, — привычка противостоит, таким образом, свидетельству чувств. Я уверен, что эта чрезвычайная прозрачность воздуха и придает какой-то особенный характер ландшафту: все предметы кажутся словно совмещенными в одной плоскости, как на рисунке или на панораме. Прозрачность же, я полагаю, обусловлена тем, что воздух здесь всегда одинаково и притом в высокой степени сух. Эта сухость сказывается и в том, как ссыхаются изделия из дерева (что я скоро обнаружил по тем неприятностям, которые доставил мне геологический молоток), и в том, как сильно отвердевают съестные припасы, например хлеб и сахар, и в том, как сохраняются шкура и мясо животных, павших на дороге. Этой же причине нужно приписать и ту необыкновенную легкость, с какой возбуждается здесь электричество. Мой фланелевый жилет, когда я потирал его в темноте, выглядел, будто бы был покрыт фосфором; на спине собаки трещал каждый волосок; даже льняные простыни и кожаные ремни седла испускали искры, когда к ним

прикасались рукой.

23 марта. — Спуск по восточным склонам Кордильер гораздо короче, вернее, круче, чем со стороны Тихого океана; иными словами, со стороны равнин горы поднимаются круче, чем из горной страны Чили. Гладкое и сверкающе белое море облаков расстилалось у нас под ногами, заслоняя вид на столь же гладкие пампасы. Вскоре мы вступили в этот пояс облаков и весь день уже не выходили из него. Около полудня, найдя на Лос-Ареналес пастбище для наших животных и кустарник, годный для костра, мы остановились там на ночь. Это было недалеко от верхней границы кустарников, на высоте, как я полагаю, от 7 до 8 тысяч футов.

Меня очень поразило резкое различие между растительностью этих, восточных долин и долин чилийского склона, хотя климат и почва почти одинаковые, а разница в долготе самая незначительная. То же самое я заметил и в отношении четвероногих и в меньшей степени в отношении птиц и насекомых. Могу привести в пример мышей: я собрал их 13 видов на берегах Атлантического океана и 5 на берегах Тихого, но среди них не было ни одного тождественного. Мы должны исключить только все те виды, которые водятся высоко в горах или случайно заходят туда, а также некоторых птиц, которые распространены на юг до Магелланова пролива. Факт этот полностью согласуется с геологической историей Анд: эти горы существовали как громадный барьер с тех самых пор, как появились современные виды животных; поэтому нам и не следует ожидать сходства более близкого между организмами на разных склонах Анд, чем между организмами на противоположных берегах океана, — не то пришлось бы допустить, что одни и те же виды были созданы в двух разных местах. В обоих случаях нужно исключить из рассмотрения те виды, которые были в состоянии пробраться через барьер, будь то каменный массив или соленая вода.

Растения и животные были здесь по большей части те же, что и в Патагонии, или очень близкие к ним. Тут водятся агути, вискаша, три вида броненосцев, страус, некоторые породы куропаток и других птиц; ни одно из этих животных не встречается в Чили, но все они характерны для пустынных равнин Патагонии. Тут есть также многие из тех же самых (впрочем, только для глаз человека, не сведущего в ботанике) чахлых колючих кустарников, та же сухая трава и карликовые растения. Даже черные, медленно ползающие жуки и те очень похожи на патагонских. а некоторые, я уверен, при самом строгом осмотре окажутся абсолютно тождественными с ними. Прежде я все время жалел, что мы вынуждены были отказаться от подъема вверх по реке Санта-Крус раньше чем достигли гор: у меня все еще оставалась затаенная надежда встретиться с какими-нибудь значительными переменами в характере страны; но теперь я уверен, что все дело свелось бы только к тому, что равнины Патагонии сменились бы круто уходящими вверх горами.

24 марта. — Рано утром я вскарабкался на гору с одной стороны долины и с удовольствием увидел широко раскинувшиеся пампасы. Это было то самое зрелище, которого я всегда ожидал с таким интересом, но тут я был разочарован; с первого взгляда оно показалось мне очень похожим на вид отдаленного океана, но вскоре в северном направлении я различил много неровностей. Наиболее интересной особенностью были реки, которые сверкали в лучах восходящего солнца, как серебряные нити, пока не терялись где-то в безграничной дали. В полдень мы спустились в долину и достигли домика, где помещались офицер и три солдата, проверявшие паспорта. Один из солдат был чистокровный пампасский индеец: его держали здесь с той же целью, с какой держат собаку-ищейку, — выслеживать всякого, кто захотел бы — пешком ли, на лошади ли — тайком пробраться мимо. Несколько лет назад один путник пытался остаться незамеченным, для чего сделал длинный обход вокруг соседней горы; но этот индеец случайно набрел на его след, целый день гнался за ним по сухим каменистым холмам, пока наконец не нашел беглеца укрывшимся в лощине. Здесь мы узнали о том, что серебристые облака, которыми мы любовались сверху, где все было залито солнцем, излили потоки дождя. Начиная с этого места долина стала постепенно раскрываться, а холмы по сравнению с оставленными позади

гигантами казались всего лишь размытыми водой пригорками; потом долина перешла в слегка наклонную равнину, покрытую щебнем и поросшую низкорослыми деревьями и кустарником. Эта осыпь, хотя и кажется узкой, достигает, должно быть, 10 миль в ширину, прежде чем переходит 'в совершенно ровные на вид пампасы. В окрестности мы видели только один дом — эстансию Чакуайо; на закате мы остановились у первого же укромного уголка и расположились там на ночь.

25 марта. — Я вспомнил буэнос-айресские пампасы, увидев диск восходящего солнца, перерезанный горизонтом, ровным, как в океане. Ночью выпала сильная роса — явление, которого мы ни разу не встречали в Кордильерах. Дорога шла некоторое время прямо на восток через низменную топь, а выйдя на сухую равнину, сворачивала к северу, по направлению к Мендосе, до которой оставалось два долгих дня пути. В первый день нам понадобилось сделать 14 лье до Эстакадо, а во второй- 17 лье до Лухана, около Мендосы. Вся дорога проходит по гладкой пустынной равнине, на которой нам встретилось не больше двух-трех домов. Солнце сильно пекло, да и вся поездка была лишена какого бы то ни было интереса. В этой траверсии [пустыне] очень мало воды, и за второй день поездки нам встретилась только одна лужица. С гор стекает мало воды, да и та скоро поглощается сухой ноздреватой почвой, так что хотя мы ехали на расстоянии только 10–15 миль от наружного хребта Кордильер, но не пересекли тут ни одного ручья. Во многих местах земля была покрыта инкрустацией из соляных отложений, а потому тут были такие же солончаковые растения, какие растут около Баия-Бланки. Ландшафт носит однообразный характер вдоль всего восточного побережья Патагонии от Магелланова пролива до Рио-Колорадо, и, по-видимому, такая же местность простирается в глубь страны от этой реки и, поворачивая, доходит до Сан-Луиса, а может быть, и еще дальше на север. К востоку от этой изогнутой полосы лежит бассейн сравнительно влажных и зеленых равнин Буэнос-Айреса. Бесплодные равнины Мендосы и Патагонии покрыты слоем галечника, окатанного и накопленного тут волнами моря, тогда как пампасы, покрытые чертополохом, клевером и травой, образованы илом древнего эстуария Ла-Платы.

После двух дней утомительного путешествия на нас еще издали освежающе подействовал вид тополей и ив, растущих рядами вокруг селения и реки Лухан. Вскоре после приезда сюда мы заметили на юге какое-то клочковатое облако темного красновато-бурого цвета. Сначала мы подумали, что это дым от какого-то большого пожара на равнинах, но скоро увидали, что это рой саранчи. Она летела на север и, подгоняемая легким ветерком, обгоняла нас со скоростью 10 или 15 миль в час. Главное ядро насекомых заполняло воздух от 20 и, казалось, до 200–300 футов над землей, и «звук их крыльев был точно грохот запряженных множеством коней колесниц, мчащихся в бой» или, я бы сказал, вернее, точно завывание сильного ветра в снастях корабля. Даже сквозь авангард роя небо казалось гравюрой, отпечатанной меццо-тинто, но сквозь ядро его вовсе ничего не было видно; впрочем, насекомые летели не так плотно, чтобы не могли уклониться от палки, которой я размахивал. Когда они сели, то их было больше, чем листьев в поле, и поверхность земли сделалась из зеленой красноватой; после того как рой сел, отдельные насекомые продолжшш летать из стороны в сторону по всем направлениям. Саранча — обычное бедствие в этой стране: в этом году сюда уже прилетало несколько меньших роев с юга, где, как то происходит, очевидно, во всех частях света, саранча размножается в пустынях. Бедные крестьяне тщетно пытались отвратить нападение, разводя костры, поднимая крик и размахивая ветками. Этот вид саранчи очень похож на знаменитую Gryllus migratorius Востока, а может быть и тождествен с ней.

Мы переправились через Лухан, довольно большую реку, путь которой к морю, однако, известен очень плохо; не выяснено даже, не испаряется ли она и не теряется ли в равнинах. Ночевали мы в Лухане, небольшом селении, окруженном садами и составляющем самый южный возделанный округ провинции Мендоса; он расположен в 5 лье к югу от столицы. Ночью я подвергся нападению (ибо оно никак не заслуживает менее сильного названия) бенчуки, крупного черного, пампасского клопа из рода Reduvius. Нет ничего противнее того ощущения, какое

испытываешь, когда по телу ползут эти мягкие бескрылые насекомые, около дюйма длиной. До того как клопы насосутся, они совсем плоские, но после того как нальются кровью, становятся круглыми, и в таком состоянии их легко раздавить. Один клоп, пойманный мной в Икике (они водятся и в Чили, и в Перу), был совершенно тощий. Я положил его на стол, и, хотя вокруг стояли люди, стоило подставить палец, как смелое насекомое тотчас же высовывало свой хоботок, бросалось на палец и, если ему позволяли, сосало кровь. Укус не причинял никакой боли. Любопытно было наблюдать, как во время сосания менее чем за десять минут тело клопа из плоского, как облатка, становилось шарообразным. Однако такого пиршества, которому бенчука был обязан одному из наших офицеров, было достаточно, чтобы насекомое оставалось растолстевшим целых четыре месяца; но уже после первых двух недель оно было совсем не прочь снова полакомиться.

27 марта. — Мы поехали в Мендосу. Страна была прекрасно возделана и похожа на Чили. Эта местность славится фруктами, и в самом деле не найдется ничего, что казалось бы таким цветущим, как эти виноградники и фруктовые сады с фиговыми, персиковыми и оливковыми деревьями. Мы покупали арбузы почти вдвое больше человеческой головы, чудесно освежающие и ароматные, по полпенни за штуку, а за три пенса — полтележки персиков. В провинции обработано и огорожено очень немного земли — немногим больше того, что мы видели по пути между Луха-ном и столицей. Как и в Чили, земля своим плодородием всецело обязана искусственному орошению, и поистине изумительно, какой необыкновенно плодородной становится благодаря орошению голая траверсия.

Следующий день мы провели в Мендосе. В последние годы благосостояние города сильно упало. Жители говорят: «Тут хорошо жить, но очень трудно разбогатеть». У низших сословий те же ленивые и бесшабашные нравы, что у пампасских гаучосов, да и одежда, конская сбруя и образ жизни почти такие же. На мой взгляд, город выглядит каким-то, вялым, заброшенным. Ни прославленной аламедой [бульваром] ни общим видом своим он не может идти ни в какое сравнение с Сантьяго; но приезжим из Буэнос-Айреса, только что пересекшим однообразные пампасы, эти фруктовые сады должны показаться восхитительными. Сэр Ф. Хед, говоря о здешних жителях, замечает: «Они пообедают, а потом уже очень жарко, и они 'ложатся спать, — ибо что им еще делать?» Я вполне согласен с сэром Ф. Хедом: счастливый удел обитателей Мендосы заключается в возможности есть, спать и бездельничать.

29 марта. — Мы выехали обратно в Чили через перевал Успальята, расположенный к северу от Мендосы. Нам предстоял длинный переезд в 15 лье по совершенно бесплодной траверсии.

В одних местах почва была совершенно голая, в других — покрыта бесчисленными карликовыми кактусами, вооруженными грозными иглами; местные жители называют их «маленькими) львами». Тут росли также немногочисленные низкорослые кустарники. Хотя равнина лежит на высоте почти 3 000 футов над уровнем; моря, солнце пекло немилосердно, а жара и облака мельчайшей пыли делали наше путешествие крайне утомительным. Дорога весь день. шла почти параллельно Кордильерам, но все же постепенно к ним приближалась. Перед заходом солнца мы вступили в одну из широких долин, вернее, бухт, открывающихся на равнину; долина вскоре сузилась в ущелье, по которому несколько выше расположен дом Вилья-Висенсио. Так как весь день мы провели без капли воды, наши мулы и мы сами томились жаждой и жадно высматривали поток, струящийся вниз по долине. Любопытно было следить, как постепенно появлялась вода: на равнине русло было совсем сухим, потом оно понемногу слегка увлажнялось, затем появились лужи, которые вскоре стали соединяться между собой, и у Вилья-Висенсио уже струился прелестный ручеек.

30 марта. — Одинокую избушку, носящую импозантное название Вилья-Висенсио, упоминают все путешественники, переходившие здесь через Анды. В этом месте, а также на соседних рудниках я провел следующие два дня. Геология окрестных мест очень интересна. Хребет Успальята отделен от главных Кордильер длинной,

узкой равниной, или котловиной, подобной тем, которые так часто упоминались мной в описании Чили, только лежащей выше, на высоте 6 000 футов над уровнем моря. Этот хребет географически расположен относительно Кордильер почти так же, как гигантская горная цепь Портильо, но он совершенно иного происхождения: он состоит из различного рода подводных лав, перемежающихся с вулканическими песчаниками и другими замечательными осадочными отложениями; все это вместе очень похоже на третичные пласты на берегах Тихого океана. Исходя из такого сходства, я ожидал найти здесь окременелые деревья, которые вообще характерны для этих формаций. Ожидание мое оправдалось самым необыкновенным образом. В средней части хребта, на высоте около 7 000 футов, я заметил на обыкновенном склоне выступающие белоснежные столбы. То были окаменелые деревья, из коих одиннадцать были окременелые, а тридцать-сорок других превратились в грубокристаллический белый известковый шпат. Они были обломаны, и оставшиеся пни торчали лишь на несколько футов из земли. Стволы были от 3 до 5 футов в окружности. Они стояли на некотором расстоянии один от другого, но все вместе составляли одну группу. М-р Роберт Броун был настолько любезен, что изучил эти деревья, и нашел, что они принадлежат к подразделению елевых, но в то же время имеют черты семейства араукариевых, а в некоторых любопытных отношениях сродни тиссу. Вулканический песчаник, в котором залегали деревья и из нижних слоев которого они, должно быть, выросли, постепенно скоплялся вокруг стволов тонкими слоями, и камень до сих пор сохраняет следы их коры.

Немного нужно было иметь опыта в геологии, чтобы понять ту удивительную историю, какую раскрывала вся эта картина, хотя, сознаюсь, в первый момент я был до того изумлен, что едва верил несомненной очевидности, Я видел перед собой то место, где некогда группа — красивых деревьев качала свои ветви на берегах Атлантического океана в ту пору, когда океан этот (ныне отступивший на 700 миль) подходил к подножию Анд. Я видел, что они выросли из вулканической почвы, которая поднялась над уровнем моря, и что впоследствии эта суша вместе с еще стоявшими деревьями опустилась в глубины океана. В этих глубинах прежняя суша покрылась осадочными слоями, которые в свою очередь были залиты громадными потоками подводной лавы, — один такой массив достигал тысячи футов в толщину; потоки расплавленного камня и водные отложения пять раз поочередно покрывали друг друга. Океан, вмещавший такие высокие массивы, был, должно быть, очень глубок; но снова пришли в действие подземные силы, и теперь я видел перед собой дно этого океана, образовавшее горную цепь вышиной более 8 000 футов. Не дремали, однако, и те противодействующие силы, которые постоянно разрушают поверхность земли: огромные толщи пластов были пересечены множеством широких долин, а деревья, ныне обратившиеся в кремень, выступали теперь обнаженные из обратившейся ныне в камень вулканической почвы, откуда некогда, зеленые и цветущие, поднимали они свои высокие кроны. Теперь все вокруг совершенно бесплодно и пустынно; даже лишайник не может прилепиться к каменным слепкам прежних деревьев. Пусть такого рода громадные и едва укладывающиеся в сознании перемены и должны были когда-нибудь произойти, но тут все они совершились за период, недавний по сравнению с историей Кордильер, тогда как сами Кордильеры — образование буквально современное по сравнению со многими содержащими окаменелости пластами Европы и Америки.

1 апреля. — Мы перевалили через хребет Успальята и ночевали в таможне — единственном обитаемом месте на равнине. Незадолго до того, как оставить горы, мы увидели совершенно необычайную картину: красные, пурпурные, зеленые и совсем белые осадочные породы, перемежающиеся с черными лавами, были взломаны снизу внедрившимися в них в полнейшем беспорядке массами порфира всех цветов и оттенков — от темно-коричневого до самого яркого лилового. Я впервые увидел тут картину, действительно похожую на те красивые разрезы, какими геологи изображают внутренность земли.

На следующий день мы пересекли равнину и направились по течению того самого большого горного потока, который протекает у Лухана. Здесь поток был бурным и стремительным; переправиться через него не было никакой возможности, и воды в нем по-видимому, было больше, чем внизу, как то мы наблюдали и в отношении

ручейка у Вилья-Висенсио. На следующий день к вечеру мы добрались к Рио-де-лас-Вакас, который считается самым трудным для переправы потоком в Кордильерах. Так как все эти реки быстры, коротки и образуются тающим снегом, то объем их сильно меняется в зависимости от времени дня. Вечером поток мутный и полноводный, но к рассвету он становится более прозрачным и далеко не таким стремительным. То же самое было и на Рио-Вакас, и утром мы переправились через эту реку без большого труда.

Пейзаж до сих пор был очень неинтересен по сравнению с перевалом Портильо. Немного можно было увидеть за голыми стенами громадной плоской долины, по которой шла дорога вплоть до самого высокого гребня. Долина и огромные скалистые горы совершенно обнажены: две предыдущие ночи нашим бедным мулам совершенно нечего было есть, ибо, за исключением немногочисленных низкорослых смолистых кустиков, здесь вряд ли растет что-нибудь еще. В продолжение этого дня мы перебрались через некоторые из самых трудных в Кордильерах перевалов, и, надо сказать, опасность их оказалась сильно преувеличенной. Мне говорили, что если я попробую пройти пешком, то у меня закружится голова и что там некуда сойти с мула; но я не видел такого места, где нельзя было бы повернуть назад или сойти с мула в обе стороны. Проехав через один из трудных проходов, называемый Лас-Анимас («Души»), я только на следующий день узнал, что подвергался страшной опасности. Разумеется, есть много таких мест, откуда всадник полетел бы в пропасть, если бы мул оступился, но последнее маловероятно. Правда, весной ладеры, т. е. дороги, которые каждый год прокладываются заново через груды обвалившегося детрита, очень плохи; но, судя по тому, что я видел, подозреваю, что в действительности опасности нет никакой. Несколько иначе обстоит дело с навьюченными мулами, потому что вьюки выступают так сильно, что животные, случайно наскочив друг на друга или на выступ скалы, теряют равновесие и летят в пропасть. Я вполне могу поверить, что переправа через реки может оказаться очень трудной; в это время года она доставила нам мало хлопот, но летом переправа, должно быть, дело опасное. Я отлично могу представить себе описанное сэром Ф. Хедом различие между ощущением человека, который уже прошел над бездной, и того, кто еще проходит над ней. Я ни разу не слыхал, чтобы утонул человек, но с навьюченными мулами это часто случается. Арръеро советует вам направить мула на верный путь, а потом предоставить ему переправляться самому как ему заблагорассудится; но навьюченные мулы, случается, сворачивают с правильного пути и часто гибнут.

4 апреля. — От Рио-де-лас-Вакас до Пуэнте-дель-Инкас полдня пути. Так как тут было пастбище для мулов и геологический материал для меня, то мы расположились здесь на ночь. Когда слышишь о естественном мосте, то рисуешь себе какое-нибудь глубокое и узкое ущелье, поперек которого упала каменная глыба, или огромную арку, выдолбленную наподобие свода пещеры. Мост Инков вместо всего этого представляет собой пласт наслоившегося щебня, сцементированного отложениями соседних горячих источников. Кажется, будто поток выдолбил канал с одной стороны, оставив нависший выступ, который соединился с землей и камнями, упавшими с обрыва противоположного берега. Разумеется, место такого соединения по наклонной линии, какое должно было произойти в данном случае, было совершенно отчетливо видно с одной стороны. Мост Инков никоим образом недостоин тех великих государей, имя которых он носит.

5 апреля. — Мы ехали весь день от моста Инков, через центральный хребет, к Охос-дель-Агуа, расположенному около самой нижней касучи на чилийской стороне. Эти касучи представляют собой круглые башенки с наружными ступенями, ведущими в помещение, пол которого лежит на несколько футов выше поверхности земли, чтобы его не заносило снегом в метели. Таких башенок восемь; при испанском правительстве в них держали всю зиму запас провизии и древесного угля, и у каждого курьера был свой ключ, отпиравший все касучи. Теперь они служат только погребами или скорее темницами. Расположенные на каких-нибудь небольших возвышениях, они, впрочем, неплохо гармонируют с окружающей их унылой картиной. Зигзагообразный подъем на Кумбре, который

служит водоразделом, был очень крут и утомителен; высота этого гребня, согласно м-ру Пентленду, 12 454 фута. Дорога нигде не проходила по вечному снегу, хотя и справа и слева мы видели покрытые им пространства. На вершине дул чрезвычайно холодный ветер, но невозможно было не остановиться на несколько минут, чтобы вновь и вновь полюбоваться цветом небес и ослепительной прозрачностью воздуха. Вид открывался грандиозный: на западе в красивом беспорядке лежали горы, прорезанные глубокими ущельями. Уже до этого времени года обыкновенно выпадает снег, и случается также, что переход через Кордильеры оказывается совершенно невозможным. Но нам особенно посчастливилось. Небо день и ночь было безоблачно, если не считать немногочисленных круглых облачков, которые плавали над самыми высокими пиками. Мне часто случалось видеть в небе эти островки, обозначающие местоположение Кордильер, когда сами далекие горы скрывались за горизонтом.

6 апреля. — Наутро мы обнаружили, что какой-то вор украл одного из наших мулов и колокольчик с мадрины. Поэтому мы проехали только две-три мили вниз по долине и оставались там весь следующий день в надежде отыскать мула, спрятанного, как полагал аррьер, в какой-нибудь лощине. Пейзаж в этих местах принимает чилийский характер: склоны гор, испещренные внизу бледными вечнозелеными деревьями Quillaja и большими, похожими на канделябры кактусами, конечно, приятнее для глаз, нежели обнаженные восточные долины; но я не совсем разделяю то восхищение, какое выражают некоторые путешественники. Я подозреваю, что главной причиной их величайших восторгов было предвкушение доброго огня и доброго ужина после бегства из холодных верхних областей, и я, конечно, всем сердцем разделяю эти чувства.

8 апреля. — Мы покинули долину Аконкагуа, по которой спускались, и вечером добрались к сельскому дому близ Вилья-де-Санта-Росы. Равнина была удивительно плодородна; ввиду наступления осени со многих плодовых деревьев опадали листья; из работников одни были заняты сушкой инжира и персиков на крышах своих домиков, другие снимали виноград. Это была прелестная картина; но для меня в ней недоставало той задумчивой тишины, которая делает осень в Англии настоящим вечером года, 10-го числа мы прибыли в Сантьяго, где я встретил самый любезный и радушный прием со стороны м-ра Колдклью. На эту поездку я потратил всего двадцать четыре дня, и никогда за такой срок я не получал большего удовольствия. Через несколько дней я вернулся в дом м-ра Корфилда в Вальпараисо.

Глава XVI. Северное Чили и Перу

Прибрежная дорога в Кокимбо

Большие тяжести, переносимые горняками

Кокимбо

Землетрясение

Ступенчатые террасы

Отсутствие современных отложений

Одновременность третичных формаций

Экскурсия вверх по долине

Дорога в Гуаско

Пустыни.

Долина Копьяпо

Дождь и землетрясение.

Водобоязнь

Деспобладо

Индейские развалины

Вероятная перемена климата

Русло реки, выпученное землетрясением

Сильные холодные ветры

Звуки холма Элъ-Брамадор.

Икике

Соляное отложение. Азотнокислый натрий

Лима.

Нездоровая местность

Развалины Кальяо, разрушенного землетрясением

Недавнее опускание

Поднятые раковины на Сан-Лоренсо, их разложение

Равнина с погребенными раковинами и обломками глиняной посуды.

Древность индейской расы

27 апреля. — Я отправился в поездку в Кокимбо, а затем через Гуаско в Копьяпо, откуда капитан Фиц-Рой любезно предложил захватить меня на борт «Бигля». Расстояние по прямой линии вдоль берега, на север, составляло всего 420 миль, но мой способ путешествия очень затянул поездку. Я купил четырех лошадей и двух мулов; последние должны были таскать поклажу по очереди, день через день. Шесть животных все вместе стоили всего 25 фунтов стерлингов, а в Копьяпо я перепродал их за 23 фунта. Мы путешествовали так же независимо, как и прежде:

сами себе стряпали и спали на свежем воздухе. Когда мы подъезжали к Виньо-дель-Мар, я бросил прощальный взгляд на Вальпараисо и пришел в восхищение от его живописного вида. Ради геологических исследований я сделал крюк, свернув с большой дороги к подошве Колокольной горы Кильоты. Мы проехали через аллювиальный район, богатый золотом, в окрестности Лимаче, где и переночевали. Промывкой золота существуют обитатели многочисленных избушек, разбросанных по берегам каждого ручейка; но подобно всем людям с непостоянным заработком они ведут беспорядочную жизнь, а потому бедны.

28 апреля. — После полудня мы подъехали к сельскому домику, стоящему у подошвы Колокольной горы. Жители его были собственниками земли, что не часто встретишь в Чили. Они существовали тем, что приносили им сад и небольшое поле, но были очень бедны. Средства здесь так ограниченны, что народ вынужден продавать невызревший хлеб на корню, чтобы купить предметы первой необходимости на следующий год. Оттого пшеница дороже в том самом районе, где она произрастает, чем в Вальпараисо, где живут скупщики. На следующий день мы выехали на большую дорогу в Кокимбо. Ночью шел небольшой дождь, первый после ливня 11 и 12 сентября, державшего меня пленником на Каукенесских водах. Промежуток был в семь с половиной месяцев, — правда дождь в этом году выпал в Чили несколько позже обычного. Далекие Анды были теперь покрыты глубоким снегом и выглядели просто великолепно.

2 мая. — Дорога по-прежнему шла побережьем, на небольшом расстоянии от моря. Немногочисленные деревья и кустарники, свойственные среднему Чили, быстро уменьшались в числе, а вместо них появлялось какое-то высокое растение, с виду несколько похожее на юкку1. Поверхность страны была сильно разбита и неровна: среди небольших равнин или котловин поднимались маленькие обрывистые острые вершины скал. Изрезанный берег и дно моря близ берега, усеянное подводными камнями, будучи превращены в сушу, явили бы такие же формы, и подобное превращение, безусловно, совершилось и в том месте, где мы проезжали.

3 мая. — Килимари — Кончали. Страна становилась все более и более бесплодной. В долинах воды едва хватало для орошения, а в промежутках земля была совершенно голая — тут нечем было прокормиться даже козам. Весной, после зимних ливней, быстро всходит редкая трава, и тогда на короткое время скот сгоняют с Кордильер на эти пастбища. Любопытно наблюдать, как семена трав и других растений приспособляются, — по-видимому, как бы благодаря приобретенной привычке — к количеству дождей, выпадающих в различных местах на этом побережье. Один ливень, выпадающий дальше к северу, в Копьяпо, производит такое же действие как два в Гуаско и три или четыре в этом районе. Зима настолько сухая, что в Вальпараисо она причинила бы ущерб пастбищу, в Гуаско привела бы к самому необычайному изобилию. С продвижением к северу количество дождей убывает, по-видимому, не строго пропорционально широте. В Кончали, всего в 67 милях от Вальпараисо, дождя не ждут до самого конца мая, тогда как в Вальпараисо он выпадает обыкновенно в начале апреля; кроме того, годовое количество его мало, даже если учесть, как поздно наступает дождливое время года.

4 мая. — Убедившись, что дорога вдоль берега лишена всякого интереса, мы повернули в глубь страны, в сторону горнорудного района и долины Ильяпель. Долина эта, как и вообще все долины в Чили, ровная, широкая и очень плодородная; с обеих сторон она ограничена либо обрывами из напластовавшегося щебня, либо обнаженными скалистыми горами. Над прямой линией самой верхней оросительной канавы все буро, как на большой дороге, тогда как под ней все одето яркой, как ярьмедянка, зеленью ковров альфарфы (род клевера)2. Мы проехали в Лос-Орнос, другой горнорудный район, где главная гора была вся изрыта ходами, точно громадный муравейник. По своему образу жизни чилийские горняки составляют какую-то особую расу людей. Они живут по целым неделям в самых глухих местах, а когда спустятся на праздники в деревни, то нет таких излишеств или сумасбродств, каким они не предавались бы. Иногда они заработают

значительную сумму и тогда подобно морякам, получившим призовые, всячески стараются как можно скорее растратить ее. Они пьют, не зная меры, накупают множество платья и через несколько дней возвращаются без гроша в свои жалкие обиталища, чтобы работать еще более тяжко, чем вьючный скот. Эта беспечность, как у моряков, является, очевидно, результатом сходного образа жизни. Хлеб насущный им обеспечен, а потому они не приучаются к предусмотрительности; кроме того, искушение и средства к его удовлетворению являются к ним в одно и то же время.

Наоборот, в Корнуэлле и в некоторых других местах в Англии, где следуют системе продажи жилы по частям, горняки, вынужденные сами заботиться о себе, — люди чрезвычайно сметливые и добронравные.

Одежда чилийского горняка своеобразна и довольно живописна. Он носит очень длинную рубашку из какой-нибудь темной байки и кожаный передник, и все это схвачено вокруг пояса ярким кушаком. Штаны очень широки, а маленькая шапочка из ярко-красной ткани плотно прилегает к голове. Мы встретили группу этих горняков в полном наряде, провожавших в могилу тело одного из своих товарищей. Они шли очень быстрым шагом; четверо несли покойника. После того как одна партия пробежала со всей возможной быстротой ярдов двести, ее сменили четверо других, которые раньше умчались вперед верхом на лошадях. Так они двигались, подбодряя друг друга дикими криками, и вся эта картина представляла собой самую странную похоронную процессию.

Мы продолжали свой путь к северу зигзагами, задерживаясь иногда на день ради геологических исследований. Местность была так редко населена, а дорога так неопределенна, что мы часто с трудом находили свой путь. 12-го я задержался у каких-то рудников. Руда тут не считалась особенно хорошей, но ее было много, и предполагалось, что месторождение будет продано за 30–40 тысяч долларов (т. е. за 6 000-8 000 фунтов стерлингов); одна из английских компаний купила ее за унцию золота (3 фунта 8 шиллингов). Руда представляет собой медные колчеданы, о которых я уже замечал, что до приезда англичан и не предполагали, что в них содержится хотя бы крупица меди. Почти так же выгодно, как и в предыдущем случае, были приобретены и кучи шлака, изобилующие мельчайшими шариками металлической меди; но при всех этих выгодах горнорудные компании умудряются терять тут, как это хорошо известно, огромные суммы денег. Безрассудство большинства уполномоченных и пайщиков граничит с безумием: платят иногда по целой тысяче фунтов в год на задабривание чилийских властей; заводят библиотеки роскошно переплетенных геологических книг; выписывают горняков — специалистов по отдельным металлам, которые не встречаются в Чили, например по олову; принимают на себя обязательство снабжать горняков молоком в тех местах, где нет коров; заводят машины там, где невозможно их применить; все это и еще сотня подобных же дел свидетельствуют о глупости англичан и по сей день потешают местных жителей. А ведь нет никакого сомнения, что тот же самый капитал, с толком употребленный на этих рудниках, принес бы громадную прибыль; все, что для этого потребовалось бы, — это доверенное лицо, человек, опытный в горном деле и в анализе руд.

Капитан Хед описывает, какой поразительный груз выносят наверх из глубочайших шахт апиры, эти поистине вьючные животные. Сознаюсь, я думал, что эти сведения преувеличены, и потому был рад возможности взвесить один из грузов, выбранный мной наудачу. Мне понадобилось приложить значительное усилие, чтобы, стоя прямо над грузом, приподнять его с земли. Груз взвесили, и оказалось, что он весил меньше обычного — 197 фунтов [90 кг]. Апир вынес его на высоту 80 ярдов — частью по крутому проходу, но большей частью по бревнам с вырубленными в них ступеньками, расположенным зигзагообразной линией вверх по шахте. По общему здесь правилу апиру не полагается останавливаться и переводить дыхание, если только в шахте нет 600 футов глубины. Средней тяжестью считается вес несколько больше 200 фунтов, и меня уверяли, что как-то опыта ради вынесли наверх из глубочайшей шахты груз в 300 фунтов [135 кг]. На этот раз апиры выносили свой обычный груз двенадцать раз в день, т. е. 2 400 фунтов [1 100 кг] с глубины 80

ярдов, а в промежутках отбивали и собирали руду.

Люди эти, если не считать несчастных случаев, здоровы и, по-видимому, жизнерадостны. Тело у них не очень мускулистое. Они редко едят мясо даже раз в неделю, да и то только жесткое, сухое чарки. Хоть я и знал, что труд их добровольный, но не мог не возмущаться при виде того, в каком состоянии добирались они до выхода из шахты: согнувшись вперед, они цеплялись руками за ступени; ноги были согнуты, мышцы вздрагивали, пот с лица градом катился по груди, ноздри были раздуты, углы рта судорожно оттянуты назад, грудь дышала необыкновенно тяжело. Переводя дыхание, они всякий раз испускали членораздельный крик «эй-эй», который завершался звуком, поднимающимся из глубины груди, только пронзительным, как звук флейты. Добравшись, шатаясь, до кучи руды, они опорожняли свой карпачо [огромный мешок], две-три секунды передохнув, отирали пот со лба и снова, будто не утомленные, быстрым шагом спускались в шахту. Все это кажется мне разительным примером того, какой тяжкий труд может вынести человек в силу привычки, ибо ничего иного тут быть не может.

Вечером я беседовал с управляющим этих рудников о том, какое множество иностранцев разбросано ныне по всей стране; управляющий, еще совсем молодой человек, помнил, что, когда он еще был мальчиком и ходил в школу в Кокимбо, детей однажды специально отпустили посмотреть на английского капитана, прибывшего в город для переговоров с губернатором; никого из школьников, по уверениям управляющего, в том числе и его самого, ничем нельзя было заставить подойти к англичанину, — до того твердо были они-убеждены, что от прикосновения к такому человеку происходят ересь, болезни и несчастья. До сих пор памятны ужасные поступки буканьеров, особенно одного, который унес образ девы Марии, а через год вернулся за образом св. Иосифа, заявив, что ему жаль даму, оставшуюся без мужа. Я слыхал также об одной старой даме, которая за обедом в Кокимбо заявила, насколько странным кажется ей то обстоятельство, что она дожила до того, чтобы обедать в одной комнате с англичанином; ибо она помнила, как в ее юные годы при одном только крике «Los ingleses!» («Англичане!») все жители дважды устремлялись в горы, захватив с собой все, что было поценнее3.

14 мая. — Мы приехали в Кокимбо, где пробыли несколько дней. Город ничем не замечателен, кроме необыкновенной тишины. Говорят, что в нем от 6 до 8 тысяч жителей. Утром 17-го в продолжение часов пяти шел слабый дождь, впервые в этом году. Крестьяне, сеющие хлеб около берега моря, где воздух более влажный, воспользовавшись дождем, принялись пахать; после второго дождя они станут сеять, а если выпадет еще и третий дождь, то весной они снимут богатый урожай. Любопытно было наблюдать действие этого незначительного количества влаги. Двенадцать часов спустя земля уже выглядела такой же сухой, как прежде, но при прошествии десяти дней на всех холмах появились слабые зеленые пятна редких волосовидных волокон травы, в целый дюйм длиной. Между тем до этого дождя вся поверхность земли была голой, как на большой дороге.

Вечером, когда капитан Фиц-Рой и я обедали с м-ром Эдвардсом, английским резидентом, хорошо известным своим гостеприимством всем, кто бывал в Кокимбо, произошло довольно сильное землетрясение. Я слышал предшествовавший ему гул, но самого колебания из-за воплей дам, беготни слуг и стремительного бегства нескольких джентльменов к выходу я уловить не смог. Некоторые женщины потом расплакались от страха, а один джентльмен сказал, что не сможет уснуть всю ночь, а если уснет, то ему только и будут сниться рушащиеся дома. Отец этого человека потерял незадолго до того все свое состояние в Талькауано, а сам он едва спасся из-под рушившейся кровли в 1822 г. в Вальпараисо. Он отметил одно любопытное совпадение, которое произошло тогда: он играл в карты, и один из игроков, немец, встал и заявил, что он никогда в этих краях не сидит в комнате при запертой двери, потому что из-за этого он чуть не погиб в Копьяпо. Он отворил дверь, но в тот же миг вскричал: «Вот опять начинается!» — и последовал знаменитый толчок. Игроки все спаслись. При землетрясении опасность заключается не в потере

времени на то, чтобы открыть дверь, а в том, что ее может зажать при движении стен.

Нельзя особенно удивляться тому страху, который испытывают обыкновенно во время землетрясений как местные жители, так и давно поселившиеся здесь резиденты, хотя некоторые из них известны как люди, обладающие большим присутствием духа. Впрочем, я полагаю, эту излишнюю панику можно отнести отчасти за счет непривычки подавлять свой страх, ибо этого чувства здесь не стыдятся. Наоборот, туземцы не любят проявления равнодушия. Я слышал, что два англичанина, спавших на открытом воздухе во время сильного толчка, не поднялись, зная, что опасность им не грозит. Туземцы стали кричать в негодовании: «Посмотрите на этих еретиков, они даже не соизволят выбраться из постели!»

Я потратил несколько дней на осмотр ступенчатых террас из галечника, описанных впервые капитаном Б. Холлом; по мнению м-ра Ляйелля, они образованы морем в процессе постепенного поднятия суши. Объяснение это, безусловно, правильно, потому что я нашел на этих террасах многочисленные раковины ныне существующих видов моллюсков. Эти террасы поднимаются одна за другой пятью узкими, слегка покатыми полосами; там, где террасы выражены лучше всего, они сложены галечником; они обращены к заливу и раскинулись по обе стороны долины. В Гуаско, севернее Кокимбо, это явление обнаруживается в гораздо более грандиозных масштабах, так что поражает даже некоторых местных жителей. Террасы там гораздо шире, их можно даже назвать равнинами; в некоторых местах их шесть, но обыкновенно бывает только пять; они заходят вверх по долине на 37 миль от берега. Эти ступенчатые террасы очень похожи на те, что окаймляют долину Санта-Крус, и — только в меньших масштабах — на те громадные террасы, которые тянутся вдоль всего побережья Патагонии. Нет никакого сомнения, что они образованы денудационными силами моря в длительные периоды покоя, прерывавшие постепенные поднятия материка.

Раковины многих современных видов моллюсков не только лежат на поверхности террас в Кокимбо (до высоты 250 футов), но и погребены в хрупкой известковой породе, которая достигает от 20 до 30 футов в толщину, но занимает небольшое пространство. Эти новейшие слои покоятся на древней третичной формации, содержащей раковины видов, которые все, по-видимому, вымерли. Хотя я осмотрел столько сотен миль как тихоокеанского, так и атлантического побережья материка, но не находил правильных слоев, заключающих раковины современных видов морских моллюсков, нигде, кроме этого места и немногих пунктов к северу, по дороге в Гуаско. Обстоятельство это представляется мне в высшей степени замечательным, так как то объяснение, которое обыкновенно дают геологи отсутствию в каком-либо районе слоистых, содержащих окаменелости отложений некоторого определенного периода, — а именно, что местность эта была в то время сушей, — здесь неприменимо; ибо, судя по раковинам, рассеянным по поверхности либо погребенным в сыпучем песке или в растительном слое почвы, мы знаем, что эта суша на протяжении тысяч миль вдоль побережий обоих океанов не так давно лежала под водой. Объяснение, несомненно, нужно искать в том обстоятельстве, что вся южная часть материка в продолжение долгого времени медленно поднималась, а потому все отложения, накоплявшиеся по берегам в мелкой воде, должны были вскоре подниматься из воды и постепенно подвергаться тому медленному разрушительному действию, какому подвергается береговая полоса; между тем только в сравнительно мелкой воде может успешно существовать большинство морских организмов, а на такой глубине явно невозможно накопление пластов значительной толщины. В доказательство громадной силы того разрушительного действия, которому подвергается береговая полоса, достаточно вспомнить огромные обрывы вдоль нынешнего берега Патагонии и уступы, которые были в древности обрывами на морском берегу, а теперь расположены на разных уровнях один над другим вдоль того же побережья. Древняя подстилающая третичная формация в Кокимбо относится, по-видимому, приблизительно к той же эпохе, что и еще несколько отложений на побережье Чили (главное из которых находится в Навидаде), а также громадная формация в

Патагонии. И в Навидаде, и в Патагонии существуют доказательства тому, что со времени, когда жили моллюски, раковины которых там погребены (их перечень был просмотрен профессором Э. Форбсом), произошло опускание на несколько сот футов, а затем последовало поднятие. Естественно поставить вопрос, каким образом, — несмотря на то что по обеим сторонам материка не сохранилось обширных содержащих окаменелости отложений ни современного периода, ни какого-нибудь периода промежуточного между современным и древней третичной эпохой, — могло получиться, что в эту древнюю третичную эпоху отложились осадки, содержащие окаменелые остатки и сохранившиеся в различных широтах на протяжении 1 100 миль по берегам Тихого океана и по крайней мере 1350 миль по берегам Атлантики, а в направлении с запада на восток — на протяжении 700 миль, через самую широкую часть материка? Я полагаю, что этому нетрудно найти объяснение, которое, быть может, применимо также к почти аналогичным фактам, наблюдаемым в других частях света. Если принять во внимание громадные размеры производимой морем денудации, — о чем свидетельствуют бесчисленные факты, — то вряд ли можно допустить, чтобы осадочное отложение, поднимаясь, могло пройти через те испытания, каким подвергается береговая полоса, и вместе с тем сохраниться в массивах, достаточно мощных для того, чтобы впоследствии они могли просуществовать еще долгий период, — если только оно с самого начала не занимало обширного пространства при значительной толщине; но совершенно невозможно, чтобы на сравнительно небольшой глубине, где только и имеются благоприятные условия для большинства живых существ, мог развиться такой толстый и обширный осадочный покров, — если только при этом дно не опускалось, освобождая место для последующих слоев. Так, по-видимому, и происходило в действительности приблизительно в один и тот же период в южной Патагонии и в Чили, хотя страны эти расположены за тысячу миль одна от другой. Итак, если продолжительное и приблизительно одновременное опускание происходит обыкновенно на обширном пространстве, — к чему я сильно склоняюсь после моих исследований коралловых рифов в океанах, — или если, — ограничиваясь одной Южной Америкой, — опускание происходило на том же пространстве, что и поднятие, благодаря которому в период существования современных моллюсков были подняты берега Перу, Чили, Огненной Земли, Патагонии и Ла-Платы, — то тогда следует, что в одно и то же время в далеких друг от друга пунктах обстоятельства благоприятствовали образованию содержащих окаменелости отложений, занимающих обширные пространства при значительной толщине; вот почему такие отложения имели полную возможность противостоять разрушительному действию моря при последовательном прохождении ими стадии береговой полосы и сохраниться на будущие времена.

21 мая. — Я отправился вместе с дон Хосе Эдвардсом на серебряный рудник Аркерос, а оттуда вверх по, долине Кокимбо. Мы ехали через гористую местность и к ночи добрались до рудников, принадлежавших м-ру Эдвардсу. Эту ночь я провел с особенным наслаждением, которого не смогут вполне оценить в Англии: здесь не было блох! В Кокимбо ими кишат все комнаты, но они не водятся здесь, на высоте всего лишь 3–4 тысяч футов; дело тут вряд ли в незначительном понижении температуры — этих докучливых насекомых здесь губит какая-то иная причина. Рудники теперь в плохом состоянии, хотя некогда давали около 2 000 фунтов серебра в год. Кто-то сказал, что «владелец медного рудника получает прибыль, серебряного — может получить прибыль, но владелец золотых приисков наверняка терпит убыток». Это неверно, ибо все крупные состояния в Чили составлены на добыче драгоценных металлов. Несколько времени назад один английский врач, вернувшийся в Англию из Копьяпо, привез с собой прибыль с одного пая, вложенного в серебряный рудник, достигавшую почти 24 000 фунтов стерлингов. Конечно, медный рудник под хорошим присмотром — дело верное, тогда как остальные — предприятие рискованное или скорее лотерейный билет. Владельцы теряют большие количества ценной руды, потому что никакими мерами не удается уберечься от краж. Я слышал, как один джентльмен бился об заклад с другим, что один из рабочих обворует его на его же глазах. Когда руду выносят из рудника, ее дробят на куски, и бесполезный камень отбрасывают в сторону. Двое горняков, занимавшихся этим делом, как будто случайно бросали в один и тот же момент по обломку и кричали при этом в шутку: «Посмотрим, чей упадет дальше!» Хозяин,

стоявший тут же, поспорил на сигару со своим другом. Горняк поэтому точно заметил то место среди пустой породы, куда упал камень. Вечером он подобрал его, принес хозяину и, показывая кусок богатой серебром руды, сказал: «Вот тот камень, который упал дальше и благодаря которому вы выиграли сигару».

23 мая. — Мы спустились в плодородную долину Кокимбо и проехали по ней до принадлежавшей родственнику дон Хосе гасьен-ды, где и провели следующий день. Потом я поехал дальше, на расстояние одного дня пути, чтобы посмотреть то, что называли окаменелыми раковинами и бобами, но что оказалось мелкими кварцевыми голышами. Мы проехали несколько маленьких селений; долина была прекрасно возделана и представляла собой великолепную картину. Мы находились поблизости от главных хребтов Кордильер, и окружающие холмы были очень высоки.

Повсюду в северном Чили фруктовые деревья приносят гораздо более обильный урожай на значительной высоте близ Анд, нежели в низменностях. Инжир и виноград этого района славятся своим высоким качеством, и под ними заняты большие площади. Эта долина, может быть, самая плодородная к северу от Кильоты; я думаю, что в ней, включая Кокимбо, живет 25 тысяч человек. На следующий день я вернулся в гасьенду, а оттуда, вместе с дон Хосе, в Кокимбо.

2 июня. — Мы выехали в долину Гуаско по береговой дороге, которая считалась несколько менее пустынной, чем остальные. За первый день мы доехали до одинокого дома, называемого Ерба-Буэна, где нашлось пастбище для наших лошадей. Ливень, выпавший, как уже было упомянуто, две недели назад, дошел только до места, находящегося на полпути к Гуаско, поэтому легкий зеленый оттенок, который имела земля в начале нашего путешествия, вскоре совсем исчез. Даже и там, где этот оттенок был всего ярче, он был все-таки слишком слаб, чтобы напомнить свежую траву и распускающиеся цветы весенней поры в других странах. Проезжая по этим пустыням, чувствуешь себя узником, запертым в мрачной тюрьме и тоскующим по зелени и влажному воздуху.

3 июня. — Ерба-Буэна — Карисаль. В первой половине дня мы проезжали гористую каменистую пустыню, а затем длинную и глубокую песчаную равнину, усеянную разбитыми морскими раковинами. Тут было очень мало воды, да и та была соленой: вся страна от берега моря до Кордильер представляет собой необитаемую пустыню. Я видел обильные следы существования одного только животного, а именно раковины моллюска Bulimus, лежащие огромными кучами в самых сухих местах4. Весной распускает свои редкие листочки одно скромное растеньице, и этими-то листочками питаются улитки. Так как улитки показываются только очень рано утром, когда земля слегка увлажнена росой, то гуасо полагают, что они рождаются из росы. Я замечал и в других местах, что крайне сухие и бесплодные районы с известковой почвой чрезвычайно благоприятны для наземных моллюсков. В Карисале я нашел несколько домиков, солоноватую воду и незначительные участки возделанной земли; но нам лишь с трудом удалось купить немного зерна и соломы для лошадей.

4 июня. — Карисаль-Саусе. Мы продолжали свой путь по пустынным равнинам, на которых живут большие стада гуанако. Мы пересекли также долину Чаньяраль, самую плодородную между Гуаско и Кокимбо, но очень узкую и производящую так мало пастбищной травы, что мы не смогли ничего купить для наших лошадей. В Саусе мы нашли одного очень вежливого старого господина, ведавшего медеплавильной печью. В знак особого расположения он продал мне по высокой цене охапку грязной соломы — все, что получили наши бедные лошади на ужин после целого дня езды. В Чили в настоящее время действует немного плавильных печей: ввиду острого недостатка дров и из-за неудачного чилийского метода восстановления руды оказывается более выгодным перевозить руду морем в Суонси. На следующий день мы, перебравшись через несколько гор, приехали во Фрейрину, в долине Гуаско. По мере нашего продвижения на север растительность с каждым днем становилась все более и более скудной; даже огромный, похожий на канделябр кактус здесь сменили другие, более мелкие виды. В продолжение зимних месяцев и в северном Чили, и в Перу над Тихим океаном низко нависает

однообразная гряда облаков. С гор перед нами открылся поразительный вид на это сверкающе белое воздушное поле, от которого протягивались длинные языки вверх по долинам, оставляя острова и мысы, точно так же как море в архипелаге Чонос и на Огненной Земле.

Мы пробыли во Фрейрине два дня. В долине Гуаско лежат четыре маленьких городка. У входа в нее расположена гавань, место совершенно пустынное, в непосредственной окрестности которого вовсе нет воды. Пятью лье выше лежит Фрейрина, разбросанное в длину селение с приятными выбеленными домами. Еще десятью лье выше расположен Бальенар, а над ним Гуаско-Альто, садоводческое селение, славящееся своими сушеными фруктами. В ясный день вид вверх по долине очень красив: если смотришь вперед, взор упирается в отдаленные, покрытые снегом Кордильеры, а по обеим сторонам бесконечное число пересекающихся линий сливается в красивую дымку. Передний план выглядит совершенно своеобразно из-за большого числа параллельных ступенчатых террас; охватываемая ими зеленая полоса долины с ее ивовыми кустами представляла контраст с обнаженными холмами по обеим ее сторонам. Зная, что большого дождя здесь не было уже 13 месяцев, можно было легко понять, почему окрестности были совершенно обнажены. Жители с величайшей завистью услышали о дожде в Кокимбо; впрочем, вид неба сулил надежды на то же благо, оправдавшиеся две недели спустя. Я находился тогда в Копьяпо, и народ там с такой же завистью толковал об обильном дожде в Гуаско. После двух — трех засушливых лет, может быть с одним только ливнем за все время, наступает дождливый год, который приносит даже больше вреда, чем засуха. Реки разливаются и покрывают гравием и песком узкие полосы земли, которые одни только и пригодны для обработки. Наводнения портят также ирригационные канавы. Такое огромное опустошение произвели дожди три года назад.

8 июня. — Мы поехали в Бальенар, получивший свое название от Баллинаха в Ирландии, откуда произошло семейство О'Хиггинсов, члены которого при испанском правлении были в Чили президентами и генералами. Каменистые горы справа и слева были скрыты облаками; расположенные террасами равнины придавали долине такой же вид, какой имеет долина Сайта-Крус в Патагонии. Проведя один день в Бальенаре, я направился 10 числа в верхнюю часть долины Копьяпо. Весь день мы ехали по совершенно неинтересной местности. Мне уже надоело повторять эпитеты «обнаженный» и «бесплодный». Впрочем, слова эти так, как они обыкновенно употребляются, имеют сравнительный смысл; я применял их всегда, говоря о равнинах Патагонии, которые могут похвастать колючими кустарниками и кое-какими пучками травы, так что их, безусловно, можно считать плодородными по сравнению с северным Чили. Да и здесь немного найдется таких пространств в каких-нибудь двести квадратных ярдов, где при тщательном осмотре нельзя было бы отыскать какого-нибудь кустика, кактуса или лишайника, а в почве скрываются семена, готовые взойти в первую же дождливую зиму. В Перу же настоящие пустыни занимают обширные пространства. Вечером мы достигли долины, в которой русло ручейка оказалось влажным, и, следуя по этому руслу вверх, добрались до весьма неплохой воды. Ночью ручей, не так быстро испаряясь и поглощаясь, протекает на целое лье ниже, чем днем. Веток для костра было сколько угодно, так что место для нашего лагеря было отличное; но для бедных животных тут не нашлось никакого корма.

11 июня. — Мы ехали без остановки двенадцать часов, пока не добрались до одной старой плавильной печи, где оказались и вода, и дрова; но лошадям нашим опять нечего было есть, и мы заперли их в каком-то старом дворе. Дорога была холмистая и отдаленные виды привлекали взор разнообразными красками обнаженных гор. Чуть ли не жаль было видеть, как солнце постоянно сияет над этой бесполезной страной: такой великолепной погоде были бы под стать зеленеющие поля и прелестные сады. На следующий день мы достигли долины Копьяпо. Я был этому искренно рад, так как вся поездка только и была что постоянным источником беспокойства: слышать во время ужина, как наши лошади грызут столбы, к которым привязаны, не имея никакой возможности утолить свой голод, было чрезвычайно неприятно. Впрочем, животные, по всей видимости,

отнюдь не были изнурены, и никто бы не сказал, что они не ели ничего в продолжение 55 часов.

У меня было рекомендательное письмо к м-ру Бингли, который очень любезно принял меня в гасьенде Потреро-Секо. Это поместье имеет от 20 до 30 миль в длину, но очень узко, так что в ширину большей частью умещаются только по два поля, по одному на каждом берегу реки. В некоторых местах имение, так сказать, вовсе не имеет никакой ширины, т. е. землю там нельзя оросить, и потому она так же лишена всякой ценности, как и окружающая скалистая пустыня. Малое количество возделанной земли на всем протяжении долины определяется не столько неровностями местности и связанной с этим непригодностью земли для орошения, сколько недостатком воды. Река в этом году была удивительно полноводна: здесь, в верхней части долины, вода в ней доходила лошади до брюха, ее ширина была около 15 ярдов, а течение весьма быстрое; дальше вниз она становится все меньше и меньше и обыкновенно вовсе теряется: как-то раз в продолжение тридцати лет ни одна капля воды ее не доходила до моря. Жители с большим нетерпением ожидали метели над Кордильерами, потому что один хороший снегопад обеспечивает их водой на весь следующий год. Этот снегопад имеет бесконечно большее значение, чем дождь в долине. Дождь, выпадая примерно раз в два-три года, неизменно приносит огромную пользу, потому что некоторое время после него коровы и мулы могут найти в горах немного подножного корма. Но если нет снега в Андах, запустение постигает всю долину. Люди тут помнят, как трижды все жители бывали вынуждены переселяться на юг. В этом году воды было сколько угодно, и каждый вволю орошал свою землю; между тем часто оказывается необходимым ставить у шлюзов солдат — следить за тем, чтобы на каждое поместье забиралось только определенное количество воды в течение стольких-то часов в неделю. В долине считается двенадцать тысяч жителей, но производимых ею продуктов хватает только на три месяца в году; остальное продовольствие привозят из Вальпараисо и с юга. До открытия знаменитых серебряных месторождений в Чанунсильо Копьяпо быстро приходил в упадок, но теперь состояние его самое цветущее, и город, полностью разрушенный землетрясением, уже отстроен.

Долина Копьяпо, всего только зеленая ленточка в пустыне, сильно отклоняется к югу, так что ее длина до верховьев ее в Кордильерах весьма значительна. Долины Гуаско и Копьяпо можно рассматривать как длинные, узкие острова, только отделенные от остального Чили не соленой водой, а каменистыми пустынями. К северу от них есть еще одна, крайне незначительная долина, по названию Папосо, где живет около двухсот человек, а за ней уже простирается настоящая пустыня Атакама — преграда куда более непреодолимая, чем самый бурный океан. Проведя несколько дней в Потреро-Секо, я направился вверх по долине к дому дон Бенито Круса, к которому у меня было рекомендательное письмо. Я нашел у него самый радушный прием; впрочем, не найдется достаточно сильных выражений для описания той доброжелательности, с какой встречают путешественников почти повсюду в Южной Америке. На следующий день я нанял мулов для поездки через ущелье Холькера в центральные Кордильеры. Во вторую ночь погода, казалось, предвещала метель или дождь, а лежа в постелях, мы ощутили легкий толчок землетрясения.

Связь между землетрясениями и погодой часто обсуждалась; мне кажется, что этот неясный для нас вопрос представляет большой интерес. В одной из частей описания своего путешествия Гумбольдт замечает, что всякому, кто долго жил в Новой Андалузии или в Нижнем Перу, трудно было бы отрицать наличие некоторой связи между этими явлениями; впрочем, в другом месте он, по-видимому, считает эту связь воображаемой. В Гуаякиле, говорят, сильный ливень в сухое время года неизменно сопровождается землетрясением. В северном Чили, ввиду того что гам не только сам дождь, но даже погода, предвещающая дождь, бывает крайне редко, вероятность случайных совпадений становится очень малой: между тем и здесь жители твердо убеждены в наличии какой-то связи между состоянием атмосферы и колебанием почвы. Я был очень удивлен, когда жители Копьяпо, узнав от меня о сильном подземном толчке в Кокимбо, тотчас же

воскликнули: «Какое счастье! Там будет обильное пастбище в этом году». Для них землетрясение так же верно предвещает дождь, как дождь — обильную траву на пастбищах. И действительно, в тот самый день, когда произошло землетрясение, пошел ливень, благодаря которому, как я уже отмечал, через десять дней выросла редкая травка. В других случаях, дождь сопровождал землетрясение в такое время года, когда сам он — явление куда более необыкновенное, чем даже землетрясение; так было в Вальпараисо после толчка в ноябре 1822 г. и еще раз в 1829 г., а также в Такис после землетрясения в сентябре 1833 г. Нужно несколько освоиться с климатом этих стран, чтобы понять, до чего невероятен дождь в такое время года, если только он не является следствием некоторого закона, не связанного с обычным течением погоды. Что же касается крупных вулканических извержений, как, например, извержение Косегуины, когда потоки дождя лились в самое необычное для этого времени года, чему «почти не бывало примеров в средней части Южной Америки», то нетрудно понять, что клубы пара и облака пепла могут нарушить равновесие атмосферы. Гумбольдт распространяет этот взгляд и на случай землетрясений, не сопровождаемых извержениями; но я не могу представить себе, каким образом небольшое количество газообразных веществ, выделяющихся из образовавшихся в земле трещин, может производить столь замечательное действие. Чрезвычайно вероятной представляется точка зрения, высказанная впервые м-ром П. Скропом, что, когда барометр стоит низко и естественно было бы ожидать дождя, пониженное давление атмосферы над обширным пространством земли могло бы весьма точно определить день, когда земля, уже до предела напряженная подземными силами, подастся и станет давать трещины, а вследствие этого содрогаться. Впрочем, неясно, насколько это представление в состоянии объяснить то обстоятельство, что проливные дожди идут в сухое время года в продолжение нескольких дней после землетрясения, не сопровождавшегося извержением: подобные случаи свидетельствуют, по-видимому, о какой-то более тесной связи между атмосферной и подземной областями.

Найдя немного интересного в этой части ущелья, мы вернулись обратно к дому дон Бенито, где я пробыл два дня, коллекционируя ископаемые раковины и окаменелые деревья. Тут было чрезвычайно много больших окременелых стволов деревьев, погребенных в лежа- i чем положении в конгломерате. Я измерил один из них, имевший, как оказалось, 15 футов в окружности; как удивительно, что каждый атом древесного вещества в этом огромном цилиндре был удален и замещен кремнеземом с такой полнотой, что сохранились каждый сосуд, каждая пора! Деревья эти росли в период, соответствующий приблизительно нашему нижнему мелу; все они принадлежат к подсемейству елевых. Забавно было слышать, как местные жители толковали о природе ископаемых раковин, которые я собирал, почти в тех же словах, какие были в ходу сто лет назад в Европе, а именно в таком ли состоянии были они «рождены природой». Мои геологические исследования обыкновенно возбуждали немалое удивление среди чилийцев; мне долго не удавалось убедить их, что я не ищу рудные месторождения. Иногда это даже доставляло мне неудобства. Я обнаружил, что легче всего объяснить им мое занятие, спрашивая, почему они сами не интересовались до сих пор причиной землетрясений и вулканических извержений, или отчего одна весна бывает жаркая, а другая холодная, или почему в Чили горы, а в провинциях Ла-Платы нет ни одного холма. Эти простые вопросы сразу же удовлетворяли и заставляли умолкнуть большую часть любопытных; но некоторые (как и кое-кто в Англии, кто отстал лет на сто) считали все подобные изыскания бесполезными и нечестивыми, полагая достаточным объяснение, что так уж горы сотворены богом.

Недавно был издан приказ убивать всех бродячих собак, и мы видели по дороге множество собачьих трупов. В последнее время взбесилось много собак, и было укушено несколько человек, которые от этого умерли. В этой долине несколько раз свирепствовала водобоязнь. Замечательно, что такая странная и страшная болезнь появляется время от времени в одном и том же изолированном месте. Было замечено, что в Англии точно так же некоторые деревни подвержены этой эпидемии гораздо больше остальных. Д-р Унануэ отмечает, что водобоязнь впервые появилась в Южной Америке в 1803 г.; утверждение это подкрепляется тем, что

Азара и Ульоа в свое время никогда о ней не слыхали. Д-р Унануэ говорит, что болезнь разразилась в Центральной Америке и медленно распространялась на юг. В 1807 г. она достигла Арекипы, где, говорят, ею заболели несколько человек, не будучи укушены, в том числе негры, поевшие мяса вола, издохшего от водобоязни. В Икс такой ужасной смертью погибло 42 человека. Болезнь обнаруживалась между двенадцатым и девятнадцатым днем после укуса, и во всех случаях смерть неизменно наступала не позже чем через пять дней. После 1808 г. последовал длительный перерыв, в течение которого заболеваний не было. Я много расспрашивал, но так и не услыхал о водобоязни ни на Вандименовой Земле, ни в Австралии; Бёрчелл также говорит, что в продолжение пяти лет, которые он провел на Мысе Доброй Надежды, он никогда не слыхал ни об одном случае этой болезни. Уэбстер уверяет, что на Азорских островах ни разу не было случая водобоязни; то же самое утверждают и относительно островов Маврикия и св. Елены*. Некоторые сведения об этой странной болезни можно было бы получить, изучив обстоятельства, при которых она возникает в отдаленных странах, ибо невероятно, чтобы в эти страны была привезена уже укушенная собака.

Ночью к дому дон Бенито подъехал какой-то незнакомец и попросил разрешения переночевать. Он сказал, что семнадцать дней блуждал в горах, сбившись с пути. Он вышел из Гуаско и так как привык путешествовать в Кордильерах, то предполагал без труда добраться до Копьяпо; вскоре он, однако, запутался в лабиринте гор и не мог оттуда выбраться. Несколько его мулов слетело в пропасть, и он оказался в очень тяжелом положении. Главная трудность его положения проистекала оттого, что он не знал, где можно найти воду в низменности, а потому ему приходилось держаться у центральных хребтов.

Мы поехали обратно вниз по долине и **22-го** числа достигли города Копьяпо. Нижняя часть долины широка и образует прекрасную равнину вроде Кильоты. Город занимает значительное пространство земли, при каждом доме есть сад, но место это все-таки какое-то неприветливое и жилища плохо обставлены. Каждый, по-видимому, преследует одну цель — заработать денег, а потом как можно скорее уехать отсюда. Все жители более или менее тесно связаны с рудниками, и рудники да руда — единственная тема разговоров. Все предметы первой необходимости крайне дороги, потому что от города до порта 18 лье, а сухопутная перевозка очень дорого обходится. Курица стоит 5–6 шиллингов, мясо почти так же дорого, как в Англии, дрова, или, вернее, ветки, привозят на ослах из мест, от которых два или три дня пути по Кордильерам, прокорм скота обходится здесь шиллинг в день — все это совершенно необычайно для Южной Америки.

26 июня. — Я нанял проводника и восемь мулов, чтобы проехать в Кордильеры иным путем по сравнению с тем, которому я следовал в свою последнюю экскурсию. Так как местность тут была совершенно пустынная, мы захватили с собой полтора вьюка ячменя, смешанного с рубленой соломой. На расстоянии около двух лье от города вверх по той долине, по которой мы приехали, от нее ответвляется другая широкая долина, называемая Деспобладо, т. е. необитаемая. Несмотря на то что эта долина огромнейших размеров и ведет к перевалу через Кордильеры, она совершенно безводна, если не считать, быть может, нескольких дней в какую-нибудь очень дождливую зиму. Почти ни одно ущелье не прорезывало склонов осыпающихся гор, а дно главной долины, заполненное галькой, было гладкое и почти ровное. Никакой значительный поток не струился никогда по этому галечниковому ложу, ибо такой поток, безусловно, проложил бы себе большой канал с обрывистыми берегами, как во всех южных долинах. Я почти не сомневаюсь, что эта долина, так же как и те долины, о которых писали путешественники по Перу, оставалась в том состоянии, в каком видим мы ее сейчас, с тех пор как с нее сошли воды моря при поднятии суши. В одном месте, где Деспобладо соединяется с ущельем (которое почти во всякой другой-горной цепи именовалось бы громадной долиной), я заметил, что ложе долины, хотя и состояло только из песка и гальки, было выше, чем ложе бокового ущелья. Какой-нибудь ручеек за час пробил бы себе русло, но, очевидно, проходили века, а такой ручеек не собирался в этом огромном ущелье. Любопытно было видеть механизм, — если здесь уместно это выражение, — для стока воды, весь, за

незначительными исключениями, в полной сохранности, но без всяких признаков того, чтобы он когда-либо действовал. Всякий, должно быть, замечал, что илистые отмели, обнажающиеся при отливе, напоминают в миниатюре страну с горами и долами; здесь же перед нами оригинальная модель из камня, но образованная в процессе векового отступления океана по мере поднятия материка, а не приливами и отливами. Если на илистую отмель, с которой сошла вода, падает сильный дождь, он углубляет уже имеющиеся мелкие впадины; такое же действие производит дождь следующих друг за другом веков на ту отмель из камня и земли, которую мы называем материком.

Мы продолжали ехать и после того как стемнело, пока не достигли бокового ущелья с маленьким родником, называемым Arya-Амарга [горькая вода]. Вода заслуживала этого названия, потому что была не только соленой, но еще до того зловонной и горькой, что мы не могли заставить себя пить ни чая, ни мате. Отсюда до реки Копьяпо, я полагаю, было по меньшей мере 25–30 английских миль, и на всем этом пространстве не было ни капли воды, а значит, местность эта заслуживала названия пустыни в буквальном смысле слова. Между тем примерно на полупути, около Пунта-Горда, мы проезжали мимо старинных индейских развалин. Кроме того, перед некоторыми долинами, отходившими от Деспобладо, я замечал по две кучи камней, сложенных на некотором расстоянии одна от другой, как бы указывая вход в эти маленькие долины. Мои спутники ничего об этих кучках не знали и на мои вопросы отвечали своим невозмутимым «quien sabe?» [кто знает?].

В нескольких местах в Кордильерах я видел индейские развалины; из них лучше всего сохранились руины в Тамбильосе, в горном проходе Успальята. Маленькие прямоугольные помещения теснились отдельными группами; местами уцелели дверные проемы, образованные поперечной каменной плитой высотой всего лишь около трех футов. Еще Ульоа заметил, как низки двери в древних перуанских жилищах. Дома эти, когда они еще были целы, вмещали, должно быть, значительное число людей. Предание гласит, что они служили инкам для остановок при их переездах через горы. Следы индейских жилищ открыты и во многих других местах, где они вряд ли могли служить только для отдыха в пути, но где земля все же совершенно непригодна для какой бы то ни было обработки, так же как и близ Тамбильоса, или у моста Инков, или на перевале Портильо, где повсюду я видел развалины. В ущелье Хахуэль, близ Аконкагуа, где нет никакого горного прохода, развалины, как я слыхал, расположены в бесплодной местности, на большой высоте, где чрезвычайно холодно. Сначала я полагал, что эти строения служили убежищами, выстроенными индейцами при первом приходе испанцев, но впоследствии мне пришла в голову мысль о том, что, вероятно, произошла небольшая перемена в климате.

В Кордильерах этой северной части Чили старинные индейские дома, говорят, особенно многочисленны; роя землю среди развалин, нередко находят клочки шерстяных вещей, орудия из драгоценных металлов и початки кукурузы; мне подарили наконечник стрелы, сделанный из агата, в точности такой же формы, как те, что теперь употребляются на Огненной Земле. Я знаю, что в настоящее время перуанские индейцы часто живут в самых высоких открытых местах, но в Копьяпо, как уверяли меня люди, всю свою жизнь проведшие в путешествиях по Андам, есть очень много (muchisimas) строений на высоте, лежащей почти у самой границы вечных снегов, причем в таких местах, где нет никаких проходов, где земля не родит ровно ничего и, что еще более странно, нет воды. Тем не менее местные жители считают (хотя их и озадачивает это обстоятельство), что, судя по виду домов, индейцы должны были использовать их как постоянные жилища. В этой долине, на Пунта-Горда, развалины состояли из семи или восьми маленьких прямоугольных помещений такой же формы, как и строения в Тамбильосе, но построенные преимущественно из глины с такой прочностью, какой нынешние жители ни здесь, ни, по словам Ульоа, в Перу добиться не могут. Они были расположены в самом открытом и незащищенном месте на дне плоской широкой долины. Вода была не ближе чем за три-четыре лье отсюда, да и то в очень малом количестве и плохая; почва была совершенно бесплодна: я тщетно искал хотя бы

лишайник, прилепившийся к скалам. В наши дни, при наличии вьючных животных, здесь вряд ли можно было бы с выгодой разрабатывать рудник, разве что он оказался бы очень богатый. И все-таки некогда индейцы выбрали это место для своего поселения! Если бы в настоящее время в год выпадало два-три ливня, а не один за много лет, как то бывает теперь, в этой большой долине образовался бы, вероятно, маленький ручеек, а тогда при помощи искусственного орошения (которым так хорошо владели некогда индейцы) почву легко можно было бы сделать достаточно плодородной, чтобы она прокормила несколько семейств.

В моем распоряжении есть убедительные доказательства того, что эта часть южноамериканского материка поднялась близ побережья по крайней мере от 400 до 500, а в некоторых местах от 1000 до 1300 футов со времени появления современных моллюсков; дальше в глубь страны поднятие, быть может, было еще большим. Так как особенно засушливый характер климата явно обусловлен высотой Кордильер, то можно почти не сомневаться в том, что до последних поднятий атмосфера не могла до такой степени терять свою влагу, как то происходит теперь; поскольку же поднятие шло постепенно, так же проходило и изменение климата. Исходя из этого представления об изменении климата с того времени, когда индейские строения были обитаемы, нужно допустить глубокую древность этих развалин, но я не думаю, чтобы им трудно было сохраниться в чилийском климате. На этом основании мы должны также допустить (и это, может быть, уже большее затруднение), что человек обитает в Южной Америке с необыкновенно давних времен, — постольку, поскольку всякое изменение климата, вызванное поднятием суши, должно было быть крайне медленным. В Вальпараисо за последние 220 лет поднятие составило несколько меньше 19 футов, в Лиме морской берег был поднят, без сомнения, за время существования индейской расы на 80–90 футов; но такое небольшое поднятие не могло сколько-нибудь существенно отклонить приносящие влагу атмосферные течения. Д-р Лунд нашел в бразильских пещерах человеческие скелеты, вид которых заставил его предположить что индейская раса существует в Южной Америке чрезвычайно давно.

Я беседовал в Лиме на эту тему с м-ром Гиллом, инженером-строителем, хорошо знакомым с внутренней частью страны. Он рассказал мне, что догадка об изменении климата иногда мелькала в его голове, но он полагает, что большая часть земли, которая ныне непригодна для обработки, но на которой встречаются индейские руины, пришла в такое состояние оттого, что водопроводы, сооружавшиеся некогда индейцами в таких поразительных размерах, пришли в негодность, будучи заброшены, а также вследствие землетрясений. Могу заметить здесь, что перуанцы действительно проводили свои оросительные воды по туннелям сквозь коренную породу гор. М-р Гилл говорил мне, что ему по роду своих занятий пришлось осматривать один такой туннель, который оказался низким, узким, искривленным и не везде одинаковой ширины, но зато очень длинным. Не удивительнее ли всего, что люди предпринимали такие работы, не зная ни железа, ни пороха? М-р Гилл рассказал мне также об интереснейшем и, сколько мне известно, беспримерном случае, когда подземное возмущение изменило в одной местности направление стока воды. На пути из Касмы в Уарас (неподалеку от Лимы) он видел равнину, покрытую развалинами и древними следами обработки земли, но ныне совершенно бесплодную. Возле нее находилось сухое русло довольно большой реки, откуда некогда отводилась вода для орошения. По виду русла никак нельзя было определить, не протекала ли тут река немного лет назад; в одних местах лежали слои песка и гальки, в других коренная порода была пробита широким каналом, который в одном месте имел около 40 ярдов в ширину и 8 футов в глубину. Само собой разумеется, что, следуя вверх по руслу потока, всегда будешь подниматься более или менее в гору; поэтому м-р Гилл был немало удивлен, когда, направившись вверх вдоль русла древней реки, вдруг заметил, что спускается с холма. Уклон вниз, как ему казалось, составлял около 40–50 футов по вертикали. Тут перед нами не оставляющее никаких сомнений доказательство того, что прямо поперек старинного русла потока поднялся гребень возвышенности. В тот момент, когда русло реки выпучилось таким образом, воду, конечно, должно было отбросить назад, и она прорыла себе новое русло. Но

начиная с того момента и окрестная равнина должна была лишиться оплодотворяющего ее потока и обратиться в пустыню.

27 июня. — Мы выехали рано утром и к полудню добрались до лощины Пайпоте, в которой струится крошечный ручеек и есть немного зелени, в том числе даже несколько деревьев альгарро-бы, — рода мимозы. В связи с наличием дров здесь когда-то была выстроена плавильная печь; теперь она находилась под присмотром одинокого сторожа, единственным занятием которого была охота на гуанако. Ночью был сильный мороз, но дров у нас было сколько угодно, и мы не зябли.

28 июня. — Мы продолжали постепенно подниматься, и долина теперь перешла в ущелье. За день мы видели нескольких гуанако и след очень близкого к ним вида — викуньи; эта последняя по своему образу жизни самое настоящее горное животное: она редко спускается много ниже черты вечных снегов, а потому обитает в местах даже более высоких и, бесплодных, чем гуанако. Из других животных в сколько-нибудь значительном числе нам встречалась только маленькая лисичка; я полагаю, что она охотится на мышей и других мелких грызунов, которые водятся во множестве в самых пустынных местах, пока там есть хоть какая-нибудь растительность. Патагония кишит этими зверьками даже у самых салин, где никогда не найти ни капли пресной воды, не считая росы. Наряду с ящерицами мыши способны, по-видимому, существовать на самых маленьких и сухих клочках земли — даже на островках посреди великих океанов.

Со всех сторон нас окружала пустыня, и ясное, безоблачное небо еще резче подчеркивало унылый характер ландшафта. Вначале такой пейзаж кажется величественным, но это ощущение не может быть длительным, и тогда картина становится скучной. Мы расположились лагерем у подножия primera linea, т. е. первой линии водораздела. Впрочем, с восточной его стороны воды текут не в Атлантику, а в возвышенный район, посредине которого лежит большая салина, т. е. соленое озеро, образующее как бы маленькое Каспийское море на высоте, может быть, 10 тысяч футов. Там, где мы ночевали, значительные участки были покрыты снегом, который не удерживается, однако, весь год. Ветры в этих высокогорных районах подчиняются чрезвычайно правильным законам: днем свежий ветерок всегда дует вверх по долине, а ночью, начиная с первого или второго часа после захода солнца, спускается воздух из холодных верхних областей, задувая как через печную трубу. Этой ночью дул сильный ветер, и температура упала, должно быть, значительно ниже точки замерзания, ибо вода в сосуде вскоре превратилась в кусок льда. Видимо, никакие одежды не могли бы укрыть от этого ветра: я до того сильно страдал от холода, что не мог спать, а наутро встал совершенно измученный и окоченевший.

Далее на юг люди гибнут в Кордильерах от метелей, здесь же это иногда случается по другой причине. Мой проводник, когда был еще четырнадцатилетним мальчиком, переходил Кордильеры в составе одной партии в мае месяце, и, когда они находились в центральной части гор, поднялась такая страшная буря, что люди едва могли усидеть на мулах, а над землей носились камни. День был безоблачный, и не упало ни снежинки, но температура была низкая. Вероятно, термометр опустился ненамного градусов ниже точки замерзания, но действие холода на тела путников, плохо защищенные одеждой, было, должно быть, пропорционально скорости течения холодного воздуха. Буря не унялась и на другой день, и люди начали терять силы, а мулы отказывались идти вперед. Брат моего проводника попытался вернуться, но погиб, и труп его нашли два года спустя: он лежал рядом со своим мулом у дороги, все еще сжимая уздечку в руке. Двое других из партии лишились пальцев на руках и на ногах; из 200 мулов и 30 коров спаслось только 14 мулов. Много лет назад одна большая партия погибла вся, как полагают, по той же причине, но тела их до сих пор не найдены. Сочетание безоблачного неба, низкой температуры и страшной бури должно представлять собой, мне кажется, явление исключительное для всего земного шара.

29 июня. — Мы с радостью поехали вниз по долине до места нашего ночлега накануне, а оттуда к окрестностям Агуа-Амарга. 1 июля мы достигли долины

Копьяпо. Запах свежего клевера был просто восхитителен после лишенного всякого запаха воздуха сухой, бесплодной пустыни Деспобладо. Во время пребывания в городе я слыхал от некоторых жителей о находящемся поблизости холме, который они называли Эль-Брамадор, т. е. Ревун. В то время я не обратил достаточно внимания на эти рассказы; но, насколько я понял, холм этот покрыт песком, и шум он производит только тогда, когда люди, взбираясь на него, приводят песок в движение. То же самое явление подробно описано со слов Зеецена и Эренберга* как причина звуков, которые слышали многие путешественники на горе Синай, близ Красного моря. Я разговаривал с одним человеком, который сам слышал шум; он характеризовал его как явление очень удивительное и определенно утверждал, что хотя он не понимает, ка'к получается шум, но для этого нужно было, чтобы песок катился вниз по склону. Лошадь, ступая по сухому и крупному песку, производит какой-то особый чирикающий звук вследствие трения песчинок, — обстоятельство, которое я несколько раз замечал на побережье Бразилии.

Три дня спустя я узнал о прибытии «Бигля» в порт, расположенный в 18 лье от города. Вниз по долине очень мало возделанной земли; на обширных ее просторах растет жалкая жесткая трава, которую с трудом едят даже ослы. Эта бедность растительного покрова обусловлена большим количеством солей, пропитывающих почву. Порт состоит из группы жалких лачужек, расположенных на краю бесплодной равнины. Сейчас в реке так много воды, что она достигает моря, и жители пользуются преимуществом получать пресную воду всего лишь на расстоянии полутора миль. На берегу были сложены груды товаров, и все местечко выглядело как-то оживленно. Вечером я самым сердечным образом распростился с моим спутником Марьяно Гонсалесом, вместе с которым проделал столько лье по Чили. На следующее утро «Бигль» отплыл в Икике.

12 июля. — ; Мы бросили якорь в порту Икике на берегу Перу, под широтой 20° 12. Город имеет около тысячи жителей и стоит на небольшой песчаной равнине у подножия громадной каменной стены в 2000 футов высотой, образующей здесь берег. Все вокруг крайне пустынно. Небольшой дождь выпадает только один раз за очень много лет, и потому лощины наполнены детритом, а склоны гор покрыты кучами тонкого белого песка до высоты в целую тысячу футов. В это время года тяжелая гряда облаков, простирающаяся над океаном, редко поднимается над каменной стеной берега. Место имело крайне мрачный вид: маленький порт с его несколькими судами да небольшая группа жалких домов казались подавленными и никак несоразмерными с окружающими их громадами.

Люди здесь живут точно на борту корабля: все предметы первой необходимости доставляют издалека, воду привозят на лодках из Писагуа, лежащего милях в сорока к северу, и продают по цене 9 реалов (41/2 шиллинга) за восемнадцатигаллонную бочку [80 литров], — я купил винную бутылку воды за три пенса. Точно так же ввозятся дрова и, конечно, все предметы питания.

Очень немного животных возможно прокормить в таком месте; на следующее утро я с трудом нанял за 4 фунта стерлингов двух мулов и проводника, чтобы съездить на селитренные разработки. Они-то в настоящее время и кормят Икике. Соль эту начали вывозить в 1830 г., и за один год ее было отправлено во Францию и Англию на сумму в 100 тысяч фунтов стерлингов. Применяется она главным образом как удобрение, а также в производстве азотной кислоты; на порох она из-за свой растворимости не годится. Прежде тут были в окрестностях два чрезвычайно богатых серебряных рудника, но теперь их выработка очень мала.

Наше появление на рейде вызвало некоторые опасения. Перу находилось в состоянии анархии, и каждая партия требовала уплаты контрибуции, так что бедный городок Икике с горечью решил, что пробил и его час. Кроме того, у жителей были и свои домашние неприятности: незадолго до того три плотника-француза в одну ночь взломали запоры на двух церквах и украли всю драгоценную утварь; впрочем, один из грабителей впоследствии покаялся, и утварь была возвращена. Виновные были отправлены в Арекипу, которая, хотя и является главным городом этой провинции, расположена отсюда за 200 лье; тамошнее

правительство решило, что жалко наказывать таких полезных работников, умеющих выделывать всякого рода мебель, и потому освободило их. Так обстояло дело, пока церкви не были снова взломаны, но на сей раз утварь уже не была возвращена. Жители пришли в страшное негодование и, объявив, что никто, кроме еретиков, не посмел бы вот так «обобрать всемогущего бога», принялись пытать каких-то англичан, намереваясь после того их расстрелять. Наконец вмешались власти, и спокойствие было восстановлено.

13 июля. — Утром я выехал на селитренные разработки, до которых было 14 лье. Взобравшись по зигзагообразной песчаной тропе на крутые прибрежные горы, мы вскоре увидали рудники Гуан-тахаи и Санта-Росы. Эти небольшие селения расположены у самого входа в рудники, на холмах, и выглядели еще более бесприютными и заброшенными, чем город Икике. Мы ехали целый день по волнистой местности, представляющей собой самую настоящую пустыню, и только после захода солнца прибыли на селитренные разработки. Дорога была усеяна костями и высохшими шкурами множества вьючных животных, павших в пути от усталости. Кроме грифа-индейки, питающегося трупами, я не видел здесь ни птицы, ни четвероногого, ни пресмыкающегося, ни насекомого. На прибрежных горах, на высоте около 2 тысяч футов, где в это время года обыкновенно лежат облака, в расселинах скал росли крайне немногочисленные кактусы, а сыпучий песок был усеян лишайником, который свободно лежал на его поверхности, не прикрепляясь к нему. Это растение принадлежит к роду Cladonia и несколько походит на олений мох10. В некоторых местах его было так много, что издали песок казался бледно-желтоватым. Дальше в глубь страны на протяжении всех. 14 лье я видел только еще одно растение — крохотный желтый лишайник, вырастающий на костях издохших мулов. Тут я впервые увидел настоящую пустыню, но она не произвела на меня большого впечатления, впрочем, как я полагаю, потому, что я постепенно привыкал к подобным картинам, по мере того как ехал к северу от Вальпараисо через Кокимбо в Копьяпо. Вид местности был замечателен тем, что она была покрыта толстой коркой поваренной соли и слоистым солончаковым аллювием, отлагавшимся, по-видимому, в то время, когда страна медленно поднималась над уровнем моря. Соль белая, очень твердая и плотная; она встречается в вымытых водою нодулах, выступающих из слипшегося песка, и ей сопутствуют большие количества гипса. Общий вид этого наносного слоя очень напоминал местность, покрытую выпавшим снегом, который местами еще не успел стаять и лежал грязными пятнами. Наличие этой корки из растворимого вещества на всей поверхности страны свидетельствует о том, как необыкновенно сух должен был быть климат на протяжении длительного периода.

Ночь я провел в доме владельца одной из селитренных копей. Местность здесь так же бесплодна, как и у берега, но, роя колодцы, можно добывать воду, несколько горькую и солоноватую на вкус. В этом доме колодец был 36 ярдов глубиной; так как дождей здесь почти не бывает, то ясно, что вода в нем не дождевая; впрочем, в этом случае она непременно была бы соленой, как рассол, потому что вся окрестность покрыта коркой различных солей. Поэтому приходится заключить, что вода просачивается сюда под землей из Кордильер, несмотря на расстояние во много лье. В направлении гор лежит несколько деревушек, где у жителей воды больше, и они имеют возможность орошать небольшие пространства земли и получать сено, которым кормятся мулы и ослы, занятые на перевозке селитры. В настоящее время азотнокислый натрий продается на борту корабля по 14 шиллингов за 100 фунтов — всего дороже обходится его подвозка к берегу. Месторождение представляет собой цельный пласт азотнокислого натрия с небольшой примесью сернокислого и изрядным количеством поваренной соли; пласт имеет от двух до трех футов в толщину12. Он залегает под самой поверхностью и тянется на 150 миль по краю огромной котловины, или равнины, которая, судя по ее очертаниям, явно должна была некогда представлять собой озеро или, что вероятнее, глубоко врезавшийся в страну морской рукав; об этом свидетельствует, быть может, присутствие в соляном пласте солей йода. Поверхность равнины лежит на уровне 3300 футов над Тихим океаном.

19 июля. — Мы бросили якорь в бухте Кальяо, приморского порта Лимы, столицы

Перу13. Мы пробыли здесь шесть недель, но из-за смуты в государстве мне мало что удалось увидеть в этой стране. Во все время нашего пребывания здесь погода была далеко не такой прекрасной, какой ее обыкновенно изображают. Над страной все время нависала тяжелая гряда мрачных туч, так что за первые шестнадцать дней я только один раз видел Кордильеры, лежащие за Лимой. Ряды этих гор, поднимавшиеся все выше и выше один за другим, сквозь разрывы облаков имели вид совершенно грандиозный. То обстоятельство, что в нижней части Перу никогда не бывает дождя, уже почти вошло в поговорку. Но это вряд ли можно считать истиной, ибо почти каждый день во время нашего пребывания стояла густая туманная изморось, которой было достаточно, чтобы улицы становились грязными, а платье отсыревало; здешним жителям угодно называть эту изморось перуанской росой. То обстоятельство, что больших дождей здесь не бывает, совершенно достоверно, ибо дома тут крыты только мазаными плоскими крышами, а на молу предназначенные к отправке грузы пшеницы оставались по целым неделям без всякого прикрытия.

Не могу сказать, чтобы мне понравилось то немногое, что я видел в Перу; впрочем, летом, говорят, климат гораздо приятнее. И местные жители, и иностранцы во всякое время года страдают от жестоких приступов лихорадки. Эта болезнь распространена по всему побережью Перу, но неизвестна внутри страны. Приступы болезни, вызываемые миазмами, всегда кажутся чрезвычайно таинственными. Судить по внешнему виду местности, является ли она здоровой или нет, до того трудно, что если бы кому-нибудь предложили выбрать в тропиках место, которое ему кажется благоприятным для здоровья, то весьма вероятно, что он назвал бы это побережье. Равнина вокруг пригородов Кальяо покрыта скудной грубой травой, и кое-где разбросаны очень маленькие лужи стоячей воды. Из них-то, по всей вероятности, и поднимаются миазмы, ибо город Арика находился в таких же условиях, но после осушения нескольких луж стал гораздо здоровее. Миазмы не всегда порождаются пышной растительностью в знойном климате: многие места в Бразилии, даже такие, где есть болота и обильная растительность, гораздо здоровее, чем это бесплодное побережье Перу. Самые густые леса в умеренном климате, например на Чилоэ, ни в малейшей степени, по-видимому, не ухудшают здорового воздуха.

Остров Сантьягу в архипелаге Зеленого Мыса может служить другим ярким примером местности, которая, казалось бы, должна быть самой здоровой, но в действительности имеет совершенно противоположный характер. Я уже описывал, как на этих обнаженных, открытых равнинах в продолжение нескольких недель после периода дождей появляется редкая зелень, которая тотчас же вянет и засыхает; в это время воздух становится, по-видимому, просто ядовитым: и туземцы, и иностранцы часто страдают от жестоких лихорадок. С другой стороны, Галапагосский архипелаг в Тихом океане, со сходной почвой и с такой же периодичностью в появлении растительности, — местность совершенно здоровая. Гумбольдт замечает, что «в тропическом поясе малейшие болотца опаснее всего там, где они окружены, как в Вера-Крус и Картахене, безводной песчаной почвой, повышающей температуру окружающего воздуха». На побережье Перу, однако, температура не чрезмерно высока, и потому, может быть, перемежающиеся лихорадки тут не злокачественны. Во всех нездоровых странах наибольшая опасность подстерегает человека, ночующего на берегу. Происходит ли это из-за состояния организма во время сна или же оттого, что миазмы по ночам обильнее? Достоверно, кажется, что на борту судна, даже стоящего на якоре совсем близко от берега, люди болеют обыкновенно меньше, чем на самом берегу. С другой стороны, я слыхал об одном замечательном случае, когда лихорадка разразилась среди экипажа одного военного корабля, находившегося в море за несколько сот миль от берега Африки, но в то же самое время, когда вспыхнула одна из страшнейших смертельных эпидемий в Сьерра-Леоне.

Ни одно государство в Южной Америке после провозглашения независимости не страдало так сильно от анархии, как Перу. Во время нашего посещения четыре военачальника оспаривали друг у друга верховную власть; стоило только одному слишком укрепиться, как остальные соединялись против него; но как только они

побеждали, между ними снова возникала вражда. Недавно в годовщину независимости служили торжественную обедню, и президент принял причастие; во время пения «Te Deum laudamus» все полки вместо перуанского знамени развернули черный флаг с изображением черепа. Представьте себе только правительство, при котором могла быть устроена в подобном случае такого рода демонстрация, выражавшая решимость сражаться насмерть! Такое положение дел сложилось совсем не вовремя для меня, так как оно помешало мне предпринимать какие-нибудь экскурсии далеко за пределы города. Голый остров Сан-Лоренсо, образующий гавань, был чуть ли не единственным местом, где можно было гулять в безопасности. Верхняя его часть, достигающая более 1000 футов высоты, в это время года (зимой) лежит выше нижней границы облаков, отчего вершину покрывает множество тайнобрачных растений, а также немногочисленные цветы. На холмах около Лимы, на высоте ненамного большей, почва одета ковром из мха с группами красивых желтых лилий, называемых аманкаэ. Это указывает на гораздо большую влажность, чем та, которая наблюдается на соответствующей высоте в Икике. По направлению на север от Лимы климат становится все более влажным, пока, наконец, мы не находим на берегах Гваякиля, почти под самым экватором, великолепнейшие леса. Впрочем, этот переход от бесплодного побережья Чили к плодородной полосе описывают как довольно резкую перемену, наступающую на широте мыса Бланко, двумя градусами южнее Гваякиля.

Кальяо — грязный, плохо построенный маленький приморский порт. Жители, как и в Лиме, являют всевозможные оттенки смешения европейской, негритянской и индийской крови. Это, по-видимому, народ развратный и пьяницы. В воздухе стоит зловоние, и особенно силен был тот своеобразный запах, каким отличаются почти все города в тропиках. Крепость, выдержавшая длительную осаду лорда Кокрена, имеет внушительный вид, но во время нашего пребывания президент продал медные пушки и начал срывать отдельные части крепости. Объяснял он это тем, что у него нет офицера, которому он мог бы доверить такой важный пост. У него были все основания так думать, ибо он сам стал президентом при помощи мятежа, который поднял, командуя этой же крепостью. После того как мы оставили Южную Америку, он поплатился обычным образом — был побежден, взят в плен и расстрелян.

Лима стоит на равнине, в долине, образовавшейся в процессе постепенного отступления моря. Она расположена в 7 милях от Кальяо и на 500 футов выше его, но так как подъем очень отлогий, дорога кажется совершенно ровной; поэтому по прибытии в Лиму трудно поверить, что поднялся хотя бы на сто футов; это странное обманчивое впечатление отмечает и Гумбольдт. Крутые обнаженные холмы поднимаются, точно острова, из равнины, разгороженной прямолинейными, сбитыми из глины стенками на отдельные, большие зеленые поля. На последних нет почти никаких деревьев, кроме немногих ив да случайных групп бананов или апельринов. Город Лима находится теперь в состоянии крайнего упадка: улицы почти не замощены, повсюду громоздятся кучи нечистот, среди которых черные гальинасо, так же привыкшие к людям, как домашняя птица, склевывают куски падали. В домах обыкновенно есть верхний этаж, построенный, во избежание опасности при землетрясениях, из оштукатуренного дерева; некоторые из старинных домов, где теперь живет по нескольку семейств, чрезвычайно велики и своими апартаментами могут поспорить с великолепнейшими дворцами в любом городе. Лима, город королей, должно быть, была когда-то великолепна. Необыкновенное множество церквей и поныне придает ей какой-то своеобразный и удивительный вид, особенно если смотреть на нее с небольшого расстояния.

Однажды я отправился с несколькими купцами на охоту в непосредственной окрестности города. Охота была самая жалкая, но я имел возможность осмотреть развалины одной из древних индейских деревень с могильным холмом посредине, который был очень похож на естественный холм. Остатки домов, оград, оросительных каналов и могильные холмы, разбросанные по этой равнине, создают полное представление об уровне развития и численности древнего населения. Рассматривая гончарные изделия, шерстяные ткани, изящной формы утварь, высеченную из самого твердого камня, медные орудия, украшения из драгоценных

камней, дворцы и гидравлические сооружения, невозможно отнестись без уважения к той высокой культуре, какой достигли у индейцев искусства и ремесла. Могильные холмы, так называемые уакщ поистине колоссальны, хотя в некоторых местах это, по-видимому, естественные холмы, которые индейцы несколько отделали, придав им определенную форму.

Тут имеются также развалины совсем иного рода, представляющие некоторый интерес, а именно остатки старого Кальяо, разрушенного. сильным землетрясением 1746 г. и сопровождавшей его волной. Разрушение было, должно быть, еще более полным, чем в Талькауано. Массы гальки почти скрывают фундаменты стен; по-видимому, отступившие волны кружили огромное количество кирпича подобно голышам. Утверждают, что во время этого памятного толчка страна опустилась, но я не мог отыскать никаких тому доказательств; впрочем, в этом нет ничего невероятного, ибо форма берега подверглась, должно быть, некоторым изменениям со времени" основания старого города: никто в здравом рассудке не выберет добровольно для своего поселения узкую косу из галечника, на которой теперь находятся развалины. Уже после нашего путешествия г-н Чуди, сравнивая старинные и современные карты, пришел к заключению, что и к северу, и к югу от Лимы берег, безусловно, опустился.

На острове Сан-Лоренсо имеются вполне убедительные доказательства его поднятия в современный период; это, конечно, не противоречит тому представлению, что впоследствии произошло некоторое понижение почвы. Та сторона острова, что обращена к бухте Кальяо, представляет собой три слабо выраженные террасы, образовавшиеся в результате денудации, причем нижняя из них покрыта на целую милю в длину слоем, который почти целиком состоит из раковин 18 видов моллюсков, живущих в настоящее время в прилежащем море. Высота этого слоя составляет 85 футов. Многие раковины сильно корродированы и имеют вид гораздо более древний и разрушенный, чем те, что лежат на побережье Чили на высоте 500–600 футов. Раковинам в этом слое сопутствует большое количество поваренной соли, немного сернокислого кальция (и та и другая соль остались, вероятно, после испарения морских брызг по мере медленного поднятия суши) вместе с сернокислым натрием и хлористым кальцием. Раковины лежат на обломках подстилающего их песчаника и покрыты детритом на несколько дюймов в толщину. Выше по той же террасе раковины, как можно проследить, уже расслаиваются чешуйками и распадаются в тончайшую пыль; на верхней же террасе, на высоте 170 футов, а также в некоторых значительно более высоких местах, я находил слой порошка солей, в точности такой же на вид и лежавший в таком же положении относительно остальных слоев. Я не сомневаюсь, что этот верхний слой первоначально состоял из таких же раковин, как те, что лежат на восьмидесятипятифутовом уступе; только теперь в нем нет и следа органического строения. М-р Т. Рикс подверг по моей просьбе анализу этот порошок; он состоит из сернокислых и хлористых солей кальция и натрия с очень небольшой примесью углекислого кальция. Известно, что если значительное количество поваренной соли и углекислого кальция оставить на некоторое время вместе, то они частично разлагают друг друга, хотя этого не происходит с малыми количествами в растворе. Поскольку полуразложившимся раковинам внизу сопутствует много поваренной соли вместе с некоторыми солями, составляющими верхний соляной слой, и поскольку эти раковины замечательным образом корродированы и разрушены, я сильно подозреваю, что здесь имело место такое двойное разложение. При этом, однако, должны были образоваться углекислый натрий и хлористый кальций: последняя соль имеется, но углекислый натрий отсутствует. Поэтому я пришел к мысли, что каким-то необъяснимым путем углекислый натрий превратился в сернокислый. Очевидно, что соляной слой не мог бы сохраниться ни в какой стране, где время от времени выпадают обильные дожди; но, с другой стороны, это обстоятельство, которое на первый взгляд представляется столь благоприятствующим длительной сохранности открыто лежащих раковин, и было, вероятно, косвенной причиной их разложения и преждевременного разрушения, ибо поваренная соль не вымывалась.

Я был очень заинтересован, найдя на той террасе, которая имеет 85 футов в

высоту, обрывки хлопчатобумажных ниток, куски плетеного тростника и початок кукурузы, застрявшие среди раковин и множества нанесенного морем мусора; я сравнил эти остатки с извлеченными из уак старинных перуанских могил — и увидел, что по виду они совершенно одинаковы. На материке напротив Сан-Лоренсо, близ Бельявисты, есть обширная гладкая равнина, лежащая на высоте около 100 футов; нижняя часть ее образована чередующимися слоями песка и не совсем чистой глины, все это с примесью гальки, а поверхность, на глубину от 3 до 6 футов, — красноватым суглинком, содержащим немногочисленные, рассеянные повсюду морские раковины и многочисленные обломки грубых гончарных изделий красного цвета, в некоторых местах более обильные, чем в остальных. Сначала я склонен был думать, что этот поверхностный слой, судя по тому, как он обширен и гладок, отложился на дне моря, но впоследствии обнаружил, что он лежит на искусственном настиле из круглых камней. Поэтому представляется наиболее вероятным, что в то время, когда уровень материка был ниже, тут была равнина, очень сходная с той, которая ныне окружает Кальяо и которая, будучи защищена с берега галечниковым пляжем, лишь совсем немного поднимается над уровнем моря. Я думаю, что на этой равнине, с подстилающими ее слоями красной глины, индейцы изготовляли свою глиняную посуду, а во время какого- нибудь сильного землетрясения море прорвалось через пляж и превратило равнину во временное озеро, как то случилось около Кальяо в 1713 и 1746 гг. Вода тогда могла отложить ил, содержащий обломки глиняной посуды из обжигательных печей — более обильные в одних местах по сравнению с другими, а также морские раковины. Этот слой с ископаемой глиняной посудой расположен примерно на такой же высоте, что и те раковины на нижней террасе Сан-Лоренсо, среди которых застряли хлопчатобумажные нитки и другие остатки. Поэтому можно с уверенностью считать, что в период существования индейской расы произошло поднятие, как уже упоминалось выше, более чем на 85 футов, ибо берег здесь должен был немного опуститься с тех пор, как были выгравированы старинные карты. Хотя за предшествующий нашему посещению период в 220 лет Вальпараисо никак не мог подняться больше чем на 19 футов, но с 1817 г. там произошло повышение на 10–11 футов, частью незаметное, частью внезапное, во время толчка 1822 г. Древность индейской расы в этом месте, — если судить по поднятию суши на 85 футов, с тех пор как попали в почву упомянутые остатки, — тем более замечательна, что на побережье Патагонии в то время, когда суша там стояла примерно на столько, же футов ниже, еще жила макраухения; правда, патагонское побережье находится на довольно большом расстоянии от Кордильер, а потому поднятие там могло совершаться медленнее, чем здесь. В Баия-Бланке, с тех пор как там были погребены многочисленные гигантские четвероногие, произошло поднятие всего на несколько футов, а согласно общепринятому мнению, в то время, когда жили эти вымершие животные, человек еще не существовал. Но может быть, поднятие той части побережья Патагонии не имеет ничего общего с Кордильерами, а скорее связано с рядом древних вулканических пород в Банда-Орьенталь и потому могло совершаться бесконечно медленнее, чем на берегах Перу. Впрочем, все эти соображения, должно быть, гадательны, ибо кто же осмелится утверждать, что не могло быть нескольких периодов опускания в промежутках между поднятиями — ведь мы знаем, что вдоль всего побережья Патагонии, несомненно, имели место многочисленные и долгие перерывы в действии подъемлющих сил.

Глава XVII. ГАЛАПАГОССКИЙ АРХИПЕЛАГ

Вся группа — вулканического происхождения

Обилие кратеров

Безлиственные кустарники

Колония на острове Чарлз.

Остров Джемс

Соляное озеро в кратере

Естественная история архипелага

Орнитология, своеобразные вьюрки

Пресмыкающиеся.

Образ жизни исполинских черепах

Морская ящерица, питающаяся водорослями

Травоядная наземная ящерица, роющая норы

Важное место пресмыкающихся на архипелаге

Рыбы, моллюски, насекомые

Растительность

Американский тип организации

Различия между видами или расами на различных островах

Доверчивость птиц

Страх перед человеком — инстинкт приобретаемый

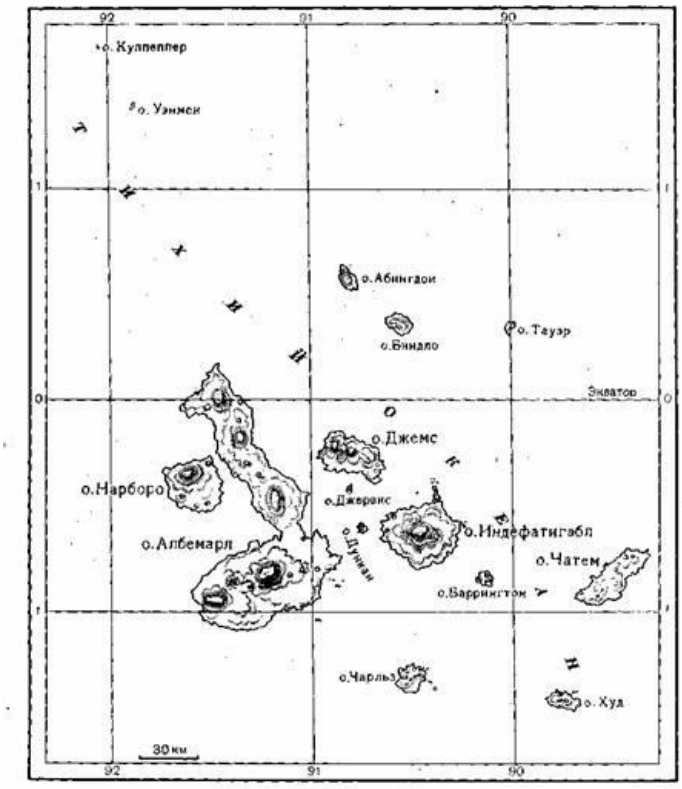
15 сентября. — Этот архипелаг состоит из десяти главных островов, пять из которых особенно велики. Они расположены на самом экваторе, на расстоянии от 500 до 600 миль к западу от побережья Америки. Все они образованы вулканическими породами: немногочисленные обломки гранита, замечательно отполированные и измененные под действием высокой температуры, вряд ли можно считать исключением. Некоторые кратеры, возвышающиеся над более крупными островами, имеют громадные размеры и достигают высоты от 3 до 4 тысяч футов. Склоны их усеяны бесчисленными более мелкими отверстиями. Можно смело утверждать, что на всем архипелаге имеется по крайней мере две тысячи кратеров. Кратеры состоят либо из лавы и шлаков, либо из тонко наслоившегося вулканического туфа, похожего на песчаник. Эти последние большей частью имеют красивую симметричную форму и своим происхождением обязаны извержениям вулканической грязи, а не лавы; замечательно то обстоятельство, что на каждом из осмотренных нами туфовых кратеров южные склоны были или много ниже остальных, или же вовсе обломаны и снесены. Поскольку все эти кратеры образовались, очевидно, в водах моря, а волны, возбуждаемые пассатом, и зыбь со стороны Тихого океана соединяют здесь свои силы на южных берегах всех островов, то эта поразительная однородность изломов на кратерах, состоящих из мягкого и податливого туфа, легко находит себе объяснение. -

Если принять во внимание, что острова эти лежат под самым экватором, то климат их, надо сказать, отнюдь не особенно жаркий; главной причиной этого является,

по-видимому, чрезвычайно низкая температура окружающих вод, приносимых сюда Великим южнополярным течением. Дожди редки, за исключением одного короткого периода в году, но и тогда они выпадают нерегулярно; впрочем, облака обыкновенно нависают низко. Вследствие всего этого низменные места на островах крайне бесплодны, тогда как возвышенные, лежащие на высоте тысячи футов и выше, имеют влажный климат и довольно пышную растительность. Особенно это относится к подветренной стороне островов, которая первая получает и конденсирует влагу из воздуха.

Утром **(17-го)** мы высадились на острове Чатам [Чатем], который, как и другие острова, рисуется все теми же округленными очертаниями, нарушаемыми разбросанными холмиками — остатками прежних кратеров. Первое впечатление было самое непривлекательное. Изломанное поле черной базальтовой лавы, застывшей самыми причудливыми волнами и пересеченной громадными трещинами, повсюду покрыто чахлым, выжженным солнцем кустарником, обнаруживающим мало признаков жизни. Сухая, раскаленная полуденным солнцем поверхность делает воздух душным и знойным, точно он выходит из печи; нам казалось даже, будто кустарник неприятно пахнет. Хотя я усердно старался собрать как можно больше растений, мне удалось набрать их лишь очень немного, да и эти жалкие растеньица были бы больше под стать арктической, нежели экваториальной, флоре. Даже на близком расстоянии кустарник кажется таким же безлиственным, как наши деревья зимой, и лишь через некоторое время я обнаружил, что почти все растения не только были полностью одеты листвой, но даже большей частью цвели. Из кустарников чаще всего встречается один вид Euphorbiaceae3; акация и большой, странного вида, кактус — единственные деревья, дающие хоть какую-нибудь тень. После периода сильных дождей острова, как говорят, местами покрываются на короткое время зеленью. Растительность хотя сколько-нибудь похожую на ту, что покрывает Галапагосские острова, я видел еще только на вулканическом острове Фернанду-ди-Норонья, во многих отношениях находящемся в приблизительно сходных условиях.

«Бигль» обошел вокруг острова Чатам и бросал якорь в нескольких бухтах. Однажды я ночевал на берегу; в этом месте острова было чрезвычайно много черных усеченных конусов, — с одного небольшого возвышения я насчитал их шестьдесят, — и все они были увенчаны более или менее сохранившимися кратерами. Большей частью они представляли собой кольцо красной перегоревшей лавы или шлаков, сцементированных в одно целое; высота их над равниной лавы не превышала 50-100 футов; ни один из кратеров в последнее время не действовал. По-видимому, сквозь всю поверхность этой части острова, как сквозь сито, проникали подземные пары; там и сям лава, пока была еще мягка, вздулась крупными пузырями; кое-где верхушки образовавшихся таким образом пустот провалились, так что остались круглые ямы с крутыми стенками. Правильная форма многих кратеров придавала местности какой-то искусственный вид, который живо напомнил мне те места Стаффордшира, где чугунолитейные печи особенно многочисленны. День был очень жаркий, и карабкаться по неровной поверхности, пробираясь сквозь труднопроходимые заросли, было весьма утомительно, но я был вполне вознагражден развернувшимся передо мной необыкновенным циклопическим пейзажем. По дороге я встретил двух больших черепах, каждая из которых должна была весить по меньшей мере фунтов двести; одна ела кусок кактуса, и, когда я подошел, она, пристально взглянув на меня, медленно поползла прочь, другая испустила глубокий свист и втянула голову. Эти огромные пресмыкающиеся посреди черной лавы, безлиственных кустарников и больших кактусов показались мне какими-то допотопными животными. Немногочисленные птицы со скромно окрашенным оперением обращали на меня не больше внимания, чем на громадных черепах.



Галапагосский архипелаг.

По карте, составленной гидрографами «Бигля»

23 сентября. — «Бигль» направился к острову Чарлз. Этот архипелаг посещался уже давно, сперва буканьерами, потом китоловами, но всего шесть лет назад тут была основана маленькая колония. Обитателей здесь от двухсот до трехсот; почти все это цветные, изгнанные за политические преступления из республики Эквадор, столица которой Кито. Поселение расположено милях в четырех с половиной от берега, на высоте, должно быть, тысячи футов. В начале пути мы ехали через безлиственные заросли, как те, что были на острове Чатам. Выше леса постепенно зеленели, и вскоре, когда мы перевалили через самый высокий гребень острова, на нас повеял прохладный южный ветерок, а взор наш отдохнул на буйной зеленой растительности. Эта верхняя область изобилует грубыми травами и папоротниками, но древовидных папоротников здесь нет; нигде тут я не встречал ни одного представителя семейства пальм- особенность тем более замечательная, что за 360 миль к северу остров Кокосовый получил свое название от множества растущих там кокосовых пальм5. Дома неправильно разбросаны по плоскому пространству земли, на которой посажены бататы6 и бананы. Трудно представить себе, как приятен был вид черной почвы после ставшего уже привычным для нас вида выжженной почвы Перу и северного Чили. Жители, хотя и жаловались на бедность, без большого труда добывали средства к существованию. В лесах водится много диких свиней и коз, но главный вид животной пищи — черепахи. Число их на этом острове, конечно, сичьно уменьшилось, но народ тут все же считает, что два дня охоты за ними дают запас пищи на всю остальную неделю. В прошлом, говорят, одно судно увозило их семьсот штук, а несколько лет назад команда одного фрегата снесла к берегу за один день двести черепах.

29 сентября. — Мы обогнули юго-западную оконечность острова Альбемарль [Албермарл], а на следующий день чуть не попали в штиль между Альбемарлем и островом Нарборо. Оба острова затоплены потоками черной обнаженной лавы,

которые либо перелились через края громадных котловин, точно смола через край котла, в котором она кипит, либо вырвались из меньших отверстий по склонам; стекая вниз, они разлились на целые мили по берегу моря. Известно, что на обоих островах происходят извержения; на Альбе-марле мы видели струйку дыма, вившуюся над вершиной одного из крупных кратеров. Вечером мы бросили якорь в бухте Банкса на острове Альбемарль. На следующее утро я отправился на прогулку. К югу от разбитого туфового кратера, в котором бросил якорь «Бигль», находился другой красивый симметричный кратер эллиптической формы; большая ось этого эллипса была немногим меньше мили, а глубина кратера составляла около 500 футов. На дне его находилось мелкое озеро, посредине которого поднимался островком еще один совсем маленький кратер. День был чрезвычайно жаркий, и озеро казалось прозрачным и синим; я поспешил вниз по покрытому пеплом склону и, задыхаясь от пыли, с жадностью припал к воде, но, к моему огорчению, вода оказалась соленой, как рассол.

Скалы на берегу изобиловали большими черными ящерицами, длиной от трех до четырех футов, а на холмах так же часто встречался другой вид, безобразный и желтовато-бурого цвета. Мы видели много ящериц этого последнего вида: одни неуклюже убегали с дороги при нашем появлении, другие укрывались в свои норы. Ниже я еще опишу нравы обоих этих пресмыкающихся. Вся эта северная часть острова Альбемарль крайне бесплодна.

8 октября. — Мы прибыли на остров Джемс, названный так в старину, как и остров Чарлз, по имени английских королей из династии Стюартов7. М-р Байно, я и наши слуги остались здесь на неделю с провизией и палаткой, пока «Бигль» уходил за пресной водой. Мы нашли здесь группу испанцев, присланных сюда с острова Чарлз вялить рыбу и солить черепашье мясо. На расстоянии около шести миль от берега, на высоте почти 2 000 футов, была выстроена избушка, в которой жили два человека, занимавшиеся ловлей черепах, пока остальные удили рыбу на берегу. Я дважды посещал этих людей и провел у них одну ночь. Как и на других островах, низменные места были покрыты почти безлиственными кустарниками, но деревья тут были больше, чем на остальных островах, — некоторые имели 2 фута, а то и 2 фута 9 дюймов в диаметре. На возвышенных местах, увлажненных облаками, пышно развивается зеленая растительность. Почва была до того влажной, что на ней образовались обширные заросли грубой сыти8, в которых жили и размножались огромные количества маленьких водяных пастушков9. Во время нашего пребывания в верхней области мы питались одним только черепашьим мясом; грудной щит, изжаренный вместе с мясом на нем (подобно тому, как гаучосы приготовляют (carne con cuero), очень вкусен, а из молодых черепах варится превосходный суп; но в других видах это мясо, на мой взгляд, безвкусно.

Однажды мы сопровождали испанцев на их вельботе к салине — озеру, из которого добывается соль. После того как мы высадились, нам пришлось идти по неровному, изрезанному полю недавно излившейся лавы, почти окружающему туфовый кратер, на дне которого лежит соленое озеро. Глубина озера всего три или четыре дюйма, а лежит оно на слое прекрасно кристаллизованной белой соли. Озеро круглое и окаймлено ярко-зелеными суккулентными растениями; почти отвесные стены кратера одеты лесом, и все вместе являло картину живописную и вместе с тем любопытную. Несколько лет назад матросы тюленепромышленного судна убили в этом глухом месте своего капитана, и мы видели его череп, валявшийся в кустах.

В продолжение большей части той недели, которую мы пробыли здесь, небо было безоблачно, и стоило пассату на часок стихнуть, как жара становилась нестерпимой. Два дня термометр в палатке показывал в продолжение нескольких часов 34°, но на открытом воздухе, под ветром р солнцем, было только 29°. Песок был сильно накален: термометр, помещенный в коричневый песок, немедленно поднялся до 58°, и я не знаю, насколько выше была действительная температура, потому что дальше термометр не был проградуирован. Черный песок был на ощупь еще горячее, и ходить по нему было довольно неприятно даже в толстых ботинках.

Естественная история этих островов в высшей степени интересна и вполне заслуживает внимания. Большинство органических произведений — создания аборигенные, нигде в других местах не встречающиеся; даже между обитателями отдельных островов существует разница; впрочем, все они обнаруживают явное родство с обитателями Америки, хотя острова отделены от этого материка пространством открытого океана шириной от 500 до 600 миль. Архипелаг представляет собой замкнутый мирок, вернее, это спутник Америки, откуда он получил несколько случайных колонистов и позаимствовал общие черты своих местных произведений. Принимая во внимание малые размеры этих островов, мы тем более изумляемся многочисленности этих аборигенов и ограниченности их распространения. При виде кратеров, венчающих каждую вершину, и еще отчетливых границ у большинства лавовых потоков нам приходится заключить, что еще в геологически недавний период тут расстилался совершенно пустынный океан. Итак, и во времени, и в пространстве мы подходим тут, по-видимому, несколько ближе к великому факту — этой тайне из тайн — первому появлению новых существ на нашей земле.

Галапагосская сова

(Otus galapagoensis, Gould)

Остров Джемс

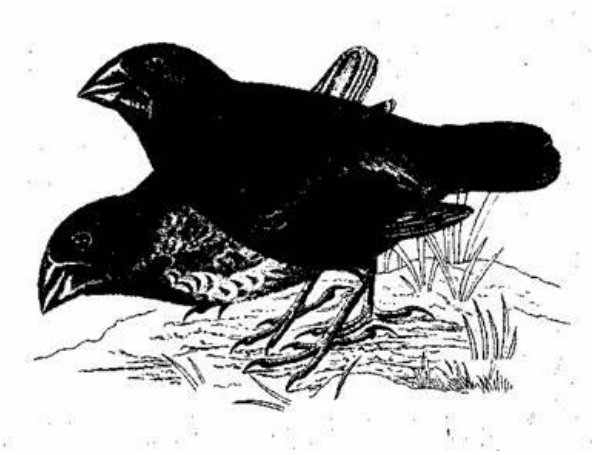
Каракара галапагосская, или галапагосский сарыч.

(Polyborus galapa-goensis, Gold)

Из наземных млекопитающих только одно приходится считать туземным, а именно мышь (Мш galapagoensis), да и та ограничена в своем распространении, 'насколько

я мог установить, островом Чатам, самым восточным во всей группе. Как сообщил мне м-р Уотерхаус, она принадлежит к тому подразделению семейства мышей, которое характерно для Америки. На острове Джемс водится крыса, отличающаяся от обычной формы настолько, что м-р Уотерхаус дал ей название и описал ее; но поскольку она относится к тому подразделению семейства, которое свойственно Старому Свету, а остров этот посещается кораблями в течение последних ста пятидесяти лет то вряд ли можно сомневаться в том, что эта крыса есть просто разновидность, произведенная новым, особенным климатом, пищей и почвой, влиянию которых она подвергалась. Никто не имеет права строить какие-либо предположения, не опираясь на вполне определенные факты, но даже и в отношении мыши с острова Чатам не следует забывать, что это, возможно, какой-нибудь завезенный сюда американский вид; в одной из самых пустынных областей пампасов я видел туземную мышь, жившую в крыше только что выстроенного домика, а потому весьма вероятно, что мышь была завезена каким-нибудь судном, — аналогичные факты' наблюдались д-ром Ричардсоном в Северной Америке.

Из наземных птиц мне удалось собрать 26 форм; все они свойственны этому архипелагу и не встречаются больше нигде, за исключением одного похожего на жаворонка вьюрка из Северной Америки (Dolichonyx oryzivorus), распространенного на этом материке до 54° северной широты и обитающего обыкновенно на болотах10. К остальным 25 птицам относится, во-первых, один дневной хищник, по строению своему любопытная переходная форма между сарычом и американской группой трупоядных Polybori; с этими последними птицами он вполне сходен и всеми своими повадками, и даже звуком голоса. Во-вторых, две совы, представляющие здесь короткоухих и белых сипух Европы. В-третьих, крапивник, три тирана-мухоловки (из них два вида относятся к Pyrocephalus, и один из этих видов или даже оба некоторые орнитологи рассматривают лишь как разновидность) и голубь — все виды, аналогичные американским, но отличающиеся от них. В-четвертых, ласточка, которая хоть и отличается от Progne purpurea обеих Америк только несколько более скромной раскраской, меньшими размерами и большей стройностью, но относится м-ром Гульдом к особому виду. В-пятых, здесь имеются три вида дроздов-пересмешников-формы, в высшей степени характерной для Америки. Остальные наземные птицы образуют совершенно своеобразную группу вьюрков, родственных между собой одинаковым строением клюва, короткими хвостами, одинаковой формой тела и оперением; всего их 13 видов, и м-р Гульд разбил их на четыре подгруппы,11. Все эти виды встречаются только на этом архипелаге; так же обстоит дело и со всей группой, за исключением одного вида подгруппы Cactornis, привезенного недавно с острова Боу в Низменном архипелаге. Два вида Cactornis часто можно увидеть лазящими по цветам большого кактусового дерева, но все прочие виды этой группы вьюрков, смешиваясь в общие стаи, отыскивают себе корм на сухой и бесплодной почве низменных мест. Самцы все или по крайней мере большей частью черны как смоль, а самки (может быть, за одним или двумя исключениями) — коричневого цвета. Самым любопытным обстоятельством является правильное постепенное изменение размеров клюва у различных видов Geospiza, начиная с клюва большого, как у дубоноса, и кончая клювом зяблика и даже славки (если прав м-р Гульд, включив свою подгруппу Certhidea в состав основной группы). Самый большой клюв рода Geospiza показан на рис. 1, самый маленький — на рис. 3; но в промежутке между ними имеется не один вид, размеры клюва которого показаны на рис. 2, а по крайней мере шесть видов, у которых клювы едва заметно постепенно уменьшаются. Клюв птицы из подгруппы Certhidea показан на рис. 4. Клюв Cactornis несколько похож на клюв скворца, а у четвертой подгруппы, Camarhynchus, он слегка напоминает по форме клюв попугая. Наблюдая эту постепенность и различие в строении в пределах одной небольшой, связанной тесными узами родства группы птиц, можно действительно представить себе, что вследствие первоначальной малочисленности птиц на этом архипелаге был взят один вид и видоизменен в различных целях. Точно так же можно предположить, что птице, которая первоначально была сарычом, было предназначено взять на себя обязанность питающихся падалью Polydori Американского континента.

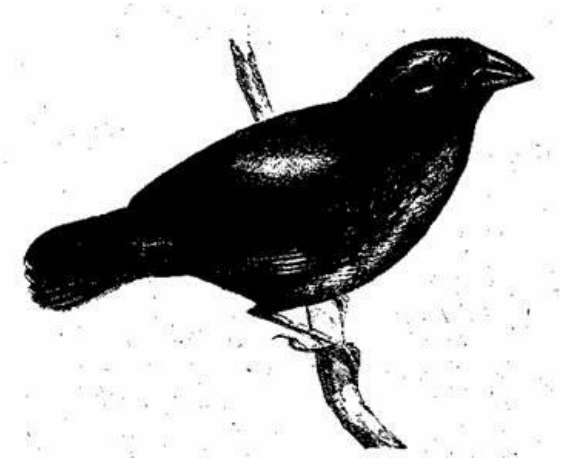


Geospiza magnirostris, Gould. Острова Чарлз и Чатам

Клювы галапагосских вьюрков:

1. Geospiza magnirostris;

2. Geospiza fonts



Geopsiza fortls, Gould. Острова Чарлз и Джемс

Клювы галапагосских вьюрков:

3. Geospiza parvula

4. Certhidea olivacea

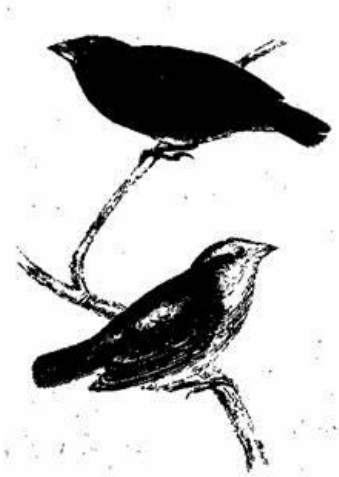
Из голенастых и водных птиц мне удалось собрать только одиннадцать форм, и только три из них (в том числе и водяной пастушок, который водится только на влажных вершинах) — новые виды.

Зная привычку чаек к странствиям, я был удивлен, обнаружив, что вид, живущий на этих островах, — особенный, хотя и родственный одному виду из южных областей Южной Америки. Гораздо большее своеобразие наземных птиц по сравнению с голенастыми и перепончатолапыми, выражающееся в том, что 25 наземных видов из общего числа 26 — новые виды или по крайней мере новые разновидности, находится в соответствии с большей областью распространения отрядов голенастых и перепончатолапых птиц во всех частях света12. Ниже мы увидим, что этот закон, состоящий в том, что водные формы, будь то морские или пресноводные, в любом месте на земном шаре менее своеобразны, чем наземные формы тех же классов, поразительно подтверждается на моллюсках и в меньшей степени на насекомых этого архипелага.

Две голенастые птицы несколько меньше размером, чем те же виды, привозимые из других мест; ласточка также меньше, хотя не установлено, отличается ли она от своего аналога. Две совы, два тирана-мухоловки (Pyrocephalus) и голубь также мельче аналогичных, но иных видов, которым они очень близко родственны; чайка, наоборот, несколько крупнее. Две совы, ласточка, все три вида дроздов-пересмешников, голубь (не всем своим оперением, а отдельными цветами), Totanus и чайка окрашены темнее, чем аналогичные им виды, а дрозды-пересмешники и Totanus даже темнее, чем все остальные виды этих двух родов13. За исключением крапивника с красивой желтой грудкой и тирана-мухоловки с алыми хохолком и грудью, ни одна из птиц не отличается ярким оперением, как того можно было бы ожидать в экваториальной области. Поэтому представляется вероятным, что те же самые причины, которые привели к измельчанию попавших сюда иммигрантов некоторых видов, вызвали и измельчание, а также в общем более темную окраску большей части видов, свойственных только Галапагосскому архипелагу. Все здешние растения имеют жалкий, чахлый вид; я не встречал ни одного красивого цветка. Насекомые тоже мелки и скромно окрашены, и, как сообщает мне м-р Уотерхаус, в их общем виде нет ничего такого, на основании чего он мог бы заключить, что они привезены с экватора*. Птицы, растения и насекомые носят такой же характер, как организмы, населяющие пустыню, и цвета их ничуть не ярче, чем у южнопатагонских; поэтому можно сделать вывод, что обычная цветистая раскраска произведений тропической природы связана не с температурой и не с освещением в этих широтах, но с какой-то иной причиной, может быть с тем, что условия существования там обыкновенно очень благоприятны для жизни.

Geospiza parvula Gould

Остров Джемс



Cactornis scandens, Gould

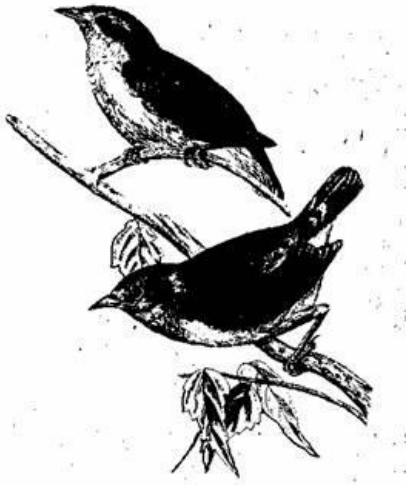
Остров Джемс

Обратимся теперь к отряду пресмыкающихся, сообщающих фауне этих островов наиболее своеобразный характер. Виды сами по себе немногочисленны, но число особей каждого вида чрезвычайно велико. Тут есть одна маленькая ящерица, принадлежащая к южноамериканскому роду, и два (а может быть, и больше) вида Amblyrhy-nchus — рода, свойственного только Галапагосским островам. Здесь встречается во множестве одна змея, тождественная, как сообщил мне г-н Биброн, с Psammophis temminckii из Чили**. Морских черепах тут, по-моему, больше одного вида, а прочих черепах, как мы вскоре увидим, — два или три вида или разновидности. Ни жаб, ни лягушек здесь нет вовсе; это удивило меня, потому что я знал, как хорошо подошел бы им умеренный и влажный климат нагорных лесов. Это напомнило мне замечание Бори де Сен-Венсана*** о том, что ни единый представитель этого семейства не встречается ни на одном из вулканических островов посреди океанов. Насколько я мог установить по различным сочинениям, это справедливо, по-видимому, для всего Тихого океана и даже для крупных островов Сандвичева архипелага [Гавайские острова]. Явное исключение представляет остров Маврикий, где я видел во множестве Rana mascariensis и эта лягушка, как сообщают, в настоящее время водится также на Сейшельских островах, Мадагаскаре и Бурбоне14; но, с другой стороны, Дю Буа в описании

своего путешествия 1669 г. утверждает, что на Бурбоне нет никаких гадов, кроме черепах, а автор «Путешествия королевского офицера» заявляет, что до самого 1768 г. безуспешно пытались развести лягушек на Маврикии, — я полагаю, чтобы употреблять их в пищу; поэтому весьма сомнительно, чтобы эта лягушка была коренным жителем острова. Отсутствие семейства лягушек на океанических островах еще более замечательно по контрасту с тем обстоятельством, что самые мелкие островки по большей части кишат ящерицами. Не может ли это различие быть вызвано тем, что яйца ящериц, защищенные известковой скорлупой, лучше выдерживают пребывание в соленой воде при переносе их волнами моря, чем слизистая икра лягушек?

Прежде всего опишу образ жизни так часто упоминавшихся мной черепах (Testudo nigra, прежнее название indica)15. Эти животные встречаются, мне кажется, на всех островах архипелага и, уж наверное, на большей части из них. Они предпочитают высокие сырые места, но живут также и в низменных безводных районах. Я уже указывал, как многочисленны должны быть они, судя по тому, сколько ловят их за один только день. Некоторые из них достигают огромных размеров; вице-губернатор здешней колонии англичанин м-р Лосон видел, как он рассказывал нам, нескольких столь крупных черепах, что только шесть-восемь мужчин могли приподнять их с земли, а некоторые черепахи давали до двухсот фунтов мяса. Всего крупнее старые самцы, самки же редко достигают большой величины, самца легко отличить от самки по большей длине хвоста. Черепахи, живущие на тех островах, где нет пресной воды, или в низменных и безводных местах на других островах, питаются главным образом сочным кактусом. Те же, что водятся в нагорных и влажных районах, едят листья различных деревьев, один сорт ягод (называемый гуаявита), кислых и терпких16, а также зеленоватый волокнистый лишайник (Usnera plicata), пряди которого свисают с ветвей деревьев.

Черепахи очень любят воду, пьют ее в большом количестве и валяются в грязи. Источники есть только на более крупных островах, да и те всегда расположены в глубине острова, на значительной высоте. Поэтому черепахи, обитающие в низменных районах, для утоления жажды вынуждены совершать длинные путешествия. Благодаря этому образовались широкие утоптанные тропинки, расходящиеся по всем направлениям от родников к берегу моря, и испанцы, следуя по ним, открывали источники пресной воды. Когда я высадился на острове Чатам, я не мог себе представить, что за животное проходит так методически по определенным тропинкам. Занятное зрелище представляли эти огромные создания около источников, куда они приходили в большом числе: одни, вытянув шеи, нетерпеливо спешили вперед, другие, вдоволь напившись, возвращались обратно. Когда черепаха подходит к источнику, она, не обращая внимания на зрителей, погружает голову в воду по самые глаза и жадно пьет большими глотками, делая около десяти глотков в минуту. Жители рассказывают, что каждое животное остается по соседству с водой дня три-четыре и только потом возвращается в низменность, но они расходятся относительно того, как часты эти посещения. Вероятно, животное регулирует их в соответствии с характером своей основной пищи. Достоверно, впрочем, что черепахи могут жить даже на таких островах, где нет никакой пресной воды, кроме той, что выпадает за немногие дождливые дни в году.



Camarhynclius psitt acultis, Gould.

Остров Джемс

Centhidea olivacea Gould

Острова Чатам и Джемс

Я считаю твердо установленным, что пузырь лягушки служит резервуаром для влаги, которая необходима для ее существования; так же, по-видимому, обстоит дело и с черепахой. В течение некоторого времени после посещения источников их мочевой пузырь наполнен жидкостью, которая, говорят, постепенно убывает в объеме и становится менее чистой. Жители, страдая от жажды во время путешествий по низменным районам, часто пользуются этим обстоятельством и выпивают содержимое пузыря, если тот оказывается полон; я видел одну убитую черепаху, у которой жидкость была совершенно прозрачна и лишь чуть-чуть горьковата на вкус. Жители, однако, всегда пьют раньше из околосердечной сумки, утверждая, что там вода лучше.

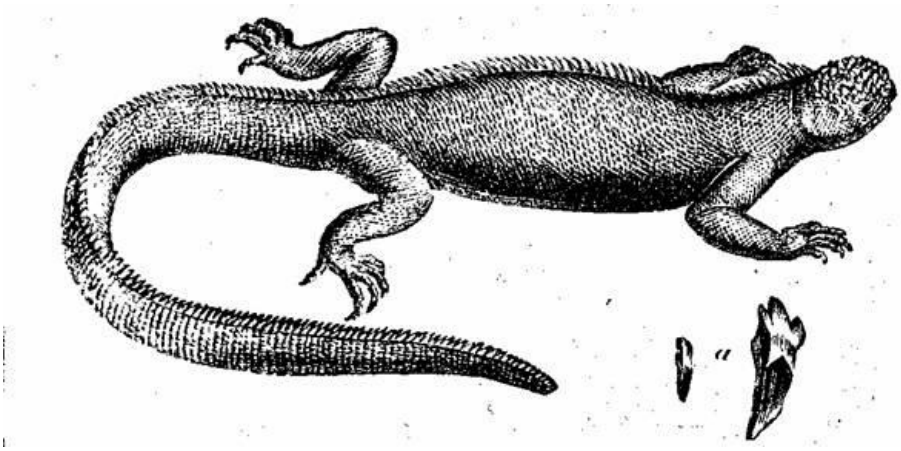
Намереваясь добраться до какого-нибудь определенного места, черепахи идут день и ночь и достигают цели своего путешествия гораздо скорее, чем того можно было бы ожидать. Жители, исходя из наблюдений над отмеченными экземплярами, считают, что расстояние около восьми миль они проходят за два-три дня. Одна

большая черепаха, которую я наблюдал, двигалась со скоростью 60 ярдов в 10 минут, т. е. 360 ярдов в час, или четыре мили в день, полагая некоторое время на еду в пути. В период размножения, когда самец и самка держатся вместе, самец издает хриплый рев или мычание, которое слышно, говорят, более чем за сто ярдов. Самка никогда не производит никаких звуков, да и самец кричит только в указанные периоды, и потому люди, услышав этот крик, узнают, что черепахи спариваются.

Во время моего пребывания (в октябре) они откладывали яйца. На песчаной почве самка кладет их все вместе и прикрывает песком; но там, где грунт каменистый, она спускает их без разбору в любую ямку; м-р Байно нашел в одной трещине семь таких яиц. Яйца белого цвета и шарообразной формы; одно, измеренное мной, имело 7 % дюйма в окружности, т. е. было больше куриного яйца. Как только молодые черепахи вылупляются из яиц, они в больших количествах становятся добычей стервятников. Старые черепахи умирают, по-видимому, обыкновенно от несчастных случаев, например падая в пропасть, — по крайней мере несколько жителей говорили мне, что ни разу не видели, чтобы черепаха умерла без какой-нибудь очевидной причины.

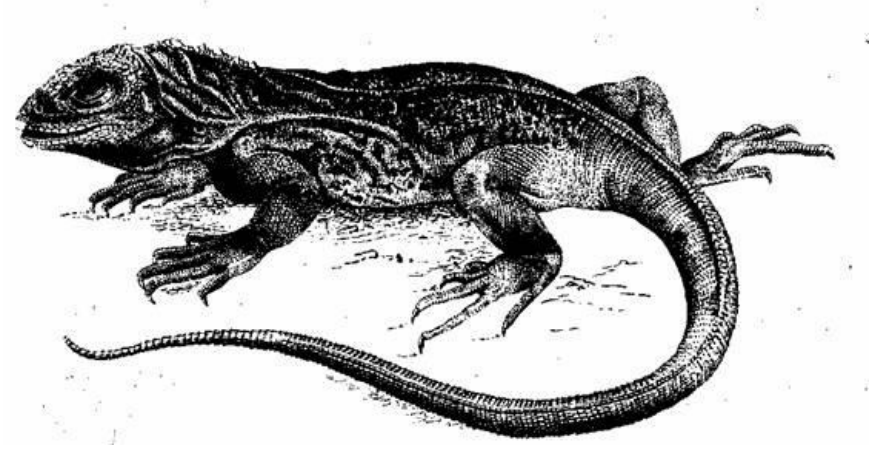
Жители считают этих животных совершенно глухими; они действительно не слышат шагов человека, идущего вслед за ними. Мне постоянно доставляло удовольствие обгонять какое-нибудь из этих огромных чудовищ, спокойно шествующее по дороге: в тот момент, когда я проходил мимо, оно втягивало голову и ноги, и, испуская низкий свистящий звук, тяжело падало, точно сраженное насмерть. Нередко я взбирался к ним на спину, и, после того как несколько раз слегка ударял по задней части их щита, они поднимались и ползли прочь, но мне уже было трудно сохранять равновесие. Мясо этого животного широко употребляется в пищу и в свежем, и в засоленном виде, а из жира его получают замечательно прозрачное масло. Когда черепаха поймана, человек надрезает у нее кожу около хвоста, чтобы посмотреть, достаточно ли толст слой жира под ее спинным щитом. Если жира мало, животное отпускают, и, говорят, оно вскоре оправляется после такой необыкновенной операции. Чтобы наземная черепаха не сбежала, недостаточно перевернуть ее, как то делают с морскими черепахами, ибо часто она оказывается в состоянии снова, встать на ноги.

Вряд ли приходится сомневаться, что эта черепаха — коренной житель Галапагосского архипелага, потому что она встречается на всех или почти всех островах и даже на некоторых мелких островках, где нет пресной воды; если бы то был ввезенный вид, то едва ли так обстояло бы дело на столь редко посещаемом архипелаге. Более того, в старину буканьеры встречали этих черепах в еще больших количествах, чем теперь; далее, Вудс Роджерс17 писал в 1708 г., что, по мнению испанцев, такие черепахи не встречаются больше нигде в этой части света. Теперь они широко распространены, но неизвестно, являются ли они где-нибудь еще коренными обитателями. Кости черепахи, найденные на острове Маврикий вместе с костями вымершего дронта, обыкновенно считаются принадлежащими черепахе рассматриваемого вида; если это так, то она была, должно быть, коренным тамошним животным, но г-н Биброн сообщает мне, что по его мнению, то был особый вид, а вид, ныне живущий на острове Маврикий, безусловно отличен от галапагосской черепахи.



Amblyrhynchus crist atus

а — зуб (слева увеличенный в 1,5 раза, справа — в — сильно увеличенном виде)



Amblyrhynchus demarlii, Bibron

Amblyrhynchus, замечательный род ящериц, живет только на этом архипелаге; их два вида, в общем похожих один на другой, причем один наземный, а другой водный. Этот последний вид (A. cristatus) был впервые описан м-ром Беллом, который, приняв во внимание короткую широкую голову и сильные, одинаковые по длине когти, правильно предвидел, что образ жизни этого животного должен быть очень своеобразен и отличен от образа жизни его ближайшего родственника — игуаны. Эта ящерица чрезвычайно распространена на всех островах архипелага и живет исключительно на скалистых берегах у самого моря, никогда не попадаясь, — по крайней мере я ни разу не видал ни одной, даже в десяти ярдах от воды. Это отвратительное на вид существо, грязно-черного цвета, глупое и медлительное в своих движениях. Взрослое животное имеет обыкновенно около ярда в длину, но некоторые достигают даже четырех футов; один крупный экземпляр весил 20 фунтов; на острове Альбемарль они достигают, по-видимому, бблыпих размеров, чем в других местах. Хвост у них сплюснут с боков, а все четыре ноги снабжены неполными плавательными перепонками. Иногда их можно увидеть плавающими в нескольких стах ярдах от берега; капитан Колнетт в своем «Путешествии» говорит: «Они стаями пускаются в море на рыбную ловлю, греются на скалах и могут быть названы аллигаторами в миниатюре». Не следует, однако, полагать, что они питаются рыбой. В воде эта ящерица плавает необыкновенно

легко и быстро, извиваясь, как змея, своим телом и сплюснутым хвостом, в то время как ноги ее неподвижны и плотно прижаты к бокам. Один матрос бросил такую ящерицу за борт, привязав к ней тяжелый груз, и полагал, что она тут же погибнет; но, когда час спустя он вытащил ее на веревке, она оказалась живой и даже вполне подвижной. Конечности и сильные когти этих животных удивительно приспособлены к ползанию по неровным, растрескавшимся лавовым массивам, которые здесь повсюду образуют берег. В таких местах часто можно видеть, как шесть или семь этих отвратительных пресмыкающихся лежат группой на черных скалах в нескольких футах над полосой прибоя и греются на солнышке, вытянув ноги.

Я вскрыл желудки у нескольких таких ящериц и обнаружил, что они набиты искрошенной морской водорослью (Ulva), которая растет в виде тонких листовидных полос ярко-зеленого или темно-красного цвета18. Я не припоминаю, чтобы видел эту водоросль в сколько-нибудь значительных количествах на омываемых приливом скалах, и у меня есть основания полагать, что она растет на дне моря, на небольшом расстоянии от берега. Если дело обстоит так, то теперь понятно, зачем эти животные иногда пускаются в море. В желудках, кроме водоросли, больше ничего не было. Впрочем, м-р Байно нашел в одном желудке кусок краба; но он мог попасть туда случайно, подобно гусенице, которую я встретил среди лишайника в брюхе черепахи. Кишечник у них длинный; как и у других травоядных животных. Характер пищи этих ящериц, а также строение их хвоста и ног и то обстоятельство, что они по собственному желанию плывут в открытое море, безусловно доказывают, что это животное водное; однако в этом отношении у них наблюдается одна странная аномалия, а именно они не идут в воду, если их спугнуть. Поэтому этих ящериц легко загнать в любое место над самым морем, где они скорее позволят поймать себя за хвост, чем прыгнут в воду. По-видимому, они совершенно не умеют кусаться, но, если их сильно напугать, они выбрасывают из ноздрей по капле жидкости. Я несколько раз кидал одну из них, стараясь забросить подальше, в глубокую лужу, оставленную отливом, но ящерица неизменно возвращалась прямо к тому месту, где я стоял. Плавала она у самого дна, двигаясь очень изящно и быстро, а натыкаясь на неровности дна, прибегала к помощи ног. Едва только добравшись до берега, но еще находясь под водой, она пыталась спрятаться в пучках водорослей или влезть в какую-нибудь щель, но лишь только полагала, что опасность прошла, выползала на сухие скалы и старалась как можно быстрее убежать прочь. Я несколько раз ловил эту же ящерицу, загоняя ее на мыс, и, хотя она умела с таким совершенством нырять и плавать, ничто не могло заставить ее войти в воду; сколько раз я ни бросал ее в лужу, она неизменно возвращалась описанным манером. Может быть, такое исключительно глупое, по видимости, поведение можно объяснить тем, что у этого пресмыкающегося нет никаких врагов на суше, тогда как в море оно, должно быть, часто оказывается добычей многочисленных акул. Поэтому, вероятно, побуждаемая прочным наследственным инстинктом выбраться на берег как на безопасное для нее место, ящерица при любых обстоятельствах ищет там убежища.

Во время нашего посещения (в октябре) я видел чрезвычайно мало небольших особей этого вида, а потому надо полагать, что ни одна из них не была моложе года. Судя по этому обстоятельству, весьма вероятно, что период размножения еще не начинался. Я спрашивал нескольких жителей, не знают ли они, где эта ящерица кладет яйца, и те сказали, что ничего не знают о ее размножении, хотя хорошо знакомы с яйцами наземного вида, — обстоятельство совершенно исключительное, если принять во внимание, как обычна здесь эта ящерица.

Обратимся теперь к наземному виду (A. demarlii), с круглым хвостом и без перепонок между пальцами. Эта ящерица в отличие от первого вида водится не на всех островах, а только в центральной части архипелага — на островах Альбемарль, Джемс, Баррингтон и Индефатигебл. К югу, на островах Чарлз, Худ и Чатам, и к северу, на Тауэре, Биндлоу и Абингдоне, я не видал ее и не слыхал о ней. Казалось, будто она была сотворена в центре архипелага и распространилась оттуда только на определенное расстояние. Некоторые из этих ящериц обитают в высоких и влажных частях островов, но они гораздо многочисленнее в низменных,

бесплодных районах около берега моря. Многочисленность их лучше всего доказывается, пожалуй, следующим обстоятельством: когда нас оставили на острове Джемс, то мы довольно долго не могли отыскать места, где бы не было их нор, чтобы разбить нашу единственную палатку. Подобно своим морским собратьям животные эти безобразны; тело их желтовато-оранжевого цвета внизу и буровато-красного сверху; низкий лицевой угол придает им необыкновенно глупый вид19. Они, пожалуй, несколько меньше по величине, чем морской вид, но некоторые экземпляры весили от десяти до пятнадцати фунтов [4,5–7 кг]. Двигаются они лениво, точно в полусне. Не будучи испуганы, они ползают медленно, волоча хвост и брюхо по земле, часто останавливаются и дремлют минуту-другую, закрыв глаза и вытянув задние ноги на горячей земле.

Живут они в норах, которые устраивают себе иногда между обломками лавы, но чаще — на ровных местах в мягком песчанико-образном туфе. Норы, по-видимому, не очень глубоки и входят в землю под небольшим углом; поэтому, когда ходишь в таких ящеричных «садках», ноги все время проваливаются в землю, к великой досаде усталого путника. Вырывая нору, это животное работает попеременно правой и левой стороной своего тела. Одна из передних ног некоторое время скребет землю и отбрасывает ее вверх, к задней ноге, удобно расположенной для того, чтобы выкидывать землю вон из норы. Когда одна сторона тела устанет, за дело принимается другая, и так они чередуются. Я долго наблюдал за одной такой ящерицей, пока половина ее тела не скрылась в земле; тогда я подошел и потянул ее за хвост; это крайне изумило ее, она тотчас, выползла посмотреть, в чем дело, и уставилась мне прямо в лицо, как будто говоря: «С какой стати ты тянешь меня за хвост?»

Едят они днем и не уходят далеко от своих нор; если их спугнуть, они неуклюжей походкой устремляются к норам. Очень быстро двигаться они не могут, разве только под гору, и это происходит, очевидно, вследствие бокового расположения ног. Они отнюдь не боязливы: внимательно следя за человеком, они закручивают хвост, приподнимаются на передних ногах и быстро кивают головой сверху вниз, стараясь казаться очень сердитыми; но на самом деле они отнюдь не злы, и стоит только топнуть ногой, как они опускают хвост и как можно скорее бегут прочь. Я не раз наблюдал, как маленькие ящерицы-мухоеды, следя за чем-нибудь, точно таким же манером кивали головой, но не имею понятия, для чего они это делают. Если этого Amblyrhynchus держать и дразнить палкой, он станет яростно кусать ее, но я многих ловил за хвост, и они ни разу не пытались укусить меня. Если поставить двух ящериц на землю и держать вместе, они начнут драться и кусать друг друга до крови.

Тем из этих ящериц, которые живут на низменных местах, — а таких всего больше, — вряд ли удается отведать хоть каплю воды в течение всего года, но они в большом количестве едят сочный кактус, ветви которого иногда обламывает ветер. Я несколько раз бросал кусок этого кактуса двум-трем ящерицам, собравшимся вместе, и довольно забавно было видеть, как они старались схватить кусок и утащить во рту, точно голодные собаки кость. Едят они очень неторопливо, но не пережевывают пищи. Маленькие птички знают, как безобидны эти создания: я видел, как один толстоклювый вьюрок клевал с одной стороны кусок кактуса (которым очень любят полакомиться все животные в этих низменных местах), в то время как ящерица поедала его с другого конца, а потом эта птичка с величайшей беззаботностью вспрыгнула на спину пресмыкающегося.

Я вскрыл желудки нескольких из этих ящериц и нашел их полными растительных волокон и листьев разных деревьев, особенно одной акации. В нагорной области они питаются главным образом кислыми и вяжущими ягодами гуаявиты; я видел, как под деревьями гуаявиты эти ящерицы кормились вместе с гигантскими черепахами. За листьями акации они вползают на эти низкорослые деревья, и нередко можно увидеть, как какая-нибудь парочка ящериц преспокойно себе качается, сидя на ветке в нескольких футах над землей. Вареное мясо этих ящериц белого цвета и нравится тем, чьи вкусы стоят выше предрассудков. Гумбольдт отмечает, что в южноамериканских тропиках все ящерицы, обитающие в сухих

районах, считаются изысканным блюдом. Жители утверждают, что те ящерицы, которые живут на возвышенных сырых местах, пьют воду, но остальные не совершают подобно черепахам путешествий за ней из бесплодной низменной местности. Во время нашего посещения у самок внутри их тела было много больших удлиненных яиц, которые эти животные откладывают в свои норы; жители ищут эти яйца и употребляют их в пищу.

Оба вида Amblyrhynchus сходны, как я уже указывал, по общему своему строению и по многим привычкам. Ни тот ни другой не отличаются быстротой движений, столь характерной для родов Lacerta и Iguana. Оба они травоядны, хотя растения, которыми они питаются, совершенно различны. Их короткая морда дала повод м-ру Беллу наименовать этот род Amblyrhynchus [тупорылые]; действительно, по форме рта их можно сравнить чуть ли не с черепахой; надо думать, что такая форма есть не что иное, как приспособление к их травоядным вкусам. Чрезвычайно интересно обнаружить хорошо очерченный, представленный морским и наземным видами род, распространенный только в таком маленьком уголке мира20. Водный вид более замечателен, потому что это единственная существующая в настоящее время ящерица, питающаяся морскими растениями. Как я заметил вначале, эти острова замечательны не столько числом видов пресмыкающихся, сколько численностью особей; стоит только припомнить утоптанные тысячами гигантских черепах тропинки, многочисленных морских черепах, громадные «садки» наземного Amblyrhynchus, группы морских ящериц, греющиеся на солнце на прибрежных скалах каждого острова, — и нам придется согласиться, что на земле нет другого такого места, где бы этот отряд таким изумительным образом замещал травоядных млекопитающих. Геолог, узнав об этом, мысленно оглянулся бы, вероятно, назад, на эпохи вторичного периода, когда частью травоядные, частью плотоядные ящерицы, по размерам своим сравнимые только с существующими в наше время китами, населяли в огромном количестве и сушу, и море. Поэтому геологу следует обратить внимание на то обстоятельство, что этот архипелаг вместо влажного климата и обильной растительности отличается крайне засушливым и — для экваториальной области — удивительно умеренным климатом.

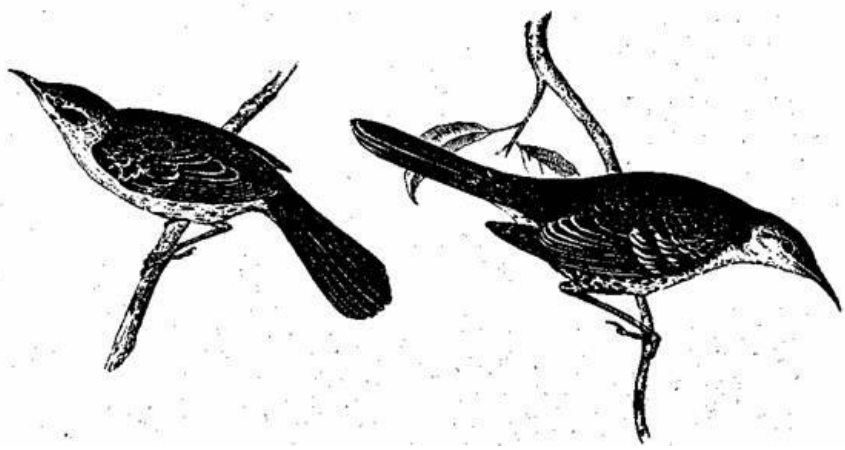
Покончим, однако с фауной. Все пятнадцать пойманных здесь мной разных морских рыб представляют собой новые виды; они принадлежат к 12 родам, из коих все широко распространены, кроме Prionotus21; четыре прежде известных вида этого рода живут у восточных берегов Америки. Наземных моллюсков я собрал шестнадцать видов (и две отчетливо выраженные разновидности), и все они, за исключением одной улитки (Helix), встречающейся на Таити, свойственны только этому архипелагу; единственный пресноводный моллюск (Paludina) водится также на Таити и Вандименовой Земле22. М-р Каминг еще до нашего путешествия собрал здесь 90 видов морских моллюсков, причем в это число не входят некоторые еще не уточненные виды Trochus, Turbo, Monodonta и Nassa23. Он был настолько любезен, что сообщил мне следующие любопытные результаты: из 90 моллюсков не менее 47 неизвестны нигде в других местах — замечательный факт, если учесть, как широко распространены обыкновенно морские моллюски. Из 43 моллюсков, встречающихся в других местах на земном шаре, — 25 живут на западном побережье Америки, и 8 из них можно считать разновидностями; остальные 18 (в том числе одна разновидность) были найдены м-ром Камингом на Низменном архипелаге, а некоторые также на Филиппинах. То обстоятельство, что здесь встречаются моллюски с островов, расположенных в центральных частях Тихого океана, заслуживает внимания, ибо не известно ни одного морского моллюска, общего одновременно тихоокеанским островам и западному побережью Америки. Открытый океан, простирающийся далеко на север и на юг против западного побережья, разделяет две совершенно различные конхиологические провинции24. Галапагосский же архипелаг представляет собой нечто вроде промежуточного района, где было создано много новых форм и куда каждая из этих обширных конхиологических провинций послала по нескольку колонистов. Американская провинция также послала сюда представляющие ее виды: существуют галапагосский вид рода Monoceros, встречающегося только на западном побережье Америки, и галапагосские виды Fissurella и Cancellaria, родов,

распространенных на западном побережье, но не встречающихся (как сообщает мне м-р Каминг) на островах в центральной части Тихого океана25. С другой стороны, имеются галапагосские виды Oniscia и Stylifer, родов, живущих в Вест-Индии и в китайских и индийских морях, но не встречающихся ни на западном побережье Америки, ни в центральной части Тихого океана26. Могу здесь добавить, что, сравнив около двух тысяч моллюсков с восточного и западного побережья Америки, м-ры Каминг и Хиндс нашли только одного-единственного общего моллюска, а именно Purpura patula, живущего в Вест-Индии, на берегах Панамы и на Галапагосских островах27. Таким образом, в этой части света существуют три обширные морские конхиологические провинции, совершенно различные, хотя и поразительно близкие друг к другу, разделенные протянувшимися далеко с севера на юг пространствами суши или открытого моря.

Я потратил много усилий, чтобы собрать коллекцию насекомых, но нигде, кроме Огненной Земли, не встречал местности, до того бедной в этом отношении. Даже на возвышенных и сырых местах мне удалось раздобыть очень небольшое их число, если не считать некоторых крохотных двукрылых (Diptera) и перепончатокрылых (Hymenoptera), по большей части тех форм, какие распространены по всему миру. Как я уже отмечал, эти насекомые для тропического пояса очень мелки и скромно окрашены. Жуков я собрал 25 видов (не считая Dermestes и Corynetes, ввозимых всюду, куда только заходит корабль28); два из них относятся к Harpalidae, два — к Hydrophilidae, 9 — к трем семействам Heteromera, остальные 12 — к такому же числу различных семейств. То обстоятельство, что насекомые (то же самое можно сказать и о растениях) там, где они представлены небольшим числом особей, принадлежат ко многим различным семействам, является, мне кажется, общераспространенным. М-р Уотерхаус, который опубликовал* отчет о насекомых этого архипелага и которому я обязан приведенными выше подробностями, сообщает мне, что среди них есть несколько новых родов, а из родов уже ранее известных один или два — американские, прочие же распространены по всему миру. За исключением одного, питающегося деревом Apate, и одного, а может быть, и двух водяных жуков с Американского материка, все это виды, по-видимому, новые29.

Ботаника этих островов ничуть не менее интересна, чем их зоология. Д-р Дж. Гукер должен вскоре опубликовать в «Linnean Transactions» полный отчет о здешней флоре, и я премного обязан ему за следующие подробности. Цветковых растений там встречается, насколько это известно в настоящее время, 185 видов, тайнобрачных — 40 видов, что вместе составляет 225 видов; из этого числа мне удалось привезти в Англию 193. Среди цветковых растений имеется 100 новых видов, встречающихся, вероятно, только на этом архипелаге. Д-р Гукер уверяет, что из растений, встречающихся не только здесь, по крайней мере 10 видов, найденных близ обработанной земли на острове Чарлз, были туда завезены. Мне кажется удивительным, что туда не было занесено естественным путем еще большее число американских видов, если учесть, что расстояние до материка только 500–600 миль и что (по словам Колнетта, стр. 58) плавучее дерево, бамбук, тростник и пальмовые орехи часто прибивает волнами к юго-восточным берегам. Ста новых цветковых растений по сравнению с общим их числом в 185 (или 175, если не считать ввезенных растений) достаточно, я полагаю, для того, чтобы считать Галапагосский архипелаг особой ботанической провинцией; впрочем, местная флора далеко не так своеобразна, как на острове св. Елены или, как сообщает мне д-р Гукер, на Хуан-Фернандесе. Своеобразие галапагосской флоры лучше всего видно на примере некоторых семейств; так, из 21 вида сложноцветных 20 свойственны только этому архипелагу; они принадлежат к двенадцати родам, из которых по крайней мере десять ограничены в своем распространении только этим архипелагом! Д-р Гукер сообщает мне, что флора имеет, несомненно, западноамериканский характер; но он не находит в ней ни малейшего сходства с тихоокеанской флорой. Если исключить 18 морских, одного пресноводного и одного наземного моллюска, явно попавших сюда в качестве колонистов с островов центральной части Тихого океана, а также один, несомненно, тихоокеанский вид галапагосской группы вьюрков, то окажется, что этот архипелаг, хоть он и лежит в Тихом океане, и в зоологическом отношении является частью Америки.

Если бы указанной особенностью архипелаг был обязан просто переселенцам из Америки, то в этом было бы мало замечательного; мы видим, однако ^ что подавляющее большинство наземных животных и более половины цветковых растений — местные произведения. Всего поразительнее было находиться среди новых птиц, новых пресмыкающихся, новых моллюсков, новых насекомых, новых растений и вместе с тем чувствовать, как бесчисленные мельчайшие подробности строения и даже самый звук голоса и оперение птиц оживляют в памяти умеренные равнины Патагонии или знойные сухие равнины северного Чили. Почему на этих клочках суши, которые еще в недавний геологический период были, должно быть, покрыты океаном, которые образованы базальтовой лавой и поэтому отличаются в геологическом отношении от Американского материка, которые расположены в условиях своеобразного климата, — почему их коренные обитатели, соединенные, могу добавить, и по форме и по числу, в иных соотношениях, нежели на материке, и потому действующие друг на друга иным образом, — почему они были созданы по американскому типу организации? Вероятно, острова Зеленого Мыса походят по всем своим физическим условиям на Галапагосские острова гораздо больше, чем эти последние на побережье Америки; и все-таки коренные обитатели этих двух островных групп совершенно непохожи друг на друга: на обитателях островов Зеленого Мыса лежит африканский отпечаток, тогда как обитатели Галапагосского архипелага отмечены печатью Америки.



Галапагосские дрозды-пересмешники

До сих пор я не отметил еще самой замечательной особенности естественной

истории этого архипелага, а именно что различные острова в значительной степени населены различным составом живых существ. Впервые мое внимание обратил на это обстоятельство м-р Лосон, вице-губернатор, заявивший, что черепахи на разных островах различны и что он наверняка мог бы сказать, с какого острова какая привезена. Сначала я не обратил должного внимания на это утверждение и даже отчасти смешал коллекции, собранные на двух из этих островов. Я и не помышлял, чтобы острова, отстоящие миль на пятьдесят-шестьдесят один от другого и по большей части находящиеся в виду друг у друга, образованные в точности одинаковыми породами, лежащие в совершенно одинаковом климате, поднимающиеся почти на одну и ту же высоту, могли иметь различное население; вскоре, однако, мы увидим, что именно так и обстоит дело. Удел почти всех путешественников, — не успевши познакомиться с тем, что всего интереснее в какой-нибудь местности, уже спешить оттуда; но я, быть может, должен быть благодарен судьбе за то, что собрал материалы, достаточные для установления этого наиболее удивительного факта в распределении органических существ.

Жители, как я уже говорил, утверждают, что могут различить черепах с разных островов и что они отличаются не только размерами, но и другими признаками. Капитан Портер, описывая* черепах с Чарлза и с ближайшего к нему острова, а именно с острова Худ, говорит, что щит у них спереди толст и загнут, как испанское седло; черепахи же с острова Джемс более круглы и черны, а вареное мясо их лучше на вкус. С другой стороны, г-н Биброн сообщает мнег что видел двух черепах с Галапагосского архипелага, которых считает различными видами, но не знает, с каких они островов. Экземпляры, которые я привез с трех островов, все были молодые животные, и по этой-то, вероятно, причине ни м-р Грей, ни я не могли найти у них каких бы то ни было видовых различий. Я уже замечал, что морской Amblyrhynchus на острове Альбемарль был крупнее, чем на других островах, а теперь г-н Биброн сообщает мне, что видел два различных водных вида этого рода, так что на различных островах были, вероятно, свои виды или разновидности Amblyrhynchus, так же как и черепах. Впервые внимание мое было полностью привлечено тогда, когда я сравнил многочисленные экземпляры дроздов-пересмешников, убитых мной и некоторыми другими участниками нашей экспедиции, и, к своему изумлению, обнаружил, что все птицы с острова Чарлз принадлежат к одному виду (Mimus trifascdatus), все птицы с острова Альбемарль — к виду M. parvulus, а все с острова Джемс и Чатам (между которыми расположены два других острова, играющие роль связующих звеньев) относятся к виду M. melanotls. Последние два вида близко родственны, и некоторые орнитологи сочли бы их только хорошо выраженными расами или разновидностями; но Mimus trifasciatus сильно от них отличается30. К сожалению, я смешал большую часть экземпляров из группы вьюрков; но у меня есть веские основания подозревать, что некоторые виды подгруппы Geospiza ограничены в своем распространении отдельными островами. Если различные острова имеют своих представителей подгруппы Geospiza, то этим можно объяснить исключительно большое число видов в данной подгруппе на одном только этом маленьком архипелаге и как вероятное следствие такого большого числа ряд правильно уменьшающихся по своим размерам клювов. На архипелаге были найдены два вида подгруппы Cactornis и два вида Camarhynchus, и все многочисленные экземпляры из этих двух подгрупп, застреленные четырьмя коллекторами на острове Джемс, оказались принадлежащими к одному виду каждой из подгрупп, тогда как все многочисленные экземпляры, убитые на островах Чатам и Чарлз (ибо птицы с этих двух островов были смешаны), принадлежали к двум другим видам; поэтому почти не приходиться сомневаться, что на этих островах имеются свои виды каждой из двух подгрупп. В отношении наземных моллюсков этот закон распределения, по-видимому, не выдерживается хорошо. Среди тех насекомых из моей маленькой коллекции, которые были снабжены ярлыками с указанием места их нахождения, не оказалось, как отмечает м-р Уотерхаус, ни одного общего для каких-либо островов.

Если мы обратимся теперь к флоре, то убедимся, что коренные растения разных островов удивительно различны. Все нижеследующие выводы я привожу, опираясь

на авторитетные данные, полученные от моего друга д-ра Дж. Гукера. Должен предупредить, что я собирал на различных островах все растения без разбору и, к счастью, хранил каждую коллекцию отдельно. Нельзя, однако, слишком доверять этим относительным выводам, ибо небольшие коллекции, привезенные некоторыми другими естествоиспытателями, хотя и подтверждают эти результаты, но ясно показывают, что еще многое остается сделать, для изучения флоры этой группы островов; кроме того, бобовые разобраны до сих пор лишь приблизительно.

Отсюда следует поистине изумительный факт: на острове Джемс из галапагосских растений, т. е. ненаходимых ни в каком другом месте на земном шаре, треть встречается исключительно на этом острове, а на острове Альбемарль из 26 коренных галапагосских растений 22 встречаются на одном только этом острове, т. е, только о четырех в настоящее время известно, что они растут и на других островах архипелага; подобным же образом обстоит дело, и с растениями с островов Чатам и Чарлз. Этот факт покажется, может быть, еще более разительным, если привести несколько примеров: так, Scalesia, замечательный древовидный род сложноцветных, встречается только на архипелаге31, он состоит из шести видов: один — с острова Чатам, другой — с Аль-бемарля, третий — с Чарлза, четвертый и пятый — с острова Джемс и шестой — с одного из трех последних островов, но неизвестно, с какого; ни один из этих шести видов не растет на каких-нибудь двух островах. Далее, молочай (Euphorbia), род, распространенный по всему миру или во всяком случае очень широко, представлен здесь восемью видами, из коих семь растут только на архипелаге, но ни один не встречается на каких-нибудь двух островах; Acalypha и Воггепа, роды всемирного распространения, представлены шестью и семью видами соответственно, но ни один из двух родов не представлен одним и тем же видом на двух разных островах, если не считать одной Воггепа, встречающейся на двух островах32. У видов сложноцветных местный характер проявляется особенно сильно, и д-р Гукер указал мне еще несколько разительнейших примеров различия между видами с разных островов. Он отмечает, что этот закон распределения хорошо выдерживается и в тех родах, которые ограничены в своем распространении этим архипелагом, и в тех, которые распространены и в других местах земного шара; мы видим, что подобным же образом на разных островах имеются особые виды всемирного рода черепах и широко распространенного американского рода дроздов-пересмешников, равно как и галапагосских подгрупп вьюрков и, почти несомненно, галапагосского рода Amblyrhynchus.

Распределение обитателей этого архипелага было бы далеко не так удивительно, если бы, например, на одном острове жил дрозд-пересмешник, а на другом — представитель еще какого-нибудь совершенно иного рода, если бы на одном острове жил свой or — ›бый род ящериц, а на другом — еще какой-нибудь иной род, или бы их вовсе не было, или если бы различные острова были населены не видами, представляющими одни и те же роды растений, а совершенно разными родами, как и обстоит дело до известной степени: например, крупное ягодное дерево, растущее на острове Джемс, не представлено другим подобным видом на острове Чарлз. Но меня поражает то обстоятельство, что несколько островов имеют свои собственные виды черепах, дроздов-пересмешников, вьюрков и многочисленных растений, и эти виды обладают в общем одинаковыми привычками, живу^ в сходных местах и, очевидно, занимают одно и то же место в экономии природы этого архипелага. Можно было бы заподозрить, что некоторые из этих видов, представляющих один и тот же род, — по крайней мере черепахи и некоторые птицы, — могут оказаться впоследствии только хорошо выраженными разновидностями, но и это представило бы не меньший интерес для философски мыслящего натуралиста.

Я уже говорил, что острова по большей части находятся в виду друг у друга; могу уточнить, что остров Чарлз лежит в 50 милях от ближайшего к нему пункта острова Чатам и в 33* милях от ближайшей точки острова Альбемарль. Остров Чатам находится в 60 милях от ближайшей к нему точки острова Джемс, но между ними есть два промежуточных острова, на которых я не бывал. Остров Джемс лежит всего в 10 милях от ближайшей точки острова Альбемарль, но два пункта,

где были собраны коллекции, расположены в 32 милях один от другого. Я должен повторить, что ни характер почвы, ни высота местности, ни климат, ни общий характер связанных между собой живых существ, а следовательно, и их воздействие друг на друга не могут сильно различаться на разных островах. Если и существует какое-нибудь заметное различие в климате, то только между наветренной группой, а именно островами Чарлз и Чатам, и подветренной группой островов; но соответствующего различия в произведениях этих двух частей архипелага не наблюдается.

Единственное соображение, которым я могу хоть как-нибудь объяснить это замечательное различие между обитателями отдельных островов, заключается в том, что очень сильные морские течения, проходящие в направлении на запад и запад-северо-запад, отделяют, должно быть, южные острова от северных, поскольку это касается переноса организмов морем; кроме того, между северными островами наблюдалось сильное северо-западное течение, которое должно резко отделять друг от друга острова Джемс и Альбемарль. Так как архипелаг замечателен полным отсутствием сильных ветров, то ни птицы, ни насекомые, ни легкие семена не переносятся с острова на остров. Наконец, огромная глубина океана между островами и их явно недавнее (в геологическом смысле) вулканическое происхождение не позволяют думать, чтобы они когда-нибудь были соединены, и это соображение, вероятно, куда более важно, чем всякое другое, поскольку дело касается географического распределения обитателей этих островов. Пересматривая приведенные здесь факты, невольно поражаешься количеству творческой силы, если можно так выразиться, проявившейся на этих маленьких голых скалистых островах, а еще более — ее различному, но вместе с тем сходному действию в местах, столь близких одно от другого. Я уже говорил, что Галапагосский архипелаг можно назвать спутником Америки, но вернее назвать его группой спутников, сходных по своей неорганической природе, различных по природе органической и тем не менее находящихся в близком родстве между собой, тогда как все они вместе находятся в заметном, хотя и гораздо менее тесном родстве с великим американским материком33.

В заключение описания естественной истории этих островов я расскажу об исключительной доверчивости птиц.

Эта черта свойственна всем наземным видам, а именно дроздам-пересмешникам, вьюркам, крапивникам, тиранам-мухоловкам, голубю и сарычу-стервятнику. Все они часто приближались на такое расстояние, что их можно было убить хлыстом, а иногда — и это мне самому случалось делать — даже фуражкой или шляпой. Ружье здесь почти излишне: ружейным дулом я столкнул с ветки дерева хищную птицу. Однажды, пока я лежал на земле, держа в руке сосуд, сделанный из черепашьего панциря, на краешек его уселся дрозд-пересмешник и принялся спокойно пить воду, он позволил мне приподнять себя с земли вместе с сосудом; я не раз пытался ловить этих птиц за ноги, и это чуть ли не удавалось мне. Прежде птицы здесь были еще доверчивее, чем теперь. Коули рассказывает (1684 г.): «Горлицы были до того доверчивы, что часто садились нам на шляпы и на руки, и мы могли ловить их живыми; они не боялись человека до тех пор, пока кое-кто из нас не стал стрелять в них, отчего они сделались более дикими». В том же году, по словам Дампира, за одну утреннюю прогулку человек мог набить шесть-семь дюжин этих голубей. Теперь же они, хотя, конечно, по-прежнему очень доверчивы, но уже не садятся людям на руки и не дают убивать себя в таком большом количестве. Удивительно, что они не стали еще более дикими, ибо эти острова в течение последних ста пятидесяти лет часто посещались буканьерами и китоловами, а моряки, бродящие по лесам в поисках черепах, всегда получают жестокое удовольствие, убивая маленьких птичек.

Несмотря на то, что в настоящее время этих птиц преследуют еще больше, они не сразу становятся дикими; на острове Чарлз, который тогда уже шесть лет как был колонизован, я видел мальчика, сидевшего у родника с хлыстом в руке и убивавшего им голубей и вьюрков, когда те прилетали пить. Он набил уже целую кучку их на обед и говорил, что имеет обыкновение постоянно караулить у этого

родника с той же целью. Кажется, птицы этого архипелага до сих пор не распознали, что человек — существо более опасное, чем черепаха или Amblyrhynchus, и не обращают на него внимания, так же как в Англии пугливые птицы, например сороки, не обращают внимания на коров и лошадей, пасущихся в поле.

Другой пример той же черты у птиц мы видим на Фолклендских островах. Необыкновенную доверчивость маленького Opetiorhynchus отмечают Пернети, Лессон и другие путешественники. Впрочем, она свойственна не только этой птице: Polyborus, кулик, нагорный и скалистый гуси, дрозд, овсянка и даже некоторые ястребы — все более или менее доверчивы. Поскольку птицы так доверчивы там, где водятся лисицы, дневные хищные птицы и совы, мы должны заключить, что отсутствие хищных животных на Галапагосских островах не может быть причиной доверчивости здешних птиц. Предусмотрительность, с какой нагорный гусь Фолклендских островов строит гнезда на островках, показывает, что он знает об опасности со стороны лисицы; но при этом он отнюдь не боится человека. Такая доверчивость этих птиц, особенно водных, представляет резкий контраст с повадками того же вида на Огненной Земле, где на протяжении веков они подвергались преследованиям со стороны дикарей. На Фолклендских островах охотник за день может иногда настрелять нагорных гусей больше, чем в состоянии унести, тогда как на Огненной Земле даже одного убить почти так же трудно, как в Англии подстрелить обыкновенного дикого гуся.

Во времена Пернети (1763 г.) все птицы на Фолклендских островах были, видимо, гораздо доверчивее, чем в настоящее время; он утверждает, что Opetiorhynchus чуть ли не садился к нему на палец и что он палкой убил десять птиц за полчаса. В тот период птицы там были, должно быть, так же доверчивы, как теперь на Галапагосских островах. По-видимому, на этих последних они приучаются к осторожности медленнее, чем на Фолклендских островах, где у них было соответственно больше опыта, потому что помимо частых посещений судами острова эти были заселены колонистами в течение длительного периода, правда с перерывами. Но даже прежде, когда все птицы были так доверчивы, невозможно было, по словам Пернети, убить черношейного лебедя — перелетную птицу, набравшуюся, вероятно, мудрости в других странах.

Могу добавить, что, согласно Дю Буа, на острове Бурбон в 1571–1572 гг. все птицы, за исключением фламинго и гусей, были до того доверчивы, что их можно было поймать руками или набить в каком угодно количестве палкой. Далее, на острове Тристан-да-Кунья в Атлантическом океане, по заявлению Кармайкла*, только две наземные птицы — дрозд и овсянка — были «так доверчивы, что давали поймать себя сачком». На основании этих нескольких фактов мы можем, я полагаю, заключить, во-первых, что пугливость птиц по отношению к человеку — особый инстинкт, направленный против человека и не зависящий от того, в какой степени проявляется осторожность по отношению к другим источникам опасности; во-вторых, она не приобретается отдельными птицами за короткое время, даже когда их много преследуют, но становится наследственной на протяжении ряда поколений. Мы уже привыкли видеть, как у домашних животных приобретаются новые психические привычки или инстинкты и становятся наследственными; но у животных в естественном состоянии всегда, должно быть, крайне трудно обнаружить случаи приобретения познаний наследственным путем. Что касается пугливости птиц по отношению к человеку, то ее нельзя объяснить иначе как только унаследованной привычкой; например, в любом году в Англии человек причинял вред сравнительно немногим молодым птицам, и все же почти все они, даже птенцы, боятся его; с другой стороны, и на Галапагосских, и на Фолклендских островах многие особи преследуются человеком и страдают от него, но все-таки не научились спасительному страху перед ним. Исходя из этих фактов можно понять, какое опустошение может вызвать введение нового хищного зверя в какой-нибудь стране, прежде чем инстинкты туземных обитателей приспособятся к хитрости или силе чужестранца.

Глава XVIII ТАИТИ И НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Переход через Низменный архипелаг

Таити.

Вид на остров

Горная растительность

Вид на Эимео

Экскурсия в глубь острова

Глубокие ущелья

Ряд водопадов

Множество полезных дикорастущих растений

Трезвость жителей

Состояние их нравственности

Созыв парламента

Новая Зеландия

Бухта Айлендс.

Хиппа

Экскурсия в Уаимате

Хозяйство миссионеров

Английские сорняки, ныне одичавшие

Уаиомио

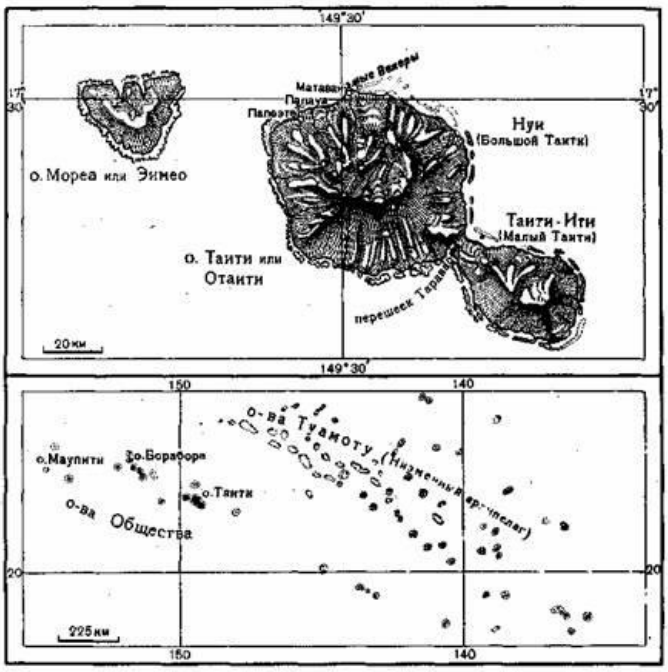
Похороны новозеландки

Отплытие в Австралию

20 октября. — Закончив съемку Галапагосского архипелага, мы направились на Таити и начали длинный переход в 3 200 миль. Через несколько дней мы вышли из облачной и сумрачной области океана, простирающейся зимой на большое расстояние от побережья Южной Америки. Теперь мы наслаждались солнечной, ясной погодой и, подгоняемые постоянным пассатом, весело плыли со скоростью 150–160 миль в день. Температура в этой области Тихого океана, лежащей ближе к его центру, выше, чем близ американских берегов. Термометр на юте днем и ночью колебался между 27 и 28°, и это было очень приятно; но уже одним-двумя градусами выше жара становится невыносимой. Мы прошли через Низменный, или Опасный, архипелаг и видели несколько тех любопытнейших колец из коралловой почвы, чуть возвышающихся над водой, которым дали название лагунных островов. Над длинной, ослепительно белой береговой полосой тянется зеленая полоса растительности; уходя в обе стороны, полосы быстро суживаются вдали и теряются за горизонтом. С верхушки-мачты внутри кольца видно обширное пространство спокойной воды. Эти низкие коралловые острова с лагунами посредине слишком малы по сравнению с необъятным океаном, из которого они круто поднимаются, и кажется чудом, что такие слабые поселенцы не сокрушаются всемогущими и неутомимыми волнами этого великого океана, незаслуженно называемого Тихим.

15 ноября. — На рассвете показался Таити, остров, который навсегда, должно

быть, останется классическим для всех, кто путешествует по южным морям. Издали он выглядит непривлекательно.



Острова Товарищества (Общества) и Низменные острова (Туамоту)

Пышная растительность в низменной его части еще не была видна, и, по мере того как облака рассеивались, взору открывались самые дикие и крутые пики в середине острова. Как только мы бросили якорь в бухте Матаваи, нас окружили каноэ. На нашем корабле этот день мы считали воскресеньем, на Таити же был понедельник; если бы дело обстояло наоборот, то к нам бы никто не выехал, ибо тут неуклонно соблюдается предписание не спускать каноэ в субботу. После обеда мы высадились на берег, чтобы вкусить все удовольствие первых впечатлений от новой страны, и к тому же такой очаровательной, как Таити. Собравшаяся на знаменитом мысе Венеры1 толпа мужчин, женщин и детей приветствовала нас с веселыми, смеющимися лицами. Они торжественно проводили нас к дому м-ра Вильсона, здешнего миссионера, который встретил нас по дороге и оказал нам самый дружественный прием. Посидев недолго у него дома, мы разошлись на прогулку и вернулись туда вечером.

Для обработки земля пригодна, пожалуй, только на полоске аллювиальной почвы, накопившейся внизу, у подножия гор, и защищенной от морских волн коралловым рифом, окружающим берег на всем его протяжении. По эту сторону рифа лежит пространство воды спокойной, как в озере, где могут безопасно плавать каноэ туземцев и где бросают якорь корабли. Низменность, переходящая внизу в пляж из кораллового песка, покрыта прекраснейшими произведениями тропиков. Посреди бананов, апельсинных, кокосовых и хлебных деревьев расчищены участки, на которых возделываются ямс2, бататы, сахарный тростник и ананасы. Даже кустарник и тот представляет собой ввезенное плодовое дерево гуайаву, которая до того размножилась, что стала столь же пагубной, как сорняк3. В Бразилии я часто любовался разнообразной красотой бананов, пальм и апельсинных деревьев, так резко отличающихся друг от друга; здесь же к ним присоединяется еще хлебное дерево, привлекающее внимание своими большими и блестящими дланевидными листьями. Нельзя не восхищаться, глядя на рощи этих деревьев, раскидывающих свои могучие, как у английского дуба, ветви, обремененные крупными и

чрезвычайно питательными плодами. Как ни редко полезность какого-нибудь предмета может служить причиной удовольствия, доставляемого его созерцанием, но, когда смотришь на эти прекрасные леса, сознание их необыкновенной плодовитости, несомненно, играет не последнюю роль в вызываемом ими чувстве восхищения. Маленькие извилистые тропинки, тенистые и прохладные, вели к разбросанным там и сям домам, хозяева которых неизменно оказывали нам приветливый и чрезвычайно радушный прием.

Ничего мне так не понравилось, как жители. Лица их выражают кротость, сразу же прогоняющую мысль о дикарях, и ум, свидетельствующий о том, что они уже преуспели в цивилизации. Простой народ за работой оставляет верхнюю часть тела совершенно обнаженной, и тогда-то таитяне и предстают в выгодном свете. Они очень рослы и широки в плечах, атлетически и пропорционально сложены. Кто-то заметил, что немного требуется привычки, чтобы темная кожа казалась глазу европейца более приятной и естественной, чем его собственная белая кожа. Белый человек, купающийся рядом с таитянином, выглядел точно бледное, взращенное искусством садовника растение по сравнению с прекрасным темно-зеленым растением, буйно разросшимся в открытом поле. Мужчины большей частью татуированы, и узоры так грациозно следуют за изгибами тела, что производят самое изящное впечатление. Один общий узор, видоизменяющийся в деталях, чем-то похож на крону пальмы. Он начинается на средней линии спины и изящно изгибается в обе стороны. Возможно, что это сходство воображаемое, но мне казалось, что разукрашенное таким образом человеческое тело похоже на ствол величавого дерева, обвитый нежным ползучим растением.

У многих стариков ноги были покрыты небольшими рисунками, вследствие своего расположения напоминавшими носки. Впрочем, эта мода уже отчасти устарела, и на смену ей приходят другие. Хотя моды здесь отнюдь не сохраняются неизменными, но каждому приходится оставаться верным той, которая господствовала в дни его юности. Таким образом, на теле старика раз и навсегда запечатлен его возраст, и он не может держаться молодым щеголем. Женщины татуированы так же, как и мужчины, но очень часто у них татуируются и пальцы. Теперь там получила чуть ли не всеобщее распространение одна неуместная мода, а именно выбривать круглую плешь, оставляя только кольцо волос вокруг головы. Миссионеры пытаются убедить туземцев изменить этот обычай; однако такова мода, а подобный ответ достаточен на Таити, как и в Париже. Меня очень разочаровала наружность женщин: по чертам лица они во всех отношениях уступают мужчинам. Обычай носить белый или алый цветок на голове сзади или продевать цветки сквозь маленькие дырочки в обоих ушах просто прелестен. Кроме того, чтоб прикрыть глаза от солнца, они носят венок, сплетенный из листьев кокосовой пальмы. Женщины, кажется, больше нуждаются в какой-нибудь подобающей одежде, нежели мужчины.

Почти все туземцы знают немного по-английски, т. е. им известны названия обычных вещей; с помощью этих слов, а также знаков можно было с грехом пополам вести разговор. Возвращаясь вечером к шлюпке, мы остановились посмотреть на одно очень красивое зрелище. На пляже играло множество детей, разведя костры, освещавшие тихое море и окружающие деревья; другие, собравшись в кружки, пели таитянские песни. Присев на песок, мы присоединились к ним. Песни сочинялись экспромтом и, я полагаю, относились к нашему приезду; одна маленькая девочка пела один стих, а остальные по очереди подтягивали, составляя прелестный хор. Вся эта сцена напоминала нам, что мы, несомненно, находимся на берегу острова среди прославленного Южного моря.

17 ноября. — Этот день занесен в наш вахтенный журнал как вторник 17-го, вместо понедельника 16-го, чему причиной была наша успешная — по крайней мере до сих пор — погоня за солнцем. Перед завтраком корабль окружила целая флотилия каноэ, и, когда туземцам разрешили подняться на борт, их набралось, по-моему, никак не меньше двухсот. По нашему общему мнению, трудно было бы подобрать такое же количество людей любой другой нации, которые доставляли бы так мало беспокойства. Каждый захватил с собой что-нибудь для продажи; главным

предметом торговли были раковины. В настоящее время таитяне вполне понимают ценность денег и предпочитают их старому платью и прочим вещам. Впрочем, разнообразная английская и испанская монета ставит их в тупик, и они, казалось, вовсе не считали мелкое серебро вполне надежным, пока оно не оказывалось размененным на доллары. Некоторые из вождей уже собрали значительные суммы денег. Один из них недавно предлагал 800 долларов (около 160 фунтов стерлингов) за небольшое судно, а вельботы и лошадей они часто покупают по цене от 50 до 100 долларов.

После завтрака я отправился на берег и поднялся по ближайшему склону на высоту двух-трех тысяч футов. Передние горы конической формы, гладкие, но крутые; древние вулканические породы, их слагающие, прорезаны многочисленными глубокими ущельями, расходящимися из гористого центра острова к побережью. Я пересек узкую низменную полоску обитаемой и плодородной земли и пошел по гладкому крутому отрогу, лежащему между двумя глубокими ущельями. Растительность тут была своеобразна: она состояла почти исключительно из мелких карликовых папоротников, к которым повыше присоединялась грубая трава; все это немногим отличалось от некоторых холмов в Уэльсе, и то обстоятельство, что внизу на берегу, так близко отсюда, лежит плодовый сад с тропическими растениями, было очень удивительно. В самом высоком месте, которого я достиг, снова появились деревья. Из трех различающихся по богатству растительности зон нижняя влажна, а следовательно, и плодородна благодаря своей плоской поверхности, которая лишь чуть-чуть возвышается над уровнем моря, а потому вода с возвышенностей стекает по ней очень медленно. Промежуточная зона в отличие от верхней не достигает влажного, облачного воздуха и из-за этого остается бесплодной. В верхней зоне растут красивые леса, в которых древовидные папоротники занимают место кокосовых пальм побережья. Не следует, однако, думать, что эти леса могут хоть сколько-нибудь сравниться великолепием с бразильскими. Нельзя ожидать, чтобы на острове встретилось то огромное множество естественных произведений, каким отличается материк.

С самого высокого достигнутого мной места открылся отличный вид на расположенный в отдалении остров Эимео, подвластный тому же государю, что и Таити. На высоких изломанных вершинах громоздились белые массивы облаков, образуя остров в синих небесах, как сам Эимео — в синем океане. Остров весь окружен рифом, в котором есть лишь небольшие ворота. Отсюда виднелась только узенькая, но резко очерченная ослепительно белая полоска, отмечающая место первой встречи волн с коралловой стеной. Горы круто поднимались с зеркальной поверхности лагуны, лежащей внутри этой узкой белой линии, по эту сторону которой вздымались сумрачные воды океана. Вид был изумителен; его уместно было сравнить с гравюрой в рамке: буруны изображали рамку, зеркальная лагуна — белое поле гравюры, а сам остров — рисунок. Вечером, когда я спустился с горы, навстречу мне вышел человек, которого я расположил к себе каким-то пустячным подарком, и принес горячие печеные бананы, кокосовые орехи и ананасы. После прогулки под палящим солнцем, насколько я знаю, нет ничего лучше молока из молодого кокосового ореха. Ананасов здесь такое изобилие, что их едят так же равнодушно, как у нас репу. На вкус они превосходны, быть может даже лучше тех, что разводят в Англии, а это, мне кажется, лучшая похвала, какую только можно сделать плоду. Перед моим отъездом на корабль м-р Вильсон передал таитянину, так кстати отблагодарившему меня, мое желание, чтобы он и еще какой-нибудь человек сопровождали меня в короткой экскурсии в горы.

18 ноября. — Рано утром я высадился на берег, захватив с собой мешок с провизией и два одеяла — для себя и для слуги. Поклажу привязали к концам длинной жерди, которую поочередно несли на плечах мои спутники-таитяне. Люди эти привычны носить таким способом в продолжение целого дня до 50 фунтов [23 кг] на каждом конце жерди. Я предложил моим проводникам запастись едой и платьем, но они сказали, что в горах сколько угодно пищи, а что касается платья, то достаточно и их собственной кожи. Маршрут наш лежал по долине Тиа-Ауру, по которой течет река, впадающая в море у мыса Венеры. Это — одна из главных рек

острова, и ее истоки лежат у подножия самых высоких центральных вершин, поднимающихся до высоты около 7 000 футов. Весь остров до того горист, что проникнуть во внутреннюю часть его можно, только поднимаясь по долинам. Путь наш сначала проходил через леса, окаймляющие оба берега реки, и высокие центральные пики, мелькавшие, точно сквозь аллею, между качавшимися с одной стороны там и сям кокосовыми пальмами, были чрезвычайно живописны. Вскоре долина начала сужаться, а склоны ее стали высокими и более обрывистыми. Через три-четыре часа ходьбы ширина долины была уже немногим больше ширины русла "реки. Стены справа и слева были почти вертикальны; но благодаря мягкости вулканических пластов из каждого выступа вырастали деревья и другая обильная растительность. Кручи эти имели, должно быть, около тысячи футов в вышину, а все вместе представляло узкое горное ущелье, гораздо более великолепное, чем все, что мне приходилось видеть до сих пор. Пока полуденное солнце еще не стояло прямо над ущельем, воздух был прохладный и сырой, но тут стало очень душно. Мы пообедали в тени нависшей скалы, у подножия лавового столба. Мои проводники уже раздобыли целую миску мелкой рыбешки и пресноводных креветок. У них была с собой маленькая сетка, натянутая на обруч; в глубоких местах и в водоворотах они ныряли и, точно выдры, держа глаза открытыми и загоняя рыбу в норы и уголки, ловили ее.

В воде таитяне движутся с ловкостью земноводных животных. Случай, сообщаемый Эллисом, показывает, что они чувствуют себя в этой стихии как дома. Когда в 1817 г. с корабля спускали лошадь для короля Помаре, канаты лопнули, и лошадь упала в воду; туземцы немедленно спрыгнули за борт и своими криками и тщетными усилиями помочь животному чуть не утопили его. Но как только лошадь добралась до берега, все население бросилось бежать, стараясь спрятаться от этой «носящей человека свиньи», как они окрестили лошадь.

Несколько выше река разделялась на три небольших потока. Два северных были недоступны из-за ряда водопадов, низвергавшихся с зубчатых вершин самых высоких гор; к третьему, по всей видимости, точно так же нельзя было подступиться, но мы ухитрились подняться по нему самым необычайным путем. Склоны долины были здесь почти отвесны, но, как то часто бывает со слоистыми породами, из них выдавались маленькие уступы, густо заросшие дикими бананами, лилейными растениями и другими роскошными произведениями тропиков. Таитяне, карабкаясь по этим уступам в поисках плодов, открыли тропу, по которой можно было взобраться на самый верх обрыва. Вначале подъем из долины был очень опасен, потому что нужно было преодолеть крутую стену обнаженной породы с помощью захваченных нами с собой веревок. Каким образом кому-то удалось открыть, что это страшное место — единственное, где можно взобраться по склону горы, — этого я не могу себе представить. Потом, осторожно подвигаясь вдоль одного уступа, мы подошли к одному из трех потоков. Над этим плоским уступом изливает свои воды с высоты около 100 футов красивый водопад, а под ним другой высокий водопад падал прямо в реку, протекающую внизу в долине. Из этого прохладного, тенистого уголка мы пошли в обход верхнего водопада. Как и прежде, мы пробирались по небольшим уступам, причем густая растительность отчасти скрывала от нас опасность. При переходе с одного уступа на другой мы натолкнулись на вертикальную каменную стену. Один из таитян, ладный и проворный мужчина, приставил к ней древесный ствол, вскарабкался по нему, а затем, пользуясь трещинами, добрался до вершины, Он укрепил веревки на одном из выступов, поднял на них собаку и поклажу, а потом вскарабкались и мы. Пропасть под тем уступом, на который был поставлен ствол дерева, была, должно быть, 500–600 футов глубиной, и если бы бездна не была отчасти скрыта нависшими над ней папоротниками и лилиями, то у меня закружилась бы голова, и ничто в мире не могло бы заставить меня предпринять подъем. Мы продолжали восхождение то по уступам, то по острым, как лезвие ножа, гребням, с обеих сторон которых были бездонные ущелья. В Кордильерах я видал горы гораздо более грандиозных масштабов, но по крутизне с горами Таити вообще ничто не может сравниться. Вечером мы добрались до плоского местечка на берегу того же потока, вдоль которого мы по-прежнему шли и который спускается вниз цепью водопадов; тут мы расположились на ночь. Обе стороны ущелья были покрыты

обширными зарослями горных бананов, покрытых спелыми плодами. Многие из этих растений достигали 20–25 футов в вышину и трех-четырех в окружности. При помощи полосок коры вместо веревок, бамбуковых стволов вместо стропил и огромного банановогo листа вместо крыши таитяне в несколько минут выстроили нам превосходный домик, а из увядших листьев соорудили мягкую постель.

После этого они начали разводить огонь и стряпать ужин. Огонь был добыт путем трения: тупой конец палки быстро двигали по проделанной в палке канавке как будто для того, чтобы углубить ее, пока от трения не загорелось раскрошившееся дерево. Для этой цели используется только одорУособое, белое и очень легкое, дерево (Hibiscus tiliaceus)4, то самое, из которого делают жерди для поклажи и плавучие аутригеры5 для каноэ. Огонь был получен в несколько секунд, но тому, кто не сведущ в этом искусстве, требуется, как я убедился, приложить величайшие усилия; в конце концов, однако, мне, к моей великой гордости, удалось зажечь древесную крошку. Гаучосы в пампасах употребляют иной способ: взявши гибкую трость длиной около 18.дюймов, они упирают один ее конец в грудь, а другой, заостренный, Ь ямку в куске дерева и затем быстро вращают ее, ухвативши рукой прогнувшуюся часть, как плотник вертит коловорот. Таитяне, разведя небольшой костер из веток, положили на горящее дерево десятка два камней размером с крикетный шар. Минут за десять ветки сгорели, а камни накалились. Таитяне уже заранее завернули в листья куски говядины, рыбу, спелые и неспелые бананы и верхушки дикого аронника6. Эти зеленые пакетики разложили в ямке между двумя слоями горячих камней, а потом ямку засыпали землею, чтобы сберечь и дым, и пар. В какую-нибудь четверть часа все чудесно испеклось. Тут отборные зеленые пакетики были положены на скатерть из банановых листьев, при помощи скорлупы кокосового ореха мы напились прохладной воды из ручья и насладились нашей непритязательной трапезой.

Я не мог без восхищения смотреть на окружающие растения. Со всех сторон росли целые леса банана, плоды которого, хотя они и употребляются в пищу в разнообразом виде, лежали кучами, сгнивая на земле. Перед нами раскинулись обширные заросли сахарного тростника, а ручей осеняли темно-зеленые узловатые стебли авы, столь знаменитой в дни прошлого своим опьяняющим действием7. Я пожевал кусочек и нашел, что она горька и имеет неприятный вкус, сразу же наводящий всякого на мысль, что она ядовита. Благодаря миссионерам это растение процветает теперь только в этих глухих ущельях, не причиняя никому вреда. Рядом я увидал дикий аронник, корни которого в печеном виде очень вкусны, а молодые листья вкуснее шпината. Тут же росли дикий ямс и одно лилейное растение, называемое ти; последнее растет в изобилии, и его мягкий коричневый корень, по форме и размерам напоминающий огромную деревянную колоду, послужил нам десертом, потому что он сладок, как патока, и приятен на вкус8. Тут были и другие дикие плоды и полезные овощи. Ручей кроме своей холодной воды доставил нам угрей и раков. Я не мог не восхищаться этим местом, сравнивая его с какой-нибудь невозделанной местностью в умеренном поясе. Тут я почувствовал всю справедливость замечания, что человек, по крайней мере дикий человек с его лишь отчасти развитыми умственными способностями, — дитя тропиков.

К концу вечера я пошел прогуляться под сумрачной сенью бананов вверх по течению ручья. Вскоре моей прогулке положил конец низвергавшийся с высоты 200–300 футов водопад, над которым находился другой водопад. Я упоминаю обо всех этих водопадах по течению одного только этого ручья, чтобы дать общее представление о наклоне местности. В этом уголке, где падает вода, казалось, никогда не дует ветер. Тонкие края огромных банановых листьев, влажных от водяной пыли, были целы, а не разодраны на тысячи лоскутьев, как то обыкновенно бывает. С нашего месторасположения, которое чуть ли не висело над пропастью, в просветах виднелись глубокие соседние долины, а высокие пики центральных гор, вздымавшиеся до 60° к зениту, наполовину заслоняли вечернее небо. Я сидел и с восхищением следил, как ночные тени постепенно окутывали последние, самые высокие, вершины.

Прежде чем мы улеглись спать, старший таитянин упал на колени и, закрыв глаза, прочел длинную молитву на своем родном языке. Он молился, как подобает христианину, с надлежащим благоговением, без страха перед насмешкой и без показной набожности. За нашими трапезами ни один таитянин не прикасался к еде, не произнеся наперед краткой молитвы. Тем путешественникам, которые думают, что таитянин молится только тогда, когда на нем останавливается взор миссионера, следовало бы провести с нами эту ночь на склоне горы. К утру пошел сильный дождь, но благодаря доброй крыше из банановых листьев мы остались сухими.

19 ноября. — На рассвете мои друзья, прочитав свою утреннюю молитву, приготовили превосходный завтрак таким же способом, как накануне. Конечно, они и сами съели изрядную часть его; я даже никогда не видал, чтобы люди так много ели. Я полагаю, что такая громадная вместимость их желудков, должно быть, следствие их пищи, состоящей по большей части из фруктов и овощей, содержащих в том же объеме сравнительно мало питательных веществ. Оказалось, что я, как узнал впоследствии, невольно заставил своих спутников нарушить одно из их правил и решений: у меня была с собой фляжка с водкой; и они не в силах были отказаться от того, чтобы выпить со мной; но всякий раз, отпивая понемножку, они прикладывали палец к губам и произносили слово «миссионер». Года два назад, несмотря на запрещение употреблять аву, очень широко распространилось пьянство вследствие ввоза спиртных напитков. Миссионеры уговорили нескольких порядочных людей, видевших, что их родина быстро идет к гибели, основать вместе с ними Общество трезвости. Благодаря ли здравому смыслу или же от стыда, но в конце концов все вожди и сама королева присоединились к Обществу. Немедленно был издан закон о запрещении ввоза спиртных напитков на остров и наказании штрафом как продавцов, так и покупателей запрещенного товара. С удивительной справедливостью было разрешено в течение определенного срока распродать имевшийся на руках запас, прежде чем закон вступит в силу. Но, когда подошел срок, был устроен повальный обыск, от которого не были избавлены даже жилища миссионеров, и всю аву (как туземцы называют все спиртные напитки) вылили на землю. Если вспомнить о тех последствиях, какие принесла невоздержанность коренному населению обеих Америк, то, мне кажется, нельзя не признать, что каждый доброжелатель Таити должен быть глубоко признателен миссионерам. Пока маленький остров св. Елены оставался под управлением Ост-Индской компании9, ввоз спиртных напитков, ввиду приносимого ими огромного вреда, не разрешался; впрочем, виноградное вино привозилось из колонии Мыса Доброй Надежды. Весьма замечателен, но отнюдь не удивителен тот факт, что в тот самый год, когда была разрешена продажа спиртных напитков на острове св. Елены, их употребление было изгнано с Таити по доброй воле самого народа.

Позавтракав, мы продолжали наше путешествие. Поскольку я намеревался только посмотреть, как выглядит внутренняя часть острова, мы возвратились по другой тропинке, спускавшейся в главную долину. Некоторое время мы шли по чрезвычайно извилистой тропинке, вьющейся по склону горы, образующему бок долины. Там, где склон был не так крут, мы проходили через обширные рощи диких бананов. Таитяне с их обнаженным, татуированным телом и убранной цветами головой являли в густой тени этих рощ великолепный образчик людей, населяющих первобытную страну. Спускаясь, мы следовали по направлению гребней, которые были чрезвычайно узки и на значительных протяжениях круты, как веревочная лестница; однако все они были одеты растительностью. Необходимость самым тщательным образом следить за сохранением равновесия на каждом шагу делала ходьбу весьма утомительной. Я не переставал дивиться этим ущельям и кручам; когда я обозревал местность с одного из этих острых, как нож, гребней, моя точка опоры была так мала, что впечатление было, должно быть, почти такое же, как если бы смотреть с воздушного шара. Употребить веревки при спуске нам пришлось всего один раз, в том месте, где мы выходили в главную долину. Ночевали мы под тем же скалистым выступом, под которым обедали накануне; ночь была ясная, но из-за того, что ущелье было глубоко и узко, не было видно ни зги.

Пока я не повидал этой страны своими глазами, мне трудно было понять два обстоятельства, отмеченные Эллисом. Во-первых, говорит он, после кровопролитных битв прошлых времен те из побежденных, кто уцелел, уходили в горы, где горсточка людей могла противостоять толпе врагов. И действительно, в том месте, где таитяне поставили стоймя мертвое дерево, полдюжины человек легко могли-бы отразить целые тысячи. Во-вторых, по его словам, после введения христианства т) г оставались дикари, которые жили в горах, и их убежища были неизвестны более цивилизованным жителям.

20 ноября. — Утром мы вышли рано и к полудню пришли в Матаваи. По пути мы повстречали большую группу красивых, атлетически сложенных мужчин, направлявшихся за дикими бананами. Я узнал, что наш корабль из-за трудностей с пресной водой перешел в гавань Папауа, и тотчас же пошел туда. Это очень красивое место. Бухта окружена рифами, и вода там спокойна, как в озере. Возделанная земля с ее прекрасными произведениями и разбросанными повсюду домиками спускается к самой воде.

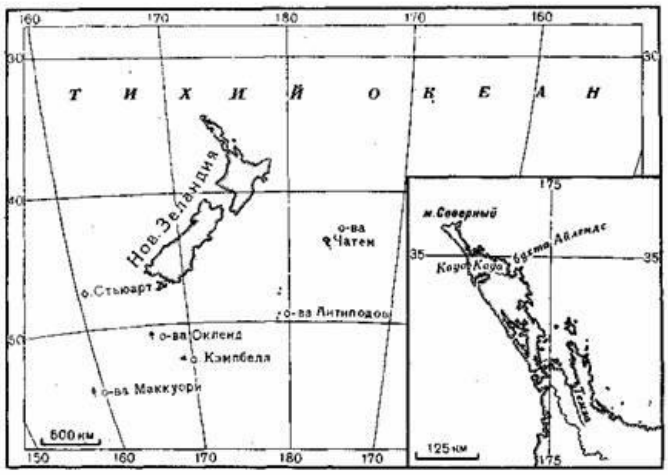
Заинтересованный различными описаниями, которые мне пришлось читать до того, как я попал на эти острова, я очень хотел составить на основании собственных наблюдений суждение о состо-,нии здешних нравов, хотя такое суждение и должно неизбежно оказаться несовершенным. Первые впечатления человека всегда очень сильно зависят от представлений, которые он заранее создал себе. Мои сведения были почерпнуты из «Полинезийских изысканий» Эллиса — превосходного и интереснейшего сочинения, в котором, однако, автор, естественно рассматривает все с благожелательной точки зрения, из «Путешествия» Бичи и из «Путешествия» Коцебу, который относится резко отрицательно ко всей системе миссионеров.

Мне кажется, что, сравнив все три описания, можно составить себе довольно точное представление о состоянии Таити в настоящее время. Одно из впечатлений, вынесенное мной из двух последних источников, было, безусловно, неправильным, а именно, что таитяне стали угрюмы и живут в страхе перед миссионерами. Что касается последнего чувства, то его я не встречал и следа, если, впрочем, не считать, что страх и почтение одно и то же. Здесь не только нет никакого широкого недовольства, но, наоборот, в Европе трудно было бы найти среди толпы хоть половину такого количества веселых и счастливых лиц. Запрещение игры на флейте и плясок здесь порицается как бесполезная и безрассудная мера; точно так же смотрят здесь и на более строгое, чем у пресвитериан, соблюдение субботнего дня. По всем этим вопросам я не берусь противопоставлять какое-нибудь свое мнение высказываниям людей, которые провели на этом острове столько же лет, сколько я дней10.

В общем мне кажется, что нравственность и религиозность жителей делают им большую честь. Многие здесь еще более зло, чем Коцебу, нападают и на миссионеров, и на их систему, и на результаты, ею принесенные. Эти резонеры никогда не сравнивают настоящего состояния острова ни с тем, что он представлял собой всего двадцать лет назад, ни даже с нынешней Европой, а только с высоким образцом евангельского совершенства. Они ждут от миссионеров того, что не удалось самим апостолам. Поскольку народ не достиг этого высокого образца, они посылают миссионерам упреки вместо похвалы за то, чего они добились. Они забывают или не желают помнить, что человеческие жертвоприношения и власть языческого духовенства, возведенное в систему распутство, равного которому не было больше нигде на свете, детоубийство как следствие этой системы, кровавые войны, в которых победители не щадили ни женщин, ни детей, — все это ушло в прошлое, что бесчестность, невоздержанность и безнравственность много уменьшились с введением христианства. Забывать такие вещи — низкая неблагодарность со стороны путешественника; ибо, если бы ему случилось потерпеть кораблекрушение на каком-нибудь незнакомом берегу, он горячо молил бы небо о тбм, чтобы этих мест достигли поучения миссионера.

Что касается нравственности, то добродетель женщин, как о том не раз говорили, здесь всего менее безупречна. Но прежде чем слишком сурово осуждать их,

следовало бы припомнить описанные капитаном Куком и м^ром Банксом сцены, в которых принимали участие бабушки и матери нынешнего поколения. Наиболее строгие судьи должны были1 бы учесть, насколько нравственность женщин в Европе обусловливается правилами, которые систематически с малых лет внушают матери своим дочерям, и насколько, в каждом отдельном случае, — религиозными заповедями. Но с теми, кто так рассуждает, спорить бесполезно: мне кажется, что, не найдя такого открытого поля для разврата, как в прежние времена, и потому, разочаровавшись, они не желают воздать должное ни нравственности, которая им неугодна, ни религии, которую они недооценивают, если не презирают.



Новая Зеландия и соседние острова

Воскресенье, 22 ноября. — Гавань Йапеэте, резиденцию королевы, можно считать столицей острова; здесь находится также правительство, и сюда же пристают корабли. В этот день капитан Фиц-Рой взял с собой часть экипажа послушать богослужение сначала на таитянском языке, а потом на английском. Службу отправлял м-р Притчард, главный миссионер острова. Церковь представляла собой большое и легкое деревянное строение; она была набита до отказа опрятно одетыми мужчинами и женщинами всех возрастов. Я был несколько разочарован их как будто не особенно усердным вниманием, но, должно быть, я слишком многого ожидал. Во всяком случае все это выглядело ничуть не иначе, чем в какой-нибудь деревенской церкви в Англии. Пение гимнов было, безусловно, очень приятным, но речь с кафедры, хотя и текла гладко, отнюдь не была благозвучна: постоянное повторение слов, вроде «тата та, мата май», делала ее какой-то монотонной. После службы на английском языке часть из нас пешком возвратилась в Матаваи. Это была приятная прогулка то по приморскому пляжу, то под сенью многочисленных прекрасных деревьев.

Года два назад маленькое судно под английским флагом было ограблено жителями Низменных островов, находившихся тогда под властью королевы Таити. Предполагали, что преступников подстрекнули к совершению этого поступка некоторые неблагоразумные законы, изданные ее величеством. Британское правительство потребовало возмещения убытков, на что было изъявлено согласие, и было договорено, что 1 сентября нынешнего года должна быть выплачена сумма почти в 3 000 долларов. Командующий эскадрой в Лиме приказал капитану Фиц-Рою выяснить вопрос с этим долгом и требовать удовлетворения, если деньги еще не уплачены. Поэтому капитан Фиц-Рой выразил желание увидеться с королевой Помаре, получившей впоследствии такую известность вследствие дурного обращения с ней со стороны французов11; для рассмотрения вопроса был созван парламент, где собрались все главные вожди острова и королева. После интересного отчета капитана Фиц-Роя я не стану описывать всего, что произошло.

Деньги, как оказалось, уплачены не были, а представленные объяснения были, может быть, весьма сомнительны, но что касается остального, то я не могу даже выразить нашего общего изумления необыкновенным здравым смыслом, рассудительностью, умеренностью, беспристрастием и быстротой в принятии решения, какие' были проявлены всеми без исключения таитянами.

Я уверен, что все мы, покидая это собрание, имели о таитянах мнение, совершенно отличное от того, с которым пришли туда. Вожди и народ решили провести подписку, чтобы пополнить сумму до требуемой; капитан Фиц-Рой убеждал их в том, что жертвовать своей личной собственностью за преступления жителей отдаленных островов было бы несправедливо. Они возразили, что благодарны за его соображение, но Помаре их королева, и они решили помочь ей в ее затруднении. Это решение и быстрое его исполнение — подписка была открыта на следующий день рано утром — как нельзя лучше завершали замечательное проявление преданности и доброжелательности.

По окончании обсуждения главного вопроса некоторые вожди воспользовались случаем и задали капитану Фиц-Рою много разумных вопросов о международных обычаях и законах, касающихся обращения с кораблями и чужеземцами. По некоторым пунктам, как только принималось решение, тут же на месте изустно издавался закон. Таитянский парламент заседал несколько часов, а по окончании капитан Фиц-Рой пригласил королеву Помаре нанести ответный визит на «Бигль».

25 ноября. — Вечером за ее величеством были высланы четыре шлюпки; корабль к ее приезду украсили флагами, а на реи поставили людей. Королеву сопровождала большая часть вождей. Все они вели себя очень достойно, ничего не просили и, казалось, остались очень довольны подарками капитана Фиц-Роя. Королева — крупная, неуклюжая женщина, без каких-либо признаков красоты, изящества или важности. У нее была только одна королевская черта — полная неподвижность в выражении лица при любых обстоятельствах, да и то на нем была написана какая-то угрюмость. Ракетам таитяне дивились всего более, и после каждого взрыва с берега по всему погруженному во мрак заливу разносилось глубокое «О!». Песни моряков также вызвали большой восторг, и о самой шумной из них королева сказала, что это, должно быть, не религиозный гимн. Королева и сопровождавшие ее вернулись на берег только после полуночи.

26 ноября. — Вечером мы направились под легким береговым бризом к берегам Новой Зеландии и с заходом солнца бросили прощальный взгляд на горы Таити — острова, которому каждый путешественник приносит дань своего восхищения.

19 декабря. — Вечером мы увидели вдалеке Новую Зеландию. Теперь уже можно считать, что мы почти переплыли Тихий океан. Нужно поплавать по этому великому океану, чтобы понять, как он громаден. Медленно продвигаясь вперед, мы в продолжение целых недель подряд не видели ничего, кроме все того же синего бездонного океана. Даже в архипелагах острова — всего только пятнышки, далеко отстоящие одно от другого. Привыкнув смотреть на вычерченные в мелком масштабе карты, на которых точки, краски и названия скученны, мы неправильно представляем себе, как бесконечно мала часть, занимаемая сушей, по сравнению с необъятными водными просторами. Мы миновали уже и меридиан антиподов, и теперь каждое пройденное лье — с радостью мы думали об этом — приближало нас к Англии. Эти антиподы пробуждают далекие воспоминания о сомнениях и изумлении, охватывавших нас когда-то в детстве. Только вчера я с нетерпением ожидал этой воображаемой вехи как поворотного пункта в нашем путешествии, означавшего начало возвращения домой; но теперь я убедился, что этот и ему подобные пункты, фиксируемые нашим воображением, то же, что собственная тень человека, за которой он гонится и не может поймать. Шторм, продолжавшийся несколько дней, дал нам недавно полную возможность поразмыслить на досуге об этапах, которые нам еще предстояло пройти в нашем долгом путешествии домой, и горячо пожелать его окончания.

21 декабря. — Рано утром мы вошли в бухту Айлендс и, попав на несколько часов в штиль у входа", добрались до якорной стоянки только к середине дня. Местность

тут холмистая, с мягкими очертаниями и глубоко рассечена многочисленными морскими рукавами, отходящими от бухты. Издали кажется, что поверхность земли одета грубой пастбищной травой, но в действительности там нет ничего, кроме папоротника. Более далекие холмы, как и многие места в долинах, покрыты довольно большими лесами. Общий оттенок ландшафта отнюдь не ярко-зеленый; он напоминает ту местность, которая лежит несколько южнее Консепсьона в Чили. В некоторых местах бухты, у самой воды, разбросаны деревушки с чистенькими прямоугольными домами. На якоре стояли три китоловных судна да время от времени между берегами проплывали каноэ, и больше ничего не нарушало того отпечатка удивительного покоя, какой носила на себе вся окрестность. К нашему борту подошло только одно каноэ. Все это представляло разительный и не очень приятный контраст с тем радостным и шумным приемом, какой оказали нам на Таити. После полудня мы отправились на берег, к одной из самых больших групп домов, которая все же вряд ли заслуживает названия деревни. Она называется Пахия и служит местопребыванием миссионеров; из туземцев тут живут только слуги и работники. В окрестностях бухты Айлендс живет от 200 до 300 англичан, в том числе и членов их семейств. Все дома, многие из которых выбелены и очень опрятны на вид, принадлежат англичанам. Хижины туземцев до того малы и убоги, что их почти не видно издали. В Пахии мы с удовольствием увидели в садах перед домами английские цветы; тут было несколько сортов роз, жимолость, жасмин, левкой и сплошные изгороди шиповника.

22 декабря. — Утром я отправился на прогулку, но вскоре убедился, что местность весьма труднопроходима. Все холмы густо заросли высоким папоротником, к которому присоединялся еще низкий кустарник, растущий как кипарис; очень мало земли расчищено или обработано. Тогда я попробовал идти по низкому морскому берегу, но с обеих сторон путь мне был вскоре прегражден маленькими и узкими солоноводными заливами, или глубокими ручьями. Сообщение между жителями различных частей бухты поддерживается (как и на Чилоэ) почти исключительно на лодках. Я с удивлением обнаружил, что почти все холмы, на которые я поднимался, некогда были более или менее укреплены. В вершинах были высечены ступени, или следующие одна за другой террасы, нередко защищенные глубокими траншеями. Впоследствии я заметил, что и в глубине страны главные холмы имели те же искусственные очертания. Это так называемые па, упоминаемые Куком под названием хиппа: разница в произношении связана со стоящим перед словом артиклем.

О том, что этими па много пользовались в былые времена, свидетельствовали кучи раковин и ямы, в которых, как мне сообщали, обыкновенно хранили запас бататов. Так как воды на этих холмах не было, их защитники не могли бы выдержать длительной осады, а в состоянии были, пожалуй, отражать только внезапные набеги с целью грабежа, против которых поднимающиеся друг за другом террасы должны были служить неплохой защитой. Повсеместное введение и употребление огнестрельного оружия в корне изменило систему ведения войны, и открытая позиция на верхушке холма стала теперь не только бесполезной, но даже, наоборот, вредной. Поэтому в настоящее время па строят всегда на каком-нибудь ровном участке. Они представляют собой двойной частокол из толстых и высоких столбов, расставленных по зигзагообразной линии так, чтобы любое место ее можно было прикрыть с фланга. Внутри частокола насыпается земляной вал, за которым защитники могут в безопасности отдохнуть или же стрелять из-за него. Иногда через этот бруствер на уровне земли идут небольшие сводчатые ходы, по которым защитники могут выползти к частоколу на разведку врага. Преподобный У. Вильяме, рассказавший мне обо всем этом, добавил, что в одном па он заметил что-то вроде отрогов, или контрфорсов, отходящих от внутренней, т. е. защищенной, стороны земляного вала. На вопрос об их назначении вождь ответил, что если двух-трех его людей убьют, то их соседи не увидят мертвых тел и не падут духом.

Австралиец и новозеландцы:

наверху: слева — туземец из залива Короля Георги (юго-1апалная Австралия); справ а- новозсландец;в низ у- новозеландцы

Два верхних рисунка Р. Фчц-Роя; нижний рисунок О. Эрла

Новозеландцы считают эти па весьма совершенным средством защиты, потому что войско нападающих никогда не бывает настолько дисциплинированным, чтобы всей массой ринуться к частоколу, срубить его и проникнуть внутрь. Когда племя отправляется на войну, вождь не может приказать одному отряду идти туда-то, а другому сюда, каждый сражается так, как ему больше нравится; приблизиться же к частоколу, защищенному огнестрельным оружием, в одиночку каждому, безусловно, должно показаться смертельно опасным. Мне кажется, нигде в мире не найти расы более воинственной, чем новозеландцы. Об этом свидетельствует, в частности, их поведение в тот момент, когда они впервые увидели корабль; как пишет о том капитан Кук, они встретили такой огромный и невиданный предмет

градом камней и вызывающе кричали: «Сойдите на берег, и мы убьем и съедим вас всех», что говорит об их необыкновенной храбрости. Этот воинственный дух проявляется во многих из их обычаев, даже в самых мелких поступках. Если новозеландца ударить, пусть даже в шутку, он должен возвратить удар; я наблюдал такой случай с одним из наших офицеров.

В наши дни благодаря успехам цивилизации войн ведется гораздо меньше, и только некоторые южные племена продолжают воевать между собой. Мне передавали один характерный случай, происшедший несколько времени тому назад на юге. Один миссионер обнаружил, что какой-то вождь и его племя готовятся к войне: ружья были вычищены до блеска, снаряжение приведено в готовность. Миссионер долго толковал о бесполезности войны и о незначительности повода к ней. Вождь был сильно поколеблен в своем решении и, по-видимому, сомневался; но в конце концов ему пришло в голову, что у него целый бочонок с порохом в плохом состоянии и вскоре станет вовсе негодным. Это было представлено как неопровержимый довод в пользу необходимости немедленного объявления войны: о том, чтобы такое количество хорошего пороха пропало даром, не могло быть и речи, и это решило вопрос. Миссионеры рассказывали мне, что у Шонги, вождя, посетившего Англию, страсть к войне была единственной и постоянной побудительной причиной любого поступка. Племя, в котором он был главным вождем, одно время терпело много притеснений со стороны другого племени, с реки Темзы12. Мужчины дали торжественную клятву, что когда их сыновья вырастут и будут достаточно сильны, то никогда не забудут и не простят этих обид. Стремление выполнить эту клятву и было, по- видимому, главной причиной, побудившей Шонги поехать в Англию, и, находясь там, он только этой мыслью и был занят. Подарки он ценил только такие, которые можно было превратить в оружие; из ремесел его интересовали лишь те, что были связаны с производством оружия. В Сиднее Шонги по странному стечению обстоятельств встретил в доме м-ра Марсдена вождя враждебного племени с реки Темзы; враги вели себя один в отношении другого вполне вежливо, но Шонги сказал своему врагу, что, вернувшись обратно на Новую Зеландию, он обязательно перенесет войну на территорию противника. Вызов был принят, и по возвращении Шонги в точности исполнил свою угрозу. Племя на реке Темзе было разбито наголову, а вождь, которому был брошен вызов, убит. Хотя Шонги так глубоко таил ненависть и жажду мщения, говорят, что человек он был добродушный.

Вечером я отправился с капитаном Фиц-Роем и м-ром Бейкером, одним из миссионеров, в Корорадику; мы прогулялись по этой деревне, видели многих жителей — мужчин, женщин и детей — и разговаривали с ними. Глядя на новозеландца, невольно сравниваешь его с таитянином — оба принадлежат к одной и той же семье рода человеческого. Сравнение это, однако, говорит далеко не в пользу новозеландца. Быть может, он и энергичнее, но во всех иных отношениях стоит гораздо ниже. Достаточно мельком сравнить выражение их лиц, чтобы прийти к убеждению, что один из них дикарь, а другой цивилизованный человек. Напрасно было бы искать по всей Новой Зеландии человека с наружностью старого таитянского вождя Утамме. Несомненно, необыкновенная манера татуировки, принятая здесь, придает лицам какое-то неприятное выражение. Сложные, хотя и симметричные узоры, покрывающие все лицо, озадачивают и вводят в заблуждение непривычный глаз; кроме того, вероятно, глубокие надрезы, нарушая игру поверхностных мышц, производят впечатление какой-то неподвижности в выражении лица. Но помимо всего этого блеск их глаз не может означать ничего другого, кроме хитрости и жестокости. Фигурой они высоки и массивны, но лишены того изящества, каким отличается рабочий люд на Таити.

И сами они, и дома их страшно грязны и противны; мысль о том, чтобы помыть тело или выстирать платье, по-видимому, никогда не приходит им в голову. Я видел одного вождя, который носил совершенно черную, покрытую слоем грязи рубаху и, когда его спросили, каким образом она стала такой грязной, с удивлением ответил: «Разве вы не видите, что рубаха старая?» Некоторые из них носят рубашки, но большей частью их одежду составляют одно или два больших одеяла, обыкновенно черные от грязи: их набрасывают на плечи очень неудобным и неуклюжим

манером. Несколько главных вождей имеют приличные английские костюмы, но надевают их только в особых случаях.

23 декабря. — В месте, называемом Уаимате, миль за пятнадцать от бухты Айлендс и на одинаковом расстоянии от западного и восточного берегов, миссионеры купили землю для обработки. Меня представили преподобному У. Вильямсу, который, узнав о моем желании побывать там, пригласил меня посетить его. М-р Бушби, английский резидент, предложил мне поехать с ним в лодке по маленькому заливу, где я смогу увидеть красивый водопад; кроме того, это сокращало путь пешком. Он же раздобыл мне проводника. Он обратился было к одному соседнему вождю с просьбой рекомендовать ему человека, но вождь вызвался идти сам; этот вождь до того не знал стоимости денег, что сначала спросил, сколько я дам ему фунтов, а потом вполне удовольствовался двумя долларами. Когда я показал ему очень маленький узелок, который хотел захватить с собой, то оказалось, что ему совершенно необходимо взять с собой раба. Подобная гордость уже начинает выводиться, но прежде вождь скорее умер бы, чем унизился до того, чтобы нести хоть малейшую поклажу. Мой спутник был легкий, подвижный человек, одетый в грязное одеяло, и с лицом, сплошь покрытым татуировкой. Некогда это был великий воин. Он и м-р Бушби были, по-видимому, искренне расположены друг к другу, но в свое время не раз отчаянно ссорились. М-р Бушби заметил, что часто спокойное ироническое замечание заставляет умолкнуть любого из туземцев, когда тот уж очень разойдется. Этот самый вождь пришел и обратился к м-ру Бушби, хвастливо разглагольствуя: «Великий вождь, великий человек, мой друг пришел ко мне в гости, вы должны дать ему хорошо поесть, хороших подарков» и т. д. М-р Бушби дал ему закончить свою речь и тогда спокойно ответил что-то вроде: «Что еще прикажете вашему рабу?» Тут вождь с чрезвычайно комичным выражением на лице оборвал свое бахвальство.

Некоторое время назад м-р Бушби подвергся куда более серьезному нападению. Какой-то вождь с целым отрядом пытался вломиться к нему в дом среди ночи, но, убедившись, что это не так-то легко, туземцы открыли оживленный огонь из своих ружей. М-ра Бушби легко ранило, но в конце концов отряд был отогнан. Вскоре открылось, кто устроил нападение, и собрался общий совет вождей, чтобы рассмотреть это дело. Новозеландцы признали поступок очень нехорошим, поскольку нападение было произведено ночью, а в доме лежала больная миссис Бушби; это последнее обстоятельство, к их чести, они во всяком случае считали ограждающим от нападения. Вожди сошлись на том, чтобы конфисковать землю зачинщика в пользу английского короля. Впрочем, весь этот суд и наказание вождя было дело совершенно беспримерное. Кроме того, нападавший потерял уважение в глазах своих собратьев, и англичане считали, что это по своим последствиям важнее, чем конфискация у него земли.

Когда лодка отчаливала от берега, в нее вскочил другой вождь, который хотел только прокатиться туда и обратно по заливу. Никогда я не встречал более страшного и свирепого выражения лица, чем у этого человека. Мне сразу же пришло в голову, что я уже видел где-то нечто подобное, а именно среди рисунков Рецша13 к балладе Шиллера о Фридолине, где два человека толкают Роберта в горящую железную печь: именно такое лицо у того человека, что положил руку Роберту на грудь. И здесь физиономия не лгала: этот вождь был знаменитый убийца и к тому же отъявленный трус. От того места, где мы высадились, м-р Бушби сопровождал меня несколько сот ярдов по дороге; я не мог не восхититься хладнокровной наглостью старого седого негодяя, который остался лежать в лодке и крикнул вслед м-ру Бушби: «Долго не задерживайтесь, а то я устану ждать здесь».

Теперь мы начали нашу прогулку пешком. Путь наш лежал по проторенной тропинке, окаймленной с обеих сторон высоким папоротником, сплошь покрывающим местность. Пройдя несколько миль, мы подошли к какой-то маленькой деревушке, состоявшей из небольшого числа теснившихся кучкой хижин да немногих клочков земли, засаженных картофелем. Введение картофеля

принесло острову самую существенную пользу; теперь его употребляют гораздо шире, чем какие бы то ни было туземные овощи. Новая Зеландия пользуется одним важным естественным преимуществом, а именно — обитатели ее никак не могут погибнуть от голода. Вся страна изобилует папоротником, а корни этого растения, если и не очень вкусны, зато содержат много питательных веществ. Туземец всегда может поддержать свое существование этими корнями, а также моллюсками, которыми повсюду изобилует берег моря. В деревнях в глаза прежде всего бросаются помосты, поднимающиеся на четырех столбах на 10–12 футов над землей и служащие для того, чтобы сохранять там от всяких случайностей продукты, доставляемые полями. Когда я подошел поближе к одной из хижин, меня очень позабавила выполнявшаяся по всей форме церемония потира-ния, или, как ее следовало бы назвать, прижимания, носов. При нашем приближении женщины принялись что-то произносить самыми печальными голосами; потом они присели на корточки и подняли головы вверх, а мой спутник становился над ними по очереди, ставил свою переносицу под прямым углом к их переносице и начинал нажимать на нее. Это продолжалось несколько дольше, чем наше дружеское рукопожатие, и как мы меняем силу рукопожатия, так и они поступают с прижиманием. В это время они издают довольно легкое похрюкованье, почти так же, как две свиньи, трущиеся друг о друга. Я заметил, что рабы обмениваются пожатием носов с каждым, с кем только встретятся, безразлично до или после того, как это делает их хозяин- вождь. Несмотря на то, что среди этих дикарей вождь полностью властен над жизнью и смертью своего раба, в обращении между ними нет никаких условностей. То же самое отмечает м-р Бёрчелл относительно диких бачапинов из Южной Африки. Там, где цивилизация достигает уже известной высоты, в отношениях между различными классами общества возникают сложные формальности; так, на Таити в прежние времена все должны были раздеваться до пояса в присутствии короля.

После того как церемония пожатия носов была выполнена надлежащим образом со всеми присутствующими, мы уселись в кружок перед одной-из хижин и полчаса отдыхали. Почти все хижины имеют одну и ту же форму и размеры и все одинаково ужасно грязны. Они похожи на хлев, открытый с одного конца, но несколько в глубине в них имеется перегородка с прямоугольной дырой, ведущей в маленькую мрачную каморку. Там жители хранят все свое имущество, а в холодную погоду спят, но едят и проводят свое время в передней, открытой части. Проводники мои докурили трубки, и мы продолжали нашу прогулку. Путь лежал по той же волнистой местности, сплошь равномерно одетой папоротником. Справа от нас текла извилистая река, окаймленная по берегам деревьями, да на склонах были разбросаны рощицы. Вся картина, несмотря на ее зеленый колорит, выглядела весьма уныло. Вид такого количества папоротника наводит на мысль о бесплодии, но это не так: всюду, где только папоротник растет густо и доходит в вышину до груди, земля после вспашки становится плодородной. Некоторые резиденты полагают, что вся эта обширная открытая местность была когда-то покрыта лесами и ее расчистили при помощи огня. Говорят, что, копая землю в самых голых местах, часто находят комья определенного вида смолы, вытекающей из сосны каури14. Расчищая местность, туземцы преследовали очевидную цель: папоротник, прежде составлявший главную пищу, хорошо растет только на открытых, расчищенных пространствах. Почти полное отсутствие растущих сообществами трав, составляющее замечательную особенность растительности острова, можно объяснить, быть может, тем, что первоначально земля была покрыта лесами.

Почва здесь вулканическая; в некоторых местах мы проходили по перегоревшей лаве, а кое-где на окрестных холмах можно было явственно различить кратеры. Хотя пейзаж повсюду был некрасив и только изредка приятен, прогулка доставила мне удовольствие. Это удовольствие было бы еще большим, если бы мой спутник — вождь не отличался необычайной разговорчивостью. Я знал только три слова — «хорошо», «плохо» и «да» — и этими словами отвечал на все его замечания, не понимая, конечно, ни одного его слова. Но и этого было вполне достаточно: я был внимательным слушателем, а значит, приятным человеком, и он без умолку говорил со мной.

Наконец, мы пришли в Уаимате. После того как мы прошли столько миль по необитаемой и неиспользуемой местности, неожиданное появление английской фермы с ее богатыми полями, попавшей сюда словно по мановению волшебной палочки, было чрезвычайно приятно. М-ра Вильямса дома не было, но я встретил радушный прием в доме м-ра Девиса. Напившись чаю в кругу его семьи, мы предприняли прогулку по ферме. В Уаимате три больших дома, в которых живут миссионеры м-ры Вильяме, Девис и Кларк, а около домов стоят хижины туземных работников. На близлежащем склоне колосился прекрасный урожай ячменя и пшеницы, в другом месте находились поля, засеянные картофелем и клевером. Все, что я видел, описать невозможно; тут были большие сады и огороды со всеми теми плодами и овощами, какие родятся в Англии, и многими, свойственными более теплому климату. Для примера могу назвать спаржу, фасоль, огурцы, ревень, яблоки, груши, инжир, персики, абрикосы, виноград, маслины, крыжовник, смородину, хмель, дрок в изгородях и английские дубы, а также самые разнообразные цветы. Вокруг двора фермы располагались конюшни, гумно с веялкой, кузница, а на земле лежали лемехи и другие орудия; посредине валялись вперемежку свиньи и птицы так же счастливо, как на дворе любой английской фермы. На расстоянии нескольких сот ярдов, где запруженный ручеек разливался в маленький пруд, стояла большая и основательная водяная мельница.

Все это очень удивительно, если принять во внимание, что пять лет назад тут ничего не росло, кроме папоротников. Более того, эта перемена была осуществлена с помощью туземных работников, обученных миссионерами, — наука миссионеров и явилась той самой волшебной папочкой. Новозеландцы выстроили дом, вставили окна, вспахали поля и даже сделали прививки на деревьях. На мельнице я видел новозеландца, покрытого белой мукой, точно его собрат-мельник в Англии. Я с восхищением взирал на всю эту картину. Дело было не только в том, что она живо напоминала мне Англию, — ибо с наступлением сумерек домашние звуки, хлеб в полях, уходящую вдаль волнистую местность с ее деревьями — все это легко можно было принять за родное, — и не в чувстве торжества при виде того, чего сумели достигнуть англичане; то были скорее высокие надежды на будущий прогресс этого прекрасного острова.

На ферме работало несколько молодых людей, выкупленных миссионерами из рабства. Они носили рубаху, куртку и штаны и имели приличный вид. Судя по одному незначительному случаю, я полагаю, что они должны быть честны. Когда мы обходили поля, к м-ру Девису подошел молодой работник и подал ему нож и буравчик, говоря, что нашел их на дороге и не знает, кому они принадлежат! Эти молодые люди и мальчики были с виду очень веселы и добродушны. Вечером я видел группу их за игрой в крикет и, вспомнив о том, что миссионеров обвиняют в суровости, невольно улыбнулся при виде того, как сын одного из них принимал деятельное участие в игре. Еще более решительная и радующая перемена замечалась в молодых женщинах, работавших домашней прислугой. Их вид, чистый, опрятный и здоровый, как у работниц молочных ферм в Англии, представлял удивительный контраст с грязными хижинами Кororадики. Жены миссионеров пытались убедить их не татуироваться; но, когда с юга пришел какой-то знаменитый оператор, они сказали: «Надо же нам иметь хоть несколько линий на губах, не то мы состаримся, губы сморщатся, и мы будем так безобразны».

Теперь татуируются далеко не так много, как в прежние времена, но так как татуировка служит признаком, по которому различаются вожди и рабы, то она, вероятно, еще надолго сохранится. Всякая цепь представлений так быстро становится привычной, что даже в глазах миссионеров, по их словам, не покрытое татуировке и лицо кажется неблагородным и недостойным новозеландского джентльмена.

Поздно вечером я пошел в дом м-ра Вильямса, где и переночевал. Я встретил там множество детей, собравшихся, чтобы отпраздновать рождество; все они сидели вокруг стола и пили чай. Никогда не видал я более милой и веселой компании, а ведь все это происходило в сердце страны, известной своим людоедством, убийствами и всяческими зверскими преступлениями! Сердечность и счастье, так

ясно написанные на лицах в этом маленьком кружке, казалось, в равной мере испытывали и старшие члены миссии.

24 декабря. — Утром для всей миссии читали молитвы на туземном языке. После завтрака я бродил по садам и ферме. Был рыночный день, когда туземцы из соседних деревень привозят картофель, кукурузу и свиней для обмена на одеяла, табак, а иногда — благодаря убеждениям миссионеров — и на мыло. Дела на рынке ведет старший сын м-ра Девиса, имеющий свою собственную ферму. Дети миссионеров, попавшие на остров в юные годы, знают местный язык лучше своих родителей, и им легче иметь дело с туземцами.

Незадолго перед полуднем м-ры Вильяме и Девис пошли со мной в соседний лес показать мне знаменитую сосну каури. Я измерил одно из этих величавых деревьев, и оказалось, что оно имело 31 фут в окружности над корнями. Недалеко росло другое дерево, которого я не видел, 33 футов в окружности, и я слыхал еще об одном, имевшем не менее 40 футов. Эти деревья замечательны своими гладкими цилиндрическими стволами, уходящими вверх без единой ветви до 60 и даже 90 футов в вышину, почти не меняясь в поперечнике. Крона ветвей у вершины дерева непропорционально мала по сравнению со стволом, а листья точно так же малы по сравнению с ветвями. Лес тут состоял почти из одних каури, и самые крупные деревья вследствие параллельности своих стволов поднимались наподобие гигантских деревянных колонн. Строевой лес, доставляемый каури, — самое ценное из всего, что производит остров; кроме того, из коры дерева натекает некоторое количество смолы, которое продают американцам по одному пенни за фунт, но употребление ее в то время еще не было известно. Некоторые из новозеландских лесов, должно быть, в высшей степени непроходимы. М-р Маттьюс говорил мне, что один лес, имеющий всего 34 мили в ширину и разделяющий два обитаемых района, был лишь недавно пройден насквозь в первый раз. Он и еще один миссионер, каждый с партией около пятидесяти человек, решили проложить через него дорогу, но это стоило им более чем двухнедельного труда! В лесах я встречал очень мало птиц. Что же касается зверей, то всего замечательнее то обстоятельство, что на таком большом острове, простирающемся более чем на 700 миль по широте и имеющем во многих местах 90 миль в ширину, с различными местообитаниями, прекрасным климатом, местностью самой разнообразной высоты — до 14 000 футов, нет ни одного зверя местного происхождения, за исключением одной маленькой крысы. Несколько видов гигантских птиц из рода Dinornis замещают здесь, по-видимому, млекопитающих четвероногих, точно так же как пресмыкающиеся на Галапагосском архипелаге15. Говорят, обыкновенная норвежская крыса16 за короткий промежуток в каких-нибудь два года уничтожила на этой северной оконечности острова новозеландский вид. Во многих местах я замечал некоторые сорта сорняков, в которых, как и в крысах, мне пришлось признать своих соотечественников. Лук-порей заглушил другие растения в целых районах и еще доставит много хлопот, но его завезли по чьей-то просьбе на французском судне. Обыкновенный щавель также широко распространился и, я опасаюсь, навсегда останется вещественным доказательством плутни одного англичанина, который продал его семена за табачные.

Возвратившись с нашей приятной прогулки к дому, я пообедал с м-ром Вильямсом, а затем, одолжив лошадь, вернулся к бухте Айлендс. Я распростился с миссионерами с чувством благодарности за их сердечный и радушный прием и глубокого уважения к их благородной, полезной и честной деятельности. Мне кажется, трудно было бы найти группу людей, более подходящих для того высокого долга, который они выполняют17.

Рождество. — Через несколько дней исполнится четыре года со дня нашего отплытия из Англии. Наше первое рождество мы провели в Плимуте, второе — в бухте св. Мартина близ мыса Горн, третье — в бухте Желания в Патагонии, четвертое — на якоре в дикой гавани на полуострове Трес-Монтес, пятое — здесь, а следующее, даст бог, мы встретим в Англии. Мы посетили богослужение в церкви Пахии; часть службы была прочитана по-английски, часть на туземном языке. Пока мы находились на Новой Зеландии, нам не приходилось слышать о каких-

нибудь недавних случаях людоедства; но на маленьком острове около нашей стоянки м-р Стоке нашел обгорелые человеческие кости, разбросанные вокруг остатков костра; впрочем, эти следы обильного пиршества могли пролежать там несколько лет. Нравственное состояние народа, вероятно, будет быстро улучшаться. М-р Бушби упомянул об одном случае, доказывающем искренность по крайней мере некоторых из тех, кто исповедует христианство. Его оставил один из молодых людей, привыкший читать молитвы остальной прислуге. Через несколько недель ему случилось поздно вечером проходить мимо какого-то сарая, и он увидел и услышал, как один из его людей с трудом читает другим Библию при свете костра. После этого присутствующие преклонили колени и стали молиться; в своих молитвах они поминали м-ра Бушби и его семью, а также всех миссионеров, каждого в отдельности по его округу.

26 декабря. — М-р Бушби предложил м-ру Саливену и мне проехать с ним в лодке на несколько миль вверх по реке, в Кауа-Кауа, а потом пройти пешком в деревню Уаиомио, где имеются какие-то любопытные скалы. Следуя по одному из рукавов бухты, мы наслаждались приятной прогулкой на лодке и любовались красивыми видами, пока не подъехали к деревне, дальше которой лодка уже не могла идти. Отсюда вождь и еще группа людей вызвались пройти с нами в Уаиомио, до которого было 4 мили. Вождь этот был в то время весьма известен тем, что повесил одну из своих жен и раба за прелюбодеяние. Когда один из миссионеров стал укорять его за это, он удивился и сказал, что думал, будто в точности следует английским порядкам. Старый Шонги, которому случилось быть в Англии во время суда над королевой, резко выражал свое неодобрение всей процедуре18; он сказал, что имел пять жен, но скорее отрубил бы всем головы, чем терпел бы столько хлопот из-за одной. Выйдя из этой деревни, мы направились к другой, лежащей неподалеку, на склоне холма. Тут пять дней назад умерла дочь одного вождя, который еще был язычником. Хижину, в которой она скончалась, сожгли дотла; тело ее, заключив между двумя маленькими каноэ, поставили вертикально на землю, окружили оградой с деревянными изображениями богов и все это покрыли ярко-красной краской, чтобы издали бросалось в глаза. Платье ее прикрепили к гробу, а волосы обрезали и бросили к ее ногам. Родные разодрали руки, лицо и все тело, так что были покрыты запекшеюся кровью; всего отвратительнее выглядели старухи. На следующий день наши офицеры, побывавшие там, видели, что женщины все еще завывали и царапали себя.

Мы продолжали наш путь и вскоре добрались до Уаиомио. Тут имеются своеобразные массивы песчаника, напоминающие разрушенные замки. Эти скалы долго служили кладбищем и потому считались слишком священными, чтобы к ним приближаться. Впрочем, один из молодых людей воскликнул: «Ну-ка, расхрабримся все!» — и бросился вперед; но ярдов за сто вся компания передумала и остановилась. Однако нам позволили осмотреть все место с полным безразличием. В этой деревне мы отдыхали несколько часов, и в это время жители долго рассуждали с м-ром Бушби о праве продажи каких-то земель. Один старик, знакомый, по-видимому, в совершенстве с генеалогией, изображал последовательных владельцев веточками, которые втыкал в землю. Прежде чем мы покинули деревню, каждому из нас было дано по полной корзине печеных бататов, и все мы, согласно обычаю, взяли их с собой на дорогу. Я заметил, что среди женщин, занятых стряпней, был один раб-мужчина; в этой воинственной стране мужчине заниматься делом, которое считается самой низкой женской работой, должно быть, весьма унизительно. Рабов здесь не допускают к участию в войне, но это вряд ли приходится считать тяжким лишением. Я слышал об одном несчастном, который во "время военных действий перебежал на сторону врага; его увидали два человека и тотчас схватили, но никак не могли прийти к соглашению, кому будет принадлежать пленник, занесли над ним свои каменные топорики и решили, по-видимому, что по крайней мере ни один не возьмет его живым. Бедняга, ни жив ни мертв от страха, был спасен лишь благодаря вмешательству жены одного вождя. Мы с удовольствием прошлись обратно к лодке, но на корабль попали только поздно вечером.

30 декабря. — После полудня мы вышли из бухты Айлендс и взяли курс на

Сидней. Я думаю, все мы были рады покинуть Новую Зеландию. Это неприятное место. Туземцы лишены той чарующей простоты, какую мы встречали на Таити, а большая часть англичан — самые подонки общества. Да и сама по себе страна непривлекательна. Оглядываясь, я вижу только одно светлое место — Уаимате с его христианским населением.

Глава XIX. АВСТРАЛИЯ

Сидней

Экскурсия в Батерст

Вид лесов. Группа туземцев

Постепенное вымирание коренных жителей

Зараза, происходящая от общения со здоровыми людьми

Голубые горы

Вид грандиозных долин, похожих на заливы

Их происхождение и образование

Батерст, повсеместная вежливость

низших классов населения

Состояние общества

Вандименова Земля

Хобарт-Таун Полное изгнание коренных жителей

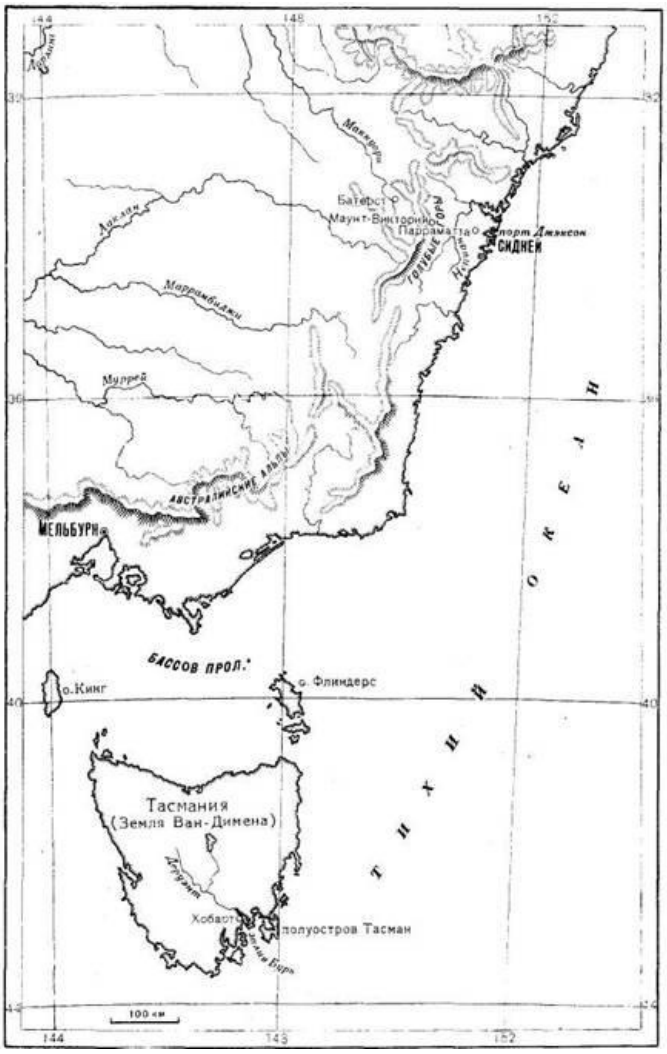
Гора Веллингтон

Залив Короля Георга

Унылый вид местности

Болд-Хед, известковые слепки ветвей деревьев

Группа туземцев Прощание с Австралией



Юго-восточная Австралия и Тасмания

12 января 1836 г. — Рано утром мы понеслись под легким ветерком ко входу в бухту Джексон. Мы ожидали увидеть зеленую местность с разбросанными по ней красивыми домами, а вместо этого вытянувшийся по прямой линии желтоватый береговой обрыв вызвал в памяти побережье Патагонии. Только одинокий маяк, выстроенный из белого камня, говорил нам о близости большого, людного города. Мы вошли в гавань, и оказалось, что она красива и просторна, а ее обрывистые берега сложены горизонтально напластовавшимся песчаником. Почти ровная местность покрыта отдельными низкорослыми деревцами, свидетельствующими о лежащем на этой стране проклятии бесплодия. Но с продвижением в глубь страны картина улучшается: по отлогому берегу там и сям разбросаны красивые виллы и хорошенькие коттеджи. Двух- и трехэтажные каменные дома в отдалении и ветряные мельницы на берегу, у самой воды, указывали на близость столицы Австралии.

Наконец, мы бросили якорь в Сиднейской бухте. В маленькой бухте стояло множество больших кораблей, а сама она была окружена товарными складами. Вечером я прошелся по городу и вернулся в полном восторге от всего, что видел. То было самое великолепное доказательство способностей британской нации. Здесь, в стране, подававшей мало надежд, за несколько десятков лет сделано во много раз больше, чем за столько же столетий в Южной Америке. В первый момент мне" захотелось поздравить себя с тем, что я родился англичанином.

Впоследствии, после того как я рассмотрел город поближе, мои восторги, быть может, несколько приутихли, но все-таки город хорош. Улицы правильно распланированы, широки, чисты и содержатся в превосходном порядке, дома довольно велики, магазины полны товаров. Город уместно было бы сравнить с большими предместьями вокруг Лондона, а также с несколькими другими большими английскими городами; но даже под Лондоном и Бирмингемом не видно признаков столь быстрого роста. Количество только что оконченных постройкой больших домов и других зданий было поистине поразительно, и тем не менее все жаловались на высокую арендную плату и трудность снять дом. Приехав сюда из Южной Америки, где в городах известен каждый состоятельный человек, я особенно удивлялся тому обстоятельству, что тут не могли сразу определить, кому принадлежит та или иная коляска.

Я нанял человека и двух лошадей, чтобы добраться до Батерста, деревни, лежащей милях в ста двадцати в глубь страны и являющейся центром крупного скотоводческого района. Я рассчитывал таким образом получить общее представление о том, как выглядит страна. В эту экскурсию я выехал утром 16 января. За первый переход мы доехали до Парраматты, маленького поселка, самого важного после Сиднея. Дороги были превосходны и построены по системе Макадама; трапп для них привозили за несколько миль. Страна во всех отношениях была очень похожа на Англию, разве что пивные были здесь более многочисленны. Всего менее напоминали Англию «железные команды», т. е. каторжники, совершившие здесь какое-нибудь преступление; они работали в цепях, под присмотром часовых с заряженным оружием. То обстоятельство, что правительство благодаря принудительному труду имеет возможность сразу же выстроить хорошие дороги по всей стране, является, по-моему, главной причиной быстрого расцвета этой колонии. Ночь я провел в весьма комфортабельной гостинице у перевоза Эму, в 35 милях от Сиднея, у подножия Голубых гор. Эта дорога наиболее оживленная, и население вокруг нее появилось раньше, чем в других местах. Местность сплошь разгорожена высокими заборами, потому что возвести живые изгороди фермерам не удается. Вокруг разбросано много основательных домов и хороших коттеджей; но, хотя возделаны и значительные участки земли, большая часть ее все еще остается в том же состоянии, в каком она была в эпоху открытия страны.

Крайнее однообразие растительности — самая замечательная особенность ландшафта большей части Нового Южного Уэльса. Повсюду простирается открытая лесистая местность, земля местами покрыта очень редкой пастбищной травой со слабым зеленым оттенком. Деревья почти все принадлежат к одному семейству, и листья их большей частью располагаются вертикально, а не почти горизонтально, как в Европе; листва скудная, какого-то особенного бледно-зеленого оттенка, без всякого блеска3. Поэтому леса кажутся светлыми, лишенными тени; это обстоятельство, хотя и неудобно для путника, страдающего от палящих летних лучей, важно для фермера, так как позволяет траве расти там, где в противном случае ее не было бы. Листья не сбрасываются периодически; особенность эта свойственна, по-видимому, всему южному полушарию, а именно, Южной Америке, Австралии и Мысу Доброй Надежды. Таким образом, жители этого полушария и тропических стран лишены хотя и привычного для нашего глаза, но, быть может, одного из самых великолепных зрелищ на свете — первого распускания листвы на голых деревьях. Впрочем, они могут сказать, что мы дорого расплачиваемся за это тем, что земля в течение стольких месяцев покрыта одними только обнаженными скелетами. Это возражение слишком справедливо; но зато наши чувства приобретают особую остроту, когда мы наслаждаемся видом прелестной весенней зелени, а жители тропиков, глаз которых в продолжение всего года пресыщается зрелищем великолепных произведений жарких стран, не в состоянии испытать это чувство. Деревья большей частью, за исключением некоторых эвкалиптов, не достигают крупных размеров, но растут высоко, довольно прямо и стоят поодаль друг от друга. Кора некоторых эвкалиптов ежегодно опадает или, отмерев, висит длинными клочьями, которые развеваются на ветру и придают лесам какой-то разоренный и неряшливый вид. Не могу представить себе большего контраста во всех отношениях, чем между лесами

Вальдивии или Чилоэ и лесами Австралии.

На закате мы встретили толпу десятка в два чернокожих туземцев; каждый из них нес, как то у них принято, пучок дротиков и другое оружие. Я без труда остановил их, давши шиллинг молодому человеку, который шел впереди, и они, чтобы развлечь меня, стали метать дротики. Все они были кое-как одеты; некоторые немного говорили по-английски; лица их были добродушны и приятны, и на вид эти туземцы были далеко не такими, как их обыкновенно изображают. В своих играх они проявляют изумительное искусство. Шляпу, помещенную на расстоянии 30 ярдов, они пробивали дротиком насквозь, посылая его при помощи метательной рукоятки со скоростью стрелы, выпущенной из лука опытным стрелком. Выслеживая животных или людей, они проявляют самую удивительную проницательность, а несколько слышанных мной от них замечаний обнаруживали наличие у них немалой остроты ума. Они не хотят, однако, ни обрабатывать землю, строить дома и вести оседлую жизнь, ни даже затруднять себя присмотром за стадом овец, когда им дадут его. В общем, мне кажется, они стоят на лестнице цивилизации несколькими ступенями выше, чем огнеземельцы.

И вот мы с любопытством наблюдаем, как среди цивилизованных людей бродит горстка безобидных дикарей, не зная, где им придется провести ночь, и добывая себе пропитание охотой в лесах. Наступая все дальше и дальше, белый человек расселяется по стране, принадлежащей нескольким племенам. Окруженные со всех сторон одним и тем же народом, они, однако, сохраняют свои древние отличительные особенности и иногда идут войной друг на друга. В происшедшем недавно между двумя отрядами сражении полем битвы самым неожиданным образом был избран центр селения Батерст. Это оказалось на руку побежденной стороне, ибо бежавшие воины нашли себе убежище в бараках.

Численность коренного населения быстро падает. За всю мою поездку я, за исключением нескольких мальчиков, воспитанных англичанами, видел только еще одну группу туземцев. Эта убыль, без сомнения, должна вызываться отчасти ввозом спиртных напитков, европейскими болезнями (даже самые легкие из них, например корь, оказываются чрезвычайно губительными) и постепенным вымиранием диких животных. Говорят, что у туземцев вследствие бродячей жизни неизменно гибнет в очень раннем возрасте множество детей, а с ростом трудностей в добывании пищи возрастает необходимость кочевать; поэтому население, не умирая явно от голода, гибнет совершенно особенным образом по сравнению с тем, что происходит в цивилизованных странах, где отец семейства может, чрезмерно трудясь, причинить вред только самому себе, но не губить своего потомства.

Кроме этих нескольких явных причин гибели, тут широко действует, по-видимому, еще какой-то другой, более загадочный фактор. Как видно, где бы ни ступила нога европейца, смерть преследует туземца. Куда мы ни бросим взор, — на обширные ли просторы обеих Америк, на Полинезию, на Мыс Доброй Надежды или на Австралию, — повсюду мы наблюдаем один и тот же результат. Так губительно действует не один только белый человек: например, полинезиец малайского происхождения вытесняет в некоторых частях Индонезийского архипелага темнокожего туземца. Разновидности человека действуют друг на друга, по-видимому, таким же образом, как различные виды животных, — более сильный всегда истребляет более слабого. Печально было слышать, как красивые, энергичные туземцы Новой Зеландии говорили, что, как им хорошо известно, детям их не суждено владеть их землей. Всякий слышал о необъяснимом сокращении населения на прекрасном и здоровом острове Таити после путешествий капитана Кука, хотя в этом случае можно было бы ожидать его увеличения, ибо детоубийство, некогда так широкого распространенное, прекратилось, разврат сильно уменьшился, а кровопролитные войны становятся все более редкими.

Преподобный Дж. Вильямс в своем любопытном сочинении говорит, что первое общение между туземцами и европейцами «неизменно сопровождается появлением лихорадки, дизентерии и некоторых других болезней, уносящих в

могилу множество народу». Он же утверждает: «Неопровержимо установлено, что большинство болезней, свирепствовавших, на островах во время моего пребывания там, было завезено кораблями, и обстоятельство это замечательно потому, что среди экипажа того корабля, который привозил с собой бедствие, могло не наблюдаться никаких признаков болезни». Утверждение это совсем не так необычайно, как кажется на первый взгляд, потому что известно несколько случаев, когда вспыхивала самая злокачественная лихорадка, хотя те люди, которые были ее причиной, сами не страдали от нее. В начале царствования Георга III четыре констебля привезли в карете на суд заключенного, сидевшего перед тем в каземате, и, хотя человек этот сам не был болен, все четыре констебля умерли от скоротечного сыпного тифа; впрочем, дальше зараза не распространилась. Из этих фактов почти с очевидностью следует, что испарения одной группы людей, заключенных в течение некоторого времени в одном месте, оказывались ядовитыми для других, вдыхавших эти испарения людей, и, возможно, особенно ядовитыми в том случае, если эти люди принадлежали к иным расам. Как ни загадочно, на мой взгляд, это обстоятельство, оно ничуть не более удивительно, чем то, что тело только что умершего человека, пока еще не началось разложение, часто отличается до того губительными свойствами, что даже простой укол инструментом, употреблявшимся для его вскрытия, оказывается роковым.

17 января. — Рано утром мы переправились через Непиан на пароме. Хотя река в этом месте и широка и глубока, по ней течет очень небольшое количество воды. Мы пересекли низменную местность на противоположном берегу и достигли склонов Голубых гор. Подъем здесь не крутой, дорога тщательно высечена в круче песчаника. Наверху обрыва простирается почти гладкая равнина, которая, неуклонно поднимаясь к западу, достигает в конце концов высоты более чем в 3 000 футов. Судя по громкому названию

Голубых гор и по их абсолютной высоте, я ожидал увидеть цепь крутых гор, прорезывающих страну, но вместо этого передо мной предстала наклонная равнина, лишь незначительно возвышающаяся за низменностью, лежащей около побережья. С этого первого склона открывался замечательный вид на обширную лесистую местность к востоку; деревья вокруг были мощны и высоки. Но, начиная с самой платформы песчаника, пейзаж сразу же становится чрезвычайно однообразным: дорога по обеим сторонам окаймлена низкорослыми деревцами из того же неизменного семейства эвкалиптов; за исключением двух-трех маленьких гостиниц, нет ни домов, ни возделанной земли; да и сама дорога пустынна — чаще всего на ней встретишь запряженный волами фургон, груженный кипами шерсти.

В середине дня мы остановились накормить наших лошадей на маленьком постоялом дворе, называемом Уэтерборд. Местность здесь возвышается на 2 800 футов над уровнем моря. Милях в полутора от этого места открывается в высшей степени примечательный вид. Едешь вниз по маленькой долине, вдоль крохотного ручейка, как вдруг неожиданно из-за деревьев, окаймляющих тропинку, открывается громадный залив глубиной, может быть, в 1 500 футов. Пройдя еще несколько ярдов, останавливаешься на краю гранитной кручи и видишь внизу огромную бухту или залив, — ибо я не знаю, как еще это можно назвать, — густо покрытый лесом. Стоишь как будто в глубине бухты, в обе стороны расходится полоса обрыва и виднеется за мысом мыс, точно на крутом берегу моря. Эти обрывы сложены горизонтальными пластами беловатого песчаника и так отвесны, что во многих местах, стоя над кручей и бросая вниз камень, можно увидеть, как он ударяется о деревья на дне пропасти. Линия обрыва до того непрерывна, что достигнуть подножия водопада, образуемого этим ручейком, можно, говорят, лишь совершив обход в 16 миль. Миль на пять впереди простирается другая линия обрыва, по-видимому полностью замыкающая долину, так что название залива в применении к этой похожей на амфитеатр впадине полностью оправдано. Вообразив себе, что извилистая гавань, глубокие воды которой были окружены крутыми, обрывистыми берегами, пересохла, а на песчаном дне ее вырос лес, можно получить представление об общем виде и строении этой долины. Такого рода картину я увидал впервые, и она поразила меня своим великолепием.

Вечером мы приехали в Блэкхит. Плато песчаника достигает здесь 3 400 футов в высоту и по-прежнему покрыто такими же низкорослыми лесами. С дороги иногда можно было увидеть глубокие долины того же характера, как те, что я описал, но вследствие крутизны и глубины обрывов дна почти не было видно. Блэкхит — вполне благоустроенный постоялый двор, который содержится одним старым солдатом; он напомнил мне маленькие постоялые дворы в Северном Уэльсе.

18 января. — Очень рано утром я прошел около 3 миль посмотреть Говеттс-Лип; картина походила на ту, что я видел близ Уэтер-борда, но была, пожалуй, еще грандиознее. В этот ранний утренний час залив был затянут легкой голубой дымкой, и, хоть она и нарушала общее впечатление, зато лес, раскинувшийся у нас под ногами, казалось, лежал еще глубже. Долины эти, так долго составлявшие непреодолимую преграду, препятствовавшую попыткам наиболее предприимчивых колонистов проникнуть в глубь страны, — явление самое замечательное. Громадные, похожие на рукава заливы, расширяющиеся кверху, часто ответвляются от главных долин и проникают в песчаниковую платформу; с другой стороны, платформа часто выдвигает в долины мысы и даже оставляет там громадные, почти изолированные, как острова, массивы. Чтобы спуститься в некоторые из таких долин, нужно делать обходы в 20 миль; в иные топографы пробрались только совсем недавно, а колонисты до сих пор не могут загонять туда свой скот. Но самой замечательной особенностью их строения является то обстоятельство, что хотя в верхней своей части они имеют несколько миль в ширину, но к выходу обыкновенно так суживаются, что в них невозможно попасть. Главный топограф сэр Т. Митчелл тщетно пытался сначала пешком, а потом ползком между громадными обвалившимися обломками песчаника подняться через теснину, по которой река Грос течет до слияния с Непианом; между тем в верхней своей части долина Гроса, как я сам видел, образует великолепную ровную котловину шириной в несколько миль, со всех сторон окруженную утесами, вершины которых, я думаю нигде не опускаются ниже 3 000 футов над уровнем моря. Когда в долину Вулган по тропинке, по которой я и сам спускался, частью естественной, частью проведенной землевладельцем, загоняют скот, он не может оттуда убежать, потому что со всех остальных сторон долина окружена отвесными обрывами, а 8 милями ниже она суживается от средней ширины в полмили в теснину, через которую не проберется ни человек, ни зверь. Сэр Т. Митчелл утверждает, что большая долина реки Кокс со всеми ее ответвлениями в том месте, где эта река впадает в Непиан, суживается в ущелье шириной в 2 200 ярдов и глубиной около 1 000 футов. Можно привести еще ряд подобных примеров.

При виде соответствия горизонтальных пластов по обеим сторонам этих долин и огромных, похожих на амфитеатр впадин прежде всего приходит в голову, что они подобно другим долинам выдолблены водой; но, вспомнив о том, какое громадное количество камня должно было при этом быть вынесено через теснины узких ущелий, поневоле задаешь себе вопрос, не могли ли образоваться эти пространства путем оседания. Однако, принимая во внимание форму неправильно ветвящихся долин и узких мысов, выступающих в долины от платформы, мы вынуждены отказаться от подобной мысли. Приписывать образование этих полостей современной аллювиальной деятельности было бы нелепо; да и воды с верхнего уровня, как я уже отмечал, говоря о местности близ Уэтерборда, низвергаются далеко не всегда в верхнем конце долины, а иногда в бухтообразные впадины с какой-нибудь одной стороны. Жители говорили мне, что, глядя на эти бухтообразные впадины с выступающими справа и слева мысами, они неизменно поражались их сходству с обрывистым морским берегом. Конечно, это так; более того, многочисленные прекрасные широко разветвляющиеся гавани нынешнего побережья Нового Южного Уэльса, обыкновенно соединенные с морем узким входом, пробитым в песчаниковых прибрежных обрывах и имеющим от одной мили до четверти мили в ширину, представляют собой, пусть в миниатюре, подобие громадных долин внутри страны. Но тут сразу же возникает серьезное затруднение: почему море выдолбило эти громадные, хотя и ограниченные, углубления в обширной платформе, оставив у входа в них узкие ущелья, через которые должно было быть вынесено все огромное количество растертого в порошок вещества? Единственное соображение, которым я могу пролить немного

света на эту загадку, состоит в том, что в некоторых морях, например кое-где в Вест-Индии и в Красном море, ныне образуются, по-видимому, берега самых причудливых форм, и притом чрезвычайно крутые. Такие берега, как я вынужден допустить, образуются осадком, наносимым сильными течениями на неправильной формы дно. Изучив карты Вест-Индии, вряд ли можно сомневаться в том, что в некоторых случаях море не распределяет осадок равномерным слоем, а отлагает его вокруг подводных скал и островов; далее, во многих местах Южной Америки я замечал, что волны способны образовать высокие и крутые обрывы даже в закрытых гаванях. Прилагая эти соображения к песчаниковым платформам Нового Южного Уэльса, я представляю себе, что пласты были нанесены сильными течениями и зыбью открытого океана на неправильной формы дно, а в оставшихся при этом незаполненными долиноподобных пространствах довольно крутые склоны, подвергаясь разрушению во время медленного поднятия суши, превратились в обрывы; истертый песчаник был вынесен либо в то время, когда море, отступая, прорыло узкие ущелья, либо впоследствии благодаря аллювиальной деятельности.

Оставив Блэкхит, мы вскоре спустились с песчаниковой платформы по проходу на горе Виктории. Чтобы устроить этот проход, понадобилось пробить громадную толщу камня, и как сам замысел, так и его выполнение достойны любой английской дороги. Теперь мы вступили в местность, лежащую почти на 1 000 футов ниже и сложенную гранитом. С переменой слагающей породы улучшилась растительность: деревья стали красивее и стояли еще дальше одно от другого, а кормовая трава между ними стала несколько зеленее и обильнее. В Хассанс-Уоллс я оставил большую дорогу и сделал небольшой крюк на ферму, называемую Уоллерауанг, к управляющему которой у меня было рекомендательное письмо от ее владельца, жившего в Сиднее. М-р Броун любезно предложил мне остаться на весь следующий день, и я с большим удовольствием согласился. Место это может служить образцом больших ферм или, вернее, овцеводческих хозяйств, характерных для Нового Южного Уэльса. Впрочем, коровы и лошади несколько многочисленнее обыкновенного, потому что тут есть топкие долины, где растет более грубый подножный корм. Около дома два-три ровных участка земли были расчищены и засеяны хлебом, который сейчас убирали жнецы; пшеницы, однако, сеют не больше, чем того достаточно на год для работников, занятых в хозяйстве. Обыкновенно сюда назначают около сорока человек прислуги из преступников, но теперь их было немного больше. Несмотря на то что ферма была хорошо снабжена всем необходимым, здесь явно не было никаких удобств, что, быть может, объяснялось полным отсутствием женщин. Солнечный закат погожего дня обыкновенно придает всякой картине оттенок счастливого довольства; но здесь, на этой уединенной ферме, самые яркие краски окрестных лесов не могли заставить меня позабыть, что в это время сорок закоренелых преступников кончают свой рабочий день, точно африканские рабы, но без того священного права на сострадание, каким пользуются рабы.

На следующий день рано утром м-р Арчер, второй управляющий, любезно взял меня с собой на охоту за кенгуру. Мы проездили верхом большую часть дня, но охота была очень неудачна: мы не видали ни кенгуру, ни даже дикой собаки. Борзые загнали кенгуровую крысу в дупло дерева, откуда мы и вытащили ее; это животное величиной с кролика, но с виду похоже на кенгуру. Несколько лет назад местность изобиловала дикими животными, но теперь эму изгнаны и ушли далеко, а кенгуру стали очень редки; и те и другие сильно пострадали от английских борзых. Быть может, до полного истребления этих животных еще далеко, но судьба их решена. Туземцы неизменно стремятся одалживать собак на фермах; уступка на время этих собак, требуха убитых животных да коровье молоко служат мирными дарами поселенцев, продвигающихся все дальше и дальше в глубь страны. Беспечный туземец, ослепленный этими пустячными подачками, радуется приближению белых людей, которым, по-видимому, предназначено унаследовать эту страну вместо его собственных детей.

Несмотря на неудачную охоту, мы с удовольствием проехались верхом. Лесистая местность по большей части настолько открыта, что человек может нестись по ней

на лошади вскачь. Она пересечена немногочисленными плоскодонными долинами, зелеными и лишенными деревьев; в таких местах пейзаж был привлекателен, точно в парке. Во всей местности я, пожалуй, не видел места, где не было бы следов огня; эти следы были более или менее свежи, пни были более или менее черными — только это и нарушало однообразие, столь утомительное для глаза путника. Птиц в здешних лесах немного; впрочем, я видел большие стаи белых какаду, кормившихся на хлебном поле, и нескольких замечательно красивых попугаев; нередко попадались вороны, похожие на наших галок, и еще одна птица, несколько похожая на сороку.

В вечерние сумерки я предпринял прогулку вдоль расположенных цепочкой прудов, которые в этой сухой стране представляют русло реки, и мне посчастливилось увидеть несколько знаменитых утконосов (Ornithorhynchus paradoxus). Они ныряли и играли у поверхности воды, но так мало высовывали свое тело, что их легко можно было принять за водяных крыс. М-р Броун застрелил одного, и это было, безусловно, самое необыкновенное животное; чучело не дает представления о том, как выглядят голова и клюв при жизни животного: последний становится жестким и сжимается.

20 января. — Целый день ехали до Батерста. Прежде чем выехать на большую дорогу, мы следовали просто лесной тропинкой; местность была совершенно пустынна, если не считать нескольких хижин скваттеров. В этот день мы испытали на себе похожий на сирокко австралийский ветер, приходящий из раскаленных пустынь в глубине материка. Во всех направлениях неслись облака пыли, а ощущение от ветра было такое, словно он прошел над огнем. Впоследствии я слышал, что термометр в этот день показывал снаружи 48°, а в закрытом помещении 36°. После полудня мы увидали возвышенности Батерста. Эти волнистые, но почти гладкие равнины весьма замечательны для этой страны тем, что совершенно лишены деревьев. Тут растут лишь редкие бурые кормовые травы. Мы проехали несколько миль по такой местности и попали в местечко Батерст, лежащее посредине того, что можно назвать либо очень широкой долиной, либо узкой равниной. В Сиднее мне советовали не составлять об Австралии ни слишком плохого мнения, судя по ландшафту, который виден с дороги, ни слишком хорошего, судя по Батерсту; что касается этого последнего, то я не чувствовал ни малейшей опасности впасть тут в предубеждение. Правда, надо признать, что в это время стояла сильная засуха и местность представлялась в неблагоприятном свете; впрочем, месяца два-три назад, я знаю, было несравненно хуже. Секрет быстро растущего благосостояния Батерста состоит в том, что бурая трава, представляющаяся глазу чужеземца такой жалкой, служит превосходным кормом для овец. Город стоит на высоте 2 200 футов над уровнем моря, на берегах Маккуори, одной из тех рек, которые текут в необъятную и почти неизвестную внутреннюю часть материка. Линия водораздела, отделяющая потоки, текущие в глубь страны, от тех, что направляются к морю, проходит на высоте около 3 000 футов, с севера на юг на расстоянии'от 80 до 100 миль от побережья. На карте Маккуори чертят, как порядочную реку, и это действительно самая большая река из тех, что собирают свои воды по эту сторону водораздела; между тем, к своему удивлению, я увидал просто цепь прудов, отделенных один от другого почти сухими промежутками. Обыкновенно тут течет небольшая речка, но иногда вода разливается бурно и высоко. Как ни мало воды во всем этом районе, но дальше в глубь страны ее становится еще меньше.

22 января. — Я начал свое возвращение и поехал по новой дороге, называемой Локьеровой линией; местность вдоль нее более холмиста и живописна. Ехали мы целый день, и так как дом, где я хотел переночевать, стоял несколько в стороне от дороги, то я не без труда разыскал его. На этот раз, как, впрочем, и во всех других случаях, я встретил среди низших классов населения всеобщую и предупредительную вежливость, которой вряд ли можно было ожидать от них, если принять во внимание, кто они такие и кем они были. Ферма, где я провел ночь, принадлежала двум молодым людям, лишь недавно сюда приехавшим и начинавшим поселенческую жизнь. Почти полное отсутствие каких бы то ни было удобств было не слишком привлекательным, но они видели перед собой

безусловное процветание в будущем, которого ждать уже недолго.

На следующий день мы проезжали мимо обширных пространств, охваченных пожарами, и через дорогу тянулись клубы дыма. Перед полуднем мы выехали на прежнюю дорогу и поднялись на гору Виктория. Ночевал я в Уэтерборде, а до наступления сумерек предпринял еще одну прогулку к «амфитеатру». По пути в Сидней я очень приятно провел вечер с капитаном Кингом в Данхиведе и наконец окончил свою небольшую экскурсию по колонии Новый Южный Уэльс.

Перед прибытием сюда меня всего более интересовали три вопроса: состояние высших классов общества, положение преступников и условия, привлекающие людей эмигрировать сюда. Конечно, мнение, составленное после такого краткого посещения, вряд ли чего-нибудь стоит, но не составить себе никакого мнения так же трудно, как иметь правильное суждение. В общем, то, что я слышал, в большей степени, чем то, что я видел, разочаровало меня в состоянии общества. Все жители разделились на враждующие партии почти по всем вопросам. Среди тех, кто по своему положению должен был бы подавать пример, многие открыто живут в таком разврате, что порядочные люди не могут с ними общаться. Между детьми разбогатевших бывших каторжников и свободными поселенцами существует постоянное соперничество, причем первым угодно считать, будто честные люди незаконно вмешиваются в их дела. Все население, бедные и богатые, стремятся разбогатеть; среди высших классов постоянной темой разговоров служат шерсть и овцеводство. В семейной жизни существует много серьезных неудобств, из коих главное, быть может, необходимость жить в окружении прислуги из преступников. До чего противны всем чувствам услуги человека, который, быть может, вчера был выпорот за какой-нибудь пустяк по вашему же представлению! Женская прислуга, конечно, много хуже; дети выучиваются от нее самым скверным выражениям и хорошо если не столь же скверным мыслям.

С другой стороны, частный капитал приносит здесь без всяких хлопот со стороны владельца прибыль втрое большую, чем в Англии, а постаравшись, человек наверняка разбогатеет. Предметы роскоши имеются в изобилии и стоят лишь немного дороже, чем в Англии, а большинство предметов питания здесь дешевле. Климат тут великолепный и совершенно здоровый, но в моих глазах он теряет свою прелесть из-за неприветливого вида страны. Поселенцы имеют то преимущество, что их сыновья с раннего возраста помогают им в делах. В возрасте от 16 до 20 лет они нередко ведут хозяйство на отдаленных пастбищах. При этом, однако, приходится допускать тесное общение юношей с прислугой из преступников. Мне неизвестно, чтобы моральный уровень общества принял какой-нибудь особенный характер, но при подобных нравах и отсутствии каких бы то ни было интеллектуальных интересов он, почти несомненно, должен упасть. Что до меня, то я думаю, что только острая необходимость заставила бы меня эмигрировать.

Быстрый расцвет и будущие перспективы этой колонии мне, человеку, не разбирающемуся в этих вопросах, совершенно непонятны. Двумя главными предметами вывоза являются шерсть и китовый жир, но и тому и другому продукту есть предел. Страна совершенно непригодна для проведения каналов, а потому существует некоторая не очень далекая граница, дальше которой сухопутная перевозка шерсти не окупит затрат на стрижку и уход за овцами. Подножный корм повсюду так скуден, что поселенцы уже продвигаются далеко в глубь материка, а в этом направлении страна становится чрезвычайно бедной. Сельское хозяйство никогда не удастся развить в широких размерах вследствие засух; поэтому, насколько я могу предвидеть, Австралия, должно быть, останется, в конце концов, только в будущем страной промышленной. Обладая углем, она всегда имеет под рукой двигательную силу. Так как обитаемая местность тянется вдоль побережья, а жители — выходцы из Англии, здесь сложится, безусловно, морская нация. Раньше я представлял себе, что Австралия вырастет в такую великую и сильную страну, как Северная Америка, но теперь ее величие в будущем кажется мне довольно сомнительным.

Что касается положения преступников, то судить о нем у меня еще меньше возможностей, чем о других вопросах. Прежде всего неясно, является ли вообще

их положение наказанием: никто не станет настаивать на том, что оно очень тяжелое. Впрочем, я думаю, это не имеет значения, пока ссылка продолжает наводить на преступников ужас на родине. Житейские нужды осужденных удовлетворяются хорошо; их надежда на освобождение и спокойную жизнь в будущем недалека от осуществления, а при хорошем поведении превращается в уверенность. «Отпускное удостоверение», которое дает осужденному свободу в пределах известного района, покуда он вне каких-нибудь подозрений и не совершил нового преступления, выдается за хорошее поведение по истечении известного числа лет, пропорционального сроку, определенному приговором; но при всем этом, даже оставляя в стороне предварительное заключение и тяжкий переезд, в годы принудительного труда, я полагаю, они тоже не могут быть ни довольны, ни счастливы. Как указывал мне один неглупый человек, преступники знают только чувственные наслаждения, а их-то они лишены. Исключительные возможности, которыми пользуется правительство, даруя полное прощение, а также глубокий страх перед заключением в каторжные лагеря разрушают доверие осужденных друг к другу и предупреждают преступления. Что касается чувства стыда, то оно, по-видимому, здесь неизвестно, и я сам несколько раз видел очень яркие тому доказательства. Как это ни странно, но я повсюду слышал, что осужденные — отъявленные трусы; нередко случается, что некоторые из них отчаиваются, и жизнь становится им нипочем, но они лишь изредка приводят в исполнение какой-нибудь план, требующий хладнокровия или длительной выдержки. Худшая сторона всего этого дела состоит в том, что в то время как с точки зрения закона их можно считать исправившимися и они сравнительно редко совершают проступки, предусматриваемые законом, об их нравственном исправлении, по-видимому, не может быть и речи. Хорошо осведомленные люди заверяли меня, что человек, который хотел бы исправиться, не может этого сделать, пока живет вместе с другой принудительно работающей прислугой: его будут преследовать, и жизнь его станет невыносимой. Не следует также забывать о заразительном влиянии, которое оказывает пребывание на кораблях для перевозки осужденных и в тюрьмах как здесь, так и в Англии. В общем как место наказания Австралия вряд ли отвечает цели; как система подлинного исправления ссылка сюда ничего не дает, впрочем, может быть, как и всякая иная система; но как средство сделать людей внешне честными, превратить бродяг, самых бесполезных в одном полушарии, в деятельных граждан другого полушария и тем самым положить начало новой и прекрасной стране — великому центру цивилизации, — система оказалась настолько успешной, что равной ей, пожалуй, не знает история.

30 января. — «Бигль» отплыл в Хобарт-Таун на Вандименовой Земле. **5 февраля,** после шестинедельного перехода, в течение которого сначала было ясно, а затем — холодно и ветрено, мы вошли в бухту Сторм [Бурную]; погода подтвердила справедливость этого грозного названия. Бухту вернее назвать эстуарием, потому что в глубине в нее впадает река Деруэнт. У входа в бухту видны обширные базальтовые платформы, но повыше местность становится гористой и покрывается светлым лесом. Внизу холмы, обрамляющие бухту, расчищены, и ярко-желтые хлебные поля и темно-зеленые картофельные кажутся весьма изобильными. Поздно вечером мы бросили якорь в уютной маленькой бухте, на берегах которой расположена столица Тасмании. Первое впечатление от нее гораздо хуже, чем от Сиднея; последний вполне можно назвать большим городом, этот же — всего только городок. Он стоит у подножия горы Веллингтон, достигающей 3 100 футов высоты, но не отличающейся живописностью; впрочем, из этого источника город в изобилии получает воду. Вокруг бухты размещаются неплохие товарные склады, а с одной стороны стоит маленький форт. После того как мы побывали в испанских колониях, где обыкновенно уделяют столько внимания укреплениям, здешние средства обороны показались нам весьма жалкими. Сравнивая город с Сиднеем, я был всего более поражен относительной малочисленностью больших домов, как выстроенных, так и строящихся. По переписи 1835 г. в Хобарт-Тауне 13 826 жителей, а во всей Тасмании — 36 505.

Все туземцы выселены на один остров в проливе Басса, и Ванди-менова Земля пользуется тем крупным преимуществом, что лишена туземного населения. Этот жесточайший шаг был, по-видимому, совершенно неизбежен, ибо то было

единственное средство оборвать беспрерывные и ужасные грабежи, поджоги и убийства, совершавшиеся чернокожими: все это рано или поздно привело бы к их окончательной гибели. Однако, я боюсь, не приходится сомневаться в, том, что вся эта цепь злодейств и их последствия были вызваны постыдным поведением некоторых наших соотечественников. Тридцать лет — не много времени для полного изгнания туземцев с их родного острова, а ведь этот остров величиной почти с Ирландию. Весьма любопытна переписка по этому вопросу между английским правительством и властями Вандименовой Земли. Несмотря на то что в стычках, продолжавшихся с перерывами в течение нескольких лет, было убито и взято в плен множество туземцев, они, по-видимому, никак не могли проникнуться сознанием превосходства наших сил; но в 1830 г. на острове было введено военное положение, а всему населению было приказано содействовать попытке одним ударом захватить всю местную расу. Был принят план, очень сходный с тем, как проводятся большие охотничьи состязания в Индии; войска выстроили шеренгой поперек всего острова, предполагая загнать туземцев в «мешок» на Тасманов полуостров. Попытка провалилась: туземцы, взяв на привязь своих собак, в одну из ночей прокрались через линию войск. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание изощренность их чувств и обычный способ красться ползком за дикими животными. Меня уверяли, что они могут спрятаться чуть ли не на голой земле, и притом таким образом, что в это трудно поверить, пока не увидишь своими глазами: их смуглые тела легко принять за те обгорелые пни, что разбросаны по всей стране. Мне рассказывали об одном состязании между группой англичан и туземцем, который стоял весь на виду, на склоне обнаженного холма; стоило англичанам закрыть на какую-нибудь минутку глаза, как он приседал на корточки, и те уже ни за что не могли отличить его от окружающих пней. Но вернемся к «охотничьему состязанию»; туземцы поняли, как ведется война, и страшно встревожились, так как сразу осознали всю силу и многочисленность белых. Через некоторое время явились 13 человек из двух племен: поняв свою беззащитность, они с отчаяния сдались в плен. Затем благодаря бесстрашным усилиям м-ра Робинсона, энергичного и благожелательно настроенного человека, который отважился лично посетить наиболее враждебных туземцев, все остальные согласились поступить подобным же образом. Тогда их выселили на один остров, s снабдив пищей и одеждой. Граф Стжелецкий говорит, что «во время их высылки в 1835 г. число туземцев достигало 210 человек. В 1842 г., т. е. через 7 лет, их насчитывалось только 54 человека, и в то время как во внутренних областях Нового Южного Уэльса каждое семейство, не зараженное общением с белыми, изобилует детьми, семьи, живущие на острове Флиндерса, за 8 лет произвели всего 14 человек потоиства!»

«Бигль» пробыл здесь 10 дней, и за это время я совершил несколько приятных маленьких экскурсий преимущественно с целью обследования геологического строения ближайших окрестностей. Наибольший интерес представляли, во-первых, некоторые содержащие окаменелости пласты, относящиеся к девонскому или каменноугольному периоду; во-вторых, доказательства недавнего небольшого поднятия суши; наконец, обособленное поверхностное включение желтоватого известняка — травертина, содержащего многочисленные отпечатки листьев деревьев, а также наземных моллюсков, ныне не существующих. Нет ничего невероятного в том, что этот маленький карьер заключает в себе единственный сохранившийся памятник растительности, покрывавшей Вандименову Землю в одну из былых эпох.

Климат здесь более влажный, чем в Новом Южном Уэльсе, а потому земля плодороднее. Земледелие процветает; обработанные поля имеют хороший вид, а огороды и сады изобилуют буйно разрастающимися овощами и фруктовыми деревьями. Некоторые фермы, расположенные в уединенных местах, выглядели очень привлекательно. Растительность своим общим видом сходна с австралийской, но, может быть, она несколько зеленее и веселее, а пастбищная трава между деревьями несколько обильнее. Однажды я предпринял длительную прогулку по тому берегу бухты, который расположен напротив города; бухту я пересек на одном из двух пароходов, постоянно курсирующих туда и обратно. Механизм одного из судов был целиком изготовлен в этой колонии, которая с

самого своего основания насчитывала тогда всего 33 года! В другой день я поднялся на гору Веллингтон; я взял с собой проводника, потому что первая моя попытка окончилась неудачей — до того густ был лес. Проводник наш, впрочем, оказался бестолковым малым и повел нас к южному, сырому склону горы, покрытому очень пышной растительностью; подъем там из-за множества гнилых древесных стволов был почти так же труден, как подъем на гору на Огненной Земле или на Чилоэ. Чтобы добраться до вершины, пришлось упорно карабкаться пять с половиной часов. Во многих местах эвкалипты достигали громадных размеров, образуя великолепный лес. В некоторых самых глубоких лощинах необыкновенно разрослись древовидные папоротники; я видел один, достигавший по крайней мере 20 футов в вышину до основания листьев, а в обхвате имел ровно 6 футов. Листья, образуя нечто вроде изящнейших зонтиков, давали густую тень, подобную мраку первого часа ночи. Вершина горы широка, плоска и сложена громадными угловатыми массивами обнаженной зеленокаменной породы. Она поднимается на 3100 футов над уровнем моря. Стояла великолепная ясная погода, и мы насладились обширнейшим видом: к северу страна, казалось, состояла из одних только покрытых лесом гор примерно такой же высоты, что и та, на которой мы стояли, и с такими же мягкими очертаниями; к югу отчетливо, словно на карте, рисовалась изрезанная береговая линия, образующая множество заливов со сложными контурами. Пробыв на вершине несколько часов, мы спустились по более удобному пути, но на «Бигль» попали только в 8 часов, в самом конце утомительного дня.

7 февраля. — «Бигль» отплыл из Тасмании и 6-го числа следующего месяца прибыл в залив Короля Георга, расположенный близ юго-западного угла Австралии. Мы провели там 8 дней, и за все время нашего путешествия нам ни разу не было так скучно. Страна, если смотреть на нее с некоторого возвышения, представляется лесистой равниной, на которой там и сям выступают округленные и частично обнаженные гранитные холмы. Однажды я с группой товарищей вышел в надежде увидеть охоту на кенгуру и проделал пешком немало миль по стране. Почва повсюду была песчаная и очень бедная; она была покрыта либо грубой растительностью в виде резких низких кустарников и жесткой травы, либо лесом низкорослых деревьев. Весь ландшафт напоминал высокую песчаниковую платформу в Голубых горах; впрочем, казуарина (дерево, немного похожее на сосну) встречается здесь в большом количестве, а число эвкалиптов, пожалуй, меньше. На открытых местах росло много травяных деревьев; растения эти по виду своему имеют какое-то сходство с пальмами, только их не венчает великолепная крона: они могут похвастать всего только пучком очень грубых травовидных листьев. Издали ярко-зеленый в общем, цвет кустарника и других растений, казалось бы, обещал плодородие. Однако довольно было одной-единственной прогулки, чтобы рассеять подобную иллюзию, и, я думаю, никто на моем месте не пожелал бы когда-нибудь снова бродить по такой неприветливой местности.

Однажды я сопровождал капитана Фиц-Роя на Болд-Хед; место это упоминается многими мореплавателями, где одни якобы видели кораллы, а другие — окаменелые деревья, стоящие в таком же положении, как в свое время росли. На наш взгляд, слои здесь образовались из нанесенного ветром тонкого песка, состоящего из крохотных окатанных частиц раковин и кораллов; песок постепенно покрывал ветки и корни деревьев, а также множество наземных моллюсков. Затем все это отвердевало вследствие того, что туда просачивались известковые вещества, а цилиндрические полости, оставшиеся после разложения дерева, точно так же были заполнены твердым псевдосталактитовым камнем18. В настоящее время дождь и ветер уносят более мягкие части, а потому твердые слепки корней и ветвей деревьев выходят на поверхность и производят обманчивое впечатление мертвого леса.

Во время нашего пребывания там поселок посетило большое племя туземцев, так называемые «люди белого какаду». Этим туземцам, а также тем, что принадлежали племени залива Короля Георга, мы дали несколько бадей рису и сахару, и они согласились устроить корробери — большое празднество с плясками. Как только стемнело, были разведены небольшие костры, и мужчины занялись

своим туалетом, т. е. стали разукрашивать себя белыми пятнами и полосами. Лишь только все было готово, запылали большие костры, вокруг которых собрались зрители — женщины и дети; мужчины из племени какаду и с залива Короля Георга разделились на две партии, но танцевали по большей части согласованно. Пляски состояли в том, что танцующие выбегали то боком, то гуськом на открытое место и все сразу с силой ударяли ногами о землю, словно маршируя. Их тяжелые шаги сопровождались каким-то хрюканьем, постукиванием дубинок и дротиков и другой разнообразной жестикуляцией: так, например, они простирали руки и извивались всем телом. То было чрезвычайно грубое, дикое зрелище и, на наш взгляд, лишенное всякого смысла; но мы заметили, что чернокожие женщины и дети наблюдали его с величайшим удовольствием. Быть может, эти пляски первоначально изображали известные действия, например войну и победу.

Один из танцев назывался «пляской эму»: каждый танцующий вытягивал руку, выгибая ее наподобие шеи этой птицы. В другом танце один мужчина подражал движениям кенгуру, пасущегося в лесу, а второй подползал, делая вид, будто бросает в него дротик. Когда оба племени смешались в пляске, земля задрожала под тяжестью их ног, а воздух огласился дикими криками. Все, по-видимому, были воодушевлены, и группа обнаженных фигур, озаренных светом пылающих костров и движущихся в одной отвратительной гармонии, представляла великолепный образец праздника у дикарей, стоящих на самой низкой ступени варварства. На Огненной Земле мы видели много любопытных сцен из жизни дикарей, но ни разу, мне кажется, туземцы там не были до того воодушевлены и непринужденны. Когда танцы окончились, вся группа уселась на земле в большой круг, и, ко всеобщему восторгу, были распределены вареный рис и сахар.

После того как отплытие, к нашей досаде, несколько раз откладывалось из-за туманной погоды, 14 марта мы с радостью вышли из залива Короля Георга и взяли курс на остров Килинг. Прощай, Австралия! Ты растущее дитя, и, без сомнения, придет день, когда ты станешь великой владичицей Юга; для нежной привязанности ты уж слишком велика и честолюбива, но для уважения еще недостаточно велика. Я покидаю берега твои без грусти и сожаления.

Глава XX ОСТРОВ КИЛИНГ. КОРАЛЛОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Остров Килинг

Своеобразный вид острова

Скудость растительности.

Перенос семян

Птицы и насекомые

Прибыль и убыль колодцев.

Поля отмерших кораллов

Камни, переносимые в корнях деревьев

Крупный краб. Жгучие кораллы

Рыба, питающаяся кораллами

Коралловые образования

Лагунные острова, или атоллы

Глубина, на которой могут жить рифообразующие кораллы

Огромные площади, по которым разбросаны

низменные коралловые острова

Опускание их оснований

Барьерные рифы. Окаймляющие рифы

Превращение окаймляющих рифов в барьерные и в атоллы

Свидетельства в пользу изменений уровня

Проходы в барьерных рифах

Мальдивские атоллы, их особое строение

Отмершие и затопленные водой рифы

Области опускания и поднятия

Распределение вулканов

Опускание медленное и в громадных размерах

Острова Килинг.

По карте, составленной гидрографами «Бигля»

1 апреля. — В виду показались острова Килинг, или Кокосовые, лежащие в Индийском океане, на расстоянии около 600 миль от берегов Суматры. Эта группа — один из лагунных островов (или атоллов) кораллового строения, похожий на острова Низменного архипелага, поблизости от которого мы проходили.

Когда наш корабль подошел ко входу в канал, к нам выехал на лодке м-р Лиск, английский резидент. История обитателей острова вкратце такова. Лет девять тому назад м-р Хэр, личность недостойная, привез сюда с Индонезийского архипелага невольников-малайцев, которых теперь, включая детей, насчитывается более ста человек. Вскоре после того из Англии приехал сюда на жительство капитан Росс, посещавший прежде эти острова на торговом судне, и привез с собой семью и имущество; вместе с ним приехал м-р Лиск, который прежде служил помощником капитана на его судне. Рабы-малайцы вскоре убежали с острова, где поселился м-р Хэр, и присоединились к капитану Россу. После этого м-ру Хэру пришлось в конце концов покинуть острова.

В настоящее время малайцы считаются свободными, и так и обстоит, конечно, дело, поскольку это касается их личной свободы, но почти во всех остальных отношениях их рассматривают как рабов. Оттого, что они недовольны своим положением, то и дело переезжают с одного острова на другой, а быть может и из-за плохого руководства, дела здесь идут не слишком блестяще. На острове нет никаких домашних четвероногих кроме свиньи, а главная растительная продукция — кокосовый орех. Все благосостояние здесь целиком определяется этим деревом: единственными предметами вывоза служат масло, добываемое из орехов, и сами орехи; их отправляют в Сингапур и на остров Маврикий, где употребляют, главным образом в тертом виде, при приготовлении кэрри. Кроме того, свиней, а также уток и кур откармливают почти исключительно кокосовыми орехами. Даже огромного сухопутного краба и того природа снабдила средством открывать орехи и питаться этим полезнейшим продуктом.

Кольцеобразный риф этого лагунного острова на большей части своего протяжения несет на себе вытянутой формы островки. С северной, т. е. подветренной, стороны имеется проход, через который могут проплывать суда, чтобы бросить якорь за рифом. При входе нам открылся весьма любопытный и довольно красивый вид; впрочем, всю красоту его составляла яркость окружающих

красок. Мелкая, прозрачная и тихая вода лагуны с белым песчаным дном под отвесными лучами солнца светилась яркой зеленью. Это сверкающее пространство, шириной в несколько миль, ограничено со всех сторон: от темных вздымающихся волн океана оно отделено полосой белоснежных бурунов, а от голубого небосвода — полосками земли с возвышающимися над ними на одном уровне вершинами кокосовых пальм. Как белые облака там и сям представляют приятный контраст с лазурными небесами, так и в лагуне полосы живых кораллов оттеняют изумрудно-зеленую воду.

На следующее утро, после того как мы бросили якорь, я отправился на берег на остров Дирекшен. Эта полоска суши имеет всего несколько сот ярдов в ширину; со стороны лагуны располагается белый известковый пляж, и отражавшиеся от него лучи палили в этом знойном климате просто нестерпимо; со стороны наружного берега сплошная широкая стена коралловой породы отражала бурный натиск открытого моря. Почва вся состоит из окатанных обломков коралла, и только поблизости от лагуны есть немного песку. На такой сыпучей сухой каменистой почве только тропический климат мог породить буйную растительность. Нет ничего изящнее того леса на некоторых мелких островках, в котором смешались, не нарушая симметричного характера каждого отдельного дерева, молодые и старые кокосовые пальмы. Пляж ослепительно белого песка окаймлял эти сказочные места.

Приведу теперь краткий очерк естественной истории этих островов, которая ввиду ее крайней скудости представляет особенный интерес.

На первый взгляд весь лес состоит из одних только кокосовых пальм, однако тут растет еще пять-шесть деревьев. Одно из них достигает очень больших размеров, но из-за необыкновенной мягкости древесины бесполезно; другое дает превосходный лес для судостроения. Кроме этих деревьев число растений чрезвычайно ограниченно, и все это никудышные сорные травы. В моей коллекции, в которую входит, я полагаю, почти вся флора, насчитывается 20 видов, не считая одного мха, лишайника и гриба. К этому числу следует прибавить еще два дерева: одно из них при мне цвело, а о другом я только слышал — единственный экземпляр его рос около пляжа, куда, без сомнения, волнами было занесено всего одно семя. Guilandina также растет лишь на одном островке. В упомянутый выше перечень я не включаю сахарный тростник, банан, некоторые овощи, плодовые деревья и ввезенные травы. Так как острова целиком состоят из коралла и некогда, должно быть, существовали просто в виде омываемых водой рифов, все наземные произведения должны были быть принесены сюда морскими волнами. В связи с этим маленькая флора этих островов и носит характер убежища для нуждающихся в пристанище; профессор Генсло сообщает мне, что из 20 видов 19 принадлежат к различным родам, которые в свою очередь относятся не менее чем к 16 семействам!

В «Путешествиях» Холмена приводятся, со слов м-ра А.-С. Ки-тинга, который прожил 12 месяцев на этих островах, сведения о различных семенах и других предметах, о которых известно, что они выбрасываются морем на берег. «На наветренный берег островов прибоем выносятся семена и целые растения с Суматры и Явы. Среди них найдены кимири, родом с Суматры и полуострова Малакка; кокосовые орехи из Бальси, известные своей формой и размерами; дадасс, который малайцы высаживают вместе с перечной лозой, так что последняя обвивается вокруг его ствола и держится на нем при помощи шипов своего стебля; мыльное дерево; клещевина; стволы саговой пальмы; наконец, различные семена, неизвестные малайцам, живущим на островах. Полагают, что все они пригоняются северо-западным муссоном к берегам Новой Голландии, а оттуда — юго-восточным пассатом — к этим островам. Здесь находят, кроме того, громадное количество яванского тэкового дерева и желтого дерева, а также огромные деревья красного и белого кедра и стволы эвкалиптов из Новой Голландии в совершенно свежем состоянии. Все стойкие семена, например лазящих растений, сохраняют свою всхожесть, но более мягкие, к которым относится, в числе прочих мангостан, портятся в пути. Бывают случаи, что на берег выбрасывает рыбачьи челноки,

очевидно с Явы». Таким образом, выясняется любопытное обстоятельство — удивительная многочисленность семян, которые, происходя из нескольких стран, переносятся водой по Обширным пространствам океана. Профессор Генсло сообщает мне, что, по его мнению, почти все растения, которые я привез с этих островов, являются видами, обычно встречающимися на берегах Индонезийского архипелага. Однако, судя по направлению ветров и течений, вряд ли представляется возможным, чтобы они могли попасть сюда прямым путем. Если же, как предполагает м-р Китинг и что весьма вероятно, их сначала несло к берегам Новой Голландии, а оттуда — обратно, вместе с произведениями этой последней страны, то семена, прежде чем прорасти, должны были проплыть от 1 800 до 2 400 миль.

: Шамиссо, описывая архипелаг Радак, расположенный в западной части Тихого океана, утверждает, что «море выносит на эти острова семена и плоды многих деревьев, большая часть которых прежде здесь не росла. Семена эти по большей части, по-видимому, еще не потеряли своей всхожести». Говорят также, что море выбрасывает на берег пальмы и бамбук откуда-то из тропических стран, а также стволы северных елей; последние проходят, должно быть, громадное расстояние. Все эти факты в высшей степени интересны. Не приходится сомневаться в том, что если бы здесь были наземные птицы, которые подбирали бы семена сразу же, как только их выбросит на берег, а почва была более пригодна для их развития, чем разбитые глыбы коралла, то самые уединенные лагунные острова со временем обладали бы флорой куда более обильной, чем в настоящее время.

Перечень наземных животных еще беднее, чем растений. Некоторые островки населены крысами, которые были завезены сюда с Маврикия кораблем, потерпевшим тут крушение. М-р Уотерхаус считает этих крыс тождественными с английскими, но они мельче и ярче окрашены. Настоящих наземных птиц тут нет: бекас и водяной пастушок (Rallus phillipensis) хоть и питаются исключительно сухой травой, но принадлежат к отряду голенастых. Птицы этого отряда, говорят, встречаются на нескольких маленьких низменных островах в Тихом океане. На острове Вознесения, где нет ни одной наземной птицы, близ вершины горы был убит пастушок (Porphyrio simplex), и то была, очевидно, одинокая, отставшая от стаи птица. На Тристан-да-Кунье, где, по словам Кармайкла, есть только две наземные птицы, водится лысуха. На основании этих фактов я полагаю, что голенастые вслед за бесчисленными видами перепончатолапых обыкновенно являются первыми поселенцами маленьких уединенных островов. Могу добавить, что, где бы ни замечал я далеко в открытом море птиц, не принадлежащих к числу океанических видов, они всегда принадлежали к этому отряду, а потому естественно, что они оказываются первыми поселенцами всякого удаленного клочка земли.

Из пресмыкающихся я видел только одну маленькую ящерицу. Что до насекомых, то я затратил много труда, чтобы собрать все формы. Если не считать многочисленных пауков, их оказалось тут 13 видов, и среди них — всего один жук. Под сухими разбитыми — глыбами коралла роились тысячами маленькие муравьи, и то было единственное настоящее насекомое, встречавшееся в изобилии. Итак, произведения земли здесь скудны; но если заглянуть в воды окружающего моря, то окажется, что число организмов там чуть ли не бесконечно. Шамиссо описывает естественную историю лагунного острова в архипелаге Радак; замечательно, до чего похожи его обитатели как по численности, так и по составу на обитателей острова Килинг. Там водится одна ящерица и две голенастые птицы, а именно бекас и каравайка. Растений там 19 видов, в том числе один папоротник, и некоторые из них тождественны с теми, что растут здесь, несмотря на громадное расстояние между двумя этими островами, лежащими в разных океанах.

Длинные полоски земли, образующие продолговатые островки, поднялись лишь до высоты, на которую прибой может забрасывать обломки коралла, а ветер — наносить кучи известкового песка. Сплошная стена коралловой породы, опоясывающая острова снаружи, благодаря своей ширине отражает первый напор волн, которые в противном случае за какой-нибудь день смели бы эти островки

вместе со всеми их произведениями. Океан и суша как будто борются тут за владычество и хотя terra firma [неколебимая земля] утвердилась, но и обитатели вод считают свои притязания по крайней мере столь же основательными. Повсюду встречаются раки-отшельники, относящиеся более чем к одному виду; они таскают на своей спине раковины, украденные ими с соседнего пляжа. Вверху, на деревьях, сидят многочисленные глупыши, фрегаты и крачки, а лес вследствие множества гнезд и запаха, стоящего в воздухе, можно назвать приморским грачевником. Глупыши, сидя на своих примитивных гнездах, поглядывают на человека с глупым, но сердитым видом. Нодди [простак], как о том говорит его название, — бестолковое созданьице. Впрочем, тут есть одна очаровательная птичка: это маленькая белоснежная крачка, которая плавно парит у вас над головой на расстоянии каких-нибудь нескольких футов и своими большими черными глазами со спокойным любопытством всматривается в ваше лицо. Немного нужно воображения, чтобы представить себе, что в таком легком и нежном теле живет какой-нибудь блуждающий сказочный дух.

Воскресенье, 3 апреля. — После церковной службы я сопровождал капитана Фиц-Роя в поселок, расположенный за несколько миль, на мысу одного островка, густо одетом высокими кокосовыми пальмами. Капитан Росс и м-р Лиск живут в большом, похожем на сарай доме, открытом с обеих сторон и облицованном циновками из плетеной коры. Жилища малайцев располагаются вдоль берега лагуны. Все это место имело довольно запущенный вид, ибо не было видно ни садов, ни огородов — никаких признаков ухода и обработки. Туземцы — выходцы с различных островов Индонезийского архипелага, но все говорят на одном языке; мы видели здесь жителей Борнео [Калимантан], Целебеса, [Сулавеси], Явы и Суматры. Цветом кожи они напоминают таитян, от которых не слишком отличаются чертами лица. Впрочем, некоторые женщины обнаруживают весьма много китайских черт. Мне понравились и наружность их, и звук их голосов. Видно было, что они бедны, дома их были лишены обстановки; но толстенькие детишки видом своим свидетельствовали о том, что кокосовые орехи и морские черепахи — неплохая пища.

На этом острове расположены колодцы, из которых корабли набирают воду. На первый взгляд видишь немало замечательного в том обстоятельстве, что пресная вода регулярно убывает и прибывает с приливом и отливом; кое-кто даже вообразил, что песок способен отфильтровывать соль из морской воды. Эти убывающие колодцы характерны также для некоторых низменных островов в Вест-Индии. Через уплотненный песок или пористую коралловую породу соленая вода просачивается, как сквозь губку; но дождь, выпадающий на поверхность, должен проникать до уровня окружающего моря и скопляться там, вытесняя равный объем соленой воды. По мере того как вода в нижней части громадного губчатого кораллового массива поднимается и падает с приливом и отливом, то же самое происходит и с водой, скопившейся около поверхности, но эта последняя будет оставаться пресной, если массив достаточно плотен, чтобы не допустить слишком сильного механического смешения; если, однако, колодец вырыть там, где почва состоит из отдельных громадных кусков коралла с открытыми промежутками, то вода, как я сам видел, оказывается солоноватой.

После обеда мы остановились посмотреть на одно странное представление полусуеверного характера, которое разыгрывали малайские женщины. Они как будто верили, что если большую деревянную ложку, завернутую в одежду, принести на могилу покойника, то она при полнолунии одушевляется и начинает плясать и прыгать. После надлежащих приготовлений ложка, которую держали две женщины, начала вздрагивать и заплясала в такт с песней, которую пели дети и женщины вокруг. То было преглупое зрелище; однако м-р Лиск настаивает на том, что многие малайцы верят в одухотворенность движений ложки. Пляска началась только с восходом луны, а его и в самом деле стоило дождаться, чтобы увидеть светлый диск, так спокойно сиявший сквозь листья кокосовых пальм, колеблемых вечерним ветерком. Тропические пейзажи сами по себе до того восхитительны, что почти не уступают наиболее дорогим нашему сердцу родным картинам, к которым мы привязаны всеми нашими лучшими чувствами.

На следующий день я занялся изучением очень интересного и вместе с тем простого строения и происхождения этих островов.

Вода была необыкновенно спокойна, и я пошел вброд по наружному массиву отмершей породы до самых холмов из живых кораллов, о которые разбивается зыбь открытого моря. В некоторых лощинах и впадинах я видел красивых рыб зеленого и других цветов, а форма и тона многочисленных зоофитов были просто восхитительны. Простительно прийти в восторг от несметного множества живых существ, которыми кишит море в тропиках, вообще столь обильных жизнью; но, должен сознаться, те натуралисты, которые в столь известных словах описывают подводные гроты, сверкающие тысячами красот, по-моему, злоупотребляют цветистыми выражениями.

6 апреля. — Я сопровождал капитана Фиц-Роя на остров, лежащий в верхнем конце лагуны; канал был чрезвычайно запутан и извивался среди целых полей тонковетвистых кораллов. Мы увидели несколько морских черепах; две лодки занимались в это время их ловлей. Вода до того прозрачна и лагуна так мелка, что хотя черепаха, быстро ныряя, уходит из виду, но челнок или лодка под парусом после не очень долгого преследования настигают ее. В этот миг человек, стоящий наготове на носу, бросается в воду на спину черепахи, а затем, уцепившись обеими руками за панцирь у шеи животного, дает ему тащить себя, пока оно не выбьется из сил, — и тогда оно поймано. Весьма любопытно было следить за этой охотой: лодки обгоняли одна другую, а люди бросались головой вперед в воду, стараясь схватить добычу. Капитан Морсби сообщает мне, что на архипелаге Чагос в том же океане туземцы снимают щит со спины морской черепахи следующим жестоким способом: «Ее засыпают горящим древесным углем, отчего наружный щит скручивается кверху; после этого щит отделяют ножом и, не давая ему остыть, выравнивают, поместив между двумя досками. После такой варварской операции животное выпускают обратно в его родную стихию, где у него через некоторое время образуется новый щит, который, однако, слишком тонок, чтобы приносить какую-нибудь пользу, и животное, надо думать, навсегда остается слабым и болезненным».

Добравшись до верхнего конца лагуны, мы пересекли узкий островок и увидели мощный прибой, разбивающийся о наветренный берег. Я вряд ли сумею объяснить почему, но вид внешних берегов этих лагунных островов всегда представляется мне исполненным величия. Все кажется таким простым: играющий роль барьера пляж, кайма зеленых кустарников и высоких кокосовых пальм, сплошной массив мертвой коралловой породы, усеянный там и сям отдельными громадными обломками, полоса страшных бурунов, — и все это тянется вправо и влево, загибаясь по кругу. Океан, перебрасывающий свои воды через широкий риф, кажется неодолимым, всесокрушающим противником; и все же, как мы видим, ему можно сопротивляться и даже наступать на него средствами, которые на первый взгляд представляются чрезвычайно слабыми и непригодными. Не то чтобы океан щадил коралловую породу: огромные обломки, разбросанные по рифу и громоздящиеся на пляже, где растут высокие кокосовые пальмы, ясно говорят о неумолимой мощи волн. Море не дает передышки. Мертвая зыбь, вызываемая слабым, но постоянным действием пассата, всегда дующего в одном направлении над обширной областью, порождает буруны, по силе своей почти не уступающие тем, какие свирепствуют в шторм в странах умеренного климата, но никогда не прекращающие бушевать. Глядя на эти волны, поневоле приходишь к убеждению, что остров, пусть даже построенный из самой твердой породы, — будь то порфир, гранит или кварц, — в конце концов, должен был бы уступить и быть сметенным этой непреодолимой силой. А между тем этим ничтожным низким коралловым островкам удается устоять и одержать победу, ибо в споре тут принимает участие другая противодействующая сила. Органические силы выделяют из пенящихся бурунов, один за другим, атомы углекислого кальция и сочетают их в симметричных образованиях. Пусть ураган раздирает их на тысячи огромных обломков; что это значит по сравнению с совокупным трудом мириадов строителей, работающих день и ночь из месяца в месяц? И вот мы видим, как мягкое и студенистое тело полипа в силу законов органической жизни побеждает

великую механическую мощь океанских волн, которой не в состоянии сопротивляться ни человеческое искусство, ни неодушевленные произведения природы.

Мы вернулись на корабль только поздно вечером, ибо долго оставались в лагуне, осматривая коралловые поля и гигантских моллюсков Ghama; если положить руку в раковину такого моллюска, то ее нельзя будет вынуть, пока животное еще живо. Близ верхнего конца лагуны я с немалым удивлением обнаружил обширное пространство, значительно больше квадратной мили, покрытое целым лесом тонковетвистых кораллов, которые стояли прямо, но все отмерли и были повреждены. Сначала я никак не мог понять, в чем тут дело, но потом мне пришло в голову, что это происходит от следующего довольно странного стечения обстоятельств. Впрочем, прежде всего, нужно заметить, что кораллы не в состоянии даже короткое время жить на воздухе под солнечными лучами, так что верхняя граница их роста определяется нижним уровнем воды при отливе. Из старых карт явствует, что длинный остров, лежащий с наветренной стороны, был когда-то отделен от некоторых островов широкими каналами; на этот факт указывает также то обстоятельство, что в этих местах деревья моложе.

При прежнем состоянии рифа сильный ветер, перебрасывая через барьер больше воды, стремился повысить уровень лагуны. Теперь же ветер действует прямо противоположным образом: вода в лагуне не только не поднимается течениями, приходящими снаружи, но ее самое гонит наружу силой ветра. Поэтому можно наблюдать, что около верхнего конца лагуны прилив во время сильного ветра не так высок, как тогда, когда тихо. Эта-то разница в уровне, хотя она, без сомнения, очень мала, и вызвала, как я полагаю, отмирание коралловых зарослей, которые при прежнем состоянии наружного рифа — когда тот был более открыт — достигли максимально возможного предела своего роста вверх.

В нескольких милях севернее Килинга находится другой маленький атолл, лагуна которого почти вся забита коралловым илом. В этом конгломерате, на внешнем берегу, капитан Росс нашел хорошо окатанный обломок зеленокаменной породы, несколько больше человеческой головы; он и люди, которые с ним были, до того изумились, что захватили камень с собой и сохранили как диковинку. Находка этого единственного камня в таком месте, где любая другая частица принадлежит к известковому веществу, безусловно, приводит в крайнее недоумение. Остров этот едва ли посещали когда-нибудь раньше, невероятно также, чтобы там потерпел крушение корабль. За отсутствием лучшего объяснения я пришел к заключению, что камень добрался туда, запутавшись в корнях какого-нибудь большого дерева; но когда я учел, как велико расстояние от ближайшей земли, а также сколько найдется возражений против такого стечения обстоятельств, чтобы камень запутался в корнях, дерево смыло в море, далеко унесло, потом благополучно выбросило на землю, и, наконец, чтобы камень лег таким образом, что его легко можно было заметить, — то чуть ли не испугался, вообразив себе столь явно невероятный путь переноса. Поэтому я с особым интересом обнаружил, что Шамиссо, этот поистине замечательный натуралист, сопровождавший Коцебу, утверждает, что жители архипелага Радак, группы лагунных островов посредине Тихого океана, для того чтобы оттачивать свои орудия, пользуются камнями, которые отыскивают в корнях деревьев, выбрасываемых на берег. Очевидно, это должно было случаться не раз, потому что установлены законы, согласно которым такие камни принадлежат вождю, и на всякого, кто покусится их украсть, налагается наказание. Если принять во внимание обособленное положение этих маленьких островов среди необъятного океана; их огромную удаленность от какой бы то ни было земли, если не считать других коралловых образований, — о чем свидетельствует та ценность, какую придают жители, столь смелые мореплаватели, всякого рода камням; наконец, медленность течений в открытом море, — если все это учесть, то находка перенесенных таким путем голышей кажется удивительной. Возможно, что камни часто переносятся таким образом» и если остров, на который их выбрасывает, сложен не кораллом, а каким-нибудь другим веществом, то они вряд ли привлекают внимание, и об их происхождении по крайней мере никто не догадается. Кроме того, явление это может долго

оставаться незамеченным, оттого что деревья, особенно те, что нагружены камнями, плавают, вероятно, под поверхностью. В каналах Огненной Земли на берег выбрасывает громадное количество плавучего леса, но увидеть дерево, плавающее на воде, можно лишь крайне редко. Возможно, что эти факты могут пролить свет на причины появления одиночных камней, угловатых или окатанных, которые иногда находят в тонкоосадочных массивах.

В другой раз я посетил островок Западный, где растительность была, быть может, пышнее, чем на всех других. Кокосовые пальмы обыкновенно растут раздельно, но тут молодые деревья росли под сенью своих взрослых родителей, и их длинные изогнутые листья образовали как бы беседки, дающие необыкновенно густую тень. Только тот, кто сам это испытал, знает, как восхитительно сидеть в такой тени и пить приятную прохладную жидкость из кокосового ореха. На этом острове есть одно большое пространство вроде бухты, образованное тончайшим белым песком; оно совершенно ровно и во время прилива едва покрывается водой; от этой большой бухты в окружающие леса вдаются узкие заливы меньших размеров. Поле ослепительно белого песка, как бы играющего здесь роль воды, и кокосовые пальмы, простирающие свои высокие, качающиеся стволы вокруг него, составляли своеобразную и красивую картину.

Я уже упоминал выше о крабе, который питается кокосовыми орехами; он весьма часто встречается повсюду на суше, достигая чудовищных размеров, и очень близок к Birgos latro или даже тождествен с ним. Передняя пара ног оканчивается очень сильными и тяжелыми клешнями, а задняя пара снабжена другими, которые слабее и гораздо уже. На первый взгляд представляется совершенно невозможным, чтобы краб мог открыть крепкий кокосовый орех, покрытый оболочкой, но м-р Лиск уверял меня, что не раз сам видел, как это происходило. Краб начинает раздирать оболочку, волокно за волокном, всегда с того конца, под которым расположены три глазка; покончив с этим делом, краб начинает бить своими тяжелыми клешнями по одному из глазков, пока не получится отверстие. Затем, повернувшись кругом, он при помощи задней, узкой пары клешней извлекает из ореха белое белковое вещество. Мне кажется, это самое странное, о каком я только слыхал, проявление инстинкта, а также приспособленности друг к другу в строении таких двух организмов, как краб и кокосовая пальма, явно столь отдаленных один от другого в системе природы. Birgos по своим привычкам животное дневное; но каждую ночь он, говорят, посещает море, без сомнения, для того, чтобы увлажнить свои жабры. На берегу же вылупляются из яиц и живут некоторое время молодые крабы. Эти крабы живут в глубоких норах, которые вырывают себе под корнями деревьев; там они собирают в поразительных количествах волокно с оболочки кокосовых орехов и лежат на нем, как на постели. Малайцы иногда пользуются этим и собирают волокнистую массу, употребляя ее как паклю. Крабы эти очень вкусны; кроме того, у крупных экземпляров под хвостом находят большое количество жира, который, будучи вытоплен, дает иногда целую кварту [свыше 2 л] прозрачного масла. Некоторые авторы утверждают, будто Birgos вползает на кокосовые пальмы, чтобы воровать орехи. Я сильно сомневаюсь в возможности этого факта; но что касается Pandanus, то тут задача была бы гораздо легче. М-р Лиск говорил мне, что на этих островах Birgos питается только теми орехами, которые падают на землю.

Капитан Морсби сообщает мне, что этот краб живет на островах Чагос и Сейшельских, но его нет на соседнем Мальдивском архипелаге. Когда-то он в изобилии водился на Маврикии, но теперь там встречается только несколько мелких крабов. В Тихом океане этот вид или вид с очень сходным образом жизни живет, как говорят, на одном коралловом острове к северу от островов Товарищества.

Чтобы показать, как поразительна сила передней пары его клешней, могу заметить, что капитан Морсби посадил одного такого краба в крепкую жестянку из-под бисквитов и крышку привязал проволокой, но краб отогнул край жестянки и бежал. Отгибая края, он пробил в жести насквозь много маленьких дырочек!

Я немало удивился, обнаружив, что два вида кораллов из рода Millepora (M.

complanata и albicornis) обладают способностью обжигать. Каменистые ветви или пластинки, будучи только что вынуты из воды, на ощупь жестки и не слизисты, хотя издают резкий и неприятный запах. Свойство обжигать, по-видимому, различно у различных экземпляров; когда я прижимал кусок к нежной коже на лице иль на руке или же тер им те же места, то это вызывало обыкновенно какое-то колющее ощущение, наступавшее через секунду и длившееся всего несколько минут. Впрочем, однажды я только коснулся лицом одной из веток, и мне тотчас же стало больно, боль усилилась, как обычно, через несколько секунд и, сохранив свою остроту в течение нескольких минут, чувствовалась еще полчаса спустя. Ощущение было так же неприятно, как от ожога крапивой, но больше походило на то, какое вызывает Physalia, или португальская галера. На нежной коже руки возникли красные пятнышки, которые имели такой вид, как будто вот-вот появятся водяные пузырьки, но они не появились. Об этом свойстве Millepora упоминает г-н Куа; кроме того, я слыхал о жгучих кораллах, встречающихся в Вест-Индии. Этой способностью обжигать обладают, очевидно, многие морские животные, не говоря уже о португальской талере, многих медузах и Aplysia, или морской улитке, с островов Зеленого Мыса; в описании путешествия «Астролябии» говорится о том, что и актиния, или морской анемон, и одна гибкая кораллина, близкая к Sertularia, владеют этим средством нападения или защиты. В Южно-Китайском море, говорят, была найдена одна обжигающая водоросль.

Два вида рыб из рода Scaras, часто встречающиеся здесь, питаются исключительно кораллами обе рыбы окрашены в великолепный голубовато-зеленый цвет, и одна живет всегда в лагуне, а другая — среди внешних бурунов. М-р Лиск уверял нас, что не раз видел, как целые стаи их объедали своими сильными костными челюстями верхушки коралловых ветвей; я вскрыл внутренности нескольких из этих рыб и нашел их наполненными желтоватым известково-песчаным илом. Отвратительные слизистые голотурии (родственные нашим морским звездам), которых так любят китайские гурманы, также (как сообщил мне д-р Аллен) едят много кораллов, а костный аппарат внутри их тела, по-видимому, хорошо приспособлен для этой цели. Эти голотурии, рыбы, многочисленные сверлящие моллюски и нереиды, пробуравливающие каждую глыбу отмершего коралла, являются, должно быть, очень действенным фактором в образовании тонкого белого ила, который лежит на дне и по берегам лагуны. Впрочем, профессор Эренберг нашел, что одна порция этого ила, которая, будучи влажной, поразительно напоминала толченый мел, состояла частично из инфузорий с кремнистыми раковинками.

12 апреля. — Утром мы вышли из лагуны и направились к острову Иль-де-Франс. Я рад, что мы побывали на этих островах [Килинг]: подобные образования, несомненно, занимают не последнее место среди изумительных явлений природы. Капитан Фиц-Рой не достал дна линем в 7200 футов длины на расстоянии всего 2200 ярдов от берега; значит, этот остров образует высокую подводную гору со склонами еще более крутыми, чем у самых обрывистых вулканических конусов. Блюдцевидная вершина имеет почти 10 миль в поперечнике, и каждый отдельный атом — как в мельчайшей частице, так и в самом большом обломке породы — в этой громаде, которая, однако, мала по сравнению с очень многими другими лагунными островами, носит на себе печать органического строения. Мы испытывали изумление, когда путешественники рассказывали нам об огромных размерах пирамид и других великих развалин, но до чего ничтожны величайшие из них по сравнению с этими каменными горами, представляющими собой результат совокупной деятельности различных крохотных и нежных животных! Это — чудо, которое поначалу нисколько не поражает нашего физического зрения, но по некотором размышлении изумляет умственный взор.

Я дам теперь самое краткое описание трех больших типов коралловых рифов, а именно атоллов, барьерных рифов и окаймляющих рифов, и изложу мои взгляды на их образование. Почти каждый путешественник, плававший через Тихий океан, выражает свое безграничное удивление перед лагунными островами, или, как я буду называть их в дальнейшем по их индийскому названию, атоллами, и пытается как-нибудь объяснить их происхождение. Еще в 1605 г. Пирар де Л аваль

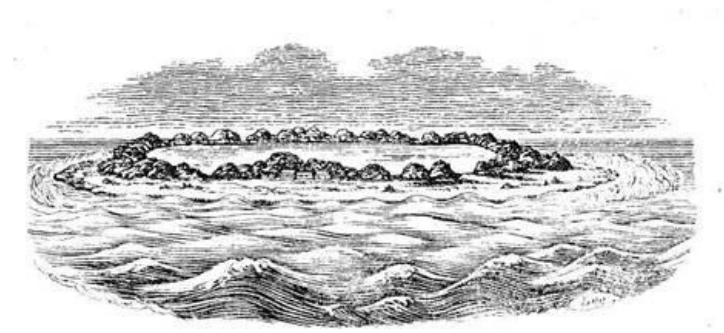
справедливо восклицал: «Дивное зрелище представляет собой каждый из этих маленьких атоллов, окруженный со всех сторон большой каменной грядой, и притом без всякого участия человеческого искусства».

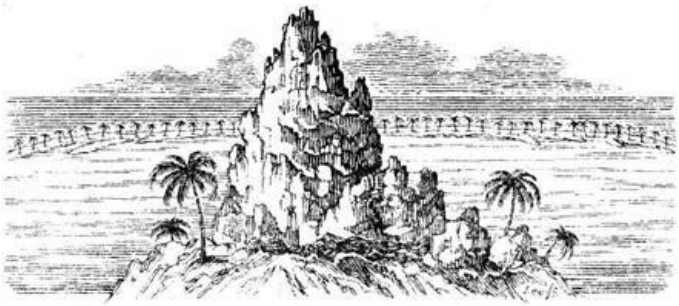
Приведенный рисунок острова Троицы в Тихом океане, заимствованный из превосходного описания путешествия капитана Бичи, дает лишь слабое понятие о своеобразном виде атолла; это один из самых маленьких атоллов, и узкие его островки соединены в сплошное кольцо. Необъятность океана и ярость бурунов, представляющие такой контраст с низменной сушей и спокойной ярко-зеленой водой в лагуне, — все это едва ли может вообразить себе тот, кто не видал этого собственными глазами.

В старину путешественники предполагали, будто животные, строящие коралловые рифы, инстинктивно возводят их огромным кругом для того, чтобы найти себе убежище во внутренней его части; но этот взгляд очень далек от истины, ибо, наоборот, те массивные формы, с ростом которых на открытых наружных берегах связано самое существование рифов, не могут жить внутри лагуны, где процветают другие, тонковетвистые, формы. Кроме того, эта точка зрения предполагает, что многочисленные виды различных родов и семейств должны объединяться ради общей цели, а во всей природе нельзя отыскать ни одного примера такого объединения. Всего более распространена теория, согласно которой атоллы строятся на подводных кратерах; но если принять во внимание форму и размеры одних атоллов, численность, близость и относительное расположение других, то эта мысль утрачивает свое правдоподобие; так, атолл Суадива в одном направлении имеет в поперечнике 44 географические мили, а в другом — 34 мили; атолл Римского имеет 54 мили в длину и 20 миль в ширину и отличается странными извилистыми очертаниями; атолл Боу имеет в длину 30 миль, а в ширину в среднем — всего 6 миль; атолл Меньшикова состоит из трех атоллов, соединенных или связанных между собой. Кроме того, эта теория вообще неприменима к северным Мальдивским атоллам в Индийском океане (один из которых имеет 88 миль в длину и от 10 до 20 в ширину), ибо они ограничены подобно обычным атоллам не узкими рифами, а громадным количеством отдельных маленьких атоллов, причем из больших лагунообразных пространств посредине поднимаются еще другие маленькие атоллы. Третья и лучшая теория была выдвинута Шамиссо, который полагал, будто оттого, что кораллы растут сильнее там, где они обращены к открытому морю, — а это, несомненно, так и есть, — внешние края поднимаются с общего основания раньше всех других частей, и этим объясняется кольцевое или чашеобразное строение. Однако мы вскоре увидим, что эта теория, равно как и теория кратеров, упускает из виду самое важное соображение, а именно: на каком основании возводят свои массивные постройки рифообразующие кораллы, которые не могут жить на большой глубине?

Капитан Фиц-Рой произвел тщательные и многочисленные промеры глубины у крутого внешнего берега атолла Килинг, и оказалось, что на глубине до 10 фатомов на сале, прикрепленном с нижней стороны лота, неизменно получались отпечатки живых кораллов, но оно оставалось таким же чистым, как будто его опускали на ковер из травы; с увеличением глубины отпечатков оказывалось все меньше, а песчинок приставало все больше и больше, пока не становилось, наконец, очевидным, что дно состоит из ровного слоя песка; продолжая аналогию с травой, можно сказать, что былинки росли все реже и реже, пока, наконец, почва не становилась до того бесплодной, что на ней уже ничего не произрастало. На основании этих наблюдений, подтверждаемых многими другими, можно с уверенностью считать, что наибольшая глубина, на которой кораллы могут возводить рифы, лежит между 20 и 30 фатомами. Между тем в Тихом и Индийском океанах есть огромные области, где острова все до единого коралловой формации и возвышаются до той высоты, на какую волны могут забрасывать обломки, а ветры — наносить песок. Так, Радакская группа атоллов представляет собой неправильный четырехугольник длиной в 520 миль и шириной в 240. Низменный архипелаг имеет форму эллипса с большой осью в 840 миль и малой в 420; между этими двумя архипелагами лежат еще маленькие группы и одиночные низменные острова, образуя в океане вытянутой формы область — длиной более 4000 миль, —

в пределах которой ни один остров не превышает некоторой определенной высоты. Далее, в Индийском океане есть область длиной в 1500 миль, заключающая в себе три архипелага, где каждый остров — низменный и образован кораллами. Так как рифообразующие кораллы не живут на больших глубинах, нет ни малейшего сомнения в том, что повсюду на этих огромных пространствах, где только находится теперь атолл, должно было первоначально существовать основание на глубине не больше 20–30 фатомов от поверхности. В высшей степени невероятно, чтобы широкие, высокие, обособленные, с крутыми склонами осадочные отмели, образующие группы и цепи в сотни лье длиной, могли образоваться в центральных, самых глубоких местах Тихого и Индийского океанов, на огромном расстоянии от материков и там, где вода к тому же совершенно прозрачна. В равной степени невероятно, чтобы благодаря работе подъемлющих сил на всех этих упомянутых выше громадных пространствах поднялись бесчисленные большие скалистые отмели до глубины не более 20–30 фатомов, т. е. 120–180 футов от уровня моря, и ни одна не поднялась выше уровня моря; ибо где же на всей поверхности земного шара мы найдем хоть одну горную цепь даже в несколько сот миль длиной, у которой многие вершины поднимались бы не более чем на несколько футов над некоторым уровнем, но ни один пик — выше этого? Но если основания, с которых начинают свой рост кораллы, строящие атоллы, не образовались из осадочных пород и если они не поднимались до необходимого уровня, то они обязательно должны были опуститься до этого уровня — а это сразу же разрешает трудность. Ибо по мере того как гора вслед за горой, остров вслед за островом медленно погружались под воду, постепенно появлялись все новые фундаменты, на которых могли расти кораллы. Здесь невозможно входить во все необходимые подробности, но я рискну предложить кому-нибудь объяснить как-либо иначе, как могло случиться, чтобы эти многочисленные острова оказались распределенными по громадным пространствам и все острова оказались низменными и построенными кораллами, безусловно нуждающимися в каком-нибудь фундаменте в пределах некоторой ограниченной глубины под поверхностью.





Прежде чем заняться объяснением, каким образом атоллообразные рифы приобретают свое характерное строение, нам придется обратиться ко второму большому типу, а именно барьерным рифам. Эти рифы либо тянутся прямой линией перед берегами какого-нибудь материка или большого острова, либо

окружают мелкие острова; и в том и в другом случае они отделены от земли широким и довольно глубоким водным каналом, аналогичным лагуне внутри атолла. Удивительно, как мало внимания уделяли окружающим барьерным рифам, а между тем их строение поистине удивительно. Приведенный рисунок изображает часть барьера, окружающего остров Болабола в Тихом океане, в том виде, как он представляется с одного из центральных пиков. Здесь вся линия рифа обратилась в сушу, но темные вздымающиеся воды океана обыкновенно отделяются от светло-зеленого пространства лагунного канала белоснежной полосой больших бурунов, посреди которой лишь кое-где виден какой- нибудь одинокий островок с кокосовыми пальмами на нем; спокойные воды канала обыкновенно омывают полосу низменной аллювиальной почвы, обремененной прекраснейшими произведениями тропиков и лежащей у подножия диких и обрывистых центральных гор.

Окружающие барьерные рифы бывают самых разнообразных размеров, по крайней мере от 3 миль до 44 миль в диаметре, а тот риф, что тянется по одной стороне Новой Каледонии и охватывает обе оконечности этого острова, имеет 400 миль в длину. Каждый риф охватывает один, два или несколько скалистых островов различной высоты, а в одном случае даже 12 отдельных островов. Риф проходит на большем или меньшем расстоянии от охватываемой им суши; так, в архипелаге Товарищества он отстоит по большей части на расстоянии от 1 до 3–4 миль, зато на Хоголеу проходит к югу от охватываемых островов за 20 миль, а с противоположной стороны, т. е. к северу, — за 14 миль. Глубина лагунного канала также сильно колеблется, в среднем, можно считать, от 10 до 30 фатомов; но на Ваникоро есть места не менее чем в 56 фатомов, т. е. 336 футов, глубиной. С внутренней стороны риф либо полого опускается в лагунный канал, либо заканчивается отвесной стеной, иногда от 200 до 300 футов в вышину под водой; с внешней стороны этот риф подобно атоллу чрезвычайно круто поднимается из бездонных глубин океана. Что может быть своеобразнее этих образований? Перед нами остров, который можно сравнить с замком, расположенным на вершине высокой подводной горы и защищенным громадной стеной коралловой породы, всегда крутой с наружной стороны, а иногда и с внутренней, оканчивающейся широким плоским гребнем, и там и сям пробитой узкими воротами, через которые самые большие корабли могут входить в широкий и глубокий наполненный водой ров, окружающий остров.

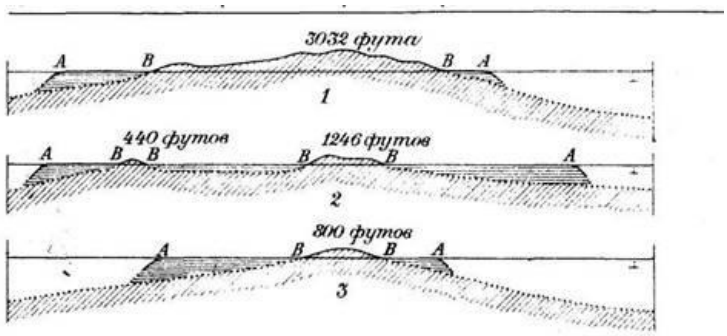
Если говорить о самом коралловом рифе, то между барьером и атоллом нет ни малейшей разницы — ни в общих размерах, ни в очертании, ни в группировке, ни даже в самых незначительных деталях строения. Географ Бальби справедливо замечает, что окруженный рифом остров — это атолл с возвышенностью, поднимающейся из его лагуны; стоит только изнутри убрать землю, и останется самый настоящий атолл.

Но отчего же эти рифы вырастают на таком большом расстоянии от берегов охватываемых ими островов? Нельзя думать, что кораллы не могут расти близко от суши, потому что берега внутри лагунного канала, не покрытые аллювиальной почвой, часто бывают окаймлены живыми рифами, а мы сейчас увидим, что существует даже особый тип рифов, которые я назвал окаймляющими за их тесную связь с берегами, и у континентов, и у островов. Далее, на чем эти рифообразующие кораллы, которые не могут жить на больших глубинах, возводят свои охватывающие сооружения? Ясно, что тут возникает большое затруднение, аналогичное тому, которое встает и в отношении атоллов, и обычно упускаемое из виду. Все это станет понятнее из следующих рисунков, изображающих действительные разрезы, проведенные в направлении с севера на юг, островов Ваникоро, Гамбье и Мауруа с их барьерными рифами; все они вычерчены в одном и том же масштабе по вертикали и горизонтали, а именно — в одном дюйме одна миля.

Следует заметить, что сечения — через эти ли острова или же через многие другие окруженные острова — можно было бы взять в любом направлении и общий характер их остался бы тем же. Если учесть теперь, что рифообразующие кораллы

не могут жить на глубине, превышающей 20–30 фатомов, и что масштаб настолько мал, что лоты, показанные справа, отмечают глубину 200 фатомов, то уместно поставить вопрос: на каком основании возведены эти барьерные рифы? Можно ли предположить, что каждый остров окружен, словно ошейником, подводной каменной грядой или большой осадочной отмелью, круто обрывающейся в том месте, где кончается риф? Если бы некогда, пока острова еще не были защищены рифами, море глубоко вдавалось в их берега, оставляя вокруг них под водой неглубокую отмель, то нынешние берега были бы неизменно ограничены высокими обрывами; но это бывает крайне редко. Кроме того, исходя из этих соображений невозможно объяснить, почему кораллы поднимаются, как стена, от самого наружного края отмели, часто оставляя внутри обширное пространство воды, слишком глубокой для развития кораллов. Постепенное образование из осадков обширной отмели, полностью окружающей эти острова и обыкновенно тем более широкой, чем меньше охватываемые острова, в высшей степени невероятно, если принять во внимание их открытое положение в центральных и самых глубоких областях океана. Что касается барьерного рифа Новой Каледонии, простирающегося на 150 миль за северную оконечность острова по той же прямой линии, по какой он проходит у западного берега, то вряд ли можно поверить, чтобы у высокого острова могла образоваться столь прямолинейная осадочная отмель, уходящая к тому же так далеко за его оконечность в открытое море. Наконец, если мы посмотрим на другие океанические острова примерно той же высоты и сходного геологического строения, но не окруженные коралловыми рифами, то напрасно будем искать вокруг них такой незначительной глубины, как 30 фатомов, разве что у самых берегов; ибо суша, круто поднимающаяся из воды, как и обстоит дело с большинством окруженных и неокруженных океанических островов, так же круто обычно уходит под воду. На чем же, повторяю я, возведены эти барьерные рифы? Почему отстоят они так далеко от охватываемой ими земли, образуя широкие и глубокие, напоминающие рвы каналы? Вскоре мы увидим, как легко разрешаются все эти трудности.

.



1. Ваникоро.

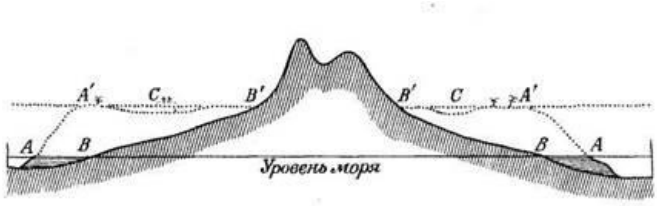
2. Острова Гамбье

3. Мауруа

Горизонтальной штриховкой обозначены барьерные рифы и лагунные каналы. Косой штриховкой над уровнем моря (ВВ) обозначены современные очертания суши; той же штриховкой под линией уровня моря показано вероятное продолжение суши под водой

Перейдем теперь к третьему типу — окаймляющим рифам, о котором достаточно сказать лишь очень немного. В тех местах, где суша круто уходит под воду, эти рифы имеют всего несколько ярдов в ширину, образуя лишь как бы ленту или

кайму вокруг берегов; там же, где грунт имеет небольшой наклон под водой, риф простирается дальше, иногда даже на целую милю от суши, однако в таких случаях промеры глубины у наружного края рифа всегда показывают, что подводное продолжение суши имеет небольшой наклон. В действительности рифы уходят лишь на такое расстояние от берега, до какого существует некоторое основание в пределах необходимой глубины от 20 до 30 фатомов. Поскольку речь идет о самом рифе, то нет никакой существенной разницы между рифом этого типа и тем, который образует барьер или атолл; впрочем, этот риф обыкновенно не так широк, и потому на нем образуется немного островков. Из-за того что кораллы сильнее растут на внешней стороне, а также из-за пагубного влияния осадка, наносимого водой на внутреннюю сторону, наружный край рифа оказывается всего выше, и между ним и землей обыкновенно имеется мелкий песчаный канал в несколько футов глубиной. Там, где близко к поверхности накопляются осадочные отмели, как, например, кое-где в Вест-Индии, они иногда окаймляются кораллами и потому до некоторой степени походят на лагунные острова, или атоллы, — точно так же, как окаймляющие рифы вокруг островов с пологими берегами до некоторой степени походят на барьерные рифы.

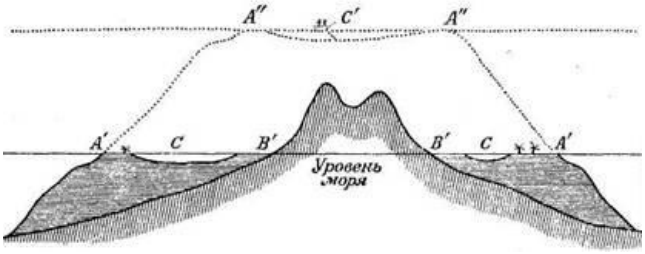


АА — наружные края окаймляющего рифа на уровне моря. ВВ — берега окаймляющего острова. Л А — наружные края рифа, превратившегося после роста рифа вверх в течение периода опускания в барьер с островками на нем. В'В' — берега ныне окруженного рифом острова. СС — лагунный канал.

Примечание.*На этом и следующем рисунках опускание суши пришлось показать мнимым поднятием уровня моря*

Ни одну теорию образования коралловых рифов нельзя признать удовлетворительной, если она не охватывает всех трех больших типов. Как мы видели, нам пришлось признать опускание громадных пространств, по которым разбросаны низменные острова, из коих ни один не превышает той черты, до какой ветры и волны могут наносить твердое вещество, и все-таки построенные животными, которым необходим какой-нибудь фундамент, причем этот фундамент должен лежать на небольшой глубине. Возьмем теперь какой-нибудь остров, окруженный окаймляющими рифами, строение которых не доставляет никаких затруднений, и пусть этот остров вместе со своим рифом, изображенным на рисунке сплошной линией, медленно опускается. По мере того как остров опускается, — сразу ли на несколько футов или совершенно неощутимо, — живые массивы, омываемые прибоем на краю рифа, будут быстро достигать поверхности, — как мы можем с уверенностью заключить из того, что известно об условиях, благоприятствующих росту кораллов. Вода, однако, будет постепенно вторгаться на берег, остров будет становиться все ниже и меньше, а промежуток между внутренним краем рифа и берегом — соответственно шире. Разрез рифа и острова в этом состоянии, после погружения на несколько сот футов, показан пунктирной линией. Допустим, что на рифе уже образовались коралловые островки, а в лагунном канале стоит на якоре корабль. Этот канал будет более или менее глубоким в зависимости от степени опускания, от количества осадка, в нем скопившегося, и от разрастания тонковетвистых кораллов, могущих там жить. Разрез в этом состоянии во всех отношениях похож на разрез окруженного

острова; действительно, это разрез реально существующего острова Бола-бола в Тихом океане (в масштабе 1 миля в 0,517 дюйма). Теперь сразу же видно, почему окружающие барьерные рифы отстоят так далеко от берегов, перед которыми проходят. Понятно также, что линия, проведенная отвесно вниз от наружного края нового рифа к фундаменту коренной породы под старым окаймляющим рифом, будет превышать тот небольшой предел глубины, на которой могут жить деятельные кораллы, ровно на столько футов, на сколько футов произошло опускание: маленькие строители возводили свою громадную массивную стену, по мере того как все сооружение погружалось, на основании, образованном другими кораллами и их консолидированными обломками. Таким образом, трудность в этом вопросе, казавшаяся столь значительной, отпадает.



A'A' — наружные края барьерного рифа с островками на нем на уровне моря. B'B' — берега охваченного: рифом острова,

CC — лагунный канал. A" A" — наружные края рифа, ныне превратившегося в атолл. C1 — лагуна вновь образовавшегося атолла.

Примечание.*По отношению к истинным масштабам глубина лагунного канала и лагуны сильно преувеличена.*

Если вместо острова мы взяли бы берег материка, окаймленный рифами, и представили себе, что он опускается, то в результате получили бы, очевидно, громадный прямолинейный барьер, подобный тем, что проходят у берегов Австралии или Новой Каледонии, отделенный от земли широким и глубоким каналом.

Возьмем теперь наш новый окружающий барьерный риф, разрез которого изображен уже сплошной линией и который, как я уже говорил, представляет собой действительный разрез через Болаболу, и пусть он продолжает опускаться. По мере того как барьерный риф медленно погружается, кораллы будут продолжать интенсивно расти вверх; но по мере погружения острова вода будет пядь за пядью захватывать берег, и вот сперва отдельные горы образуют отдельные острова внутри одного большого рифа, а под конец исчезнет и последняя, самая высокая вершина. В тот миг, когда это произойдет, образуется самый настоящий атолл; как я уже говорил, стоит убрать возвышенность изнутри окружающего барьерного рифа, и останется атолл, — а тут эта земля убрана. Теперь понятно, каким образом атоллы, происходя из окружающих барьерных рифов, походят на них общими размерами, формой, характером группировки и расположением в одну или в две линии, ибо их можно назвать приблизительными контурными картами погрузившихся островов, над которыми они стоят. Далее мы видим, отчего атоллы в Тихом и Индийском океанах тянутся цепями, параллельными главному, преобладающему направлению высоких островов и больших береговых линий этих океанов. Поэтому я рискну утверждать, что с точки зрения теории роста кораллов вверх во время погружения суши просто объясняются все главные особенности тех чудесных сооружений, лагунных островов, или атоллов, которые так давно привлекают внимание путешественников, — равно как и не менее чудесных барьерных рифов, окружающих маленькие острова или тянущихся на сотни миль вдоль берегов материка.

Меня, может быть, спросят, могу ли я привести какое-нибудь непосредственное доказательство опускания барьерных рифов или атоллов; но не следует забывать, как трудно, должно быть, обнаружить движение, имеющее тенденцию скрывать под водой те места, которые ему подвергаются. Тем не менее на атолле Килинг я заметил, что старые кокосовые пальмы со всех сторон лагуны подмыты водой и падают, а в одном месте опорные столбы одного сарая, как уверяют жители, семь лет назад стоявшие немного выше уровня высокой воды, в настоящее время ежедневно омываются приливом; наведя справки, я выяснил, что за последние десять лет здесь ощущалось три землетрясения, из них одно сильное. На Ваникоро лагунный канал замечательно глубок, у подножия окруженных рифом высоких гор едва ли накопилась какая-нибудь аллювиальная почва, а нанесенные на стену барьерного рифа обломки и песок образовали поразительно мало островков; эти и еще некоторые аналогичные факты привели меня к убеждению, что остров этот опустился, а риф вырос вверх, должно быть, недавно; здесь тоже часто происходят очень сильные землетрясения. Наоборот, в архипелаге Товарищества, где лагунные каналы почти занесены, где накопилось много і низменной аллювиальной почвы и кое-где на барьерных рифах образовались удлиненные островки, все факты указывают на то, что эти острова в самое последнее время не опускались, — лишь изредка наблюдаются едва ощутимые толчки. В этих коралловых образованиях, где суша и вода борются, по-видимому, за господство, всегда, должно быть, трудно решить, что вызывается изменением приливных течений, а что незначительным опусканием; то обстоятельство, что многие из этих рифов и атоллов подвергаются каким-то изменениям, не оставляет никаких сомнений: на одних атоллах, по-видимому в недавний период, значительно выросли островки, на других они были частично или полностью смыты. Кое-где на Мальдивских островах жители знают дату первого появления некоторых островков; в иных местах кораллы в настоящее время процветают на смытых водой рифах, где ямы, вырытые для могил, свидетельствуют о том, что когда-то тут была обитаемая земля. Трудно поверить в частую перемену приливных течений в открытом океане; между тем землетрясения, сохранившиеся в памяти туземцев, на одних атоллах, и большие трещины, наблюдаемые на других атоллах, служат ясным доказательством изменений и возмущений, происходящих в подземных областях.

Из нашей теории явствует, что берега, только окаймленные рифами, не могли сколько-нибудь заметно опуститься, а потому они должны были либо оставаться неподвижными, либо подниматься в период роста своих кораллов. И в самом деле, замечательно, как — широко можно показать, обнаруживая присутствие поднятых органических остатков, что окаймленные острова были подняты; пока что это и есть косвенное доказательство в пользу нашей теории. Особенно поразило меня это обстоятельство, когда я, к своему удивлению, обнаружил, что описания, данные гг. Куа и Гэмаром, применимы не к рифам вообще, как они подразумевали, а только к рифам окаймляющего типа; однако удивление мое исчезло, когда впоследствии я узнал, что по странной случайности все те несколько островов, какие посетили эти выдающиеся натуралисты, можно, по их же собственным утверждениям, отнести к тем, которые поднялись в недавнюю геологическую эру.

Теория опускания объясняет не только важнейшие особенности строения барьерных рифов и атоллов и их сходство в форме, в размерах и в других чертах; эта теория, — которую мы все равно вынуждены принять в рассматриваемых нами областях вследствие необходимости найти фундаменты для кораллов в пределах требуемой глубины, — может также просто объяснить и многие подробности строения, и исключительные случаи. Приведу лишь несколько примеров. Уже давно с удивлением отмечали, что проходы в рифах расположены как раз напротив долин на охватываемой земле даже тогда, когда риф отделен от земли лагунным каналом, который до того широк и настолько глубже самого прохода, что почти не представляется возможным, чтобы очень малое количество воды или осадка, сносимое вниз, могло разрушить кораллы на рифе. А ведь в каждом рифе из типа окаймляющих пробиты узкие ворота напротив малейшего ручейка, пусть даже сухого в продолжение большей части года, так как ил, песок или гравий, смываемые иногда вниз, убивают кораллы, на которых они отлагаются. Поэтому, когда остров, окаймленный таким образом, будет опускаться, то хотя большая

часть этих узких ворот, вероятно, закроется вследствие роста кораллов наружу и вверх, но все те, что не закроются (осадки и загрязненная вода, стекающие из лагунного канала, непременно оставят открытыми некоторые из них), по-прежнему будут находиться как раз напротив верхней части тех долин, в устье которых был прорван первоначальный, лежащий в основании окаймляющий риф.

Теперь нетрудно увидеть, каким образом остров, перед которым проходят барьерные рифы — только ли по одной стороне его, или по одной стороне и огибая одну его оконечность, или же огибая обе оконечности одновременно, — мог после длительного опускания превратиться в одиночный, подобный стене риф, или в атолл, с выступающей из него большой правильной вершиной, или же в два или три атолла, связанные между собой прямолинейными рифами, — все эти исключительные случаи действительно встречаются. Так как рифообразующие кораллы нуждаются в пище, сами они служат пищей другим животным, гибнут от осадков, не в состоянии прикрепляться к рыхлому дну и легко могут быть унесены на такую глубину, откуда уже не в состоянии снова расти, то нам не приходится удивляться тому, что рифы и на атоллах, и в барьерах местами прерываются. Так, громадный барьер Новой Каледонии во многих местах разорван и разрушен; поэтому после длительного опускания этот громадный риф образовал не один большой атолл в 400 миль длиной, а цепь, или архипелаг, атоллов, почти совсем таких же размеров, как в Мальдивском архипелаге. Кроме того, весьма вероятно, что в однажды прорванном с противоположных сторон атолле океанские и приливные течения будут проходить прямо через эти бреши, а потому крайне невероятно, чтобы кораллы были когда-нибудь в состоянии снова соединить края прохода, особенно в процессе непрерывного опускания; но если этого не происходит, то по мере погружения один атолл распадается на два или большее число отдельных атоллов. В Мальдивском архипелаге есть отдельные атоллы, взаимное положение которых указывает на их тесную связь; они разделены каналами либо неизмеримой глубины, либо просто очень глубокими (канал между атоллами Росс и Ари имеет 150 фатомов в глубину, между северным и южным атоллами Нилланду- 200 фатомов), и, рассматривая их на карте, поневоле убеждаешься, что некогда они были связаны еще теснее. В том же архипелаге атолл Малос-Маду разделен разветвляющимся каналом глубиной от 100 до 132 фатомов таким образом, что почти невозможно решить, следует ли остров твердо считать тремя отдельными атоллами или же одним большим атоллом, еще не разделившимся окончательно.

Я не стану входить в дальнейшие подробности, но должен заметить, что своеобразное строение северных Мальдивских атоллов (принимая во внимание, что море свободно проходит через бреши в них) получает простое объяснение в факте роста вверх и наружу кораллов, первоначально опиравшихся на отдельные маленькие рифы в их лагунах, — как то происходит в обыкновенных атоллах, — и на разрушенные части вытянутого краевого рифа, такого, какой ограничивает все атоллы обычной формы. Не могу не отметить еще раз своеобразие этих сложных сооружений: большой, обыкновенно вогнутый песчаный диск круто поднимается из неизмеримых глубин океана; центральное пространство его сплошь усеяно, а края симметрично окаймлены овальными впадинами коралловой породы, лежащими у самой поверхности моря, иногда одетыми растительностью, и в каждой находится озеро прозрачной воды!

Рассмотрим подробнее еще один вопрос, поскольку известно, что из двух соседних архипелагов на одном кораллы процветают, а на другом наблюдается обратное явление, и поскольку на существование кораллов влияет столько факторов (уже перечисленных выше), то представлялось бы совершенно непонятным, если бы рифообразующие кораллы вечно продолжали свою жизнь в каком-нибудь месте или на каком-нибудь пространстве, тогда как земля, воздух и вода все время подвергались изменениям. А поскольку, согласно нашей теории, площади, заключающие в себе атоллы и барьерные рифы, опускаются, то иногда мы должны встречать рифы отмершие и вместе с тем затопленные.

У всех рифов подветренная сторона, куда направляются осадки, вымываемые водой

из лагуны или лагунного канала, наименее благоприятна для длительного энергичного роста кораллов, и потому с подветренной стороны рифа нередко встречаются отмершие участки, — все еще сохраняя правильную форму стены, они теперь кое-где уже погрузились под воду. На архипелаге Чагос в настоящее время по какой-то причине, возможно из-за слишком быстрого опускания, сложились обстоятельства, гораздо менее благоприятствующие росту рифов, нежели существовавшие прежде условия; так, часть краевого рифа одного атолла, имеющая 9 миль в длину, мертва и затоплена; на другом имеется лишь несколько совсем небольших живых участков, поднимающихся к поверхности; третий и четвертый полностью мертвы и затоплены; пятый — не что иное как обломок с почти изгладившимися чертами строения. Замечательно, что во всех этих случаях отмершие рифы и части рифов лежат почти на одной и той же глубине под поверхностью, а именно от 6 до 8 фатомов, — как будто опущенные вниз одним равномерным движением. Один из этих «полузатонувших атоллов», названных так капитаном Морсби (которому я обязан множеством неоценимых сведений), имеет огромные размеры — 90 морских миль в одном направлении и 70 миль в другом — и замечательно интересен во многих отношениях. Так как из нашей теории следует, что во всякой области опускания обыкновенно образуются новые атоллы, то против этой теории можно было бы выдвинуть два веских возражения: во-первых, что число атоллов должно было бы бесконечно возрастать, и, во-вторых, что в старых областях опускания каждый отдельный атолл должен был бы неограниченно расти в толщину, — если бы, однако, нельзя было привести доказательств, что они иногда разрушаются. Итак, мы проследили всю историю этих громадных колец коралловой породы, от их возникновения через все этапы их нормальных и случайных изменений вплоть до их отмирания и окончательного исчезновения.

К моему сочинению «Коралловые образования» я приложил карту, на которой раскрасил все атоллы темно-синим цветом, барьерные рифы — светло-синим, а окаймляющие рифы — красным. Эти последние образуются, пока суша неподвижна или — как то часто явствует из присутствия поднятых органических остатков — пока она медленно поднимается; наоборот, атоллы и барьерные рифы вырастают во время прямо противоположного движения — опускания, которое должно происходить крайне постепенно, а в случае атоллов совершаться в таких громадных размерах, чтобы скрыть под водой все горные вершины на огромных пространствах океана. Из этой карты со всей очевидностью мы видим, что рифы, окрашенные светло-синим и темно-синим и возникшие в результате движений одного и того же порядка, как правило, стоят один около другого. Далее, мы видим, что области, занятые рифами этих двух цветов, необыкновенно обширны и лежат в стороне от протяженных береговых линий, окрашенных красным; оба этих обстоятельства могут быть установлены в виде выводов, естественно вытекающих из теории, согласно которой характер рифов определяется характером движения земной коры. Достойно внимания, что в ряде случаев, там, где отдельные красные и синие кружки подходят близко друг к другу, происходили, как я могу показать, колебания уровня; ибо в таких случаях красные или окаймленные кружки обозначают атоллы, первоначально образовавшиеся, согласно нашей теории, во время опускания, но впоследствии поднятые, и, наоборот, некоторые светло-синие, т. е. окруженные, острова сложены коралловой породой, которая должна была быть поднята до ее настоящей высоты, прежде чем произошло то опускание, во время которого выросли вверх ныне существующие барьерные рифы.

Некоторые авторы с удивлением отмечают, что, хотя атоллы являются наиболее распространенными коралловыми сооружениями в некоторых громадных областях океана, они полностью отсутствуют в» других морях, например в Вест-Индии; теперь мы сразу же можем понять причину этого явления: атоллы не могут возникать там, где нет опускания, а что касается Вест-Индии и некоторых областей Ост-Индии, то эти пространства, как известно, продолжают в современный период подниматься. Все более обширные площади, покрытые красным и синим, имеют вытянутую форму, и между этими двумя красками существует известное чередование, как будто поднятие в одном месте уравновешивалось оседанием в другом. Принимая во внимание доказательства недавнего поднятия как

окаймленных берегов, так и некоторых других, где рифов нет (например, в Южной Америке), мы приходим к выводу, что большие материки являются преимущественно областями поднимающимися, а, судя по характеру коралловых рифов, центральные части великих океанов являются областями оседающими. Индонезийский архипелаг, самая раздробленная в мире суша, является в большей своей части областью поднятия, но он окружен и пронизан — и, вероятно, не в одном только направлении — узкими областями опускания.

Ярко-красными пятнышками я обозначил все известные многочисленные действующие вулканы, лежащие в пределах той же карты. Их полное отсутствие во всех крупных областях опускания, окрашенных светло-синим или темно-синим цветом, чрезвычайно поразительно; не менее разительно также совпадение главных вулканических цепей с местами, обозначенными красным, и это приводит нас к заключению, что они либо долго оставались неподвижными, либо — что еще чаще — недавно поднялись. Хотя на небольшом расстоянии от одиночных синих кружков встречается несколько ярко-красных пятнышек, но ни один действующий вулкан не расположен хотя бы за несколько сот миль от архипелага или даже небольшой группы атоллов. Тем более поразительно, что на архипелаге Дружбы, состоящем из группы атоллов, поднятых и затем частично разрушенных, в исторические времена действовало два вулкана, а может быть и больше. С другой стороны, хотя большая часть островов Тихого океана, окруженных барьерными рифами, вулканического происхождения и часто на них еще можно различить остатки кратеров, неизвестно, чтобы хоть один из них когда-нибудь действовал. Из всего этого вытекает, что, по-видимому, вулканы приходят в действие и угасают на одних и тех же местах в зависимости от того, преобладают ли там движения поднятия или опускания. Можно привести бесчисленные факты в доказательство того, что повсюду, где только есть действующие вулканы, часто попадаются поднятые органические остатки; но пока не будет показано, что в областях опускания вулканов совсем нет или же они бездействуют, до тех пор заключение, что их распределение зависит от поднятия или оседания земной поверхности, само по себе, впрочем, вероятное, будет рискованным. Теперь, однако, я полагаю, мы свободно можем допустить этот важный вывод.

Бросим последний взгляд на карту: припоминая все, что было сказано относительно поднятых органических остатков, мы невольно изумляемся обширности тех площадей, уровень которых колебался вверх или вниз в период геологически не очень отдаленный. Кроме того, движения поднятия и опускания следуют, по-видимому, почти одним и тем же законам. На всех тех пространствах, усеянных атоллами, где над уровнем моря не осталось ни единой горной вершины, общая степень оседания была, должно быть, громадна по своим размерам. Кроме того, оседание, — происходило ли оно непрерывно или же периодически, с промежутками достаточно длительными, чтобы кораллы снова подвели свои живые сооружения к поверхности, — непременно должно было совершаться крайне медленно. Это заключение, вероятно, самое важное из тех, какие можно вывести из изучения коралловых образований, да и трудно себе представить, каким иным путем можно было прийти к нему. Я не могу также обойти молчанием вероятность существования в прежние времена больших архипелагов из высоких островов на тех местах, где ныне одни только кольца коралловых скал едва нарушают однообразие просторов открытого моря; это проливает некоторый свет и на распределение организмов на других высоких островах, которые все еще стоят на таком громадном расстоянии друг от друга среди великих океанов. Рифообразующие кораллы действительно воздвигли и сохранили чудесные памятники подземных колебаний уровня; в каждой барьерном рифе мы видим доказательство того, что суша в этом месте опускалась, а в каждом атолле-памятник, воздвигнутый над островом, ныне исчезнувшим. Таким образом, мы подобно геологу, который прожил десять тысяч лет и вел летопись происходивших изменений, можем заглянуть в тот великий план, по которому была разбита на части поверхность земного шара и чередовались между собой земля и вода.

Глава XXI ОТ МАВРИКИЯ ДО АНГЛИИ

Остров Маврикий, его красивый вид

Громадное кольцо гор, расположенных в виде кратера

Индусы

Остров св. Елены

История изменения растительности

Причина вымирания наземных моллюсков

Остров Вознесения

Изменение ввезенных крыс

Вулканические бомбы

Пласты инфузорий

Баия

Бразилия

Великолепие тропического пейзажа

Пернамбуку

Своеобразный риф

Рабство

Возвращение в Англию

Обзор нашего путешествия

29 апреля. — Утром мы обогнули северную оконечность острова Маврикий, или Иль-де-Франс. Открывшийся перед нами вид на остров вполне оправдал наши ожидания, возбужденные многочисленными известными описаниями его красот. На переднем плане раскинулась пологая равнина Панплемусс с разбросанными по ней домами; обширные плантации сахарного тростника окрашивали ее в ярко-зеленый цвет. Яркость зелени была тем более замечательна, что этот цвет бросается в глаза обыкновенно лишь с очень короткого расстояния. К центру острова над прекрасно возделанной равниной поднимались группы лесистых гор; их вершины, как то обыкновенно бывает с древними вулканическими породами, представляли собой ряд необычайно острых пиков. Вокруг этих вершин собирались массы белых облаков, словно для того, чтобы усладить взоры путешественника. Весь остров с его пологой "прибрежной полосой и горами в середине был полон какого-то безукоризненного изящества; пейзаж казался B3ODV гармоничным (если позволительно так выразиться).

Большую часть следующего дня я провел, гуляя по городу и посещая разных лиц. Город довольно велик и насчитывает, говорят, 20 тысяч жителей; улицы очень чистые и правильные. Несмотря на то что остров находится уже столько лет под английским управлением, общий характер его вполне французский; англичане обращаются к своим слугам по-французски, магазины все французские; мне даже кажется, что в Кале или Булони гораздо больше английского. Тут есть очень хорошенький маленький театр, где превосходно ставят оперы. Мы были удивлены также, увидев большие книжные магазины с богатым запасом книг на полках; музыка и книги свидетельствовали о нашем приближении к миру старой цивилизации, ибо и Австралия, и Америка — действительно Новый Свет.

Различные человеческие расы на улицах Порт-Луи были самым интересным зрелищем. Сюда пожизненно ссылают преступников из Индии; в настоящее время их около 800 человек, и они заняты на различных общественных работах. До тех пор пока я не видал этих людей, я не думал, что жители Индии так благородны на вид. Кожа у них чрезвычайно темная, а у многих стариков большие белоснежные усы и бороды; все это, вместе с воодушевлением, написанным на лицах придает им внушительный вид. Большая часть их была сослана за убийства и другие тяжкие преступления, но иные — по причинам, которые вряд ли можно считать проступками против морали, например за неповиновение английским законам вследствие религиозных предрассудков. Это люди большей частью смирные и хорошего поведения; их внешнее поведение, опрятность и строгое соблюдение своих странных религиозных обрядов не позволяли смотреть на них теми же глазами, что на наших жалких ссыльных в Новом Южном Уэльсе.

1 мая. — Воскресенье. Я предпринял прогулку вдоль берега моря к северу от города. Равнина в этой стороне совершенно не обработана; она представляет собой поле черной лавы, прикрытой грубой травой и кустарниками, главным образом мимозами. Пейзаж можно охарактеризовать как промежуточный по своему характеру между Галапагосскими островами и Таити; впрочем, это очень немногим внушит сколько-нибудь ясное представление. Страна очень приятна, но в ней нет ни прелести Таити, ни величия Бразилии. На следующий день я поднялся на Ла-Пус, гору, названную так из-за того, что она выступает подобно большому пальцу руки над самым городом, поднимаясь до 2600 футов.

Центральная часть острова состоит из большой платформы, окруженной старыми изломанными базальтовыми горами, которые сложены пластами, спускающимися по направлению к морю. Центральная платформа, образованная сравнительно недавними потоками лавы, имеет форму овала, малая ось которого составляет 13 географических миль. Внешние горы вокруг нее относятся к классу тех образований, называемых кратерами поднятия, которые, как полагают, возникли не так, как обычные кратеры, а в результате значительного и внезапного поднятия. Мне кажется, против такого взгляда можно выдвинуть неоспоримые возражения, но, с другой стороны, я едва могу поверить, что эти краевые, имеющие форму кратера горы как в этом, так и в других случаях не что иное, как остатки оснований громадных вулканов, вершины которых либо выветрились, либо были поглощены подземными безднами.

С нашей возвышенной позиции мы любовались чудесным видом на остров. Местность с этой стороны возделана как будто неплохо: земля разбита на отдельные поля, повсюду разбросаны фермы. Впрочем, меня уверяли, что до сих пор обрабатывается не больше половины всей земли; если это так, то, принимая в расчет, как велик уже теперь вывоз сахара, надо полагать, что когда-нибудь в будущем, когда этот остров будет густо населен, он приобретет большое значение. С тех пор как Англия вступила во владение островом, за какие-нибудь 25 лет вывоз сахара, говорят, возрос в 75 раз. Одной из важнейших причин процветания страны является превосходное состояние дорог. На соседнем острове Иль-де-Бурбон, оставшемся под французским управлением, дороги все в том же жалком состоянии, в каком были и здесь лишь несколько лет назад. Хотя французские резиденты должны были извлечь большую выгоду из возросшего благосостояния их острова, английское правительство здесь далеко не популярно.

3 мая. — Вечером капитан Ллойд, главный топограф, столь известный своими изысканиями на Панамском перешейке, пригласил м-ра Стокса и меня в свой загородный дом, расположенный на краю равнины Вильем, милях в шести от Порт-Луи. Мы провели в этом восхитительном месте два дня; оно лежит на высоте около 800 футов над уровнем моря, и воздух там был прохладен и свеж, а вокруг имелись чудесные места для прогулок. Тут же неподалеку находилась огромная лощина, прорытая водой до глубины около 500 футов в слегка наклонных потоках лавы, излившихся с центральной платформы.

5 мая. — Капитан Ллойд повел нас на Ривьер-Нуар [Черную реку] протекающую за несколько миль к югу, чтобы я мог осмотреть поднятые коралловые породы. Мы

проходили по прелестным садам и прекрасным плантациям сахарного тростника, растущего между огромными глыбами лавы. Дороги были окаймлены изгородями из мимоз, а возле многих домов проходили манговые, аллеи. Некоторые открывавшиеся нам виды, в которых сочетались одновременно остроконечные холмы и обработанные поля, были чрезвычайно живописны, и нам все время так и хотелось воскликнуть: «Как приятно, должно быть, провести жизнь в таком тихом месте!» У капитана Ллойда был свой слон, и он предоставил нам его на половину дороги, так что мы могли покататься на самый настоящий индусский манер. Больше всего меня поразила спокойная, бесшумная походка слона. Это единственный слон на острове, но, говорят, их туда вскоре привезут еще.

9 мая. — Мы отплыли из Порт-Луи, и, зайдя по пути на Мыс Доброй Надежды, 8 июля остановились у острова св. Елены. Этот остров, непривлекательный вид которого так часто описывают, круто встает из глубин океана подобно гигантскому черному замку. Как будто в дополнение к естественной защите, возле города каждую щель в причудливой формы скалах заполняют маленькие форты и пушки. Город раскинулся вверх по плоской узкой долине; дома имеют приличный вид, и между ними виднеются немногочисленные зеленые деревья. Когда мы подходили к якорной стоянке, перед нами открылась поразительная картина: неправильной формы замок, расположенный на самой вершине высокого холма и окруженный немногочисленными разбросанными пихтами, рельефно выступал на фоне небес.

На следующий день я поселился неподалеку от могилы Наполеона, на расстоянии не дальше полета брошенного рукой камня; 7- место это было расположено в самом центре, и отсюда я мог совершать экскурсии во все стороны. В течение тех четырех дней, что я ах пробыл здесь, я с утра до вечера бродил по острову и изучал его и- геологическую историю. Моя квартира была расположена на высоте,™ около 2 000 футов; погода здесь стояла холодная и бурная, постоянно шел сильный дождь, и время от времени вся местность скрывалась в густых облаках.

Поблизости от берега еще не сгладившаяся лава совершенно обнажена; в центральных, более высоких частях острова в результате разложения полевошпатовых пород образовалась илистая почва, которая там, где она не покрыта растительностью, расположилась широкими полосами самых разнообразных ярких цветов. В это время года земля, увлажненная постоянными ливнями, рождает особенно яркую зеленую траву, которая по направлению к низменности постепенно все более бледнеет и под конец совсем исчезает. Удивительно было под 16° широты и на незначительной высоте в 1 500 футов встретить растительность положительно британского характера. Холмы увенчаны неправильно насаженными соснами, а пологие откосы густо усыпаны зарослями дрока, покрытого ярко-желтыми цветами. По берегам ручейков часто растут плакучие ивы, а живые изгороди состоят из черной смородины, приносящей свои хорошо известные ягоды. Если принять в расчет, что теперь на острове встречается 746 растений, и из них только 52 вида туземных, а остальные — ввезенные, и по большей части из Англии, то становится понятным, почему растительность имеет британский характер. Многие из этих английских растений растут здесь, кажется, лучше, чем на своей родине; кроме того, тут замечательно принялись некоторые растения из противоположной части света — Австралии. Многочисленные ввезенные виды должны были подавить кое-какие туземные растения, и действительно в настоящее время туземная флора преобладает только на самых высоких и крутых гребнях.

Английский или, вернее, валлийский характер пейзажа усугубляется многочисленными коттеджами и маленькими белыми домиками: одни притаились на дне глубочайших долин, другие стоят на гребнях высоких холмов. Некоторые виды просто поразительны, например близ дома сэра У. Давтона, откуда над темным пихтовым лесом крутой пик, называемый Лот, виден на фоне красных, разрушенных водой гор южного побережья. Когда осматриваешь остров с какого-нибудь возвышения, прежде всего поражаешься многочисленности дорог и фортов; труд, затраченный на общественные работы, — если отвлечься от того, что остров служит тюрьмой, — никак несоразмерен с величиной и значением этого острова.

Тут так мало ровной или плодородной земли, что кажется удивительным, каким образом находит здесь средства к существованию столько народу — около 5 тысяч человек. Низшие классы, т. е. освобожденные рабы, по-моему, крайне бедны; они жалуются на недостаток работы. В связи с сокращением числа служащих, — из-за того, что Ост-Индская компания отказалась от этого острова и отсюда эмигрировало много богатых людей, — бедность, вероятно, еще более возрастет. Главную пищу трудящегося класса составляет рис с небольшим количеством солонины, а так как ни один из этих продуктов не производится на острове и за них нужно платить деньги, то низкая заработная плата тяжело сказывается на положении бедняков. А теперь, когда народ здесь облагодетельствован свободой и, кажется, высоко ценит это свое право, численность населения будет, вероятно, быстро расти; что же в таком случае станется с маленьким островом св. Елены?

Мой проводник был пожилой человек; еще мальчиком он пас тут коз и знал каждую тропинку среди скал. Он принадлежал к расе, явившейся результатом многократного скрещивания, и хотя кожа у него была смуглая, но на лице не было неприятного выражения, свойственного мулатам. Это был очень вежливый, спокойный старик; по-видимому, такие черты характера свойственны здесь большинству людей из низших классов. Мне странно было слышать, как почти белый, прилично одетый человек равнодушно толкует о тех временах, когда он был рабом. С этим спутником, который нес обед для нас и рог с водой, — что совершенно необходимо, так как вся вода в нижних долинах соленая, — я ежедневно совершал длинные прогулки.

Под верхним зеленым поясом, расположенным в центре острова, лежат дикие долины, пустынные и совершенно необитаемые. Тут раскрывались чрезвычайно интересные для геолога картины, позволяющие проследить последовательные перемены и сложные дислокации. На мой взгляд св. Елена существует в виде острова с очень отдаленной эпохи; впрочем, и поныне сохранились смутные доказательства поднятия суши. Я полагаю, что центральные, самые высокие пики представляют собой части венца огромного кратера, южная половина которого полностью снесена волнами моря; кроме того, здесь имеется еще внешняя стена черных базальтовых пород — подобная прибрежным горам острова Маврикий — еще более древняя, чем центральные вулканические потоки. В верхних частях острова, в почве, попадается значительное количество раковин, которые долго считались принадлежащими к морским видам. Оказалось, что это раковины Cochlogena, наземного моллюска совершенно своеобразной формы; вместе с ними я нашел 6 других видов, а в другом месте еще один, восьмой вид. Замечательно, что ни один из этих видов не находят в настоящее время живым. Их вымирание было вызвано, вероятно, полным разрушением лесов, вследствие чего они лишились пищи и приюта, и произошло это в начале прошлого столетия.

История тех изменений, какие претерпевали возвышенные равнины Лонгвуд [Длинный лес] и Дедвуд [Мертвый лес] и какие изложены генералом Битсоном в его описании острова, крайне любопытна. Обе эти равнины, говорится там, в былые времена были покрыты лесом, и потому их называли Большим лесом. Если в 1716 г. там было много деревьев, то в 1724 г. старые деревья большей частью свалились, а когда козы и свиньи стали свободно бродить по острову, погибли все молодые деревья. Кроме того, из официальных документов явствует, что несколько лет спустя деревья неожиданно сменились жесткой травой, которая распространилась по всей поверхности острова. Генерал Битсон добавляет, что ныне эта равнина «покрыта прекрасной травой и стала лучшим пастбищем на острове». Поверхность, покрытая, вероятно, лесом в былые времена, оценивается не менее чем в 2 000 акров; в наши дни здесь вряд ли найдется хоть одно дерево. Говорят также, что в 1709 г. в бухте Санди было огромное количество сухостоя; теперь это место до того пустынно, что разве только этот вполне достоверный отчет заставляет меня верить, что тут когда-либо могли расти деревья. То обстоятельство, что козы и свиньи губили все молодые деревья, по мере того как те вырастали, а старые деревья, не страдавшие от их нападений, погибли с течением времени от старости, по-видимому, ясно доказано. Козы были ввезены в 1502 г.; 86 лет спустя, во времена Кавендиша, они, как известно, были чрезвычайно

многочисленны. Более чем сто лет спустя, в 1731 г., когда зло уже совершилось и было непоправимо, был издан приказ об уничтожении всех бродячих животных. Весьма любопытно, таким образом, установить, что прибытие на св. Елену животных в 1501 г. полностью изменило вид острова лишь по прошествии 220 лет, ибо козы были ввезены в 1502 г., а в 1724 сообщается, что «старые деревья большей частью свалились». Почти не приходится сомневаться в том, что эта великая смена растительности повлияла не только на наземных моллюсков, вызвав вымирание 8 видов, но также на множество насекомых.

Остров св. Елены, расположенный в стороне от какого бы то ни было материка, посреди великого океана, и обладающий единственной в своем роде флорой, возбуждает наше любопытство. Восемь наземных моллюсков, пусть ныне вымерших, и одна живущая и теперь янтарка (Succinea) — виды особые, больше нигде не встречающиеся. Впрочем, м-р Каминг сообщает мне, что здесь распространена одна английская улитка (Helix), яички которой были, несомненно, ввезены на некоторых из многочисленных растений. М-р Каминг собрал на побережье раковины 16 видов морских моллюсков, из которых 7, насколько мне известно, встречаются только на этом острове. Птицы и насекомые как и можно было ожидать, очень немногочисленны; впрочем, я полагаю, что все птицы были ввезены за последние годы. Куропаток и фазанов довольно много; остров чересчур английский, чтобы там не были введены строгие законы об охоте. Мне рассказывали об одной жертве таких указов, причем несправедливость превосходила все, что я знал о подобных случаях даже в Англии. Прежде бедняки обыкновенно жгли одно растение, растущее на прибрежных скалах, и из пепла извлекали соду; но тут был издан категорический приказ, запрещавший этот промысел под тем предлогом, будто куропаткам негде будет вить гнезда!

Во время прогулок я не раз проходил по той поросшей травой и ограниченной глубокими долинами равнине, на которой стоит Лонгвуд. С небольшого расстояния он похож на усадьбу почтенного джентльмена. Перед ним лежит несколько обработанных полей, за которыми расположен гладкий холм, сложенный окрашенными породами и называемый Флагштоком, и возвышается угловатая, прямоугольная черная громада Варна. В общем вид был несколько мрачный и неинтересный. Единственное неудобство, какое я испытывал во время прогулок, причиняли мне резкие ветры. Однажды я обратил внимание на любопытное обстоятельство: стоя на краю равнины, заканчивающейся большим обрывом, который имеет около 1 000 футов в глубину, я увидал на расстоянии нескольких ярдов, как раз с наветренной стороны, какую-то чайку, боровшуюся с очень сильным ветром, в то время как там, где я стоял, воздух был совершенно спокоен. Подойдя к самому краю, где течение воздуха отклонялось, по-видимому, вверх стеной обрыва, я вытянул руку и тотчас же ощутил всю силу ветра: невидимая преграда шириной в 2 ярда отделяла спокойный воздух от мощного воздушного потока.

Я получил столько удовольствия, бродя среди скал и гор св. Елены, что чуть ли не с сожалением спустился утром 14-го числа в город. Еще до полудня я снова был на борту, и «Бигль» поднял паруса.

19 июля мы достигли острова Вознесения. Те, кто видел вулканический остров, расположенный в области засушливого климата, сразу же представят себе, как выглядит остров Вознесения. Они вообразят себе гладкие конические холмы ярко-красного цвета с вершинами большей частью усеченными, возвышающиеся каждый в отдельности над ровной поверхностью черной несгладившейся лавы. Главный холм в центре острова кажется отцом остальных, меньших конусов. Его называют Зеленым холмом за легчайший оттенок этого цвета, едва уловимый в это время года с якорной стоянки. Черные скалы на берегу, в которые неистово хлещет бурное море, довершают унылую картину.

Поселение расположено у самого берега; оно состоит из нескольких домов и казарм, беспорядочно расставленных, но прочно выстроенных из нетесаного белого камня. Живет здесь одна только морская пехота да несколько негров, освобожденных с невольничьих кораблей и получающих жалованье и пищу от

правительства. На острове нет частных лиц. Многие из морской пехоты были, казалось, вполне довольны своим положением; они полагали за лучшее прослужить свои двадцать один год на берегу, каков бы он ни был, нежели на корабле, и сам я, будь в морской пехоте, с радостью присоединился бы к такому выбору.

На следующее утро я поднялся на Зеленый холм высотой в 2 840 футов, а оттуда пошел поперек острова к его наветренной оконечности. От поселка на берегу к домам, садам и полям, расположенным около вершины центральной горы, ведет хорошая проселочная дорога. По обочине ее поставлены мильные камни и баки, откуда каждый прохожий может удовлетворить свою жажду, напившись хорошей воды. Подобная же заботливость проявляется в каждой подробности хозяйства, и в особенности в содержании источников, так что ни капли воды не пропадает даром; и в самом деле, весь остров можно сравнить с гигантским кораблем, содержащимся в первоклассном порядке. Восхищаясь деятельным трудолюбием, достигшим таких результатов, каких нельзя было ожидать, судя по имевшимся в распоряжении людей средствам, я не мог удержаться от сожаления, что оно растрачено ради столь жалкой и пустой цели. Г-н Лессон справедливо замечает, что только английской нации могло прийти в голову пытаться сделать остров Вознесения плодородным; другой народ воспользовался бы им лишь как крепостью в океане.

Близ этого берега ничего не растет; дальше в глубь острова можно иногда встретить зеленую клещевину да немногочисленных кузнечиков, истинных друзей пустыни. В центральной, возвышенной части по поверхности кое-где разбросана трава, и все вместе очень похоже на худшие места в Уэльских горах. Но как ни скуден на вид подножный корм, около 600 овец, множество коз, несколько коров и лошадей — все отлично живут на нем. Из туземных животных кишат во множестве наземные крабы и крысы. Действительно ли крыса является местным животным, весьма сомнительно; тут водятся, судя по определению м-ра Уотерхауса, две разновидности: одна черного цвета, с нежной блестящей шерсткой, живущая на поросшей травой вершине; у другой шерстка коричневого цвета, не такая блестящая и более длинная, и живет эта крыса около поселения на берегу. Обе разновидности на одну треть меньше обыкновенной черной крысы (Mus rattus) и отличаются от нее как цветом, так и характером шерстки, ничем не отличаясь в прочих существенных отношениях. Я почти не сомневаюсь, что эти крысы (подобно обыкновенной мыши, которая также одичала) были сюда завезены и, как и на Галапагосских островах, изменились под действием новых условий, в которых они оказались; потому-то разновидность, живущая на вершине острова, отличается от той, что обитает на берегу. Туземных птиц здесь нет совсем, но цесарка, ввезенная с островов Зеленого Мыса, встречается в изобилии, да и обыкновенная курица точно так же одичала. Кошки, выпущенные когда-то на волю, чтобы истреблять крыс и мышей, до того расплодились, что сами стали большим бедствием. Остров полностью лишен деревьев, и в этом, как и во всех прочих отношениях, он очень сильно уступает острову св. Елены.

Одна из моих экскурсий привела меня к юго-западной оконечности острова. День стоял безоблачный и жаркий, и остров, не блещущий красотой, предстал передо мной в своей отталкивающей обнаженности. Лавовые потоки покрыты буграми и до того неровны, что явление это было бы трудно объяснить с геологической точки зрения. Промежутки между неровностями покрыты наслоениями, пемзы, пепла и вулканического туфа. Пока мы проходили мимо этой стороны острова на корабле, я не мог догадаться, что за белые пятна испещряли всю равнину; теперь же я увидал, что то были морские птицы, спавшие до того беспечно, что даже среди дня человек мог бы подойти и схватить их. Эти птицы были единственными живыми существами, какие я видел за целый день. У берега, хотя дул только легкий бриз, через изломанные лавовые скалы перекатывался мощный прибой.

Геология этого острова во многих отношениях интересна. В нескольких местах я заметил вулканические бомбы — массы лавы, вылетевшие в воздух в жидком состоянии и потому принявшие шарообразную или грушевидную форму. Не только

их наружная форма, но в некоторых случаях и внутреннее строение весьма любопытным образом указывает на то, что они вращались во время своего полета в воздухе. Внутреннее строение одной такой бомбы весьма точно показано в разрезе, изображенном на прилагаемом рисунке. Центральная часть состоит из крупных ячеек, которые уменьшаются в размере по мере приближения к краю, где находится как бы оболочка снаряда, около У3 дюйма в толщину, из плотного камня; она в свою очередь покрыта наружной коркой из мелкоячеистой лавы. Почти не приходится, я думаю, сомневаться, во-первых, в том, что наружная корка, быстро охладившись, приняла то состояние, в каком мы ее сейчас видим; во-вторых, что все еще жидкая внутри лава уплотнялась возле внешней застывшей корки под действием центробежной силы, создаваемой вращением бомбы, и так образовалась плотная каменная оболочка; наконец, в том, что центробежная сила, понижая давление в частях бомбы, расположенных ближе к центру, позволила горячим парам расширить свои ячейки, отчего в центре образовалась крупноячеистая масса.

Холм, сложенный более древней свитой вулканических пород и долго неправильно считавшийся кратером вулкана, замечателен своей широкой, слегка вогнутой круглой вершиной, заполненной многочисленными последовательными наслоениями пепла и тонких шлаков. Эти блюдцеобразные слои, обнажаясь у края, образуют правильные кольца разнообразных цветов и придают вершине самый фантастический вид; одно из этих колец, белое и широкое, похоже на круг, на котором объезжают лошадей, и потому холм назвали Манежем Дьявола. Я привез с собой образцы одного из этих туфовых наслоений розоватого цвета, и всего удивительнее то, что, как находит профессор Эренберг, он почти целиком состоит из веществ, ранее принадлежавших организмам; Эренберг обнаружил в нем пресноводных инфузорий с кремнистыми раковинками и не менее 25 видов кремнистой растительной ткани, главным образом злаков. Ввиду отсутствия каких бы то ни было углеродистых веществ профессор Эренберг полагает, что эти органические тела прошли через вулканический огонь и были извержены в том состоянии, в каком мы видим их теперь. Внешний вид наслоений наводит меня на мысль, что они отложились под водой, хотя, ввиду крайней сухости климата, мне пришлось предположить, что во время какого-нибудь сильного извержения тут, вероятно, шли ливни и временно образовалось озеро, в которое и падал пепел. Теперь, однако, можно заподозрить, что это озеро не было временным. Но, как бы там ни было, можно быть уверенным, что в какую-то былую эпоху климат и произведения острова Вознесения сильно отличались от нынешних. Да и где на земле найдется такое место, в котором при ближайшем рассмотрении не обнаружились бы признаки бесконечного круга перемен, которые претерпевала, претерпевает и будет претерпевать наша земля?

Покинув остров Вознесения, мы поплыли в Баию, на побережье Бразилии, чтобы завершить наши кругосветные хронометрические измерения. Мы прибыли туда **1 августа** и провели там четыре дня, в течение которых я предпринял несколько длинных прогулок. Я был рад убедиться в том, что мое наслаждение тропическим пейзажем ничуть не уменьшилось с потерей новизны. Элементы этого пейзажа до того просты, что их стоит упомянуть в доказательство того, какими незначительными особенностями определяются изысканные красоты природы.

Местность можно охарактеризовать как гладкую равнину около 300 футов высотой, повсюду изрытую плоскими долинами. Подобное строение замечательно для страны с гранитным основанием, но оно наблюдается почти повсеместно в тех более мягких формациях, из каких обычно сложены равнины. Вся поверхность страны покрыта различными величественными деревьями, между которыми расположены участки обработанной земли, а среди этих участков возвышаются дома, монастыри и церкви. Следует напомнить, что в тропиках буйная пышность природы сохраняется даже поблизости от больших городов, ибо естественная растительность живых изгородей и склонов холмов производит впечатление большей живописности, нежели все то, что может создать искусный труд человека. Поэтому тут немного таких мест, где ярко-красная почва представляет резкий контраст со сплошным зеленым покровом. С края равнины открываются далекие

виды то на океан, то на большой залив с его низменными, лесистыми берегами и белыми парусами многочисленных лодок и челноков. Кроме этих пунктов вид отовсюду крайне ограничен; когда проходишь по ровным тропинкам, лишь изредка промелькнет справа или слева уголок одной из лесистых долин, лежащих внизу. Могу добавить, что дома и особенно храмы выстроены в каком-то своеобразном и довольно фантастическом стиле. Все они выбелены, и когда их освещало яркое полуденное солнце, то на фоне голубого небосклона они казались скорее какими-то призраками, нежели реальными зданиями.

Таковы элементы пейзажа, но безнадежно пытаться описать общее впечатление. Ученые натуралисты описывают эти картины тропиков, называя множество предметов и упоминая некоторые характерные особенности каждого из них. Для ученого путешественника это, возможно, связано с какими-нибудь определенными представлениями; но кто же еще, увидев растение в гербарии, может представить себе, как оно выглядит, произрастая на своей родной почве? Кто, увидев отдельные образцы растений в теплице, сможет вообразить одни из них увеличенными до размеров лесных деревьев, а другие переплетенными в дебрях джунглей? Кто, рассматривая в кабинете энтомолога ярких экзотических бабочек и необыкновенных цикад, свяжет с этими безжизненными объектами непрекращающуюся трескучую музыку последних и ленивый полет первых — обстоятельства, неизменно сопровождающие тихий знойный полдень тропиков? Такие картины нужно созерцать тогда, когда солнце достигает высшей точки: тогда великолепная плотная листва мангового дерева окутывает землю необыкновенно густой тенью, в то время как верхние ветви благодаря обилию света сверкают самой яркой зеленью. В умеренном поясе дело обстоит иначе: растительность там не так темна и не так богата, а потому больше всего красоты предают пейзажам лучи заходящего солнца с их красными, пурпурными и ярко-желтыми оттенками.

Тихо бродя по тенистым тропинкам и любуясь каждым раскрывающимся видом, я стремился найти слова для выражения своих мыслей. Я перебирал один эпитет за другим, но все они оказывались слишком слабыми, чтобы передать тем, кто не бывал в тропических странах, переживаемое мной чувство восторга. Я уже говорил, что по тепличным растениям нельзя составить верного представления о растительности, но должен еще раз вернуться к этому сравнению. Вся страна представляет собой одну сплошную дикую беспорядочную роскошную теплицу, которую создала для себя Природа, но которой завладел человек, усеяв ее приветливыми домами и благоустроенными садами. Как велико было бы желание всякого восторженного любителя природы повидать, если бы это было возможно, пейзаж другой планеты! Но можно в самом деле сказать, что на расстоянии каких-нибудь нескольких градусов от его родной земли перед каждым европейцем раскрываются красоты иного мира. Во время моей последней прогулки я вновь и вновь останавливался, чтобы еще раз вглядеться в эти красоты, и старался навсегда сохранить в памяти те образы, которые, я знаю, со временем рано или поздно должны поблекнуть. Формы апельсинного дерева, кокосовой пальмы, других пальм, мангового дерева, древовидных папоротников, банана в отдельности отчетливо останутся в памяти, но тысячи красот, объединяющих их в одну целостную картину, должны изгладиться; однако и от них останется в сознании, точно сказка, слышанная в детстве, картина, полная смутных, но удивительно прекрасных образов.

6 августа. — После полудня мы вышли в море, намереваясь взять курс прямо к островам Зеленого Мыса. Однако неблагоприятные ветры задержали нас, и 12-го мы вошли в гавань Пернамбуку, большого города на побережье Бразилии, под 8° южной широты. Мы бросили якорь с внешней стороны рифа, но через некоторое время на борт к нам явился лоцман и ввел нас во внутреннюю гавань, где мы остановились у самого города.

Пернамбуку выстроен на узких и низких песчаных берегах, разделенных мелкими солоноводными каналами. Три части города соединяются между собой двумя длинными мостами, построенными на деревянных сваях. Все части города

одинаково отвратительны; улицы узкие, плохо мощеные и грязные, дома высокие и мрачные. Период сильных дождей еще не совсем окончился, отчего вся окрестность, почти не поднимающаяся над уровнем моря, была затоплена водой, и мне ни разу не удалось совершить длинной прогулки.

Плоская болотистая местность, на которой стоит Пернамбуку, окружена на расстоянии нескольких миль полукругом низких холмов или, вернее, обрывистым краем местности, возвышающейся, быть может, на 200 футов над уровнем моря. Старый город Олинда стоит на одном конце этой цепи. Однажды я взял челнок и поехал туда вверх по одному из каналов; я убедился, что старый город вследствие своего расположения и приятнее, и чище, чем Пернамбуку. Я должен здесь отметить одно обстоятельство, случившееся в первый раз за все время нашего почти пятилетнего странствования, а именно — я натолкнулся на нелюбезное отношение: в двух домах мне сердито отказали, и только в третьем я с трудом получил разрешение пройти через сад к одному невозделанному холму, чтобы окинуть взглядом местность. Я рад, что это произошло на земле бразильцев, ибо я не питаю к ним добрых чувств: это вместе с тем земля рабства и, следовательно, нравственного унижения. Испанец устыдился бы самой мысли об отказе в подобной просьбе или о грубом обращении с чужеземцем. Канал, по которому мы ехали в Олинду и возвращались обратно, был окаймлен с обеих сторон мангровыми деревьями, которые, точно миниатюрный лес, поднимались из жирных илистых берегов. Ярко-зеленая окраска этих кустарников всегда напоминала мне буйную траву на кладбище: и кладбищенская трава, и мангровые питаются гнилостными испарениями, но первая говорит о смерти минувшей, а последние слишком часто предвещают ее.

Самым любопытным из того, что я повидал в этих местах, был риф, образующий гавань. Я не думаю, чтобы в целом мире нашлось другое естественное сооружение, производящее впечатление такой искусственности. Он тянется на несколько миль по совершенно прямой линии, недалеко от берега и параллельно ему. Ширина его колеблется от 30 до 60 ярдов, поверхность ровная и гладкая; он сложен твердым песчаником с неясно выраженной слоистостью. Во время прилива волны перекатываются через него, а при отливе верхняя часть его остается сухой, и риф можно принять за волнорез, воздвигнутый циклопическими строителями. На этом побережье морские течения обнаруживают тенденцию наносить и откладывать перед берегами длинные косы и отмели рыхлого песка; на такой отмели стоит часть города Пернамбуку. В былые времена одна из таких длинных кос оказалась консолидированной, пропитавшись известковыми веществами, а затем постепенно поднялась; наружные рыхлые части во время этого процесса были смыты морем, а цельное ядро сохранилось, и его-то мы и видим теперь. Хотя на крутые внешние края этой каменной стены день и ночь бросает свои мутные от осадков волны открытый Атлантический океан, но даже самым старым лоцманам неизвестны никакие предания о том, чтобы риф менял свой вид. Эта долговечность — в высшей степени замечательный факт его истории; она обусловлена наличием плотного, в несколько дюймов толщиной, слоя известковых веществ, целиком образованного в результате последовательного нарастания и отмирания маленьких моллюсков Serpula, а также некоторого количества морских уточек и нуллипор. Эти нуллипоры, твердые, очень просто организованные морские растения, играют аналогичную и весьма важную роль в защите верхней поверхности коралловых рифов, лежащей в бурунах и позади них, там, где настоящие кораллы во время роста массива наружу гибнут под действием солнца и воздуха. Эти ничтожные органические существа, особенно Serpula, оказывают величайшую услугу жителям Пернамбуку: без их защиты песчаниковая отмель уже давно была бы неизбежно размыта, а без отмели не было бы гавани.

19 августа мы окончательно покинули берега Бразилии. Слава богу, мне никогда больше не придется бывать в этой стране рабства. И по сегодняшний день, если я слышу отдаленный вопль, он с мучительной живостью напоминает мне те чувства, какие я испытал, когда, проходя мимо одного дома в Пернамбуку, слышал жалобные стоны, и мне только и оставалось думать, что там пытают какого-нибудь несчастного раба; но при этом я сознавал, что беспомощен, как дитя, и не в

состоянии даже протестовать. Я подозревал, что то были стоны истязуемого раба, ибо в другом подобном случае я знал, что это было именно так. Под Рио-де-Жанейро я жил напротив одной старой дамы, которая держала у себя в доме тиски, чтобы давить ими пальцы своих невольниц. Я останавливался в одном доме, где молодого слугу-мулата ежедневно и ежечасно так ругали, били и мучили, что это привело бы в отчаяние и самое терпеливое животное. Я видел, как маленького мальчика, лет шести или семи, трижды ударили хлыстом (прежде чем я успел вмешаться) по обнаженной голове за то, что он подал мне воду в не совсем чистом стакане; я видел, как отец его весь дрожал от одного только взгляда своего хозяина. Все эти жестокости я наблюдал в испанской колонии, а испанцы, по общему мнению, обращаются с рабами лучше, чем португальцы, англичане и другие европейцы. В Рио-де-Жанейро я видел негра, который боялся отвести удар, направленный, как он полагал, ему в лицо. При мне один добросердечный человек собирался разлучить навсегда мужчин, женщин и малых детей многих семейств, проживших вместе долгие годы. Я не стану даже упоминать о многих удручающих жестокостях, о которых слышал из достоверных источников; я не упомянул бы даже приведенных выше возмутительных подробностей, если бы не встречал людей, которые до того ослеплены природной веселостью негров, что готовы считать рабство злом терпимым. Такие люди посещают по большей части дома высших классов общества, где с рабами, исполняющими обязанности домашней прислуги, обычно обращаются хорошо; но они не жили, как жил я, среди низших классов. Подобные расследователи, пожалуй, расспросят самих рабов об их положении; они забывают, что раб должен быть уж вовсе туп, если не учтет возможности того, что ответ его достигнет ушей хозяина.

Утверждают, что собственная выгода рабовладельца предотвращает чрезмерную жестокость — как будто собственная выгода хозяев защищает наших домашних животных, которые способны возбуждать ярость своих свирепых владельцев в гораздо меньшей степени, нежели деморализованные рабы. Этот довод и вызвал благородный протест знаменитого Гумбольдта, который привел разительные примеры. Часто пытаются извинить рабство, сравнивая положение рабов с положением наших неимущих сограждан; если страдания наших бедняков вызываются не законами природы, а нашими учреждениями, то великий грех и на нас; но я не вижу, какое это имеет отношение к рабству; на тех же основаниях можно было бы защищать употребление тисков для зажимания пальцев в одной стране, доказывая, что в другой стране люди страдают от какой-то страшной болезни. Те, кто участливо относятся к рабовладельцу и равнодушно — к рабу, никогда не ставят себя, по-видимому, в положение последнего; какая унылая перспектива, нет даже надежды на перемену! Представьте себе, что над вами вечно висит опасность того, что жену вашу и ваших маленьких детей — существа, которые Природа даже раба побуждает назвать своей собственностью, — оторвут от вас и продадут подобно скоту первому, кто подороже заплатит за них! А ведь такие дела совершают и оправдывают люди, которые исповедуют «люби ближнего, как самого себя», которые верят в бога и молятся о том, чтобы его воля была исполнена на земле! Кровь закипает в жилах, и сердце сжимается при мысли о том, какая огромная вина за это — ив прошлом и в настоящее время — лежит на нас, англичанах, и потомках наших, американцах, с их хвастливыми криками о свободе; но меня утешает мысль, что мы в конце концов принесли большую жертву, чем какая бы то ни была другая нация, чтобы искупить свой грех.

В последний день августа мы во второй раз бросили якорь в Порто-Прае на архипелаге Зеленого Мыса; оттуда мы направились на Азорские острова, где задержались на шесть дней. **2 октября** мы достигли берегов Англии, и в Фалмуте я покинул «Бигль», добрый кораблик, на борту которого я прожил почти пять лет.

Наше путешествие пришло к концу, и я хочу сделать краткий обзор тех выгод и невыгод, горестей и радостей, какие были связаны с нашим кругосветным плаванием. Если кто-нибудь, перед тем как предпринять долгое путешествие, спросит моего совета, то ответ мой будет зависеть от того, имеет ли этот человек определившуюся склонность к какой-нибудь отрасли знаний, которая могла бы таким образом получить дальнейшее развитие. Несомненно, испытываешь

глубокое удовлетворение, созерцая разные страны и расы рода человеческого, но удовольствие, доставляемое этим созерцанием, не уравновешивает неприятностей. Необходимо при этом рассчитывать на жатву в будущем, каким бы отдаленным оно ни было, — когда созревшие плоды принесут свою пользу.

Некоторые лишения из тех, какие придется испытать, очевидны; так, например, лишаешься общества всех старых друзей и не видишь тех мест, с которыми так тесно связаны дорогие воспоминания. Впрочем, лишения эти со временем отчасти облегчаются неисчерпаемой радостью предвкушения долгожданного дня возвращения. Если, как говорят поэты, жизнь — это сон, то такого рода сновидения, я уверен, лучше всего сокращают долгую ночь путешествия. Другие лишения, сначала неощутимые, тяжело сказываются лишь через некоторое время: это недостаток помещения, уединения, покоя, мучительное чувство постоянной спешки, отсутствие мелких удобств, общества домашних, даже музыки и других эстетических наслаждений. Когда я упоминаю уже о таких мелочах, то ясно, что действительным неприятностям, причиняемым морской жизнью, теперь положен конец. За короткий промежуток в 60 лет произошли разительные перемены в удобствах дальнего плавания. Еще во времена Кука человек, покидая свой домашний очаг и пускаясь в такие экспедиции, подвергался жестоким лишениям. Ныне же можно объехать вокруг света на яхте, пользуясь всяческой роскошью. Помимо громадного улучшения самих кораблей и способов мореплавания теперь доступно все западное побережье Америки, а английские колонии в Австралии стали центром начинающего развиваться континента. Как отличаются условия, в которые попадает человек, потерпевший кораблекрушение в Тихом океане, в наши дни, от тех, в какие он попал бы во времена Кука! Со времени его плавания цивилизованный мир вырос на целое полушарие!

Если кто сильно страдает от морской болезни, то должен серьезно учесть это обстоятельство. Я говорю на основании собственного опыта: это не пустячное недомогание, излечиваемое в какую-нибудь неделю. Если же кто, наоборот, находит удовольствие в морском плавании, то получит его в полной мере. Не надо, однако, забывать, как велико при длительном путешествии время, которое приходится проводить на воде, по сравнению с днями пребывания в гавани. А что представляют собой хваленые красоты безбрежного океана? Утомительная пустыня, водная пустыня, как называют море арабы. Конечно, тут бывают и прекрасные картины: лунная ночь, чистые небеса, темное поблескивающее море и белые паруса, наполняемые мягким дуновением нежного пассата; мертвая тишь, вздымающаяся поверхность сверкает, как зеркало, и все тихо, лишь изредка хлопнет парус. Хорошо один раз увидать шквал, когда дугой поднимается вал и нарастает ярость, или сильный шторм и вздымающиеся горами волны. Должен сознаться, впрочем, что мое воображение рисовало мне настоящий шторм чем-то более грандиозным, более ужасным. На берегу это зрелище несравненно более прекрасное: качающиеся деревья, вольный полет птиц, густые тени и яркие вспышки, стремительные потоки дождя — все говорит о борьбе разбушевавшихся стихий. В море же альбатрос и маленький буревестник летают так, словно буря их родная стихия, вода вздымается и опускается, точно выполняя свою обычную работу, и, кажется, гнев стихий направлен только против корабля и его обитателей. На заброшенном привычном к непогоде берегу картина действительно иная, но она внушает скорее чувство ужаса, нежели неистового восторга.

Бросим теперь взгляд на светлую сторону пережитого. Созерцание пейзажа и общего вида разных стран, которые мы посещали, безусловно, было постоянным источником самого высокого наслаждения. Вероятно, живописность многих мест в Европе превосходит все то, что мы видели, но тем большее удовольствие доставляет мне сравнение характера пейзажа различных стран, а это до известной степени отличается от простого восхищения его красотой. Удовольствие это определяется главным образом знакомством с отдельными деталями каждого пейзажа; я сильно склонен думать, что как в музыке человек, понимающий каждую ноту, получит — если только у него и хороший вкус — более полное наслаждение от целого, так и тот, кто обращает внимание на каждую деталь прекрасного вида, может во всей полноте воспринять впечатление, производимое

сочетанием этих деталей в одном целом. Поэтому путешественник должен быть ботаником, ибо во всяком пейзаже растения составляют главное его украшение. Нагромоздите массу голых скал, пусть в самых причудливых формах, и на время они, может быть, представят величественное зрелище, но вскоре покажутся однообразными. Раскрасьте их в различные яркие цвета, как в северном Чили, и они примут фантастический вид; оденьте их растительностью, и они непременно составят картину красивую, если не прекрасную.

Говоря о том, что пейзаж кое-где в Европе, вероятно, превосходит все, что мы видели, я исключаю как совершенно особый тип пейзажи тропического пояса. Эти два типа несравнимы между собой; но я уже и так не раз распространялся о великолепии тропических стран. Так как сила впечатлений обыкновенно зависит от ранее создавшихся представлений, то могу прибавить, что свои представления я почерпнул из живых описаний Гумбольдта в «Personal Narrative», которые своими достоинствами намного превосходят все, что я когда-либо читал о тропиках. Но, даже ожидая на основании этих впечатлений чего-то самого необыкновенного, я нисколько не разочаровался в том, что увидел как в первую, так и в последнюю мою высадку на берегах Бразилии.

Среди картин, оставивших глубокий след в моей памяти, ни одна не превосходит величественного вида первобытных лесов, не тронутых рукой человека, будь то леса Бразилии, где царят силы Жизни, или Огненной Земли, где господствуют Смерть и Разрушение. Все это храмы, наполненные разнообразными произведениями творца Природы; в этом уединении нельзя оставаться равнодушным и не чувствовать в человеке чего-то большего, нежели одно только его телесное существование. Вызывая в памяти образы прошлого, я вижу, что у меня перед глазами часто мелькают равнины Патагонии; между тем все объявляют эти равнины жалкими и бесполезными. Описать их можно, только перечисляя отрицательные признаки: ни жилья, ни воды, ни деревьев, ни гор, и только немногочисленные карликовые растения. Почему же в таком случае эти безводные пустыни так прочно утвердились у меня в памяти? Да и не только у меня одного. Почему не произвели на меня такого же впечатления еще более ровные, более зеленые и плодородные пампасы, полезные человеку? Я затрудняюсь разобраться в этих ощущениях, но, должно быть, это происходит оттого, что равнины Патагонии дают полный простор воображению. Они бескрайни, ибо с трудом проходимы, а потому не исследованы; судя по их виду, они пребывают уже долгие века в том состоянии, в каком находятся ныне, и не видно конца такому состоянию в будущем. Если бы, как полагали древние, плоская земля была окружена безграничным водным простором или раскаленными до невыносимой жары пустынями, то кто, глядя на эти последние границы человеческого знания, не был бы охвачен глубокими, хотя и неопределенными, чувствами?

Наконец, из картин природы очень памятны виды, открывающиеся с высоких гор, хотя эти виды в известном смысле никак нельзя назвать красивыми. Когда я смотрел вниз с высочайшего гребня Кордильер, мелкие подробности не отвлекали, и меня переполняло сознание грандиозных размеров окружающих громад.

Из отдельных предметов, быть может, ничто не порождает такого изумления, как первая встреча с дикарем в его родной обстановке — встреча с человеком на самой низкой, самой варварской ступени его развития. Спешишь перенестись мыслью в глубь прошедших веков и вопрошаешь себя: неужели и наши прародичи были похожи на этих людей? — людей, у которых самые жесты и выражения лиц менее понятны нам, чем у домашних животных, людей, которые не обладают инстинктом этих животных и вместе с тем не могут, видимо, похвастать ни человеческим разумом, ни даже какими-нибудь навыками, обязанными своим происхождением разуму. Мне не верится, чтобы возможно было описать или изобразить различие между дикарем и цивилизованным человеком. Это то же самое, что разница между диким и прирученным животным, и наблюдать дикаря столь же интересно, как каждому интересно увидеть льва в его пустыне, тигра, терзающего свою добычу в джунглях, или носорога, бродящего по диким равнинам Африки.

Среди других замечательнейших зрелищ, какие мы наблюдали, можно отметить

Южный Крест, Магеллановы Облака и другие созвездия южного полушария; водяной смерч; ледники, опускающиеся голубыми потоками льда и нависающие крутым обрывом над морем; лагунный остров, возведенный рифообразующими кораллами; действующий вулкан; губительные последствия сильного землетрясения. Эти последние явления были мне, быть может, особенно интересны ввиду их тесной связи с геологическим строением земли. Впрочем, землетрясение на всех должно производить чрезвычайно сильное впечатление: земля, на которую мы с раннего детства смотрели как на символ незыблемости, колеблется у нас под ногами, как тонкая корка, а глядя, как в один миг рушатся плоды трудов человека, мы чувствуем все ничтожество его хваленого могущества.

Говорят, что охота есть врожденное человеческое удовольствие — остаток инстинктивной страсти. Если это так, то, я уверен, и наслаждение жить на открытом воздухе, довольствуясь небом вместо крыши и землей вместо стола, — часть того же чувства, чувства дикаря, вернувшегося к своим первобытным нравам. Я неизменно с особенным удовольствием вспоминаю наши плавания на шлюпках и мои сухопутные поездки по неизведанным странам; такого восторга во мне не могли бы вызвать никакие картины цивилизованного мира. Я не сомневаюсь, что каждый путешественник должен помнить то яркое ощущение счастья, какое он испытал, впервые вдохнув в себя воздух чужой страны, где прежде редко бывал, а то и не ступал вовсе цивилизованный человек.

В долгом путешествии есть еще некоторые другие источники наслаждения, более рационального характера. Карта мира перестает быть просто исчерченным листом бумаги, она становится картиной, полной самых разнообразных и живых образов. Каждая часть ее принимает свои настоящие размеры: материки уже не представляются островами, а острова уже не рассматриваешь как какие-то пятнышки, ибо некоторые из них в действительности больше многих европейских королевств. Африка или Северная и Южная Америка — благозвучные, легко произносимые названия; но только плавая целые недели вдоль какой-нибудь небольшой части их побережий, полностью осознаешь, какие необъятные пространства нашего гигантского мира обозначают эти названия.

Исходя из того современного состояния почти целого полушария, какое мы наблюдали, невозможно не возлагать твердых надежд на его будущий прогресс. Успехи, последовавшие за введением христианства во всех странах, расположенных в южных морях, представляют собой, вероятно, единственный в своем роде факт в летописях истории. Они покажутся еще более поразительными, если вспомнить, что всего 60 лет назад Кук, чьей замечательной способности к суждению никто не станет оспаривать, не видел никаких надежд на перемены. Однако эти перемены ныне осуществились благодаря филантропическому духу британской нации.

В той же части земного шара Австралия вырастает, или, впрочем, можно сказать, уже выросла, в великий центр цивилизации, который в весьма недалеком будущем будет царить в южном полушарии. Англичанину невозможно взирать на эти дальние колонии без глубокой гордости и удовлетворения. Кажется, стоит водрузить британский флаг, и он как будто приводит за собой богатство, процветание и цивилизацию.

В заключение замечу, что на мой взгляд для молодого натуралиста не может быть ничего лучше путешествия в дальние страны. Оно одновременно и обостряет, и отчасти успокаивает ту потребность и жажду, которые, как замечает сэр Дж. Гершель, испытывает человек даже тогда, когда во всех своих физических потребностях он полностью удовлетворен. Возбуждение, вызываемое в нем невиданными предметами, и возможность успеха побуждают его к более энергичной деятельности. Кроме того, так как ряд не связанных между собой фактов вскоре становится неинтересным, привычка к сравнению ведет к обобщениям. Но с другой стороны, оставаясь в каждом месте лишь ненадолго, путешественник ограничивается обычно описанием только беглых впечатлений, а не подробных наблюдений. Отсюда и происходит, как я убедился на собственном опыте, постоянное стремление заполнить обширные пробелы наших знаний

неточными и поверхностными гипотезами.

Путешествие, однако, доставило мне слишком глубокое наслаждение, чтобы я не посоветовал каждому натуралисту — хотя он не должен рассчитывать, что и ему посчастливится иметь таких же хороших спутников, каких имел я, — использовать все возможности и отправиться в путешествие по суше, если это возможно, а не то пуститься и в дальнее плавание. Он может быть уверен, что не встретит трудностей или опасностей — разве что в редких случаях, — сколько-нибудь похожих на те, каких он заранее ожидает. С нравственной точки зрения, путешествие научит его добродушному терпению, поможет освободиться от эгоизма, приобрести привычку к самообслуживанию и приучит наилучшим образом использовать каждый представляющийся случай. Короче говоря, он приобретет качества, свойственные большинству моряков. Путешествие также научит его недоверию; но в то же время он узнает, как много есть поистине добросердечных людей, с которыми у него никогда раньше не было никаких отношений, да и не будет впредь, но которые готовы оказать ему самую бескорыстную помощь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава I. Сантьягу в архипелаге Зеленого Мыса (Баия в Бразилии)

Глава II. Рио-де-Жанейро

Глава III. Мальдонадо

Глава IV. От Рио-Негро до Баия-Бланки

Глава V. Баия-Бланка

Глава VI. От Баия-Бланки до Буэнос-Айреса

Глава VII. От Буэнос-Айреса до Санта-Фе

Глава VIII. Банда-Орьенталь и Патагония

Глава IX. Санта-Крус в Патагонии и Фолклендские острова

Глава X. Огненная Земля

Глава XI. Магелланов пролив. Климат южных берегов

Глава XII. Среднее Чили

Глава XIII. Чилоэ и острова Чонос

Глава XIV. Чилоэ и Консепсьон. Сильное землетрясение

Глава XV. Переход через Кордильеры

Глава XVI. Северное Чили и Перу

Глава XVII. Галапагосский архипелаг

Глава XVIII. Таити и Новая Зеландия

Глава XIX. Австралия

Глава XX. Остров Килинг. Коралловые образования

Глава XXI. От Маврикия до Англии